

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
МИНИСТЕРСТВО СПОРТА, ТУРИЗМА И МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ
ЮЖНО-УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Т.Н.ТРЕТЬЯКОВА

**КРАЕВЕДЕНИЕ
В РЕГИОНАЛЬНОМ ТУРИЗМЕ**

**Учебное пособие
Часть 1**

Челябинск

2010

ББК 26.891я73
УДК 913 (075.8)
Т 66

Третьякова Т. Н. Краеведение в региональном туризме: Учебное пособие. – Челябинск: ФГОУ ВПО УралГУФК, 2010. – 520 с.

Пособие адресовано студентам туристских специальностей. В пособии рассматриваются вопросы краеведения как вида деятельности для целей туризма. Пособие состоит из двух частей, включающих четыре основных раздела: теоретические основы краеведения, региональное краеведение, величие уральских династий, специфика туристского региона. Первая часть пособия содержит два первых раздела, вторая часть – третий и четвертый разделы.

Раздел теоретических основ содержит сведения об основных видах краеведческой деятельности – функциях краеведения, основных этапах краеведческой работы, формах и методах изучения края, источниках краеведения, объектах, направлениях краеведческой работы и специфике туристского краеведения.

Раздел регионального краеведения посвящен вопросам уральского краеведения: историографии истории Урала, населению и самобытности культуры народов Урала, мифологии, топонимики. В нем приводятся основные сведения о культуре древнейшей цивилизации, конфессиональном мире региона, культуре народного жилища, искусстве, архитектуре и литературе региона, архивном деле и статистике.

В третьем разделе приводятся сведения о связи Урала и ряда династий, определяющих специфику регионального туризма: Романовы, Строгановы, Демидовы, становление Уральская горнозаводской цивилизации, роль купечества в социально-экономическом развитии региона.

В четвертом разделе рассматриваются вопросы науки и техники, приводится характеристика краеведческих музеев, история развития туризма в Челябинской области.

Пособие рекомендовано преподавателям вузов и колледжей, руководителям курсов и учебных комплексов, обучающих студентам туристских специальностей.

Пособие может быть адресовано широкому кругу читателей, интересующихся историей и культурой Урала, как российского региона, отражающего основные черты его развития и становления для туристских целей, позиционирующее определенный туристский имидж Урала.

Отпечатано с авторского оригинала.

Ил. 2

Список лит. – 74 назв.

Одобрено учебно-методической комиссией УралГУФК и факультета сервиса и туризма ЮУрГУ

Рецензенты:

Гулиев Н.А., д.п.н., профессор, зав.кафедрой социально-культурного сервиса и туризма Омского государственного института сервиса

Тарханова Н.П., к.г.н., доцент кафедры туризма ЮУрГУ

© Третьякова Т.Н., 2010

© УралГУФК, 2010

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	7
Раздел 1. Теоретические основы краеведения	9
Глава 1. Краеведение как наука и вид деятельности	9
1.1. Краеведение как наука	9
1.2. История краеведения в России	11
1.3. Функции краеведения	14
1.4. Формы изучения края	16
1.5. Этапы и методы изучения края	17
1.6. Роль краеведения в жизни общества	16
Глава 2. Направления и объекты краеведения	25
2.1. Историческое краеведение	25
2.2. Природно-географическое краеведение	30
2.3. Население и экономика как объекты краеведческой деятельности	33
2.4. Искусствоведческое краеведение как объект краеведческой деятельности	36
2.5. Этнографическое краеведение и народное художественное творчество	40
Глава 3. Источники краеведения	40
3.1. Краеведческая библиография	40
3.2. Произведения печати	44
3.3. Статистические данные	46
3.4. Картографические источники	47
3.5. Архивные материалы	49
3.6. Устное народное творчество	52
3.7. Наблюдение объектов и процессов природы	52
3.8. Памятники материальной культуры	53
Глава 4. Туристское краеведение	55
4.1. Место краеведения и туристской деятельности	55
4.2. Методика сбора источников и краеведческих материалов в различных экскурсиях	66
4.3. Деятельность краеведческих музеев	69
4.4. Топонимика как источник изучения истории родного края	75
4.5. Использование краеведческих материалов в туристской деятельности	75

Раздел 2. Региональное краеведение.....	77
Глава 5. Историография истории Урала.....	77
5.1. Первые источники об Урале.....	77
5.2. Изучение Урала в XIX веке.....	78
5.3. Изучение Урала в XX веке.....	80
Глава 6. История формирования Урала.....	90
6.1. Урал как особый регион России.....	90
6.2. Этапы формирования уральского региона.....	98
6.3. Рифейские горы.....	101
6.4. Картография Урала: исторический аспект.....	109
6.5. Репрессии как специфический период в истории региона	120
Глава 7. Население Урала.....	123
7.1 Заселение Урала.....	123
7.2. Население Урала.....	131
7. 3. Основные понятия народоведения.....	135
7.4. Понятие этнического индивида и проблема этнического субстрата.....	145
7.5. Классификация этнических общностей.....	157
7.6. Уральская раса.....	174
7.7. Уральская языковая семья.....	176
Глава 8. Самобытность народов Урала.....	184
8.1. Коренные народы Урала.....	184
8.2. Культура народов Урала.....	203
8.3. Заселение Урала русскими.....	209
8.4. Начало заселения южного Урала русскими.....	217
8.5. Другие народы региона.....	222
Глава 9. Мифология и легенды Урала.....	259
9.1. Мифология народов Урала.....	259
9.2. Легенды об Урале.....	263
9.3. «Чудская» мифология.....	265
9.4. Легендарная биармия Урала.....	267
Глава 10. Топонимика как память языка и истории региона.....	270
10.1. Многослойность уральской топонимики.....	270
10.2. Топонимика Челябинской области.....	277

Глава 11. Культура древнейшей цивилизации на Урале.....	279
11.1. Древние образы священных скал (писаницы).....	279
11.2 Пещеры Урала как носители древней культуры.....	289
11.3. Мавзолей Кесене.....	298
11.4. «Страна городов»	303
11.5. Аркаим.....	306
11.6. Открытия последних лет.....	310
Глава 12. Культура народного жилища.....	327
12.1. Уральская домовая роспись.....	327
12.2. Возникновение и распространение уральской народной росписи.....	329
12.3. Роспись интерьера и предметов быта.....	333
12.4. Особенности красильного промысла в уральских регионах.....	338
12.5. Этнографические музеи региона.....	342
Глава 13. Конфессиональный мир региона.....	347
13.1 Религии Урала.....	347
13.2 Храмы региона.....	357
Глава 14. Архитектура Урала.....	377
14.1. История архитектуры.....	377
14.2. Архитекторы и зодчие Урала.....	381
14.3. Градостроительство.....	384
14.4. Гражданская архитектура.....	388
14.4. Промышленная архитектура.....	393
Глава 15. Искусство Урала.....	397
15.1. Основные этапы становления регионального искусства... ..	397
15.2. Сергей Павлович Дягилев – великий русский импрессио.....	406
15.3. П.И.Чайковский и Урал.....	417
Глава 16. Литература Урала.....	428
16.1 Русская литература.....	428
16.2. Башкирская литература.....	432
16.3 Удмуртская литература.....	434
16.4. Ханты-мансийская литература.....	436
16.5. Павел Петрович Бажов.....	437
16.6. Борис Александрович Ручьёв.....	442

16.7. Людмила Константиновна Татьяничева.....	457
16.8. Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк.....	467
Глава 17. Архивное дело на Урале.....	472
17.1. История развития архивного дела в регионе.....	472
17.2. Развитие архивного дела в XX веке.....	474
17.3. Хроника заседаний ЗНМС Урала.....	483
17.4. История архивного дела Челябинской области	495
Глава 18. Статистика Урала.....	500
18.1. Статистика в Челябинской области.....	500
18.2. Из истории Курганской статистики.....	503
18.3. Статистика Пермского края.....	506
18.4. Статистика переписи населения.....	509
Приложение	
Словарь терминов и понятий.....	519

ВВЕДЕНИЕ

Термин «краеведение» закрепился в русском языке лишь в начале XX в., но о краеведной (или краеведческой) деятельности можно говорить, характеризуя и более раннее время. В XIX в. разрабатывались уже школьные учебные программы «родиноведения» (или «отчизноведения»), Краеведению было отведено заметное место и в концепции «народного воспитания» К. Ушинского.

Ныне под краеведением понимают сферу научной, культурно-просветительской и памятнико-охранительной деятельности определенной тематики: прошлое и настоящее какого-либо «края», а также сферу общественной деятельности той же направленности, к которой причастны не только ученые-специалисты, но и широкий круг лиц, преимущественно местных жителей. Именно краеведение более всего подпитывает регионоведение (регионоведение или регионалистику).

Регионоведение – это сфера междисциплинарной научной деятельности, комплекс более широких (и в то же время менее конкретизированных) знаний, чем краеведение, сосредоточенное преимущественно на местных достопамятностях. В краеведении преобладает интерес к наследию – историко-культурному и природному; регионоведение же обязательно включает познание современного состояния региона, освоение данных и политологии, и экономической географии. Термином «регион» чаще всего обозначают часть территории (и обычно немалую), отличающуюся от других совокупностью устойчивых естественно-географических, социоэкономических, исторических (и историко-культурных) особенностей.

Регионоведение – это сфера прежде всего научных знаний, овладение которыми требует специальной подготовки. Краеведение же в наши дни (конечно, опирающееся на научную основу) – все-таки знание массово-доступное. Оно отражает ощущения интереса и любви к своему краю – его природе, привычным особенностям местной повседневности, историко-культурному наследию. Вкус к краеведению в большей мере формируется не разумом, а душой, сердечной привязанностью. И оттого оно сплачивает и родственников разных поколений, соседей, учреждения и общественные объединения. То, что со второй половины XX в. определяют термином «менталитет» (или «ментальность»), т.е. мировосприятие личности как представителя определенной общественной группы, имеет непосредственное отношение и к краеведным представлениям. Краеведение как форма идеологического и даже политического сознания может иметь и разную фактологическую наполненность, и разную общественно-политическую

направленность – от либерально-демократической до узкошовинистической или ксенофобской.

Процесс познания начинается с того, что более доступно пониманию, с наблюдений над тем, что ближе, виднее, осязаемее. Тем самым изначальные представления и о природе, и об обществе, и об их развитии и взаимосвязи возникают из собственно краеведных представлений. Потому-то краеведные знания – в основе первичного воспитания, обучения и выработки понятий о важности опыта прошлого, в фундаменте исторической памяти. Это – и школа первичной методики мышления, формирования понятий об общем и особенном, а также о приемах анализа и синтеза, комплексности знаний, а затем и о междисциплинарных научных связях.

Краеведение является одной из форм организации туристской деятельности. Сам по себе предмет не является чем-то новым, ранее неизвестным. Краеведение для целей туризма основано на изучении истории, культуры края, региона, исходя из его географического положения, территориально-региональных условий формирования и развития, а также на исследовании ресурсов края для целей туризма.

С этих позиций важно не просто знать историко-культурные особенности региона, объекты историко-культурного наследия, как объекты туризма, но и теоретически быть готовым к изучению края. В связи с этим весьма актуальным является понимание краеведения как вида деятельности; изучение направлений и объектов краеведения. Источниками изучения края являются библиография, произведения печати, статистические данные, картографические источники, архивные материалы, произведения устного народного творчества, наблюдение объектов и процессов природы, памятники природы и материальной культуры, в основе изучения которых лежат конкретные требования методической работы.

Краеведение играет большую роль для развития туризма, в деятельности краеведческих музеев, использования туристско-рекреационных ресурсов региона.

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КРАЕВЕДЕНИЯ

ГЛАВА 1. КРАЕВЕДЕНИЕ КАК НАУКА И ВИД ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В развитии туризма все большее значение приобретает краеведение, выполняющее ряд функций для целей туризма: теоретическую, методическую, исследовательскую, обучающую и воспитывающую, документирующую и организационную.

Одной из задач самодеятельного, оздоровительного и познавательного туризма определяют изучение края. Основными формами изучения края являются: туристско-рекреационная, экскурсионная, лекционная, архивная, музейная.

Изучение края основано на поиске и изготовлении крупномасштабной карты, поиске и изучении архивных материалов, организации и проведении научных экспедиций, обработки и обобщении собранных материалов.

1.1. КРАЕВЕДЕНИЕ КАК НАУКА

Краеведение как народное знание о родных местах зародилось давно. В конце XVIII в. наметилась тенденция изучения края в научном и историческом аспектах.

Научное краеведение, направленное на всестороннее изучение территорий страны, было расширено и углублено развитием науки. Краеведческие исследования начали вести многие университеты, отделения, филиалы научных обществ. Значительно активизировались исследования в экономике, статистике, этнографии, физической и экономической географии. С этими исследованиями тесно связаны имена П. П. Семенова-Тян-Шанского, Н. П. Никитина и других русских ученых.

Характер краеведческой работы изменился после революции. Краеведческие организации становились более массовыми, в их работе принимали участие рабочие, крестьяне, молодежь. Краеведческую деятельность в стране возглавляло Центральное бюро краеведения при Академии наук СССР.

В 1946 г. руководство краеведением было поручено Комитету культурно-просветительных учреждений. В 1947 г. создано Московское областное общество краеведения.

ОСНОВНЫЕ ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ФОРМЫ краеведческой работы можно было классифицировать как:

- государственная;
- общественная (добровольная);

- школьная.

Основными центрами сосредоточения краеведческой работы являлись:

- краеведческие музеи с тематическими экспозициями, основу которых составляли коллекции, характеризовавшие природу, историю, хозяйство, культуру и быт населения края; краеведческие музеи обычно являлись научно-методическими центрами краеведческой работы, вокруг которых собирался актив местных краеведов;
- добровольные региональные краеведческие научные общества и самостоятельные краеведческие кружки при клубах и Дворцах культуры;
- школьные кружки краеведения, решавшие учебно-воспитательные и научно-исследовательские задачи;
- самодеятельные туристские объединения, выполнявшие задания местных организаций по изучению природы, истории, хозяйства, культуры края;
- краевые, областные, районные библиотеки, хранившие и пропагандировавшие краеведческие материалы.

Основа современного краеведения – его взаимодействие с близкими или совпадающими по историко-культурным целям и задачам обществами, такими как Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры, Географическое и Педагогическое общества при Академии наук РФ и др. В развитии краеведения заинтересованы учреждения науки, культуры, образования, здравоохранения, туризма. Некоторые из них используют в своей деятельности результаты краеведческих изысканий, другие применяют приемы и методы краеведческой работы, третьи связывают проблему повышения эффективности деятельности отраслей народного хозяйства с общественным краеведческим движением и т. д. Эффективность краеведческой деятельности связана не только с общественной основой этого движения, но и с участием в развитии краеведения научных учреждений Российской Академии наук, Российской Академии образования, Российской Академии медицинских наук, различных общественных организаций – Детского фонда, Фонда мира, Фонда А. И. Солженицына, религиозных организаций, меценатов, способствующих формированию экономической инфраструктуры краеведения, и т. д. Краеведческая деятельность помогает реализации программ Российского фонда культуры – «Программы по топонимии», «Уникальные исторические территории», «Возрождение русской усадьбы», «Возвращение забытых имен», «Архивы» и пр.

Краеведение по своей природе многофункционально и обладает серьезным потенциалом для решения многих социальных и экономических проблем, стоящих перед нашим обществом. В настоящее время наметился особый интерес к краеведческой деятельности в Москве и Подмосковье. Создан ряд серьезных организаций, таких как Союз краеведов России,

Экспериментальный центр краеведения, этнографии и экскурсий
Министерства образования РФ и др.

1.2. ИСТОРИЯ КРАЕВЕДЕНИЯ В РОССИИ

Первые сведения краеведческого характера содержатся в летописях, документах государственной важности, дошедших до нас произведениях устного народного творчества – былинах, сказах, повествованиях. В 1737 г. Петербургской академией наук по российским губерниям был разослан составленный государственным деятелем и историком В. Н. Татищевым (1686 – 1750) вопросник о физико-географических условиях местностей. По полученным на него ответам В. Н. Татищев подготовил к печати научные труды – «Иоакимовскую летопись» и «Русскую правду», а также пяти-томную «Историю Российскую с древнейших времен». В своих работах В. Н. Татищев первый в России предложил рассматривать географию в историческом аспекте, сосредоточив внимание на изучении истории родного края. Идея привлечения местных жителей к изучению своего края принадлежала великому русскому ученому М. В. Ломоносову, который в 1759 г. при составлении нового атласа Российской империи решил снабдить его очерками, содержащими экономические, географические, исторические и культурные сведения о регионах России. Позже очерки М. В. Ломоносова легли в основу его четырехтомного труда «Топографические известия, служащие для полного географического описания Российской империи». Описания российских областей, впервые опубликованные в середине XVIII в., были продолжены в более широком масштабе после того, как Сенат издал указ о составлении топографических описаний всех губерний России. В этих описаниях уже использовался термин «краеведение». В конце XVIII в. наметилась тенденция изучения края в научном и историческом аспектах.

ИСТОРИЧЕСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ ассоциируется с возникновением в 1765 г. Вольного экономического общества, изучавшего экономику, историю, природные богатства страны, а также с организованным в 1845 г. в Санкт-Петербурге Императорским русским географическим обществом. В Сибири и на Крайнем Севере значительные краеведческие исследования проводили политические ссыльные, деятельность которых способствовала организации и развитию краеведческих музеев в Якутске, Архангельске, Минусинске, Семипалатинске.

АКТИВИЗАЦИЯ КРАЕВЕДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ была связана с созданием Общества любителей истории и древностей российских (1804), Общества любителей естествознания, астрономии и этнографии (1864), Московского археологического общества (1864), объединившего москвоведов и любителей истории.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ КРАЕВЕДЧЕСКИХ ЗНАНИЙ неразрывно связано с изданием тематической литературы. В 1827 – 1830-е годы начали издаваться сборники «Старая Москва», «Московский краевед» и др. В 40-е годы стали выходить губернские, а затем епархиальные ведомости. Печатались краеведческие работы историка и экономиста П. И. Рычкова (1712 – 1777), первые географические словари. В 1782 г. вышла первая книга о Москве – «Описание императорского столичного города Москвы, собранное в 1775 г. и изданное в свет для удовольствия общества издателем Описания Санкт-Петербурга г. н. с. В. Г. Рубаном». В 1786 г. в Ярославле вышел первый провинциальный краеведческий журнал «Уединенный пошехонец». По рекомендации известного русского просветителя Н. И. Новикова (1744-1818) краеведение использовалось в школьном обучении. До Октябрьской (1917) революции в России насчитывалось около 160 краеведческих обществ, объединявших примерно 15 тыс. исследователей – любителей истории, естествознания, культуры и искусства. Их круг преимущественно составляли агрономы, учителя, земские врачи. Большая часть краеведческих организаций была сосредоточена в губернских городах. Непоправимый урон развивающемуся краеведению нанесли годы репрессий (1929 – 1939). В Москве были арестованы многие деятели краеведческих обществ. Перестали выходить альманахи «Московский краевед», «Советское краеведение» и др. В 1940 г. газета «Правда» констатировала развал и запущенность краеведческой работы в стране, и в частности в Подмосковье. В 1946 г. руководство краеведением было поручено Комитету культурно-просветительных учреждений. В 1947 г. создано Московское областное общество краеведения. Большое значение развитию школьного краеведения придавал основоположник научной педагогики в России К. Д. Ушинский (1824 – 70/71), теоретически обосновавший «родиноведческий принцип» в обучении. Основные направления реформы общеобразовательной и профессиональной школы (1984) выдвинули на первый план профессиональную ориентацию учащихся, хорошее знание своего края, где в будущем им предстояло жить и трудиться. В новых программах по географии, истории и другим предметам было уделено большое внимание краеведению. Учителя активизировали краеведческую работу, в школах стали организовывать уголки «Знаешь ли ты свой край?», краеведческие музеи.

В последнее время получило развитие туристско-краеведческое движение учащихся Российской Федерации «Отечество», в планах которого предусмотрены разнообразные познавательные и воспитательные программы с привлечением широкого круга школьников. Одним из фондов сохранения исторического наследия на Южном Урале является «Будущее Отечества» (фонд В.Поляничко).

1.3. ФУНКЦИИ КРАЕВЕДЕНИЯ

Краеведение – это не только форма общественного движения, но и «самая массовая», по определению академика Д. С. Лихачева, наука, методология и методика которой используются широкими слоями общественности. Краеведение сочетает в себе научно-популяризаторскую деятельность как способ освоения историко-культурного и природного наследия, приобретения разносторонних знаний о специфике развития истории природы и общества «своего края» и созидательную деятельность, направленную на сохранение природы, памятников истории и культуры, улучшение социально- культурных и экологических условий жизни в крае. Задачи и содержание краеведения чрезвычайно многообразны. Основными функциями краеведческой деятельности являются: научно-исследовательская документирующая, образовательно-воспитательная и организационная.

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ФУНКЦИЯ

Направлена на организацию и проведение научных исследований в области истории, культуры, естествознания и пр.; разработку и осуществление наукоемких и экономически выгодных проектов и программ по выявлению и обеспечению сохранности, восстановлению, реставрации, реконструкции памятников истории и культуры, населенных пунктов, ландшафтных зон и т.д.

ДОКУМЕНТИРУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ

Способствует выявлению, сбору, сохранению, рациональному использованию памятников природы, материальной и духовной культуры; формированию архивного и музейного фондов, банков данных по различным проблемам истории и культуры края.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНО-ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ

Играет важную роль в обучении и воспитании детей, молодежи, а также взрослого населения; в формировании исторического сознания людей, сохранении и передаче традиций.

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ФУНКЦИЯ

Позволяет объединять людей, заполнять их досуг, дает возможность удовлетворять их творческие интересы, помогает освоить принципы самоорганизации, самоуправления, стимулирует социальную активность.

Таким образом, развитие краеведения как формы общественного движения, метода изучения и способа приумножения потенциала отечественной истории, культуры и природы имеет приоритетное значение

для многих сфер государственной и общественной деятельности – науки, культуры, образования, здравоохранения, природопользования и т. д.

1. 4. ФОРМЫ ИЗУЧЕНИЯ КРАЯ

Развитие краеведения осуществляется в рамках программы «Краеведение», разработанной Союзом краеведов России и Российским фондом культуры. Программой предусмотрены теоретические и прикладные исследования, мероприятия, имеющие приоритетное значение как для государства, так и для краеведения как общественного движения и научной дисциплины:

- пропаганда краеведения, программ Союза краеведов России и Российского фонда культуры с целью привлечения широких слоев населения к их осуществлению;
- координация деятельности региональных краеведческих обществ в области организации и методики краеведения, реализации комплексных, целевых, региональных и иных программ и проектов;
- координация деятельности краеведческих обществ с аналогичными общественными организациями как в России, так и за ее пределами в соответствии с представлениями об общем краеведческом пространстве;
- вхождение в законодательные органы с законодательскими инициативами, участие в подготовке и обсуждении проектов законов в области краеведения, культуры, научно-исследовательской деятельности и т. п.;
- организация научных исследований в областях теории, истории, методики и организации краеведения;
- осуществление экспертиз и рецензирование программ проектных разработок и изданий краеведческого характера;
- осуществление координационных связей с государственными органами, научными учреждениями по вопросам участия краеведческой общественности в реализации государственной политики в областях науки, культуры, образования, охраны природы, памятников истории и культуры и т. п.;
- изучение, обобщение и популяризация опыта краеведческой деятельности первичных, региональных и зарубежных краеведческих организаций;
- создание системы подготовки и повышения квалификации различных категорий специалистов и общественности, работающих в области краеведения;

- создание условий для эффективного участия краеведов в охране, реставрации, реконструкции и использовании памятников природы, истории и культуры;
- создание экспериментально-опытных центров для апробирования программ и методик, разрабатываемых в процессе и целях реализации краеведческих программ;
- создание экономической инфраструктуры краеведения в соответствии с Уставом Союза краеведов России;
- издание краеведческих альманахов, тематических сборников, материалов научных конференций, научно-методических разработок, периодических изданий, буклетов, плакатов, карт-схем, открыток, листовок и т. п.;
- проведение смотров, конкурсов и других мероприятий, стимулирующих деятельность общественных организаций краеведческого характера.

К целевым программам, дополняющим перечисленные выше направления организационно-методической деятельности, можно отнести следующие: «Теория и история краеведения»; «Природное наследие»; «Общественные музеи»; «Земляки»; «Летописание»; «Исторический некрополь России»; «Исчезнувшие памятники России»; «Великая Отечественная война 1941 – 1945 гг.»; «Культурные гнезда России»; «Армия и краеведение».

Программы «Краеведение» ставит своей основной задачей создание условий и выработку механизмов для широкого участия общественности в преумножении научного, экономического и культурного потенциалов России.

В решении этой задачи могут быть использованы следующие **ФОРМЫ ИЗУЧЕНИЯ КРАЯ**:

- **ТУРИСТСКО-КРАЕВЕДЧЕСКАЯ ФОРМА**, наиболее распространенная; дает хорошую туристскую подготовку и возможность получить краеведческие материалы во время походов. Туристско-краеведческая форма изучения края хорошо отработана, есть много квалифицированных специалистов, в совершенстве владеющих методами этой работы.
- **ЭКСКУРСИОННАЯ ФОРМА** – одна из составных частей комплексного предметного изучения края. Во время экскурсии человек пополняет свои знания, познает с помощью экскурсовода окружающий мир, приближает к себе предметы изучения. Даже самая непродолжительная экскурсия создает определенное настроение, способствует ощущению свободы. Эмоции от увиденного и услышанного окрашивают знания, делают их прочными, сохраняющимися на всю жизнь.

- **ЛЕКЦИОННАЯ ФОРМА** предусматривает проведение занятий по определенной теме. В конце цикла лекций возможна проверка знаний в виде викторин, конкурсов и т. п.

- **АРХИВНАЯ ФОРМА** рассчитана на людей, увлеченных историей, требует усидчивости, внимательности, больших затрат времени. Возможность работы в архивах позволяет получать уникальные данные, но сопряжена со значительными организационными и финансовыми трудностями.

- **МУЗЕЙНАЯ ФОРМА** основана на материалах краеведческих и других музеев и предоставляет неограниченные возможности для исторического и географического краеведения – сбор материалов, оформление экспозиций, проведение экскурсий самими участниками краеведческих коллективов, что делает занятия интересными, содержательными, стимулирует к приобретению новых знаний.

1.5. ЭТАПЫ И МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ КРАЯ

Исследование края состоит из **ЧЕТЫРЕХ ОСНОВНЫХ ЭТАПОВ**:

- **ПОИСК И ИЗГОТОВЛЕНИЕ КРУПНОМАСШТАБНОЙ КАРТЫ**, которая поможет ориентироваться на местности, даст изначальный материал для выявления особенностей края, послужит для фиксации результатов исследований. Территорию и границы района исследования краевед выбирает в соответствии со своими интересами и возможностями. Это могут быть малый или средний города, район крупного города, промышленный микрорайон, отдельная усадьба и др.

- **РОЗЫСК И ИЗУЧЕНИЕ** архивных, литературных, статистических, мемориальных, археологических и других материалов и документов, к которым относятся и отчеты работавших ранее в крае исследования научно-краеведческих экспедиций.

- **ОРГАНИЗАЦИЯ И ПРОВЕДЕНИЕ НАУЧНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ** (поход или экскурсия) по заранее намеченному маршруту, где на месте обследуются памятники истории и культуры, собираются вещественные материалы, фиксируются наблюдения.

- **ОБРАБОТКА** всех добытых материалов, результатов наблюдений, их **ОБОБЩЕНИЕ**. Следует попытаться дать характеристику края в целом, определить перспективы его развития.

МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ КРАЯ вытекают непосредственно из целей, задач, масштабов, хронологических рамок исследований. В числе основных методов изучения края можно назвать археологические раскопки; работу с архивами; встречи с ветеранами и участниками важных для края исторических, культурных и иных событий.

Дополнительные методологические подходы к исследованию края включают в себя следующие направления:

- интегрирование, взаимосвязанное ведение разнообразных организационных форм и методов познавательной деятельности от получения готовых знаний о крае до его изучения в процессе углубленного исследовательского поиска, представляющего научный и общественно полезный интерес;
- организацию положительного опыта, его анализ, корректировку, описание, пропаганду. Следует опираться на все ценное, что добыто трудом поколений российских краеведов, разработано отечественной и зарубежной краеведческой мыслью, используя сложившиеся традиции, разрабатывая новые методы изучения истории края;
- наблюдения, анкетирование, беседы, изучение учебных и исследовательских работ – докладов, сообщений, сочинений, материалов походов и экспедиций, отчетных выставок музейных экспозиций и т. д.

Технические средства, используемые для фиксирования наблюдений и анализа работы разнообразны: видеоаппаратура, магнитофоны, фото- и кинотехника, компьютеры. Часть отснятых материалов и видеозаписей можно использовать при создании методических видеофильмов.

1.6. РОЛЬ КРАЕВЕДЕНИЯ В ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА

С XVIII в. с развитием научных знаний в России краеведению неизменно уделяли внимание: Академия наук (академические экспедиции и анкеты; первым членом-корреспондентом РАН стал именно краевед П.И. Рычков), а затем и университеты, научные общества, губернские статистические комитеты, церковно-археологические комитеты, земские учреждения, образовывающиеся с 1880-х гг. губернские ученые архивные комиссии. Центрами краеведения становились музеи, библиотеки, архивы, сплачивающие местную общественность и зачастую имевшие покровителями губернаторов. В то же время краеведение – и поприще активной работы политических ссыльных.

В первое десятилетие Советской власти, когда особенно крепким был союз местных подвижников краеведения с академической наукой (руководителем работы краеведов во всероссийском масштабе был неперемный секретарь Академии наук С.Ф. Ольденбург, его заместителями – академики Н.Я. Марр и А.Е. Ферсман), краеведение сыграло огромную роль в развитии культуры на местах, в приобщении интеллигенции к новому культурному строительству. Его признавали «массовым научно-культурным движением»; о нем говорили на съездах Советов, даже на партсъездах, краеведческие общества характеризовали как «органы самопознания страны». Краеведению отдавали немало сил и академики; оно стало школой научной

работы для будущих академиков (М.Н. Тихомирова, Н.М. Дружинина, А.П. Окладникова). Определение этого периода как «золотого десятилетия» нашего краеведения становится общепринятым.

Именно тогда были выработаны научные приемы изучения повседневности и микроистории, которые опередили мировую науку. И ныне, с возрастанием во всем мире внимания к такой научной проблематике, наш российский опыт вызывает особый интерес. В 2000 г. по инициативе и за счет Парижского университета Сорбонна там прошла Международная научная конференция «Краеведение в России: истоки, проблемы, возрождение (1890–1990 гг.)». Участвовало и пятнадцать россиян из Москвы, Петербурга и других городов. Тема первого пленарного доклада – «Краеведение и его значение в общественной жизни и развитии культуры России».

С укреплением тоталитарного режима на рубеже 1920-х и 1930-х гг. историко-культурное краеведение было разгромлено, подвижники его были репрессированы, разорены многие музеи – был нанесен большой научный ущерб и существенный урон культуре российской провинции (особенно в малых городах) и нравственному воспитанию молодежи – тем более, что это совпало по времени с массовыми переселениями – притоком новых жителей в большие города и на новостройки, насильственным выселением, а также с воинственной атеистической деятельностью.

Сумели сохранить, так сказать официально, лишь элементы школьного краеведения (за что мы должны быть признательны и передовым учителям, и Центральной детской экскурсионно-туристской станции).

Губительность шельмования деятельности краеведов осознали уже тогда, когда признали необходимость восстановления преподавания «гражданской истории» в программах школьного обучения. Влиятельнейший партийный журналист Михаил Кольцов напечатал в 1936 г. очерк «О маленьком городе», где поделился впечатлением о знакомстве с несколькими городами Волжско-Окского бассейна. (На этот выпавший из поля зрения историков краеведения материал справедливо указал О.И. Карпухин.) Там есть примечательное рассуждение: «За последние годы кто-то с преступным равнодушием развалил краеведческие организации, лишил их не только средств, но даже уверенности в том, что кому-нибудь нужна их «бесполезная», «бесцельная», «аполитическая» работа... Найти бы эту личность и хорошенько поговорить с ней в темном уголке». «Эту личность» не сложно определить. Имеется в виду скончавшийся в 1932 г. М.Н. Покровский – главная фигура советского «исторического фронта». Краеведы были репрессированы за связь с несправедливо обвиненными в контрреволюционной деятельности виднейшими ленинградскими и московскими историками – академиком С.Ф. Платоновым и другими.

Однако восстановить краеведческую деятельность в ту пору было невозможно. Преданные такой работе знатоки-энтузиасты либо оказались

репрессированными, либо старались не напоминать о своих прежних увлечениях. В период начавшегося «большого террора» вызывали подозрения и неформальные объединения. Еще существеннее было то, что краеведные знания – всегда конкретные знания (с именами, деталями событий, достопамятностями). Идеология же тех лет была направлена на ознакомление прежде всего с революционными традициями, героикой Гражданской войны, первыми социалистическими преобразованиями. А многие лица, известные деятельностью именно в данной местности в недавние десятилетия, были объявлены «врагами народа», и их имена вычеркивались из истории.

В годы Великой Отечественной войны стали вспоминать о фактах воинской славы дореволюционных лет, о военных подвигах титулованных лиц, о многовековых историко-культурных (даже религиозных) традициях. Но более или менее массовое возвращение к краеведным приемам распространения учебных и научных знаний наблюдается лишь с конца 1950-х гг. – краеведению стали уделять больше внимания в программах преподавания в местных педагогических вузах, в местных изданиях. Затем создается Всероссийское Общество охраны памятников истории и культуры; краеведный аспект становится заметен в организации массовой комсомольской работы.

С 1980-х гг. с демократизацией условий общественной жизни в России постепенно ощущается значительный подъем краеведной деятельности: организуются всесоюзные, всероссийские и региональные конференции; в 1990 г. в Челябинске состоялся учредительный съезд Союза краеведов России (и мне оказали честь избрания его председателем).

Со второй половины 1960-х гг. ЦК ВЛКСМ и Министерство образования уделяют все большее внимание вовлечению в краеведную работу учителей и школьников. Несомненно краеведовоспитательное значение в те годы всесоюзных походов «по местам революционной, боевой и трудовой славы».

Краеведение стало и одной из главных программ учрежденного в начале перестройки Фонда культуры, возглавлявшегося академиком Д.С. Лихачевым, который придавал особое значение краеведению не только в развитии культуры, но и в формировании «нравственной оседлости». На одинаковом понимании общественно-воспитательного и памятнико-охранительного значения краеведения сошлись заместители председателя Фонда Г.В. Мясников, способствовавший организации первых всесоюзных конференций по историческому краеведению в Полтаве и Пензе, и О.И. Карпухин, ответственный редактор изданий Фонда. В 1992 г. вышел в свет «Вестник Союза краеведов России» с обращением Д.С. Лихачева и рекомендацией основных программ, которые могли бы привлечь и юных краеведов: Культурное наследие; Природное наследие; Исторические некрополи России; Исчезнувшие памятники России; Великая

Отечественная война; Земляки; Культурные гнезда России; Общественные музеи; Школьное краеведение. Программы эти перепечатывались с добавлением новых (с более узким региональным уклоном, особенно в связи с юбилеями городов и важных событий) и рекомендовались как составные части большой программы для школ «Отечество», утвержденной Министерством образования в 1998 г. В том же году Д.С. Лихачев, приветствуя конференцию краеведов, писал: «Краеведение – основа нравственного воспитания народа», уже в средней школе, с юных лет приучающего «к сохранению своими руками культурного и природного наследия».

К рубежу столетий краеведение опять начинало становиться формой не только научно-просветительской, но и общественной деятельности. Это явственно отражало и усиление самостоятельной роли провинции в нашей общественно-политической жизни, в развитии культуры.

В 2002 г. принят Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры народов Российской Федерации)». В школьное преподавание теперь наряду с федеральным введен национально-региональный компонент. Краеведение вошло в программы школьного обучения, подготовлены многообразного типа учебные пособия; обновились экспозиции во многих местных музеях; появились региональные краеведческие журналы и альманахи, региональные энциклопедии, причем подготовка последних требует не только больших усилий от составителей, но и серьезной материальной поддержки местных властных структур (а иногда и наиболее просвещенных из местных предпринимателей).

Большая работа ведется по освоению и пропаганде научного наследия: переиздаются труды краеведов, их деятельность отражается в недавних диссертациях, в проведении регулярных чтений в память наиболее видных ученых и энтузиастов, а результаты такой работы столь разительны, что моя книжка 1992 г. по истории краеведения «Краеведение и документальные памятники», в то время первая попытка обобщения сведений печатных источников (и столичных и провинциальных) по такой тематике, к радости моей, представляется теперь далекой от фактологической полноты.

Развернулась многообразная работа по тематике москвоведения и петербурговедения. Этому способствовала, конечно, подготовка к юбилеям Москвы в 1997 г. и Петербурга в 2003 г.

В некоторых провинциальных университетах (особенно преобразованных из педагогических институтов) в название кафедр отечественной истории добавили слово «краеведение».

В 1996–1997 гг. созданы кафедра региональной истории и краеведения в Историко-архивном институте Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ) во главе с В.Ф. Козловым и руководимый мною общеуниверситетский научно-учебный Центр

исторического краеведения и москвоведения. Этим подразделениям доверена подготовка вузовского учебного пособия по историческому краеведению (для всех вузов, в программе которых это предмет преподавания, и для тех вузов, где он может быть факультативом). В 2002 г. и в Санкт-Петербургском университете появилась возглавляемая Ю.В. Кривошеевым кафедра исторического регионоведения.

Деятельность краеведной направленности вызывает заинтересованное внимание российской диаспоры. Особенно в связи с возрождением характерного для российской дореволюционной традиции родоведения (генеалогии). Теперь дозволено выявлять родственные связи в полном объеме – и не только с представителями «господствующих классов» досоветского времени, но и с теми, кого ранее шельмовали как «врагов народа», с эмигрантами и их потомками.

«Уважение к предкам» (как выразился Пушкин), к родственным преданиям имеет большое воспитательное значение и укрепляет семейные и родственные узы, взаимосвязь поколений. Весьма существенно для исследований ученых (и историков и социологов) то, что сегодня приобретает большой научный вес и общественный резонанс обращение к собственно «народной генеалогии», т.е. к выявлению данных о линиях родовых связей обычного трудового населения (этим призывал заняться еще в книге 1997 г. «Путешествие в родословие» вологодский профессор П.А. Колесников.

Показательно, что именно история своего рода и своей местности кажется особо привлекательной для интересующейся историей школьной и студенческой молодежи, причем на пространстве всей страны, о прошлом не только русского, но и других народов. Об этом свидетельствуют и результаты всероссийских конкурсов самостоятельных исследовательского типа работ старшеклассников – конкурсы краеведческих работ школьников «Отечество», организуемого в системе Министерства образования, конкурса «Человек в истории. Россия – XX век», конкурсы работ и петербуржцев, и сибиряков. О последних сообщил работающий в Новосибирске академик Н.Н. Покровский, председатель жюри проводимого там конкурса – первая премия присуждена за сочинение по истории бурятского поселения. Так все более ощущается, что высокое чувство патриотизма начинает развиваться с осознанного чувства любви и интереса к своей «малой родине».

Эти позитивного характера явления наблюдаются, однако, не во всех регионах и больших городах России в равной мере. Зачастую школьные уроки краеведения, а также региональные и альтернативные курсы образовательных программ высшего профессионального образования различных направлений, которые предпочитают относить к необязательным; закрывают общественные музеи, к тому же, не заботясь о сохранении собранных там памятников истории и культуры; отказывают в материальной поддержке объединениям краеведов, их конференций и изданий; в то же

время некоторые краеведные издания, популярные и даже справочно-информационные по назначению – недостаточно высокого научного уровня; обнаруживается, что авторы еще немалого числа краеведных работ не овладели технологией современного научного творчества. Отсутствуют возможности организованного и достаточно регулярного обмена информацией о результатах и методике краеведной работы в регионах – нет печатного органа такой проблематики. Отсутствуют средства и на организацию совещаний краеведов не только всероссийского, но иногда и регионального уровня. Не получила должного распространения достаточно широко обоснованная научно и подтвержденная практикой рекомендательная методика краеведной работы и т.д.

Историко-культурный туризм за рубежом – это популярнейшая сфера развития культуры и приносящая все большие доходы коммерческая деятельность. Необходимо принять меры к тому, чтобы наши соотечественники имели возможность воочию знакомиться с богатством природного и культурного наследия нашей Родины. Особенно важно это юным, для которых историко-культурный туризм – одно из самых действенных условий воспитания гордости своим Отечеством, родной культурой. Все это расширяет знания и эстетический кругозор будущих специалистов различных уровней, направлений и профилей.

Но для этого нужно выработать программу обучения тех, кто будет работать с туристическими группами. В туристских вузах Москвы и Петербурга следует организовать центры подготовки квалифицированных экскурсоводов, знающих родной край. В 2003 г. в Историко-архивном институте РГГУ была введена специализация «Исторический туризм и краеведение», что вызвало повышенный интерес и соответственный конкурс абитуриентов.

В средней школе краеведение приобретает особое значение в системе преподавания после введением в нее национально-регионального элемента наряду с федеральным.

Существует множество примеров неприязни обучающихся к преподаванию краеведения, хотя во многих регионах уже имеется библиотека многообразных изданий по краеведению и регионоведению для преподавателей, родителей и учащихся всех возрастов. Краеведение – это всегда и краелюбие. Вести экскурсии, преподавать краеведение может отнюдь не обязательно историк. Иногда такие мероприятия лучше будет вести словесник, географ, наконец, преподаватели труда, физкультуры. Целесообразно, чтобы занятия по краеведению совмещались с визуальным ознакомлением с культурным и природным наследием своего края, хотя бы ближайшей местности, еще лучше, если бы они совмещались с туристическими походами, участием в охране и реставрации памятников истории и культуры, овладением навыками традиционных для края ремесел.

Целесообразно проводить занятия краеведением в определенном районе (даже небольшом городе) одному человеку (преподавателю) в нескольких или даже во всех школах местности. Что будет способствовать сближению обучающихся разных учебных заведений. Полезным будет организация в регионе, где имеются опытные краеведы-краелюбы «университетов краеведных знаний» для взрослых, прежде всего родственников учащихся с допущением на лекции школьных педагогов, сотрудников музеев, преподавателей вузов, библиотек, представителей турбизнеса и других лиц, а также заинтересованных учащихся.

В вузовских программах краеведения слишком акцентируют внимание на собственно памятниковедении, памятных событиях, славных уроженцах. И у обучающихся не формируется представление об обыденной жизни и взаимодействии общества и природы в прежние времена, о культуре повседневности.

В нашей стране нет индустрии историко-культурного туризма, приучающего к ознакомлению с памятниками старины (а также и к тому, что занятия эти приносят доход, а иногда и возрождают славу давно утративших ее местностей).

В большой статье «Феномен Фоменко» в контексте изучения современного общественного исторического сознания», напечатанной в «Исторических записках», в 2003 г., в № 6(124). Краеведами подготовлен «антифоменковский» сборник напечатанных ранее статей видных ученых (и не только историков, но и математиков, астрономов, физиков, философов), и впервые подготовленных (в том числе ректором Российского православного университета). Нужно, чтобы он был многотиражным, попал в библиотеки всех городов и учебных заведений. Значение этого издания для воспитания исторического мышления молодежи, формирования научных знаний о нашем прошлом очень велико.

Необходимо обсудить вопросы о подготовке дополнения региональной тематики к учебникам отечественной истории. В юном возрасте происходившее в далекое время и на отдаленной территории воспринимается слишком абстрактно – это данные в большей мере для заучивания, а не самостоятельного размышления; и уж совсем не ощущается их взаимосвязь с сегодняшней жизнью школьника и даже его родителей. И потому целесообразно было бы, опираясь на текст многотиражного учебника, методические пособия к его использованию, издавать книги для студентов и методические рекомендации для преподавателей, конкретизирующие данные об исторических явлениях (или дополняющие их) материалами по краеведению, относящимися именно к изучаемому периоду истории, к характеризующим явлениям социально-экономической и государственно-политической жизни, к истории культуры. Особенно в нашей стране со столь большим разнообразием природных особенностей (а следовательно, форм и

сроков их взаимосвязи с развитием общества) и историко-культурных традиций! Это может стать совместной работой преподавателей высшей и средней школы, и сотрудников хранилищ памятников истории и культуры.

Краеведы 1920-х гг. стали приучать стремящуюся к знаниям молодежь к выявлению и сохранению памятников старины, их реставрации, системе более широкого овладения навыками традиционных местных производств. В наши дни памятниками старины становится и наследие, дошедшее до нас от XX столетия. Необходимо сохранить документальные, вещественные памятники, остающиеся после ухода из жизни одиноких людей, оповещать о них хранилища – музеи, архивы, фотофиксировать ландшафты. Обогащению научных знаний способствуют письма прошлых лет или о прошлом, публикуемые регулярно Дмитрием Шеваровым в разделе «Домашний архив» газеты «Первое сентября».

Определенное внимание обращалось на популярные формы сельского хозяйства – издавались научные труды, устраивались выставки, с охотой посещаемые и неграмотными местными жителями. Обычно, многое в таких занятиях обуславливалось особенностями природных условий. Познания такого рода приучали к конкретному и более глубокому пониманию того, чем ныне занимается наука «экология». Это и есть первоочередная задача краеведения.

Еще существеннее другое – краеведы той поры старались сохранить, совершенствовать, распространить в культуре края приемы овладения ремеслами и технологии сельского хозяйства. Это особенно важно для закрепления оседлости населения, особенно молодежи. Это отражено в программе «Возрождение и развитие народных промыслов: развитие целевой программы «Золотое кольцо России». Желательно было бы создавать училища типа лицей для подготовки высшего класса специалистов краеведения, экскурсоводов в традиционных для данной местности сферах материальной культуры. В них обучающиеся овладевали бы всеми навыками ценных (но зачастую исчезающих) ремесленных специализаций и получали бы одновременно образование лицейского типа, подразумевающее и овладение разговорным иностранным языком, и более широкими знаниями (по истории культуры, о прошлом своей местности, особенностях ее быта), и современными информационными технологиями. Изделия выпускников таких училищ вызвали бы, несомненно, и особый интерес у туристов.

В региональном туризме необходимо определить пути развития краеведения, прогрессивные тенденции в культуре «малых городов», планы формирования индустрии историко-культурного туризма, программы подготовки краеведов-специалистов высокого класса в вузах и мастеров народных промыслов на местах, формат контактов и взаимообогащения опытом и информацией ученых краеведов. Но осуществление хотя бы части

программы, возможно, конечно, лишь при поддержке государственными органами – и организационно, и материально.

ГЛАВА 2. НАПРАВЛЕНИЯ И ОБЪЕКТЫ КРАЕВЕДЕНИЯ

Комплексный, многоплановый характер краеведения предполагает изучение края в отдельных аспектах и направлениях – историческом, этнографическом, литературном, географическом, естественнонаучном и др. Разнообразны и объекты краеведческого изучения.

2.1. ИСТОРИЧЕСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ – это не только область научного исторического познания (изучает прошлое края, отраженное в памятниках, опирается на закономерности, принципы и методы исследования исторической науки), но и практическая деятельность историков-краеведов, направленная на распространение знаний об историческом прошлом края.

Факты истории края составляют основу историко-краеведческого исследования, независимо от его масштабов и целей. К основным направлениям в изучении фактов истории края можно отнести:

- исторические события периода феодализма;
- исторические события периода становления капитализма;
- революционная история края;
- исторические события советского периода;
- военное прошлое края;
- археологическое изучение края;
- этнографическое изучение края.

Для исторического краеведения характерны две важные особенности – локальность исследуемых исторических событий, отраженных в памятниках истории и культуры, и активный деятельный характер исторического краеведения.

ПРЕДМЕТОМ исторических краеведческих исследований могут быть: край в целом и отдельные районы, населенные пункты, улицы, предприятия, здания, памятные места и пр.

ПО ХРОНОЛОГИИ краеведческие исследования могут охватывать: длительные исторические периоды; события конкретного исторического периода края; жизнь и деятельность отдельных участников исторических событий.

ОБЪЕКТАМИ исследований исторического краеведения являются: памятники, связанные с историческими событиями в жизни края, развитием общества и государства; произведения материального и духовного

творчества, представляющие историческую, научную, художественную или иную культурную ценность. В этих памятниках отражены кульминационные моменты истории нашей страны, например, борьба за независимость против иноземных захватчиков, факты революционного прошлого, гражданской и Великой Отечественной войн, трудовые будни эпохи социализма. Памятники истории являются неотъемлемой частью мирового культурного наследия, свидетельствуют о большом вкладе народа нашей страны в развитие мировой цивилизации.

КЛАССИФИКАЦИЯ ПАМЯТНИКОВ.

Памятники истории многообразны. В основу их классификации положены следующие **ХАРАКТЕРИСТИКИ**:

- предметная сущность (содержание в памятнике исторической информации);
- возраст;
- происхождение;
- внешняя характеристика.

По предметной сущности отражаемых событий различают памятники истории дореволюционной и революционной, военно-исторические, советского периода, археологические и этнографические.

ПО ПРОИСХОЖДЕНИЮ памятники истории можно разделить на две большие группы:

1. ПАМЯТНИКИ-СОВРЕМЕННОКИ И «УЧАСТНИКИ» СОБЫТИЙ, не созданные специально, а выполнявшие определенные служебные функции в период происходивших событий:

- письменные и печатные документы – летописи, законодательства, грамоты и акты, протоколы, судебно-следственные материалы, рапорты, статистические данные, переписка, пресса, листовки, личные документы и т. д.;
- подлинные фотографии, документальные кинокадры, звукозапись;
- вещественные предметы – орудия труда, ремесленные и промышленные изделия, предметы быта, одежда, украшения, монеты, печати, предметы прикладного искусства, личные вещи участников событий, оружие, боевые реликвии (ордена, медали, знамена, именное оружие, трофеи и т. д.), предметы гражданской и военной техники;
- памятные места боевых действий, народных восстаний, митингов и других исторических событий, происходивших в крае, а также места захоронений; памятные места неотделимы от конкретной территории района – площади, улицы или участка местности – поля, леса, перевала, ущелья, реки и т. д.;
- разнообразные сооружения: военно-инженерные (кремли, крепости, башни, рвы, бастионы, окопы, надолбы, землянки, доты и т. д.); культово-

религиозные (монастыри, храмы, часовни, кладбища и т. д.); гидротехнические (плотины, шлюзы, каналы и т. д.); транспортные (мосты, дороги, туннели и т. д.); архитектурно-строительные (усадебные, общественные здания, квартиры, дворянские и купеческие дома, старые крестьянские избы и т. д.).

2. ПАМЯТНИКИ, СОЗДАННЫЕ С ЦЕЛЬЮ УВЕКОВЕЧИВАНИЯ СОБЫТИЙ: мемориальные комплексы, монументы, бюсты, обелиски, стелы, мемориальные доски, архитектурные сооружения, некрополи, холмы Славы и т. д. Наибольшее количество памятников этой группы посвящено событиям революции, гражданской и Великой Отечественной войн, подвигам героев.

Если памятники первой группы содержат непосредственный характер исторической информации, то памятники второй группы отличаются ее опосредованным характером – информация как бы проходит через сознание и восприятие их создателей.

ПО ВНЕШНЕЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ исторические памятники принято классифицировать на памятники археологии, этнографии и архитектурно-строительные памятники.

ПАМЯТНИКИ АРХЕОЛОГИИ. Это вещественные следы материальной и духовной культуры древних обществ, которые помогают путем научной реконструкции (восстановления) раскрыть закономерности общественного развития, главным образом, первобытно-общинной, рабовладельческой и феодальной общественно-экономических формаций. К наиболее крупным памятникам археологии относятся: поселения и погребения, мастерские, горные выработки, культовые сооружения (храмы, святилища, пирамиды), каналы, плотины, оборонительные валы, наскальные рисунки, места находок древних животных и пр.

ПАМЯТНИКИ ЭТНОГРАФИИ. Они отражают этнические и культурно-бытовые особенности народов, населяющих нашу многонациональную страну, как в далеком прошлом, так и в наши дни.

К основным памятникам этнографии относятся:

- поселения, их внешний облик, жилища и различные постройки, предметы быта;
- орудия и результаты труда как свидетельство многообразия форм хозяйства, характера основных и подсобных занятий;
- предметы народных промыслов и народного художественного творчества;
- предметы, используемые при совершении ритуальных действий, обычаев и обрядов.

АРХИТЕКТУРНО-СТРОИТЕЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ. Они являются очевидцами и участниками исторических событий прошлого края, представляют собой объекты художественного творчества и созданы трудом наших предков. В этом их двойная ценность.

Изучение архитектурно-строительных памятников решает следующие задачи:

- исследование «биографии» памятников, чья история непосредственно связана с историей изучаемого края в контексте общей истории страны;
- поиск новых, еще неизвестных памятников.

Во многих местах можно обнаружить сохранившиеся храмы, дома, остатки дворцов, усадеб, изб, которые представляют большой интерес как по своей истории, так и по своим архитектурным достоинствам. Увековечить их для истории, донести до потомков – цель краеведов-исследователей, т. к. в связи с реконструкцией районов они могут быть просто уничтожены.

Описание исторического памятника должно проводиться в определенной последовательности, которая предусматривает установление:

- названия и местонахождения объекта;
- перечня сооружений, входящих в комплекс объекта;
- дореволюционной принадлежности;
- даты постройки и фамилии создателей;
- состояния объекта в данный момент, его использования.

Серьезную помощь в изучении объектов исторического краеведения могут оказать историческая география и историческая демография, ономастика, палеография, сфрагистика, геральдика, нумизматика и др.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ отвечает на вопросы: «Где жили люди в далеком прошлом, какими были условия их жизни и среда обитания?». «Где возникали древние города, какова численность населения в них?». Это позволяет установить влияние изменений климата и окружающей среды на условия жизни людей в том или ином крае, миграцию населения в поисках более благоприятных условий жизни.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ изучает процессы воспроизводства населения в различные исторические периоды. Отсутствие достоверных источников отдаленных от нас исторических эпох затрудняет изучение этих процессов, поэтому основными источниками знаний являются летописи, налоговые списки, кадастры (систематические своды сведений) и др.

ОНОМАСТИКА исследует собственные имена, объясняет многие факты исторической географии и демографии. Ономастика состоит из двух частей – топонимики и антропонимики.

ТОПОНИМИКА изучает историю географических названий континентов, регионов, стран и городов, процессы миграции населения.

АНТРОПОНИМИКА изучает историю личных имен, в которых отразились социальные явления, религиозные представления, национальные традиции. После принятия христианства имена при крещении выбирались из имен святых, помещенных в Святцах. Эти имена было принято называть календарными. На Руси календарными были греческие имена, но частично древнееврейского (библейского) и римского происхождения, которые впоследствии адаптировались к русскому произношению.

ПАЛЕОГРАФИЯ изучает историю письма, его графику, материалы и средства. Палеографический анализ старинных рукописей и манускриптов позволяет краеведу установить дату событий, о которых рассказывается в них.

ГЕРАЛЬДИКА – наука о гербах.

СФРАГИСТИКА – наука о печатях вносят определенный вклад в изучение исторических документов. Обе науки взаимосвязаны, так как при составлении гербов и матриц печатей используется общая символика. Геральдика и сфрагистика исследуют родовые, городские и государственные печати и гербы.

Символика гербов и печатей обязательно присутствует и на монетах, которые доносят до нас сведения о давно исчезнувших государствах, городах, событиях.

НУМИЗМАТИКА – изучает монеты в качестве исторического источника.

МЕТРОЛОГИЯ – изучает проблемы денежного счета.

Нумизматика и метрология помогают понять этапы экономического развития общества, и в частности края.

ВИДЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО КРАЕВЕДЕНИЯ. Значение исторического краеведения состоит не только в исследованиях событий прошлого, связанных с краем, но и в популяризации полученных знаний. Это формирует единую систему историко-краеведческой деятельности, к основным видам которой можно отнести познавательный, преобразовательный, ценностно-ориентационный, коммуникативный.

ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЙ ВИД ДЕЯТЕЛЬНОСТИ имеет духовный характер и может быть разнообразным по уровню сложности – от школьного урока или занятий историко-краеведческого кружка до поиска новых данных в архивах, походах по изучаемой местности, встречах с ветеранами и т.д.

ПРЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ВИД ДЕЯТЕЛЬНОСТИ состоит в создании духовно-практических ценностей: проведении тематических выставок, создании школьных музеев, установлении мемориальных досок и открытии памятников, охране и уходе за ними.

ЦЕННОСТНО-ОРИЕНТАЦИОННЫЙ ВИД ДЕЯТЕЛЬНОСТИ имеет большую духовную значимость, благодаря чему человек осознает величие тех или иных исторических фактов и событий для себя и края, оценивает поступки, мотивы, значение деятельности исторических личностей и героев.

КОММУНИКАТИВНЫЙ ВИД ДЕЯТЕЛЬНОСТИ развивает у людей навыки общения и потребность в нем, формирует готовность участвовать в необходимых обществу видах межличностного общения.

Вышеназванные виды историко-краеведческой деятельности находятся в тесной взаимосвязи. Например, для установления мемориальной доски или памятника, создания новых экспозиций в краеведческом музее или проведения других акций, относящихся к преобразовательному виду деятельности, необходимо получить новые знания (познавательный вид деятельности), выбрать из них наиболее значимые, имеющее историческую ценность факты (ценностно-ориентационный вид деятельности). Все это невозможно реализовать вне контактов с людьми (коммуникативный вид деятельности). Организация историко-краеведческой деятельности способствует решению важных задач нравственного, патриотического воспитания подрастающего поколения. Воспитательный потенциал, которым обладает историческое краеведение, заложен в фактах истории края. Они помогают донести до сознания подрастающего поколения картины и события прошлого, нередко героические, способствуют сохранению памяти народа, передаче исторических традиций, преемственности поколений.

ТРАДИЦИИ являются основным механизмом воспитательного воздействия, важнейшим средством накопления, хранения и передачи социальной информации, выражают жизнь прошлого в настоящем и будущем, оказывают большое эмоциональное воздействие, выступают в качестве образцов поведения. Принимая участие в историко-краеведческой деятельности и осуществляя свои небольшие открытия, представители молодого поколения воспринимают исторические события не как нечто далекое или нереальное, а становятся сопричастными к фактам прошлого. Таким образом, события местной истории «оживляют» традиции своей предметностью, возможностью раскрытия человеческой сущности, мысленным общением с историческими личностями. Все это влияет на процесс нравственного становления молодежи, историческое самопознание и самоопределение.

2.2. ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

Академик И. Д. Зверев писал: «Нельзя переоценить значение краеведения применительно к реализации задач экологического образования, ибо ближайшее окружение повседневно дает убедительные примеры для раскрытия разных аспектов взаимодействия человека с природой, вооружает навыками жить с ней в гармонии». Природное краеведение обеспечивает необходимую связь глобальных, национальных и региональных аспектов в изучении современных проблем экологии и охраны природы, формирует экологическую культуру, умения и навыки природоохранной деятельности,

помогает увидеть и оценить красоту родной природы, ощутить ее эмоциональное и нравственное воздействие. Сущность природного краеведения заключается в комплексном изучении природы, ее развития и динамики на основе использования доступных методов исследования.

ПРИРОДА КРАЯ, ее отдельные компоненты, их взаимосвязи рассматриваются как часть природы более крупных территорий – района, области, природной зоны, страны. В процессе изучения природы края важно определять общие с природой более крупных районов черты и одновременно выявлять местную специфику природных компонентов и их территориальных сочетаний, типичные явления, характеризующие природу края, а также ее уникальные объекты и связанные с ними процессы.

ОСНОВНЫМИ ОБЪЕКТАМИ ПРИРОДНОГО КРАЕВЕДЕНИЯ являются: ландшафт, климат, геологическое строение, рельеф, гидрологические и земельные ресурсы, растительный и животный миры, стихийные бедствия, природоохранные территории и деятельность по охране природы.

Закономерные взаимосвязи и сочетание компонентов природы определяют формирование на земной поверхности различных по величине единых неразрывных систем природно-территориальных комплексов. Самым крупным из них является географическая (ландшафтная) оболочка Земли, которая делится на материки, страны, зоны и т. д. **ЛАНДШАФТ** является основной ступенью этого деления. В пределах одного ландшафта можно исследовать более мелкие его структурные части. Площадь одного ландшафта может измеряться несколькими тысячами или сотнями квадратных километров. Поэтому краеведческие исследования проводятся, в основном, в пределах одного ландшафта, а комплексная физико-географическая характеристика края, по существу, является характеристикой ландшафта. Ее элементы можно вычленив исходя из определений, которые даются географическому ландшафту в специальной литературе. В краеведении наиболее часто географическим ландшафтом называют естественно ограниченную «конкретную территорию, однородную по происхождению и истории развития, обладающую единым геологическим фундаментом, однотипным рельефом и единообразным сочетанием гидротермических условий, почв и биоценозов».

КЛИМАТ – это характерный для данной местности многолетний режим погоды, который удерживается здесь на протяжении веков. Характеристика климатических условий края основывается на оценке действия трех климатообразующих факторов: радиационного, циркуляционного и фактора подстилающей поверхности, т. е. рельефа местности, наличия больших водных пространств, типа растительности и ее густоты.

ПОГОДА – это состояние атмосферы у поверхности Земли в определенный момент и в определенном месте.

ГЕОЛОГИЧЕСКОЕ СТРОЕНИЕ КРАЯ обусловлено, прежде всего, его тектонической структурой, т. е. специфическими формами залегания горных пород, которые формируются в результате действия мощных внутренних (эндогенных) процессов Земли, образующих на протяжении длительного геологического времени крупные участки суши – горные системы, предгорные прогибы (впадины), кристаллические щиты, платформы, возникшие в результате медленного опускания древних территорий и перекрытия их морем, морскими осадочными породами.

Непосредственное наблюдение геологического строения, т. е. состава горных пород, последовательности и форм их залегания, доступно лишь в немногих местах, там, где горные породы освобождены от почвенного и растительного покровов – в карьерах и шурфах, где ведется добыча полезных ископаемых, или в естественных геологических обнажениях (оврагах, речных долинах, склонах гор, скальных массивах). Научиться читать историю природы своего края можно «по нетленным и вечным страницам – слоям горных пород... Мир камней оживет и поведаст о морях, которые покрывали иногда на десятки миллионов лет те места, где ныне простираются наши родные поля, равнины, где теперь вздымаются мощные и величавые горы...».

РЕЛЬЕФ края тесно связан с геологическим строением. Происхождение рельефа, его развитие и географическое распространение изучает наука геоморфология. Существует следующая классификация форм рельефа земной поверхности:

- по внешнему строению и размерам (морфологическая классификация);
- по происхождению, возрасту и особенностям развития (генетическая классификация).

При краеведческом изучении рельефа местности имеет значение не только общее описание его особенностей, происхождения, региональных отличий, но и подробная характеристика типичных и наиболее интересных его образований, составляемая на основании картографических, литературных и других источников, а также собственных наблюдений на местности.

ГИДРОЛОГИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ – водные ресурсы, подразделяющиеся на гидрологические ресурсы суши и океанологии.

ЗЕМЕЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ – вид природных ресурсов, характеризующихся территорией, качеством почв, климатом, рельефом и т.д. Это пространственный базис размещения туристских объектов.

РАСТИТЕЛЬНЫЙ МИР – один из компонентов биосферы, включающий совокупность растений различных видов, используемых для целей туризма

ЖИВОТНЫЙ МИР – одна из основных групп живых существ, включающая сообщество диких животных, как один из компонентов биосферы, используемых для целей туризма.

СТИХИЙНЫЕ БЕДСТВИЯ – извержения вулканов, землетрясения, пожары, наводнения, ветровые бури, характеризующие особенности некоторых туристских ресурсов.

ПРИРОДООХРАННЫЕ ТЕРРИТОРИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПО ОХРАНЕ ПРИРОДЫ – районы, где полностью или частично запрещена хозяйственная деятельность. В зависимости от степени охраняемости различают: заповедники (территории, полностью изъяты из хозяйственного пользования), заказники (где запрещены отдельные виды хозяйственной деятельности или деятельность запрещена на конкретный срок), национальные парки (территории с комплексным режимом использования, сочетающим как строгую охрану, так и использование в научных и познавательных целях).

2.3. НАСЕЛЕНИЕ И ЭКОНОМИКА КАК ОБЪЕКТЫ КРАЕВЕДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В каждом крае непрерывно происходят количественные и качественные изменения. Разнообразные аспекты социально-экономической жизни края рассматривает экономическое краеведение.

Основными объектами изучения экономического краеведения являются:

- население края;
- народное хозяйство края в целом и отдельные отрасли;
- населенные пункты, где сосредоточена хозяйственная и культурная жизнь края;
- отдельные предприятия и учреждения, составляющие народное хозяйство края.

При изучении объектов экономического краеведения надо применять комплексный подход, обеспечивающий выявление внутренних и внешних связей с учетом прошлого и перспектив.

Население края характеризуют следующие данные: численность, естественное движение, миграция, социально-демографическая структура, расселение.

ЧИСЛЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ – это сумма числа жителей всех населенных пунктов края по данным последней переписи. Численность населения характеризуют такие показатели:

- темпы роста и убыли – сопоставление численности населения края за определенный период времени;
- доля (удельный вес) населения края – отношение численности населения края к численности населения региона, в состав которого входит край;
- место края по населению – сравнение численности населения края с населением других частей региона;

- плотность (густота) населения – отношение численности населения края к площади его территории;
- степень заселенности края – сравнение плотности населения края с плотностью населения других краев.

ЕСТЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ населения характеризуется изменением *его* численности (увеличением или уменьшением) за счет естественного прироста (рождаемости) или убыли (смертности), определяемого отношением рождаемости и смертности:

МИГРАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ – перемещение людей по территории. Различают миграцию периодическую (постоянное возвращение к месту жительства) и миграцию постоянную (переселение со сменой жительства). Миграция оказывает большое влияние на численность населения края.

Социально-демографическая структура населения края характеризуется его половым, возрастным, национальным, социальным, семейным, профессиональным факторами, делением на городское и сельское, уровнем культуры и быта, где:

- **ПОЛОВОЙ ФАКТОР** – соотношение численности мужчин и женщин;
- **ВОЗРАСТНОЙ ФАКТОР** – соотношение численности разных возрастных групп: детей, школьников, пенсионеров, долгожителей, трудоспособного населения. Численность трудоспособного населения характеризует потенциальные трудовые ресурсы края. Анализ расчета потенциальных трудовых ресурсов требует сопоставления ряда показателей. Повышение рождаемости, приезд в край молодежи из других регионов повышают долю работоспособного населения. Сопоставление численности населения в рабочем возрасте с численностью работающих позволяет судить о степени использования трудовых ресурсов;
- **НАЦИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР** – соотношение численности людей разных наций и народностей. Анализ национального состава населения предполагает выяснение изменений, происходящих за счет миграции, естественного движения и смешанных браков. Важно также сопоставить численность людей разных национальностей с численностью людей, считающих родным язык своей национальности, а также с численностью людей, владеющих русским языком;
- **СОЦИАЛЬНЫЙ ФАКТОР** – соотношение численности рабочих, колхозников, интеллигенции, служащих;
- **ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР** – распределение работающего населения по направлениям деятельности;
- **СЕМЕЙНЫЙ ФАКТОР** – численность семей в крае; средний размер семьи можно определить делением общего числа семей на общую численность населения края. На среднем размере семьи сказывается соотношение браков и разводов;

- **ДЕЛЕНИЕ НА ГОРОДСКОЕ И СЕЛЬСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ** – важный фактор демографической характеристики населения. Существенные различия между городом и селом постепенно стираются, но пока еще существуют. Городские и сельские поселения различаются характером расселения, положением по отношению к природным условиям, транспортным сетям сообщения, другим поселениям, планировкой, типами построек и т. д.;

- **УРОВЕНЬ КУЛЬТУРЫ И БЫТА** – фактор, характеризующий все стороны жизни населения: внешний вид поселений, особенности жилых и общественных построек, одежду, общественный и семейный быт, обычаи и обряды, приметы, народную медицину, художественное творчество, фольклор и т.д.

НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО охватывает все многообразие хозяйственной деятельности населения края и представляет собой совокупность его отраслей – промышленности, сельского, жилищного и коммунального хозяйств, транспорта, связи, торговли, здравоохранения, просвещения, культуры и др.

К основным показателям, характеризующим уровень развития отраслей, можно отнести:

- объем, состав и ассортимент выпускаемой продукции и др. – для промышленности;

- размер посевных площадей, урожайность и др. – для сельского хозяйства;

- размер и состав сети учреждений (число магазинов разного профиля, точек питания, отделений связи, больниц и поликлиник, школ и специальных учебных заведений, библиотек, кинотеатров и т. д.) – для отраслей непродовольственной сферы.

Изучение экономики края требует к себе исторического подхода, т. е. выяснения не только его современного состояния, но и причин возникновения различных отраслей народного хозяйства, происходящих в них изменений, связей и размещений, перспектив.

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ И СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ как объекты изучения экономического краеведения должны рассматриваться как составная часть народного хозяйства.

НАСЕЛЕННЫЕ ПУНКТЫ, по определению Э. Б. Алаева, представляют собой «территориально целостный и компактный ареал концентрации населения со всеми необходимыми условиями и оборудованием для жизни, труда и отдыха людей...». Населенные пункты в зависимости от численности населения и соотношения различных сфер приложения труда делятся на городские и сельские.

К **ГОРОДСКИМ НАСЕЛЕННЫМ ПУНКТАМ** в зависимости от их административного статуса можно отнести:

- столицы;

- административные центры областей, краев, автономных областей, национальных округов, административных районов;
- города районного подчинения – небольшие по размерам города, входящие в состав административных районов;
- города областного (краевого) подчинения – более крупные по числу жителей города, играющие важную роль в народном хозяйстве, не входящие в состав административных районов.

СЕЛЬСКИЕ НАСЕЛЕННЫЕ ПУНКТЫ в разных районах страны носят разные названия: села, станицы, районные центры и др.

Все населенные пункты своеобразны и отличаются историей, экономико-географическим положением, природными условиями, архитектурной планировкой и др. Задача экономического краеведения состоит в том, чтобы раскрыть своеобразие и характерные особенности поселения как составной части края.

2.4. ИСКУССТВОВЕДЧЕСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ КАК ОБЪЕКТ КРАЕВЕДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Изучение искусства родного края, в том числе и народного творчества, является составной частью общего краеведения. В памятниках искусства раскрываются настоящее и прошлое страны, неповторимые черты ее духовной жизни.

Искусствоведческое краеведение прививает бережное, уважительное отношение к памятникам искусства, вызывает желание уберечь их от разрушения, сохранить для потомков, т. е. не только приобщает к активному освоению художественно-культурного наследия, но формирует сознание ответственности перед прошлым и будущим.

Объекты искусствоведческого краеведения можно разделить на две группы:

- подлинные произведения искусства, имеющие самостоятельную ценность.
- памятные места, связанные с жизнью и творчеством деятелей искусства или отраженные в их произведениях.

Объекты искусствоведческого краеведения рассматриваются и как источник знаний по истории и культуре края и как источник знаний о самом искусстве, его историческом развитии и значении, так как памятники искусства помимо исторической, научной имеют еще художественную ценность. В этом состоит специфика искусствоведческого краеведения, в отличие от других направлений, где объекты являются фактами истории, явлениями природы, свидетельствами уклада хозяйственной жизни. Искусствоведческое краеведение включает в себя изучение произведений архитектуры, литературы, изделий народных промыслов. Каждый край богат

памятниками, изучение которых может дать интересный материал по истории его культуры. Произведения архитектуры являются памятниками как материальной, так и духовной жизни. Такие памятники сохранили особенность, присущую ранним этапам развития искусства, когда оно непосредственно было вплетено в трудовую жизнь людей. История архитектуры – это история ее стилей, формировавшихся под воздействием определенных условий.

Главное назначение архитектуры – создание искусственной пространственной среды для жизненных процессов: труда, быта, культуры, отдыха и общения людей. Возникновение тех или иных типов архитектурных сооружений определяется социальным назначением архитектуры, благодаря ей познаются социальные условия жизни общества в определенную эпоху. Изучая архитектурные памятники, следует задуматься об их конкретном историческом назначении, о том, какая общественная потребность их породила. Природные условия оказывают влияние на архитектурные формы. Фундаменты могут быть сварными, трубными и др.; покрытия кровли – плоскими на юге и высокими, со шпильями, шлемовидными и луковичными главками, чтобы снег, соскальзывая, отбрасывался формой кровли в сторону от стены, – на севере, улицы – узкими в южных городах и пр. Народное творчество, выраженное в умении тонко чувствовать природные свойства местных материалов, использовать их возможности и особенности при создании произведений, а также вводить местные мотивы в структуру художественных образов накладывало свой отпечаток на произведения архитектуры. Например, каменное строительство, появившееся на Руси с принятием христианства, принесло византийскую строительную технику и византийский строительный материал – плинфу (плоский кирпич, перемежавшийся с толстыми слоями штукатурки что давало эффект «полосатой кладки»), сохранившиеся в древних памятниках зодчества Украины, Западной и Юго-Западной Руси. Но архитектурные школы Владимира, Суздаля, Юрьева-Польского, Ростова Великого, Новгорода, Пскова, Ярославль вырабатывали свою строительную технику и использовали местный строительный материал (белый камень). В более поздние времена в зодчестве Московской Руси встречался характерный прием сочетания кирпича с белым камнем. В круг вопросов изучения искусствоведческого краеведения могут быть отнесены:

- характерные для края архитектурные сооружения, их планы, конструкции форм;
- местные строительные материалы и техника;
- назначение архитектурных сооружений;

- простейшие описания и выводы о причинах возникновения и времени строительства архитектурных памятников, подчеркивающие связь с историческими условиями.

Кроме того:

- природные условия, экономика и хозяйство края, приведшие к возникновению народных художественных промыслов;
- специфика промыслов, используемые материалы, техника и технологии;
- связи народного искусства с бытом и культурными традициями края, обычаями, образом жизни и труда мастеров;
- утилитарные и эстетические качества изделий народных мастеров, особенности их создания и использования;
- особенности развития современного народного искусства, традиции;
- коллективный и индивидуальный характеры народного творчества, художественные типовые особенности промыслов.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ позволяют видеть богатство и многообразие искусства края, расширяют круг чтения, развивают кругозор и духовное богатство личности, раскрывают современное звучание классики и дают направление самообразовательной работе в области литературы.

Многообразие и гибкость художественных средств литературы, главным из которых является слово, дают возможность сочетать в литературных произведениях понятийную определенность с изображением конкретных жизненных явлений. Этот древнейший вид культуры первоначально существовал в форме устного народного творчества, являющегося и поныне свидетельством высокого и художественного уровня мышления народа. Слову доступно отражение всех сфер действительности, поэтому главной особенностью художественного образа в литературе является широта охвата различных сторон жизни, отражение действительности как исторического процесса. Безграничные возможности литературы выражать полноту мыслей, чувств, устремлений и надежд делают ее основой других искусств: театра (драматургия), кино (сценарий), хореография (либретто). Литературные сюжеты нередко лежат в основе живописных, скульптурных и графических произведений. Даже музыка, стремясь достичь прямого и однозначного воздействия на человека, прибегает к синтезу со словом. Каждый край имеет свои литературные традиции, памятники, музеи. Большинству писателей была присуща страсть к путешествиям по родной стране, стремление собственными глазами увидеть народную жизнь, принять в ней деятельное участие. Поэтому изучение литературных памятников может плодотворно развиваться в каждом крае.

К ОСНОВНЫМ НАПРАВЛЕНИЯМ краеведческого изучения литературных памятников можно отнести:

- сбор и изучение материалов о местных памятниках народного творчества, фольклора, в т. ч. самых древних его форм – сказок, былин, преданий, песен;
- изучение творчества и биографий писателей, поэтов, драматургов, родившихся или живших в крае;
- выявление памятных мест, связанных с произведениями художественной литературы.

В процессе краеведческих исследований следует самостоятельно работать с книжными и архивными источниками, разделами книг, вырабатывать умение выбора нужного материала, приобретать навыки сопоставления фактов, явлений и событий. Произведения изобразительного искусства (живописи, скульптуры, графики) не обладают способностью изображать людей в действии, во времени. Они статичны, безмолвны, воспринимаются только зрением, но обогащают представления о природе, быте, человеческих отношениях, характере развития края в тот или иной исторический период и, следовательно, представляют значительный интерес для краеведов. Черты, присущие культуре края, ярко выражаются в музыке и танцах. Национальная музыка связана с определенным рисунком танца, характерами народных костюмов и украшений, образами природы края и физическим обликом исполнителей, местными обычаями и обрядами. Искусствоведческое краеведение во всех его многообразных проявлениях свидетельствует, что духовная жизнь края запечатлена во всем – в памятниках архитектуры и предметах быта, скульптуре и живописи, орнаментах одежды, песнях и танцах, устном творчестве и обычаях. Все это создает ощущение неповторимости художественной культуры края, изучение и пропаганда которой – задача искусствоведческого краеведения. Памятные места, связанные с жизнью и творчеством деятелей культуры, занимают особое место среди объектов искусствоведческого краеведения. Михайловское и Тарханы, Клин и Ясная Поляна неразрывно связаны в нашем сознании с именами А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова, П.И.Чайковского и Л. Н. Толстого. Культурные традиции и памятные места – основа искусствоведческого краеведения. Встреча с местностью и обстановкой, где жили и работали писатели и живописцы, музыканты и актеры, знакомство с подлинными документами, личными вещами, посещение мест, где художниками владели запечатленные в их произведениях мысли и чувства, производят яркие, неизгладимые впечатления. Волнующий эффект присутствия в этих исторических местах вызывает неповторимое ощущение личной причастности к культурной традиции края. Многие памятные места – неповторимые и бесценные свидетели истории. Нередко в памятных местах уже созданы музеи, усадьбы-заповедники, мемориальные квартиры.

Искусствоведческое краеведение должно привести к обоснованию историко-художественной ценности местных памятников культуры и памятных мест как явлений культуры страны, что позволяет определить характер дальнейшей краеведческой деятельности по пропаганде и охране выявленных объектов.

2.5. ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ И НАРОДНОЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ТВОРЧЕСТВО

Произведения народного искусства представляют для краеведов особый интерес. Характер таких произведений связан с бытом, образом жизни и труда людей, населяющих край, дает возможность ясно представить истоки и своеобразие местной художественной культуры.

На ранних этапах своего развития народное искусство было непосредственно вплетено в трудовую деятельность, процессы производства, что особенно ярко демонстрируют образцы народного декоративно-прикладного искусства. Повседневным предметам труда – сохе, прялке, туеску, корзине придавались красота линий, форм, узоров. Краеведческое изучение призвано выявить связь народного искусства с крестьянским или ремесленным трудом, специфику создания изделий, их назначение и использование, удивительное сочетание в них утилитарных и эстетических качеств. Центры художественных ремесел возникали вблизи природных источников сырья: гончарные – у залежей глины (Гжель, Скопин), изделий из металла – в местах разработок руд (Великий Устюг, Тула), резьбы по кости – на севере, где добывали моржовый клык (Холмогоры, Архангельск). В руках народных умельцев самые простые материалы – глина, металл, кость, железо, лен, дерево превращались в произведения искусства, которые славились не только в России, но и за рубежом. Фантазия придавала изделиям черты сказочности, служила основой своеобразного поэтического мира, в котором быль и вымысел слиты воедино.

Столетиями в народном искусстве отбирались и шлифовались лучшие формы, композиционные схемы, орнаменты, сочетания цветов, характерные для края.

ГЛАВА 3. ИСТОЧНИКИ КРАЕВЕДЕНИЯ

Источники изучения края разнообразны по своему характеру и содержанию. К числу основных источников краеведения относятся: краеведческая библиография, произведения печати, статистические данные, картографические источники, архивные материалы, устное народное творчество, объекты и процессы природы, памятники истории и культуры.

3.1. КРАЕВЕДЧЕСКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Краеведческая библиография – научно-практическая деятельность по подготовке и распространению библиографической литературы. В задачи краеведческой библиографии входит выявление, учет, характеристика и пропаганда краеведческой литературы.

Краеведческая библиография разнообразна по видам и периодичности выпуска изданий, назначению, полноте отбора материала и охватываемому периоду, тематике.

Основные виды библиографических изданий делятся на группы:

- библиографический указатель, изданный книгой или брошюрой;
- каталог местной библиотеки;
- библиографический список в книге: перечень использованной литературы или литературы по теме книги (прикнижная библиография), подстрочные ссылки;
- внутрижурнальная и пристатейная библиография в журналах, сборниках трудов, записках научных обществ и пр.;
- список литературы к статьям, обзорам и рецензиям.

Назначение краеведческой библиографии определяется контингентом читателей, на которых она рассчитана.

Принято выделять такие категории читателей:

- читатели, использующие краеведческую библиографию как справочно-информационный источник;
- исследователи края;
- читатели, занимающиеся самообразованием;
- школьники, изучающие краеведение как дополнительный предмет.

Степень полноты отбора материала предполагает деление краеведческой библиографии на два вида:

- **ПОЯСНИТЕЛЬНУЮ**, содержащую только перечень литературы с кратким описанием фактических данных, позволяющую разыскать произведение печати – фамилию и инициалы автора, заглавие, подзаголовок, место издательства, год издания, число страниц, например, Большаков А. М. Введение в краеведение. – Л.: Прибой, 1929. – 208 с.;

- **РЕКОМЕНДАТЕЛЬНУЮ**, содержащую не только описание, но и характеристику, присутствующую в списке литературы и раскрывающую ее тему, содержание, назначение, а также краткую аннотацию или более подробный реферат и обзор.

Периодичность выпуска краеведческой библиографии позволяет делить ее на две группы:

- текущую (обычно учетно-регистрационного типа), выпускаемую регулярно; ее хронологические рамки определяются сроками изданий,

например, «Книжное обозрение», «Книжная летопись», «Библиографические указатели о местном крае», периодически издаваемые областными библиотеками, библиографические указатели статей, опубликованных местными журналами за год, которые даются в последних номерах журналов;

- ретроспективную, охватывающую литературу о крае за определенный период, например, рекомендательные библиографические указатели литературы об истории России. Ретроспективными обычно являются все рекомендательные краеведческие библиографические издания, поскольку отбор литературы в них обусловлен их назначением; нижняя хронологическая граница определяется составителями, верхняя соответствует времени выпуска. Подготовка таких указателей очень трудоемкий процесс, требующий высокой квалификации составителей, больших затрат времени. В этом заключается одна из причин их немногочисленности.

Тематика краеведческой библиографии предполагает ее деление на следующие основные разделы:

- библиографические указатели и списки, всесторонне охватывающие край и часто издаваемые к юбилейным датам;
- библиографические издания с более узкими тематическими границами, посвященные отдельным аспектам хозяйственной и культурной жизни края, например, природе, истории и пр.;
- литература, посвященная людям, чья деятельность связана с краем, например, «Грибоедов в Петербурге» и др.

Центрами краеведческой библиографии являются библиотеки, осуществляющие справочную и информационную работу, пропаганду литературы местных изданий. Основа этой работы – краеведческий справочно-библиографический аппарат, представляющий совокупность справочных и библиографических изданий, библиотечных каталогов и картотек, предназначенных для поиска краеведческой информации.

КАТАЛОГИ большинства местных библиотек делятся на общие (систематические и алфавитные), специальные и сводные.

В СИСТЕМАТИЧЕСКОМ каталоге библиографические записи располагаются по предметным рубрикам, а в их пределах – в порядке алфавита.

В АЛФАВИТНОМ каталоге библиографические записи располагаются в алфавитном порядке.

В СПЕЦИАЛЬНЫХ каталогах содержатся карточки на все виды изданий, посвященных краю – книги, сборники, газетные и журнальные статьи, атласы, плакаты и др.

В сводных каталогах отражены фонды других библиотек – высших учебных заведений, крупных учреждений, музеев, отделов Всероссийского географического общества, Всероссийского общества охраны памятников

истории и культуры, Всероссийского общества охраны природы и др. Сводные краеведческие каталоги обычно служат основой для периодически издаваемых краеведческих указателей и справочников.

Каталог краеведческой литературы, как правило, состоит из трех частей:

- систематической, внутри которой краеведческая литература классифицируется по предметным отделам: «Природа и природные ресурсы», «История», «Народное хозяйство», «Литературная жизнь края» и др. Предметные отделы, в свою очередь, могут разделяться на подразделы;

- топографической (о разных местностях в пределах края);
- библиографической (о деятелях, связанных с краем).

Каталоги краеведческой литературы, как правило, имеют аннотации, в которых указываются:

- основные выходные данные издания – автор, название книги или статьи, издательство или название периодического издания, место и год издания, число страниц;

- точное указание текста, предметная характеристика содержания и сопроводительный материал – иллюстрации, карты, схемы, таблицы, графики и пр.

РАБОТА С БИБЛИОТЕЧНЫМИ КАТАЛОГАМИ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКИМИ УКАЗАТЕЛЯМИ

Перед работой над краеведческой темой необходимо ознакомиться с литературными источниками. В поиске краеведческой литературы можно использовать справочный материал.

1. СИСТЕМАТИЧЕСКИЙ И КРАЕВЕДЧЕСКИЙ КАТАЛОГИ. Для этого необходимо учесть возможные разделы каталогов, в которых может находиться литература по нужной теме. Например, литературу о лесах можно искать в систематическом каталоге в разделах «Природа» («Растительность»), «Промышленность» («Лесная промышленность»), «Сельское хозяйство» («Лесоводство») и в краеведческом каталоге в его систематической («Природа») и топографической («Районы края») частях.

Каждый раздел систематического и краеведческого каталогов имеет свой **ИНДЕКС** в алфавитно-предметном указателе к этим каталогам. Индекс указывается на этикетке каждого каталожного ящика. На все книги и статьи в соответствующем разделе каталогов имеются карточки с **ВЫХОДНЫМИ ДАННЫМИ**.

2. БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ УКАЗАТЕЛИ, карточки на которые находятся в разделе «Библиография» систематического и краеведческого каталогов. Основные направления поиска сводятся к следующему:

- надо выбрать нужные предметные и специальные краеведческие указатели;

- по оглавлению познакомиться с разделами и установить, в каких из них можно выбрать литературу по теме;
- найти соответствующие разделы в указателях;
- познакомиться с содержащимися в них библиографическими записями;
- отобрать нужные материалы;
- записать их выходные данные.

3. ТЕКУЩИЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ И СПРАВКИ, имеющиеся в библиотечном архиве. По фамилии автора, названию и другим выходным данным статьи или книги можно найти карточки на них в алфавитном каталоге.

Если нужной литературы в библиотеке нет, следует обратиться к сводному краеведческому каталогу и выяснить, в каких библиотеках она есть, чтобы заказать ее по межбиблиотечному абонементу (МБА).

3.2. ПРОИЗВЕДЕНИЯ ПЕЧАТИ

Важные источники сведений о крае – произведения печати. Они рассказывают о прошлом, настоящем и будущем края, его истории, экономике, культуре, природных богатствах, достопримечательностях; содержат первичную информацию (памятники истории и культуры определенной эпохи), обобщают опосредованную информацию, воспринятую авторами из источников и переработанную ими.

Произведения печати могут быть связаны с краем различными способами:

- тематикой (краеведческая литература);
- местом издания (местные издания);
- авторской принадлежностью (печатные работы уроженцев края и литература об их жизни и деятельности).

Печатные издания классифицируются на научные, научно-популярные, справочные, библиографические, литературно-художественные.

СПРАВОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ. Представляют особый интерес для краеведов. Самые ранние из них датируются XVI в., когда возникшее в России книгопечатание резко увеличило поток исторических сведений о политической, экономической и духовной жизни народа. Справочные издания XIX – нач. XX вв. содержат историко-статистические сведения (печатные каталоги церквей и монастырей определенной епархии или губернии, многотомное издание «Военно-статистическое обозрение Российской империи»); историко-биографические («Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви», различные «родословные книги», многотомный «Русский биографический словарь», который и по

настоящее время сохраняет научно-справочную ценность, «Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период» и др.).

К основным видам справочных изданий можно отнести: энциклопедические, статистические, терминологические, справочники-путеводители:

ЭНЦИКЛОПЕДИИ (универсальные, отраслевые, тематические, региональные) содержат много краеведческих материалов.

СТАТИСТИЧЕСКИЕ СБОРНИКИ содержат обобщенные цифровые данные о крае. К ним относятся, главным образом, гидрологические, метеорологические, агрометеорологические справочники.

СПРАВОЧНИКИ-ПУТЕВОДИТЕЛИ многоплановы. Разные по объему и профилю они могут содержать информацию по регионам, городам, туристским маршрутам, курортам, мемориалам, музеям и др. Одни справочники-путеводители содержат большой фактический материал, всесторонне освещающий край в целом, другие – отдельные его аспекты: природу, историю, выдающиеся экскурсионные объекты.

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ СПРАВОЧНИКИ. Относятся к специальной литературе и содержат информацию, связанную с определенным направлением в изучении края. В работе со специальной литературой краевед может встретить незнакомые термины, что затрудняет правильное восприятие текста. В то же время без некоторых терминов не обойтись. В этих случаях и помогут терминологические справочники.

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЕ ИЗДАНИЯ краеведческого характера играют исключительно важную роль в патриотическом воспитании. Эти издания многоплановы.

Особое место в списке научно-популярных изданий занимает **ЛИТЕРАТУРА О ПРИРОДЕ**, очень важная для краеведческой работы, яркая, занимательная. К таким изданиям можно отнести научно-популярные книжные серии «Мир знаний», «Человек и стихия», журналы «Наука и жизнь», «Человек и природа», «Юный натуралист» и др.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА. Занимает важное место среди краеведческих изданий. Крупнейшие писатели и поэты обращались к природе дорогих для них или особенно интересных мест. В произведениях художественной литературы можно найти великолепные и точные описания типичных черт природы края, увиденных глазами художника в разное время. Перечень примеров здесь практически безграничен: это Орловская область в прозе И. С. Тургенева и И. А. Бунина, Вологодская земля в поэзии Н.Рубцова и А. Яшина, Рязанский край у С. А. Есенина, Мещера у К.Г.Паустовского и др.

ЛИТЕРАТУРА, ОСВЯЩАЮЩАЯ КУЛЬТУРЕ КРАЯ. Развитие народных художественных промыслов, творчество отдельных художников на протяжении одного или нескольких периодов – важный источник

краеведческих знаний. К такого рода литературе можно отнести отдельные книги и серии, например, «Деятели русского искусства в Петербурге», «Жизнь в искусстве», «Дороги к прекрасному», «Города и музеи мира».

МЕМУАРНАЯ ЛИТЕРАТУРА. Имеет особое значение в краеведении. Воспоминания ее авторов часто и существенно дополняют сведения, имеющиеся в других источниках. И чем меньше их сохранилось, тем более возрастает значение мемуаров. Иногда мемуары выступают единственным источником сведений о тех или иных событиях, передают колорит эпохи. Чаще всего мемуары публикуются в тематических сборниках или в виде отдельных книг и статей.

Мемуары имеют свои достоинства и недостатки. К достоинствам мемуаров следует отнести то, что автор в силу своей наблюдательности, зоркости, литературного дарования может нарисовать человеческие характеры, передать напряженность атмосферы, объяснить мотивы поведения людей.

К недостаткам мемуаров можно отнести то, что в них встречается неточное изложение фактов и событий. Поэтому сведения, полученные из мемуаров, желательно сопоставлять с материалами других источников.

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ. Важный источник краеведческих сведений. Она содержит много ценной информации по истории края. Особенно в этом отношении для краеведа важны исторические журналы «Русская старина», «Русский архив», «Чтения в обществе истории и древностей российских» и др.

МЕСТНАЯ ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ. Имеет особое значение для краеведа в получении фактического материала о крае. Газеты передают предельно конкретные сведения, сообщают места событий, имена их участников. Газетные статьи, заметки, корреспонденции, репортажи – это своеобразные тиражированные документы своего времени. В этом их краеведческая ценность.

3.3. СТАТИСТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ

Разносторонний фактический материал краеведческого характера содержится в статистических сведениях, основным видом которых являются **данные государственной статистики.**

К основным видам данных государственной статистики можно отнести:

ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ. До Октябрьской (1917) революции в России была проведена лишь одна (1897) всеобщая перепись населения. В советские годы переписи населения проводились в 1926, 1939, 1959, 1970 и 1979 гг. Материалы этих переписей были опубликованы в специальных сборниках, выпущенных Центральным статистическим управлением (ЦСУ) СССР.

Переписи дают основные сведения о населении – численности, естественном движении, семейности, социально-демографическом и национальном составе, уровне образования, размещении и миграции.

Учет населения (в промежутках между переписями) отделами записи актов гражданского состояния (ЗАГС) – регистрация рождений, смертей, браков и разводов и паспортными отделами милиции – регистрация приезда и выезда людей по данному населенному пункту. Эти сведения отделы ЗАГС и паспортные отделы сообщали в районные и городские ЦСУ СССР, а в настоящее время передают в ЦСУ РФ. В местных органах ЦСУ РФ есть данные о населении края на текущий год.

3.4. КАРТОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

Своеобразными источниками изучаемых событий (периодов) являются картографические источники, содержащие графические, фотографические, цифровые и текстовые данные.

Разновидностью картографических источников являются карты – уменьшенные, математически определенные и обобщенно изображения, содержащие данные в соответствии с темой и назначением.

Карты классифицируются по содержанию, территориальному охвату, масштабу и степени схематизации изображения.

Содержание карт зависит от их назначения. По этому принципу карты можно подразделить на такие группы:

- учебные;
- справочные, предназначенные для общего пользования. Они характеризуются большими подробностью и сведениями о различных объектах, показанных на карте. К таким картам можно отнести общегеографические карты справочного характера по РФ в целом (политико-административные и физические карты, карты путей сообщения и др.), карты отдельных регионов (справочные, туристские и схемы городов). Кроме отдельных карт и схем, выпускаются атласы, содержащие географические карты, картосхемы, схемы разной тематики по РФ в целом и по отдельным регионам;
- оперативно-справочные карты, имеющие более узкое целевое назначение. Они предназначены для повседневной практической работы. Их потребители – работники различных организаций и учреждений, которым эти карты нужны для проектирования и осуществления практической деятельности. Количество таких оперативно-справочных карт весьма значительно и они имеются во многих учреждениях.

Краевед в своей работе должен использовать учебные, справочные и оперативно-справочные карты. Наличие перечня условных обозначений на любом виде карт позволяет довольно легко ими пользоваться.

ПО СОДЕРЖАНИЮ карты делятся на общегеографические и специализированные.

На общегеографических картах изображаются внешние черты природных условий – береговые линии морей и океанов, рек и озер, рельеф, населенные пункты, границы регионов, пути сообщения.

На специализированных картах элементы изображаемых территорий показываются с большей подробностью и глубиной. Специализированные карты подразделяются на физико-географические, социально-географические и комплексные.

ФИЗИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ КАРТЫ дают обобщенную характеристику географической среды (карты природных зон и ландшафтов и др.), сведения о компонентах природы (геологические карты: тектонические, полезных ископаемых и пр.). К такого рода картам также относятся климатические карты (температура воздуха, осадки, давление воздуха, направления ветров), гидрологические, карты растительности и т. п.

СОЦИАЛЬНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ КАРТЫ делятся на демографические (численность, состав, миграция населения и др.); экономические (природные ресурсы, промышленность, сельское хозяйство, транспорт и пр.); политико-административные (с показом границ государств, областей, районов, населенных пунктов); культуры (с изображением центров науки, образования, искусства и др.); исторические, отражающие ход исторических событий (изменения границ государств, пути походов, места боев и других исторических событий).

КОМПЛЕКСНЫЕ КАРТЫ дают характеристики явлений, относящихся не к одному, а к нескольким природным или социально-географическим элементам, раскрывают связи между различными явлениями. Например, из комплексной карты, содержащей характеристику природных условий края и его народного хозяйства, можно выявить взаимосвязь между размещением промышленности и сельского хозяйства и природными ресурсами, которые они используют.

ПО МАСШТАБУ можно выделить несколько групп карт:

- крупномасштабные (от 1: 200000 и крупнее);
- среднемасштабные (мельче 1: 200000 и до 1: 1000000);
- мелкомасштабные (мельче 1: 1000000).

ПО СТЕПЕНИ СХЕМАТИЗАЦИИ изображения карты делятся на следующие группы:

- географические (с точной географической основой);
- картосхемы (по ним нельзя определить положение объектов в соответствии с масштабом);
- схемы без единого масштаба (планы городов, большинство исторических карт, схемы путей сообщения).

ФИЗИЧЕСКИЕ И СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫЕ физико-географические карты дают краеведу возможность выявить фактические сведения, характеризующие компоненты природы и их территориальные градации в пределах края. Например, по гипсометрической карте можно выявить высоты различных частей края над уровнем океана; по карте почв или растительности – распространение различных типов почв и растительности. Сопоставляя различные физико-географические карты можно установить взаимосвязь различных компонентов природы, определить территориальные различия в характере этих связей.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ карты позволяют краеведу определять территориальную дифференциацию различных отраслей хозяйства, выявлять условия их развития, уяснять пространственную структуру сложившихся территориально-производственных образований. Большие возможности для выявления изменений, происходящих в крае, предоставляет сравнение карт, изданных в разное время. По ним можно определять изменения границ административных районов, путей сообщения, плотности населения и других социально-географических элементов.

Исторические карты выступают в качестве важнейшего средства наглядности в работе краеведа. Они отражают ход исторических событий, представляют собой графическую летопись края. По историческим картам можно проследить, как складывалась территория края, какие племена заселяли его в прошлом, где происходили битвы с иноземными захватчиками, крестьянские и гражданские войны. Историческая карта помогает охватить единым взглядом эпохальные события в их концентрированном, обобщенном виде, представить их грандиозность и величие.

Значение карт в краеведческом исследовании не ограничивается анализом фактов, характеризующих край. Карты служат важным средством их фиксации. Краевед может нанести на карту собранные им данные о природе края, населении, обозначать центры народных художественных промыслов и др., показать выявленные им взаимосвязи в природе и хозяйстве.

3.5. АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Огромный интерес для исследователей края представляют архивные документы, центрами хранения которых являются архивы. Государственные архивы – хранители национального многовекового документального наследия (табл.).

Декретом Совета Народных Комиссаров от 1 июня 1918 г. «О реализации и централизации архивного дела», подписанным В. И. Лениным, был образован единый архивный фонд. Материалы фонда сосредоточены в архивных учреждениях, сеть которых построена по принципу

административно-территориального деления государства и включает в свой состав центральные государственные архивы с материалами общественного значения, краевые, областные, местные, окружные, городские и районные архивы, подчиненные местным архивным органам.

Основные этапы развития архивного дела:

- 1918-1922 - Главное управление архивным делом при Наркомате просвещения РСФСР (ГУАД/Главархив при Наркомпросе РСФСР)
- 1922-1929 - Управление Центральным архивом при ВЦИК РСФСР (Центрархив)
- 1929-1938 - Центральное архивное управление РСФСР (ЦАУ РСФСР)
- 1929-1938 - Центральное архивное управление Союза ССР (ЦАУ СССР)
- 1938-1948 - Главное архивное управление НКВД СССР (ГАУ НКВД СССР)
- 1948-1960 - Главное архивное управление МВД СССР (ГАУ МВД СССР)
- 1960-1991 - Главное архивное управление при Совете Министров СССР (ГАУ при СМ СССР / Главархив СССР)
- 1955-1990 - Главное архивное управление при Совете Министров РСФСР (ГАУ при СМ РСФСР)
- 1990-1991 - Комитет по делам архивов при Совете Министров РСФСР (Роскомархив)
- 1991-1992 - Комитет по делам архивов при Правительстве Российской Федерации (Роскомархив)
- 1992-1996 - Государственная архивная служба России (Росархив)
- 1996-2004 - Федеральная архивная служба России (Росархив)
- 2004- по настоящее время - Федеральное архивное агентство (Росархив)

ОБЛАСТНЫЕ АРХИВЫ содержат важные материалы для историко-краеведческих исследований. Основные фонды этих архивов – дореволюционные (губернских учреждений, жандармских управлений, губернских статистических комитетов, казенных и контрольных **палат**, палат уголовного и гражданского судов), местных органов государственной власти, предприятий, культурно-просветительных и других учреждений и организаций. Документы этих архивов позволяют уточнять сведения о событиях, отдельных фактах истории края, искать имена их участников и получать много полезных для краеведов сведений.

Таблица 1

ПЕРЕЧЕНЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ АРХИВОВ

НАИМЕНОВАНИЕ	МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ	ФОНДЫ
Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА)	Москва	Фонды центральных учреждений России до XIX в. и местных — до н.ХVШв.; монастырские и личные фонды
Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР)	Москва	Фонды съездов Советов, сессий и президиумов ЦИК СССР и ВЦИК, СНК СССР и РСФСР, Совета труда и Оборона, Верховных Советов СССР и РСФСР, их Президиумов и др. центральных советских учреждений
Центральный государственный архив Военно-Морского Флота (ЦГАВМФ)	Санкт-Петербург	Фонды учреждений Военно-Морского Флота
Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА)	Москва	Материалы центральных и местных управлений и учреждений по организации вооруженных сил дореволюционной России; по руководству военными действиями русских армий в войнах с ХVШв. по первую мировую войну
Центральный государственный архив Советской Армии (ЦГАСА) и архив Министерства обороны	Москва	Документы и материалы военных учреждений и военных частей Советской Армии
Центральный государственный архив литературы и искусства (ЦГАЛИ)	Москва	Материалы по истории культуры
Центральный государственный архив кино-, фото-, фонодокументов (ЦГАКФФД)	Г.Красногорск, Московской области	Кино-, фото-, фонодокументов

МЕСТНЫЕ АРХИВЫ – музеев, библиотек, региональных отделений Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры содержат рукописные воспоминания очевидцев исторических событий, записи встреч с деятелями культуры, письма, каталоги коллекций произведений искусства,

карты, планы, рисунки, фотографии, акты закупочных и передаточных комиссий и др.

ПИСЬМЕННЫЕ МАТЕРИАЛЫ – рукописные до середины *"ЧБ в.* книги, юридические акты, приказная документация, летописи, берестяные грамоты и т. п. представляют собой своеобразные архивы, питающие наши знания о прошлом. Они различаются по материалу, на котором написаны, характеру букв и текста в целом, художественному оформлению, что позволяет установить время их издания и принадлежность.

Большинство рукописей XI-XVIII вв. опубликованы, некоторые переведены на современный язык. Однако в архивах хранится много интересных для краеведов рукописей частного и официального характера, которые обогащают новыми знаниями по истории края, создают образное представление об эпохе.

Главная задача в работе с архивными документами – накопление фактических знаний. Краевед, изучающий архивные документы, составляет свое научное знание о предмете путем его изучения, анализа, выявления причинно-следственной связи с другими фактами истории и т. д.

К оценке любого архивного документа следует подходить объективно, научно исследовать причины и следствия, факты и сведения.

3.6. УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Важное значение для изучения истории, культуры, искусства и быта края имеют лингвистические материалы и устное народное творчество.

К **ЛИНГВИСТИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ** можно отнести записи местных говоров, диалектов и пр.

К **УСТНОМУ НАРОДНОМУ ТВОРЧЕСТВУ** можно отнести сказки, предания, былины, песни, пословицы, поговорки.

ВОСПОМИНАНИЯ И РАССКАЗЫ людей, в памяти которых сохранились важные для краеведческой деятельности материалы – один из основных языковых каналов передачи сведений.

ЗАПИСИ ФОНОТЕКИ – существенное дополнение к другим источникам получения краеведческих знаний.

Своеобразный характер краеведческим знаниям придают науки топонимика и антропонимика.

3.7. НАБЛЮДЕНИЕ ОБЪЕКТОВ И ПРОЦЕССОВ ПРИРОДЫ

Важный источник краеведческих знаний – непосредственное изучение объектов и процессов природы. К основным способам изучения объектов и процессов природы относятся самостоятельные поездки, экскурсии, краеведческие экспедиции.

Целями таких мероприятий являются:

- определение местоположения достопримечательностей природы (уникальных видов растений, минеральных источников, водопадов и др.) и проведение наблюдений за ними;
- наблюдение редких явлений и процессов природы (землетрясений, вулканических извержений, затмений солнца и др.);
- изучение состояния охраняемых объектов природы (заповедников, лесничеств и др.).

Москвоведение. География Москвы и Московской области: Учебное пособие. – М.: Экспрос, 1995 – 1996.

Наблюдение природы наиболее полно и квалифицированно организуют специалисты – географы, биологи и др. Их проведение необходимо оснащать специальными приборами. Участники экспедиций должны владеть методикой сбора, фиксирования и обработки фактического материала, навыками топографической работы на местности, барометрическим нивелированием и др.

Во время природоведческих экскурсий достаточны простейшие кратковременные натуралистические наблюдения.

Для сбора информации используются дневники наблюдений, кино- и фотоаппаратура. При сборе образцов местной флоры и фауны, полезных ископаемых на них следует наклеивать этикетки с краткой информацией.

3.8. ПАМЯТНИКИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Памятники материальной культуры следует рассматривать не только как объекты краеведения, но и как продукты определенных общественных отношений, непосредственно отражающих конкретную сторону человеческой деятельности.

Памятники материальной культуры разнообразны, как и характер содержащейся в них информации, который зависит от видов памятников. Общее в памятниках то, что каждый представляет определенный объем информации своего времени.

В. Г. Белинский писал: «Не говорите, что у нас нет памятников, что замечательнейшие события истории записаны только на сухих страницах летописей, но не переданы памяти потомства в произведения искусства. Они рассеяны всюду, особенно в старинных городах наших... По одним этим памятникам можно было бы прочесть историю Руси». К основным видам памятников культуры и искусства можно отнести произведения архитектуры, живописи, литературы и др.

Произведения архитектуры, которые образно называют страницами каменной летописи истории, независимо от степени известности и художественного совершенства, фиксируют вехи многовековой истории и

культуры края. Монументы, обелиски, колонны, триумфальные арки, плиты с рельефами и надписями, мемориальные надгробия и комплексы и т. д. – это первоисточники, тесно связанные с местом своего возникновения, вобравшие в себя все, что ассоциируется с материальной и духовной жизнью населения края. Их изучение дает возможность судить о развитии производительных сил, экономике, науке, технических достижениях и производственных возможностях, различных сторонах жизни населения края.

Застройка старых городов является историей, их неповторимым и уникальным лицом. Памятники архитектуры в своих конструкциях, формах, декоративном оформлении раскрывают эстетические воззрения эпохи, характер жизненного уклада населения, художественные особенности творчества мастеров, связи, специфические особенности разных архитектурных школ.

Произведения живописи и графики удивительно точно воспроизводят характерные приметы времени и несут, таким образом, информацию об истории края, его природе, культурном и экономическом развитии, мельчайших деталях уклада жизни, таких как костюмы, прически, предметы быта.

Произведения литературы являются важными историческими документами, позволяющими зримо, во всем многообразии представить характерные черты времени, имеют огромное познавательное значение.

Хранителями памяти о прошлом были сказители, поэты, имена которых зачастую не сохранились, передававшие в своих творениях важнейшие для истории народа события, которые способствовали осознанию национальной гордости за свою историю и культуру. Русские былины, «Слово о полку Игореве», произведения А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, М. А. Шолохова, К. М. Симонова и других писателей воссоздают главнейшие периоды исторического развития нашей страны.

Орудия труда и предметы быта также представляют историческую ценность, так как позволяют понять условия и среду жизни населения края в определенное время. Перечень таких предметов велик. Это археологические материалы и находки, фото- и киноматериалы, звуко- и видеозапись, голография, различные реликвии и награды (именные часы и оружие, ордена и медали), знамена, предметы ремесел и быта, вещественные следы войны – военные сооружения, боевое оружие и техника и другие предметы трудовых подвигов.

Личные вещи и документы знаменитых людей дают возможность прикоснуться к наглядным свидетельствам минут вдохновения писателей и художников.

Марки, значки, монеты, открытки (художественные и фотографические), репродукции картин также являются своеобразными памятниками материальной культуры.

Фонды музеев являются хранилищем различных материалов об истории, культуре, природе, экономике края. К таким музеям можно отнести государственные краеведческие музеи, общественные музеи, созданные на краеведческом материале.

Необходимость получения достоверных фактов обязывает краеведов широко и тщательно изучать источники, искать причинно-следственные связи между событиями, стремиться правильно определить место данного факта в цепи других. Это обусловлено тем, что наука рассматривает факты не как хаотическое скопление случайностей, а как проявление действия законов исторического развития. Работа с краеведческими источниками представляет сложный процесс, в котором приходится обращаться и к памятникам, и к живым свидетелям.

ГЛАВА 4. ТУРИСТСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

Краеведение играет большую роль для целей туризма. Материалы, полученные в результате изучения края, используются в экскурсионной и выставочной работе, в профессиональной деятельности специалиста социально-культурного сервиса и туризма.

4.1. МЕСТО КРАЕВЕДЕНИЯ И ТУРИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Наибольшее применение для туристской деятельности краеведческий материал находит в экскурсионном обслуживании.

Подготовка экскурсии тесно связана с изучением многочисленных и разнообразных краеведческих материалов. Краеведческая экскурсия – одна из форм знакомства с краем. Основной принцип экскурсии – от «показа к рассказу» – дает экскурсантам возможность получить информацию, зрительно воспринять особенности и достопримечательности края. Экскурсионные организации разрабатывают разные по содержанию экскурсии, способствующие всестороннему знакомству с краем. К основным видам краеведческих экскурсий можно отнести обзорные (многоплановые) и тематические. Обзорная краеведческая экскурсия позволяет экскурсантам познакомиться с краем как исторически сложившимся своеобразным комплексом, национальными особенностями и обычаями людей, проживающих в данной местности, за короткое время получить общее и цельное представление об истории, культуре, промышленности, науке края. Краеведческий материал – основа обзорной экскурсии, в которой раскрываются взаимосвязанные темы: историческое прошлое и современная жизнь края, его природно-географические условия, специфика экономического развития, культурные традиции. Например, в экскурсии

«Заповедный Арбат» раскрываются история старинной московской улицы, ее мемориальных домов, связанных с творчеством многих деятелей культуры, сложившийся поэтический образ Арбата. В экскурсиях по Челябинску рассказывают об истории его возникновения, о первых поселениях, первых улицах, площадях и зданиях, связанных с жизнью и деятельностью государственного чиновника – В.Н. Татищева, В.Г. Жуковского – основателя городской больницы, революционеров и военачальников – С.М. Цвиллинга, В.К. Блюхера. В экскурсии используется краеведческий материал, раскрывающий ее основную тему и подтемы.

Подготовка к новой обзорной экскурсии должна начинаться с изучения справочной литературы, путеводителей, энциклопедий, материалов, в которых содержатся хроника исторических событий, географические, биографические, статистические данные. Библиографические пособия и указатели – основные помощники в поиске краеведческой литературы.

Экскурсовод должен руководствоваться определенными правилами при работе с краеведческими материалами:

- знать основные библиографические работы;
- владеть методикой поиска необходимых источников в общем потоке книжной продукции;
- не использовать материалы, содержащие устаревшие сведения;
- не выдавать за истину материалы из художественной литературы;
- давать правильную оценку событиям;
- опираться на справочные и библиографические издания.

Обзорные экскурсии имеют ряд **ОСОБЕННОСТЕЙ**, которые необходимо учитывать при работе с краеведческим материалом.

1. Отбор объектов для показа должен быть тесно связан с разработкой маршрута, наилучшим образом отвечать задачам обзорной краеведческой экскурсии. Край постоянно обновляется, в нем происходят важные события, преобразуется его облик, появляются новые памятники, жилые районы. Общий и местный материал истории края должен показываться в неразрывной связи с историей страны.

2. Категория потребителей экскурсионного маршрута определяет его будущий вариант. Для каждой группы потребителей обзорная краеведческая экскурсия должна иметь свои особенности. При разработке темы экскурсии следует подбирать краеведческий материал, рассчитанный на *состав* экскурсионной группы. Например, экскурсии для местного населения требуют особой глубины материала, раскрытия многосторонней жизни края, глубины вопросов истории, экономики, демографии, перспектив развития. Экскурсии для приезжих экскурсантов требуют ярких, зрительно запоминающихся, характерных черт и эпизодов, отличающих данный край от других. Экскурсии для иностранцев основываются на показе наиболее

значимых объектов на фоне справочного материала. Экскурсовод должен стремиться показать город в его историческом развитии, отметить специфику современной жизни. Загородная краеведческая экскурсия – особый вид обзорных экскурсий. При подготовке к загородной экскурсии экскурсовод включает в программу такие характерные для каждой загородной экскурсии подтемы, как «История дороги», «Дорога и знаменитые путешественники», «Дорога в восприятии знаменитых людей» и др. Краеведческий материал – основа для раскрытия этих подтем. Важно передать поэтическое восприятие дороги, которое соприкасается с темой любви к родине. При отборе краеведческого материала следует обращаться к научным исследованиям комплексного и отраслевого краеведения.

«ПОРТФЕЛЬ» ЭКСКУРСОВОДА комплектуется с учетом многопланового характера обзорной экскурсии. В него следует включать изоматериалы, фрагменты из старых газет, архивные документы, фотографии несохранившихся архитектурных сооружений, портреты деятелей того периода, когда они жили в этих местах и другие краеведческие материалы. Часто в обзорную экскурсию органично включается посещение краеведческого музея или его отдельных разделов.

ТЕМАТИЧЕСКАЯ КРАЕВЕДЧЕСКАЯ ЭКСКУРСИЯ посвящена раскрытию одной темы. Важное место в формировании материала для тематической экскурсии занимает историческое краеведение, в котором можно выделить следующие направления: военно-историческое, археологическое, этнографическое, архитектурное, искусствоведческое, природоведческое.

Работа с краеведческими материалами при подготовке к тематическим экскурсиям включает в себя изучение фондов и материалов местных архивов, литературных источников, сбор и анализ воспоминаний старожилов, выявление важных исторических событий данного края, памятных мест, природных памятников и др.

Обзорные и тематические экскурсии, основанные на краеведческом материале, – эффективная форма патриотического воспитания и популяризации знаний о родном крае.

КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ В ИСТОРИЧЕСКИХ ЭКСКУРСИЯХ. Основная цель исторических экскурсий – воссоздание в сознании экскурсантов героического прошлого нашей Родины, его связи с настоящим. Знание истории своего народа воспитывает патриотические чувства, помогает оценивать современные достижения, способствует более глубокому усвоению лучших традиций и культурного наследия прошлого, ведет к развитию новых традиций и культуры.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КРАЕВЕДЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА В ИСТОРИЧЕСКИХ ЭКСКУРСИЯХ – обязательное условие. Информацию о памятниках истории дают старые планы городов, книги, иллюстрации, справочные и библиографические издания. Работая с мемуарной литературой, необходимо помнить, что

ценность ее – в описании быта, обычаев, а не в субъективной оценке авторами исторических героев и событий. При анализе исторических событий экскурсоводу следует подчеркивать роль народа как творца истории, показывать значение выдающихся исторических деятелей как выразителей интересов определенных классов и общественных кругов.

ОБЪЕКТЫ ПОКАЗА исторических экскурсий многоплановы. Например, памятник К. Минину и Д. Пожарскому на Красной площади в Москве раскрывает подтему освободительной войны русского народа в XVII в., но этот памятник – и прекрасный образец русской скульптуры периода классицизма. В экскурсии, посвященной Отечественной войне 1812 г., экскурсоводу приходится затрагивать вопросы экономики, состояния производительных сил России, положения крепостного крестьянства и т. п. При этом следует учитывать, объекты показа являются памятниками архитектуры, строительного дела, культуры. Например, район Москвы «Китай-город» – историко-архитектурный заповедник столицы с большим количеством памятников архитектуры, важнейшим и старейшим торговым центром, а также место, с которым связаны многие важные события современности. Экскурсовод, проводящий экскурсию на историческую тему, должен хорошо представлять эпоху во всем ее многообразии, включая состояние науки, культуры, искусства освещаемого периода. Рассказывая о декабристах, надо сказать об их влиянии на поэзию А. С. Пушкина. В свою очередь, умелое приведение пушкинских строф поможет экскурсоводу сделать рассказ о декабристах более живым и впечатляющим. Методические приемы цитирования и литературного монтажа позволят экскурсоводу включать в экскурсию цитаты подлинных исторических документов, делать рассказ более выразительным.

НАГЛЯДНЫЕ СРЕДСТВА – фотокопии, репродукции и другой иллюстрированный материал способствуют более глубокому раскрытию темы. Однако их не должно быть слишком много. Также не следует показывать их на ходу или во время экскурсии. Для демонстрации наглядных материалов лучше выбрать паузу перед переходом к следующему объекту. Экспонаты «портфеля» должны быть эстетично оформлены, копии – качественно выполнены, и иметь данные об источниках. Образному воссозданию событий, портретов исторических личностей, упоминаемых в связи с этими событиями, поможет использование экскурсоводом произведений художественной и мемуарной литературы. Памятники истории и архитектуры следует рассматривать во взаимосвязи с историей культуры края. В некоторых экскурсиях в качестве объекта показа используются археологические памятники: остатки древних поселений, городища, древние рудники, могильники, наскальные рисунки и т. п. В данном случае следует знакомить экскурсантов с целью и задачами работы археологов, объяснять, что дает историкам изучение древнейших следов материальной культуры.

При проведении исторических экскурсий экскурсовод должен освещать исторические факты и события с позиций новейших достижений науки, осуществлять анализ экскурсионных объектов целенаправленно, делать экскурсию актуальной и современной.

ЭКСКУРСИИ НА ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЕ темы основаны на изучении и использовании материалов военно-исторического краеведения. Маршруты таких экскурсий проходят по местам сражений и боевых походов войск, партизанских отрядов. В них включается осмотр исторических и краеведческих музеев, музеев Боевой Славы, Обороны, мемориалов, братских могил, памятников выдающимся полководцам и национальным героям. Огромное эмоциональное воздействие оказывает посещение священных для всех нас мест – могилы Неизвестного солдата у Кремлевской стены в Москве, Пискаревского кладбища в Санкт-Петербурге, Мамаева кургана в Волгограде, памятника жертвам фашизма в Хатыни и др. Многие экскурсии посвящены бессмертным подвигам Героев Советского Союза Зои Космодемьянской, Николая Кузнецова, Александра Матросова и др. Экскурсии на военно-исторические темы должны соответствовать научной периодизации и трактовке истории Великой Отечественной войны, содержать подлинные фактические материалы, данные краеведческих изысканий. При реконструкции событий существенную помощь могут оказать старые фотографии, схемы. Например, показывая восстановленный облик города, следует представить его фотографию в годы Великой Отечественной войны. На экскурсиях в городах-героях следует использовать краеведческий материал, рассказывающий о мужестве и самоотверженности жителей, героической обороне.

Военно-исторические экскурсии могут освещать не только события Великой Отечественной войны, но героического прошлого, например, Куликовской битвы, борьбы против польско-литовской интервенции, Полтавской битвы, Отечественной войны 1812 г. и др.

КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ В АРХИТЕКТУРНО-ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫХ ЭКСКУРСИЯХ. Архитектурные памятники как произведения искусства являются свидетелями многих исторических событий, а, следовательно, и выразительным краеведческим материалом. Поэтому они входят в состав объектов показа архитектурно-градостроительных экскурсий. К основным видам архитектурно-градостроительных экскурсий можно отнести следующие:

- экскурсии (циклы экскурсий), знакомящие с памятниками архитектуры определенной эпохи или периода («Архитектура Петербурга XVIII – XIX вв. и др.);
- экскурсии, знакомящие с творчеством выдающихся зодчих (Росси, Казакова, Растрелли, Баженова и др.);

- экскурсии, знакомящие с генеральными планами реконструкции и развития городов, планировкой и застройкой новых районов, лучшими образцами современной архитектуры и др.

Объектами показа архитектурно-градостроительных экскурсий на основе краеведческого материала могут быть:

- исторические города;
- архитектурные ансамбли и комплексы;
- городские и сельские жилые дома, дворы, особняки, административные и общественные здания и пр.
- панорамы городов, микрорайоны и др.

Памятники монументально-изобразительного искусства: скульптура, фрески, витражи, декоративные росписи и др. близко примыкают к архитектурным памятникам. Характеристика архитектурного ансамбля включает в себя понятия градостроительного значения и архитектурного стиля, связь внешних архитектурных форм с интерьером, роль декора и строительного материала, соответствие здания его назначению, выразительное объяснение новаторства и профессионального мастерства зодчего и строителя. Для строительства общественно-важных зданий зодчие и заказчики стремились выбирать места не только в соответствии с их назначением, но и идеологической и художественной значимостью. Особенно большое значение придавалось выбору места для будущих храмов, дворцов, театров. Природное окружение, возвышенное место, продуманный подъезд к постройке должны были усиливать впечатление от нового сооружения, подчеркивать его достоинства. Само расположение таких сооружений могло влиять на их композицию. Так, главенствующему положению Исаакиевского собора в Санкт-Петербурге отвечает его центрическая композиция и относительная равноценность фасадов.

Каждое произведение архитектуры представляет интерес с трех точек зрения:

- функциональной (театр, храм, дворец, жилой дом);
- конструктивной (инженерное решение, особенности использования строительного материала, новаторские приемы);
- эстетической.

При показе архитектурного сооружения экскурсоводу следует указывать экскурсантам на это единство, раскрывать, как оно проявляется в шедеврах архитектуры.

НАГЛЯДНЫЕ ПОСОБИЯ, используемые в экскурсиях на архитектурно-градостроительные темы, могут быть самые разнообразные – планы, чертежи, разрезы, эскизы проектов, гравюры, литографии, фотографии. Без них сложно представить первоначальный облик зданий, особенности конструкций или увидеть район города таким, каким он станет через несколько лет. Например,

план-схема города помогает наглядно представить этапы его роста, понять структуру застройки, например, зримо ощутить радиально-кольцевую застройку Москвы, планировку Санкт-Петербурга и т.д. Справки об истории и сущности реставрации с указанием времени проведения работ, названия архитектурной мастерской, использования памятников в наши дни должны приводиться в каждой архитектурной экскурсии. Этот материал должен быть связан с Законом «Об охране и использовании памятников истории и архитектуры».

КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ В ИСКУССТВОВЕДЧЕСКИХ ЭКСКУРСИЯХ. Искусствоведческие экскурсии – одна из популярных и эффективных форм эстетического воспитания, изучения истории культуры края, современной действительности и ее отражения в произведениях искусства. Хорошо подготовленная и проведенная экскурсия или цикл экскурсий часто становятся исходным рубежом для более углубленного изучения того или иного вида искусства.

По тематике искусствоведческие экскурсии делятся на несколько групп:

- театральные и музыкальные;
- по народным промыслам;
- по местам жизни и творчества деятелей культуры;
- связанные с изобразительным искусством (живопись,
- скульптура, декоративно-прикладное искусство).

Театрально-музыкальные экскурсии посвящены жизни и творчеству театральных и музыкальных деятелей – уроженцев края или связанных с ним, показывают влияние идей, волновавших передовые умы того времени, на жизнь и деятельность творческой личности, формирование взглядов и их эволюцию.

Объекты показа театральных и музыкальных экскурсий – театры и музеи, дворцы и усадьбы, студии, консерватории, концертные залы, жилые и общественные здания, парки, скверы, улицы, площади и т. п., связанные с жизнью и творчеством музыкальных и театральных деятелей, характеризующие эпоху, творческую среду и образы главных действующих лиц. Например, в экскурсиях «Ф. Шаляпин в Москве» или «П. И. Чайковский в Клину» необходимо заострить внимание экскурсантов на значении данных периодов жизни в творчестве артиста и музыканта. А в искусствоведческой экскурсии «Театральная Москва» не следует уделять значительное время архитектуре строений.

Экскурсии в театры, консерватории, филармонии, студии – одна из разновидностей театрально-музыкальных экскурсий, служат яркой иллюстрацией развития театрально-музыкального искусства края. Заключительным этапом таких экскурсий может являться посещение концерта или спектакля.

ЭКСКУРСИИ О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ХУДОЖНИКОВ делятся на группы:

- художественно-биографические (по местам, где жили и творили известные художники);
- историко-художественные (раскрывающие определенные периоды развития искусства);
- связанные с историческими событиями, явлениями общественной и культурной жизни края.

В художественно-биографических экскурсиях показ мест жизни и творчества художника принципиально не отличается от показа мест, связанных с жизнью и творчеством других исторических лиц. Но экскурсоводу следует обращать внимание экскурсантов на места, запечатленные художником в его произведениях. Необходимо активно использовать методические приемы, в частности прием реконструкции, наглядные пособия. Например, творчество живописца В. Д. Поленова необходимо рассматривать в тесной взаимосвязи с его усадьбой под Тарусой, где длительный период жил и работал художник, где сохранились места, изображенные им на картинах.

Естественно, осуществление искусствоведческого анализа требует от экскурсовода большой подготовки, обладания специальными знаниями, предварительного изучения краеведческого материала, фондов музеев и других источников. Максимальная точность в освещении событий, выразительность – непереносимое условие экскурсии. Чтобы не скатиться до поверхностного перечисления или описания фактов, экскурсовод должен отобрать самые значимые по влиянию на творчество художника. ОБЪЕКТАМИ искусствоведческих экскурсий могут быть картины или репродукции, эстампы, рисунки, фрески, витражи, иконы и др., а также различные предметы декоративно-прикладного назначения, изделия народных промыслов. Экскурсоводу часто приходится показывать экскурсантам фресковую живопись, представляющую синтез живописи и архитектуры. Следует учитывать, что изображение лучше демонстрировать с большого расстояния, останавливается на соответствии содержания живописи функциональному назначению здания, стилевом единстве живописи и архитектуры. Экскурсовод должен разбираться в особенностях мозаичных панно, витражей и др., если они составляют объекты показа в экскурсии, знать технику их исполнения.

ЭТНИЧЕСКИЕ ЭКСКУРСИИ содержат в своей основе богатый краеведческий материал, отражающий самобытность, нравы и обычаи края.

ОБЪЕКТАМИ ПОКАЗА этнических экскурсий могут быть предметы функционального назначения (одежда, мебель, оружие и пр.) и предметы декоративно-прикладного искусства (чугунное литье, чеканка по стали, резьба по дереву и др.).

ПРЕДМЕТЫ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ имеют огромное познавательное значение. Во многих случаях только они могут рассказать нам, как жили, работали, одевались наши предки – крестьяне, ремесленники, воины. Предметы домашнего обихода населения края – невосполнимая ценность национальной культуры его жителей.

Предметы декоративно-прикладного искусства выражают трудолюбие народных мастеров, высокий художественный вкус, самобытный национальный характер. Задача экскурсовода – показать экскурсантам характерные черты народного творчества.

Этнические экскурсии, как правило, проводятся в деревнях, селах и городах, сохранивших свою национальную культуру, или в музеях-заповедниках под открытым небом. Часто этническая тема освещается в обзорных экскурсиях, а также в экспозициях краеведческих музеев.

Экскурсии по народным промыслам позволяют ощутить преемственность поколений в народном художественном творчестве. Такие экскурсии, как правило, включают посещение музеев и мастерских народных промыслов, дают возможность познакомиться с изготовлением предметов декоративно-прикладного искусства. Заслуженной славой пользуются изделия художников Хохломы, живописцев Палеха и Федоскино, златокузнецов Кубачей, мастеров других народных промыслов.

В экскурсиях по народным художественным промыслам широко используются **наглядные пособия**: образцы народного творчества мастеров края, рисунки, репродукции и т. п.

Краеведческий материал в литературных экскурсиях. Литература всегда играла значительную роль в духовной жизни человека, чем и объясняется неугасающий интерес к литературным экскурсиям. «Не зарастет народная тропа» экскурсантов в Пушкинские Горы, Ясную Поляну, Константиново, Мелихово и другие мемориальные музеи.

Литературные экскурсии – эффективная форма популяризации творчества выдающихся писателей, поэтов, драматургов, обладающие большой познавательной ценностью, способностью глубокого эмоционального воздействия на экскурсантов, доступны людям любого возраста и образовательного уровня. К основным видам литературных экскурсий можно отнести:

- литературно-биографические, которые проводятся по местам жизни и творчества выдающихся деятелей литературы, например, «А. С. Пушкин в Москве», «М. Ю. Лермонтов в Москве» и др.;
- историко-литературные, раскрывающие определенные периоды развития литературы в крае, например, «Москва литературная», «Литературное Подмосковье» и др.

- литературно-художественные, организуемые в местах, которые нашли отражение в произведениях того или иного писателя, например, «По следам героев произведения Л. Н. Толстого «Война и мир»; «Мастер и Маргарита» на улицах Москвы» и др.

ПОЭТИКО-ТЕКСТОВЫЕ ЭКСКУРСИИ – самостоятельная разновидность литературно-художественных экскурсий, к ним можно отнести экскурсию «Белые ночи в Санкт-Петербурге» и др.

В основу каждого вида литературных экскурсий заложены соответствующие **принципы**, например:

- хронологический – для историко-литературных экскурсий;
- хронологико-тематический – для литературно-художественных экскурсий;
- тематический – для поэтико-текстовых экскурсий.

Использование **ЛИТЕРАТУРНО-КРАЕВЕДЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ** – неперенное условие разработки литературных экскурсий. Помощь экскурсоводу могут оказать литературные энциклопедии, монографии, путеводители, учебные пособия. Рекомендуется использовать первоначальную библиографию, отражающую литературу о жизни и творчестве крупных литературных деятелей.

В **МАРШРУТ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЭКСКУРСИЙ** рекомендуется включать посещение мест, связанных с жизнью писателя, нашедших отражение в его творчестве, например, дом на Поварской в Москве, описанный Л. Н. Толстым в романе «Война и мир» как дом Ростовых.

МАТЕРИАЛЫ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРАЕВЕДЧЕСКОЙ ЭКСКУРСИИ, принято делить на две группы – общий и локальный.

ОБЩИМ МАТЕРИАЛОМ в экскурсии будет все то, что относится к биографии и творчеству писателя в определенный период.

ЛОКАЛЬНЫМ МАТЕРИАЛОМ – то, что относится конкретно к рассматриваемым объектам.

Чем больше локального, особенно малоизвестного материала, будет использовано, тем интереснее пройдет экскурсия, тем выше ее познавательная ценность.

ПРИЕМЫ ВОССОЗДАНИЯ ОБСТАНОВКИ И ЛОКАЛИЗАЦИИ СОБЫТИЙ используются при творческой переработке литературоведческого и краеведческого материалов в единый рассказ, которым экскурсовод сопровождает показ объектов. В процессе показа экскурсовод выявляет характерные черты ландшафта, здания, интерьера, знакомит экскурсантов с отдельными фактами биографии одного или нескольких писателей, с поэтическими и прозаическими отрывками из их произведений, связанными с данным памятным местом. Такой показ, тесно переплетающийся с рассказом о жизни писателя и его творчестве, естественно и убедительно звучит при

посещении литературно-мемориальных музеев, где все напоминает о личности творца.

ПАМЯТНИКИ ПИСАТЕЛЯМ часто выступают объектами осмотра литературных экскурсий по краю. Рассказы о таких памятниках. не следует перегружать искусствоведческим анализом. Гораздо важнее раскрыть существенные стороны творчества литератора. Так, в рассказе у памятника Н. В. Гоголю в Москве можно отразить трагический разлад в жизни писателя, вызванный столкновением с жестокой эпохой николаевской России.

КУЛЬТУРА РЕЧИ ЭКСКУРСОВОДА должна отвечать основным требованиям мастерства профессионального актера-чтеца. Поэтому при разработке новой литературной темы желательно освоить элементы ораторского мастерства. В процессе подготовки текста экскурсии очень важно учитывать, чтобы отрывки из прозы, мемуаров «ложились» именно на тот уголок города, здание, аллею парка и т. д., где находятся экскурсанты. Как показывает практика, лучше усваиваются небольшие цитаты (4 стихотворные строфы, 6 – 10 фраз прозы), за исключением литературно-художественных экскурсий, где чаще всего используются методические приемы литературного монтажа.

Образные средства, используемые для воссоздания исторической эпохи и ее характеристики, – обязательные компоненты литературных экскурсий. Следует избегать категоричных формулировок, характерных для лекций и докладов. Большую роль в литературных краеведческих экскурсиях играют средства наглядности, которые дополняют впечатление от посещения памятных мест и рассказа экскурсовода.

К основным средствам наглядности можно отнести:

- фотографии и рисунки, которые изображают памятные места такими, какими они были в те годы, когда здесь жил и работал писатель; фотографии очень важны при упоминании лиц, игравших в жизни писателя определенную роль;
- иллюстрации к литературным произведениям и портреты писателя или поэта, особенно если они выполнены выдающимися художниками; подобные иллюстрации помогают лучше раскрыть образы героев литературного произведения, его идею, авторский замысел;
- живописные портреты (репродукции), которые помогают лучше запоминать внешний облик и духовный мир писателя, особенно если он жил и творил в годы, когда фотографии еще не существовало или она только зарождалась. При показе портрета писателя или поэта важно также сообщить время его создания, прижизненная это работа или нет, при каких обстоятельствах сделана. Рассказ о дружбе писателя или поэта с художником может показать характер отношений деятелей культуры той эпохи, раскрыть влияние друг друга на творчество.

ПОСЛЕДНИЙ ОБЪЕКТ В МАРШРУТЕ во многом определяет успех всей экскурсии. По своей значимости он не должен уступать остальным этапам экскурсии. Заключительной частью маршрута может быть осмотр памятника или посещение музея, особенно мемориального. Например, прекрасным и ярким завершением экскурсий «А. С. Пушкин в Москве» является осмотр музея-квартиры А. С. Пушкина на Арбате, «М. Ю. Лермонтов в Подмосковье» – осмотр усадьбы Середниково, «М. Ю. Лермонтов в Москве» – посещение дома-музея на Малой Молчановке.

При посещении исторического, литературного или краеведческого музеев следует осматривать лишь тот раздел экспозиций, который имеет прямое отношение к творчеству писателя.

Если есть возможность, желательно прослушать сохранившиеся записи голосов писателя или поэта, а также чтение их произведений выдающимися артистами.

4.2. МЕТОДИКА СБОРА ИСТОЧНИКОВ И КРАЕВЕДЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ В РАЗЛИЧНЫХ ЭКСКУРСИЯХ

КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ В ПРИРОДОВЕДЧЕСКИХ ЭКСКУРСИЯХ. Материалы краеведения составляют основу природоведческих экскурсий, которые способствуют формированию материалистического мировоззрения, любви к родному краю и другим регионам страны, обогащают знаниями о природных явлениях, животном и растительном мире, учат бережному отношению к природе, являются активной формой отдыха, содействуют развитию экологического и самостоятельного туризма. Природоведческие экскурсии делятся на обзорные или многоплановые (экскурсии в государственные заповедники, зоопарки), тематические (ботанические, геологические, ландшафтные, экономико-географические и др.). Самыми популярными видами природоведческих экскурсий являются ландшафтные и экскурсии в особо живописные загородные и пригородные усадебные парковые зоны, например, на территорию дворцово-паркового ансамбля «Кусково». Маршруты природоведческих экскурсий разрабатываются заранее, изучаются объекты показа, для остановок намечаются самые живописные и выразительные места. Экскурсионные объекты следует показывать в их естественной среде, поэтому в рассказе следует установить причинные связи, вскрыть закономерности и взаимосвязи природных явлений. Экскурсии, построенные на показе конкретных объектов учат экскурсантов видеть прекрасное в самых обычных предметах и явлениях. Природоведческий экскурсионный объект неотделим от природного комплекса, его локального окружения. Выбор объектов показа определяется темой.

ОБЪЕКТАМИ ПРИРОДОВЕДЧЕСКИХ ЭКСКУРСИЙ могут быть:

- растительность края. Показ растений, встречающихся на пути следования, особенно реликтовых и экзотических, должен сопровождаться рассказом об их использовании в народном хозяйстве, защите от вредителей, лекарственных свойствах. Особое место в такого рода экскурсиях занимают уникальные и «знаменитые» деревья: многовековые лиственницы в парке «Кусково», дуб в Тригорском, воспетый А. С. Пушкиным, «петровские» дубы на площади Декабристов в Санкт-Петербурге;

- памятники природы: красноярские «Столбы», камчатские вулканы и гейзеры, Кунгурская ледяная пещера, водопад Гремячий Ключ под Сергиевым Посадом и др.; национальные парки «Таганай», «Зюраткуль»

- природоохранные мероприятия. В экскурсиях на эту тему следует рассказать об охране природного и животного мира, правилах охоты, борьбе с браконьерством и мерах по сохранению редких и вымирающих видов животных, птиц и рыб, внесенных в «Красную книгу».

Пропаганда охраны природы будет эффективна, если ведется конкретно, убедительно, целеустремленно, ярко. Экскурсовод сам должен горячо любить природу и быть глубоко убежден в необходимости разумного, бережного отношения к природным богатствам.

Проведение природоведческих экскурсий требует от экскурсовода **СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ**, которые могут дать:

- местные библиографические издания;
- методические кабинеты экскурсионной организации, где должны быть собраны туристские карты-схемы по городам, областям, краю. Их рекомендуется использовать при составлении маршрута экскурсии и окончательного определения ее содержания. В картах-схемах указаны населенные пункты, достопримечательности географической территории, охарактеризованы экскурсионные возможности края.

При возможности в природоведческие экскурсии следует включать осмотр соответствующего раздела краеведческого или специализированного музеев (геологического, минералогического и др.), посещение обсерватории, планетария, метеостанции, питомника.

ОСОБЕННОСТИ природоведческих экскурсий состоят в том, что объекты показа видоизменяются, растут, исчезают. Например, нет гарантий, что удастся показать животных в естественной обстановке. Поэтому в «портфеле» экскурсовода должны быть изображения животных, птиц, рыб, а также натуральные наглядные пособия – образцы минералов, горных пород и др. Могут использоваться магнитофонные записи голосов птиц и зверей, гула действующего вулкана и т. д.

Подготовка к выходу на маршрут – неперемное условие проведения природоведческой экскурсии. Например, при организации похода следует

обратить внимание на снаряжение (одежду, обувь); при посещении зоопарка – предупредить группу о правилах посещения (не переходить за ограду, не кормить, не трогать, не дразнить животных); при посещении заповедников – разъяснить экскурсантам требования режима посещения заповедника и выполнять его.

КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ В ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ЭКСКУРСИЯХ.

Производственные экскурсии в разные периоды истории имеют свойственные им черты. В период индустриализации промышленности и коллективизации сельского хозяйства производственные экскурсии помогали рабочим и крестьянам овладевать знаниями и передовым опытом. В настоящее время производственные экскурсии являются неотъемлемой частью бизнес-туров, а также одной из форм повышения квалификации и профессиональной ориентации.

Производственные экскурсии классифицируются на исторические, экономические и технические. Они могут проводиться на заводах, фабриках, стройках, в научно-исследовательских институтах, а также на различных международных и отечественных специализированных выставках и ярмарках. Встречи с учеными, изобретателями, деловыми людьми, новаторами, экономистами и другими специалистами – непременное условие организации производственных экскурсий. Вопросы приема экскурсионной группы решаются с администрацией предприятия: согласовываются программа, дни и часы проведения экскурсии, объекты показа, продолжительность, количество, контингент и численный состав групп. Практика показывает, что производственные экскурсии, как правило, проводит менеджерский состав специалистов предприятия. Задача экскурсионной организации – помочь в создании экскурсии и подготовке экскурсоводов из числа менеджеров.

Подготовка к производственной экскурсии проходит в несколько этапов:

- собираются материалы: характеристика предприятия, история, традиции, данные по технической вооруженности, номенклатуре выпускаемых изделий, сферам применения и использованию продукции, работе в условиях рынка и т. д.;
- производится отбор объектов показа;
- составляется маршрут с учетом не только последовательности показа объектов, но и действующего технологического процесса.

При отборе материалов необходимо использовать архив предприятия, газетные и журнальные публикации, воспоминания и встречи с ветеранами, планы развития предприятия.

4.3. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КРАЕВЕДЧЕСКИХ МУЗЕЕВ

ВОЗНИКНОВЕНИЕ КРАЕВЕДЧЕСКИХ МУЗЕЕВ. Роль краеведческих музеев в популяризации знаний о родном крае и патриотическом воспитании постоянно растет. Посредством своих фондов и специфических методов работы краеведческие музеи, ядром которых являются отделы истории и этнографии, воздействуют на формирование мировоззрения личности, вносят вклад в изучение и сохранение прогрессивных традиций, культурного наследия края.

В Европе возникновение музеев как специальных учреждений относится к XVI-XVII вв. Этот период раннекапиталистического производства характеризуется расцветом науки, искусства, литературы, техники и ремесел. Великие географические открытия, кругосветные путешествия, освобождение естественных наук от влияния теологии, книгопечатание способствовали быстрому распространению знаний. На этом гигантском духовном взлете стали возникать отдельные коллекции ученых, «кабинеты натуралистов», «камеры раритетов» и др. Со временем в систематизации этих коллекций все больше проявляются элементы исторического подхода, формируются собрания исторических и культурных ценностей: коллекции военных трофеев при арсеналах – цейхгаузах, которым придавалось документационное значение, коллекции произведений искусства, отражавших культурное развитие.

МУЗЕЙНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ В РОССИИ связано с именем Петра 1, его личной коллекцией различного рода исторических реликвий, предметов археологии и этнографии – Кунсткамерой. После передачи Кунсткамеры в ведение Петербургской Академии наук она превратилась в образцовое научное учреждение, прототип современного исторического музея. Здание Кунсткамеры – первое специальное музейное здание в России (арх. И. Маттарнови) было построено в 20-е годы XVIII в. и представляло собой уникальное явление того времени. В XVIII в. деятельность европейских музеев стала приобретать научный характер. Музейные коллекции дали импульсы научным исследованиям, оказали влияние на становление профильных научных дисциплин. Музеи рассматривались как хранилища культурно-исторического наследия. Возникновение самостоятельных музейных учреждений широкого исторического профиля относится к периоду экономического и политического укрепления буржуазии. Для развития музейного дела решающее значение имело формирование буржуазного национального сознания. Борьба многих европейских народов за национальную независимость, сохранение и признание их национальных особенностей, признание права на самостоятельное развитие отдельных областей и регионов привела к появлению общественной потребности в

музеях, которые могли бы сохранять и демонстрировать свидетельства истории этих народов. В Европе были основаны крупные национальные музеи и для них сооружены монументальные здания: Венгерский Национальный музей в Будапеште (1802), Национальный музей в Праге (1818), Старый музей в Берлине (1828) и др. В России музеи сохраняли в основном характер ведомственных учреждений, но в XIX в. значение общественной инициативы в их организации и развитии возросло. Однако они были доступны весьма ограниченной части городского населения. Из музеев историко-краеведческой направленности выделялись специализированные археологические и военно-исторические музеи. Движение за создание национальных музеев широкого профиля усилилось во второй половине XIX в. Возникновение крупных исторических музеев было неотделимо от развития специальных научных дисциплин, создания университетов и возникновения многочисленных научных исторических обществ и объединений.

Особое значение имело развитие этнографии и археологии. Процесс формирования этнографии как научной дисциплины шел параллельно с созданием этнографических музеев. Музеи начинают формировать этнографические коллекции. Активизации научной работы этнографов по собиранию вещественного материала содействовало создание в 1845 г. Географического общества. Экспедиции, этнографические исследования заложили основы для накопления музейного материала, в той или иной степени отражающего жизнь народных масс. Достижения археологии, создание археологических обществ способствовали появлению коллекций древнейших культур, в частности славянских народов. Археологические коллекции составили основу собрания созданного в 1872 г. Российского Исторического музея (ныне Государственный Исторический музей). Возникновению региональных краеведческих музеев способствовала деятельность местных обществ по изучению края, имеющих, как правило, исторические, этнографические и другие отделы.

Музейный бум Россия пережила в 70-е годы XIX в. Во многих губернских и уездных городах открылись музеи широкого профиля, доступные для посещения всем слоям населения, берущие на себя образовательные функции. Большую роль в их создании сыграли земства, университеты и народные общества. Это определило стремление к научному комплектованию и экспонированию музейных предметов и наложило отпечаток на подход к строительству музейных зданий, посещениям, предназначенных не только для экспозиций, но и для библиотек, занятий кружков и обществ, публичных лекций и дискуссий. Наиболее интересные здания краеведческих музеев были построены в Иркутске, Красноярске, Полтаве и др. Новый этап музейного развития в России определила Октябрьская (1917) революция. Период первых десятилетий Советской

власти отмечен открытием значительного количества новых музеев, постановкой вопроса о музеефикации особо ценных памятников архитектуры и национальной культуры, создании музеев-дворцов и музеев-усадеб.

Число исторических и краеведческих музеев в СССР на начало 80-х годов составляло 1359 при общем числе государственных музеев более 2208.

ФУНКЦИИ КРАЕВЕДЧЕСКИХ МУЗЕЕВ. Значение краеведческих музеев в решении задач, которые перед ними стоят, трудно переоценить. Краеведческие музеи – это не только место собирания и систематизации коллекций, рассказывающих о крае. В краеведческих музеях проводится разнообразная культурно-воспитательная работа.

Основные **ФУНКЦИИ**, выполняемые краеведческими музеями:

- **НАУЧНО-ДОКУМЕНТАЦИОННАЯ** функция; краеведческие музеи предназначены для научного документирования явлений, процессов, закономерностей развития природы и общества;
- **ОХРАННАЯ** функция; музеи призваны решать задачи охраны культурно-исторических ценностей;
- **исследовательская** функция; музеи являются специфическими центрами научных исследований, на которых основывается их деятельность;
- **ОБРАЗОВАТЕЛЬНО-ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ** функция; общество выдвигает перед музеями требование активного участия в формировании человека, развитии *его* мировоззрения.

К основным типам краеведческих музеев можно отнести комплексные и специализированные музеи.

КОМПЛЕКСНЫЕ музеи сочетают в себе два или более профилей, в основном исторический и естественнонаучный, что отражается на составе фондов и содержании его деятельности. К комплексным музеям относятся краеведческие музеи.

СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫЕ музеи включают один профиль. Исторический профиль краеведческого музея базируется на исторических науках общей значимости – археологии, этнографии, нумизматике и пр., а также специализированно-исторических, например, истории создания музея и др.

ПО НАЗНАЧЕНИЮ краеведческие музеи принято классифицировать как:

- научно-исследовательские, просветительные (массовые);
- исследовательские, академические;
- учебные.

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ, просветительные музеи, преобладающие в музейной сети, предназначены для использования массовым посетителем. Функции научного исследования и охраны исторических и культурных ценностей сохраняют здесь существенное значение, но при этом ориентированы на широкое использование музейных собраний в образовательных и воспитательных целях.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ, АКАДЕМИЧЕСКИЕ МУЗЕИ предназначены для исследовательских целей. Такие музеи функционируют, как правило, при научных институтах, академиях наук.

УЧЕБНЫЕ МУЗЕИ выступают как элемент организации учебного процесса с использованием предметных средств – подлинных источников. Формирование и классификация коллекций, также как и экспозиции, исходят из основных задач учебных программ и педагогических методик. Такие музеи функционируют обычно при учебных заведениях.

Связь музеев с общественностью обеспечивают секторы выставок (передвижных) и отделы, отвечающие за популяризацию музея, рекламу и сотрудничество со средствами массовой информации. В настоящее время некоторые музеи с целью увеличения спроса на предоставляемые ими услуги образуют сектор маркетинга.

ШКОЛЬНЫЙ МУЗЕЙ — весьма распространенная форма краеведческого музея. Школьный краеведческий музей содействует воспитанию учащихся, расширяет их кругозор, формирует практические навыки поисково-исследовательской работы.

ВЫБОР ПРОФИЛЯ ШКОЛЬНОГО МУЗЕЯ зависит от потребностей учебно-воспитательной работы школы и реальных возможностей края в сборе предметов-подлинников, фонд которых должен лежать в основе музейной экспозиции.

В школах наиболее распространены два вида музеев: широкого и военно-исторического профилей. Школьные краеведческие музеи широкого профиля отражают природу, историю, экономику и культуру края. Школьные краеведческие музеи военно-исторического профиля или музеи Боевой Славы посвящены событиям на фронтах Великой Отечественной войны, партизанскому движению в крае, героическому пути того или иного воинского соединения (армии, дивизии, полка). Экспозиции могут рассказывать о бывших учениках этой школы или одном герое. Немало открытий делают для себя ребята, знакомясь с родными и близкими героя, слушая их рассказы, перечитывая фронтовые письма, рассматривая фотографии в семейных альбомах, боевые награды и другие реликвии. Все виды краеведческой деятельности в школе окрашены личностным эмоционально-нравственным отношением, живой заинтересованностью его участников.

ОСНОВНЫМИ ИСТОЧНИКАМИ НАКОПЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ о своем крае являются занятия краеведческих кружков, экскурсии и туристские походы по родному краю, наблюдения и поисковые исследования школьников, встречи с местными старожилками и участниками исторических событий.

ОРГАНИЗАЦИЯ КРАЕВЕДЧЕСКИХ МУЗЕЕВ. ПРОЦЕСС ОРГАНИЗАЦИИ
краеведческого музея состоит из нескольких этапов:

1. Создание инициативной группы (оргкомитета), которая является ответственной за организацию музея.

2. Составление тематического плана будущего музея, перечня отделов экспозиции, что является обязательным условием целенаправленного поиска необходимых материалов.

3. Поисково-исследовательская работа: сбор, изучение материалов, их инвентаризация.

4. Составление тематико-экспозиционного плана, т. е. последовательного перечня всех материалов, которые намечаются включить в экспозицию краеведческого музея по залам, отделам, стендам.

5. Выполнение эскиза оформления (в цвете) с учетом интерьера помещения и исполнение отдельных монтажных листов (графического изображения размещения экспонатов в масштабе 1: 10) на каждую стенку, стенд, витрину на основании тематико-экспозиционного плана.

6. Нумерация (порядковая) экспонатов по тематико-экспозиционному плану.

7. Отбор музейных объектов, определение их места в экспозиции, художественное оформление должны вестись с учетом определенных требований.

Объекты должны быть отремонтированы, отреставрированы, подготовлены к длительному пребыванию в музейных залах. Следует учитывать восприятие музейного посетителя, характер информации, которую он может извлечь из экспоната, возможность его использования для учебной, воспитательной работы, эстетического воздействия. Таким образом, музейный объект из источника для добывания знаний превращается в активно воздействующий элемент экспозиции (передающий знания, возбуждающий эмоции) – музейный экспонат. Экспозиция любого краеведческого музея состоит из основного и вспомогательного фондов.

К ОСНОВНОМУ ФОНДУ (подлинным памятникам) относятся:

- вещественные памятники: орудия труда, промышленное оборудование, образцы полезных ископаемых, монолиты почв, монеты, печати, медали, оружие, предметы быта и домашняя утварь, украшения, личные вещи отдельных людей и пр.

- письменные материалы, печатные и рукописные документы, листовки, прокламации, книги, газеты, журналы и др.;

- подлинные фотографии и кинодокументы;

- произведения искусства: картины, рисунки, скульптура; плакаты, открытки, марки; подлинные наглядно-изобразительные материалы: планы, карты, схемы, чертежи, графики; фономатериалы.

К ВСПОМОГАТЕЛЬНОМУ ФОНДУ относятся материалы, которые специально создаются для пояснения подлинных экспонатов: диорамы, панорамы, карты, цветные таблицы, графики и пр. Они служат обобщающим наглядным материалом. В ряде случаев вспомогательные материалы создаются взамен отсутствующих подлинников, необходимых для раскрытия темы (копии, репродукции, макеты, модели, муляжи, чучела животных и птиц). Вспомогательный фонд обычно включает и накапливает записи воспоминаний людей, представляющие интерес для краеведческого музея.

СОЗДАНИЕ МУЗЕЙНЫХ ЭКСПОЗИЦИЙ – целенаправленное и обоснованное комплектование по заранее продуманному плану. Экспозиции объединяют разные по содержанию материалы в единый тематический и зрительный комплекс, обеспечивающий цельное восприятие заложенной в них информации. Например, в отделе природы музея экспонируются материалы, характеризующие географическое положение края и все элементы его природы: фотографии типичных форм поверхности земли, рек и озер, ландшафтов; чучела и рисунки животных и птиц, распространенных в районе; мероприятия по охране природы и пр. В историческом отделе может быть представлен материал по истории края от древнейших времен до наших дней: образцы археологических находок, орудия труда, боевые знамена, предметы быта, показывающие культуру прошлого края, карты и др. В отделе туризма и краеведческой работы выставляются схемы и фотографии туристских походов и экскурсий, материалы краеведческих экспедиций, журналы, альбомы.

СОЗДАНИЕ МУЗЕЯ – это определенный этап краеведческой работы. Задача, которая стоит перед краеведческими музеями, – совершенствование экспозиции, так как у поисково-исследовательской работы нет предела.

ПОИСК КРАЕВЕДЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ должен вестись целенаправленно, с учетом четко поставленных задач, определяющих предметы, методы и приемы поисков, маршруты экспедиций.

ОСНОВНЫЕ СПОСОБЫ СБОРА КРАЕВЕДЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ – экспедиции, походы, переписка с организациями и отдельными лицами, встречи и беседы, работа в архивах, с периодической печатью и литературой (особенно краеведческой), знакомство с экспозициями и архивами музеев и т. д.

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ МАТЕРИАЛОВ, поступающих в краеведческий музей, – неперемное условие работы по его организации. Должно быть две инвентарных книги для регистрации поступающих в музей материалов. В одной книге должны регистрироваться подлинники, в другой – материалы вспомогательного фонда. Книги должны быть прошнурованы, страницы пронумерованы, записи должны производиться только чернилами, исправления не разрешаются. Инвентарная книга скрепляется подписью директора и печатью.

Научно-справочные картотеки – непереносимое требование при составлении экспозиции музея. В музеях обычно имеются различные научно-справочные картотеки. Обычно на карточке делается подробное описание предмета, дается его фотокопия. Карточки позволяют дополнить характеристику предмета новыми сведениями.

4.4. ТОПОНИМИКА КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ РОДНОГО КРАЯ

Своеобразный характер краеведческим знаниям придают науки топонимика и антропонимика.

Топонимика представляет важную часть исторической географии и, по словам академика С. Б. Веселовского, «... в историческом разрезе изучает происхождение географических названий, выясняет местонахождение несуществующих селений, изменения и смену одних терминов другими». В образовании географических названий края, как правило, принимали участие народы, в разное время жившие на его территории. Наиболее древние, дославянские, названия имеют реки, причем, чем крупнее река, тем древнее ее название. Названия городов и сел значительно моложе. Топонимы могут происходить от имен собственных, занятий и промыслов жителей края, отражать факты истории, образ жизни людей. Например, названия населенных пунктов Княжево, Царево, Воеводино, Патриаршее, Подьячево и др. несут в себе образы своих владельцев – князей, бояр, дворян, монастырей. Названия улиц Охотный ряд, Пушкаревская говорят о занятиях и промыслах жителей, Английская набережная, Миллионная свидетельствуют о состоятельной части населения Петербурга. Современные названия говорят о современных героях и событиях.

Антропонимика – наука о собственных именах людей – также может многое сообщить краеведу, помочь выявить родословную человека, его «корни».

4.5. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КРАЕВЕДЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ В ТУРИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Туристским организациям следует поддерживать постоянные контакты с экскурсионными предприятиями и организациями, с местными краеведческими музеями и его филиалами, которые ведут экскурсионно-массовую работу. Содержание и форма массовых мероприятий зависят от профиля музея и творческой инициативы его сотрудников. Посещение краеведческого музея (экспозиций) является существенным дополнением обзорной или тематической экскурсий. Часто здания, в которых размещены музеи, являются историко-архитектурными памятниками. Например,

дворцово- парковые и усадебные ансамбли с расположенными на их территориях, крепостями, замками и другими постройками, представляющими музейную ценность. На территориях многих действующих в настоящее время монастырей функционируют музеи, проводятся экскурсии.

Подготовка новой экскурсионной темы требует от методистов и экскурсоводов тщательной проработки, в том числе:

- знакомства с экспозициями и фондами музея,
- изучение музейного документального материала;
- посещение научных конференций музея, где можно почерпнуть много нового и интересного краеведческого материала, сведений по новым исследованиям.

Техника владения музейной экскурсией – залог успешной работы экскурсовода. Он должен уметь выбрать наилучший путь для осмотра объекта, расставить группу, организовать переход из зала в зал, правильно пользоваться указкой, умело использовать приемы показа и рассказа, варьировать их, чтобы снять усталость, поддержать уровень внимания экскурсантов.

При входе в зал, где ведется тематический показ, следует указать на общий облик зала, привлекающие внимание экспонаты. Когда естественный интерес к новому, увиденному впервые, будет удовлетворен, нетрудно направить и сосредоточить внимание группы на отдельных экспонатах, детальном раскрытии темы. Этот прием применим в демонстрации экспозиционного комплекса: сначала следует дать о нем общее представление, а потом переходить к показу отдельных экспонатов.

К усиливающим впечатление от экскурсии средствам, которые следует экскурсоводу активно использовать, относятся: магнитофонные записи, киноустановки, а в музеях-памятниках, мемориальных запахов, где не разрешается индивидуальный осмотр экспозиции, – фонозапись.

Самая совершенная экскурсия не может быть «застывшей». Перед туристско-экскурсионными организациями возникают новые задачи. Новые краеведческие, исторические и музееведческие исследования дополняют и изменяют тематику экскурсий, в которых акцентируются новые проблемы и факты. В результате социологических и психологических исследований вносятся поправки и в методику проведения экскурсий.

РАЗДЕЛ 2. РЕГИОНАЛЬНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

ГЛАВА 5. ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ УРАЛА

5.1. ПЕРВЫЕ ИСТОЧНИКИ ОБ УРАЛЕ

Историография региона уходит корнями в глубокую древность. Живший в V в. до н. э. греческий историк Геродот, уже в античную эпоху нареченный «отцом истории», на основании рассказов торговцев записал полулегендарные сведения об обитавших в Приуралье народах и их обычаях, которые позволяют идентифицировать это население с предками позднейших финно-угорских и тюркских племен. Отрывочные сведения о торгующих с волжскими булгарами народах Северного Урала (вероятно, предках коми-пермяков и угров) содержат труды арабских и персидских авторов IX-X вв. Разнообразной информацией о народностях Урала, их обычаях, торговых контактах со славянами, о походах новгородских ушкуйников и московских ратей в Прикамье и Зауралье наполнены русские летописи. Самое первое свидетельство об Урале – знаменитый рассказ новгородца Гюряты Роговича о путешествии его отрока в 1092 в Печору и Югорскую землю – содержится в «Повести временных лет», общерусском летописном своде XI - нач. XII вв. Но в центре внимания летописцев оказался поход дружины Ермака, положивший начало присоединению восточных земель к Российскому государству. Сибирские и уральские летописи, отразившие эпопею покорения Сибири, возникли в 1620-40 гг. и зафиксировали правдивые и скрупулезные детали экспедиции Ермака. Сведения о христианизации народов Приуралья, миссионерской деятельности русской церкви на осваиваемых территориях нашли отражение в агиографических сочинениях, жизнеописаниях Стефана Пермского (конец XIV в.), Трифона Вятского (XVI в.) и др. История кочевых народов Южного Урала, их происхождения и развития, интеграции в состав России получила освещение в своеобразных исторических источниках – *шежере* (родословиях) отдельных башкирских племен.

Становление крупной металлургической промышленности на Урале в первой половине XVIII в. совпало по времени с превращением исторических знаний в науку. Показательно, что дореволюционная история края избрала главным предметом исследования именно историю горнозаводского дела. У истоков научных исследований стояли выдающиеся государственные деятели первых десятилетий XVIII в., много сделавшие для развития уральской промышленности, – В. де Геннин и В.Н. Татищев. Первый явился автором специального труда о металлургической промышленности – «Описания уральских и сибирских заводов» (1735) – своеобразной энциклопедии горнозаводского дела в России. Основное внимание в «Описании ...»

отводилось технико-технологической организации промышленного производства. Наряду с этим в сочинениях В. де Геннина нашли отражение и историко-географические сведения: об основании в регионе заводов и крепостей, организации местных учреждений управления горнозаводской промышленностью края, о взаимоотношениях администрации и заводских работников, социальных конфликтах на заводах. В.Н. Татищев не создал специального труда по истории Урала. Однако немало исторических наблюдений по данной теме рассеяно по отдельным статьям его «Лексикона Российского исторического, географического, политического и гражданского», составленным им запискам и проектам горного законодательства, его переписке с Академией наук и государственными деятелями. Татищев впервые наметил общую схему развития уральского региона: 1) завершившееся неудачей создание металлургических заводов в XVII в.; 2) успешное строительство крупной промышленности и органов горного управления в эпоху Петра I; 3) критический период 1730-х, связанный с отступлением от принципов петровской политики; 4) новый этап, связанный с надеждами на восстановление Елизаветой Петровной законов и учреждений петровского времени. Горные деятели - администраторы, инженеры – продолжали играть существенную роль в развитии истории горнозаводской промышленности и в дальнейшем (И.И. Веймарн, В.И. Крамаренков, А.Н. Ярцов, А.Ф. Дерябин, И.Ф. Герман и др.). Их сочинения, имевшие научную и практическую значимость, создавались для решения определенных проблем с учетом исторического опыта. Заметный вклад в изучение образа жизни и истории народов, населявших Урал, внесли ученые и путешественники, участники академических экспедиций XVIII в. (И.К. Кириллов, И.Г. Гмелин, Г.Ф. Миллер, П.С. Паллас, И.И. Лепехин, ИЛ. Фальк, И. Георги, П.И. Рычков и Н.П. Рычков).

5.2. ИЗУЧЕНИЕ УРАЛА В XIX ВЕКЕ

В первой половине XIX в. происходит расширение источниковой базы по истории Урала. Историки В.Н. Берх, Г.И. Спасский обнаружили и опубликовали документальные и летописные источники по истории освоения края в XVI-XVII вв. Ряд документов и сочинений по истории горной промышленности региона XVIII в. увидел свет на страницах «Горного журнала», который начал выходить с 1825г. Следует отметить издание в начале столетия историко-географических трудов Н.С. Попова, К.Ф. Модераха, явившихся своеобразными энциклопедиями социально-экономической жизни Урала рубежа XVIII-XIX вв. В это же время публикуется обобщающий труд основоположника истории А.И. Вештомова «История вятчан», в котором проанализированы происхождение удмуртов, русская колонизация края, история управления и церкви.

С середины XIX в. расширяется тематика историографических исследований. Растет число краеведческих, а также историко-этнографических работ. Возрождается интерес к истории колонизации края. Существенную роль в организации и координации усилий местных историков и краеведов играли научные сообщества: Отделение этнографии Русского географического общества, имевшего с 1868 г. свой отдел в Оренбурге; Уральское общество любителей естествознания (УОЛЕ), организованное в 1870 г. в г.Екатеринбурге; губернские ученые архивные комиссии (Оренбургская – 1887г., Пермская – 1888г., Вятская – 1904 г., Уфимская – 1916 г.); краеведческие общества; музеи. Накануне и после реформы 1861г. офицерами Генерального штаба создаются фундаментальные труды историко-статистического характера по Пермской, Вятской губерниям, Уральскому казачьему войску (Х. Мозель, А. Рябинин и др.). Независимо от правительственного заказа В.М. Черемшанский издает весьма обстоятельную работу по Оренбургской губернии, в которой содержались данные по экономике, статистике, истории и этнографии. Вышли в свет «Пермский сборник» (1859-1860, Кн.1-2), «Сборник Пермского земства» (т.1-34), «Записки УОЛЕ» (1873-1927, т.1-40), «Труды» ученых архивных комиссий». Выдающимся результатом деятельности краеведов стало создание историко-статистических словарей, содержавших массу данных по истории, этнографии, экономической статистике (Н.К. Чупин, И.Я. Кривошеков), выпущенных сборников документов «Пермская летопись», доведенного В.Н. Шишонко до 1715 г.. Кризисное состояние уральской горной промышленности середины XIX в. вновь заставило исследователей обратиться к ее истории в поисках корней и причин подобного явления. Правительство само стимулировало такие исследования, направив ряд экспедиций и комиссий на Ура. При этом большинство работ (В.П. Безобразов, И. Котляревский, П. фон Туннер, Д.И. Менделеев, В.Д. Белов, И.Х. Озеров, С.И. Фармаковский, А.Н. Митинский) носило концепционный характер. Одни авторы в поисках выхода из кризиса предлагали дальнейшее развитие частного сектора промышленности и проведение либеральной экономической политики, отстаивая монопольные права горнозаводчиков на землю и недра, другие защищали казенную промышленность, ратуя за ужесточение государственного регулирования. В связи с подготовкой и проведением Сибирско-Уральской научно-промышленной выставки в Екатеринбурге в 1887г. были созданы капитальные труды о кустарных промыслах (Е.И. Красноперов, П.Н. Зверев, Н.Л. Скалозубов, В. Заварин).

Различные сюжеты уральской истории находили отражение в фундаментальных исследованиях по истории России: С.М. Соловьева, В.О. Ключевского, П.Н. Милюкова, В.И. Семевского (крестьянское и горнозаводское население Урала в XVIII в.), П.И. Лященко (аграрное развитие от реформ 60-х гг. до первой мировой войны), Н.Ф. Дубровина

(восстание под руководством Е.И. Пугачева), Б.Б. Веселовского (история губернских земств).

В целом дореволюционная история достигла значительных успехов в изучении истории Урала до XX в. Авторами был привлечен большой архивный материал, что привело к расширению фактографической базы знаний о прошлом края. Некоторые подходы, сформулированные в дореволюционной истории, получили дальнейшее развитие. Однако в большинстве работ исторические факты объяснялись лишь с юридической точки зрения и в ракурсе конкретной политики государственных учреждений. Целый ряд тем освещался крайне фрагментарно и не на должном профессиональном уровне.

5.3. ИЗУЧЕНИЕ УРАЛА В XX ВЕКЕ

После Октябрьской революции 1917г. на Урале возникают новые научные центры. Первоначально ведущую роль в организации исторических исследований играет Пермский государственный университет, основанный в 1916. В 1920-е годы активно развивается уральское краеведение. Подъем общественной инициативы после революционных потрясений привел к созданию множества краеведческих организаций (в начале 20-х годов на Урале существовало 16 краеведческих музеев и 6 краеведческих обществ), ликвидированных на рубеже 1920-30-х годов. Большое значение для развития ураловедения имело открытие в 30-х ист. факультета в Уральском государственном университете и создание ряда исторических кафедр в вузах. В этот период в исторической науке утверждается марксистско-ленинская методология, формационный подход, в рамках которого приоритет отводился изучению господствующего способа производства (производительным силам и производственным отношениям), а также классовой борьбе, которая трактовалась как основной двигатель исторического процесса. В условиях активного идеологического прессинга исследования по истории Урала оказались политизированными, а в некоторых трудах в угоду тоталитарному режиму имела место фальсификация исторической действительности.

Внимание историков Урала еще в большей степени, чем до революции, сконцентрировалось на развитии горно-металлургической промышленности, а также формировании рабочего класса и его социальном протесте. Несмотря на существенную односторонность подобных подходов советскими историками было создано немало интересных и глубоких исследований. Развернувшаяся в 1931 г. работа по созданию истории фабрик и заводов способствовала конкретному изучению истории уральских предприятий. Творческий поиск стимулировали проводившиеся в Свердловске дискуссии: в 1932 г. (совместное заседание исторической секции АН СССР и местного отделения Общества историков-марксистов по изучению проблем истории

уральского рабочего класса) и в 1948-1952 гг. (научная конференция «Уральские чтения»). Во время Великой Отечественной войны на Урале были эвакуированы многие научные учреждения и вузы, сотрудники и преподаватели которых, видные ученые Москвы и Ленинграда, работали в архивах края и впоследствии подготовили серию крупных работ по истории металлургической промышленности Урала. Определенным итогом деятельности уральских историков явились первые обобщающие работы – учебное пособие «История Урала» в двух томах (1963 г., 1977 г.), а также Башкирии (1956-1959 гг.) и Удмуртии (1958 г.). С конца 1950-х годов обогащается проблематика исследований по истории индустрии, повышается интерес к истории крестьянских и аграрных отношений. В значительной степени это стимулировали Всесоюзные конференции по индустриализации, сессии Всесоюзного симпозиума по аграрной истории Восточной Европы, которые начали проводиться в это время. Определенную роль в развитии исследований сыграли региональные конференции, проведенные в Свердловске и Кургане. В 60-е годы в университетских центрах Урала (Свердловск, Пермь) начинают регулярно выходить ученые записки и сборники статей, в которых публиковались работы по исторической тематике. В 70-е гг. организацию научных исследований активизировали и координировали созданные Минвузом РСФСР проблемные советы на Урале по истории промышленности и технического прогресса, культурного строительства и истории местных партийных организаций.

В Уральском научном центре АН СССР (УНЦ АН СССР) учеными-историками были подготовлены к печати и изданы крупные академические труды по истории Урала: «История Урала с древнейших времен до 1861 г.» (1989 г.), «История Урала в период капитализма» (1990 г.), «История народного хозяйства Урала» в 2-х ч. (1988 г., 1990 г.), «История профсоюзов Урала» (1984 г.) и другие, которые явились обобщением достижений уральской истории в советский период.

В конце 1980-х - 1990-е годы на фоне кардинальных перемен в жизни общества произошли изменения и в исторической науке: отказ от былых шаблонов и стереотипов, утверждение методологического плюрализма, расширение и обновление проблематики исследований. В этих условиях Институт истории и археологии УраРАН (дир. В.В.Алексеев) выступил инициатором изучения исторического опыта, исторической демографии, регионального развития, индустриального наследия У. В рамках реализации новых научных программ проведен ряд конференций, создано новое в отечественной историографии направление индустриальная археология, впервые в стране издано трехтомное исследование «История казачества Азиатской России» (1995 г.), начинается выпуск «Уральского исторического вестника». Институт установил связи и начал сотрудничество с учеными Швеции, Бельгии США, Франции и др. стран по организации международных

конференций и подготовке совместных научных трудов. Расширение источниковой базы, развитие краеведения, создание научных центров и рост научных кадров способствовали углубленному изучению актуальных проблем истории Урала.

Одним из основных направлений исследований явилась история колонизации Урала, которое развернулось еще в досоветский период. Главный интерес дворянско-буржуазной интеллигенции лежал в плоскости изучения роли государственного начала, а также политического, историко-географического значения присоединения Урала к России. Г.Ф. Миллер, анализируя процесс колонизации, основное внимание уделял мероприятиям центральных властей по строительству острогов, организации служилого населения. А.А. Дмитриев (1854-1902 гг.) акцентировал внимание на крестьянской и посадской колонизации, причем последняя рассматривалась автором преимущественно в историко-географическом плане. Попыткой определенного пересмотра взглядов предшествовавшей истории явился очерк В.Н. Трапезникова, выполненный с народнических позиций. Автор считал основной причиной переселения на Урал усиление крепостничества в центре страны, а основными формами колонизации – крестьянскую и посадскую.

В советский период одним из первых с марксистских позиций интерпретировал колонизацию как процесс, подчиненный общим закономерностям развития российского феодализма, А.А.Савич (1925 г.). При этом он выделял в качестве главной формы колонизации стихийную, крестьянскую. Существенный вклад в изучение темы внес С.В. Бахрушин, который выделял военно-правительственную, промышленную, крестьянскую, церковную колонизацию, несколько преувеличивая при этом роль торгово-промышленной. В 1940-50-х гг. плодотворно разрабатывал тему крестьянско-земледельческой колонизации Зауралья В.И. Шунков. При этом историк отводил ведущую роль стихийным самовольным переселениям крестьян, а не правительственным мероприятиям по переводу и ссылке их на восток. В ценном труде А.А. Введенского по истории дома Строгановых XVII-XVIII вв. несколько преувеличивалась их роль в процессе колонизации, недооценивался факт освоения земель крестьянами еще до появления вотчинников. Наиболее значительный вклад в изучение процессов колонизации внес А.А. Преображенский, доказавший, что основной поток переселенцев составляли черносошные крестьяне Поморья, а главной формой колонизации являлось не бегство, а легальный отход с разрешения крестьянских «миров». Переселение крестьян на восток, по мнению историка, вызывалось не только ростом эксплуатации, но и развитием товарно-денежных отношений и социальным расслоением поморской деревни. В.А. Оборин выделял в качестве основных причин колонизации наличие огромного фонда свободных земель на Урале, пригодных для освоения, и заинтересованность в этом всех классов и сословных групп русского

общества. Хотя В.А.Оборин считал главной крестьянскую колонизацию, но существенную роль он отводил также посадской и служилой, которые на ранних этапах освоения Урала обеспечивали безопасность и массовость крестьянской колонизации.

Общая схема колонизации края дополняется исследованиями, выполненными Н.В.Устюговым по Западному и Южному Уралу, А.А. Кондрашенковым по Зауралью, Ю.М.Тарасовым по Южному Уралу. Роль казачества в присоединении и хозяйственно-культурном освоении края получила освещение в трудах историков – П.И. Рычкова, А.Н.Рябинина, И.И.Железнова, П.И.Авдеева, Ф.М.Старикова, Д.Б.Карпова. В советский период историю казачества Урала осветили С.М. Летров, Л.И. Футорянский, В.Н.Дариенко, М.Д.Машин. В последние годы в связи с реабилитацией казачества А.Л.Абрамовский, В.Л.Баканов, В.М.Войнов, В.С.Кобзов, В.Ф.Мамонов и др. раскрыли вопросы казачьего землевладения, социальной структуры казачества, отношения его слоев к большевистскому режиму.

История присоединения и освоения Башкирии нашла отражение в серии работ А.И. Чулошникова, В.И. Лебедева, Н.В. Устюгова, А.Н. Усманова, Н.Ф. Демидовой, Р.Г. Кузеева, И.Г. Акманова, в которых обосновывается добровольность присоединения башкир к Русскому государству, исследуются социально-экономические процессы в башкирском обществе, башкирское восстание XVII-XVIII вв. А.П.Чулошников оценил движения башкир как типично колониальные, направленные против гнета метрополии и руководимые собственными эксплуататорскими классами. Как реакционные, антинародные феодальные движения охарактеризовал башкирские восстания Н.В.Устюгов. Данная точка зрения вызвала критику со стороны историков Башкирского государственного университета, которые рассматривали движения как национально-освободительные с элементами классового протеста.

Ведущей темой в ураловедении явилась история горнозаводской промышленности XVIII-XIX вв. Исследователи ввели в научный оборот огромный фактический материал по истории становления и развития горной промышленности, системы горного управления, техники и технологии производства, организации труда. В советский период историки обратились к изучению размещения, технического оснащения, организации и объемов промышленной производственной металлургии (С.Л. Сигов, Д.Д. Кашинцев, П.Г. Любомиров, Н.Б. Бакланов, М.Н. Мартынов, С.Г. Струмилин, А.Г.Козлов, П.А. Вагина, С.И. Сметанин, А.В. Черноухов). Н.И. Лавленко на материале многих архивохранилищ страны проанализировал промышленную политику и управление, складывание промышленных хозяйств, происхождение и эволюцию уральских заводоладельцев XVIII в.

С конца 1940-х гг. металлургия стала изучаться не только в отраслевом, но и в плане отдельных хозяйственных комплексов, горнозаводских вотчин и

округов (Б.Б.Кафенгауз, В.В.Мухин, Т.А.Чернявская, В.А.Чудиновских, Г.И.Осколков, Т.К.Гуськова). Негорнозаводская промышленность дореформенной эпохи изучалась Ф.С.Горовым, Г.В.Яровым, А.В.Шиловым, проблемы кустарной промышленности второй пол. XIX-нач. XX в. нашли отражение в работах М.И.Черныша, Л.В.Ольховой. Социально-экономическое развитие горнозаводской промышленности конца XIX-нач. XX в., процессы монополизации, акционерное учредительство стали предметом исследований М.П.Вяткина, В.В. Адамова, Ю.А. Буранова, Д.В. Гаврилова, Д.В.Дмитриева, Л.В.Сапоговской.

Уже в дореволюционной истории начались споры по поводу характера крупной уральской промышленности. Тезис об искусственном насаждении горной промышленности в начале XVIII в., при отсутствии капиталов, рынка свободной рабочей силы, впервые выдвинутый в 1861 г. (Д.Корсак), получил широкое распространение в буржуазной (В.О.Ключевский, П.Н.Милюков, А.Н. Митинский, С.П.Фармаковский) и либерально-народнической истории (В.В.Берви-Флеровский, И.С.Сигов, Е.И.Красноперов). Данный тезис критиковали легальные марксисты, предпочитавшие говорить не о насаждении, а о поддержке производством крупной промышленности М.И.Туган-Барановский применительно к XVIII в. сформулировал концепцию «крепостной мануфактуры», которая, по его мнению, в XIX в. переросла в капиталистическую.

Горнозаводскую промышленность конца XIX-нач. XX в. лишь часть исследователей характеризовала как капиталистическую (А.Н.Митинский, С.П.Фармаковский). Официальная и буржуазная история долго не признавала ее капиталистического характера. В.Д.Белов считал ее капиталистической только по размерам производства, но не по внутренней организации и сущности, которые, по его мнению, не изменились по сравнению с дореформенным временем. Он первым сформулировал концепцию «натуральности» горнозаводского хозяйства, которая базировалась на окружающей системе организации промышленности.

Разделились мнения советских историков по поводу социальной природы мануфактуры XVIII в. Капиталистической ее считали С.Г. Струмилин, К.Д. Пажитнов, В.Я. Кривоногов; феодальной – С.П. Сигов, М.Н. Мартынов, Н.И. Лавленко; сосуществование капиталистической, вотчинной и «феодализованной» мануфактур полагал Ф.Я. Лолянский. Дискуссионным является вопрос о социальном характере горнозаводской промышленного. пореформенного периода: 1) капиталистическая (С.Г. Струмилин); 2) капиталистическая в целом, происходит постепенное отмирание и вытеснение сохранившихся еще крепостнических элементов (В.И. Бовыкин, М.Л. Вяткин, П.Г. Рындзюнский, Д.В. Гаврилов); 3) социально-экономическая структура промышленности в основном носит капиталистический характер при консервации и приспособлении к новым

условиям крепостнических пережитков (К.Н. Тарновский, И.Ф. Гиндин); 4) в горнозаводской промышленности в пореформенный период сохранялась особая «феодалная система» (С.П. Сигов) или «крепостнический уклад» (В.В. Адамов); капиталистический уклад в уральской горнозаводской промышленности до конца XIX в. находился в процессе становления (Т.К. Гуськова).

Мнения советских историков по поводу хронологических рамок промышленного переворота также разделились. Его начало относят к 1830-м годам (В.К. Яцунский), 1850-м годам (П.Г. Рындзюнский). Завершается промышленный переворот 1860-ми гг. (С.Г. Струмилин), концом 1880-сер. 90-х годов (М.И. Черныш, В.Я. Кривоногов). Разногласия по поводу датировки промышленного переворота отчасти объясняются выбором различных критериев его определения: замена кричного горна пудинговой печью, замена водяного колеса водяной турбиной, введение мартеновского и бессемеровского способов производства железа, замена деревянных промышленных сооружений каменными и др.

Изучение промышленности способствовало исследованию рабочего класса. Большинство дореволюционных исследований отрицало существование на Урале пролетариата, подчеркивало отличие рабочих Урала от рабочих других регионов России и Западной Европы, которое заключалось в их прикреплении к заводам, тесной связи с землей и домашним хозяйством. Господствующим, особенно в народнической литературе, было представление о работниках горных предприятий как о «заводских крестьянах». Лишь легальные марксисты предпочитали говорить о «крепостных рабочих». Обе концепции вместе с недифференцированным подходом к рабочей силе перекочевали в советскую историю. Ю.И. Гессен одним из первых обратил внимание на различия в жизненном укладе и характере труда постоянных работников заводов и приписных крестьян. Постепенно формируется представление о постоянной рабочей силе как специфической социальной группе отличной от крестьян. Что касается формирования горнозаводского пролетариата, то большинство историков относит его к пореформенному периоду, считая, что до 1861 г. мог возникнуть лишь предпролетариат.

Аграрная проблематика досоветского периода длительное время занимала периферийное положение в ураловедении, уступая более значимой, по мнению историков, индустриальной. Сдвиг произошел лишь в конце 1950-х годов. Предметом внимания историков стало развитие производительных сил деревни, товарно-денежных, поземельных отношений в ней, социально-экономическое положение крестьян (А.А. Кондрашенков, М.И. Черныш, В.В. Пундани, Б.Г. Плющевский, Ю.С. Зобов и др.). Значение неземледельческих промыслов крестьян, их связей с заводами для экономики деревни проанализировано Ф.С. Горовым, В.Я. Кривоноговым,

А.Г. Козловым, П.А. Вагиной. Крестьянство национальных районов – Башкирии, Удмуртии – изучалось Р.Г. Кузеевым, Х.Ф. Усмановым, М.В. Гришкиной и др. В последнее время существенное внимание историки уделяют изучению традиционной культуры крестьянства, его менталитета (Н.С. Половинкин, Н.А. Миненко, Р.Г. Пихоя, Н.Н. Покровский, А.Г. Мосин, И.В. Побережников и др.).

Одной из ведущих тем ураловедения являлась история социального протеста. Множество работ создано по истории социальной борьбы приписного крестьянства, мастеровых и работных людей (А.А. Преображенский, Н.И. Павленко, А.А. Кондрашенков, А.С. Черкасова, А.С. Орлов, Б.Б. Кафенгауз и др.). Выделяется по своей значимости исследования протеста старообрядцев XVIII в. академика Н.Н. Покровского, продолженное на материале XVII-XIX вв. Р.Г. Пихоей, А.Т. Шашковым, В.И. Байдиным. Тема рабочего и крестьянского движения пореформенной поры стала предметом исследований Ф.С. Горового, Д.В. Гаврилова, В.Г. Авдеевой, К.С. Маханек.

Основная литература по истории Урала в XX в., созданная советскими историками, отражает сложность становления и развития марксистской истории. Все работы по истории Урала XX в. можно разделить на труды обобщающего характера, на страницах которых нашли отражение основной проблемы истории края за тот или иной промежуток времени, и работы по отдельным проблемам истории Урала. В отличие от дореволюционных авторов, которых интересовала прежде всего история горнозаводской промышленности Урала, советские историки на первое место поставили проблемы истории революционного движения и политической жизни края в XX в. (Ф.П. Быстрых, Ф.С. Горовой, Н.К. Лисовский, Н.Н. Попов, Я.Р. Волин и др.) Однако, освещалась она через призму деятельности коммунистической партии и лишь с конца 1980-х стала изучаться история и др. политических партий в первые десятилетия XX в. Уральскими историками были написаны обобщающие работы по истории большевистских организаций, а также руководимых ими профсоюзов и комсомола. История революционного движения на Урале, ставшая объектом исследования с начала 1920-х и до конца 80-х, изучалась с марксистских позиций, была идеализирована, отражала и оправдывала деятельность прежде всего большевиков. Развитие исторических событий на Урале освещалось, как правило, с общероссийских позиций, столь же догматично оценивался уровень социально-экономического развития края и политическую активность трудящихся. Имела место также попытка представить рабочий, пролетарский Урал как цитадель большевизма. Стремление исследователей усомниться в правильности официальной концепции и показать особенности революционного движения в крае пресекалось административными методами. С конца 80-х годов интерес историков к данным проблемам

снижился, в результате до сих пор нет объективной картины развития революционных процесса на Урале в начале XX в.

Достаточно обширна литература по истории гражданской войны на Урале. В обобщающих работах по данной проблеме, а также ряде региональных исследований были рассмотрены события на Восточном фронте 1918-19 гг., социально-политические и экономические аспекты политики большевиков и их оппонентов в период оккупации края белыми войсками (О.А. Васьковский, В.С. Скробов, И.Ф. Плотников, В.Ф. Мамонов и др.) Авторами обосновывался тезис о развязывании гражданской войны, массового террора контрреволюционным белым движением. В последнее время значительно усилился интерес исследователей к изучению деятельности на Урале А.И. Дутова, чехословаков, А.В. Колчака, а также Временного областного правительства Урала, существовавшего в Екатеринбурге в августе-ноябре 1918 г. В них делается попытка более объективно раскрыть причины и характер гражданской войны на Урале, в развязывании которой повинны и революционеры, и контрреволюционеры. Именно в последнее десятилетие стали появляться работы, в которых была пересмотрена традиционная оценка общественно-политической жизни Урала 20-х-нач. 50-х годов, содержащаяся в историко-партийной литературе. А.В. Бакунин использовал уральский материал при разработке концепции истории советского тоталитаризма, раскрыв его формирование большевиками с первых дней прихода к власти. Одна из существенным проблем советского периода истории репрессий освещена в коллективной работе «37-й год на Урале» и монографии В.М. Кириллова. Однако в уральской истории остается существенный пробел по изучению с новых позиций общественно-политической жизни региона в 50 - 80-е годы.

Со второй половины 90-х годов началось изучение истории российских реформ второй половины 80-х-90-х годов. XX в. Так, в работах В.В. Алексеева, Е.Т. Артемова, К.И. Зубкова, А.Д. Кириллова, С.П. Постникова рассматриваются методологические аспекты изучения современного периода развития Урала, особое внимание уделяется феномену российского федерализма, месту Урала в его формировании. Особенности формирования новой системы управления в регионах Урала рассматривают в своих работах В.В. Амелин, В.С. Боев, И.Ф. Галигузов, Б.А. Кириллов, В.Е. Севрюгин, Д.В. Шалободов. Особый интерес в их трудах вызывает анализ территориальных особенностей формирования новой системы власти. Сравнительный анализ процессов формирования гражданского общества и становления многопартийности на Урале в начале и в конце XX в. предпринят в ряде работ А.П. Абрамовского, А.Д. Кириллова, Д.Г. Красильникова, И.В. Нарского, Н.Н. Попова. Своего рода итоги социально-политического развития Урала в конце XX в. подводятся в издательском проекте «Урал в новой России», который осуществляется

группой уральских ученых, среди которых – АД. Кириллов, Н.Н. Попов, В.П. Леднев.

Специальных исследований по истории рабочего класса Урала немного. Освещение его формирования и развития за более или менее длительный промежуток времени имеется только в работах башкирских и удмуртских исследователей. Отдельными этапами развития рабочего класса всего Урала занимались В.В. Адамов, С.И. Васильев, В.П. Иванов, Б.В. Личман, С.П. Постников и др. История сельского хозяйства Урала в XX в. исследовалась крайне неравномерно. Отсутствуют обобщающие работы по Уралу в целом и по его отдельным регионам, в которых бы на протяжении длительного периода анализировалось состояние сельскохозяйственного производства, история индивидуального крестьянского и коллективного хозяйства. Крупные работы посвящены лишь отдельным проблемам истории сельского хозяйства в тот или иной период. Развитие поземельных отношений в деревнях Урала в начале XX в., влияние капитализма на сельскохозяйственное производство и крестьянское движение рассмотрели А.А. Савич, Х.Ф. Усманов, М.И. Черныш. Историю индивидуального крестьянского хозяйства в советский период проанализировал М.Н. Денисевич. Классовую борьбу в деревне, насильственную коллективизацию, организационно-хозяйственное укрепление колхозов командно-административными методами в 20-30-е годы рассмотрели в своих работах Н.В. Ефременков, В.М. Куликов, В.Б. Цыганов, И.Е. Плотников. Состояние деревни и колхозного производства в годы Великой Отечественной войны в послевоенный период проанализировали Г.Е. Корнилов, В.П. Мотревич и Р.П. Толмачева. История других отраслей уральской экономики в XX в. разработана пока слабо. Истории транспорта Урала посвящены небольшие локальные исследования, раскрыта история первой уральской горнозаводской дороги и Свердловской железнодорожной магистрали. В.П. Тимошенко рассмотрел развитие внешнеэкономических связей Урала на протяжении всего советского периода.

Духовная жизнь и развитие культуры на Урале в XX в. советскими историками исследовалась с идеологизированных марксистских методологических позиций, призванных доказать, что Октябрьская революция вызвала осуществление «культурной революции», которая проводилась в советский период. В связи с такой концепцией недооценивалось развитие культуры Урала в дореволюционный период, особенно в области народного образования, и гипертрофировались достижения во всех областях культуры в советский период. Именно в этом ключе написаны многие обобщающие работы по истории советской культуры Урала и «отраслевые исследования», объектом изучения которых были различные уровни народного образования, включая такую специфическую форму деятельности, как ликвидация неграмотности среди взрослого

населения, формирование различных отрядов уральской интеллигенции и ее вклада в революционное движение и строительство нового общества, а также развитие отдельных областей искусства. В последние годы стали появляться исследования, в которых история культуры на Урале рассматривается не с классовых позиций, а с учетом сохранения гуманистических, демократических, подлинно национальных традиций русского и др. народов страны. К таким работам относится монография А.В. Сперанского, проанализировавшего основные направления культурного развития региона в годы Великой Отечественной войны.

Поскольку Урал является регионом с многонациональным составом населения, то одной из проблем, которую разрабатывают историки края, является формирование наций и история национальных движений в начале XX в. и национально-государственного строительства в годы советской власти. Эти вопросы исследовали К.И. Куликов, Ф.Л. Саяхов, Б.Х. Юлдашбаев и др. Интерес к данным проблемам связан с процессом формирования нового федеративного устройства Российского государства и созданием на его территории суверенных государств на базе бывших автономных республик и национальных округов. В изучении непосредственно историографических проблем ураловедения заметную роль сыграла кафедра истории, созданная в Уральском Государственном университете О.А. Васьковским. Работниками кафедры и другими учеными созданы монографические исследования по истории Октябрьской революции и гражданской войны на Урале (О.А. Васьковский, Е.Б. Заболотный, А.Т. Тертышный), гибели царской семьи (В.В. Алексеев), рабочего класса и социалистического строительства (В.Д. Камынин), Отечественной войны 1941-1945 гг. (М.Н. Евланова), методологии исторической науки (В.С. Прядеин). Историографические работы публикуются также по проблемам истории Урала досоветского периода (В.А. Оборин, Д.В. Гаврилов, А.С. Черкасова и др.).

Начавшаяся с конца 80-х годов перестройка в исторической науке стимулировала ученых Урала на переосмысление исторического пути, пройденного народами края в течение многих столетий, особенно политизированной истории XX в. С учетом плюрализма в методологии появились работы, в которых дается более взвешенная, объективная оценка событий прошлого, освещаются «белые пятна» в истории региона. Но это только первые шаги. На очереди более глубокие исследования по изученным и спорным проблемам освоения Урала в дореволюционный период, изучению истории регионалистики и места Урала в геополитической динамике, особенностей политической системы и экономического развития в XX в. Среди более конкретных на первый план выступают такие вопросы, как история предпринимательства на Урале, историческая демография, социокультурное развитие, индустриальное наследие края, история развития

и становления неизученных или слабо освещенных отраслей народного хозяйства (атомная, лесохимия и др.), особенно сельского хозяйства в послевоенные годы. В сфере духовной жизни необходимы исследования истории религии, развития традиционной демократической культуры, персонифицированной истории уральцев, боровшихся как с самодержавием, так и с советским тоталитарным режимом.

Литература

1. Историческая наука на Урале за 50 лет: 1917-1967. / Свердловск, 1967. Гурьев, И.А. История промышленности и рабочего класса Урала в дореволюционной историографии. / И.А. Гурьев, В.И. Усанов. : Свердловск, 1982
2. Урал и проблемы региональной историографии : Феодализм. Первобытный строй / Свердловск, 1986.
3. Урал и проблемы региональной историографии : Период капитализма. / Свердловск, 1986
4. Бакунин, А.В. Индустриализация Урала в Новейшей исторической литературе / Вопросы истории, 1976. №2-6
5. Васьковский, О.А. Современная историография истории Урала периода гражданской войны. / О.А. Васьковский, А.Г. Тертышный Свердловск, 1984
6. Заболотный, Е.Б. Российская историография революции 1917 г. на Урале. / Е.Б. Заболотный : Екатеринбург, 1995
7. Кириллов, А.Д. Урал в новой России. Исследования. Гипотезы. Литература. / А.Д. Кириллов, ВЛ. Леднев, Б.А. Кириллов: Екатеринбург, 1999.

ГЛАВА 6. ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ УРАЛА

6.1. УРАЛ КАК ОСОБЫЙ РЕГИОН РОССИИ

Урал – особый географический, историко-культурный, и экономический регион России. Его название, как и определение границ, менялось во времени. В древности он назывался Рифейскими (Рипейскими) горами. Средневековые географы именовали его Поясом, Каменным Поясом, Земным Поясом, а русские первопроходцы – просто Камнем. И те, и другие, как правило, ограничивали его территорию главным водораздельным хребтом. По мнению большинства историков и лингвистов, слово «Урал» – тюркского происхождения. Оно встречается в древнебашкирском эпосе. Первоначально его использовали для обозначения южной части современного Урала. Остальной Урал называли русским словом «Камень». Во второй

половине XVII веке появляется понятие «Уральские горы». А со времени В.Н.Татищева, термин «Урал» становится общеупотребимым для обозначения всей территории, занимаемой Уральскими горами, с прилегающими к ним районами. Согласно современным географическим представлениям, Урал, - это территория между Восточно-Европейской и Западно-Сибирской равнинами. В его состав входит Уральская горная система, вытянутая почти меридионально с Севера на Юг с берегов Карского моря до среднего течения реки Урал. Ее длина более 2000 км, ширина от 40 до 130 км. Она включает главный водораздельный и несколько боковых хребтов. Урал делится на Полярный, Приполярный, Северный, Средний и Южный. Его западные предгорья носят название Предуралья, а восточные – Зауралья. По восточному склону главного водораздельного хребта проходит граница между Европой и Азией. Урал отличает чрезвычайно разнообразие природных условий. На его территории имеются вечные снега и тундра, вековая тайга и обширные степи. Край изобилует озерами и реками, которые принадлежат бассейну Северного Ледовитого океана и Каспийского моря. Недра Урала славятся неповторимым сочетанием различных полезных ископаемых.

В соответствии с концепцией районирования, Уральский регион включает Свердловскую, Челябинскую, Оренбургскую, Курганскую области, Пермский край, Республику Башкортостан и Удмуртию. Их общая площадь – 824,4 тыс. кв. км (4,8% всей территории Российской Федерации), а число жителей – 20,5 млн. человек (13,8% общей численности населения страны). Особенности положения и природно-климатические условия сыграли важную роль в формировании в географических границах Урала единого в составе России историко-культурного ареала. Начало этого процесса уходит в глубокую древность. Являясь естественной границей и связующим «звеном» между Европой и Азией, Урал оказался ареной интенсивных контактов племен и народов, принадлежавших к различным цивилизационным мирам. Его заселение начинается около 300 тыс. лет назад. Первые обитатели региона – охотники и рыболовы древнекаменного века (палеолит) – уже широко использовали каменные и костяные орудия, сооружали искусственные жилища, создавали мифы о мироздании.

Около 10 тыс. лет назад в Северной Евразии устанавливается климат современного типа. Это привело к заметным изменениям в хозяйстве и быте населения края, его духовной культуре. В лесной полосе Урала осваиваются новые способы и средства охоты – лук и стрелы, бумеранг, лодка, лыжи, сани и т.д. Их использование обеспечило повышение устойчивости присваивающего хозяйства, способствовало быстрому росту народонаселения. К III тыс. до н.э. охотники и рыболовы лесной зоны края входят в обширное этноязыковое образование, простиравшееся от Скандина-

вии до Западной Сибири. Их объединило сходство форм хозяйствования, близость языка, единство мифологических представлений.

На Юге региона, в Приуральской степи в это время с Запада проникают племена скотоводов. С их появлением связано становление в крае производящего хозяйства. Именно здесь, в Урало-Иртышском междуречье, на восточной периферии древнейшей индо-иранской общности, складывается один из древнейших районов приручения лошади.

Начиная со II тыс. до н.э. Урал становится одним из ведущих очагов металлопроизводства Северной Евразии. Отсюда получали оружие кочевники-савроматы, снабжались медными слитками земледельческое население Приуралья, охотники лесной полосы Зауралья и Западной Сибири. По водным дорогам южно-таежной зоны края шел путь престижной торговли бронзовыми изделиями от Байкала до Крито-Микенского мира. С развитием металлургии было связано становление на Южном Урале протогородской цивилизации древних индоариев.

В I тыс. н.э., в эпоху Великого переселения народов, с Востока по степям Южного Урала прокатилась волна кочевников различной этноязыковой принадлежности: угорской, самодийской, тюркской. Большинство из них прошло в степи Причерноморья и далее на Запад вплоть до Паннонии. Однако часть мигрантов осела в лесостепной полосе региона и продвинулась дальше на Север. Активно воздействуя на культуру местного населения, они приняли участие в формировании устойчивых этнических образований: в лесном Приуралье – древних удмуртов и коми, в южном Приуралье – протобашкир, а в лесной полосе Зауралья – предков современных манси. В XIII – XIV веках край подвергся нашествию монголов, которые также внесли вклад в этногенез его народов.

Еще до монгольского нашествия на Урал стали проникать представители древнерусских (русские) народностей. В XI веке это были эпизодические походы за данью. Затем, после освоения русскими в XII– XV веках бассейна р.Вятки, верхнего и среднего течения р.Камы - переселенческое движение. Со второй половины XVI века, с присоединением к России Казанского и Сибирского ханств, оно приобретает массовый характер. Основной поток переселенцев направляется в лесостепную и степную полосу края: на Средний Урал и в Зауралье, вглубь Башкирии. К концу XVII в. на Урале уже насчитывалось около 200 тыс. русских. Наряду с русскими, в колонизации края участвовали казанские татары, мари, чуваша, мордва и др. народы Среднего Поволжья.

Вхождение Урала в состав Российского государства стало поворотным пунктом в истории региона. Оно дало мощный импульс социально-экономическому и культурному развитию края. Возникли города, стали быстро развиваться ремесла и торговля, расширились масштабы с/х освоения земель, появилась промышленность. Урал превратился в форпост освоения

русскими обширных территорий Северной Азии. Отсюда Россия шагнула в Сибирь и вышла к берегам Тихого океана.

Начиная с XVIII века Урал становится одним из ведущих промышленных районов страны. Богатые рудные месторождения, избыток топлива в виде огромных массивов девственных лесов, значительные гидроресурсы, судоходные реки, удобные для транспортировки готовой продукции в центральные районы страны, создавали благоприятные условия для строительства здесь чугуноплавильных, железоделательных, медеплавильных заводов. В основном они размещались на Среднем Урале. Это предопределило смещение центра экономической активности в крае с Севера на Юг. В результате значительно уменьшилось значение таких городов, как Чердынь, Соликамск, Верхотурье. Главными торгово-промышленными центрами региона стали Екатеринбург, Пермь, Кунгур, Уфа, Оренбург. Уральская металлургия развивалась исключительно высокими темпами. Уже в середине XVIII века на ее долю приходилось $\frac{2}{3}$ произв. российского чугуна и $\frac{9}{10}$ российской меди. А к концу столетия Урал стал ведущим мировым производителем металлов. Его железо в большом количестве вывозилось в страны Западной Европы и даже за океан, в США. Однако уже в первой половине XIX века уральская горнозаводская промышленность утратила свои позиции на мировом рынке. Основанная на крепостном труде, она не смогла выдержать конкуренции с промышленностью передовых капиталистических стран. Но для России Урал продолжал оставаться основной металлургической базой.

Одновременно с промышленным освоением шла мощная земледельческая колонизация края. В Оренбуржье, Башкирии были распаханы большие массивы земель. Это позволило обеспечить регион собственным хлебом, другими продовольственными культурами.

Отмена крепостного права в 1861 больно ударила по экономике края: коренная ломка старой феодально-крепостнической структуры требовала иной социальной организации промышленного производства, внедрения принципиально новых, индустриальных технологий. Однако этот процесс шел медленно. Многочисленные пережитки крепостничества тормозили технико-технологическое обновление производства, затрудняли его приспособление к условиям рыночного хозяйства. В результате уральская горно-металлическая промышленность была отодвинута по уровню технической оснащенности и масштабам производства на второе место новым индустриальным районом страны – Югом России.

Аграрный сектор экономики края развивался в это время более успешно. В пореформенный период активно вводятся в с/х оборот свободные пространства Башкирии, Предуралья и Зауралья. Освоение новых земель и определенный прогресс в агротехнике способствовали превращению Урала в крупный район товарного зернового хозяйства. Стимулирующее воздействие

на развитие с/х, межрегиональную торговлю и на всю экономику края оказало строительство железной дороги, развернувшееся в последней четверти XIX в. Они в значительной мере ослабили былую обособленность региона от центра регионов страны, создали реальные предпосылки для укрепления его позиций в общероссийской экономике.

На рубеже XIX– XX веках в экономике края намечаются заметные позитивные сдвиги. Ускоряется процесс технического перевооружения промышленности. Реконструируются действующие и строятся новые предприятия. Такие уральские заводы, как Пермский пушечный, Ижевский оружейный, Надеждинский, Лысьвенский, Чусовской металлургический, по уровню технической оснащенности и организации производственных процессов становятся вполне сопоставимыми с самыми передовыми предприятиями Южной России и Западной Европы. Одновременно происходят значительные изменения в социальном строе уральской промышленности. Разворачивается процесс преобразования традиционной для Урала частновладельческой горнозаводской собственности в акционерные общества. Фактически хозяином большинства заводов становится финансовый капитал.

Первая мировая и гражданская войны нанесли тяжелый урон экономике региона. Остановились многие заводы и фабрики, сократилось производство с/х продукции, были нарушены внутри- и межрегиональные экономические связи. На восстановление хозяйства ушло несколько лет.

Только к концу 1920-х экономика края вышла на довоенные рубежи. Тогда же Урал оказался в эпицентре второй волны российской индустриализации. Она проходила в специфических условиях установившегося в стране после революции режима и потребовала огромных материальных затрат и неимоверного напряжения сил всего народа. Тем не менее, 1930-40-е стали для экономики Урала в XX в. временем наиболее динамичного развития. Край превратился в гигантскую строительную площадку. Были реконструированы сотни действующих предприятий, возведены такие флагманы отечественной индустрии, как Магнитогорский металлургический, Красноуральский медеплавильный, Челябинский тракторный, Уральский вагоностроительный, Березниковский химический, Уралмашзавод. Значительно увеличила экономическую мощь региона эвакуация сюда в годы ВОВ 667 предприятий. В результате тяжелая индустрия Урала стала основой военной экономики страны, главным арсеналом Великой Победы. А после окончания военных действий сыграла выдающуюся роль в восстановлении народного хозяйства пострадавших районов.

В последние десятилетия существования Советского Союза Урал по общему объему промышленного произв. прочно удерживал третье место после Центрально-Промышленного и Донецко-Приднепровского

экономических районов. В структуре его промышленности увеличивается удельный вес самых передовых отраслей. В частности здесь формируется крупнейший в мире атомный промышленный комплекс. Появляется ракетостроение и производство электроники военного назначения. Ускоренными темпами развиваются приборостроение, химическая и нефтехимическая промышленность. Одновременно усиливается отраслевая интеграция производства, нарастает хозяйственная взаимодополняемость отдельных территорий региона, завершается процесс формирования Урала как единого экономического р-на.

В то же время, наряду с очевидными успехами, в экономическом развитии постепенно нарастали кризисные явления. Особенно масштабный характер они приобрели в 70-е – 80-е, когда советская политическая и экономическая система, утратив былой динамизм, практически полностью исчерпала себя. Для уральской экономики это обернулось свертыванием инвестиционной активности, старением производственного аппарата, стагнацией сельского хозяйства, нарастанием отраслевых диспропорций, нерациональным использованием производственных ресурсов (ростом так называемой бесхозяйственности), общим снижением эффективности народного хозяйства. Ситуацию усугубляла несоразмерность в уровне развития производственных и непроизводственных сфер, тяжелая экологическая обстановка. С грузом этих проблем регион подошел к последнему десятилетию XX века.

Особенности экономического развития Урала в последние триста лет оказали решающее воздействие на демографические процессы в регионе. Значительно превышая общероссийские темпы, росло его население. С 618 тыс. в 1719 оно увеличилось до 6198 тыс. в 1900 и достигло 20 млн. 300 тыс. в 1990. Удельный вес Урала в общей численности населения России (в современных границах) вырос за это время с 4,7% до 13,7%.

Столь высокие темпы роста оказались возможными благодаря широкому переселенческому движению, принимавшему в периоды интенсивного хозяйственного освоения края массовый характер. Так, в XVIII в. для обеспечения уральской горнозаводской промышленности рабочей силой из Центральной России переселяли крепостных крестьян и мастеровых. На заводы направляли солдат и рекрутов, ссылали преступников и бродяг.

В это же время шла и интенсивная земледельческая колонизация края. С Запада на Восток, из Ср. Поволжья в Оренбуржье и с Севера на Юг, из ранее обжитых районов Прикамья и Среднего Урала в Башкирию направлялись мощные потоки переселенцев. Заселение новых территорий осуществлялось преимущественно мирным путем, в форме освоения свободных земель. Вновь прибывшие размещались черезполосно. Нередко рядом селились представители нескольких национальностей. Следующий всплеск крестьянской колонизации пришелся на конец XIX в.

Размежевание башкирских земель и разрешение их продажи, упрощение порядка переселения способствовали интенсивному заселению еще неосвоенных территорий Башкирии, Предуралья и Зауралья.

В современное время наиболее значительный приток населения на Урале наблюдался в 1930-50-х. Он состоял из нескольких миграционных волн и был вызван целым рядом причин социально-экономического и политического порядка: ускоренной индустриализацией региона, массовой ссылкой сюда так называемых спецпереселенцев, эвакуацией населения из прифронтовой полосы в ВОВ, депортациями. Эти миграции в значительной мере носили принудительный характер и состояли из представителей разных регионов и национальностей: русских, украинцев, татар, жителей Поволжья и Северного Кавказа, Прибалтики и т.д. К концу 1950-х миграционный приток в регион значительно сократился и вплоть до начала 1990-х на Урал прибывало меньше людей, чем его покидало.

Переселенческое движение кардинально изменило этническую картину в крае. Если в конце XVII века русские составляли меньшинство, то уже в середине XIX века на их долю приходилось почти три четверти его населения. Сложившаяся к этому времени этническая структура сохранилась в основном до 1990-х. Согласно переписи 1989 г., к русским себя относили 73% населения Урала. На долю татар приходилось 9,7%, башкир – 5,9%, удмуртов – 2,9%, украинцев – 2,2%. Остальные 6,3% составляли чуваша, мордва, немцы, коми, представители других народов.

Длительное, преимущественно мирное взаимодействие народов Урала имело важные последствия. Несмотря на этническую разнородность, языковые и конфессиональные различия, совместное проживание, сходные хозяйственные занятия, чисто человеческие контакты способствовали формированию у населения региона ряда общих культурно-бытовых черт. На этой основе происходило сближение ценностных ориентаций, стереотипов и норм поведения. Особенно благоприятные условия для межэтнической интеграции создавала ускоренная урбанизация территории. Именно в городах сближение образа жизни и менталитета представителей различных народов шло наиболее интенсивно.

Огромное влияние на этнические процессы оказал общекультурный прогресс территории. С одной стороны, он способствовал консолидации регионального сообщества, а с другой – осознанию отдельными национальными группами своей специфики. Причем эти, в значительной мере разнонаправленные тенденции, уравнивали друг друга. В результате на протяжении всех последних трехсот лет возникавшие время от времени межнациональные противоречия практически ни разу не перерастали в крупные этнические конфликты.

Ключевое значение для развития многонациональной культуры края имело распространение образования. Уже в начале XVIII века на Урале

появляются первые общеобразовательные школы, открываются горнозаводские учебные заведения. В следующем столетии сеть образовательных учреждений охватывает всю территорию региона. В XX веке на Урале складывается система общего, среднего специального и высшего образования. Это обеспечило прогрессирующее повышение образовательного уровня населения и в конечном счете способствовало экономическому развитию края, обогащению его духовной и культурной жизни. Особенно благотворное влияние оно оказало на развитие литературы, искусства, науки. Не случайно многие уральские писатели, ученые, художники, артисты, архитекторы получили всероссийское признание. Их деятельность во многом способствовала становлению общеуральского самосознания, консолидации регионального сообщества.

Сложившееся исторически экономическое и культурное единство уральского региона продолжает существовать в конце XX в. Географическая целостность, устойчивые социокультурные и политические связи и отношения, общность инфраструктурных систем, взаимодополняемость отдельных звеньев хозяйства, предопределяющая интенсивный внутрорегиональный обмен готовой продукцией, сырьем, энергией, создают реальные основы для дальнейшей интеграции региона.

Как и в прошлом, он является одним из ведущих промышленных районов страны. В середине 1990-х его удельный вес в общем объеме промышленного производства России достигает 16%. В этом отношении Урал уступает только Центрально-Промышленному экономическому району. Основные отрасли специализации промышленности Уральского региона – горнодобывающая, черная и цветная металлургия, металлообработка и машиностроение, основная химия и нефтехимия. Урал дает половину всего российского производства черных и почти четверть цветных металлов, покрывает значительную часть потребностей страны современной технике производства и военного назначения. Регион уверенно сохраняет свои позиции «опорного края державы», продолжает играть интегрирующую роль во взаимодействии экономик европейской и азиатской части России.

Урал по праву считается одним из основных центров концентрации научно-технического и образовательного потенциала страны. Здесь действуют десятки высших учебных заведений, многие из которых хорошо известны за пределами региона, работает Уральское отделение Российской академии наук, сотни исследовательских и проектных организаций. Идеи и разработки уральских ученых соответствуют самым высоким мировым стандартам.

Богата и разнообразна духовная жизнь Урала. Несмотря на растущее стремление к этнолингвистическому, конфессиональному и локальному самоопределению, уральское региональное сообщество сохраняет свою идентичность. Это позволяет ему активно участвовать в поиске путей

строительства новой российской государственности. В 1990-е опыт Урала в налаживании взаимодействия федерального центра, региональных властей и местного самоуправления широко использовался в общегосударственном масштабе. Чувства общности исторической судьбы и собственной специфики, прочно укоренившиеся в сознании уральцев, являются реальной основой устойчивого развития регионального сообщества.

6.2. ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА

В современной науке под регионом принято понимать формирующуюся в процессе исторического развития совокупность исторических областей (или провинций), взаимосвязанных между собой в некую целостность в экономическом, социокультурном и политическом отношении. Если ядро региона стабильно и во многом действительно определяется природно-ландшафтными условиями, то его границы, как правило, подвижны. Все современные регионы – результат длительного исторического развития, и вполне допустимо, при изменениях глобальных экономических, политических процессов, их очертания могут серьезно корректироваться. Урал в этом ряду не исключение. Он – относительно молодой регион, и в истории его формирования можно выделить три этапа.

Первый – предварительный. Как принято считать в отечественной историографии, к началу 20-х гг. XVI века завершилась политическая централизация Руси. Московское государство в 1520–1550-е гг. значительно расширило свои рубежи, в том числе и на востоке. В результате покорения Казанского и Астраханского ханств под контролем московских монархов оказалось все течение Волги, а также близлежащие Вятка и Пермь, связанные с Камским (Средним) и Северным Приуральем. Контроль над вышеперечисленными областями способствовал русскому проникновению «за Камень» (т.е. через Уральские горы) в Сибирь. До 80-х гг. XVI века крайними восточными форпостами русского освоения оставались расположенные в Среднем Приуралье пермские города Чердынь и Соликамск, а также городки на Каме и Чусовой, построенные промышленными людьми Строгановыми под покровительством московских властей.

Исключительное значение в дальнейшем продвижении русских границ в Северную Азию имела экспедиция Ермака начала 80-х гг. XVI века и последовавшее за этим строительство городов и острогов на восточном склоне Уральских гор и в Среднем Зауралье.

В течение всего XVII века происходил параллельный процесс открытия новых земель и их административного и экономического освоения. Правительство подчинило все открытые земли к востоку от Уральских гор единому центру – Тобольску. После того, как Восточная Сибирь отошла под

управление Томска, географические пределы тобольской власти ограничились Западной Сибирью, Средним и Северным Уралом.

В 1689 году была оформлена военно-административная единица, состоявшая из Верхотурского, Пелымского и Туринского уездов.

Ни в XVI, ни в XVII веках географический Урал и прилегающие к нему районы не осознавались современниками в качестве особой исторической области. К западу от Уральского хребта располагалась «Русь»; к востоку простиралась Сибирь – «дальняя государева вотчина». Между Русью и Сибирью лежал «Камень» – собственно Уральские горы.

Вторым этапом, открывающим собственно историю Урала, можно назвать первую половину XVIII в., когда сформировалась основа Уральского региона, а в общественном сознании начало складываться представление уральской идентичности. В крае создается крупное горнорудное и металлургическое мануфактурное производство – основа российской индустриализации XVIII века. Главной ареной горнозаводского строительства оказались земли Среднего Урала и Камского Приуралья. Развивающийся горнозаводской комплекс вызвал к жизни крупную экономическую инфраструктуру, в которую вошли собственно заводы, их топливно-сырьевая база, внутренние и внешние коммуникации, сельское хозяйство, внутренние локальные рынки. Под влиянием новой экономической реальности стали формироваться новые региональные центры, перераспределяются людские и материальные ресурсы. Уже в 20-е гг. основные грузопотоки пошли не по Бабиновой дороге, а через Средний Урал. Из старых центров края важное значение сумели сохранить только Кунгур и Ирбит.

Впервые в истории России помимо местного государственного управления и административно-территориального деления была создана местная ведомственная административная структура, призванная руководить горно-металлургическим хозяйством востока страны. Высшее горное начальство с 1723 г. обосновалось в Екатеринбурге. Земли екатеринбургского ведомства вместе с частными металлургическими комплексами (крупнейшие из которых принадлежали Демидовым) составили ядро региона. Постепенно и в сознание людей приходило понимание, что территория горного ведомства и связанные с ней районы представляют собой некую особую данность, отличную от престижных исторических областей и неидентичную им. Неслучайно приблизительно с 30-х гг. XVIII века для обозначения промышленных районов, расположенных на стыке Сибирской, Казанской, а позднее и Оренбургской губерний начинает использоваться наименование «Урал». Принято считать, что этот термин в его региональном значении ввел в употребление В.Н. Татищев, один из основателей горного дела на востоке страны. Официального признания этот термин тогда не получил. Еще долго и земли и главное учреждение именовались сибирскими.

Третий этап, в течение которого формирование уральского региона в целом завершилось, относится ко второй половине XVIII–началу второй четверти XIX века. С разведкой богатых медных месторождений Южного и Северного Урала промышленной инфраструктурой оказался покрыт весь географический Урал (за исключением Приполярной и Полярной частей). Немногие регионы России в XVIII веке могли продемонстрировать столь высокую, как на Урале, концентрацию мастеровых и рабочих людей. Благодаря этому в крае, особенно в районах старого промышленного освоения, получил распространение особый тип поселения — заводской поселок. По социальному составу, производственным и торговым показателям, культурно-бытовым традициям они вполне соответствовали тогдашнему понятию «город».

Горнозаводская среда породила уникальное культурное своеобразие региона, не имевшее аналогов в России. Он впитал и синтезировал как древнерусские традиции, принесенные на Урал крестьянскими переселенцами, особенно старообрядцами, так и технические новшества. Этот культурный синтез проявился в возникновении мощной книжно-рукописной традиции уральских старообрядцев, многие из которых служили на заводах; в создании местных школ иконописания (самая известная из которых – невьянская – сформировалась в сердце горнозаводского Урала). Его результат – целые отрасли прикладного искусства: роспись и гравировка по металлу, художественное чугунное литье, украшение холодного оружия, декоративная обработка полудрагоценных камней, промышленная графика и архитектура. Культурный синтез определял бытовые нововведения: широкое употребление металлической посуды, украшенных железной оковкой сундуков, кожаной обуви, своеобразие жилой застройки и интерьера... Уникален самобытный заводской фольклор. Отдельные его фрагменты, связанные с устным литературным творчеством, хорошо известны российскому читателю благодаря обработке П.П. Бажова. Региональная самоидентификация, ощущение себя на обыденном уровне уральцами, а не сибиряками или волжанами – важнейшая черта, которая проявляется уже на последнем этапе генезиса Урала как особого региона.

К концу указанного этапа произошло официальное конституирование термина «Урал», отразившееся в новом наименовании должности главы региональной горнозаводской администрации: Главный начальник горных заводов Уральского хребта (с 1826 г.), хотя под его руководством находились заводы, расположенные от Вятки до Тобола.

В дальнейшем Урал продолжал существовать как особый регион. Региональное своеобразие края оставалось стабильным благодаря неизменности его интегрирующей основы – крупного промышленного металлургического производства, которое лишь модифицировалось в зависимости от внешнеэкономической конъюнктуры и под влиянием научно-

технического прогресса. Уральская инфраструктура переориентировала внутренние мощности на выпуск военной продукции, сталепроката, пережила техническое перевооружение в пореформенный период и к рубежу XIX–XX вв. превратилась в крупного поставщика армии и флота России. За счет вовлечения в оборот природных земель Южного Урала и Зауралья Урал превращается в крупного производителя товарного зерна. С последней четверти XIX века Урал становится важнейшим звеном железнодорожной сети России.

Советская индустриализация 1920–1930 гг., техническая и кадровая основа для успешной эвакуации в годы Великой Отечественной войны превратили регион в главную опору военной экономики и военной индустрии СССР. Послевоенное освоение ядерных технологий привели к созданию в регионе новых отраслей ВПК: ядерной, электронной, ракетостроения. Урал стал одним из основных центров академической, отраслевой науки, высшего образования страны. Даже в тяжелейшей ситуации рубежа 80–90-х гг. XX века Урал оказался более жизнеспособным регионом, чем другие, и в самые кризисные годы сохранил передовые позиции в экономике и обеспечении стратегической безопасности государства.

6.3. РИФЕЙСКИЕ ГОРЫ

Во все времена обживания Земли человеком географическому названию придавалось важное значение. Оно должно говорить о принадлежности обозначаемого к роду, виду предметов, и отличии его от других подобных, но к этому же роду, виду принадлежащих.

Названия на Земле не появляются случайно. Они скрупулёзно просеиваются народной памятью и если уж утверждаются, то заслуживают самого серьёзного изучения их истоков.

При изучении этого процесса учёным и краеведам открылось немало неожиданного.

Древнейшие на Земле горы, основательно обживаемые людьми уже около ста тысяч лет, своё теперешнее имя обрели совсем недавно..

Сегодня однозначно установлено, что имя Урал на русских, а затем и иностранных географических картах появилось только в 1701 году.

Существуют несколько точек зрения на эту проблему, однако основное соперничество идёт между двумя, кажущимися наиболее очевидными.

«Ур ала» на языке уральских манси – обозначение «вершина горы». Возможно, что от этого сочетания двух мансийских слов и родилось имя – Урал. Традицию такого понимания заложил в середине прошлого века известный геолог Эрнест Карлович Гофман, много труда вложивший в изучение Северного и Южного Урала.

Этой версии придерживаются западные «родственники» манси – мадьяры. Венгерские ученые последовательно отстаивают её во многих своих публикациях по истории мадьярского языка.

Однако сторонники этой версии не могут объяснить, почему сами-то манси никогда Урал Уралом не называли и не называют, именуя горы, «Нёр», что означает просто и весомо – «камень»...

По мнению других исследователей ещё почти за 100 лет до Гофмана Петр Симон Паллас, не менее маститый изучатель Урала, записал башкирское название южноуральских гор – Уралтау. Возможно, – именно от этих исконных уральских обитателей идет название и всей горной страны.

Сторонники второй версии также не могут удовлетворительно объяснить – а что, собственно, значит на башкирском языке (вообще у тюрков) слово «Урал»? Убеждённые последователи этой версии следуют в основном традиции, заложенной В. Н. Татищевым. Василий Никитич утверждал, что «Урал» означает «пояс», производя это название от тюркского глагола «Уралу», «оралу» – опоясываться.

Правыми можно считать утверждения обеих сторон.

Существуют и другие версии, откуда пришло слово «Урал». Некоторым учёным представляется возможным появление названия с востока. По-эвенкийски «гора» – «урэ». Люди тунгусо-маньчжурской языковой культуры, пришедшие в эти края с востока, вполне могли принести ему такое название, тем более что появление буквы «л» в продолжение слова ставит его просто во множественное число. Но противники данной версии не могут понять, почему русские географы восприняли название от пришлых, а некоренных жителей.

Считается, что первое письменное свидетельство об Уральских горах прозвучало в Геродотовой «Истории», написанной в V в. до нашей эры. Великий автор бессмертного сочинения в нескольких главах «Мельпомены», четвёртой книги своего труда, пересказал содержание поэмы некоего Аристея, жителя греческого города Проконесса, в которой тот описал своё путешествие в земли за Азовским морем (древние греки называли его Меотийским озером). Путешествие Аристея состоялось, по Геродоту, в VII в. до нашей эры.

Из Геродотова описания следует, что Аристей отправился от Меотийского озера по реке Танаис (так называли в античном мире Дон) к северу. В пути он встретил немало народностей и племен, хоть и варварских, хоть и с разными обычаями, но живущих (кто в лесах, кто в степях) вполне по-человечески. В одной из самых отдаленных стран Аристею повстречались иирки, народ, обитающий у подножия высоких гор. Неподалеку от них жил другой народ – исседоны. Горы эти Аристей назвал Рифеями.

По-видимому, поэма Аристея из Проконесса была единственным на ту пору солидным источником информации о столь отдалённых от греческих

городов землях. Геродот отнёсся к описаниям Аристеев весьма уважительно. И великий космограф древнего мира Птолемей посчитал для себя обязательным использовать его данные при создании ставшей знаменитой карты мира. Из не совсем отчётливых указаний путешественника Птолемей не мог установить с очевидностью, где точно возвышаются Рифейские горы. Античный географ попытался определить это сам. Имелось несомненное свидетельство Аристеев – горы располагаются к северу от Танаиса. Имелось и тысячу раз подтверждённое античное знание об окружающем мире – все великие реки (а Танаис, по их убеждению, был великой рекой) истекают с великих гор.

Так на карте Птолемея появились Рифейские горы. Он расположил их в верховьях реки Танаис строго к северу от Понта Эвксинского (Чёрного моря), почти на северном краю Земли. Горы на карте были вытянуты небольшой цепью с юго-запада на северо-восток, и ближайшим к ним соседом с востока оказались Гиперборейские (северные) горы, из которых вытекала великая река Ра (Волга). Гипербореи были вытянуты уже строго с запада на восток.

Более тысячи лет карты Птолемея служили всем образованным людям западного мира авторитетным сводом сведений по космографии и географии. И нарождающееся Возрождение, безусловно, воспринимает его видение мира. Роджер Бэкон (1214–1295 гг.), великий средневековый учёный, монах-францисканец, десятилетия проживший в монастырских тюрьмах за неуёмную страсть к знаниям, повторяет Птолемея в своих географических изысканиях по востоку Европы: «...Река Танаис берёт своё начало в высоких горах, которые называются Рифеями. Они действительно простираются к северу, потому что за ними не находят больше никакого народа...»

Интерес Бэкона к столь отдалённым краям был отнюдь не случаен. Именно оттуда, с востока, над народами Центральной и Западной Европы стремительно нависали тогда грозные тучи Батыевых туменов. И даже жителям Италии и Альбиона казалась неотвратимой страшная угроза – разделить судьбу раздавленных русских княжеств. Поэтому географические подробности ранее почти неизвестных «просвещённому миру» областей Европейского Востока становились жизненно важными, способными повлиять на направление движения татаро-монгольских орд и на исход схваток с ними.

Обостренное внимание к географии восточных областей высказывалось тогда многими просвещёнными людьми Европы. В том числе интерес вызывали и Рифеи. Это слово настолько вошло в культурный обиход, стало широко известным, что Данте Алигьери вводит в свой сонет Рифей образом дальнего угрюмого севера.

Никто в те времена не оспаривал точность карты Птолемея. И только через 200 лет после смерти Р. Бэкона нашёлся смельчак, усомнившийся в достоверности Птолемея знания мира. Им оказался итальянский учёный,

настолько влюбленный в античный мир, что он даже отказался от своего христианского имени; и известен ныне под именем, взятым им из древнеримских хроник, – Юлий Помпоний Лэт (1425–1498 гг.).

Ю.П. Лэт прославлен в веках тем, что создал первую Римскую академию, которая изначально была литературным товариществом, объединившимся для изучения античных рукописей.

По неизвестным причинам он покидает благостный мир средневековой Италии и отправляется в длительный и малокомфортный вояж по Северо-Восточной Европе. В результате этого путешествия просвещённая Европа впервые узнала, что никаких Рифейских гор в верховьях реки Танаис нет, а река берёт своё начало из необозримых болот в совершенно равнинной местности. Информация была несколько раз перепроверена Ю. Лэтом. «Так рассказывали мне люди, живущие у истоков Танаиса», – обронил он в одном месте описания своей поездки. В общем, Ю. Лэт «закрыл» Рифеи. Но следом неизменно вставал вопрос: а куда же делись всё же горы из верховий этой реки?

Ю.Лэт стал активно интересоваться у москвитов о существовании хоть где-нибудь гор, на что получил ответ москвитов, что горы есть в Югре. Сомнений не было – это могли быть только Рифейские горы Лэт пользовался не совсем точным переводом Геродота, у которого написано о горах довольно туманно. Уточнив у москвитов, где же располагается эта Югра, Лэт написал в отчёте о своих странствиях: «...От Борисфена (Днепра) Скифия тянется до Рифейских гор, которые замыкают её с востока и простираются на север вплоть до Ледовитого океана. Эти горы столь же высоки и возвышенны, как и Альпы. В отдалённых пределах их живут югры...»

Именно в этом труде Ю.Лэта в самом конце XV века, впервые широко признанном в Европе, учёным было определено точное местоположение Уральских гор и признано, что именно они и есть Рифеи.

Впервые узнавший о нём из римских сообщений и затем перепроверивший эти сведения расспросами пленных московитских воинов польский учёный Матвей Меховский решил сделать себе громкое имя на снятии с европейских карт Рифейских гор в верховьях реки Танаис.

В 1517 году Матвей Меховский издаёт «Трактат о двух Сарматиях», где уже в авторском обращении к епископу Ольмюцскому темпераментно и с некоторой запальчивостью заявляет: «...Утверждали также, что в тех северных областях находятся известнейшие в мире горы Рифейские и Гиперборейские, а из них вытекают не менее славные реки, описанные и воспетые космографами и поэтами: Танаис, Борисфен... и величайшая из рек Волга.

Всё это далеко от истины, и следует опровергнуть и отвергнуть это как невежественное и непроверенное сообщение...

Вышеупомянутые три реки... начинаются и текут из Московии... Что там нет гор, называемых Гиперборейскими, Рифейскими и Аланскими, это мы точнее точно знаем и видим, как и то, что вышесказанные реки возникли и имеют истоки на равнине...»

Матвей Меховский отказал Рифеям в праве на существование вообще. Видимо, он очень осторожно относился к повсеместно ширившемуся острому интересу и восхищению античным миром и с радостью использовал возможность уличить древних авторов в ошибках.

Книга Меховского действительно всполошила тогдашний учёный мир. Поверивший его аргументации Альберт Камнезе (он знал и личные впечатления своих отца и брата от посещений Московии) в письме к папе Клименту VII восклицает, что не может «надивиться дерзости географов, которые без стыда и совести рассказывают невероятные вещи о Рифейских и Гиперборейских горах...», которые – это уже ему вторит Павел Иовий, тоже известный тогда учёный – «...положительно известно в настоящее время, нигде не существуют...».

Многие современные авторы упрекают Меховского в неоправданном снятии Рифеев. Ведь это Урал! – восклицают они, поддерживая концепцию Юлия Помпония. Однако, Меховский был более близок к современному знанию, чем римлянин. Он тоже знал о существовании гор на северо-востоке Европы. И описал их в том же труде, где рассказывает о народе югры (угры – мадьяры). «Югры вышли из Югры, самой северной и холодной скифской земли у северного океана... Югра – самая северная страна и вовсе не имеет высочайших и недоступных гор, ни таких, как Альпы в Италии, ни таких, как Сарматские горы. Следовательно, неверно говорят некоторые историки, что гугны (гунны) вышли из своей области – из величайших и недоступных гор. В Югре, впрочем, есть горы, покрытые густым лесом, но это пологие и легкодоступные горы средней величины и высоты, скалистые и утёсистые...».

Это значит, что знание Меховского об Урале было достаточно точным. И он обоснованно противился устоявшемуся мнению, что в этих горах берут начало лежащие далеко к западу Дон и Днепр. Он понял, что ничего об этих горах Птолемей не знал. Провел их по интуиции. А она – подвела.

Современные критики Меховского близки в своей позиции к мнению австрийского императора Максимилиана первого, которому Меховский неосторожно послал ему в подарок свою книгу. Император, истовый поклонник Птолемея, был страшно раздосадован покушением на авторитет своего кумира. Решительный человек, он решил немедленно опровергнуть нахала. Воспользовавшись предложением подписать какой-то договор, он послал в Московию своего дипломата Франческо да Колло, главной целью поездки которого было доказать розысками на месте неоправданную гнусность покушения Меховского на святые авторитеты.

Суть этого поручения хорошо описал сам да Коло: «Императору прислана была Книга, написанная знаменитым врачом и учёным из Кракова, в которой он осмелился уличить, в досадных ошибках государя всех космографов Птолемея там, где последний описывает северные страны, и особенно там, где он учит, что Танаис берёт начало в Рифейских горах, потому что якобы этого или подобного ему горного кряжа в России вовсе не существует. Его величество, хорошо осведомлённый в географических вопросах и большой почитатель Птолемея, которому он, как все образованные люди, обязан своим знанием космографии, прочёл его замечание о Птолемея с большим неудовольствием и дал нам ясное указание исследовать этот вопрос заново...».

Во время пребывания в Москве да Коло старался собрать все сведения, чтобы опровергнуть Меховского. Опытному царедворцу было слишком одиозным утверждать, что да, стоят, мол, Рифеи в верховьях Танаиса. Поневоле пришлось, чтобы хоть как-то обелить Птолемея, принять трактовку Юлия Помпония. Сам Франческо в беседах со сведущими людьми удостоверился, что в дальних северных пределах Московского государства, в стране, называемой Югра, действительно есть горы. Вслед за Лэтом он отождествил их с горами Птолемея.

Франческо доказал себе, что источники великой реки Танаис находятся там, а не в княжестве Рязанском (по Меховскому). В своём донесении императору да Коло прибавил, что на обратном пути из Москвы, в польском городе Петракове, он имел случай видеть самого Меховского и разубедить его в ошибке, что Меховский сознался о своём заблуждении, основав своё показание на рассказах пленных москвитян, содержащихся в Кракове.

Да Коло был истый придворный учёный. Государю нужны Рифеи – значит, они есть, поэтому их можно сдвинуть немного в сторону, но главное – утвердить угодное императору знание о них, чтобы не прогневить властелина. И дипломат решил передвинуть Рифеи, но оставить там истоки Дона (Танаиса).

Сегодня может показаться странным сегодня, что спор о наименовании гор, расположенных в дальних московских пределах, вели почему-то иностранцы, как будто он не касался русских. Просто у русских этот вопрос никогда не возникал.

К моменту приезда в Москву да Коло (июнь 1518 года) русские уже давно примерились к горам на своих восточных рубежах. Отряды московских воинов всё чаще проникали в азиатские пределы.

И естественно, давно уже определились с названием порубежных гор, о чем имеются подтверждения: в одном из воинских рапортов конца XV в. о карательной экспедиции ратников Ивана III во главе с князьями Семёном Курбским и Петром Ушатом, посланных зимой 1499 года (на лыжах) расправиться с угорскими князьями, не уплатившими своевременно дани, как

нечто обыденное прозвучало русское название Уральских гор: «...От Печоры шли воеводы до Камени две недели и тут развелись воеводы князь Петр да князь Семён Камень-щелью; а Камени в оболочках не видать, коли ветрено ино оболочка раздирает, а длина его от моря до моря...»

Так русские очень просто и очень честно отнеслись к присвоению имени вновь открываемой ими горной стране – они точно перевели на свой язык её название в коренных языках. Ведь Уральские горы у всех североуральских народов звались Камень: у хантов камень – «кёв», у манси камень – «нёр», у коми камень – «из», у ненцев немного иначе «нгарка пэ» – большие камни.

Однако, это имя не удержалось. В него вновь вмешался иностранец. Так случилось, что в те же годы, когда в официальных русских документах начали называть далёкие восточные горы «Камни», в Москву прибыл австрийский дипломат и путешественник барон Сигизмунд фон Герберштейн. В окружении императора Максимилиана I все царедворцы быстро становились искушёнными географами, барон по душевной склонности был любознательным путешественником и за два посещения Москвы – в 1517 и 1526 годах – он быстро и умело насобирав обширную подборку сведений о стране пребывания. В 1549 году, основываясь на них, барон выпустил книгу «Записки о московских делах». В разделе «Указатель пути к Печоре, Югре и Оби» автор утверждает, что основой раздела послужил перевод какого-то русского путеводителя. Барон был наблюдателен, умел работать с документами, находить истину в спорах и обнаружил в 1519 году, что никаких Рифейских гор в верховьях Дона нет. Но куда-то же надо было поместить эти столь любезные сердцу его императора горы. И он написал: «...За Печорой простираются до самых берегов её высочайшие горы, они совершенно лишены леса и почти даже травы. Хотя они в разных местах имеют разные имена, однако вообще называются «Поясом мира» ...и во владении государя Московского можно увидеть одни только эти горы; которые, вероятно, представлялись древним рифейским...» Барон дал новое название горам, потому, вероятно, что был убеждён – Птолемей просто ничего не знал толком об этих краях...

В другом месте Герберштейн говорит, что, имея в разных местностях разные названия, горы на северо-востоке Европы носят одно, общее имя – Земной Пояс. Так, как бы совершенно случайно, в географический обиход было запущено ещё одно, название Урала.

Известный комментатор Герберштейна Е. Замысловский в книге «Герберштейн и его историко-географические известия о России» пишет: «Земной Пояс, может быть, было переводом названия инородческого и потому дано было хребту, принимаемому за естественную грань двух частей света, что он тянется на весьма значительном расстоянии от юга к северу, между тем как ширина его сравнительно ничтожна». И еще одно название

Герберштейн отыскал у Урала: «Ниже Оби ...находятся следующие реки: Сосьва. (Sosva), Берёзва (Beresvua) и Данадим (Danadim), которые все начинаются с горы Камень Большого Пояса и соединённых с нею скал...».

Герберштейн был хорошо осведомлён о названиях Урала в других странах. Приводимые им имена позволяют предположить, что источником сведений для австрийского дипломата служили не только русские документы.

В русской традиции Урал так и продолжал оставаться Камнем. Изыскания Герберштейна отразились на русской традиции. Спустя многие годы после выхода его книги – в 1685 году – дьяк Никифор Вонюков описывает Урал так: «...Который Камень лежит от моря-океана поясом до моря Хвалынского и широк зело, и на том Камени великие озёра, а в них всякая рыба, кроме осетров и стерлядей...».

В самом конце XVII века географическим описанием востока России занимался тобольчанин Семён Ремезов, который создал колоссальный труд – Атлас Сибири, составленный из 23 карт. С запада Сибирь Ремезовым обрамлена цепью гор, которую он назвал кратко и выразительно – «Камен Урал» («Чертеж земли Тобольского города»). Вышедшие в 1701 году, эти карты впервые узаконили слово «Урал» как обобщённое название цепи горных кряжей на границе Европы и Азии.

Последнюю точку на свидетельстве о крещении Урала Уралом поставил великий русский государственный деятель и учёный Василий Никитич Татищев.

Татищев был широко, по-европейски образованным человеком. Он был очень добросовестным, неуёмно любознательным учёным, разработки и выводы которого во многих направлениях исторического знания ценны и поныне.

Принимаясь за «Общее географическое описание всея Сибири», В.Н. Татищев ознакомился со всеми доступными ему опубликованными сведениями об этих местах, поскольку знал несколько иностранных языков, имел обширную библиотеку, имел широкий доступ ко многому), переспрашивал знатоков, сопоставил всю информацию и убежденно записал: «...От Тобола к западу те же горы до вершин рек Яика и Белой... Уральские. ...От верховий вышеобъявленных рек... горы оные поворотили прямо к северу, даже до моря Ледовитого... и зовутся они горы по-татарски Урал, по-русски – Пояс Каменный».

Так, с легкой руки сенатора, кавалера многих русских орденов, тайного советника В. Н. Татищева и закрепились за Уралом эти имена.

В Урал принято включать территорию между Восточно-Европейской и Западно-Сибирской равнинами. В её состав, как яркий, определённый компонент, входит Уральская горная система, которая простирается почти меридионально к югу от Карского моря. Длина её более 2000 километров, ширина от 40 до 150 километров. Наиболее высокая точка – гора Народная

(1895 м). Реки относятся к бассейну Северного Ледовитого океана (Печора, с Усой; Тобол, Исеть, Тура и другие – системы Оби) и Каспийского моря (Кама с Чусовой и Белой, река Урал). Много озёр.

Административно Урал «перекраивался» неоднократно. С 1982 года в состав Уральского экономического района (Большой Урал) входят Свердловская, Пермская, Челябинская, Оренбургская, Курганская области, Башкирия и Удмуртия (раньше в этот регион включались Кировская и Тюменская области). Исторически и экономически с Уралом тесно связаны Приуралье и Зауралье, территории, прилегающие к нему с запада и востока.

6.4. КАРТОГРАФИЯ УРАЛА: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В переводе с греческого слово «история» обозначает «рассказ о прошедшем, об узнанном». В советское время историческая наука стала служить интересам коммунистической идеологии: рассказы о прошедшем, не соответствующие принципам социализма, стали попросту забываться. История – это еще и память земли, память того края, где ты родился и вырос, память наших предков. А этой памяти никакая идеология не подвластна.

«История в некотором смысле есть священная книга народов: главное, необходимое зеркало их бытия и деятельности; скрижаль откровений и правил; завет предков потомству; дополнение, изъяснение настоящего и пример будущего», – писал великий русский историк Николай Михайлович Карамзин.

Другой наш великий соотечественник, Александр Сергеевич Пушкин, говорил об истории следующее: «Уважение к минувшему – вот что отличает образованность от дикости».

Краеведение изучает природу, население, хозяйство, историю и культуру какой-либо части страны, административного или природного района. В истории Урала такой административной единицей является Пермская губерния, а также входивший в нее Екатеринбургский уезд. К большому сожалению, в годы советской власти краеведческая наука понесла невосполнимые потери, краеведение было одной из тех наук, которые считались не соответствующими идеологическим воззрениям советского общества.

В 1870 году в Екатеринбурге по инициативе Онисима Егоровича Клера было создано УОЛЕ (Уральское общество любителей естествознания). Выходец из Швейцарии, он прибыл в Россию в 1864 году, через три года переехал в Екатеринбург, где преподавал французский язык в гимназиях. Работе УОЛЕ О.Е. Клер отдал около полувека. По его инициативе при обществе были созданы различные комиссии, музей, научная библиотека.

Другим выдающимся деятелем УОЛЕ и одним из его основателей был Наркиз Константинович Чупин, историк и географ Урала.

Первым президентом общества любителей естествознания был избран В.А. Грамматчиков, исполнявший обязанности Главного начальника уральских заводов. Через год его сменил И.П. Иванов, назначенный Главным начальником уральских заводов. С 1899 г. пост президента занимал доктор А.А. Миславский, а с 1909 года – О. Е. Клер.

В организации общества участвовали также известные в то время ученые и любители природы: зоологи В.Д. Аленицын и Л.П. Сабанеев, главный врач Верх-Исетского завода А.А. Миславский и другие. Не случайно общество возникло именно в Екатеринбурге. В начале 60-х гг. XIX в. это был крупный горнозаводской, торгово-промышленный и культурный центр Урала.

Открытие Уральского общества любителей естествознания состоялось 29 декабря 1870 года.

Историю региона можно проследить на картах, составленных в различные времена и различными деятелями. Рассмотрим некоторые из них.

Карта мира по Клавдию Птолемею, 2 век до нашей эры.

Во 2 веке древнегреческий астроном, создатель геоцентрической системы мира Клавдий Птолемей составил географическую карту неизвестного ему мира. На ней показана река Ра, впадающая в Каспийское море. В верховьях она разделяется на две реки. Одна течет с запада, другая – с востока. Это Волга и Кама. В их истоках автор поместил Гиперборейские горы.

Некоторые историки-географы отождествляли реку Даикс с рекой Урал. Если это так, то Норосскими и Риммикийскими горами следует считать современные горы Южного Урала и, может быть, Мугоджары. Два горных хребта Иммаус могут обозначать как Алтай и Тянь-Шань, так и Гималаи.

Карта Птолемея основана на слухах и предположениях. Авторитет автора был долго непоколебим, пока в 1517 году Матвей Меховский не издал в Кракове книгу под названием «Трактат о двух Сарматиях», в которой автор опроверг древнего ученого: «..там нет гор, называемых Гиперборейскими, Рифейскими и Аланскими...».

«Гор Рифейских и Гиперборейских нет ни в Скифии, ни в Московии, ни где бы то ни было...»

Утверждения Меховского основывались на показаниях русских пленных (в то время шла война между Россией и Польшей из-за спорных территорий), и не все жители Московии могли знать о территориальном величии своей страны.

В 1549 году в г. Вене вышла книга Сигизмунда Герберштейна «Записки о Московии». Автор ее, австрийский дипломат, дважды, в 1517 и 1526 гг., возглавлял посольство в Москве.

В книге Герберштейн заявлял о существовании гор, которые представлялись древним как Рифейские и Гиперборейские: «...Они покрыты вечными снегами и льдом, и перейти через них нелегко».

Районы Приуралья и Урала, известные русским к 70-м годам XV века

В истории освоения Урала важная роль принадлежала Великому Новгороду, который находился на севере русских земель и являлся крупным центром торговли и культуры.

Удобные водные пути привели новгородцев в бассейны Северной Двины, Печоры, в Югру и к горам Северного Урала.

В летописи «Повесть временных лет», составленной в начале XII века, было зафиксировано первое упоминание об открытии Уральских гор, имевшем место в 1096 году.

Летописец записал со слов новгородца Гюраты Роговича, родственника одного из участников похода на Урал:

«Удивительное мы встретили новое чудо, о котором мы до сих пор не слыхивали... горы, заходящие в морскую луну. Им же высота до небес...»

Другие летописи повествуют, что русские совершали походы в югорскую землю в 1187 г., в 1193 г. и позже: по рекам Вычегде, Каме и Волге в 1220 и 1324 гг.; по Вятке, Каме, Белой и Вычегде в 1468 и 1469 гг.; пути в Пермь, Печору и Югру; речная сеть, известная к 1346 г.

Пути москвитян на Урал и в Западную Сибирь

1. В 1472 году Иван Третий послал свое войско на Урал. Оно отправилось двумя отрядами – под начальством Федора Пестрого и Гаврилы Нелидова. Бои происходили у Искора, Уроса и Чердыни. У высокого берега реки Колвы была заложена крепость Покча.

В 1478 г. Новгород окончательно утратил свое господство над Северным Уралом.

2. В 1483 году Иван Третий посылает войско под предводительством Ф.Курбского и Ивана Салтыка Травина. Они перешли Уральский хребет в верховьях Печоры или Вишеры. Отсюда они спустились по Лозьве к Тавде до устья Пелыма, где и произошло главное сражение.

3. В 1499 году Иван Третий, узнав о нарушении югорскими князьями договорных обязательств, отправил войско под началом Семена Курбского (сына Федора Курбского), Петра Ушатого и Василия Бражника. Поход состоялся на лыжах. Лыжники дошли до города Ляпина. До этого пересекли хребет по долине реки Щугор около горы Тельпосиз.

Фрагмент карты Московии, составленной О. Герберштейном в 1549 году.

Карта Сигизмунда Герберштейна являлась приложением к его книге «Записки о Московии», опубликованной в Вене в 1549 году. Автор, австрийский дипломат, дважды (в 1517 и 1526 гг.) возглавлял посольство в Москве. Наряду с выполнением дипломатических обязанностей он собрал довольно богатый материал о нашей стране, в частности о ее народе. Книга Герберштейна впервые была переведена на русский язык и опубликована в 1908 г.

«Записки о Московии» состоят из многих глав. Материал об Урале содержится в главе «Путь к Печоре, Югре и до самой реки Оби». О горах к востоку от Печоры сказано: «За этой рекой простираются до самых берегов ее высочайшие горы, вершины которых, вследствие постоянно дующего ветра, совершенно лишены всякого леса и едва ли даже не травы. Хотя в разных местах у них разные имена, но вообще они называются Поясом Мира... Эти горы, вероятно, представлялись древним Рифейскими или Гиперборейскими. Они покрыты вечными снегами и льдом, и перейти через них нелегко...»

На карте Герберштейна Уральские горы впервые показаны в виде длинной цепи гор, протянувшейся в направлении, близком к меридиональному. Они разделяют бассейны рек Печоры и Оби и называются «Горы, именуемые Земной Пояс».

Фрагмент карты России, составленной Г. Меркатором.

Выдающийся голландский картограф на своей карте России изобразил длинную цепь гор между бассейнами Печоры и Волги на западе и Оби на востоке. На севере горы подходят к западу вдоль всего северного побережья России. На карте Меркатора точнее, чем у Герберштейна, показаны некоторые реки западного склона Урала и Предуралья. Правильно ориентирована река Уса (на юго-запад), близкое к действительному направлению имеет река Вишера, но почему-то впадает в Волгу чуть ниже устья реки Камы. Обозначены река Самара и другие, которые не обозначались на картах ранее.

Основные географические объекты Урала, упоминаемые в книге Большому чертежу

В 1627 году в Москве была составлена карта Русского государства, именованная «Большой чертеж», а к ней приложено текстовое описание «Книга Большому чертежу» (карта не сохранилась). Местами составитель «Книги» называет протяженность Камня на определенных участках.

«А с правой стороны выше Усы реки на 150 верст пала в Печеру Счегур (Щугор) река, а в Чюгур реку пала Пыжняюц река; обе вытекли из одной горы; а промеж их верховей горою Каменем 200 верст».

Самым северным участком, на котором автор «Книги» распространил термин «горы» и «Камень», является исток реки Усы. Наиболее южный участок Урала, относящийся к горам, находится в истоках рек Туры и Тагила. Реки Пыш-му и Чусовую, верховья которых находятся на низкогорном Среднем Урале, автор не относит к Камню.

«Река Яик вытекла поровень с Оралтовой горою против верховья Тобола реки... Река Юрюк Самар... пала в Яик против Аралтовы горы с правые стороны».

«А выше Изле реки конец Оралтовы горы, пала в Яик река Вор (Орь) из горы Урака».

«А устье реки Белья Воложки (Белая) вверх и по реке Уфе по обеим сторонам и до Оралтовы горы и далее все живут башкирцы».

Автор не называет южную часть хребта Камнем, а упоминает гору Аралтову, Оралтову или Оральтову. Об этой горе сведений в «Книге» меньше, чем о Камне. Крайними пунктами Аралтовой горы являются на севере истоки рек Яик и Белой, на юге – устье реки Ори. Территориально эта гора совпадает с хребтом, который называется сейчас Уралтау.

Чертеж земли Тобольского города

Так называется второй лист «Чертежной книги Сибири», составленной талантливым русским картографом конца XVII – начала XVIII века Семеном Ремезовым. «Книга» была составлена им в Тобольске и состояла из 23 листов. Ее подлинный экземпляр, датированный 1701 г., хранится в Государственной библиотеке в Москве.

На данном листе, ориентированном также на юг, изображена часть Сибири в бассейнах рек Тобола и Конды. С западной стороны (на карте справа) обозначена длинная цепь гор. Она изображена в виде сильно изогнутой дуги, окаймляющей бассейны сибирских рек. Столь сильное искажение Уральского хребта вызвано тем, что Ремезов несоразмерно крупным планом показал бассейн Тобола. Он занимает центральное положение на нескольких ремезовских картах. Многим соседним территориям пришлось потесниться.

Уральские горы изображены наглядно и для простоты обозначены в виде зубчатого частокола, что создает впечатление горной цепи. Ориентируясь по истокам сибирских и европейских рек, можно обнаружить, что только половина отмеченной дугообразной горной цепи соответствует хребту, который мы называем Уральским.

Уральский хребет протянулся от истоков Тобола и Яика до нижней рамки карты. Что же касается другой половины горной цепи, следующей в направлении Земли Калмыцкой, то ее с некоторой долей условности можно считать южным продолжением Уральских гор, известным под названием Мугоджар.

В той части карты, где, бесспорно, изображены Уральские горы, имеется название хребта «Камен Урал».

Чертеж Сибири

Этот русский картографический источник был составлен в Тобольске в 1667 году. Он, как и все карты того времени ориентирован на юг (юг вверху, север снизу). Такое расположение было удобно при освоении земель с севера на юг. В западной части карты (справа) нанесены Уральские горы и расположенные за ними бассейны рек Печоры и Камы. Уральский хребет показан очень отчетливо. Южная половина его меридиональна, на севере хребет поворачивает к востоку и подходит к устью Оби, что соответствует действительности. Неплохо изображена речная сеть восточного склона Урала. Речная сеть западного склона показана примитивно и неточно.

В башкирских землях восточного склона Южного Урала и Зауралья автор изобразил озера, которых здесь действительно много. Северный Урал назван автором «Поверхотурской камень». Западная часть от Урала – «Пермь».

Но это не название города, а древнерусское название в XIII-XVII вв. исторической области к западу от Уральских гор до рек Печора, Кама и Волга, населенной народом коми. Присоединена к московскому государству в 1478 году.

Характерной особенностью этого чертежа является то, что на нем впервые появляется название реки Исеть.

«Град Тобольской» занимает на чертеже центральное место, подтверждая тем самым величие этого города на огромном пространстве от Волги до берегов Тихого океана.

Главные пути через Урал

Колонизация Урала привела к формированию дорожной сети сначала в Предуралье, а затем к востоку от него. Основную роль играли дороги через Уральский хребет. Именно здесь находились наиболее трудные участки путей из Новгорода и Москвы в Сибирь.

На раннем этапе русские пользовались дорогами, проложенными через Урал местным населением (Елецкая, Щугорская, Илычская).

С началом более активного хозяйственного освоения Камского Предуралья далекий Уральский Север заметно отстал в своем развитии. Прежние северные пути через Урал стали использоваться реже. Добираться, из Чердыни в Сибирь выгоднее было более коротким путем по Вишере, которым еще в 1483 году прошел Федор Курбский с дружиной (Вишерская).

После успешного похода Ермака в Сибирь интерес к приобретенным землям сильно возрос, и путь по Вишере и Лозье стал играть еще более

важную роль. Для его охраны в 1589 году при впадении Ивделя в Лозьву был основан Лозьвинский городок.

Перемещение центра тяжести русской колонизации в южные районы снова вызвало потребность в поисках более короткого и удобного пути на восток.

В 1593 г. царь Федор Иоаннович (сын Иоанна Грозного) специальным указом повелел разведать прямую дорогу от Соли Камской в Сибирь. Новая дорога, известная в истории под названием Бабиновской, была построена в 1597 году.

Старая Казанская конная дорога была одна из древнейших через Уральские горы. Русские пользовались ею в основном для поездок в Башкирию, но не в Сибирь.

Другой путь, которым пользовались башкиры, назывался Яикской дорогой. Это водный путь, удобный в природном отношении, и проходил он в стороне от тех районов, к которым было приковано внимание русских властей.

Можно назвать 9 основных дорог через уральские горы, известных русским к концу XVI века

1. *Елецкая*. Проходила по реке Усе, далее по Сось-Елецкому перевалу, где в настоящее время проходит дорога через Полярный Урал.

2. *Щугорская*. Шла вверх по Печоре, по реке Щугору, Сыгве и Северной Сосьве.

3. *Ильчская* дорога проходила по Ильчу, правому притоку Печоры, далее на Северную Сосьву.

Эти три дороги были проложены в период колонизации Урала новгородцами.

4. *Вишерская* (или Чердынская). Шла вверх по Вишере до ее левого притока Велса, по Велсу и Посьмаку, через горы, по рекам восточного склона – Тальтии, Ивделю и Лозье.

5. *Яикская*. Этой дорогой пользовались башкиры. Путь был очень удобен, так как находился далеко от районов, к которым было приковано внимание русских властей.

6. *Старая Казанская*. Шла от Казани вдаль Камы, Белой, Уфы, за Уралом выводила в верховья Исети и Миасса. Предполагают, что эта дорога – одна из древних. Ею пользовались еще скифы.

7. *Бабиновская* (Верхотурская). Дорога, построенная Артемием Бабиновым еще в 1597 году, на 400 верст сокращала Чердынскую дорогу. Она вела от Соли Камской через р. Яйву, р. Косьву мимо г. Косьвинский Камень, через р. Лобву и выходила к р. Туре, где в 1598 году был заложен город Верхотурье.

8. *Путь Ермака* в Сибирь. Этот путь шел по р. Каме, р. Чусовой, р. Серебрянке, далее волоком до р. Журавлихи. Затем Баранча, р. Тагил, р. Тура, р. Тобол, р. Иртыш, р. Обь.

9. *Сибирский тракт*.

Управления на Урале

В дореволюционной истории местного управления на Урале можно выделить две характерные особенности.

Во-первых, из общей системы административного управления выделялось управление коренными народами.

Во-вторых, в 1720 году из общей системы управления выделилась система горного управления.

I. Административно-территориальное деление в XVI-XVII вв.

а) на Западном Урале

После присоединения Новгородской республики к Московскому княжеству в 1478 году на Западном Урале располагались так называемые «поморские города – уезды», которые относились к Новгородскому разряду и находились в ведении Новгородского приказа (четверти):

Кайгородок, возникший во второй половине XVI века, являлся важным перевалочным пунктом между Поморьем и Сибирью.

В 1613 году здесь учреждено воеводство (до этого управлялся из Чердыни); в XVII веке отлив населения из уезда превышает его приток.

Чердынь. В XVI веке здесь размещалась резиденция наместника всей Пермской земли, после чего центр воеводства, которому с 1613 г. подчинялись воеводы Кайгородского и Соликамского уездов.

В 1597 году здесь устроена таможня.

Соль-Камская (Соликамск). С 1636 года здесь размещается резиденция бывшего чердынского воеводы.

В 1640 году Соликамскому уезду передается часть чердынских территорий, земли Инвенского, Обвинского и Косьвинского поречий.

С 1647 по 1679 гг. население увеличилось более чем в 3 раза.

Вятка (Хлынов). В состав его уезда входили города Никулицын (бывший Никульчин), Орлов, Котель-нич, Слободской, Шестаков, Яранск, Кукарка.

Кунгур, основанный в 1648 году на черноземных землях Сылвинско-Иренского поречья. В его уезд из вотчин Строгановых, Пыскорского и Соликамского Вознесенского монастырей и владений соликамцев Елисеевых и Суровцевых были выведены в "черносошные" крестьяне 1222 человека.

20 % населения Кунгурского уезда – татары, башкиры, марийцы, чувашаи и удмурты.

Все приуральские уезды делились на станы (в Чердынском уезде внутри станов выделялись еще погосты с их округой).

б) На Южном Урале, в Приуралье и части Зауралья располагался Уфимский уезд, находившийся в ведении Приказа Казанского дворца и включавший в себя всю территорию Башкирии. Он делился на 4 дороги (от слова «даруга»):

1. Казанскую (западная часть Башкирии);
2. Ногайскую (центральная и южная части Башкирии);
3. Сибирскую (восточная часть Башкирии);
4. Осинскую (тянулась узкой полосой к северу от Уфы).

Внутри каждая дорога делилась на ясачные волости.

в). на Среднем и Восточном Урале располагались сибирские города-уезды (относились в XVII веке к Тобольскому разряду, с 1599 года находились в ведении Приказа Казанского дворца, а с 1637 года - Сибирского Приказа):

Верхотурье. Через этот город, в котором до 1763 года существовала таможня, шел основной поток людей и грузов (остальные дороги приказывалось «засечь накрепко, чтобы отнюдь конным людям проезду, а пешим проходу не было»).

Туринск. Этот город располагался на «государевой дороге» в Сибирь, на пути между Верхотурьем и Тюменью.

Пелым. Из-за малопродуктивных почв Пелымский уезд заселялся довольно медленно. Сибирские уезды делились на русские, «присуды» (слободы или остроги с прилегающими деревнями и починками) и ясачные волости.

II. Организация системы местного управления

1. Воеводское управление.

В XVII веке воевода был основным звеном местного самоуправления. Он назначался Разрядным Приказом, утверждался царем и Боярской Думой и подчинялся тому Приказу, в ведении которого находился соответствующий город с уездом. На месте уездные воеводы по всем вопросам должны были сноситься со стоявшими выше по рангу разрядными воеводами (западноуральские – с новгородским, восточноуральские – с тобольским).

Срок службы воеводы поначалу длился от одного года до 6 лет, в 1621 году был установлен 2-годичный срок, с 1635 года – 4-годичный.

В крупные города, особенно на первых порах, назначались по два воеводы (до 1626 г. в Верхотурье до начала 20-х годов XII века в Пелыме).

Воевода выполнял военно- административные, судебные, полицейские и другие функции, руководствуясь данным ему царским письменным указом «и т своему высмотру, как будет пригож и как Бог вразумит».

В «товарищи» воеводе назначался дьяк или подъячий «с приписью» (с правом подписывать официальные документы), который возглавлял Приказную (съезжую) избу, в штат которой входили непосредственные исполнители – подьячие, приставы, писчики, рассыльщики.

В ведении воеводы находились военный гарнизон, городские и острожные укрепления, тюрьма, таможня (возглавлялась таможенным головой), собиравшие налоги старосты и ясагчики, кабацкие головы, целовальники и т.д.

III. Система управления коренными народами Урала.

В первой четверти XVII века у коренных народов Зауралья в зависимости от местных условий сложились 2 основных типа административного устройства:

1. *Ясачные волости*, которые возглавляли сотники, пятидесятники и десятники. Они находились в прямом подчинении у воеводской администрации.

2. *Вассалитет*, при котором сохранялось местное княжество, где сбор ясака осуществлял местный князь и его окружение (характерен был для Пелымского уезда).

Ясачный оклад в XVII веке обычно составлял 5- 6 соболей на взрослого мужчину.

Из истории местного управления в XVIII в.

Начало XVIII века – территория Урала входит в состав Уфимского, Вятского, Кайгородского, Соликамского, Чердынского, Верхотурского, Кунгурского, Туринского и Пелымского уездов.

В уездах воеводское правление.

1708 год – первая губернская реформа в России. Вся территория Урала переходит в состав Сибирской губернии (центр – Тобольск). Губерния управлялась губернатором (решал административные, полицейские, судебные, финансовые и другие вопросы). Помощником губернатора были вице-губернатор и Ландрихтер (чиновник по судебным делам).

Все учреждения и лица губернаторского правления делились на:

– административно-полицейские (сам губернатор, губернское или наместническое правление в составе двух советников при губернаторе), Приказ общественного призрения;

– финансово-хозяйственные: казенная палата во главе с вице-губернатором. В уральских наместничествах для управления заводами при казенных палатах были созданы Горные экспедиции;

– судебные: общего характера – палаты уголовного и гражданского суда, совестный суд и сословные: верхний земский суд, губернский магистрат, магистрат.

Уездные города возглавлялись городничими, осуществляющими административно-полицейские функции. В уездах эти функции возлагались на капитанаисправника и нижний земский суд. Финансово-хозяйственные функции на уровне уезда осуществляли уездные казначейства. Судебные – уездный суд и нижняя расправа. При судах всех уровней действовал: система прокурорского надзора (осуществлялась прокурорами и стряпчим). Высшая прокурорская должность в губернии – губернский прокурор, входивший в губернское правление и имевший в помощника: двух губернских стряпчих (по казенным и уголовным делам).

В 1719 году вся Сибирская губерния разделена на три провинции: Вятскую, Соликамскую и Тобольскую. В состав этих трех провинций, а также Уфимской провинции Казанской губернии и входил Урал.

В 1727 и 1736 гг. была предпринята новая перестройка губернских учреждений. Урал стал входить в состав двух губерний: Казанской и Сибирской, а с 1744 года и Оренбургской.

18 октября 1781 года состоялось официальное открытие Пермского наместничества. Первый наместник – Е.П. Кашкин.

Пермское наместничество было разделено на две области – Пермскую и Екатеринбургскую.

В Пермскую область входили следующие уезды: Пермский, Кунгурский, Соликамский, Чердынский, Обвинский, Оханский и Красноуфимский. В Екатеринбургской области были следующие уезды: Екатеринбургский, Шадринский, Далматовский, Камышловский, Ирбитский, Верхотурский, Алапаевский и Челябинский.

В 1797 году были ликвидированы наместничества и образованы губернии.

В Пермскую губернию вошли следующие уезды: Соликамский, Чердынский, Оханский, Осинский, Пермский, Кунгурский, Красноуфимский, Верхотурский, Екатеринбургский, Камышловский, Ирбитский и Шадринский.

В 1798 году в башкирских землях Южного Урала было введено особое военно-административное кантональное управление.

Границы губерний на окраине Российской империи в течение продолжительного времени подвергались изменениям, поэтому строгих границ установить так и не удастся.

Оренбургская губерния была образована 14 марта 1744 года. Территория, входившая в состав губернии, постоянно менялась, центр же губернии в разное время находился в разных городах. Так, сам город Оренбург был центром губернии с 1744 по 1781 гг., затем с 1762 по 1802 и, наконец, с 1862 до большевистского переворота в 1917 году.

В 1773 году в состав Оренбургской губернии вошел город Самара (без уезда), в 1795 году вошла Ставропольская провинция.

В 1881 году Оренбургская губерния была упразднена, и основная ее часть вошла в качестве Оренбургской области в состав Уфимского наместничества, просуществовавшего до 12 декабря 1796 года.

В 1804 году губерния была разделена на 12 уездов, в 1811 году была расширена за счет Ново-Илецкого района, в 1835 году – за счет Ново-Линейного района.

В 1850 году три уезда Оренбургской губернии – Бугульминский, Бугурусланский и Бузулукский – были отчислены к Самарской губернии.

В 1868 году из Оренбургской губернии были выделены самостоятельные Уральская и Тургайская области.

С 1850 по 1881 гг. Оренбургская губерния входила в состав Оренбургского и Самарского генерал-губернаторств.

В 1865 году Оренбургская губерния была разделена на две: Оренбургскую и Уфимскую.

В Оренбургскую губернию были включены 5 уездов: Верхнеуральский, Оренбургский, Орский, Челябинский и Троицкий. Территория Оренбургской губернии в начале XX века составляла 168,2 кв. версты.

В Уфимскую губернию вошли 6 уездов: Уфимский, Бирский, Стерлитамакский, Златоустовский, Белебеевский и Мензелинский.

Литература

1. Алекторов А. История Оренбургской губернии. – Оренбург, 1883 г.
2. Рынков П. И. Топография Оренбургской губернии. 1887 г.

6.5. РЕПРЕССИИ КАК СПЕЦИФИЧЕСКИЙ ПЕРИОД В ИСТОРИИ РЕГИОНА

Репрессии – меры карательного характера тоталитарного государства, направленные на подавление, наказание граждан, оказывающих активное или пассивное сопротивление власти. Основные формы репрессий: тюрьмы, лагеря, спецпоселения, депортация, ссылка. Репрессии осуществлялись на всех этапах существования советского тоталитарного режима: становления (1917-1928 гг.), господства (1929-1953 гг.), стагнации и крушения (1954-1991 гг.).

На первом этапе, с октября 1917 года до осени 1918 года репрессии активно применялись против представителей свергнутой власти. На Урале были расстреляны Николай II, его семья, брат Михаил, великая княгиня, офицеры царской армии, владельцы национализированных предприятий, рабочие, крестьяне.

Второй период связан с полномасштабной гражданской войной (лето 1918-1922 гг.), когда «красный террор» приобрел массовый характер. Он широко применялся на Урале против «класса буржуазии» (расстрел заложников в Перми), офицеров в Екатеринбурге, рабочих в Ижевске, Воткинске, крестьян в Зауралье,

красноармейцев-дезертиров, духовенства и интеллигенции. В этот период террор и массовые репрессии приобрели огромные размеры в результате действий губернских, городских и уездных ЧК (чрезвычайные комиссии – органы государственной безопасности). Общее число репрессированных на Урале составило свыше 50 тыс. человек. В 1921—1922 гг. репрессии были направлены на подавление недовольства крестьян, вызванного голодом. Наиболее массовые репрессии были проведены против участников Ишимского восстания в Зауралье. В эти годы были расстреляны, направлены в лагеря, высланы за границу члены уральских организаций эсеров, меньшевиков, анархистов, многие представители имущих классов.

Третий период длился с 1923 года до конца 20-х годов. На основе принятого Уголовного и Гражданского Кодекса РСФСР, реорганизации ВЧК произошло уменьшение репрессий. Однако в конце 20-х годов начался первый всплеск репрессий по отношению к бывшим царским офицерам, служившим в Красной Армии (1925 г.), «оппортунистам» в правящей партии (1927 г.), к крестьянам в период хлебозаготовительного кризиса (1928 г.), «буржуазным специалистам» (1928 и 1930 гг.) и др. Были сфабрикованы дела против партийных и советских руководителей С.В.Мрачковского, Н.И.Уфимцева и др., хозяйственных работников и крупных инженеров – В.А.Гассельбата, В.П.Крапивина, М.А.Соловова и др. На втором этапе (1930-40-е гг.), когда советский тоталитаризм стал господствующим, репрессии и террор приобрели массовый характер. Под лозунгом классовой борьбы было проведено раскулачивание крестьян. На Урале общее число раскулаченных крестьян к концу 1932 года составило более 500 тыс. человек. Большинство из них было выслано на Север, многие направлены на строительство заводов, в лесозаготовительную и горнодобывающую отрасли промышленности. Были организованы «показательные» судебные процессы. В 1935 году чекисты Челябинской области «раскрыли» 8 контрреволюционных организаций, привлекли к уголовной ответственности сотни граждан, в том числе коммунистов. Насилию подверглась интеллигенция национальных районов Урала. В 1930 году было сфабриковано «дело» так называемой «султангалиевской контрреволюционной организации», по которому за буржуазный национализм в Татарии и Башкирии приговорено к расстрелу 21 человек, к 10-ти годам концлагеря – 11, десятки людей – к 3–5 годам тюрьмы. В Удмуртии организовано «дело Софии» («Союз освобождения финских народностей»). По ложному обвинению было репрессировано 28 литераторов, учителей, экономистов, из которых «руководители» – писатель П.К.Герд и председатель облисполкома Т.К.Борисов – расстреляны. Сталинская репрессивная машина достигла апогея в 1936-38 годах. В этот период для репрессий характерен массовый террор против так называемых «врагов народа».

Были расстреляны, погибли от истязаний и пыток в тюрьмах и лагерях многие руководящие партийные, советские, армейские, хозяйственные,

профсоюзные, комсомольские работники, а также представители кадрового рабочего класса и крестьянства, выступавшие против насилия и политики сталинского руководства. На Урале массовые репрессии развернулись в связи с «раскрытием» так называемого «право-троцкистского центра» во главе с первым секретарем Уралобкома ВКП(б) И.Д. Кабаковым. По существу было ликвидировано все руководящее ядро партийных, советских, профсоюзных и комсомольских организаций. Арестованы, расстреляны и отправлены в лагеря все руководители крупных трестов и промышленных объединений, ведущих заводов и новостроек, видные ученые и командиры Красной Армии, представители художественной и инженерно-технической интеллигенции, иностранные специалисты и рабочие. Если к 1937 году в лагерях и тюрьмах насчитывалось около 170 тысяч заключенных, то за 1937-38 годы их число увеличилось до 330 тысяч, то есть почти в 2 раза. На Урале из 8 с лишним миллионов населения было репрессировано более 800 тысяч человек, или 10% населения.

Конец 1930-х– начало 50-х годов – третий период сталинских репрессий, в котором характерной чертой становится депортация целых народов. В 1940 году из Прибалтики, Западной Украины и Белоруссии депортированы на Урал, в Сибирь и Казахстан так называемые «польские осадники и беженцы» в количестве 380 тысяч человек. Летом 1941 года на Урал и в Сибирь выселены около 950 тысяч советских немцев Поволжья. В течение 1943-44 годов такая же участь постигла калмыков, ингушей, карачаевцев, балкарцев, крымских татар, болгар, греков, армян, турок-месхетинцев, курдов, азербайджанцев. В момент поселения их число составило 1 млн. 23 тыс. чел..

С середины 1950-х годов в период политической оттепели начинается реабилитация миллионов граждан, пострадавших от репрессий. С середины 1960-х годов возобновились политические репрессии, направленные против рабочего движения, свободно мыслящей интеллигенции, а также начинаются преследования диссидентов. Через Пермские политические лагеря Пермь-35, Пермь-36 и Пермь-37 с 1972 по 1992 годы прошло большинство осужденных правозащитников из России и союзных республик (ГУЛАГ). В начале 1990-х годов на уральской земле прекратили свое существование все политические лагеря. В настоящее время на территории бывшего лагеря Пермь-36 создан мемориальный музей жертв политических репрессий «Пермь-36»

Литература

1. Бакунин А.В. История советского тоталитаризма. В 2 кн. Екатеринбург, 1996—1997.
2. Звенья. Исторический альманах. Т. 1-2. М., 1991
3. Мельгунов С.П. Красный террор в России. М., 1990

ГЛАВА 7. НАСЕЛЕНИЕ УРАЛА

7.1 ЗАСЕЛЕНИЕ УРАЛА

Люди на Урале появились совсем недавно по сравнению со временем появления человека вообще на нашей планете. По мнению ученых, самые первые люди на Земле объявились где-то около 3-х млн. лет назад. Примерно через 2 млн. 400 лет они начали потихоньку проникать на территорию России. И только ещё через полмиллиона лет – примерно 100 тысяч лет назад – первые люди появились на Урале, поскольку более ранних следов людской деятельности на территории нашего края не обнаружено. По историческим мерам времени люди только-только принялись осваивать Урал.

Пока не найдено останков первых поселенцев Урала, но приблизительный облик их представить можно: известные исследователи Урала, археологи О.Н. Бадер и В.А. Оборин в книжке «На заре истории Прикамья» высказывают мнение, что первыми уральцами стали самые обычные неандертальцы. Люди на Урал пробирались несколькими путями. Один из этих путей вёл из Средней Азии на Южный Урал. О. Бадер и В. Оборин опираются на исследования академика Окладникова, который в Узбекистане отыскал полный скелет неандертальца-мальчика, жившего примерно во времена первоосвоения Урала. Воссозданный по этой находке антропологами облик неандертальца был представлен ими как облик уральца эпохи проникновения людей на уральские земли. Это был низкорослый, с широкой костью, плотный, мускулистый прачеловек. Ноги неандертальца были несколько коротковаты, руки длинноватые, хватистые. Может, потому, что ему приходилось часто пробираться по лесу, выслеживая добычу, настороженно вслушиваться в его шумы, остерегаясь многочисленных врагов, пружинисто сутулясь при ходьбе. Лицо этого человека носило явные признаки обезьяньего родства – убегающий назад лоб, приплюснутый широкий нос, толстенные надбровья нависали над небольшими глазками. Таков достойный портрет готового к самоутверждению бывалого землепроходца.

Пришельцы относились к так называемой мустьерской культуре (по имени пещеры Мустье во Франции, где найдены и подробно описаны одни из первых стоянок). Мустьерский человек оставлял после себя буквально опустошённые территории. Археолог С.Н. Замятин исследовал стоянки того периода жизни неандертальца на Кубани (которое является вторым местом, откуда мигрировали первожителю на Урал). На одной из стоянок он насчитал, что здесь было съедено около двух тысяч четырехсот зубов. При этом охотничьи отряды меняли свои стоянки, как только путь для доставки к ним пищи крупного веса – в несколько сот килограммов – становился слишком длинным, что говорит о неполном объёме трофеев древних охотников

стоянки. Н.К. Верещагин, другой известный археолог скорректировал, данные С. Замятина, поставив вопрос о соотношении числа охотничьих трофеев с общим числом животных, убитых добытками с этой стоянки. Н. Верещагин стал подсчитывать – сколько зубров охотники не дотащили до базы, съев их по пути, сколько костей от зубров было просто разбросано по сторонам и не попало в учтённую С. Замятиным кучу, сколько всего растащили хищники, сколько костей просто смылось дождями и потоками после того, как стоянку покинули люди... Когда Н. Верещагин свёл все свои цифры, оказалось – забито было по крайней мере в 10 (!) раз больше зубров, чем учтено С. Замятиным.

Н. Верещагин пошёл ещё дальше. Он задал себе более сложный вопрос – а сколько же было возможно организовать таких стихийных боен диких зверей тогдашним землянам? Сколько их было можно организовать хотя бы на месте нынешней европейской части нашей страны? По его мнению, людей тогда здесь обитало немного. Высока была и детская смертность, и саблезубые тигры не дремали, пенициллина ещё не изобрели. И Н. Верещагин пришёл к выводу, что на Русской равнине и в Крыму тогда обитало около 10 – 15 тысяч жителей. Следовательно, для пропитания такого количества людей требовалось забивать в год около... 120 тысяч оленей. Или 80 тысяч лошадей. Или 30 тысяч бизонов. Или 10 тысяч мамонтов. Эти цифры получены на основе анализа рациона современных канадских эскимосов, проживающих в настоящее время на северной окраине Американского континента и питающихся, как и их предки тысячи лет назад, почти исключительно плодами охоты. Каждый эскимос съедает в среднем 2 кг мяса в день, как подсчитал Моуэтт – исследователь их быта.

Это позволяет сделать вывод, что охотники, выбив дичь на одном участке Русской равнины, опустошив её, вынужденно переходили на другой, дойдя таким образом до Урала. Количество людей медленно, но вырастало. Следовательно, и зверей забивали побольше.

Тем не менее, нельзя всё многообразие поводов для миграции неандертальцев сводить к одной причине. Ко времени заселения Урала людьми на Европу надвинулся огромный вал ледника, перекрывший огромные пространства охотничьих угодий. Значительно сократились ареалы охоты. Но человек вновь доказал свою высокую приспособляемость. Ко времени проникновения на Урал мустьерский человек был уже в некотором роде достаточно цивилизован: он знал, как разжечь огонь, умел строить жилище, изготавливать одежду, создавать оружие из камня. И вполне постиг простую истину, что свежее мясо долго сохранить не удастся, оно портится. Ситуация вокруг диктовала необходимость дорожить добытыми трофеями – мест охоты всё меньше, стада животных буквально убывали на глазах. Тогдашние люди скоро догадались о надёжном способе хранить добычу – заморозить её. Поначалу, видимо, так они делали в ледниках высоких гор. А затем, когда

ледник пришёл к ним на равнины, стали немедленно использовать и его. Таким образом охотники стали и по этим причинам обживать не очень, казалось бы, уютные для проживания зоны в приграничье оледенения. Обживая эту зону (а она в ту пору простиралась от места современной донской станицы Вешенской до современного Ивделя), неандертальцы, как утверждают археологи, не позднее чем за 70 тысяч лет до нас добрались до берегов Северного Ледовитого океана по уральской территории.

Следы пребывания человека древнего каменного века (палеолита) на Урале обнаружены практически на всей его протяжённости. Они есть в верховьях реки Урал – в 40 км от нынешнего Магнитогорска, по течению реки Пышмы, в полутора километрах от города Сухого Лога, в верховьях реки Печоры. После изучения этих стоянок ученые делают два вывода:

а) все стоянки человека палеолита на Урале оставлены охотниками, так как не обнаружено там ничего, кроме костей и охотничьих орудий; слишком тонок на них был культурный слой: поспал, поел, обработал добычу – и вновь на новые места в гон за очередной жертвой;

б) множество таких стоянок отыскалось на территории края, что доказывает о высокой плотности заселения Урала того времени.

Прибыв на новые места, неандерталец не изменил своим старым привычкам – всё так же «браконьерничал», губя до нескольких тысяч мамонтов в год, предпочитая бить мамонтёнок-недорослей, неопытных ещё зверей, поскольку их легче было выследить, обмануть, загнать в ловушку, притащить добычу до пещеры.

Такая практика не могла не отразиться на составе уральской фауны. Известный геолог В. А. Лидер, специализирующийся на изучении новейших геологических отложений Урала, суммируя результаты многолетних своих наблюдений, отметил: «...осадки моложе ханмейского возраста (то есть если им примерно менее тридцати пяти тысяч лет) включают очень мало костей крупных млекопитающих... Факты подтверждают большую роль человека в уничтожении ряда крупных млекопитающих (мамонтов, носорогов, быков, лошадей) и изменение ареалов обитания современных видов...».

Со временем стал изменяться и набор костей в пещерах древних охотников. На исследованных стоянках древнего человека археологами были обнаружены останки костей животных в различных пещерах Урала: Бызовой, где 99% – из мамонтовых скелетов; Медвежьей, где 66,7% костей принадлежали уже северным оленям и только 1,3% – мамонтам, а в Крутой Горе нашли много видов костей – от мамонта, северного оленя, волка. Из стоянки под Сухим Логом выкопали весьма разнокалиберный набор: кости волка, лисицы, песца, пещерного медведя, россомахи, сайгака, северного оленя, бизона, лошади, шерстистого носорога, зайца, сурка... Характерно, что именно на последней стоянке найдены были уже и кости птиц, и кости рыб, что говорит о том, что жители стали искать новые виды животных для

пропитания и нашли правильный выход – именно с той поры в отложениях стоянок стали встречаться кости домашних животных. Человек стал осваивать методы интенсивного хозяйствования.

В мустьерской культуре Русской равнины давно установлены два устойчивых типа обработки каменных орудий: когда кремнистый материал испытал двустороннюю обработку и когда камни обрабатывали с одной стороны. Очагом распространения первой культуры стал на Русской равнине район в верховьях и бассейнах Дона, Днестра, Десны, Центром, откуда распространилась вторая культура, были Крым и Кавказ. Так, люди, пришедшие на Урал, принесли с собой обе эти культуры. Известны раскопки на стоянке Крутая Гора в среднем течении Печоры, где сначала исследовали первый культурный слой, который представлял уже не просто место привалов охотников, а устроенное из костей крупных мамонтов жилище, неплохо спланированное, с местом для очага и разделки туш. В том жилище нашли много довольно тщательно, с двух сторон, обработанных каменных поделок. Особенно повезло изучавшему эту пещеру Е. М. Тимофееву, который отыскал среди отложений культурного слоя характерные для равнинной культуры, двусторонне обработанные треугольные наконечники с вогнутым основанием, что позволило сделать вывод, что в этой пещере останавливались охотники, наследовавшие западную культуру или сами принесли её сюда. Во время раскопок в более глубокие отложения этой пещеры был выявлен ещё один культурный слой: набор каменных орудий из кремнистых плиток, пластин, отщепов, обработанных с одной стороны. Стало ясно, что в пещере останавливались и люди, шедшие на Урал с Кавказа или из Крыма. По мнению ученых, кавказская версия выглядит более убедительной, поскольку в числе каменных орудий из этого слоя оказались скребок и резец, изготовленные из обсидиана – вулканического стекла, такой горной породы на Урале в то время не было выявлено. По своему облику и природным качествам камень оказался во всём близким к подобным горным породам в Армении, для которой они были не редкостью.

На Урале оказалось много стоянок, где сохранился каменный инвентарь и первого и второго типа. Считается установленным, что с западного направления на нашу землю люди пришли с двух сторон, с двумя разными культурами.

Но, как оказалось, это были не единственные пути прихода обитателей на уральскую землю. В Медвежьей пещере был найден ещё один набор каменных орудий, который, по мнению О.Н. Бадера, очень близок по набору признаков к сибирским изделиям палеолита.

Сравнение изделий из камня на уральских стоянках мустьерского человека позволило определённо указать на ещё один путь миграции неандертальцев – из Средней Азии, вдоль Каспия, по реке Урал и далее вдоль западного склона Каменного Пояса до бассейна Камы. Почти по всему этому

пути были найдены обработанные в «среднеазиатской» манере каменные изделия из южноуральской яшмы.

Все эти теории позволяют говорить о том, что Урал заселялся сразу с четырёх сторон – с Русской равнины, с Кавказа, из Средней Азии, из Сибири. Это всё дало основание тому же О.Н. Бадеру утверждать: уже с древнейших времён заселения Урала человеком здесь происходило смешение нескольких антропологических типов людей – европейского и монголоидного, не исключая и тюркского «вмешательства».

Другой известный исследователь древних поселений на Урале – В.В. Любин, обобщая находки следов человеческой деятельности того времени, отмечает, что поселенцы находились на довольно высоком уровне тогдашней цивилизации: они умели добывать огонь, строить жилища, в том числе и утеплённые, изготавливать одежду, умели упорно трудиться, достигая довольно высокого результата в придании задуманной формы каменным орудиям.

В ту пору люди начали осмысленно осваивать минеральные богатства Урала.

На Урале били широко распространены поделки из южноуральской яшмы. Тогдашние уральцы активно эксплуатировали, например, месторождение кварцитов близ современной деревни Баранчата (возле Нижнего Тагила), где на откосе обширной выемки найдены камнеотбойники из крупных кварцевых галек, хорошо сохранившиеся следы сколов, отщепов кварцевых заготовок.

Возможно поэтому люди на Урале прижились всерьёз и надолго: здесь в изобилии было материалов для изготовления рубила, ножей, скребков, наконечников; в достатке было зверья, и во множестве пещер можно было найти пристанище. Как утверждает археолог А.Н.Рогачёв, изучавший древние поселения, они тогда создали даже и устойчивую культуру ведения домашнего хозяйства.

Древние поселенцы жили небольшими, достаточно изолированными общинами. Социальная же организация бытия этих переселенцев, по мнению О.Н. Бадера и В.А. Оборина была весьма примитивной. Пока они ещё не придумали себе богов, не создали хоть бы простейшую общину, не имели даже семьи. В области брачных отношений у них не было никакого порядка: отец и дочь, мать и сын, брат и сестра вступали в беспорядочное сексуальное партнёрство. Вскоре началось появление возрастных брачных групп. Примерно в то же время люди стали делать намеренные захоронения умерших членов общины. Стало проявляться уважение к смерти, а следовательно, и к жизни.

Таким образом, в эпоху заселения Урала древним человеком к концу этого периода (примерно 10 тысяч лет до нашего времени) здесь сложился человек уже совсем современного, своеобразного антропологического вида.

Обитатели Каменного Пояса вместе с историей прошли по всем ступеням формирования современной цивилизации, не миновав ни одной.

Вслед за палеолитом начинается период мезолита. К мезолиту повсеместно сложился современный нам климат, современная нам структура речной сети, расположение озёр, состав и ареалы животного и растительного мира. Излишняя активность охотников в палеолите принудила жителей мезолита основательно заниматься рыболовством – поневоле сменить диету: в селищах того времени найдено много каменных грузил, гарпунов, крючков, зимой люди уже передвигались на лыжах и санях, охотники стали использовать лук и стрелы.

Но главные открытия о жизни наших прапрадедов ждали археологов при раскопках в Среднем Зауралье. В селище на горе Колый Камень была обнаружена одна из первых на Урале мастерских по первичной обработке камня. Изделия из этой мастерской расходились как минимум по трём общинам. Таким образом начала создаваться уральская культура «фабричной» обработки камня. Недалеко от Екатеринбурга – в Кокшаровско-Юрьевской стоянке впервые на Урале были обнаружены кости домашней собаки. Конечно, завёл её человек поначалу из конкретных корыстных целей – всё труднее стало отыскивать зверьё. Скорее всего уже в то время псы успешно выполняли и сторожевые функции (у людей стало появляться имущество, которое они не желали терять, появились и действительно художественные изделия).

Пора неолита на Урале, прежде всего, характерна тем, что именно с той поры уральцы всерьёз вознамерились использовать факт своего проживания в горной стране. Повсеместно здесь начали возникать целые «фабрики» по изготовлению каменных орудий и разрабатываться «карьеры» по добыче разнообразного камня. Камень уже вполне профессионально обрабатывают – шлифуют, сверлят в нём отверстия. А затем стали даже изготавливать плиты для строительства жилищ.

Это подтверждает, что жизнь на Урале становится основательной, оседлой. В культурных слоях тогдашних селищ обильно встречаются черепки глиняной посуды, что говорит об оседлой жизни (мобильные охотничьи группы вряд ли брали с собой хрупкие глиняные сосуды).

Усложнилась и социальная организация неолитических общин. Нарочитые захоронения становятся значительно более частыми. Упорядочились семейные отношения. Специалист по неолиту Урала В.Н. Чернецов пришёл к выводу, что в ту пору уже установилась традиция запрещения браков среди кровных родственников, что обусловило сближение общин соседних селищ и определило начало формирования более обширных этнических общностей. Именно тогда, по утверждениям лингвистов, на Урале стали заметно обособляться несколько прототипов современных уральских народностей. Мнение учёных основывается на том, что названия многих

предметов бытового обихода, впервые появившихся в то время, являются общими для всех финноугорских языков (лыжи, горшки, луки т. п.).

Вслед за каменным веком наступил бронзовый, который на Урале наступил несколько позже, нежели на Кавказе, но всё же явился одним из древнейших на территории нашей страны. Руду для бронзовых поделок на Урале добывал, если верить легендам, «чудной» народ, «чудь». Отсюда и пошло название – чудские копи, чудские рудники, следы которых и поныне служат надёжным поисковым признаком месторождений.

Большинство исследователей сходятся во мнении, что культура изготовления бронзовых поделок и вообще поисков металла уральцами заимствована с Кавказа. Научившись оттуда ремеслу выплавления металла и его обработки, уральцы быстро превзошли учителей в качестве продукции. Во II тысячелетии до новой эры уральские изделия появляются уже и в долине Днепра, и в Прибалтике, оказавшись настолько «конкурентоспособными», что стали вытеснять с тех «рынков» кавказскую бронзу.

В южноуральских степях появились колёсные экипажи. Где-то именно с этих пор в культурных слоях селищ стали находить колёса. Поначалу в телеги впрягали волов, и только много позднее человек приручил лошадь.

К тому же времени относится появление у племён уральцев обычая хоронить умерших под курганами. Хронологически же первые курганы в уральских степях встали одновременно с первыми пирамидами на берегах Нила.

Интересная пора у уральских обитателей началась примерно в VI–IV веках до нашей эры – время интенсивного строительства городов на Урале (именно тогда проехался Ариспей «к северу от Танаиса», путевые заметки которого воспроизвёл Геродот). Именно городов, поскольку появилась мода (или вызрела жесточайшая необходимость) огораживать поселения людей разными фортификационными сооружениями. Иногда ставилось даже несколько рядов укреплений. На городище Алтен-Тау возле нынешней Перми устроены были, к примеру, целых три ряда валов и рвов. Видимо, и до Урала докатилась в те годы волна насилия, недобрый обычай воевать, отнимать друг у друга нажитое, наработанное. К.В. Сальников раскопал в Челябинской области городище – шедевр тогдашней фортификационной науки: толстенные стены высотой не менее трёх метров, рвы вокруг них. Стены шли не по прямой линии – частыми зигзагами, а в заострениях этих зигзагов стояли высоченные башни с продуманными секторами обстрела. Было что защищать уральцам от потянувшихся через их земли кочевых орд, главной «установкой» которых, очевидно, было прибираться всё, что плохо лежит. Тогдашние оседлые уральцы уже создали высокую культуру земледелия и кроме стад скота имели ещё и полные пшеницей закрома.

Переход к земледелию поставил перед новоявленными пахарями непростую задачу хранения урожая. Если от непогоды, гниения они довольно скоро научились спасать зерно, то от расхитителей закромов – мышей-полёвок спасения не было. И люди решили приручить злейшего врага мышей – кошек. Так, с I тысячелетия до нашей эры и прижилось в наших домах это животное, ставшее не только спасительным помощником в быту, но и истинным его украшением.

Население Урала росло очень быстро. Умелое земледелие, стабильная сытная жизнь привели к довольно плотной заселенности уральских просторов. Великое переселение народов пронеслось жестоким валом насилия над Уралом. Все эти 500 лет были нелёгкими для уральцев, которым многое довелось испытать. Толпы пришельцев – вначале грозные потоки гуннов, затем авары, мадьяры, турки и многие другие племена, сеющие смерть и порухение всего нажитого. Главные их массы прошли через южноуральские степи. Многие орды прорывались и в северные лесные районы, жгли и там города, отбирали всё, что находили. Часто, лишённые всего – и крова, и пропитания, обездоленные уральцы вливались с отчаяния в эти разбойные толпы и шли с ними дальше, тоже ожесточенно сея смерть мирным людям. Свидетельством, что уральцы крепко пытались отстоять свои земли, стались многочисленные курганы от той поры – в них погребены погибшие воины. Но хоть и яростно сражались люди, сила напора была неодолима. Одно из таких событий увековечено в памяти жителей Чердыни, где на месте гибели 85 убиенных сородичей воздвигнута часовня, написана икона, а в местном храме каждое воскресенье читается поименный молебен в память об «убиенных родителях».

Многие из агрессоров в конце концов оседали в покорённых местностях. Происшедшие смешения, ассимиляции людских толп были, пожалуй, последними перед образованием именно нынешних языков и культур Урала. Пришельцы из Казахстана вместе с местными осёдло-скотоводческими племенами в бассейне реки Белой сложили башкирский народ. Проникшие по долинам рек Исети и Туры пришельцы в горно-лесном Зауралье основали протомансийскую общность. Те же, кто добрался до мест в бассейне Средней и Верхней Камы, приняли участие в формировании коми-пермяцкой народности.

Так, к X веку нашей эры и образовалась та уральская общность народов, которая, с немногими более поздними изменениями, живёт здесь и в наши дни.

С переселением людей связана ещё одна интересная гипотеза, выдвинутая известным археологом Г.Н. Матюшиным на основе изучения неолитического поселения и погребений у южноуральского города Давлеканово. Г. Матюшин отдал найденные в раскопках скелеты известному антропологу М.М. Герасимову для воссоздания облика человека того

времени. Из Москвы пришёл совершенно потрясший археологов ответ – человек со стоянки у Давлеканово по особенностям строения своего тела более всего походил... на американского индейца – факт весьма странный.

С одной стороны, большинство учёных представляли себе заселение Америки через Берингию – погрузившийся ныне в океан перешеек на месте нынешнего Берингова пролива. С другой стороны, все каменные поделки американских неандертальцев так разительно отличались от найденных изделий в культурных слоях сибирских стоянок, что никакого разговора об общности этих культур и не возникало. Американские находки были обработаны с двух сторон, а сибирские ножи, скребки, чопперы были почти всегда обработаны с одной стороны. Эта тупиковая ситуация никак не разрешалась. Робкие попытки объяснить проникновение людей в американские просторы через Атлантический океан из Европы вызывали определенные сомнения, поскольку было непонятно – кому и зачем в древнем каменном веке до изобретения даже лодки понадобилось отправляться через океан.

В 70-е годы XX века Ю.В. Молчанов открыл на севере Азии стоянки человека, который в позднем палеолите обрабатывал камни так же, как и современные ему американские жители (дюктайская культура). Но и так же как на Урале, продолжил мысль Г. Матюшин, в самой Сибири таких стоянок ведь пока больше не обнаружено. И он построил схему миграции палеолитического человека с Урала через север Сибири напрямик в американские прерии.

Пока анализ каменного инвентаря и возрастных соотношений стоянок палеолитического человека гипотезы Г. Матюшина не опровергает.

7.2. НАСЕЛЕНИЕ УРАЛА

В состав Уральского экономического района входят: Курганская, Оренбургская, Пермская, Свердловская, Челябинская области, а так же республики Башкортостан и Удмуртская.

В районе проживает 20,4 млн. человек. Средняя плотность населения- 25 чел./км, но в южных и особенно северных районах она резко снижается(до 1 чел./км и ниже). Население Урала за последние годы несколько выросло за счет русских переселенцев из Средней Азии и Казахстана, но в дальнейшем оно будет сокращаться, поскольку естественный прирост в районе-отрицательный (-5). Для Урала характерен высокий уровень урбанизированности, сосредоточение большинства населения в крупных городах, что в значительной степени объясняется преобладанием крупных предприятий в промышленности Урала. В настоящее время в Уральском экономическом районе насчитывается 140 городов, в которых проживает 75%

населения- это один из самых высоких показателей по стране. Четыре города имеют население свыше миллиона человек: Екатеринбург, Челябинск, Уфа, Пермь. Наиболее урбанизированными являются Свердловская и Челябинская области, где в городах и поселках городского типа проживают соответственно 87 и 83% населения. Наиболее густо заселены Челябинская область и Удмуртия, наименее- Курганская и Оренбургская области, но даже в этих областях плотность населения выше средней по стране.

Население Урала многонационально, т.к. его заселение проходило из Сибири, а позже через Урал проходили пути миграций народов из европейской части. Сейчас в национальном составе преобладают русские. Помимо русских, составляющих более 80% населения, на Урале проживают и многие другие народы. Башкиры- народ тюркской группы, исповедующий ислам. Проживает в основном в пределах республики Башкортостан, в

смежных областях и республиках(в Челябинской, пермской и Оренбургской областях). Но во всем населении Башкортостана башкиры составляют лишь 22% населения, притом русских там 39%, а татар 28%. Удмурты – (старое название- вотяки) – народ финской группы. Проживают в основном в Республике Удмуртия(70%), но при этом они составляют лишь 31% от всего населения республики, тогда как русские- 60%. Коми-пермяки – народ финской группы, проживает в основном в Коми- Пермяцком автономном округе, составляя 60% от всего населения.

Помимо названных народов, в Уральском экономическом округе проживают также чувашаи, марийцы, мордва и др.

На Урале живет более 8 % всего населения России. Со времен заселения его русскими, т.е. в течение четырех столетий, на Урал переселилось несколько миллионов жителей. Крупнейшие переселенческие волны были в XVIII в., когда десятки тысяч семей крепостных крестьян и мастеровых переселили на Урал для работы на металлургических заводах, и во второй половине XIX в. после отмены крепостного права. В 1913 г. на Урале жило более 10 млн. человек. Бежавшие от крепостной зависимости или насильно перевозимые на Урал жители центральных губерний, а в пореформенное время – задавленные нуждой и бездоельем так называемые свободные переселенцы составляли основной контингент переселенцев в дореволюционном прошлом.

В советские годы переселение на Урал не уменьшилось. В годы социалистической индустриализации Урал предъявил огромный спрос на рабочую силу. В период между переписями населения 1926 и 1939 гг. численность населения Урала увеличивалась ежегодно в среднем почти на 2,5% Большой приток жителей был в годы Великой Отечественной войны в связи с эвакуацией из западных областей сотен фабрик и заводов. Общая численность населения Урала за годы советской власти почти удвоилась, в то время как в среднем по стране за это время она выросла на 46%. Средний возраст населения Урала ниже, чем в среднем по стране.

Переселение в послереволюционное время повлекло за собой не только рост численности населения, но и его перераспределение по территории Урала. Основную часть жителей, прибывавших на Урал в годы социалистического строительства, поглощали города Свердловской и Челябинской областей, где в это время велось крупное индустриальное строительство. Численность населения в них по сравнению с дореволюционным временем выросла больше чем в 3 раза. Одновременно расширился ареал наиболее плотного заселения, охватив Южный и часть Северного Урала, где возникли мощные индустриальные очаги (Серовско – Карпинский, Магнитогорский, Орско – Медногорский). Освоение целинных и залежных земель, вовлечение в промышленную эксплуатацию новых месторождений полезных ископаемых и лесных богатств повлекли за собой

некоторый сдвиг населения в окраинные районы. В послевоенный период выше среднеуральских темпы прироста населения имели юго-восточные и северо-восточные районы Урала.

В последние годы поток новоселов значительно сократился. Рост численности населения Урала происходит сейчас почти исключительно за счет естественного прироста. В отдельные годы наблюдался даже некоторый отток населения в другие районы страны.

Особенности заселения Урала, его положение на путях движения древних народов на запад, а в более позднее время – на путях переселений на восток, чрезвычайно разнообразные природные условия и ресурсы определили частично пестроту национального состава местного населения. Здесь находили привычные для себя условия жизни и хозяйственной деятельности жители тайги и степных районов, выходцы их сурового севера и знойного юга, земледельцы центральных районов и кочевники среднеазиатских пустынь. Наиболее смешанное население – в Предуралье. На Урале живут представители нескольких десятков национальностей.

Ареалы их расселения переплетены между собой и образуют пеструю мозаику. Очень смешанное в этническом отношении население уральских городов и многих сельских населенных пунктов. Наиболее многочисленны на Урале русские, татары, башкиры, удмурты, комиско – животноводческие сельские населенные пункты.

Размеры сел при движении к югу увеличиваются. Число жителей в некоторых из них достигает нескольких тысяч человек. Одновременно уменьшается густота селений. Множество поселений сложилось вдоль старинных трактов, особенно вдоль Сибирского тракта. В прошлом их население было занято извозом. Ныне это преимущественно земледельческие деревни и села, отличающиеся от соседних поселений лишь тем, что они вытянулись.

Основные черты размещения населения Урала определяется географией промышленности. Самую высокую плотность населения имеет горнозаводской Урал – наиболее развитая в промышленном отношении часть Урала. Предуралье, и особенно равнинное Зауралье, населено значительно реже. Сильно варьирует плотность населения и между северными и южными районами. Особенно плотно заселена Удмуртия и Челябинская область, и значительно меньше – Оренбургская и Курганская области. В горнозаводской части Урала почти все население сосредоточено вдоль восточных и западных предгорий, а групповое расположение городов привело к чрезвычайно высокой плотности населения в промышленных узлах. Здесь он достигает нескольких сот человек на квадратный километр. В то же время основная часть, за исключением прижелезнодорожных полос, имеет очень редкое население – до 3 – 4 человек на 1 км², а в северных районах и того меньше. В равнинных районах Урала плотность населения приближается к

среднеуральской. Она более высокая в Предуралье и ниже в Зауралье. Существенные различия в плотности населения имеются также между лесными, лесостепными и степными районами Предуралья и Зауралья. Она колеблется от 5 человек на юге степной полосы до 50 человек в лесостепи и на юге лесной зоны. В связи с преобладанием сельского населения, доля которого в этих районах достигает 60 – 70%, здесь не наблюдается таких скачков в плотности населения, как в горнозаводской части.

Плотность населения повышается лишь вдоль рек и старинных трактов и достигает местами 50 – 60 человек на 1 км².

7.3. ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ НАРОДОВЕДЕНИЯ

Этнос – исторически образовавшаяся группа людей, объединённая общим происхождением, языковыми и культурными признаками.

Согласно определению философского словаря, этнос – народ, принадлежащий к одной культуре, говорящий на одном языке и проживающий на определенной территории.

Ещё древние греки пользовались словом «этнос», когда хотели обозначить другие народы, греками не являющиеся. В русском языке аналогом термина долгое время было понятие «народ». Однако в научный оборот понятие «этнос» было введено в 1923 г. русским учёным эмигрантом С.М. Широкогоровым: «Этнос есть группа людей, говорящих на одном языке, признающих свое единое происхождение, обладающих комплексом обычаев, укладом жизни, хранимых и освященных традицией и отличаемых ею от таковых других групп». При таком понимании этноса учитывается общность культуры: этногенез, быт, традиции, язык.

На сегодняшний день можно обозначить два подхода в толковании этого термина: во-первых, как формы существования самого человека и его культуры с учетом влияния природных факторов (например, в концепции Л.Н. Гумилева); во-вторых, как историко-социальной системы, подразумевающей ее зарождение, развитие и изменение структуры. При такой интерпретации этноса его расселение может не совпадать с границами государств. Отдельные группы (диаспоры) русских, армян, евреев, поляков и др.; проживая за пределами своей национальной государственности, относятся к своему этносу. Генезис любого этноса предполагает значительную протяженность во времени.

Формирование историко-культурных ареалов зачастую происходит вокруг определенных элементов культуры, например, языка или религии. В этом смысле мы говорим: «романская культура», «мир ислама», «христианская культура».

Основные условия возникновения этноса – общность территории и языка – впоследствии выступают в качестве её главных признаков. При этом этнос может складываться и из разноязычных элементов.

Дополнительными условиями сложения этнической общности могут служить общность религии, близость компонентов этноса в расовом отношении или наличие значительных метисных (переходных) групп.

В ходе этногенеза, под влиянием особенностей хозяйственной деятельности в определенных природных условиях и других причин, формируются специфические для данного этноса черты материальной и духовной культуры, быта, групповых психологических характеристик. У членов этноса появляется общее самосознание, видное место в котором занимает представление об общности их происхождения. Внешним проявлением этого самосознания является наличие общего самоназвания – этнонима. Сформировавшаяся этническая общность выступает как социальный организм, самовоспроизводящийся путём преимущественно этнически однородных браков и передачи новому поколению языка, культуры, традиций, этнической ориентации и т. д.

Этносы подвержены изменениям в ходе этнических процессов – консолидации, ассимиляции и т. п. Для более устойчивого существования этнос стремится к созданию своей социально-территориальной организации (государства).

Изучением этносов занимается наука этнография. Этнография – (греч.) – отрасль исторической науки, изучающая состав, происхождение (этногенез), расселение, бытовые и культурные особенности народов и их культурно-исторические взаимоотношения.

Разноплановое и глубокое раскрытие сущности общественной жизни человека возбраняется и вне понимания такого явления, которое очерчивается понятием «этнос». Понятие этноса достаточно глубоко и обстоятельно разрабатывалось многими выдающимися деятелями отечественной и зарубежной культуры.

Они рассматривают этносы как особенные социальные сообщества, которые органически совмещают биосферу и социосферу, содержат в себе в значительной мере характеристики естественного сообщества. Этносы – это биофизические реальности, способные быть окутанными социальной оболочкой, воплощенными в ту либо другую общественную форму.

Этносы формируются как область человеческой группировки под воздействием естественной обстановки в условиях определенной географической среды, климатических условий, ландшафта, растительного и животного мира.

Этническое бытие человека привязано к определенной местности с ее географическими особенностями, который отражается в особенностях быта и культуры, характере людей, традициях, обычаях, общей исторической судьбе

и других объединительных факторах, который далеко выходят за пределы географической среды. Этнос характеризуется и определенной общностью психических черт индивидов, которые входят в его состав, которые формируются под воздействием природноклиматических условий. Однако, этнос, будучи связанным своим происхождением с природой и генетической эволюцией, главные характеристики получает в социально-культурном оформлении, которые передаются от поколения к поколению в результате исторической памяти, неся в себе понимание культурного достояния традиций и тому подобное. Этнос как таковой является не сугубо естественным образованием, а его исторической ассимиляцией в культуре, которая осуществляется многими поколениями людей.

Следовательно, этнос – это разряд людей, который исторически складывался на определенной территории и характеризуется общностью языка, культуры, быта, обычаев, традиций, способа жизни и особенностями психического состава.

Этнос как общественно естественное явление следует определять после исторических сообществ людей, таких как род, племя, народность, нация, которые хоть и формируются на основе определенных этнических сообществ, все являются продуктом истории и социокультурными образованиями.

Род – основанная на кровных связях форма общности людей, возникшая в первобытных общинах на база экономических отношений. Данные последних исследований свидетельствуют, что родовая общность не обязательно присуща всем народам. Род изначально существовал в мужской и женской формах (Патриархат, Матриархат) не в качестве отдельного объединения, а в виде групп родственников, живших в разных общинах. Род служил ядром общин, сплачивал в единое целое их членов, обеспечивал воспроизводство потомства, способного к труду и социальным отношениям, посредством регулирования брачно-семейных отношений, совместного воспитания и материального обеспечения детей. Родовые отношения обычно выступали в качестве формы социальных связей членов общины, играли определяющую роль в производстве, распределении, культовых действиях и т. д., обуславливали родовой характер управления жизнью общины (выборность старейшин и вождей из членов родового ядра общины, их сменяемость и т. п.). Таким образом, взаимодействуя, род и родовая община представляли социальную структуру, определяемую как родовой строй, здесь господствовала общественная собственность на землю, отсутствовала имущественная и социальная дифференциация, участие в общественных делах являлось правом и долгом всех взрослых членов общины. С развитием первобытнообщинного строя постепенно увеличивалась численность рода, они объединялись во фратрии (братства), фратрии – в племена, а те – в союзы племен. Прогресс производительных сил, развитие товарно-денежных

отношений между общинами и семьями предопределили разложение рода, роль которого в общественной жизни уменьшается в классовом обществе.

Группы кровных родственников, которые ведут свое возникновение по одной линии (материнской либо родительской), осознают себя потомками общего предка (реального либо мифического), имеют общее родовое имя, образуют такое объединение, как род. Он возникает из первобытного человеческого рода на рубеже нижнего и верхнего палеолита как ячейка общественного сожительства и регуляции брачных отношений. Род избирает старейшину либо вождя и может сместить его с этой должности; поддерживает регулярные брачные отношения; следит за равным делением имущества умерших членов рода; осуществляет взаимопомощь, защиту и кровную месть; имеет свое имя, общее место захоронения и демократичные собрания, где решаются основные вопросы жизнедеятельности. Этнографические, исторические, археологические факты свидетельствуют, что определяющими чертами родовых отношений является: общность всех членов рода; лишение имущественных отношений между родственниками; суровое соблюдение экзогамии.

Следовательно, весьма аргументированным является такое утверждение: происхождение этноса – это общность людей, основанная на кровных связях исторических народов.

Родовое общество является одним из необходимых условий возникновения племени. Характерными чертами раннего племени является: наличие племенной территории, отделенной от территории соседних племен условными рубежами; определение экономической общности и взаимопомощь единоплеменников, что выражается, например, в коллективных охотах; общность племенной речи, культура, самосознание, традиции, самоназвание.

Племя – тип этнической общности и социальной организации эпохи первобытно-общинного строя. Характерны: кровнородственная связь между его членами, деление на роды и фратрии, общность территории, некоторых элементов хозяйства, самосознания и самоназвания, обычаев и культов, для позднего этапа – самоуправление, состоящее из племенного совета, военных и гражданских вождей. Образование союзов племен, завоевания и переселения вели к смешению племен и возникновению более крупных общностей – народностей.

Племя образуется на основе родов, которые имеют общее происхождение и базируется на кровнородственных связях между его членами. Именно кровнородственная связь, объединяющая два либо несколько родов, превращает их в племя. Развитые племена имели племенное самоуправление, которое состояло из племенного совета, военных и гражданских вождей.

Расписание родоплеменных отношений происходит в связи со становлением обмена и частной собственности. Род, как известно, не имел имущественных отношений. Племя уже не могло без них обойтись. Радикальные изменения в отношениях между людьми были внесены общественным делением труда, изменением характера деятельности. Разделение труда дало важный толчок развитию производства, способствовал повышению производительности труда, обусловил формирование избыточного продукта и обмена. Обмен деятельностью, а в дальнейшем и избыточным продуктом обусловил неравномерность его концентрации у разных членов племени, выделения богатых и бедных родов, появление племенной знати, племенной верхушки, усиления роли военных вождей, военного руководства, которое нередко захватывало и гражданскую власть в племенах.

Такое объяснение родоплеменных отношений приводит к выводу: народ – это историческая общность людей, которая основывается на родовых отношениях и общественном разделении труда, которые определяют разрозненность племен по территории, языку, культуре, организации жизнедеятельности.

На смену племенам пришла новая историческая общность людей – народность.

Народность возникает сообразно необходимости сохранения той внутренней общности людей, которая сформировалась под воздействием среды обитания для одной территории, в единственной социокультурной среде, общностью одного языка, существование в пределах общих традиций, обычаев, характера.

Начало формирования народностей принадлежит к периоду консолидации племенных союзов и оказывается в постепенном смешивании племен, изменении предыдущих (кровнородственных) связей территориальными. Первыми сложились народности рабовладельческой эпохи: древнеегипетская, древнеэллинская. В Европе период образования народностей завершился в период феодализма: древнерусская, польская, французская и другие народности. В других частях света этот период длился и в последующие эпохи. Народности обычно состояли из нескольких племен, близких по своему происхождению и языку (например, польская – из славянских племен), либо из разноязычных племен, который появились в результате завоевания одних племен другими (например, французская – из галльских племен, римских колонистов и германских племен: французов, бургундцев и др.). В процессе формирования народностей, по мере усиления связей между отдельными их племенами, речь одного из этнических элементов (более многочисленного либо более развитого) становится общим языком народности, а другие племенные языки сводятся к диалектам, а иногда и вовсе исчезают. Образуется территориальная, культурная и

хозяйственная общность с общим названием. Становление государства способствовало укреплению народностей, лишь в процессе исторического развития народности могли не согласоваться с государствами ни территорией, ни языком.

Народность – историческая общность людей, возникающая из отдельных племён при распаде родоплеменных отношений, на ранней стадии феодализма, основанного на натуральном хозяйстве, до возникновения прочных экономических связей и единой экономики. Характеризуется единством языка, территории, обычаев и культуры. Более высокой степенью развития общества является народ.

Термин «народность» иногда используется в качестве синонимов слов этнос, народ, национальность.

Народность, исторически сложившаяся языковая, территориальная, экономическая и культурная общность людей, предшествующая нации. Начало формирования Народность относится к периоду консолидации племенных союзов; оно выразилось в постепенном смешении племён, замене прежних кровнородственных связей территориальными. Первыми сложились народность рабовладельческой эпохи (древнеегипетская, древнеэллинская и др.). В Европе процесс образования народности завершился в основном в период феодализма (древнерусская, польская, французская и др. народность). В остальных частях света этот процесс продолжался и в последующие эпохи. Народность обычно складывались из нескольких племён, близких по своему происхождению и языку (польская – из славянских племён: полян, вислян, мазовшан и др.), или из разноязычных племён, смешавшихся в результате завоевания одних племён другими (французская – из галльских племён, римских колонистов и германских племён: франков, вестготов, бургундов и др.). В процессе складывания народности, по мере усиления связей между отдельными её частями, язык одного из этнических компонентов (более многочисленного или более развитого) превращается в общий язык народности, а остальные племенные языки низводятся до роли диалектов, а иногда совсем исчезают; формируется территориальная, культурная и хозяйственная общность с общим самоназванием. Становление государства способствовало упрочению народности, но в процессе исторического развития народности могли не совпадать с государством ни территориально, ни по языку.

С развитием капиталистических отношений и усилением экономических и культурных связей народности превращаются в нации. Народности, оказавшиеся разделёнными на части государственными границами, могут дать начало нескольким национальным образованиям (португальцы и галисийцы, немцы и люксембуржцы и др.). Древнерусская народность явилась общим корнем русской, украинской и белорусской народностей, сложившихся впоследствии в нации. Не менее часты случаи,

когда в формировании одной нации участвовали или участвуют несколько народностей. В СССР некоторые народности (туркменская, киргизская и др.) превратились в нации, минуя капиталистическую стадию развития. Многие народности (особенно мелкие), отставшие по ряду причин в своём развитии, могут и не превратиться в нации; с течением времени они вступают в тесные связи с другими, более развитыми народностями и нациями, усваивают их культуру и язык и постепенно сливаются с ними.

Распад колониальной системы империализма и завоевание многими странами Азии и Африки государственной независимости ускорили процессы этнической консолидации и рост национального самосознания. Из племенных территориальных этнических групп формируются новые народности и нации.

Следовательно народ – это объединение сообщества людей, которое исторически возникает на основе родоплеменной общности и формируется для на определенной территории для ведения натуральной хозяйственной деятельности в процессе слияния, консолидации разных племен благодаря созданию единственного языка, культуры, традиций, обрядов.

Последующее развитие общественной жизни привело к возникновению новой, этносоциальной общности людей – нации.

В мировой общественной мысли отсутствует однозначное понимание сущности понятия «нация». Одни ученые определяющим признаком нации считают «национальный дух», «национальную независимость», «национальный характер», который сформировались на почве общей судьбы, вторые – трактуют нацию как «непознанную психическую общность», третьи – возводят нацию к определенным людям, которые одинаково мыслят. Существуют географические, биологические и психологические толкования нации.

Поэтому несомненным является общее понимание «нации», как совокупность социально-экономических, этнических, социокультурных и духовных факторов.

Нацию следует понимать как общность людей, которая формируется благодаря единству ряда принципов:

– во-первых, территориальных: каждая нация имеет свою территорию, «жизненное пространство»;

– во-вторых, этнических: нация формируется, как правило, из людей одного этнического состава. Этнические признаки – это самоопределенность, язык, осознание общности происхождения, единой истории, традиций.

– в-третьих, экономических: общность хозяйственных связей универсального уровня консолидирует людей, связывает единственным делом, надеждой на позитивные результаты.

– в-четвертых, общекультурных: языка, традиций, обычаев, обрядов, которые передаются из поколения к поколению, из уст в уста. Нет языка – нет

и нации, нация исчезает, когда растворяется ее культура, нарушаются традиции, несохраняются обычаи, забывается история.

– в-пятых, психологических: нация имеет общие черты психических особенностей, которые формируются в процессе общей жизни, деятельности, общения.

Все упомянутые принципы существуют лишь в их органической взаимосвязи и взаимообусловленности. Абсолютизация каких-либо из них приведет к одностороннему пониманию нации. Именно исходя из идеи взаимообусловленности и органической взаимосвязи обозначенных принципов, возможно и следует понимать, что нация – это духовное родство естественно социально определенного(ых) этноса(ов).

Национальные отношения являются важной составляющей социальных отношений, которые органически входят в их систему и имеют противоположный самобытный статус. Испытывая влияние экономических, политических, бытовых отношений, национальные отношения со своей стороны оказывают обратное действие, вносят изменения в неизменные сферы общественной жизни.

Нация (лат. народ) – исторически сложившаяся форма общности людей, которая приходит на смену народности. Нации свойственна прежде всего общность материальных условий жизни: территории и экономической жизни; общность языка, известных черт национального характера, проявляющихся в национальном своеобразии ее культуры. Нация – более широкая, чем народность, форма общности, складывающаяся с возникновением и формированием капиталистической формации. Экономической основой возникновения нации послужили ликвидация феодальной раздробленности, упрочение экономических связей между отдельными областями внутри страны, объединение местных рынков в общенациональный. Руководящей силой возникавших в этот период наций была буржуазия, что наложило определенный отпечаток на их социально-политический и духовный облик. Внутри них все более обостряются социальные противоречия, проявляется противоположность классов. Буржуазия, стремясь заглушить противоречия, разжигает межнациональные антагонизмы. Она проповедует идеологию национализма и национального эгоизма. Пролетариат противопоставляет буржуазному национализму идеологию и политику интернационализма. С ликвидацией капитализма коренным образом меняется облик наций. Они преобразуются в новые, свободные от классовых антагонизмов, социалистические нации, основой которых является союз рабочего класса и трудового крестьянства. Изменяются коренным образом и отношения между нациями: исчезают остатки былого недоверия между ними, развивается дружба народов. Ликвидация национального гнета и установление равноправия всех народов, осуществление взаимной помощи, преодоление хозяйственной и культурной

отсталости народов, запоздавших в своем развитии, создали все условия для расцвета социалистических наций в СССР. При социализме происходит, с одной стороны, развитие и расцвет наций, с др. – их сближение. На этой основе сложилась в СССР новая историческая общность людей – многонациональный советский народ.

Таким образом нация – историческая общность людей, складывающаяся в процессе формирования общности их территории, экономических связей, языков, особенностей культуры и характера. Возникает в период преодоления феодальной раздробленности на основе экономических связей, образования внутреннего рынка, складывается из племен и народностей.

Национальные отношения существуют в таких основных формах: взаимоотношения между нациями, межличностные отношения представителей разных наций, взаимоотношения между людьми одной и той же нации.

Этносы (от греческого *ethnos* народ) – это устойчивые коллективы людей, возникающие исторически при условии общности языка, культуры, территории проживания, которые впоследствии выступают в качестве признаков этносов. Важнейшим показателем существования этноса является его самосознание, отражающее реальность этнических признаков. Самосознание определяет этническую идентификацию, то есть определение индивидом своей этнической принадлежности, причисление себя к конкретному этносу.

Этническая группа – наиболее распространённое в науке обозначение этнической общности (народа, этноса), под которой понимается группа людей, обладающая общим самосознанием этническим, разделяющая общее название и элементы культуры и находящаяся в фундаментальных связях с другими общностями.

Этносы всегда проживают на определенной территории, на которой в силу общности исторических судеб, природной среды, социально-экономического развития складываются сходные культурно-бытовые особенности. Они находят свое выражение как в материальной культуре (занятия и орудия труда, строительство, одежда, утварь, пища, средства передвижения и т.д.), так и духовной (верования, обычаи и обряды, устная культура, знания и их применение и т.д.).

Таким образом **этнос** – народ, принадлежащий к одной культуре, говорящий на одном языке и проживающий на определенной территории.

Этническая территория – географическое пространство основного расселения или формирования этнической группы (народа, этноса).

Территории являются историческими категориями, возникающими, проявляющимися и исчезающими в процессе развития, как всего этноса, так и его субэтносов. Они подвергаются значительному антропогенному и

техногенному воздействию и вбирают в себя некоторые отпечатки этнических особенностей этносов, что позволяет называть их еще этнокультурным ландшафтом. Этническая идея каждого народа воплощалась в конкретном природно-ландшафтном локусе. Поэтому концепт «этнокультурный ландшафт» все чаще в начале XXI в. становится предметом изучения и интерпретации социокультурного опыта конкретного этноса.

Различаются два вида этнического расселения – компактное и рассеянное. Наличие у этноса собственного социального организма – государства, а вместе с тем закрепления этнических границ способствовало усилению компактности расселения. Нарушение такой компактности осуществляется в результате не совпадения этнических и государственных границ, а также по причине миграции и иммиграции населения.

Сложилось представление, что компактное расселение – это как бы норма, а этнически смешанное расселение – нечто исключительное. На самом деле существует взаимодополняющая картина. В ходе воспроизводства населения неизбежно происходит расширение этнической территории и отрыв отдельных частей этноса от основного массива вплоть до закрепления за ними новых территорий. Последний случай – это путь формирования ареалов смешанного расселения.

Этническое смешение обуславливает появление зон контактов, в которых разворачиваются этнические процессы, среди которых важнейшие – ассимиляция (растворение ранее самостоятельного этноса или какой-то его части в среде другого, обычно более крупного), интеграция (взаимодействие внутри государства или какого-либо региона нескольких этносов, различающихся по языку и культуре), аккультурация (взаимовлияние и взаимопроникновение в культуры разных этносов). Этническое смешение может идти на макро (в рамках всего государства) и на микро уровне (в пределах небольшого региона, нескольких населенных пунктов или одного поселения).

Принято выделять четыре основных вида территориального смешения этносов: 1) на этнических границах, 2) за пределами основной этнической территории, 3) в рамках этнических групп (субэтносов), 4) при дисперсном расселении, когда внутренние подразделения этноса (субэтносы) разъединены незаселенными территориями. Кроме того, по пространству заселения территорий принято выделять два вида этнического расселения – сплошное и очаговое, а по типу оседлости – устойчивое и подвижное.

На Урале можно наблюдать все отмеченные варианты этнического расселения. На характеристике этнических территорий и культур коренных этносов Урала остановимся ниже, заострив при этом внимание на актуальности изучения и использования этнокультурного наследия.

Литература

1. Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. - 4-е изд.-М.: Политиздат, 1981. - 445 с
2. Энгельс Ф., Происхождение семьи, частной собственности и государства, Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 21
3. Ленин В. И., Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?, Полн. собр. соч., 5 изд., т. 1; Алексеев В., Род, племя, народность, нация, М., 1962
4. Численность и расселение народов мира, под ред. С. И. Брука, М., 1962
5. Козлов В. И., Динамика численности народов, М., 1969.

7.4. ПОНЯТИЕ ЭТНИЧЕСКОГО ИНДИВИДА И ПРОБЛЕМА ЭТНИЧЕСКОГО СУБСТРАТА

Происходившие в обществе в последней четверти XX века изменения привели к политизации этноса и этничности, ввели их в русло политологического дискурса. Этносу и этничности начали уделять внимание не только этнологи и антропологи, но и другие исследователи – социологи, психологи, историки, а также политологи и политики. В 1981 году американский политолог Дж. Ротшильд опубликовал работу под названием «Этнополитика». Невозможно отрицать реальность этнонациональных проблем, для осмысления которых возникают соответствующие современные отрасли научного знания. Этнос превратился из культурологического понятия, относящегося к первобытным, неразвитым или отсталым народам, в понятие политологическое, относящееся к любому народу, народу вообще. Этнос и политика «слиплись». Этнология и политика образовали этнополитологию.

От этнологии этнополитология переняла специфический взгляд на объект своих исследований. Этнолог, изучавший примитивные народы, в своем представлении также мало походил на изучаемых им дикарей, как энтомолог на изучаемых им насекомых. Этнополитология стала рассматривать этнос как инсекта, помещая этносы в интеллектуальные «инсектарии». В 60–70-х годах XX века в США проходило широкое движение борьбы афроамериканцев, испаноамериканцев, азиатских и индийских американцев за гражданские права. Этнополитические движения несколько позже появились в Европе. Социальные трансформации, связанные с распадом СССР, актуализировали эту проблематику на постсоветском пространстве в последнее десятилетие XX века. Этничность стала средством политических мобилизаций. С ней оказались связанными ключевые политические проблемы – проблемы власти и государства. Самым

существенным результатом политизации этничности оказалось обновление теории и практики этнонационализма.

Теоретические споры по поводу нации и этноса, по поводу существования «этнической субстанции» и определения этноса либо через обнаружение такой субстанции, либо через перечисление этнических признаков привели к тому, что возник очередной вопрос – «основной вопрос этнологии» – вопрос о существовании в природе собственно этнической субстанции. При такой постановке он содержит внутри себя две проблемы: а) существует ли такая субстанция вообще? б) как существует особая субстанция?» [1].

В начале XXI века воссоздаются старые споры, казалось бы, разрешенные диалектикой, о сущности и существовании, сущности и явлении, субстанции и субстрате. Поиски этнической сущности «как таковой» и стремление познать ее «в чистом виде» весьма метафизичны. Диалектика природы и общества убеждает в том, что сущность является и явление существенно. Этническая сущность, или этничность, и есть *causa sui*, которая не существует иначе, чем в явлениях. Для познания этнического «явления» этнонауки имеют соответствующие методы и формы. Вопрос заключается в том, каким образом этничность транслируется, переносится, т. е. этничность – не только субстанция, но и субстрат – определенный носитель некоторых свойств. Именно обращение к этническому субстрату (или субстрату этничности) и позволяет в полной мере представить субстанциональную основу этнического. Это же позволяет преодолеть дурную бесконечность этнических признаков («этнических определителей»), перечисление которых в различных сочетаниях для определения этноса делает методологическую позицию исследователей весьма уязвимой.

С помощью выявления этнических субстратов во всем необозримом множестве подходов к этносу, в какой бы сфере они ни создавались, можно провести типологию этноконцепций. Тип концепции зависит от того, какой фундаментальный философский принцип положен в ее основу. Из этого, в свою очередь, следует понимание сущности этноса, вытекающих из нее этнических признаков, способов и характера кроссэтнической коммуникации, видение этносов в качестве субъектов политического процесса. Всякая этноконцепция в зависимости от того, как является этническая сущность, может быть отнесена к одному из трех типов: натуроцентрическому, спиритоцентрическому, культуроцентрическому, так как природа, дух и культура – предельные основания человеческого бытия.

Те исследователи, которые видят сущность этноса в его «природе», создали множество натуроцентрических этноконцепций. Природная сущность этноса проявляется в биоантропологических особенностях его членов, в таких концепциях кровь представляется субстратом этничности. Этносы существуют постольку, поскольку существуют естественные

разновидности человеческого рода, к которым относятся прежде всего морфологические различия рас. Изучая «политическую способность рас», утверждая зависимость способности к политическому господству от «антропологических условий», Л. Вольтман видел, что «антропологическое исследование страдает от предубеждения, что естественно-научное понятие расы и филологическое и политическое понятие народа – одно и то же. Именно народы, подвергнувшиеся многим расовым смешениям, произвели среди антропологов большую путаницу понятий. Историческое понятие «немецкого – deutschen – народа», например, отлично от антропологического понятия «германской – germanischen – расы», и совершенно неверно, когда современные французы с пафосом называют себя «галльской нацией», как это часто проделывается чересчур пылкими патриотами [2] . Весьма поучительное в методологическом отношении замечание, позволяющее отличать народ как социально-политическое сообщество (гражданскую нацию) и народ как природно-культурное явление (этнос). Видя природную сущность этноса, расовые этноконцепции рассматривают человека как подопытное животное. Например, ученый Бреул отмечал, что кожа на спине суданцев и феллахов гораздо темнее, чем на животе. И вообще выделяются шерстисто-волосатые, прямоволосые и жестко-волосатые расы. В качестве отличительных признаков рас отмечается цвет кожи и глаз, цвет и структура волос, длина и пропорции тела, пропорции головы.

Несмотря на то, что «в повседневной практике попытки определения этнической принадлежности людей на основе одних только внешних антропологических показателей обычно имеют весьма приблизительный характер» [3] , именно внешние физические признаки, отличающие одних людей от других, фиксируются обыденным сознанием в процессе кроссэтнической коммуникации. Благодаря этому, расовым этноконцепциям придается особое значение.

Расовые этноконцепции фиксируют бесспорную биологическую реальность фенотипического разнообразия людей. Однако этим дело не ограничивается. Подобная констатация находит продолжение в создании иерархии народов, разделении их на высшие и низшие, признании «неравной ценности» рас. Хорошо известны социальные, политические и гуманитарные последствия практического применения расовых этноконцепций. Как было сказано в Декларации Комитета антропологов при ЮНЕСКО (Объединение по рассмотрению вопросов просвещения, науки и культуры), выработанной в 1950 году, «ввиду серьезных заблуждений, вызванных неправильным обыденным употреблением слова “раса”, было бы желательно полностью отказаться от применения этого термина по отношению к человечеству и принять выражение “этническая группа”» [4] .

Вторым вариантом натуроцентрических этноконцепций являются те, в которых субстратом этничности выступает земля (территория) или почва.

Эти концепции укладываются в традицию географического детерминизма. Земля соединилась с политикой в работах Ф. Ратцеля, который проводил идею влияния географической среды, особенно ландшафта, на жизнь народов, их культурные и политические особенности. О связи земли и народа, о трудностях наблюдения за «расовыми и племенными границами», о том, что государственные границы не совпадают с этническими территориями, размышлял К. Хаусхофер. В традиционных для Германии расовых терминах он рассуждал о государствах и народах – племенах и расах: «Если появляется опасность одной или нескольких рассекающих территорию государства расовых границ, непосредственно угрожая даже таким государственным образованиям, как Хеттское царство и Габсбургская империя, то косвенно она стоит перед всем человечеством с его политической структурой и его надеждами на более широкое сплочение» [5].

Земля как субстрат этничности предстает в концепции Л. Н. Гумилева, который особое внимание уделял «месторазвитию» (или родине) этноса, признавал, что характер ландшафтов глубоко влияет на облик этноса. Он заметил, что новые этносы всегда складывались в зонах сочетания двух и более ландшафтов, тогда как монотонные ландшафты обычно не служат месторазвитием этноса. Отличающиеся поведенческие навыки людей также являются следствием адаптации – приспособления этноса к этноландшафтной среде. Например, колонизация русскими Сибири и Дальнего Востока потребовала выработки поведенческих навыков жизни в суровых ландшафтно-климатических условиях, существенно отличающихся от условий Восточно-Европейской равнины. Иначе говоря, без земли нет народа, его особенности определяются землей, на которой он живет.

Земля как субстрат этничности легко фиксируется в обыденном сознании, определяющем коренные и некоренные, урожденные и пришлые народы и их представителей. Не «кровь», а земля как субстрат этничности приобретает значение в ходе этногенетической миксации и этнической ассимиляции при формировании новой этнической общности. Например, в самосознании жителей Среднего Урала распространено представление о себе как об «уральцах» или «уральском горном народе», что можно рассматривать как симптом нового этнического самосознания.

Для государства территория с автохтонным этносом представляет собой объект особого внимания, так как территория – первый признак государства и его важнейший экономический ресурс. Государство скорее поступится своим населением как восполнимым ресурсом, но не территорией. Вопросы государственной и этнической территории, несмотря на то, что Земля уже разграничена, не утрачивают своей актуальности. Государства и этносы продолжают определять и отвоевывать «свою» землю.

Кровь и земля – предельные основания и смысл натуроцентрических этноконцепций. Кровь и земля в качестве субстратов этничности определяют вульгарно-материалистическое представление об этнической субстанции.

Сверхъестественную сущность этноса обнаруживают создатели спиритоцентрических этноконцепций, в которых субстратом этничности выступает дух. Посредством этого является их идеалистическая сущность. В связи с этим возникают понятия «дух народа», «душа народа», «характер народа» и – что то же самое – «дух нации», «национальный характер». В науку это понятие было введено исторической школой права. Позже не только право, но и все действия стали объяснять воплощением народного духа. Народный дух, народная душа – то, что неистребимо и неизменно, то, что остается при любых переменах, то общее, что существует, несмотря на индивидуальные различия. И. Г. Гердер в народном духе видел основу и движущую силу истории. И. Г. Фихте считал народный дух проявлением Божественного, а индивида – проявлением народного духа. Пользовался понятием «дух народа» и Г. Гегель. Немецкие философы понимали его как нематериальную сущность. Русская философия усвоила и продолжила в этом отношении традицию немецкой философии. Ф. М. Достоевский, Н. А. Бердяев, Н. О. Лосский, А. С. Хомяков, И. А. Ильин и другие изучали особый дух русского народа. В конце XX века в российской литературе на «национальную» тему появились рассуждения о «русском национальном менталитете».

О. Бауэр замечал, что народный дух – давнишняя любовь романтиков – «не в состоянии объяснить общности национального характера, так как он сам не что иное, как национальный характер, превращенный в метафизическую сущность, в призрак». «Национальный характер ничего не объясняет, он сам по себе должен быть объяснен» [6].

Вторым вариантом спиритоцентрических концепций выступают те, в которых субстратом этничности оказывается судьба. Так, например, Г. Лебон полагал, что нацию объединяет не кровь, а общая судьба. В «общности исторической судьбы» стали видеть существенный признак народа. «Нация есть не что иное, как общность судьбы. Но эта общность судьбы действует в двух направлениях: с одной стороны, путем естественной наследственности передаются качества, присвоенные нацией на почве общности судьбы, с другой – передаются культурные ценности, создаваемые нацией на почве той же общности судьбы» [7]. Как бы ни представляли судьбу народа (неразумная и непостижимая предопределенность событий; осмысленное действие божественного предопределения; неумолимое соединение причин и следствий; совместная деятельность прошлых поколений или перспективы будущих), все равно судьба остается силой метафизической. Определять этнос через судьбу значит определять неизвестное через неизвестное, так как

понятие судьбы отнюдь не более определенное и не менее многозначное, чем этнос.

Величие народного духа и сила судьбы привлекали к ним философов-идеалистов и писателей-романтиков. Метафизичность, чувственная невосприимчивость, отсутствие сколь бы то ни было четкого определителя и мерила «духа народа» и «общей судьбы» отворачивают от них обывателя. Этнополитические теории и политическая практика, как правило, игнорируют спиритическо-центрические этноконцепции. Чаще всего «дух народа» выступает в качестве дополнения к «крови» и «земле».

Культуроцентрические концепции этническую сущность видят в культуре. В общности культуры, общих культурных традициях видится сила, объединяющая этническую общность. Характерные черты этнической культуры – отличительные особенности этносов – проявляются как в материальной, так и в духовной сфере. В свою очередь культуроцентрические этноконцепции можно разделить на те, которые субстратом этничности признают язык, и те, которые субстратом этничности признают образ жизни.

Язык является важнейшим этнодифференцирующим признаком. На основе языков составляются этнические классификации. М. Хайдеггер утверждал, что язык – дом бытия. Они зачастую оказываются одним и тем же у разных народов. Поэтому в культуроцентрических этноконцепциях появляется указание на другой субстрат этничности – образ жизни. «Он представляет собой систему из множества компонентов (нормативов), важнейшими из которых являются: пища; одежда; жилище (в частности, оформление интерьера); гигиена (в частности, частота омовения тела – ежедневно, еженедельно и т. п.); транспорт (способ передвижения); язык (речь); характер семейных отношений; характер распределения семейного бюджета; характер чередования труда и отдыха; стиль общения (манеры, обычаи, нравы, привычки и т. д.)» [8].

«В повседневной практике при разграничении этносов-народов, как правило, указывают на такие устойчивые и отчетливо внешне выраженные компоненты их культуры, как язык, религия, народное искусство, устное творчество, обычаи, обряды, нормы поведения, привычки и т. п. Сюда относятся также принятые жесты вежливости и приветствия, походка, этикет в еде, гигиенические привычки и многое, многое другое» [9]. Все вышеперечисленное считается не просто списком отличий, но взаимосвязанными элементами этнической культуры. Этнос в таком случае есть культурный комплекс, совокупность культурных элементов, возникших на базе исходного элемента и функционально с ним связанных. Невозможно выделить какой-то один культурный признак в качестве основного для отделения одного этноса от другого.

Хотя в многочисленных дефинициях этноса имеют место значительные расхождения в перечислении этноопределяющих признаков, в

действительности они не представляются существенными. Язык и образ жизни либо по отдельности, либо в комплексе составляют существо культуроцентрических этноконцепций. Этнос есть «группа людей, говорящих на одном языке, признающих свое единое происхождение, обладающих комплексом обычаев, укладом жизни, хранимых и освященных традицией и отличающихся ею от таковых других групп...» [10].

Дело значительно усложняется, когда рассматриваются нетрадиционные народы, не те, которые описаны этнографами «в чистом виде». Невозможно серьезно рассуждать о своеобразии жилища: свайные постройки, плавучие жилища, переносные жилища, дома-башни, жилища из снега, землянки, деревянные жилища и пр., если речь идет о современных народах, реально живущих в современных и постмодерных урбанизированных обществах. Также было бы забавно применить в качестве этнодифференцирующего признака пищу, поделив современные народы на тех, основу пищевого рациона которых составляют продукты земледелия, кто в основном потребляет мясо, кто употребляет главным образом рыбу – ихтиофагов.

К образу жизни относят традиционные отрасли хозяйства. «Для каждого этноса очень важно, чтобы успешно развивалась главная, определяющая экономику этого народа отрасль хозяйства. Для чукчей, ненцев, эвенков, некоторых других северных народов – это оленеводство, для эскимосов и алеутов – морской зверобойный промысел, для якутов и бурят – скотоводство и т. п. ...Упадок традиционных отраслей хозяйства вызывает и в Казахстане, и в Татарстане серьезное беспокойство за судьбу коренных для этой территории этносов... Традиционный хозяйственный комплекс – фундамент культуры любой этнической общности. Его сохранение и развитие – неперемное условие сохранения и развития самих этнических общностей» [11]. С этой точки зрения даже невозможно оценить степень беспокойства за судьбу русского народа, так как традиционное плетение лаптей находится в абсолютном упадке. Такая позиция означает абсолютизацию доиндустриальной стадии развития этноса и отказ от модернизации.

Стоит только обратиться к современным этносам, живущим в условиях непрекращающейся кросскультурной коммуникации; из «образа жизни» один за другим начинают «выпадать» элементы «чистой» этнической культуры, не испытавшей на себе ни влияния других этнических культур, ни модернизации. В современном мире реально существуют «меланжевые» этнические культуры. Современные этнокультуры можно сравнить с тканью, сотканной из смеси окрашенных в разные цвета волокон. Ни одна из привычных культурных, этнографических черт в отдельности не может служить субстратом этничности.

Культуроцентрические этноконцепции, как правило, отличаются толерантностью к множеству этнокультур, так как рассматривают

многочисленные особенности языков и образов жизни, которые невозможно расположить иерархически. Они не делят этнические культуры на высшие и низшие, но рассматривают их как единство многообразия. «Этносы – категория сопоставительная» [12], но не противопоставляемая.

Каков бы ни был субстрат этничности, как бы ни различались натуроцентрические, спиритоцентрические и культуроцентрические этноконцепции, им присущи черты сходства. Во-первых, все они рассматривают этнос с точки зрения объективно-всеобщего. Во-вторых, все они рассматривают этносы как нечто раз и навсегда данное, исторически возникшее, осуществившееся на определенном историческом отрезке времени и далее неизменное. В-третьих, они помещают отдельного человека в этнический квадрат, сторонами которого являются этнос как целое, этнос как общность, количество этноса, антитеза «мы – они».

То, что этнология развивалась в Европе как изучение отсталых народов, явилось причиной отношения к этносу как к целому, без различения в этносе отдельного человека, индивида. Отсутствие социальной стратификации и неразвитая индивидуальность (примитивное племя предполагало полное подчинение группе) в первобытных обществах позволяли рассматривать этнос как целое. Отношение к примитивному этносу в простых обществах как к целому, свойственное этнологии, было распространено на этносы в сложных обществах. «Состав многопоколенных, потомственных общностей всегда текучий: члены общности покидают ее, умирают, вступают новые, но, несмотря на все эти изменения, общность продолжает существовать как одно и то же целое (курсив мой. – М. Ф.), нередко на протяжении столетий и даже нескольких социально-экономических формаций» [13].

Представление об этносе как целом затем перешло в этнополитические исследования, которые в большей степени стали интересоваться цивилизованными народами, но отношение к ним, как диким, сохранилось. Очевидно, что в таком подходе проявляется методологический принцип холизма, который был определенно сформулирован Я. Смэтсом. Целое больше, чем сумма его частей; целое значит больше, чем любая его часть; целое полностью представляет любую его часть; знание целого абсолютно исчерпывает знание любой его части. Представление об этносе как о целом рождает идеи об особых потребностях, интересах этноса, превосходящих потребности и интересы отдельного человека, этнического индивида. Узурпаторы этнических интересов (вожди этнонации, лидеры этноорганизаций) выступают от имени целого, всего народа. Например, о существовании Русской общины в Екатеринбурге, претендующей на выражение интересов этнических русских на Среднем Урале, известно только регистрирующим органам и руководителям общины, что не препятствует выступлениям последних «от имени русского народа». Этнос как целое –

первая сторона этнического квадрата, загоняющая этнического индивида в этническую общность.

Представление об этносе как о неразрывно связанной целостности приводит к заклиниванию об этнической общности. В европейской науке понятие «общность» семантически нейтрально, означает то, что относится ко всем или к определенному количеству людей в качестве черт сходства. Существуют отдельные люди, в процессе взаимодействия они образуют общности. Общность – это «совокупность людей, которые имеют общее постоянное место жительства, зависят друг от друга в повседневной жизни и осуществляют многие виды деятельности для удовлетворения своих экономических и социальных потребностей» [14]. Даже если люди не живут вместе, но имеют одинаковый статус или общую черту, они входят в общность. В отечественной советской и постсоветской науке присутствует другая семантика. Под общностью подразумевается целостное объединение, единство, то, к чему относятся все: идейная общность, общность интересов, классовая общность, историческая общность. В таком контексте сначала существует общность, потом к ней принадлежат; общность первична, ее члены вторичны. Этнос-общность – вторая сторона этнического квадрата.

Настойчиво повторяемый предикат общности в дефинициях этноса проистекает из большевистской трактовки этнонации: «Нация – это, прежде всего, общность, определенная общность людей» [15]. Таким образом, этнос – это целостная общность. Такой подход абстрагируется от многих различий членов общности, игнорирует не только уникальность отдельного человека, но даже социальную неоднородность, объективные социальные различия «внутри» этноса, чтобы утвердить этнос как единство.

Этнос как целостная общность всегда характеризуется с количественной стороны. «Более чем за сто лет (с 1897 г.) в России (Российской империи – СССР) было проведено 9 переписей, причем во всех восьми советских переписях ставился вопрос о том, к какой национальности/народности относит себя переписываемый, и сведения о национальном/этническом составе всегда публиковались» [16]. Общность должна быть сосчитана: в государственном (хозяйственном) значении – сколько какого народа проживает на территории государства, какова величина этнодемографического ресурса; в этнологическом (культурном) значении – какого рода этнокультурные особенности более или менее распространены; в этнополитическом (властном) значении – сколько гомогенного в этническом отношении населения должно быть на определенной территории, чтобы этнотерриториальный принцип оказался легитимным в ходе государственного строительства.

Количественная характеристика этноса имеет особенное значение в связи с теми субъектами РФ, которые еще во времена СССР были образованы по этнотерриториальному (обычно его называют национально-

территориальным) принципу. Этнодемографический баланс учитывается при анализе проблемы государственного единства и тенденций дезинтеграции в современной РФ. Довольно распространено мнение, с которым, однако, трудно согласиться, что «проблема гражданской интеграции в РФ прежде всего и главным образом связана с нерусской частью населения, которая составляла 18,5% (перепись 1989 г.)» [17]. При количественном подходе это видится псевдопроблемой: «Сейчас мы проживаем в почти моноэтническом государстве, где русские составляют 81,5% населения (против 50% в СССР), а доля других народов несоизмеримо меньше. Так, например, следующий по величине этнос, татары, составляет лишь 3,5% всего населения России» [18].

С точки зрения количественного подхода к этносу, не важно, что 3,5% – это 5 522 100 человек, не важно и то, что остальные 15% «нерусского» населения составляли 21 633 900 человек. Преобладает мнение, с которым также трудно согласиться, будто малый удельный вес представителей титульных этносов в «национальных» республиках практически никак не влияет на политическую систему, не может провоцировать социальную напряженность.

«По политико-географическим и этнодемографическим параметрам добиваться отделения могут лишь республики Северного Кавказа, Тува и, с оговорками, Калмыкия. На них приходится всего 2% территории и 2,5% населения России. Эта величина слишком мала, чтобы существенно влиять даже на политическую систему, не говоря уже об угрозе распада» [19]. Такие рассуждения напоминают античные парадоксы «Куча» и «Лысый». Сколько должно быть зерен, чтобы образовалась куча? Сколько волос должно остаться на голове, чтобы человек мог считаться лысым? Сколько должно быть титульного и нетитульного народа, чтобы возникли этнополитические проблемы? Само деление этносов на титульные и нетитульные содержит в себе некую напряженность.

Количество этноса, третья сторона этнического квадрата, может служить решающим аргументом и для обоснования «величия» народа («большой и великий», «маленький, но гордый и потому великий»), и для катастрофических прогнозов в отношении сокращения населения, и для решения территориальных вопросов, и для политического продвижения «русского», «башкирского», «еврейского» и любых других подобных вопросов.

Четвертой стороной этнического квадрата является антитеза «мы – они», которую представляют атрибутом этнического самосознания. Считается, что «члены общностей, обладающие самосознанием, идентифицируют друг друга на основе различных признаков. Это может быть определенная идеология, обладание особыми предметами, проживание на общей территории, выполнение тех или иных ритуальных действий, специфические черты внешности и т. п. На данной основе развивается

чувство как идентичности, выражаемое словом “мы”, так и отличия от других общностей, обозначаемое словом “они”» [20] . Антитеза «мы – они» первоначально возникла в простых обществах, в которых противопоставлялись мы – люди и они – не люди. Так, например, чукчи имеют самоназвание «лычьо», «равэтлан», что в переводе означает «настоящие люди». Чулымцы, чулымские тюрки имеют одно из самоназваний «пестын кижилер» (буквально – «наши люди»). Самоназвание нивхов – «нивгун» – на восточно-сахалинском диалекте означает «человек, люди». Ненцы, в «Своде законов Российской империи» названные самоедами, называли себя «ненэц», или «хасова», что означает «человек». Самоназвание марийцев – «мари», «марий» – переводится как «человек, мужчина». Эскимосы называются «юпигыт», «югит» – «настоящие люди». Эстонцы имеют старое самоназвание «маарахвас» – «народ своей земли» [21] . Примеры можно продолжать.

Действительно, самоназвания (эндоэтнонимы) многих этносов означают «люди», «настоящие люди», «наши люди», что фиксирует не противопоставление себя другим людям-нелюдям, но отличие людей от зверей, означает выделение человека из природы. Названия, придуманные одним народом для обозначения других (экзоэтнонимы), имеют, как правило, более позднее происхождение. Считается, что этническое самосознание построено на негативной оппозиции к другим этносам, что самосознание общности не просто констатирует, что есть мы, и есть они. Оно делит и противопоставляет: мы – люди, они – не мы, следовательно, они – не люди, следовательно, людские правила и законы на «них» не распространяются. Это исторические основания современных политических идеологем: «наше – лучше», «уж лучше плохонький, да свой», «приоритет наших интересов», «наши всегда правы» и пр. На них основывается коллективное оборонное сознание с его мощным мобилизующим потенциалом. «Мы – люди» выполняет функцию современного мифа. Если в простых обществах коллективное сознание с бинарной оппозицией «мы – они» было исторически оправдано и продуктивно, так как оно позволяло выживать в природе, то в сложных обществах, особенно в постиндустриальных, оно контрпродуктивно, так как не позволяет выживать ни в природе, ни в обществе. В массовых атомизированных обществах индивид – социальный атом не может мыслить себя в качестве «мы». Бинарная оппозиция «мы – они» и ее сущность «свой – чужой» заменяется другой: «я – свой, он – чужой».

Четыре стороны этнического квадрата: этнос как целое, этнос как общность, этнос как некое количество, этнос как «мы – люди» – в духе средневекового реализма приводит к возникновению этноса как самостоятельной сущности. «Этнос хочет», «этнос может»... Абстракция большой степени общности как бы обретает самостоятельное существование в объективной реальности [22].

В центр исследования этнополитических проблем необходимо поместить этнического индивида, отдельного человека с этнически обусловленными и индивидуально выраженными чертами, что позволит выявить новый антропоэтнополитический ракурс в этнополитологии. В этническом индивиде человеческие сущностные силы (способности, потребности, интересы, ценности и цели) выступают в специфической этнической форме уникальным и неповторимым образом, который и означает индивидуальность, превосходящую этническую общность.

Литература

1. Рыбаков С. Е. Судьбы теории этноса. Памяти Ю. В. Бромлей // Этногр. обозрение. 2001. № 1. С. 16.
2. Вольтман Л. Политическая антропология. М., 2000. С. 132–133.
3. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1985. С. 52.
4. Расовая проблема и общество. М., 1957. С. 302–303.
5. Хаусхофер К. О геополитике. М., 2001. С. 190.
6. Бауэр О. Национальный вопрос и социал-демократия // Нации и национализм. М., 2002. С. 56, 58.
7. Там же. С. 60.
8. Бранский В. П. Социальная синергетика и теория наций. СПб., 2000. С. 12.
9. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. С. 55.
10. Широкогоров С. М. Место этнографии среди других наук и классификация этносов // Широкогоров С. М. Этнографические исследования: В 2 кн. Кн.1. Избранное. Владивосток, 2001. С. 95.
11. Этнополитология / Сост. и авт. вступ. статьи В. А. Тураев. М., 2001. С. 13.
12. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. С. 49.
13. Там же. С. 24–25.
14. Смелзер Н. Социология. М., 1994. С. 245.
15. Сталин И. В. Марксизм и национальный вопрос // Сталин И. В. Соч.: В 2 т. М., 1951. Т. 2. С. 292.
16. Богоявленский Д. Д. Этнический фундамент населения России // Социол. исслед. 2001. № 10. С. 88.
17. Празаускас А. А. Слагаемые государственного единства // Pro et contra. 1997. № 2. С. 23.
18. Подопригора В. Н., Краснопевцева Т. И. Русский вопрос в современной России // Вопр. философии. 1995. № 6. С. 72.
19. Празаускас А. А. Слагаемые государственного единства. С. 23.
20. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. С. 27–28.
21. Исаев М. И. Словарь этнолингвистических терминов. М., 2001.
22. Фадеичева М. А. Этнический индивид и проблема этнического субстрата Проблемы образования, науки и культуры. № 29(2004) Лаборатория ученого. Выпуск 15.

7.5. КЛАССИФИКАЦИЯ ЭТНИЧЕСКИХ ОБЩНОСТЕЙ

Классификация (или типологизация) этнических общностей – одна из наиболее важных в методологическом отношении проблем этнографической науки, основным объектом изучения которой именно эти общности являются. Установление соотношения между многочисленными и очень разнообразными, существовавшими в прошлом и существующими ныне этническими общностями, или, проще говоря, народами (в этнографическом смысле этого слова), группировка общностей, сходных по тем или иным признакам, и отделение классификационных групп друг от друга – все это не только упорядочивает и закрепляет уже накопленные научные результаты, но является одним из основных путей дальнейшего познания существа этнических процессов и закономерностей их развития во времени и в пространстве. В ряде случаев при выборе системы классификации приходится учитывать не только ее теоретическое, но и практическое значение.

Общественные явления и процессы отличаются большой сложностью, и не удивительно, что в гуманитарных науках (к числу которых относится и этнография) научная разработка классификационных систем развернулась позже, чем в естественных науках, охватила лишь часть объектов гуманитарных наук и в настоящее время еще не окончена. Решение проблемы классификации этнических общностей усложнялось тем, что оно, кроме этнографии, затрагивало также философию (прежде всего исторический материализм), социологию и ряд других наук, а потому шло довольно медленно. Классификация эта, как будет показано далее, может идти по нескольким направлениям. Главным среди них представляется исторически-стадиальный подход, нацеленный на выявление основных этапов развития этнических общностей в ходе истории. Однако такой диахронный подход никак не исключает синхронного, тем более что некоторые важные признаки этнической общности, прежде всего культура, с трудом поддаются историческому ранжированию. Необходимость сочетания этих двух подходов особенно ощущается применительно к этнической ситуации в развивающихся странах, где некоторые исторические стадии оказались сдвинутыми, а их признаки нечеткими или смешанными.

Многообразие систем классификации этнических общностей затрудняет их исторический обзор в рамках данной статьи. Касаясь пока лишь стадиального и непосредственно связанного с ним подходов, отметим, что в 20-30-х годах, насколько можно судить по имеющейся литературе, в

качестве основных типов этнических общностей фигурировали «племя» и «нация». В 1941 г. И. В. Арский, основываясь главным образом на работах Ф. Энгельса, детально рассмотревшего процесс этнического развития в Западной Европе, попытался ввести в науку понятие «национальности» как вида этнической общности, характерного для начального периода формирования наций, но это его предложение не было поддержано [1]. В конце 40-х годов сложилась, а затем закрепились практика вести типологизацию этнических, или – как их тогда называли – «исторических» общностей с учетом общественно-экономических формаций; для обозначения типичных общностей первобытнообщинной формации применялся термин «племя», для общностей рабовладельческой и феодальной формаций – термин «народность» (ранее употреблявшийся довольно неопределенно), для общностей капиталистической и социалистической формаций – термин «нация». Каждому из выделенных типов этнических общностей приписывались особые виды внутренних связей: племена – «кровнородственные», народности – «территориальные», нации – «экономические». В качестве своего рода подтипов выделялись рабовладельческая, феодальная, капиталистическая (буржуазная) и социалистическая народности, капиталистическая (буржуазная) и социалистическая нации [2].

Попытка несколько отступить от принятой типологии была сделана в 1964 г. С. А. Токаревым, который пришел к выводу, что рабовладельческой формации свойствен особый тип этнической общности, по своей социальной структуре резко отличающийся от феодальной; для обозначения выделенных им типов этнических общностей рабовладельческой и феодальной формации он предложил названия соответственно – «демос» и «народность» [3]. Это предложение по некоторым причинам (отчасти из-за неудачности термина «демос») не получило широкой поддержки. В ходе развернувшейся в середине 1960-х годов дискуссии вокруг определения понятия нации, ведшейся главным образом на страницах журнала «Вопросы истории», классификационным вопросам, к сожалению, почти не уделялось внимания; заметим, что это, несомненно, ослабило результаты всей дискуссии, так как познать полностью сущность нации без всестороннего сопоставления ее с другими родственными и неродственными ей общностями вряд ли возможно.

Несколько плодотворнее в этом отношении была начата немного позже дискуссия о понятии этнической общности (этнуса). В ходе ее были отчасти подвергнуты критическому анализу существующие принципы типологизации этнических общностей и внесены новые предложения. Н. Н. Чебоксаров высказал предположение, что основным типом этнической общности для первобытнообщинной формации следует считать не племя, а союз племен [4]. Ю. В. Бромлеем было предложено выделять «этникосы» и «этносоциальные организмы» (ЭСО); под первыми понимаются все, в том

числе и территориально рассредоточенные этнические общности, под вторыми – относительно компактные общности, объединенные в «социально-потестарном» (в классовых формациях – в политико-государственном) отношении [5].

В конце 1972 г. появилась интересная статья Ю. В. Бромля, посвященная целиком вопросам типологизации этнических общностей и предлагающая новые пути их решения. Кроме уже упомянутого выделения «этнических» и «ЭСО», автор ввел разграничение по «уровням этнической иерархии», предложив понятия: а) «основные этнические подразделения», или «этноты», – совокупности людей, обладающих наибольшей интенсивностью этнических свойств; б) «элементарные этнические единицы», или «микроэтнические единицы», – те наименьшие составные части основного этнического подразделения, которые представляют предел делимости последнего; в) «макроэтнические единицы» – этнические общности, охватывающие несколько основных подразделений» [6]. Соединение этих принципов с бытующей стадийной типологизацией этнических общностей было представлено в виде оригинальной таблицы. Табличная форма классификации при всей ее наглядности несколько огрубляет сущность явлений, и видимо потому в своих последующих работах автор уже не использовал ее, сохранив, однако, положенный в ее основу структурно-стадийный подход к проблеме и основные связанные с ним выводы [7].

Из числа других появившихся в последнее время работ советских ученых, имеющих отношение к проблеме классификации этнических общностей, следует отметить статьи С. А. Арутюнова и Н. Н. Чебоксарова о применении признака «плотности информации» [8], а также С. И. Брука и Н. Н. Чебоксарова о надэтнических или метаэтнических общностях, к числу которых относятся лингвистические, культурно-хозяйственные, конфессиональные, политические (государственные) и некоторые другие объединения этносов [9]. Отметим также, что в зарубежной науке из-за общей слабой разработанности там теории этнических общностей проблемы классификации этих общностей в полном объеме не ставятся и обычно затрагиваются лишь попутно.

Задачи данной статьи ограничиваются рассмотрением основных принципов классификации собственно этносов; связанные с этим вопросы их внутренних подразделений, а также их внешних объединений будут освещаться лишь постольку, поскольку они относятся к решению главной задачи. При этом представляется целесообразным вначале кратко рассмотреть проблему в целом, а в дальнейшем идти от сравнительно простых или уже достаточно установившихся бесспорных принципов классификации этнических общностей к сложным. Из-за небольшого объема статьи придется в некоторых случаях ограничиться лишь констатацией

основных положений и формулировкой встающих перед исследователями вопросов, надеясь, что уже это явится шагом к их решению.

Исходной базой классификации этносов или этнических общностей должно быть, несомненно, понятие этнической общности, отделяющее ее от других социальных образований; авторы, игнорирующие такую базу, получают большую свободу для классификационных манипуляций, однако научная ценность их построений сразу же оказывается проблематичной. Разработка понятия этноса, или этнической общности, еще не вполне завершена, но основные стороны его уже достаточно установлены. Этническую общность можно определить как особую исторически возникшую форму социальной группировки людей. Основными условиями ее возникновения является общность территории и языка, обычно выступающих затем и в качестве признаков этнической общности. Нередко, например при сложении наций Америки, общность языка достигалась в ходе развития хозяйственных, культурных и других связей между разноязычными компонентами, т. е. представляет собой не столько предпосылку, сколько результат этногенеза.

В качестве дополнительных условий или факторов сложения этнических общностей может выступать общность религии, а также близость компонентов этноса в расовом отношении или образование значительных переходных (метисных) групп между резко различными в расовом отношении компонентами, как произошло, например, при формировании бразильцев, кубинцев и других латиноамериканских наций.

В ходе этногенеза под влиянием различных факторов, в том числе особенностей природных условий этнической территории, складываются характерные для этнической общности черты материальной и духовной культуры, быта, групповых психологических характеристик; наряду с этим вырабатывается этническое самосознание, появляется основное общее самоназвание – этноним; все эти элементы этнической общности могут быть также использованы в качестве ее признаков. Сформировавшаяся этническая общность выступает как социальный организм, самовоспроизводящийся путем преимущественно этнически однородных браков и передачи новому поколению языка, культуры, традиций, этнической ориентации и т. д.; для более устойчивого своего существования она стремится к созданию своей социально-территориальной организации (в классовом обществе – к государству или административно-территориальной автономии).

С течением времени отдельные части сформировавшейся этнической общности могут разобщиться территориально, члены ее, переселившись в другие природные, социально-экономические и политические условия, могут изменить многие стороны культуры и быта, перейти на язык другой этнической общности, однако пока у них сохраняется этническое самосознание (учитываемое в переписях и других формах статистики),

представление об общности происхождения, специфические рудименты культуры и традиций и т. п., они считаются принадлежащими к прежней этнической общности [10].

В основу классификации этнических общностей могут быть положены почти все элементы этнической общности – язык, территория, культура и др., а также ее так называемые параметры – численность, половозрастной состав, социально-классовая структура и т. д. Почти каждый из таких классификационных признаков может выступать в синтезирующей и в аналитической роли, отражать в той или иной степени диахронный и синхронный подход.

Начиная с классификации этносов по языку, отметим, что среди нескольких применяемых лингвистами классификаций языков для этнических целей наиболее подходит генеалогический принцип, по которому родственные по своему историческому происхождению языки объединяются в языковые группы и семьи (например, славянская, германская, романская и другие языковые группы индоевропейской семьи). Такая классификация, применяемая, например, для группировки народов на этнических картах, имеет ряд достоинств. Главное из них состоит в объективности и этнической важности языкового признака;

кроме того, в большинстве случаев языковое родство народов указывает на близость их происхождения, на сходство их культуры и т. д. Впрочем, нередко языковая близость не совпадает с этнокультурной; так, венгры, объединенные в одну-угорскую, группу языков с обитающими в долине Оби хантами и манси, резко отличаются от них по культуре да и по антропологическим признакам, приближаясь в этом отношении к своим европейским соседям – австрийцам, румынам и др. В свою очередь, австрийцы имеют мало общего с объединенными с ними в одной германской группе англоавстралийцами или либерийцами, а румыны – с говорящими на языках романской группы народами Южной Америки. Будучи обращенной в прошлые лингвистические связи, эта классификация не вполне учитывает языковую эволюцию; так, ирландцы до сих пор включаются в кельтскую группу, хотя подавляющее большинство их уже давно полностью перешло на английский язык.

Особо подчеркнем, что само соединение народов в лингвистические группы, даже после прибавления приставки «этно», еще не приводит к превращению таких групп в этнические подразделения. Этническую общность не образуют даже народы, говорящие на одном и том же языке (например, на немецком – немцы, австрийцы и др.); тем более ее не образуют народы, говорящие на различных языках. Выдвигавшиеся в прошлом в политических целях лозунги «пангерманизма», «пантюркизма», «панславизма» и т. п. не имели под собой, как известно, реального этнического объединения народов.

Кроме рассмотренной классификации этнических общностей по языку, могут быть применены и такие, в которых язык выступает не в синтезированном лингвистами виде, а в своих реально бытующих среди частей этнической общности вариациях. При таком подходе можно выделить монолитные в языковом отношении народы и – отдельно – народы с сильными языково-диалектными различиями (к последним относятся, например, немцы и особенно китайцы, отдельные группы которых при речевом общении почти не понимают друг друга); могут быть выделены народы моноязычные, а также народы, внутри которых широко распространено двуязычие (например, парагвайцы с индейским языком гуарани и испанским, фламандцы с фламандским и французским, мордва с эрзянским или мокшанским и с русским языком и др.), и народы, в значительной степени перешедшие на язык соседнего, более крупного этноса (например, уэльсцы – на английский язык, фриулы – на итальянский язык и др.) и т. д.

Достаточно объективным классификационным признаком является и территория. В обобщающих этнографических очерках и на учебных картах народов наиболее часто применяется объединение народов по крупным географическим и историко-географическим областям, например «народы Поволжья», «народы Кавказа», «народы Южной Азии» и т. п. Такая группировка этнических общностей отражает не только сходство природных условий их жизни, но часто и близость их исторических судеб, значительное сходство в типе хозяйства и в культурно-бытовой сфере (особенно в материальной культуре). Следует учесть, однако, что территориальный принцип группировки народов, обычно подчеркивающий особенности их современного размещения, как и языковой, указывающий на более или менее давние связи, может иногда создать превратное представление об их этнической близости; достаточно показательны в этом отношении африканеры (буры), которые в географическом отношении принадлежат к «народам Южной Африки», резко отличаясь в языково-культурном и антропологическом отношении от коренных бантуязычных этносов. Такие недостатки территориальной и языковой классификации существенно нивелируются при их параллельном применении.

В последнее время, главным образом в связи с исследованием этнических процессов, стала разрабатываться классификация народов по видам их этнических территорий и особенностям расселения. Компактность территории и сравнительная плотность заселения ее одним и тем же народом, подобно языковой монолитности, во многом способствует его этнической целостности. Редкое расселение (например, при кочевом скотоводстве или охотничьем типе хозяйства) тормозит процесс укрепления этнических связей и национальную консолидацию; утрата целостности этнической территории, смешение с другими этническими общностями и особенно полный

территориальный отрыв групп людей от основного этнического ядра, превращение их в этнические меньшинства, подобно двуязычию и перемене языка (с которыми эти процессы часто сопрягаются), почти неизбежно приводит со временем к этнической ассимиляции этих групп. На этих принципах сравнительно легко построить типологический ряд с той или иной степенью детальности [11].

Классификация этнических общностей по признаку культуры, очевидно, из-за разносторонности и некоторой неопределенности понятия "культуры" до сих пор почти не разработана; применявшееся в прошлом деление народов мира на «цивилизованных» и «дикарей» и подобные им ошибочные или неточные группировки, конечно, в счет не идут [12]. Вряд ли можно уложить в какой-то классификационный ряд и развитие культуры в ходе исторического процесса; к тому же в этом случае культура уже очень сильно отрывается от этноса. Более объективный вид имела группировка этнических общностей по отдельным элементам их культуры, например «письменные» и «бесписьменные» народы, «промышленные» и «аграрные» общества и т. д. Сильное – особенно в прошлом – влияние, оказываемое религией на духовную культуру и быт людей, позволило в ряде случаев довольно успешно применять группировку этнических общностей по признаку религиозной принадлежности («мусульманские народы», «католические народы» и т. п.) [13]. Следует отметить, что в этом случае некоторые этносы делятся на части. Последнее относится не только к религии, но и к материальной и духовной традиционной культуре, не всегда совпадающей с этносом. В литературе отмечены многочисленные случаи сильной дифференциации элементов и даже комплексов материальной культуры внутри одного и того же народа, особенно внутри крупных наций, части которых обитают в различных природных условиях, и, напротив, – сильное сходство их у различных, чаще всего соседних народов [14]. При описании многих народов мира обычно отмечается наличие внутри них особых этнографических групп, отличающихся своеобразными элементами материальной и духовной культуры, а нередко и самоназваниями (например, среди украинцев – бойки, лемки, гуцулы и др.). К сожалению, единые принципы выделения таких групп еще не разработаны, и использовать их для целей классификации этносов по степени их внутренней этнографической дробности крайне затруднительно.

В последние десятилетия советскими этнографами разрабатывается и довольно широко применяется понятие «хозяйственно-культурного типа» как исторически сложившихся особенностей хозяйства и культуры, характерных для народов, находящихся примерно на одинаковом уровне социально-экономического развития и живущих в сходных естественногеографических условиях (например, тип «арктические охотники на морского зверя», «скотоводы сухих степей и полупустынь» и т. п.) [15]. Однако

прослеживаемые в этой типологии природно-хозяйственно-культурные связи вполне определены и более или менее закономерны главным образом для сравнительно ранних этапов развития общества. Кроме того, при применении ее в целях этнической классификации даже небольшие этносы (например, чукчи и коряки, часть которых занимается кочевым оленеводством, а часть – морскими промыслами) оказываются рассеченными; еще более нелегко применять ее для группировки крупных этнических общностей, отличающихся многоукладностью хозяйства и разнообразием культуры. Трудность применения этой типологии для современности обусловлена тем, что еще с развертыванием промышленно-технической революции, исторически совпавшей со становлением капитализма, хозяйственно-культурные типы предыдущих эпох начинают разрушаться, на их месте складываются новые экономико-географические комплексы, связи которых с традиционной культурой очень сложны и не всегда определены.

При попытках использования для классификации этносов те или иные психологические характеристики, входящие в понятие общности психического склада или национального характера, признаваемого до сих пор некоторыми авторами в качестве обязательного признака этноса (особенно нации), трудности по сравнению с использованием культурных характеристик многократно возрастают. В настоящее время нет ни одной работы, в которой намечалась хотя бы попытка подхода к этой проблеме, что лишний раз говорит о спорности такого признака. Значительно проще обстоит дело с использованием в классификационных целях вариаций этнического самосознания, частично отражающихся в этнонимах. Могут быть выделены, в частности, этносы с моноэтническим самосознанием и еще не вполне консолидировавшиеся этносы, внутри которых имеются группы с двойным самосознанием; можно выделить также народы с одним этнонимом и народы, у которых самоназвание не совпадает с названиями, данными ему соседними народами и т. п.

Среди параметров этнических общностей наиболее объективными и простыми в классификационном отношении являются демографические характеристики, прежде всего численность. Отметим в связи с этим, что численность народа не только характеризует его размеры, но и отражает в какой-то степени его этническую историю. Количество нередко и здесь переходит в качество; формирование и развитие крупных народов обычно значительно отличается от формирования и развития мелких этнических общностей; взаимодействие народов и обусловленное им развитие этнических процессов также во многом определяется численным соотношением контактирующих групп. При исследовании этнических процессов количественные соотношения обычно рассматриваются в тех или иных территориальных рамках (административных границах). Количественный критерий учитывается не только при выделении так

называемых национальных или этнических меньшинств, но и имеет значение для более широкой типологизации; намечается тенденция использовать его, например, для отчленения «наций» как крупных этнических общностей от предшествовавших им в историческом развитии племенных и других образований. Классификация этнических общностей по другим демографическим показателям, например по особенностям возрастного состава на «молодые» и «стареющие» (с повышенным процентом пожилых возрастов) народы, почти не применяется.

Этнические общности являются социальными образованиями, поэтому при классификации их ведущее значение нередко придается политическим и социально-классовым параметрам, прежде всего наличию или отсутствию своей социально-территориальной (государственной) организации и особенностям социально-классового состава.

Заметим, что наличие своей социально-территориальной организации (с определенными координационными или потестарными органами) является одним из важнейших условий устойчивого существования и нормального развития этнической общности. Племя как этническая общность представляет собой обычно и форму социальной организации, во главе которой стоит совет старейшин и вождь племени. Когда же с возникновением классового общества на смену родо-племенной организации приходит государство, этническая общность стремится к государственному оформлению. В новое время, как указывал В. И. Ленин, «образование национальных государств... является... тенденцией (стремлением) всякого национального движения» [16]. Однако такая тенденция не всегда реализуется, к тому же национальные движения развиваются не у всех этнических общностей; довольно разнообразны и формы национальной государственности: от самостоятельных национальных государств до выделяемых с учетом национального признака административных районов и округов в пределах многонациональных государств, а также наличие внутри этнических территорий каких-то форм инациональной государственности. Все эти градации могут быть использованы в классификационных целях.

Предложение Ю. В. Бромлея выделять «этнико́сы» и «этносоциальные организмы» (или ЭСО) несколько упрощает многообразие сочетаний этнических общностей с различными формами социально-территориальной (в том числе государственной) организации. Нетрудно заметить, что понятие «этнико́са» (названное «узким») близко к приведенному выше понятию этнической общности. Что же касается понятия ЭСО, то оно в целом совпадало с рамками этнической общности лишь в первобытнообщинную эпоху, на племенной стадии. В последующие эпохи из-за территориального распространения и смешения народов оно стало охватывать, как правило, лишь более или менее значительную часть этнических общностей (например, украинцы в пределах Украинской ССР, чехи в пределах Чехословакии и др.).

Однако часть (пусть даже преобладающая) этнической общности, видимо, должна фигурировать в классификационном ряду не на равных правах с этносами, а таксономически ниже их.

Некоторые замечания вызывает и сам термин «этносоциальный организм». Выше уже отмечалось, что любая этническая общность, пока она существует и воспроизводит себя (а это стремление характерно обычно и для ее отколовшихся частей), может именоваться «социальным организмом». Привязка понятия «социального организма» только к потестарным (в том числе к государственно-политическим) общностям несколько обедняет его содержание. Кроме того, наметившееся типологическое противопоставление «этнического» «этносоциальному» может нарушить сложившееся представление об этносе как о социальном (а не биологическом, например) образовании. Более точным и – главное – более отвечающим духу предложения Ю. В. Бромлея был бы, вероятно, термин «этнопотестарный организм» (ЭПО).

Таким образом, при классификации этнических общностей могут быть выделены в первом приближении этносы, не имеющие и имеющие свои ЭПО, а внутри имеющих их – собственно ЭПО и части этнической общности, оставшиеся за его рамками (например, украинцы вне Украинской ССР в других республиках страны, украинцы в Канаде и т. п.). Ведущим признаком для выделения ЭПО в классовом обществе является, конечно, наличие своей национальной государственности; в связи с этим случаи, когда этносы не имеют своей государственности (например, украинцы, белорусы и другие народы в царской России), не вполне подходят под понятие ЭПО.

Существование этнических общностей как особых, исторически возникающих и исторически изменяющихся социальных групп людей во многом определяется спецификой их внутренней социальной (или социально-классовой) структуры. Переходя к рассмотрению классификации этнических общностей по такому важному их параметру, как социальная структура, заметим, что основные звенья этой структуры – общественные классы – связаны, как известно, с исторически определенными способами производства, с общественно-экономическими формациями. Выше при выделении ЭПО по признаку государственности не учитывалась историческая изменчивость «государственности», хотя рабовладельческое государство существенно отличается, например, от капиталистического или социалистического. Когда же мы применяем для классификации этнических (а также государственных, религиозных и других) общностей признаки социальной структуры, на передний план почти неизбежно выступает, историко-стадиальный, формационный подход.

Большая значимость типологии этнических общностей по социально-классовой структуре, обусловленной общественно-экономическими формациями, была отмечена С. А. Токаревым. Вполне логичной в этой связи

выглядит и его идея о выделении для рабовладельческой формации особого по социальной структуре типа этнической общности («демоса»), отличного от общностей феодальной формации («народностей»), хотя данная им характеристика сущности этих типов этнической общности представляется неточной [17]. Не менее логичным, однако, представляется здесь и типологическое отделение этносов капиталистической формации от этносов социалистической (как стадии коммунистической) формации, тем более что специфичная, лишенная эксплуататорских классов социальная структура последних действительно требует этого. Для обозначения выделенных типов этнической общности, видимо, нецелесообразно применять «собственные» термины – «демос», «народность» и т. п.; учитывая формационный принцип их выделения, следует назвать их соответственно: «этнос с первобытнообщинной структурой», «этнос с рабовладельческой структурой» и далее – феодальной, капиталистической и социалистической структурой, или сокращенно – ЭПС, ЭРС, ЭФС, ЭКС, ЭСС.

Основные проблемы, встающие при классификации этнических общностей по социальной структуре, связаны с практическим применением этой классификации. Имеющиеся здесь серьезные трудности обусловлены тем, что в отличие от рассмотренных выше классификаций, в основе каждой из которых обычно лежал лишь один признак (близость языков, компактность территории и т. д.), определяя социальную структуру той или иной формации, мы пользуемся особыми комплексами признаков, причем, толкование одних и тех же признаков неоднозначно: рабочий класс при социализме, например, существенно отличается от рабочего класса (пролетариата) при капитализме. Кроме того, положенные в основу этой типологизации «классические» случаи социально-классовой структуры трудно совмещаются с многообразной исторической действительностью; так, понятие ЭРС как типа этнической общности, характеризующегося наличием класса рабовладельцев и рабов, может оказаться неприменимым и для многих этнических общностей, существовавших в так называемых «восточных деспотиях» (Древний Египет, Ассирия-Вавилония, Древняя Индия и др.), где класс рабовладельцев был немногочисленным, а основную массу составляли юридически свободные сельские общинники. Да и в настоящее время ряд развивающихся стран по их социально-экономическим особенностям трудно отнести полностью к капиталистическим или к социалистическим. Поэтому данная типологизация этносов требует разработки и уточнения.

Обращаясь в заключение к анализу бытующей в нашей литературе классификации этнических общностей по их так называемым историческим типам – «племя» – «народность» – «нация», необходимо отметить, что лежащие в основе этого типологического ряда классификационные признаки в целом довольно неопределенны. Имеющиеся попытки уточнить эту

типологию, сделать ее более «работоспособной», пока признаются как недостаточно удачны.

Выше уже говорилось о важности тех систем классификации этнических общностей, которые отражают историзм их развития. Историческим материализмом установлено, что основные стадии развития человеческого общества составляют пять общественно-исторических формаций. Каждая из этих формаций отличается от других рядом признаков, основные из которых связаны с исторически определенным способом производства. В этом случае возьмем ли мы за основу классификации особенности социальной структуры или другой значимый формационный признак, мы неизбежно получим пять исторических типов этнических общностей, а не три. Какими же реальными обстоятельствами определяется выделение таких «исторических типов», как племя, народность и нация?

Переходя к рассмотрению этих «типов» этнических общностей, начнем с «племени», под которым принято понимать общность, характерную для доклассовой, первобытнообщинной эпохи. Таким образом, выделение «племени» основано на формационном подходе. В известном определении индейского племени, данном Ф. Энгельсом, в число основных признаков этой общности включены: собственная территория и собственное имя, особый, лишь одному этому племени свойственный диалект, право торжественно вводить в должность избранных родами сахемов и военных вождей, а также смещать их, общие религиозные представления (мифология) и обряды культа, совет племени для обсуждения общих дел [18]. Видное место в этом определении занимают признаки племени как этнопотестарного организма с особыми органами власти. В целом же такое определение, относящееся к сравнительно развитым племенам, находившимся в тех или иных контактах с европейцами и стоявшими на рубеже перехода к классовому обществу, не вполне подходит к менее развитым этническим образованиям доклассовой эпохи, например к австралийцам, бушменам и т. п.

Попыткой уточнить определение племени является часто встречающаяся, например, в работах философов идея о том, что этот тип общности основывался на кровнородственных связях. Однако эта идея неточна; такие связи объединяют людей внутри рода (позже – поколения внутри семей) и являются, в частности, препятствием для заключения кровнородственных браков; между членами же разных родов внутри племени подобные браки закономерны. Поэтому, определяя племя, можно говорить лишь о том, что кровнородственные связи обуславливают его внутреннюю структуру (деление на роды или фратрии). Делая упор на социальную структуру, мы вплотную приближаем понятие племени к предложенному выше понятию

Предложение называть племенами в развитом первобытном обществе лишь этнопотестарные организмы сужает рамки этого термина, а выдвинутое

в связи с этим в дополнение к прежнему понятию племени понятие «соплеменности», охватывающей как племя, так и членов племени, проживающих за его пределами [19], представляется не столь уж существенным из-за крайней малочисленности таких изгоев. Одной из отличительных черт племени почти на всем протяжении первобытной эпохи является целостность этнической территории, заселенной членами лишь одного племени и имевшей строго соблюдаемые границы [20]; известно, что изгнание из племени было обычно равноценно смертному приговору. Падение племенных границ, переселение на территорию других племен и, наконец, территориальное смешение племен характерно, как указывает Ф. Энгельс, для стадии разложения родо-племенного строя [21]. Именно для этой переходной к классовому обществу стадии характерно и появление более или менее оформленных союзов племен, которые Н. Н. Чебоксаров, как уже отмечалось выше, предложил выделять в качестве особых типов этнической общности.

Заметно сложнее обстоит дело с определением и выделением понятия «нации» как типа этнической общности, его практическим применением. Примером этого может служить мордва [22].

В ходе упомянутой дискуссии [23] вокруг определения понятия «нация» было отмечено, что в нем отсутствует такой важный признак, как этническое (национальное) самосознание.

Ведущее значение на практике обычно придавалось признаку государственности, не включенному в известное определение нации; нетрудно установить, например, что в изданных в СССР справочных изданиях (например, энциклопедиях) «нациями» именуется лишь те народы СССР, которые имеют свои союзные или автономные республики. Некоторые участники упомянутой дискуссии предлагали включить в определение нации признак государственности [24]; очевидно, что в этом случае понятие "нация" приближается к понятиям этнопотестарных организмов капиталистического и социалистического общества. В таком подходе есть рациональное зерно, однако простой перенос «практики» в «теорию» здесь не вполне удобен. Возникновение нации и ее границы в этом случае обуславливаются политико-административными актами; получается, например, что украинцы окончательно стали нацией лишь в 1918 г., что «отрезанные» республиканскими границами группы украинцев из соседних областей РСФСР не принадлежат к украинской нации, что немцы ГДР и ФРГ или, например, северные корейцы и южные корейцы стали особыми отдельными нациями чуть ли не сразу после политического разделения прежних государств и т. д. и т. п. Хотя такое понимание «нации» становится привычным, однако для своего утверждения потребует еще немало времени. Следует, вероятно, учитывать не только наличие своей национальной

государственности, но и массовых движений, направленных на создание такой государственности.

Установление ведущего признака или нескольких признаков, отделяющих нацию от каких-то других существующих одновременно с ней этнических общностей (обычно называемых «народностями», «племенами», «национальными» или «этническими» меньшинствами и т. п.), еще не решает вопроса о выделении ее как исторического типа этнической общности, ибо народы, имевшие, например, свою государственность, существовали и в далеком прошлом. Простая ссылка на то, что нация-это этническая общность капиталистической или социалистической формации, в классификационном отношении, видимо, недостаточна; впрочем, в предлагаемых теперь (и, кстати сказать, значительно разнящихся) определениях нации часто нет и такой ссылки [25].

Нельзя не сказать, наконец, о получившем распространение главным образом после названной выше статьи М. С. Джунусова взгляде на нацию не как на этническую, но как на «социально-этническую» общность, относя к этническим общностям лишь племена и народности. Подобный взгляд дает авторам, работающим над теорией нации, возможность в той или иной степени абстрагироваться от теории этнической общности и от ее научного понятия, но вызывает по меньшей мере две новые серьезные проблемы. Первая из них связана со скрытым намеком на якобы несоциальную природу этнического; вторая – с необходимостью обрыва классификации этнических общностей при подходе к капиталистической эпохе и необходимостью помещения "нации" в какой-то другой классификационный ряд. Что же касается стоявшего и ранее вопроса о том, почему понятие нации охватывает собой общности капиталистической и социалистической эпох, столь различных по своим социально-экономическим параметрам, то острота его после добавления слова «социально» только усиливается.

Неблагополучнее всего обстоит дело с определением и выделением «народности». Достаточно четкого определения этого понятия, несмотря на усилия, предпринятые отдельными учеными [26], не было и нет; в литературе применение термина «народность» обычно не ограничивается этническими общностями рабовладельческой и феодальной эпохи, а распространяется на все этносы классового общества, к которым по тем или иным причинам не прилагается термин «нация». Таким образом, «народностью» оказывается, например, и один из крупнейших и развитых народов древности – египтяне, имевшие свое государство, письменность, религиозную систему и т. п., и незначительные по численности нганасаны (менее 1 тыс. человек) – охотники на северного оленя, живущие в настоящее время мелкими группами на территории Таймыра.

Встречающиеся, ссылки на то, что специфика народности как типа этнической общности определяется якобы лежащими в ее основе

«территориальными» связями в отличие от нации, характеризующейся связями «экономическими», не выдерживают критического анализа. Территория является материальной базой для развития различных видов связей – хозяйственных, культурных и других, обслуживая в этом отношении все типы этнических (да и многие неэтнические) общностей. Существуют и собственно территориальные или соседские связи, но они по своей сути имеют узкие рамки и обычно не выходят за пределы селения (сельской общины), реже-группы близлежащих селений; тем самым они не могут создать основу для существования сколько-нибудь крупной этнической общности [27]. Для древнерусской, например, народности, «территориальные» связи сами по себе были не более крепкими и не более специфичными, чем для какого-нибудь индейского племени или для современной белорусской нации.

Экономические связи в развитых классовых формациях, к которым приурочивается существование наций, в целом действительно стали более тесными, чем раньше, причем процесс национальной консолидации во многих случаях совпадал с процессом экономической и политической консолидации. Однако эти связи, основанные на разделении труда в процессе общественного производства, определяют собой лишь экономическую общность людей (например, экономический район или даже колхоз). Экономическая общность людей часто совпадает с этнической, но часто, особенно в многонациональных странах, где этносы смешаны территориально, и не совпадает. «...Именно экономическая и политическая жизнь капиталистической страны, – писал В. И. Ленин, – заставляет на каждом шагу ломать нелепые и устарелые национальные перегородки и предрассудки... В акционерных обществах сидят вместе, вполне сливаясь друг с другом, капиталисты разных наций. На фабрике работают вместе рабочие разных наций» [28]. Применительно к Советскому Союзу обычно говорят о наличии определенной экономической общности внутри республик, однако почти все национальные республики имеют многонациональный (особенно в городах) состав населения, и экономические связи в них основываются не на национальной, а на профессиональной принадлежности людей [29].

Нередко народности отличаются от наций своей как бы отстающей в развитии классовой структурой. Считается, например, что хотя народности включены в социальные отношения соответствующих формаций, однако в их социальной структуре удельный вес ведущих классов формаций (буржуазии и пролетариата – в капиталистической, рабочего класса – в социалистической) сравнительно невелик; преобладающим социальным слоем, как и при предшествующих формациях, остается крестьянство [30]. Вопросы, связанные с применением для этнической классификации признака социальной структуры, рассматривались выше. Поэтому отметим лишь, что

имеющийся в данном высказывании рационализм несколько ослаблен неопределенностью «количественных» критериев социальной структуры; достаточно напомнить, что на начало XX в. подавляющее большинство уже сложившихся наций (русской, украинской, французской и др.) оставались преимущественно крестьянскими; к тому же по проценту рабочих часть из них уступала, например, уэльской и эльзасской «народностям», которые, оставаясь таковыми и в настоящее время, имеют в своем составе сравнительно мало крестьян. Очень трудны для своего практически-классификационного применения имеющиеся интересные предложения отграничивать народность от нации по интенсивности культурно-информационных связей горизонтального (синхронного) характера [31].

Для дальнейшей разработки классификационного ряда в направлении «племя» – «народность» – «нация» и уточнения «исторических типов» этнических общностей следует, вероятно, применить более строго формационный подход. При этом необходимо учитывать, что связь какого-то термина с признаками определенной общественно-экономической формации приведет к трудности или даже невозможности применения его для обозначения общностей, живущих в других формациях. Если, например, «народность» полагается типом общности, характерным для феодальной формации, и определяется в социальном отношении наличием класса феодалов и класса крепостных крестьян, то естественно, что этот термин уже не очень удобно применять для обозначения этнических общностей, живущих в СССР.

Мы рассмотрели основные из уже применяющихся или предложенных систем и принципов классификации этнических общностей. Могут быть, вероятно, предложены и другие системы, естественно связанные с понятием этнической общности или созданные относительно произвольно; существовавшие в прошлом и существующие ныне этнические общности настолько разнообразны, что, по-видимому, даже для абстрактных схем можно подобрать какие-то «типичные» примеры. Теоретическая и практическая ценность каждой из таких классификаций должна проверяться детальным научным анализом.

При этом перед исследователями, желающими применить сложные принципы классификации этнических общностей, «разложить по полочкам» сильно размытые или вообще недостаточно определенные до сих пор этнические понятия и термины, как было показано выше, стоит еще немало трудных задач и «каменной преткновения».

Литература

1. Арский И. В. Вопрос о формировании национальностей в Западной Европе.- Учен. зап. ЛГУ, 1941. Сер. ист. наук, вып. 12.

2. Архангельский Л. М. Племя, народность, нация как исторические формы общности людей. М.: Высшая школа, 1961.
3. Токарев С. А. Проблема типов этнических общностей (к методологическим проблемам этнографии).-Вопросы философии, 1964, № 11.
4. Чебоксаров Н. Н. Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых,-Советская этнография (далее-СЭ), 1967, № 4.
5. Бромлей Ю. В. Этнос и этносоциальные организмы.- Вестник Академии наук СССР, 1970, № 8; он, же. К характеристике понятия "этнос".- В кн.: Расы и народы. М.: Наука, 1971, вып. 1.
6. Бромлей Ю. В. Опыт типологизации этнических общностей.-СЭ, 1972, №5.
7. Бромлей Ю. В.. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973, с. 125-152.
8. Арутюнов С. А., Чебоксаров Н. Н.. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества.- В кн.: Расы и народы. М.: Наука, 1972, вып. 2.
9. Брук С. И., Чебоксаров Н. Н.. Метаэтнические общности.-В кн.: Расы и народы. М.: Наука, 1976, вып. 6.
- 10.Козлов В. И. Динамика численности народов М.: Наука, 1969, гл. 1, 3.
- 11.Современные этнические процессы в СССР М о Наука 1975 , с. 135-139.
- 12.Чесноков Г. Д. Современная буржуазная философия истории. Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1972.
- 13.Брук С. И., Чебоксаров Н. Н. Метаэтнические общности, с 23- 24.
- 14.Шенников А. А. О понятии "этнографический комплекс".-Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР, 1967, вып. 3.
- 15.Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области.-СЭ, 1955, № 4; Андрианов Б. В., Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы и проблемы их картографирования.-СЭ, 1972, № 2.
- 16.Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 259.
- 17.Козлов В. И. Динамика численности народов, с. 65-66).
- 18.Маркс К-, Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 92-93.
- 19.Бромлей Ю. В. Этнос и этнография, с. 131.
- 20.Косвен М. О. Очерки истории первобытной культуры. М.: Изд-во АН СССР, 1953, с. 124.
- 21.Маркс К; Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 168-169.
- 22.С давних пор мордва делится на две основные группы - эрзю и мокшу, говорящих на особых, имеющих свою литературную форму языках; значительная часть мордвы в последние десятилетия полностью перешла на русский язык. Мордва не имеет и общности территории, уже в течение нескольких столетий она живет отдельными "островками" среди инонационального (преимущественно русского) населения; естественно, что у нее не могла возникнуть и особая экономическая общность. Эрзя и

- мокша имели существенные отличия в области культуры, позднее такие различия появились и среди территориально разобщенных групп мордвы.
- 23.Рогачев П. М; Свердлин М. А. О понятии "нация".- Вопросы истории, 1966, № 1; Джунусов М. С. Нация как социально-этническая общность.- Вопросы истории, 1966, № 4; Калтахчян С. Т. К вопросу о понятии нации.- Вопросы истории, 1966, № 6; Козлов В. И. Некоторые проблемы теории нации.- Вопросы истории, 1967, № 1 и др.
  - 24.Ананченко Н. П. От нации к интернациональной общности людей.- Вопросы истории, 1967, № 3; Мнацаканян М. И. Нация и национальная государственность.- Вопросы истории, 1966, № 9.
  - 25.Калтахчян С. Т. определяет нацию как "историческую общность людей, складывающуюся в ходе формирования общности их экономических связей, территории, литературного языка, некоторых особенностей культуры и характера" {Калтахчян С. Т. Ленинизм о сущности нации и пути образования интернациональной общности людей. М.: Изд-во МГУ, 1976, с. 74. {Куличенко М. И. Национальные отношения в СССР и тенденции их развития. М.: Мысль, 1972, с. 29).
  - 26.Агаев А. Г. К вопросу о теории народности (закономерности социалистического развития народностей в СССР). Махачкала: Дагкнигоиздат, 1965).
  - 27.Козлов В. И.. Этнос и территория.-СЭ, 1971, № 6.
  - 28.Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 134.
  - 29.Подробнее об этом см.: Козлов В. И. Этнос и экономика, этническая и экономическая общности.-СЭ, 1970, № 6.
  - 30.В прошедшей дискуссии с таким предложением выступили, например, П.М. Рогачев, М. А. Свердлин (О понятии "нация".- Вопросы истории, 1966, № 1). См. также: Бромлей Ю. В. Этнос и этнография, с. 147.
  - 31.Арутюнов С. А; Чебоксаров Н. Н. Передача информации...
  - 32.Исследования по общей этнографии / Под ред. Ю.В. Бромлея. М., 1979.

7.6. УРАЛЬСКАЯ РАСА

Уральская раса – раса, занимающая промежуточное положение между европеоидной и монголоидной расами и характеризуется набором антропологических признаков и их своеобразным сочетанием. К ним относятся: грацильность телосложения. Характеризуется прямыми тёмными волосами, средним развитием третичного волосяного покрова, умеренной пигментацией кожи, преимущественно карими глазами, иногда уплощённым лицом, сильно развитой складкой верхнего века, узким, умеренно выступающим носом с вогнутой спинкой. Распространена в Западной Сибири (ханты, манси, северные алтайцы и некоторые группы хакасов) [1].

Вариантом уральской расы является лапоноидная раса, представителями которой являются саамы.

В разное время среди антропологов то преобладала точка зрения, что уральская раса – результат смешения европеоидов и монголоидов, то было больше сторонников её не метисного происхождения. В настоящее время многие антропологи склоняются к компромиссному решению, признавая наличие как генного потока между монголоидами и европеоидами, так и вклад в формирование этой расы недифференцированных типов [2].

Выделяется только при популяционном подходе. Выделена под этим именем Н.Н. Чебоксаровым (1951) как малая раса в составе большой монголоидной расы [3]. В учебнике Я.Я. Рогинского и М.Г. Левина (1963) занимает промежуточное положение между европеоидной и монголоидной расами [4]. В.П. Алексеев (1974) включал эту расу в азиатскую (монголоидную) ветвь [5]. В схеме В.В. Бунака (1980) эта раса – единственное ответвление уральской расовой ветви восточного расового ствола [2]. В классификации А.И. Дубова (1994) уральская раса называется метисной [3].

К уральской расе (в широком смысле) относятся народы, проживающие от Фенноскандии на западе до Енисея на востоке: саамы, мордва, коми, чуваша, мари, манси, ханты, ненцы, селькупы, нганасаны, кеты, а также некоторые группы русских, башкир, алтайцев, сибирских татар. Внутри расы выделяются несколько антропологических типов: лапоноидный, сублапоноидный, субуральский, уральский. Некоторые исследователи (А.Н.Багашев) считают спорным выделение уральской расы и предлагают объединить население со своеобразным промежуточным комплексом антропологических признаков (хантов, манси, нарымских селькупов, томских татар и чулымцев) в западно-сибирскую расу.

Существуют три принципиально различающиеся гипотезы о происхождении уральской расы. Согласно первой (Г.Ф.Дебец и др.), она сложилась в результате смешения европеоидных и монголоидных групп на территории их долговременного взаимодействия, в пользу чего свидетельствует расположение относимых к ней народов между ареалами больших рас, отчетливое нарастание «монголоидности» с запада на восток и «европеоидности» в обратном направлении. Сторонники второй гипотезы (В.В.Бунак и др.) полагают, что население уральской расы унаследовало черты древнейшего «недифференцированного» антропологического комплекса (типа), существовавшего еще до разделения человечества на европеоидный и монголоидный расовые стволы. Подтверждением этой позиции является своеобразное сочетание «европеоидных» и «монголоидных» признаков (например, светлой пигментации волос и уплощенности лица), а также проживание некоторых относимых к уральской расе народов (скандинавских саамов) вне территории традиционных

контактов европеоидов и монголоидов. Третья гипотеза (А.Н.Багашев, А.И.Дубов) предполагает, что формирование «промежуточного» комплекса признаков у разных групп европеоидного и монголоидного населения происходило конвергентно в сходных экологических условиях и имело адаптивный характер. В пользу этого свидетельствует значительное разнообразие входящих в уральскую расу народов, а также наличие у ряда групп классических европеоидных или монголоидных признаков.

До настоящего времени проблема древности и истоков формирования уральской расы является дискуссионной в антропологии. Тем не менее, по оценке специалистов, самые ранние, датируемые эпохой неолита-энеолита антропологические находки на территории Урала (Шигирский торфяник, грот Дождевой Камень) относятся к уральской расе.

Литература

1. Перевозчиков И.В. Проблема «третьей» расы // Горизонты антропологии: Труды международной научной конференции памяти академика В.П. Алексеева. – М.: Наука, 2003. – С. 97.
2. Бунак В. В. Род Ното, его возникновение и последующая эволюция. – М.: Наука, 1980.
3. Дубов А.И. К вопросу о классификации человеческих рас // Горизонты антропологии: Труды международной научной конференции памяти академика В.П. Алексеева. – М.: Наука, 2003. – С. 108-114.
4. Материалы к антропологии уральской расы. Уфа, 1992
5. Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 4. Расогенез коренного населения. Томск, 1998
6. Ражев Д.И. Уральская раса / Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург : Издательство «Екатеринбург», 1998. – 624 с.

7.7. УРАЛЬСКАЯ ЯЗЫКОВАЯ СЕМЬЯ

Уральская языковая семья включает языки народов, расселенных от Скандинавии и Венгрии на западе до Таймыра и Алтая на востоке. Ее образуют три группы языков: финно-пермская, угорская и самодийская. В финно-пермскую входят прибалтийско-финские языки/народы (финны, карелы, эстонцы, вепсы, водь, ижора, ливы), саамы, волжские финны (мордва и мари), пермяне (коми-зыряне, коми-пермяки и удмурты); в угорскую – венгры, манси и ханты; в самодийскую – ненцы, энцы, нганасаны, селькупы (в прошлом на самодийских языках говорили жители народов Алтае-Саянского нагорья - маторы, камасинцы, койбалы). Родственным уральской семье некоторые исследователи считают язык юкагиров, населявших в прошлом обширные территории северо-восточной Сибири. Ближайшими соседями древних уральцев (носителей уральского праязыка), судя по

степени взаимного языкового влияния, с глубокой древности были народы индоевропейской и алтайской языковых семей.

Эпоху поисков уральского родства открыли венгры. В средневековом сочинении «Gesta Hungarorum» упомянута страна Hungaria Magna (Великая Венгрия), откуда отправились в долгий путь на запад кочевники-венгры (угры, мадьяры). В 1220-е годы венгерский монах брат Юлиан совершил путешествие на Волгу в поисках «оставшихся» на востоке соплеменников и встретил в одном из средневожских городов язычников, говоривших по-венгерски. Гипотеза о родстве венгров с урало-сибирскими уграми (манси и хантами) впервые была высказана в XV в. итальянским гуманистом Энеа Сильвиа Пикколомини (впоследствии папа Пий II). В XVII в. немецкий ученый Годфрид Лейбниц уже писал о финно-угорской языковой общности. Долгое время эта общность называлась финно-угорской (или угро-финской) языковой семьей. Позднее была доказана принадлежность к этой семье самодийских языков, и в совокупности финно-угорские и самодийские языки стали именоваться у. я. с. С последней четверти XIX в. предпринято множество попыток составления генеалогических древ финно-угорских и уральских языков (Й. Буденц, О. Доннер, Э.Н. Сетяля, Й. Синнеи, Д. Дечи и др.). Наиболее популярна в настоящее время родословная уральских народов и языков, составленная в 1960-70-е годы венгерским академиком Петером Хайду.

По данным языкознания, в средней голоцене (7-6 тыс. лет назад) существовал уральский язык-основа (праязык), на котором говорили предки финно-угров и самодийцев. На рубеже V-IV тыс. до н. э. уральская общность распалась на финно-угорскую и самодийскую, в III тыс. до н. э. произошло разделение финно-угорской общности на финно-пермскую и угорскую. В середине II тыс. до н. э. обособилась финно-волжская ветвь, в рамках которой в I тыс. до н. э. выделились прибалтийско-финские, волжско-финские и саамский языки.

По выявляемым фрагментам уральского праязыка (общеуральской лексики, включая слова «рыба», «ель», «пихта», «шкура», «лук», «стрела», «сверло» и др.) предполагается, что древние уральцы населяли лесную зону, изобилующую водоемами, были охотниками, собирателями и рыбаками, не знавшими земледелия и животноводства (за исключением собак), занимались обработкой камня, дерева, шкур, вели счет времени по лунным циклам. Внешний облик древних уральцев, скорее всего, соответствовал антропологическим характеристикам уральской расы.

Прародиной уральских народов одни исследователи называли территорию от Урала до Алтая (М.А. Кастрен, Ф.И. Видеман), другие – от Урала до Балтийского моря (Т. Аминов, Э. Итконен, П. Аристэ, А. Йоки). Наиболее распространенной является гипотеза о местонахождении уральской прародины в Северо-Восточной Европе между Средней Волгой и Уралом

(И.Н. Шибештъян, Ю. Тойвонен, Д. Дечи). Научные открытия последних десятилетий, прежде всего данные лингвистической палеонтологии (П. Хайду и др.), позволяют включить в ареал первоначального расселения уральских народов и таежную территорию Зауралья.

История уральских языков и народов насчитывает много тысячелетий. Процесс формирования современных финских, угорских и самодийских народов был весьма сложен. Прежнее название уральской семьи языков – финно-угорская, или угро-финская семья, позднее было заменено на уральскую, поскольку была обнаружена и доказана принадлежность к этой семье самодийских языков.

Уральская языковая семья делится на угорскую ветвь, в состав которой входит венгерский, хантыйский и мансийский языки (при этом последние два объединяются под общим названием «обско-угорские языки»), на финно-пермскую ветвь, которая объединяет пермские языки (коми, коми-пермяцкий и удмуртский), волжские языки (марийский и мордовский), прибалтийско-финскую языковую группу (карельский, финский, эстонский языки, а также языки вепсов, води, ижоры, ливов), саамов и самодийские языки, внутри которых вычленяются северная ветвь (нганасанский, ненецкий, энецкий языки) и южная ветвь (селькупский).

Письменность для карелов (на двух диалектах – ливвиковском и собственно карельском) и вепсов была восстановлена на латинской основе в 1989 году. Остальные народы России используют письменность на основе кириллицы. Венгры, финны и эстонцы, проживающие в России, используют письменность на основе латиницы, принятую в Венгрии, Финляндии и Эстонии.

Уральские языки обладают очень большим разнообразием и заметно отличаются друг от друга.

Во всех языках, объединённых в уральскую языковую семью, выявлен общий лексический пласт, позволяющий утверждать, что 6-7 тысяч лет тому назад существовал более или менее единый праязык (язык-основа), что предполагает наличие прауральской общности, говорящей на этом языке.

Численность народов, говорящих на уральских языках, составляет около 23 – 24 миллионов человек. Уральские народы занимают обширную территорию, которая тянется от Скандинавии до полуострова Таймыр, за исключением венгров, которые волею судьбы оказались в стороне от других уральских народов – в Карпато-Дунайской области.

Большинство уральских народов проживает на территории России, за исключением венгров, финнов и эстонцев. Наиболее многочисленными являются венгры (более 15 миллионов человек). Вторым по численности народом предстают финны (около 5 миллионов человек). Эстонцев насчитывается около миллиона. На территории России (по данным переписи 2002 года) живут мордва (843350 человек), удмурты (636906 человек),

марийцы (604298 человек), коми-зыряне (293406 человек), коми-пермяки (125235 человек), карелы (93344 человек), вепсы (8240 человек), ханты (28678 человек), манси (11432 человека), ижора (327 человек), водь (73 человека), а также финны, венгры, эстонцы, саамы. В настоящее время мордва, марийцы, удмурты, коми-зыряне, карелы имеют свои национально-государственные образования, которые являются республиками в составе Российской Федерации.

Коми-пермяки проживают на территории Коми-Пермяцкого округа Пермского края, ханты и манси – Ханты-Мансийского автономного округа-Югры Тюменской области. Вепсы живут в Карелии, на северо-востоке Ленинградской области и в северо-западной части Вологодской области, саамы – в Мурманской области, в городе Санкт-Петербург, Архангельской области и Карелии, ижора – в Ленинградской области, городе Санкт-Петербург, Республике Карелия. Водь – в Ленинградской области, в городах Москва и Санкт-Петербург.

Финно-угорские языки

Финно-угорские языки – группа языков, восходящая к единому финно-угорскому праязыку. Они составляют одну из ветвей уральской семьи языков, куда входят и самодийские языки. Финно-угорские языки по степени родства делятся на группы: прибалтийско-финская (финский, ижорский, карельский, вепсский, водский, эстонский, ливский), саамская (саамский), волжская (мордовские - мокшанский и эрзянский языки, марийский), пермская (коми-зырянский, коми-пермяцкий, удмуртский), угорская (венгерский, хантыйский, мансийский). Носители финно-угорского языка проживают на северо-востоке Европы, на части территории Волго-Камья и бассейна Дуная, в Западной Сибири.

Число говорящих на финно-угорских языках в настоящее время составляет около 24 млн. человек, в том числе венгров – 14 млн., финнов – 5 млн., эстонцев – 1 млн. По данным переписи населения 1989 г., в России проживает 1 153 987 мордвы, 746 793 удмуртов, 670 868 марийцев, 344 519 коми-зырян, 152 060 коми-пермяков, 130 929 карел, а также 1 890 саамов, 22 521 хантов и 8 474 манси. В России проживают также венгры (171 420 человек) и финны (67 359 человек).

В традиционном финно-угроведении принята следующая схема родословного древа финно-угорских языков, предложенная финским ученым Э. Сетяля.

По летописным данным, существовали также финно-угорские языки меря и мурома, которые в средние века вышли из употребления. Не исключено, что в древности состав финно-угорских языков был шире. Об этом свидетельствуют, в частности, многочисленные субстратные элементы в русских диалектах, топонимике, языке фольклора. В современном финно-

угроведении достаточно полно реконструирован мерянский язык, представлявший промежуточное звено между прибалтийско-финскими и мордовскими языками.

Немногие финно-угорские языки имеют давние письменные традиции. Так, наиболее древними письменными памятниками обладает венгерский язык (12 в.), позднее появились карельские тексты (13 в.) и памятники древнекоми письменности (14 в.). Финский и эстонский языки получили письменность в 16-17 вв., удмуртский и марийский языки – в 18 в. Некоторые прибалтийско-финские языки остаются бесписьменными и ныне.

По мнению большинства ученых, прафинно-угорская и прасамодийская ветви отделились от уральского праязыка в 6-4 тысячелетии до н.э. Затем развились отдельные финно-угорские языки. В ходе своей истории они испытали влияние со стороны соседних неродственных германских, балтийских, славянских, индо-иранских и тюркских языков, стали значительно различаться друг от друга. Интересна в этой связи история саамского языка. Существует гипотеза, что саамская группа возникла в результате перехода аборигенного населения Крайнего Севера Европы на употребление одного из финно-угорских языков, близкого к прибалтийско-финским языкам.

Степень близости отдельных финно-угорских языков, составляющих языковые ветви, неодинакова. Так, исследователи отмечают большую близость венгерского и мансийского языков, относительную близость пермских и венгерского языков. Многие финно-угроведы сомневаются в существовании единой древней волжской языковой группы и волжско-финского праязыка и считают марийский и мордовский языки представителями отдельных языковых групп.

Финно-угорские языки все же характеризуются общими свойствами и закономерностями. Многим современным свойственны гармония гласных, фиксированное словесное ударение, отсутствие звонких согласных и сочетаний согласных в начале слова, регулярные межъязыковые фонетические соответствия. Финно-угорские языки объединяет агглютинативный строй с разной степенью выраженности. Для них характерны отсутствие грамматического рода, использование послелогов, наличие лично-притяжательного склонения, выражение отрицания в форме особого вспомогательного глагола, богатство неличных форм глагола, употребление определения перед определяемым, неизменяемость числительного и прилагательного в функции определения. В современных Финно-угорских языках сохранилось не менее 1000 общих прафинно-угорских корней. Ряд особенностей сближает их с языками других семей – алтайскими и индоевропейскими. Некоторые ученые также полагают, что к финно-угорским (уральским) языкам близок юкагирский язык, входящий в группу палеоазиатских языков.

Финно-угорские народы – народы, говорящие на финно-угорских (угро-финских) языках. Финно-угорские языки составляют одну из двух ветвей (наряду с самодийской) уральской языковой семьи. По лингвистическому принципу финно-угорские народы делятся на группы: прибалтийско-финскую (финны, карелы, эстонцы, ижорцы, вепсы, ливы, водь), пермскую (коми-зыряне, коми-пермяки, удмурты), угорскую (ханты, манси, венгры), мордовскую (мордва-мокша, мордва-эрзя), марийскую (марийцы) и саамскую (саамы). Финно-угорские народы расселены на территории Северо-Западной Европы от Скандинавии до Урала, Волго-Камья, Нижнего и Среднего Приоболжья. Численность в России – около 4,4 млн чел. (1983).

В антропологическом отношении большинство финно-угорских народов принадлежит к европейской расе, за исключением обских угров (ханты и манси), которые относятся к уральскому антропологическому типу; древнее смешение монголоидных и европеоидных признаков прослеживается у саамов.

Группировка финно-угорских народов выделяется по языковому принципу, их объединяет общность происхождения. Предполагается, что в древности существовала общность людей, говорящих на финно-угорском праязыке. Проблема происхождения финно-угорских народов сложная, по ряду вопросов у исследователей нет единого мнения. Согласно наиболее распространенной точке зрения, прафинно-угорский язык отделился от прасамодийского на рубеже VI-V тыс. до н.э. Предки современных финно-угорских народов сохраняли относительное единство до конца III тыс. до н.э. (финно-угорская эпоха), занимали территорию Урала и Западного Приуралья, возможно, проживали и в некоторых соседних районах. В финно-угорскую эпоху происходили контакты с индоиранцами, которые нашли отражение в языках и мифологии финно-угорских народов. В конце III – нач. II тыс. до н.э. произошло разделение угорской и финно-пермской ветвей. В процессе расселения в III и II тыс. до н.э. финно-пермцев в западном направлении наблюдалось постепенное обособление самостоятельных групп языков (прибалтийско-финской, мордовской, марийской, пермской). Саамы образовались в результате перехода автохтонного населения Крайнего Севера Европы на один из финно-угорских языков. Вероятно, на финно-угорских языках ранее говорили племена мери, муромы, перешедшие к концу I тыс. н.э. на восточно-славянские языки. Угорская группа языков распалась к середине I тысячелетия до н.э.; прибалтийско-финская – к началу н.э.; пермская – к VIII в. н.э. В ходе обособленного развития отдельных групп финно-угорских народов большую роль играли их контакты с иранскими, балтийскими, германскими, славянскими (восточнославянские народы), тюркскими народами.

В настоящее время малым финно-угорским языкам угрожает исчезновение. Это водский, ливский и ижорский языки, носителей которых

очень немного. Переписи населения свидетельствуют о сокращении числа карел, мордвы, вепсов; сокращается количество говорящих на удмуртском, коми и марийском языках. На протяжении нескольких десятилетий сокращалась сфера употребления финно-угорских языков. Лишь в последнее время общественность обратила внимание на проблему их сохранения и развития.

Тюркские народы (тюрки) Урала

Тюркские народы Урала, расселенные по обе стороны Среднего и Южного Урала от Поволжья до Приобья, составляют северо-западную часть обширного тюркского этнокультурного пространства, ограниченного Средиземноморьем (турки) и Восточной Сибирью (якуты). Наряду с монгольскими и тунгусо-манчжурскими народами тюрки относятся к алтайской языковой семье. На языках кыпчакской ветви тюркской группы говорят волго-уральские и сибирские татары, башкиры, ногайцы, казахи; язык чувашей образует болгарскую ветвь тюркской группы. Прародиной древних тюрков многие исследователи считают предгорья Алтая и Саян. По древней легенде (зафиксированной китайскими источниками VI в. н. э.), тюркское племя произошло от четвертованного мальчика и укрывшей его в алтайской пещере волчицы. Там и родились 10 сыновей волчицы, одного из которых звали Ашина или Тюрк.

Начальный этап (III-II вв. до н. э.) расселения древних тюрков связан, по-видимому, с формированием к северу от границ Китая державы хунну (сюнну) под началом шаньюя Модэ. В течение II-IV вв. н. э. часть разгромленных сяньбийцами хунну продвинулась к западу от Алтая вплоть до Закавказья и Южного Урала. В IV-V вв. сложившаяся при их участии гуннская орда покорила степи Евразии и разгромила Рим. В VI в. из южноалтайских степей на запад прокатилась новая волна тюркских (тюркютских) завоеваний, в ходе которых возник I Тюркский каганат, возглавляемый каганами тюркютского рода Ашина. В VII в. восточная часть территории распавшегося каганата была объединена вождями тюркютов во II Тюркский каганат, а на западе, в Прикаспии, потомки рода Ашина создали Хазарский каганат. В противоборстве с хазарами в Приазовье обособился военный союз тюрков-болгар, часть которого во главе с ханом Аспарухом ушла на Дунай, где возникло государство Дунайская Болгария, часть – на север в Поволжье, где сложилось государство Волжская Болгария.

По мере военно-политической экспансии тюрков распространялось их культурно-языковое влияние. На рубеже эр оно ограничивалось предгорьями Алтая и Саян; к IV в. н.э. охватило Верхнее Прииртышье и юг Средней Азии; к VI в. расширилось на все пространство евразийских степей; в начале II тыс. н. э., с продвижением на дальний юго-запад сельджуков и на дальний северо-восток предков якутов, тюркский мир в основном приобрел свои

сегодняшние очертания (позднее частичному преобразованию его границ и внутренней структуры способствовали монгольские, московские и османские завоевания).

Ключевую роль в формировании уральской группы тюрков сыграли болгары, создавшие в X в. государство в Волго-Камье. К приходу болгар уральские степи и лесостепи уже были населены тюркскими племенами (савирами, сувазами и др.), смешавшимися здесь в эпоху гуннских и тюркютских войн с местным уралоязычным и ираноязычным населением. Вполне возможно, что от них происходят этнонимы современных народов: савиры~сибиры (сибирские татары), сувазы~чуваши. Вслед за болгарями в VIII-IX вв. из прикаспийских степей в Южное Приуралье двинулись баджгарды и бурджане, образовавшие во взаимодействии с болгаро-мадьярскими племенами народ башкир (башкорт). На рубеже I-II тыс. н. э. значительную роль в этнической истории тюрков Урала сыграли кимаки, огузы (торки) и особенно кыпчаки (половцы). В эпоху монгольских завоеваний на многие племена из тюрков Урала, объединенных в улус Джучи (Золотая Орда, Дешт-и-Кыпчак), был распространен экзоэтноним «татары».

По данным арабских и древнерусских источников, в X в. государственной религией болгар стал ислам. В XIV в. при хане Узбеке ислам вновь, после периода возрождения язычества при первых чингизидах, занял место основного вероисповедания тюрков Урала. Большинство тюрков Урала – волжско-уральские и сибирские татары, башкиры, ногайцы, казахи – мусульмане-сунниты. Христианство (православие) приняли чувашаи, кряшены (в Татарии), нагайбаки (в Башкирии). У многих групп тюрков Урала в обрядах и мировоззрении сохранились элементы доисламских и дохристианских языческих верований, напр.: представления о духах шурале (леший), су иясе (водяной), ой иясе (домовой) у татар и башкир; многоликий языческий пантеон во главе с небесным творцом Султи-тура у чувашей; ритуальные роли имче (знахаря), курымче (провидца) и сихэрче (колдуна) у сибирских татар.

Литература

1. Валеев Ф. Т. Сибирские татары: культура и быт. Казань, 1993.
2. Головнев А. В. Уральская языковая семья / Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург : Издательство «Академкнига», УрО РАН, 2000. – 640 с.
3. Гумилев Л. Н. Хунну. М., 1960
4. Закиев М. З. Проблемы языка и происхождения волжских татар. Казань, 1986
5. Историко-культурный атлас Республики Коми. – М., 1997.
6. Казанцев Д. Е. Истоки финно-угорского родства. Йошкар-Ола, 1979
7. Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. М., 1974

8. Марков Г. Е. Кочевники Азии. М., 1976
9. Мартынова Е.П. Финно-угорские народы. Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург : Издательство «Екатеринбург», 1998. – 624 с.
10. Напольских В. В. Введение в историческую уралоистику. Ижевск, 1997
11. Основы финно-угорского языкознания. Т. I-III. М., 1974-1976
12. Смирнов А. П. Волжские булгары. М., 1951
13. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981
14. Томилов Н.А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI - первой четверти XIX вв. Томск, 1981
15. Финно-угорские и самодийские народы: Статистический сборник. – Сыктывкар, 2006.
16. Хайду П. Уральские языки и народы. М., 1985
17. Халиков А. Х. Татарский народ и его предки. Казань, 1989
18. Хелимский Е. А. Древнейшие венгерско-самодийские языковые параллели. М., 1982.
19. Цыпанов Е.А. Энциклопедия. Коми язык. – Москва, 1998. – С. 518-519
20. Языки народов СССР. М., 1966. Т.3. Финно-угорские и самодийские языки: Основы финно-угорского языкознания. М., 1974-1976. Вып. 1-3.

ГЛАВА 8. САМОБЫТНОСТЬ НАРОДОВ УРАЛА

8.1. КОРЕННЫЕ НАРОДЫ УРАЛА

Угры – национальность, к которым относятся манси (устаревшее название – вогулы) и ханты (остяки), являются старейшими народами Урала и Западной Сибири, представителями Уральской субрасы, они обладают уникальной культурой. И после колонизации, частичной христианизации и руссификации они смогли сохранить многие традиционные верования и экологическое мировоззрение.

Угры появились на Урале и в Западной Сибири еще в древние времена. Среди находок 5-12 вв. обнаруживаются разнообразие мечи, панцирные наборы, наконечники копий и рогатин, но более всего – наконечников стрел, самых разных, от нескольких видов охотничьих (в зависимости от зверя/рыбы) до бронебойных военных. Лук был наиболее воспет в эпосе манси и ханты. Использовался еще в 20 в.

Рядовые воины были вооружены ножом, топором или копьем, и, конечно же, луком. Охотничий лук носили за спиной, боевой – у бедра. Внутренняя часть лука могла изготавливаться из кедровой крени, а наружная – из березы, и склеенные полосы обворачивались полосками вываренной березы. Тетиву делали из крапивы и конопли. Наконечники (развилкой для утки, копьем на медведя и выдру, ножом или развилкой на лося, зубцами для

рыбы) клеивались в древко серой и обматывались нитью. Применялось оперенье орла, ястреба, тетерева. Длина лука составляла 1,5-2 м.

Вожди и лучшие воины (отыры) могли иметь кожаные доспехи, на рыбьем клею, защищавшие тело от колена до горла и руки по локоть. Найдены также ляmelлярные доспехи, набранные из металлических пластин, соединенных внахлест; чешуйчатые панцири, где пластины нашивались на мягкую основу; и клепанные доспехи по типу бригаантины.

В героическую эпоху угорских народов также существовали свои особые воинская тактика и воинская этика.

Ханты – (самоназвание. хантэ, кантах – человек; устаревшее русское название – остяки), народ угорской группы уральской языковой семьи. Проживают в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах Тюменской области, а также в Томской области. Численность 22,5 тыс. чел. (1989). Делятся на три этнографические группы: северная, южная и восточная. Северные ханты живут по Нижней Оби с притоками Полуй, Сось, Войкар, Сыня, Куноват, Казым; восточные – по Средней Оби с притоками Пим, Аган (с Тромъеганом), Вах, Васюган, Юган, Салым; южные – по Нижнему Иртышу с притоками Конда, Демьянка и Оби в районе устья Иртыша. Язык хантов относится к обско-угорской группе финно-угорских языков, характеризуется большой диалектной раздробленностью. Черты традиционной культуры и язык сохраняют северные и восточные ханты, южные ханты слились с русским населением. Родственны и близки по культуре манси.

По происхождению ханты связаны с племенами древних угров, продвинувшимися в эпоху бронзы (бронзовый век) из лесостепной и степной зон Урала на Сибирь и ассимилировавшими аборигенное охотничье-рыболовческое население таежной зоны Западной Сибири.

Этногенез хантов завершился к началу II тыс. н.э. В процессе исторического развития ханты взаимодействовали с соседними народами: ненцами, селькупам, коми, манси, татарами, русскими. Вследствие миграций происходило смешение отдельных групп хантов между собой. В «Повести временных лет» (XII в.) ханты упоминаются наряду с манси под именем «югра». Термин «остяки» появился в русских письменных источниках в XVI в.

Традиционное хозяйство хантов было комплексным, многие его черты сохраняются до настоящего времени. Ханты занимаются рыболовством, охотой, оленеводством. Рыболовство доминирует по берегам Оби и низовьям притоков, охотничий промысел преобладает по срежнему и верхнему течению притоков. Повсеместно практикуется сезонная летняя ловля рыбы на Оби. Наиболее древним традиционным способом является лов рыбы с использованием заграждений из кольев и прутьев, широко применяются

плетеные ловушки, сети, невода. Охотничий промысел включает добычу мясных и пушных животных, пушная охота издавна имеет товарное значение. У самых северных, нижеобских хантов, главной отраслью хозяйства является оленеводство. Остальные группы содержат по несколько десятков голов оленей для транспортных целей. У южных хантов распространено животноводство, содержат лошадей, коров, овец.

В материальной и духовной культуре хантов, восходящей к далекому прошлому, наиболее сильны различия между северными и восточными группами хантов. Для каждого времени года у хантов имелось сезонное поселение и жилище. Основными транспортными средствами (средства передвижения) летом служили лодки, зимой – лыжи и нарты. В середине II тыс.н.э. у хантов существовали «княжества» – Кодское, Обдорское, Казымское, Белогородское, Бардаковское. «Княжества» включали несколько «городков» – военно-оборонительных, административно-политических, торговых, культово-ритуальных центральных общин. В XVII-XIX вв. основными элементами социальной организации у хантов были волость, община-поселение, семья. Промысловые угодья находились как в семейной, так и в общинной собственности.

Для религиозно-мифологической картины мира хантов характерно представление о трехчастном делении мира в вертикальном плане. Главным в пантеоне божеств были Торум, Калтась, Куль. В начале XVIII в. началась христианизация хантов, однако православие получило формальное распространение. У хантов до XX в. сохранялись языческие верования, было распространено шаманство. Почитались некоторые виды животных, птиц, особенно – медведь, в честь которого проводились спорадические и периодические медвежьи праздники. Самобытная культура хантов находит яркое выражение в фольклоре (в декоративно-прикладном и музыкально-песенном искусстве).

Литература

1. Соколова З.П. Ханты // Вопросы истории, 1971. № 8; Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Знакомьтесь: ханты. Новосибирск, 1992.
2. Мартынова Е.П. Коренные народы Урала / Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург : Издательство «Екатеринбург», 1998. – 624 с.

Манси – (маньси – самоназвание, вогулы – устаревшее русское название), народ угорской группы уральской языковой семьи. Проживают в Ханты-Мансийском автономном округе Тюменской области, часто живет в Свердловской области. Численность 8400 чел. (1989). Делятся на четыре этнографические группы: северная, южная, восточная, западная. Северные манси расселены в бассейне Северной Сосьвы и Ляпина (левобережье Нижней Оби), восточные – в бассейне среднего и верхнего течения реки

Конды (приток Иртыша), западные – по рекам Пелым, Лозьва, Вагиль (приток Тавды). Южные, жившие по рекам Тура, Тавда, к началу XIX в. смешались с татарским и русским населением. Манси родственны и близки по культуре к хантам. Язык относится к обско-угорской группе финно-угорских языков, делится на ряд диалектов, существенно отличающихся друг от друга.

Манси сформировались в результате слияния продвинувшихся с юга угров с древними племенами охотников и рыболовов тайги. На этническую историю манси большое влияние оказали контакты с ненцами, татарами, хантами, русскими. Считается, что северные манси сложились достаточно поздно (в XVIII-XIX вв.) в результате смешения переселявшихся с юго-запада манси и хантов. В письменных источниках манси известны с XII в. под именем «югры» (вместе с хантами), с XIV в. – под именем «вогулы», «вогуличи», с XVII в. Северных манси называли «остяками». Термин манси получил распространение с 1930-х годов.

Основные занятия манси: охота, рыболовство, оленеводство, а также животноводство (разведение лошадей, рогатого скота), сбор лесных ягод и орехов. По сравнению с хантами, у манси больше развит охотничий промысел. Оленеводством занимаются манси в предгорьях Урала. Северные, восточные и западные манси до начала XX в. вели таежный полуоседлый образ жизни, летом занимались рыболовством, зимой преобладала охота. Основным типом жилищ был срубный дом, у северных манси-олeneводо-вов – чум. В летний период сооружали разнообразные по форме каркасные постройки из жердей с берестяным покрытием. Одежда по покрою различалась у разных групп, шилась из меха, сукна, тканей. Одежда и предметы домашнего обихода (особенно берестяные изделия) украшались орнаментом. В материальной и духовной культуре разных групп манси имеется своя специфика, наиболее сильны различия между северными и восточными манси.

В середине II тыс. н.э. у манси существовали «княжества» – Ляпинское, Пелымское, Кондинское. В XVII-XIX вв. основными единицами общественной организации были вольные, община-поселения, семья. Часть промысловых угодий находилась в семейном владении, часть – в коллективном.

С нач. XVIII в. среди манси стало распространяться христианство, но они сохранили различные дохристианские верования (шаманизм, анимизм, промысловый культ). Для религиозно-мифологической картины характерно представление о трехчастном делении мира по вертикали и горизонтали. Главными божествами считались Торум, Калтась-эква, Куль-отыр. Особое положение в пантеоне занимал Мир-сусне-хум, посредник между людьми и богами. Из животных наибольшим почитанием пользовался медведь, занимающий важное место в мифологических представлениях, верованиях,

обрядов, изобразительном искусстве. В честь медведя устраивались спорадические и периодические медвежьи праздники. Почитание других животных имело менее развернутые формы. Самобытная культура манси находит яркое выражение в фольклоре (особенно в музыкально-песенном и декоративно-прикладном искусстве).

Литература

1. Носилов К.Д. У вогулов. М., 1904
2. Народы Сибири. М., Л., 1956
3. Гемуев И.Н., Сагалаев А.М. Религия народа манси. Культурные места XIX - начала XX в. Новосибирск, 1986
4. Гемуев И.Н. Мирозрение манси: Дом и Космос. Новосибирск, 1990.
5. Мартынова Е.П. Манси. / Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург: Издательство «Екатеринбург», 1998. – 624 с.

КОМИ

Коми-пермяки – коренная народность Верхнего Прикамья, живут компактно в Коми-Пермяцком автономном округе, Красновишерском и Соликамском районах Пермского края, Афанасьевском районе Кировской области, а также в некоторых районах Сибири. В Пермском крае проживает 123371 чел. (4% населения, 1989), в т. ч. в Коми-Пермяцком автономном округе 95415 (60,2% населения округа). Относятся к беломорско-балтийской расе большой европеоидной расы с примесью компонентов уральской расы.

Коми-пермяцкий язык вместе с коми и удмуртским языком образует пермскую подгруппу финно-угорской группы уральской языковой семьи. В пределах округа имеются два наречия: южное (иньвенское) и северное (косинско-камское), которые делятся на несколько диалектов. Оба наречия взаимодействуют и сближаются на основе литературного языка (создан на основе иньвенского наречия). Наиболее полно лексику литературного языка отражает коми-пермяцко-русский словарь, составленный Р.М. Боталовой и А.С. Кривошековой (М., 1985). Почти все коми-пермяки знают русский язык, он является средством межнационального общения. По переписи 1989 коми-пермяцкий язык считали родным 75,9%. Коми-пермяки придерживаются православия (с 1462), есть старообрядцы.

Предками коми-пермяков были племена родановской культуры IX– XV вв., памятники которой сосредоточены в верхнем Прикамье (в пределах Перми Великой). В 1472 вошли в Русское государство. Консолидация коми-пермяцкой народности завершилась после образования автономного округа в 1925 году.

Традиционные занятия: земледелие, скотоводство, на севере преобладали охота, рыболовство. В современный период развивается лесозаготовительная и обрабатывающая промышленность. Традиционные

поселения: села, деревни по берегам рек, у лесозаготовителей – поселки. Преобладала рядовая и беспорядочная планировка поселков, с конца XIX в. заменилась уличной. Многодворные поселки приобрели улично-квартальные формы. Коми-пермяки имели двухрядные усадьбы (один ряд жилой, второй хозяйственный) с трехкамерным жилищем (изба-сени-клеть, позднее вторая изба). Разновидностью двухрядных типов являлись Г-образные усадьбы. Иньвенские коми-пермяки знали избы-пятистенки с одноярусным двором. Интерьер северо-русского варианта. Современные дома пятистенные и четырехстенные под двускатными и четырехскатными крышами. Комплекс женского нательного костюма: рубаха-становина, сарафан, на севере преобладал головной убор кокошник, на юге – шамшура. Девушки носили налобные повязки. Комплекс мужского нательного костюма: рубаха косоворотка, штаны полосатые широкого покроя, на голове валяные колпаки, шапки-ушанки. Верхняя холщовая и суконная одежда были запахивающегося вида – шабуры, понитки, зимой носили овчинные шубы. Обувь – лапти с косым носком, кожаные коты, бахилы. Украшения одежды: узорное ткачество, пестрядь, орнаментированные пояса, чулки, рукавицы. Традиционный костюм вышел из употребления в 1940-50-х, известны только в среде фольклорных коллективов. Любимым блюдом остаются пельмени. Часто употреблялась рыба и продукты лесного собирательства: ягоды, грибы, сок березы, орехи, травы. Популярны напитки: квас, брага, пиво. Народное прикладное творчество: объемная, выемчатая, пропильная резьба по дереву, узорное ткачество, вязание, вышивка, набойка, обработка бересты. Устная культура – предания о Кудым-Оше, Пере-богатыре, чуди, сказки, былички, песни, частушки. У коми-пермяков широко бытует русский фольклор. Национальная литература создавалась с 1930-х годов.

Литература

1. Белицер В.Н. Очерки по этнографии народов коми: XIX – начало XX в. М., 1958
2. Грибова Л.С. Декоративно-прикладное искусство народов коми. М., 1980
3. Боталова Р.М. Коми-пермяцкая диалектология. М., 1975
4. Климова Г.Н. Текстильный орнамент Коми. Сыктывкар, 1984.
5. Чагин Г.Н. Коми-пермяки / Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург : Издательство «Екатеринбург», 1998. – 624 с.

Коми-зыряне – коми (самоназвание), коми-морт («коми-человек»), коми-войтыр («коми-народ»), коми-ойз («коми-люди»), коми-отир («коми-люди»), зыряне (устаревшее русское название), коренное население республики Коми; живут также в Архангельской, Мурманской, Свердловской, Омской, Тюменской областях, Ненецком, Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском АО, Алтайском крае. Общая численность в бывшем

СССР 344,5 тыс. чел., в РФ – 336,3 тыс., в т.ч. в Республике Коми – 291,5 тыс. В 1921 г. была образована автономная область Коми (с 1936 г. – Коми АССР, с 1991 г. – Коми ССР, с 1992 г. – Республика Коми). Родственны коми-пермякам и удмуртам. Основные этнографические группы: ижемцы, вычегодцы, вымичи, печорцы, лузцы, сысольцы, удорцы. Относятся к ильменскому и беломорскому типам беломорско-балтийской расы. Говорят на коми-зырянском языке, относящемся к пермской подгруппе финно-угорской группы уральской языковой семьи. Диалекты: ижемский, лузско-летский, печорский, верхне-вычегодский, нижне-вычегодский, верхнесысольский, вымский, присыктывкарский, удорский. Литературный язык на основе присыктывкарского диалекта. В конце 1930-х годов вместо составленного ранее (В.А.Мордовцевым) на латинской графической основе алфавита был принят современный алфавит на русской основе.

Коми происходят от Перми вычегодской. Слово «Пермь» – древний топоним: в русских летописях XI-XV вв. так назывались земли бассейна Северной Двины и Верхнего Прикамья. Русские служилые люди слышали это слово от вепсов, обозначавших им земли восточных соседей. Его этимология из прибалтийско-финских языков – *rega-maa* («задняя земля, заволочье»). С XVI в. в отношении к коми начинают употреблять этноним «сирене», «сиряне», «зыряне», заимствованный из языка угров: манси называют коми «саран». В формировании коми приняли участие вепсы, древние марийцы, предки обских угров, восточные славяне (восточнославянские народы).

В 1379 г. среди коми начал просветительскую деятельность сподвижник Дмитрия Донского, московский миссионер Стефан Пермский (ок. 1345-1396). Вскоре он основал государство Пермь Вычегодская в составе Московской Руси, а с 1383 г. стал епископом новой Пермской епархии с центром в селе Усть-Вымь. Стефан Пермский создал древнепермскую письменность и перевел на коми язык ряд церковных текстов. В дошедших до нас памятниках древнепермской письменности содержится в общей сложности ок. 255 слов связного текста. Усилиями Стефана Пермского коми-язычники были обращены в христианство.

После разгрома Великого Новгорода (1478) к Москве отошли земли Перми вычегодской, в 1481 г. была произведена перепись вычегодско-пермских земель и назначены «государевы дани» (1485). В XV-XVI вв. коми в роли проводников принимали участие в походах московских воевод и казачьих дружин (в т.ч. отр. Ермака) в Сибирь. В XVI-XVII вв. коми заселили верховья рек Мезени и Вычегды, проникли в бассейн рек Ижмы и Печоры. Произошло формирование большинства этнографических групп коми – вымичей, сысольцев, лузцев, удорцев. В XVII-XVIII вв. в результате дальнейшего расселения коми сложились группы верхневычегодцев, ижемцев

и печорцев. Расселение коми на север (Ижму и Печору) и восток (северотаежное Зауралье) продолжалось до начала XX в.

Традиционные занятия коми – охота, рыболовство, земледелие и жив-во. Пермь вычегодская в X-XI вв. вела подсечно-огневое земледелие с ручной обработкой земли. Переход к пашенному земледелию с использованием лошадиной тягловой силы начался с XII в. В XV в. практиковали уже трехпольное земледелие. Однако и в XIX-XX вв. применяли все три системы земледелия: трехполье, перелог и подсеку. Наиболее распространенные культуры – ячмень, рожь; на юге выращивали овес и пшеницу. Животноводство – разведение рогатого скота, овец, лошадей – было наиболее развито в северных районах, тогда как в южных оно служило вспомогательной отраслью хозяйства. Северные коми (ижемцы) в середине XVII в. заимствовали у ненцев оленеводство, а впоследствии внесли в него ряд усовершенствований: ижемское оленеводство отличается от ненецкого товарностью, своеобразием системы выпаса, селекционной работы, половозрастным составом стада. Общераспространенным видом занятий, особенно у верхневычегодских, печорских и удорских коми, была охота. Товарное значение имела добыча пушнины. Повсеместно практиковалось рыболовство. Особенно большое значение имело товарное рыболовство у северных коми – ижемцев и печорцев. Среди домашних ремесел коми наибольшего развития достигли прядение, ткачество, кожевенное, бондарное, рогожное, сапожное, столярное, плотничье.

Традиции народного искусства – вышивка, вязание, узорчатое ткачество, аппликация из меха и сукна, резьба по дереву, роспись – сохраняются донныне в художественных промыслах. Фольклор коми включает песни, эпические сказания и сказки (напр., о Пере-богатыре), предания о чуди (легендарных предках коми), былички, пословицы, поговорки, загадки. Многовековой народный опыт коми отражен в экологическом календаре, метрологии, медицине, сельскохозяйственных промысловых занятиях. В прошлом большую роль в развитии народных знаний, фольклора и мифологии играли знахари и колдуны. «Житие Стефана Пермского» (XV в.) повествует о многобожии у коми, о культах животных, деревьев, огня, солнца, воды, Золотой Бабы». Фольклор сохранил сведения о дохристианских божествах: демиурге Ен, боге неба Йомаль, лешем Омоль, культовом герое первокузнице Кудым-оше. Сегодня большая часть верующих коми – православные, есть старообрядцы.

Литература

1. Белицер В.Н. Очерки по этнографии народов коми. М., 1958;
2. Лашук Л.П. Формирование народности коми. М., 1972;
3. Жеребцов Л.Н. Историко–культурные взаимоотношения коми с соседними народами: X – начало XX в. М., 1982;

4. Конаков Н.Д. Коми –охотники и рыболовы во второй половине XIX – начале XX в. М., 1983;
5. Конаков Н.Д., Котов О.В. Этноареальные группы коми: формирование и современное этнокультурное состояние. М., 1991;
6. Коми народный эпос. М., 1987.
7. Головнев А.В. Коми-зыряне. / Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург : Издательство «Екатеринбург», 1998. – 624 с

Зюздинские коми-пермяки – этническая группа в верховьях реки Камы, на границе с Коми-Пермяцким автономным округом. По мнению жителей, название этнической группы происходит от названия притока Камы – р. Сызвы, где прежде жили предки зюздинских коми-пермяков. В 1926 г. их насчитывалось около 5 тыс. человек. Дальнейшие переписи большинство населения записывают русскими. Основная часть проживала компактно на территории Пашинского, Романовского, Кытмановского, Московского, Афанасьевского сельских советов Афанасьевского района Кировской области. Зюздинское (верхнекамское) наречие является переходным между коми-пермяцким и коми-зырянским, но преобладающими являются черты гайнского (северного коми-пермяцкого) наречия. По языку и бытовым чертам отличают себя от коми-зырян и от коми-пермяков, проживающих в автономном округе. С XVI в. зюздинские коми-пермяки входили в Пермь Великую. В северной части зюздинские коми-пермяки сохраняют черты культуры северных коми-пермяков, а в южной – южных (иньвенских) коми-пермяков. Много общего с культурой соседнего русского населения.

Литература

1. Белицер В.Н. У зюздинских коми-пермяков // Краткие сообщения Института этнографии. М., 1952. Вып. 15
2. Белицер В.Н. Очерки по этнографии народов коми: XIX - начало XX в. М., 1958
3. Кананин Б.А. Население верховьев Камы в эпоху средневековья (западный вариант Ломоватовской и Родановской культур). Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. М., 1985
4. Боталова Р.М. Коми-пермяцкая диалектология. М., 1975
5. Штейнфельд Н. Зюздинский край. Вятка, 1892.
6. Чагин Г.Н. Зюздинские коми-пермяки / Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург : Издательство «Екатеринбург», 1998. – 624 с

Оханские (обвинские) коми-пермяки – этническая группа коми-пермяцкой народности (коми-пермяки). В литературе получила название по уезду – Оханскому – и месту проживания в верховьях реки Обвы. Территория расселения близка и иньвенским и зюздинским коми-пермякам,

входила в Кизьвинскую волость Оханского уезда, ныне Сивинского района Пермского края. В 1869г. насчитывалось 1316 чел., в 1892г. – 62 чел., последний раз были записаны переписью 1920 г. – 60 чел. Изучение оханских коми-пермяков не проводилось. Самосознание и язык утрачены, но старожилы 1990-х годов помнят, что их родители знали пермяцкий яз.

Литература

1. Чагин Г.Н. Оханские (обвинские) коми-пермяки / Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург : Издательство «Екатеринбург», 1998. – 624 с

Язьвинские коми-пермяки – (самоназвание пермяки), потомки древнего коми населения, проживавшего на исторической территории по берегам р. Язьвы в Антипинском, Верх-Язьвенском сельских Советах Красновишерского района и Краснобережском сельском Совете Соликамского района. На родном языке говорит более 2 тыс. чел. (1993г.). Наличие особых гласных звуков, специфичность фонетики и системы ударений позволила исследователям языка язьвинских коми-пермяков выделить в особое наречие среди всех коми языков (А. Генетц, В.И. Лыткин). Отличие родного языка от языка Коми-Пермяцкого автономного округа осознается на бытовом уровне. На этом основано этническое самосознание язьвинских коми-пермяков. Поэтому они называют себя не коми-пермяками, а пермяками. Эти признаки, как и осознание исторического территориального проживания, позволяют считать язьвинских коми-пермяков не членами коми-пермяков, а самостоятельным коми народом. Поэтому в литературе чаще используется название коми-язьвенцы, язьвинские пермяки.

У язьвинских коми-пермяков русский язык является официальным языком общения, но он отличается от диалекта соседнего русского населения, т.к. в него вошли слова и фонетические особенности родного языка. Особую роль в переходе язьвинских коми-пермяков на русскую речь сыграла старая вера (старообрядчество), принятая в конце XVIII в. В быту сохранили множество дохристианские верования, наиболее значимыми являются духи леса и воды. Из древних праздников до сих пор отмечается «Сарчик» – прилет птицы трясогузки. Бытует предание о богатырях Полюде и Пеле, основателях деревень Антипе и Паршаке, сказки, заговоры. У язьвинских коми-пермяков много общего с культурой соседнего русского населения.

Литература

1. Лыткин В.И. Коми-язьвинский диалект. М., 1961
2. Сморгунова Е.М. Старообрядцы Верхней Язьвы: особая языковая ситуация // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск, 1992

3. Чагин Г.Н. Язьвинские пермяки: история и традиции. Пермь, 1993.
4. Чагин Г.Н. Язьвинские коми-пермяки / Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург : Издательство «Екатеринбург», 1998. – 624 с

УДМУРТЫ

Удмурты – удмурт, укморт (самоназвание), вотяки (устаревшее русское название), народ Западного Приуралья, коренное население Удмуртской республики. По переписи 1989 г. всего 747 тыс. чел. Численность в России – 714,8 тыс. чел., в т.ч. в Удмуртии 496,5 тыс., в Татарии – 24,8 тыс., Башкирии – 23,7 тыс., Пермском крае. – 32,8 тыс., Кировской области – 23 тыс., Свердловской области – 23,6 тыс. чел. Живут также в Казахстане (15,8 тыс.), на Украине (8,6 тыс.), Узбекистане (2,5 тыс.). 48% удмуртов России – жители городов и поселков городского типа.

В среде удмуртов развито удмуртско-русское двуязычие, 30% удмуртов родным признают русский язык. Главной целью современного национального движения (общества удмуртской культуры «Дэмен» (1989), ассоциации «Удмуртский Кенеш» (1991 г.) является возрождение этноса и его сохранение.

Этногенез удмуртов восходит к древним племенам Волго-Камья и связан с ананьинской (VIII-II вв. до н.э.), пьяноборской (III в. до н.э. – II в. н.э.), помолской (VI-IX вв. н.э.), чепецкой (IX-XV вв. н.э.) археологической культурами. В этнической истории удмуртов значительна роль волжских болгар, татар, русских. С присоединением к Русскому государству (северная Удмуртия – в 1489 г., южная – в 1558 г.) усилился процесс формирования единой народности. Удмурты участвовали в классовой борьбе против царизма (Крестьянская война под предводительством Е.И.Пугачева, башкирское восстания и др.). 4 ноября 1920 г. образована Вотская (с 1932 г. Удмуртская) автономная область, в 1934 г. преобразована в автономную республику, с 1991 г. – Удмуртская Республика.

Основные традиционные занятия удмуртов – земледелие и животноводство; важную роль играли охота, рыболовство, пчеловодство. Земледелие было общинным; общиной управлял совет (кенеш). Обычаи и обряды образуют два комплекса: связанные с жизненным циклом человека и трудовые. Большинство верующих удмуртов православные, часто придерживаются традиционных языческих верований. Удмуртский язык принадлежит к пермской ветви финно-угорских языков. Письменность создана в XVIII в. на основе русской графики. Литературный язык сложился в советский период. Богат многожанровый фольклор, ведущее место в котором занимает песня; народное прикладное искусство (вышивка, узорное ткачество, вязание, обработка дерева – резьба, плетение, долбление, тиснение). Накоплены знания в области народной медицины, метрологии, педагогики, природоведения. В 1920-е годы начинается возрождение этноса,

созданы национальная школа, книжное издательство, учреждения культуры, национальная интеллигенция. Репрессии 1930-х годов и последующих гг. затормозили дальнейшее развитие национальной культуры. Традиционная народная культура признавалась устаревшей и недостойной внимания. Профессиональные виды искусства развивались под государственным и партийным контролем в русле соцреализма. Хотя и медленно, но все же профессиональная культура росла, ее деятели наращивали профессионализм и мастерство. Образованы творческие союзы писателей, художников, композиторов. Стали известны имена прозаиков Кедре Митрея, М. Петрова, М. Коновалова, Т. Архипова, Г. Красильникова, драматургов И. Гаврилова, В. Садовникова, Е. Загребина, поэтов К. Герда, Ашальчи Оки, Н. Байтерякова, Ф. Васильева, художники С. Виноградова, П. Елкина, М. Гарипова, композиторов Г. Корепанова, Г. Корепанова-Камского, деятелей сценического искусства В. Перевощикова, Н. Бакишевой, Г. Веретенникова, В. Садаевой и др. Популярны Государственный ансамбль песни и танца «Италмас», театр фольклорной песни «Айкай», эстрадный ансамбль «Шулдыр жит».

Литература

1. Верещагин Г.Е. Вотяки Сосновского края // Записки ИРГО. Т. 14. Вып. 2. СПб., 1896
2. Владыкин В.Е. К вопросу об этнических группах удмуртов // Советская этнография, 1970. № 3
3. Владыкин В.Е. Из истории религиозного синкретизма удмуртов // Мировоззрение финно-угорских народов. Новосибирск, 1990
4. Владыкин В.Е., Христолюбова Л.С. История этнографии удмуртов: Краткий исторический очерк с библиографией. Ижевск, 1984
5. Владыкин В.Е. Этнография удмуртов. Ижевск, 1991
6. Голдина Р.Д. Проблемы этнической истории пермских народов в эпоху железа // Проблемы этногенеза удмуртов. Устинов, 1987
7. Иванова М.Г. Чепецкие древности. Ижевск, 1987
8. Пименов В.В. Удмурты: Опыт компонентного анализа этноса. Л., 1977
9. Смирнов И.Н. Вотяки. Казань, 1992
10. Христолюбова Л.С. Семейные обряды у удмуртов. Ижевск, 1984
11. Христолюбова Л.С. Этнокультурные процессы у удмуртов в 1970-е гг. // Статистико-этнографические исследования в Удмуртии. Устинов, 1985
12. Христолюбова Л.С., Владыкин В.Е. Удмурты / Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург : Издательство «Екатеринбург», 1998. – 624 с.

Бесермяне – (самоназвание «бесерман»), этнос на северо-западе Удмуртии в бассейне реки Чепцы. Численность около 10 тыс. чел. по

переписи 1926 г., в последующих записаны удмуртами. Говорят на бесермянском диалекте удмуртского языка; сохраняют самоназвание, обычаи, верования, особенности материальной и духовной культуры, стереотипы поведения. Проблемы этногенеза остаются спорными. Некоторые исследователи считают бесермян тюрками (тюркские народы), потомками волжско-камских болгар; татарами, группой южноудмуртского населения (удмурты). Основные традиционные занятия бесермян – пашенное земледелие, животноводство. Занимались также бортничеством, охотой. Главным социальным институтом бесермян до 1930-х годов была соседская община, сохранялась большая семья. Традиционные типы поселений – деревни и починки вблизи рек. Жилища – срубная бревенчатая изба («корка») с холодными сенями, крыльцом. Надворные постройки – двухэтажный амбар, двор для скота, хлев, баня. Планировка П-образная. Основа традиционной женской одежды – рубаха из холста туникообразного покроя («дерем»), богато украшенная нарукавной и нагрудной вышивкой; верхний распашной халат («зобон»); штаны с широким шагом, передник; сложный головной убор, украшения. Мужской костюм имел много общего с русским и удмуртским. Традиционная пища из продуктов земледелия, мясо считалось праздничным блюдом. Свинина была табуирована вплоть до начала XX в.

В фольклорной традиции развита обрядовая поэзия: календарные и семейно-бытовые песни, сказки, загадки, предания. Обрядовые традиции наиболее стойко сохранились в семье (семейная обрядность). Бесермяне в середине XVIII в. приняли православие, но продолжают сохранять элементы язычества и частично мусульманства. Развита культ предков.

Литература

1. Штейндфельд Н.П. Бесермяне. Опыт этнографического исследования // Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1895 год. Вятка, 1894
2. Белицер В.Н. К вопросу о происхождении бесермян. По материалам одежды // Труды Ин-та этнографии им. Н.Н.Миклухо-Маклая. М.; Л., 1947. Т.1
3. Владыкин В.Е. Происхождение бесермян // Материалы всесоюзной научной сессии. Тбилиси, 1971.
4. Попова Е.В. Бесермяне / Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург : Издательство «Екатеринбург», 1998. – 624 с

Ватка и калмез – две крупные территориальные (земляческие) группы удмуртов, очевидно происходящие от древних племенных объединений. Ко второй половине XX в. представления о ватке и калмез сохранились лишь у отдельных групп северных удмуртов. Основная часть ватки была расселена в бассейне р. Чепцы (левый приток Вятки) и подразделялась на улланьес («нижних», живущих ниже по течению Чепцы) и вылланьес («верхних»).

Однако еще в первой половине II тыс. н.э. территория расселения ватки была значительно шире и охватывала верхнее и среднее течение р. Вятки, о чем свидетельствуют удмуртские предания и русские исторические документы. Около XVIII в. начинается вытеснение ватки с реки Вятки на реку Чепцу русскими переселенцами.

Удмуртские объединения калмез были расселены главным образом по реке Кильмези (левый приток р. Вятки) и ее притокам Лобани, Лумпуни, Вале и др. До начала II тыс. н.э. предки калмез расселялись значительно шире и дальше к западу, достигая правобережья р. Вятки, откуда были вытеснены в первой половине II тыс. н.э. марийскими племенами. Во взаимоотношениях ватки и калмез долгое время сохранялась антитеза «они – мы», которая ко второй половине XX в. сохранилась лишь у удмуртов Унинского района Кировской области, где проживают обе группы. Вплоть до XX в. Ватка и калмез строго придерживались обычая эндогамии, браки между ваткой и калмез не заключались. У ватки и калмез имелись различия в традиционной одежде, музыкальных традициях, календарных и семейных обрядах, они имели различных эпических героев. В языке ватки и калмез были некоторые фонетические и лексические различия, которые обыгрывались в удмуртском фольклоре. Однако эти отличия были незначительными и не препятствовали свободному общению между представителями разных групп.

Литература

1. Атаманов М.Г. Удмуртская ономастика. Ижевск, 1988
2. Владыкин В.Е. К вопросу об этнических группах удмуртов // СЭ, 1970. № 3.
3. Белых С.К. Ватка и калмез / Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург : Издательство «Екатеринбург», 1998. – 624 с

Сихиртя, (сиртя, сииртя) – легендарный народ, обитавший в тундре до прихода ненцев. По преданиям, сихиртя были маленького роста, носили красивую одежду с металлическими подвесками. У них были белые глаза, говорили слегка заикаясь. Домами сихиртя служили высокие песчаные сопки. На поверхность тундры они выходили по ночам или в туман; обитали под землей, где ездили на собаках и пасли мамонтов «я-хора» (земляных оленей). Сихиртя считались умелыми кузнецами, хорошими воинами. Встречи с сихиртя одним приносили несчастье, другим – удачу. Известны случаи женитьбы ненцев на женщинах сихиртя. В фольклорном образе сихиртя мифологически запечатлены черты реального народа (вероятно, самодийского происхождения), жившего в Европейской и Западносибирской тундре в древности. Судя по археологическим данным, предшественники ненцев не были пастухами-оленоводами, а занимались промыслами, в числе которых важнейшими были охота на дикого оленя и морского зверя,

рыболовство. По легендам, с приходом в тундру ненцев-оленоводов сихиртя скрылись под землей.

Литература

1. Лашук Л.П. «Сиртя» – древние обитатели Субарктики // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М., 1968
2. Васильев В.И. Сиртя – миф или реальность? // СЭ, 1970. № 1.
3. Головнев А.В. Сихиртя / Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург : Издательство «Екатеринбург», 1998. – 624 с

Ненцы – (самоеды, юраки), народ в северной части Урала, Приуралья и Зауралья. Название ненцы (ненэц, хасава) означает «человек». Язык относится к самодийской ветви уральской семьи, разделяется на два диалекта – тундровый и лесной. Тундровый, соответственно территориальному размежеванию групп ненцев, состоит из колгуевского, канинского, тиманского, малоземельского, большеземельского, приуральского, ямальского, надымского, тазовского и таймырского говоров. На тундровом наречии говорит 95% ненцев. Лесной диалект разделяется на пуровский, ляминский и нялинский говоры. Тундровые ненцы проживают на территории Ненецкого автономного округа и Мезенского района Архангельской области, Ямало-Ненецкого автономного округа, Тюменской области, Таймырского (Долгано-Ненецкого) автономного округа Красноярского края, в Коми республике; лесные ненцы – в пределах Ханты-Мансийского автономного округа Тюменской области. По переписи 1989г. общая численность ненцев составляла ок. 34 тыс. чел.

Первое упоминание ненцев (самояди) в летописи Нестора относится к XI в.: по сообщению новгородца Гюряты Роговича, «Югра же людье есть язык нем и соседят с Самоядью на полуночных странах». В «Сказании о человецех незнаемых в восточной стране» (XV в.) говорится: «На восточной стране, за Югорьскою землею, над морем, живут люди Самоедь, зовомые Манголзеи».

В эпоху средневековья предки ненцев занимались охотой на дикого оленя, морского зверя, гарпунным и сетевым рыболовством. С середины II тыс. н.э. в их хозяйстве развивается новая отрасль – оленеводство, которая к XVIII в. становится доминирующей, а население переходит к кочевому образу жизни. В этот период происходят массовые миграции в связи с освоением новых пастбищных территорий и завершается процесс формирования ненцев как народа.

Крупностадное оленеводство предполагает постоянные перекочевки, общая годовичная протяженность которых достигает 1 тыс. км. В тундре преобладали меридиональные маршруты от границ леса (зимой) до побережья арктических морей (летом). Длительность стоянки в зависимости

от пастбищных условий варьировала от нескольких дней (весной и осенью) до 2-3 недель (зимой). Стойбища (нысы) носили временный характер, состояли из 1 или нескольких домохозяйств. Жилищами являлись чумы (мя) – конические жердевые постройки с покрытием из оленьих шкур. Транспортным средством в течение всего года служили нарты, реже использовались лодки и лыжи. Одежда шилась преимущественно из оленьих шкур, нити скручивались из оленьих сухожилий, орудия труда изготавливались из рога и кости оленя. Оленина в сыром и вареном виде являлась основой пищевого рациона.

Вспомогательными отраслями хозяйства были рыболовство, охота на морского зверя, дикого оленя, водоплавающую дичь, промысел пушного зверя. Пушнина служила средством торговли и уплаты ясака (податей).

Система общественных отношений ненцев основана на территориальных, имущественных, брачнородственных взаимосвязях родов («еркар»), общая численность которых на рубеже XIX-XX вв. достигала 90. Роды составляли две экзогамные фратрии («тэнз»), между представителями которых заключались браки. Во главе хозяйственных и военных объединений стояли вожди («ерв»).

В пантеоне ненцев наиболее заметные роли играли Нум (Бог Неба), Илибемпэртя (Жизнедержец, Даритель оленей), Я-Мюня (Земли-лона Мать), Явмал (Владыка южных вод).

Литература

1. Хомич Л.В. Ненцы. М.; Л., 1966
2. Долгих Б.О. Очерки по этнической истории ненцев и энцев. М., 1970
3. Васильев В.И. Проблемы формирования северо-самодийских народностей. М., 1979.
4. Головнев А.В. / Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург : Издательство «Академкнига» УрО РАН, 2000. – 640 с.

Башкиры – (Башкорт – самоназвание), коренной народ республики Башкирия. За пределами республики живут в Челябинской, Оренбургской, Пермской, Свердловской Курганской, Тюменской областях, растет численность в республиках и областях Сибири, Казахстана, Средней Азии. Численность башкир, по переписи 1989г. Составляет: в Башкирии – 863,8 тыс. чел., в РФ – 1345,3 тыс., в СНГ – 1449,2 тыс.чел. В антропологическом отношении башкиры неоднородны. Значительную часть башкир (на северо-западе и в центральной этнической территории) относят к европеоидно-монголоидной переходной уральской расе. На юго-востоке и в Зауралье преобладают признаки южносибирской монголоидной расы. Встречаются представители темноволосых и светлых вариантов европеоидной расы южного и северного происхождения. По суммарным признакам башкиры

занимают промежуточное положение между коренными народами Урало–Поволжья и Казахстана с Западной Сибирью, но более тяготеют к Волго–Камью. Говорят на башкирском языке, который относится к западной ветви тюркской группы алтайской семьи. Наибольшее родство башкирский язык обнаруживает с татарским, казахским и ногайским языками, имеет ряд общих черт с восточными тюркскими языками (якутский, алтайский и др.), есть следы исторического взаимодействия с монгольским и тунгусо-манчжурским, а также с финно-угорскими языками. В лексике прослеживается древнеиранский пласт. Испытал влияние арабского (через мусульманскую литературу и религиозную практику), а впоследствии – русского языка. Диалекты: южный, восточный, выделяется северо-западная группа говоров, испытавших сильное влияние татарского языка. Часть башкир говорит на татарском (ок. 14%), и русском языках. До 1917г. и в 1920-е годы башкиры пользовались письменностью на базе арабской графики, с 1929г. применялся латинский алфавит, а в 1940г. введена кириллица с добавлением дополнительных 9 букв. Верующие башкиры в основном мусульмане-сунниты.

В формировании башкир решающую роль сыграли тюркские скотоводческие племена южносибирско-центральноазиатского происхождения. С IX в. известно название народа башкорт, которое большинством исследователей этимологизируется как «главный» (баш-) + «волк» (корт в огузско-тюркском языке), «волк-вожак». В последние годы ряд исследователей считают, что первоначально это словосочетание было известно по письменным источникам военачальника первой половины IX в., под предводительством которого башкиры объединились в военно-политический союз и начали осваивать современные территории расселения. Другое название башкир – иштек (истэк) предположительно было антропонимом (Рона-Таш). Придя на Южный Урал, башкиры частично вытеснили, частично ассимилировали местное финно-угорское и иранское (сармато-аланское) население. Здесь они, по-видимому, вступили в соприкосновение с некоторыми другими древнемадьярскими племенами, чем можно объяснить смешение их в средне-вековых арабских и европейских источниках с древними венграми. К концу первой трети XIII в. в основном завершился процесс формирования этнического облика башкирского народа. В течение X-XIII вв. башкиры были под политическим влиянием Камской Болгарии, соседствовали с кыпчако-куманами. В 1236г. башкиры были покорены монголо-татарами и вошли в Золотую Орду. В X в. в среду башкир начал проникать ислам, а в XIV в. стал господствующей религией. Вместе с исламом башкиры приняли арабскую письменность, начали приобщаться к арабской, персидской (фарси), а затем и тюркоязычной письменной литературе. В период татаро-монгольского владычества в состав башкир

влились некоторые болгарские, кыпчакские и монгольские племена, но это не нарушило уже сложившегося их этно-культурного своеобразия.

После падения Казани (1552г.) башкиры приняли российское подданство (1552-57гг.). Получили право владеть на вотчинных наделах своими землями, жить по своим обычаям и религии. В XVII и особенно в XVIII в. башкиры многократно поднимались на восстание (Башкирские восстания), отстаивая свои земли и свободу. В 1773-75гг. сопротивление башкир было сломлено, однако правительство было вынуждено сохранить вотчинные права башкир на земли и пойти на некоторые уступки по вопросам языка, религии и самоуправления. На протяжении XIX в. увеличивается численность народа, превысив 1 млн чел. В конце XIX – начале XX в. происходит дальнейшее развитие просвещения, культуры, подъем национального самосознания. После Февральской революции 1917г. башкиры вступили в активную борьбу за создание своей государственности, ознаменовавшейся 20 марта 1919г. созданием Башкирской АССР, что стало важнейшим фактором в реализации права башкирской нации на самоопределение. В результате первой мировой и гражданской войн, засухи и голода 1921-22гг. численность башкир сократилась почти вдвое и к концу 1926г. составляла в стране 714 тыс. чел., а в БАССР в современных границах республики – 584,8 тыс. чел. Отрицательно сказались на численности башкир последствия засухи и голода 1932-33гг., репрессий 1930-х годов, ВОВ, а также ассимиляция башкир в составе татарского и русского населения. Дореволюционная численность башкир была достигнута лишь к 1989г.. 11 октября 1990г. Верховный Совет республики принял Декларацию о государственном суверенитете Башкирской Советской Социалистической Республике, с 25 февраля она стала называться Республикой Башкортостан.

Традиционным типом хозяйства башкир было полукочевое скотоводство. Разводили главным образом лошадей, несколько меньше – овец и коров, в южных и восточных районах имелись верблюды. Богатая фауна и флора края позволяли сочетать скотоводство с охотой и рыболовством, бортничеством, сбором плодов и корней растений. В небольших размерах башкиры занимались земледелием. С начала XVII в. полукочевое скотоводство постепенно утрачивает былое значение, возрастает удельный вес земледелия, на базе бортничества развивается пасечное пчеловодство. В северо-западных районах в XVIII в. земледелие стало основным занятием населения, но на юге и востоке кочевание сохранилось местами вплоть до начала XX в. Однако, и здесь к этому времени переход к комплексному земледельческому хозяйству был завершён. Из ремесел были развиты домашняя обработка кожевенного сырья, ручное ткачество, обработка дерева. Башкиры были знакомы с кузнечно-ювелирным ремеслом, местами вели разведку серебряной руды; из серебра выделяли предметы украшения. Соляное месторождение на р. Илек было открыто башкирами до середины

XVI в. Традиционный тип поселений башкир – аул, расположенный на берегу реки или озера. В условиях кочевой жизни каждый аул имел несколько поселений: зимнее (кышлау), весеннее (язры йорт), летнее (йейлеу), осеннее (кезе йорт). Встречались небольшие выселки в 10-20 дворов. Традиционное жилище башкир – войлочная юрта (тирме) со сборным решетчатым каркасом. Различались юрты тюркского (с полусферическим верхом) и монгольского (с коническим верхом) типов. В степной зоне ставили глинобитные, пластовые, саманные дома, в лесной и лесостепной – срубные. Временными жилищами и летними кухнями служили дощатые балаганы, плетневые избы, шалаши.

Основу женской одежды составляли платье (кулдэк), передник, камзол, украшенный позументом и серебряными монетами. Молодые женщины носили нагрудные украшения (селтэр, пакал) из кораллов и монет. Верхняя одежда женщин – распашные кафтаны (елэн) и чекмени из цветного сукна, отделанные позументом, вышивкой, монетами. Мужская одежда – рубахи и штаны с широким шагом, легкие халаты (прямошпанные и расклешенные), камзолы, тулупы. После 1960-70-х годов традиционный костюм используется в праздничные дни, на свадьбах, в художественной самодеятельности, театре и на национальных спортивных состязаниях и играх. Традиционные черты сохранила одежда пожилых людей. В пище башкир преобладали мясные и молочные продукты, уже в древности сложилась разнообразная земледельческая кухня. Существенной была роль продуктов охоты, рыболовства, меда, ягод и трав. Традиционные блюда – мелконарезанная конина или баранина с бульоном (бишбармак, куламак), вяленая колбаса из конского мяса и жира (казы), различные виды творога (эремсек, эжекэй), сыр (корот), каши из пшеницы, ячменной и пшеничной муки, толокно. Широко известны слабоалкогольные напитки: кумыс (из кобыльего молока), буза (из проросших зерен ячменя, полбы), бал (сравнительно крепкий напиток из меда и сахара). В жаркую погоду для утоления жажды пьют разбавленное кислое молоко айран. Ранней весной после прилета грачей в каждом ауле устраивали празднество каргатуй («грачиный праздник») в честь оживающей природы и культа предков. Накануне весенних полевых работ, а местами после них, проводили праздник плуга (сабантуй), в середине лета праздновался джиин (йыйын). Летом проводили девичьи игры на лоне природы «кукушкин чай» (кэкук сэйе), в котором участвуют одни женщины; в засушливое время – обряд вызывания дождя (тэлэк) с жертвоприношениями и молениями, обливанием друг друга водой. Фольклорные традиции башкир разнообразны. Ведущее место в устно-поэтическом творчестве занимает эпос, сказки. Развито песенно-музыкальное творчество (эпические – о батырах и др., лирические, бытовые, обрядовые песни, частушки). Разнообразны плясовые мелодии, в музыке широко используются традиционные инструменты – курай, кубыз (кобыз, варган), домра.

Наряду с исламом, башкиры сохранили элементы языческих верований, для которых было характерно почитание рек, озер, гор, скал, животных и птиц. Особо выделялись волк и медведь. Почитались лебедь, журавль, беркут, сокол, существовал культ грачей, связанный с культом предков. Верховное небесное божество башкир Тэнгре отождествилось впоследствии с мусульманским Аллахом. Тесное переплетение языческих и мусульманских элементов наблюдается также в семейных обрядах, особенно в родильных и похоронно-поминальных.

Литература

1. Руденко С.И. Башкиры. Историко-этнографические очерки. М.; Л., 1955
2. Калимуллин Б.Г. Башкирское народное зодчество. Уфа., 1977
3. Авижанская С.А., Бикбулатов Н.В., Кузеев Р.Г. Декоративно-прикладное искусство башкир. Уфа, 1964
4. Шитова С.Н. Народная одежда башкир // Археология и этнография Башкирии. Т.III. Уфа, 1968
5. Авижанская С.А. Традиционные поселения и жилища башкир. М., 1984
6. Киреев А.Н. Башкирский героический эпос. Уфа, 1970
7. Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. М., 1974
8. Нагаева Л.И. Танцы восточных башкир. М., 1981
9. Бикбулатов Н.В., Фатыхова Ф.Ф. Семейный быт башкир. XIX-XX вв. М., 1991.
10. Бикбулатов Н.В. Башкиры / Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург : Издательство «Екатеринбург», 1998. – 624 с

8.2. КУЛЬТУРА НАРОДОВ УРАЛА

Культура и быт населения Урала в XII-XVII вв.

Освоение Урала русскими людьми оказало значительное воздействие на культуру и быт жителей края. В течение XII–XVII вв. шло взаимообогащение культур коренного населения и русских, среди которых абсолютное большинство составляли крестьяне. Воздействие русской культуры яснее всего ощутимо в передаче навыков пашенного земледелия, во влиянии на деревянное зодчество, в распространении русского языка, письменности, православия как официальной религии русского феодального государства. В свою очередь, русские перенимали у коренных жителей многие приемы охоты, рыбной ловли и другие элементы культуры. Развитие русской культуры на Урале, оставаясь частью общерусского культурно-исторического процесса, имело вместе с тем некоторые особенности, связанные с условиями освоения этого края, характером социально-экономических отношений и контактов с другими народами. На Урале в то время преобладало

черносошное крестьянство и посадское население. Крепостнические отношения здесь сказывались слабее, чем в уездах, расположенных в центре страны. Более высокий уровень личной независимости, возможности для проявления инициативы, предприимчивости создавали относительно благоприятные условия для развития культуры. На Урале в XVI–XVII вв. продолжают традиции летописания, создаются и переписываются книги, сохраняется и обогащается фольклор; грамотность была распространена среди посадских жителей, служилых людей, части крестьянства. Крупный культурный центр сложился в вотчинах «именитых людей» Строгановых, обладавших большими книжными собраниями, иконописными мастерскими, поощрявших развитие музыкально-хорового искусства. Уже в XV–XVII вв. на Урале жителями широко применялись технические знания, связанные прежде всего с поиском, добычей и обработкой минеральных богатств края. Высокого технического уровня достигла добыча соли. Здесь применяли бурение скважин на большую глубину, насосы для подъема рассола, более совершенное оборудование для соляных варниц. Технические знания и практические навыки местного населения стали важным условием превращения Урала в XVIII в. в центр отечественной горной промышленности.

Культура коренных народов Урала

Во время своих походов в XI–XV вв. русские достаточно хорошо ориентировались на обширной территории Северного и Среднего Урала. В Приуралье они пользовались теми же путями, которые были издавна освоены предками коми, манси. Как правило, представители местного населения служили проводниками для русских. Известно, что в дружину Ермака входили коми и манси, знавшие дорогу через Уральские горы. Не без участия манси, живших в верховьях Яйвы и Косьвы, разыскал в конце XVI в. Артемий Бабинов самый короткий путь из Соликамска в Сибирь. Для проникновения в Южное Зауралье после присоединения Казани и Башкирии русские стали пользоваться старой Казанской дорогой, хорошо освоенной татарами и башкирами. Народы Урала накопили многовековой опыт использования его природных богатств. Они варили соль, выплавляли металл, осваивали лес. реки, познавали многообразный животный мир. Арабские и среднеазиатские географы не раз писали, что на Урале знают самородное золото и самоцветы. С приходом русских шире стали разрабатываться руды, соляные источники, лес. Царское правительство предписывало искать как новые залежи руд, так и осваивать остатки древних копей. К концу XVII в. на Урале было выявлено уже более 50 месторождений полезных ископаемых. Такому успеху во многом способствовали наблюдения и прямая помощь рудознатцев из числа местного населения. Известно, что в Сылвенско-Иренском поречье рудознатцы часто пользовались услугами татар и манси.

Коренное население Урала выработало немало производственных навыков и практических знаний, которые уже на ранних этапах успешно осваивались русскими. В то же время и само оно воспринимало многие стороны нового для него опыта. Взаимная передача знаний шла в рамках формирующихся хозяйственно-культурных комплексов. Наиболее активное распространение традиций русской культуры и быта наблюдается в земледельческих зонах, в которых преобладающим становилось применявшееся выходцами из Европейской России трехполье. Здесь раньше получили распространение русские сохи, более совершенные топоры, серпы, косы, которые в большом количестве найдены при раскопках древних поселений. В местах охотничье-рыболовческого хозяйства русские воспринимали многие навыки местного населения: средства перевозки тяжестей (нарты), орудия рыболовства (сыри, совья), одежду (лузан, малицу, совик), обувь (няры, уледп) и др. У коренного уральского населения развивались различные виды прикладного искусства. Все они были тесно связаны с хозяйственным бытом и традиционным мировоззрением. К древнейшим временам восходят обработка дерева и бересты, кости и металла, изготовление узорных тканей и вязаных изделий. Народы коми и удмурты владели закладным, браным и многоремизным ткачеством. По археологическим находкам можно предположить, что у предков коми – ломоватовских и ванвиздинских племен (III–VIII вв.) была известна уже одежда с тканым узором и геометрической вышивкой. Видное место в мужском и женском костюме издавна занимали пояса, поэтому их украшали бляшками или тканым узором. В традиционном костюме коми известны женские головные уборы, украшенные раковинами, жемчугом, нашивками, а у удмуртов – серебряными бляшками. С конца XVII в. у удмуртов на женской рубахе появляется вышивка. Жившие в лесной таежной зоне коми, удмурты и манси изготавливали для себя разнообразную резную деревянную утварь для хранения продуктов и приготовления пищи: корытца, чашки, солоницы, ложки, ковши, жбаны и т. д. Многим изделиям придавали удобную и красивую форму, украшали трехгранновыемчатой, контурной или скульптурной резьбой в виде стилизованных зооморфных изображений. Важное место в быту занимали предметы из бересты и корня. > коми широко бытовали коробицы, чуманы, заплечные пестери, туеса, наплечные сумки-пещорки, куды и корзины для хранения сухих продуктов. Берестяные изделия коми и удмурты украшали резьбой и тиснением. На деревянной утвари хозяин часто вырезал семейные или личные знаки – пасы, которые нередко являлись орнаментальным украшением предмета. Приемы обработки дерева были общераспространенными, но у некоторых народов Урала деревянные вещи отличались своеобразием/Например, у охотников и рыбаков коми-зырян и коми-пермяков широко бытовала большая солонка в виде водоплавающей птицы. Непременной принадлежностью удмуртского родового святилища и переднего угла жилища был резной стул,

приготовленный из цельного ствола дерева и служивший одновременно для хранения одежды. Коми-зыряне и коми-пермяки значительное внимание уделяли декору жилых и хозяйственных построек. Особенно украшали крыши, возведенные на «самцах» без гвоздей. Над двускатными крышами выделялись коньки-охлупни, а по бокам – «курицы». Охлупни и «курицы» вырезались из ствола дерева с корневищем, которым чаще всего придавалась форма конских голов или каких-либо фантастических животных и птиц. Кроме того, у коми было принято возле домов укреплять на высоких шестах резные фигуры птиц. Аналогичные украшения известны и у старожильческого русского населения Верхнего Прикамья. Зооморфные мотивы и в жилище, и в бытовой утвари имеют истоки в анималистических представлениях предков и широко известной металлической пластике пермского звериного стиля. На основе высокого искусства обработки дерева у коми-зырян и комипермяков получила развитие и скульптура. О деревянных идолах вычегодско-вымских коми, которые «суть болваны истуканныя, изваянныя, вырезом вырезаемыя», писал в конце XIV в. Епифаний Премудрый. О таких же деревянных идолах, находящихся в языческих «кумирнях» и капищах, сообщается в послании митрополита Симона 1501 г. «пермичам» в Пермь Великую. Деревянные боги-идолы были известны и другим народам Урала, в частности манси, которые хранили их в святилищах пещер по Яйве и Чусовой. Местное население долгое время считало изваяние главным божеством. С принятием христианства официальная церковь пошла на компромисс: функции языческих идолов перешли на церковную скульптуру. Основанием для такого заключения служит дошедшая до наших дней пермская деревянная скульптура XVII–XVIII вв., в которой, помимо христианских сюжетов, отчетливо выделяются традиции как местного язычества, так и русского, занесенного на уральские земли первопоселенцами с Европейского Севера. Поэтому пермская скульптура схожа с новгородской, псковской, архангельской и вологодской. В письменных памятниках XIV–XVII вв. музыкальные инструменты коми называются одним термином «сюргум», что в переводе означает труба или рожок. С глубокой древности пастухи и охотники пользовались берестяными трубами и деревянными барабанами не только для подачи сигналов, но и для музыкальных развлечений. У коми-пермяков и вычегодских коми-зырян широко была распространена игра на «полянах» – своеобразных многоствольных флейтах, вырезанных из стеблей пиканов. Коми-зырянам известен и струнный музыкальный инструмент «сигудбк», который по устройству близок русскому гудку. Несколько слабее ощущалось влияние русской культуры в Башкирии. Это было связано с распространением здесь ислама, который уже в XVI в. стал господствующей религией в Башкирии, а также с особенностями хозяйственной деятельности башкир. Вплоть до XVIII в. основным занятием большей части населения Башкирии (особенно в

восточной ее части) оставалось полукочевое скотоводство и охота. Но и здесь по примеру русского и нерусского населения, проникавшего в Башкирию из Поволжья, башкиры-скотоводы в XVII в. расширили сенокосные угодья и увеличили заготовку сена на зиму. Более активное проникновение пришлого населения (русские, татары и другие народы Поволжья) в районы северной и западной Башкирии повлекло за собой заметные изменения в трудовых занятиях и быте местного населения. Наметилось хозяйственно-этнографическое разделение Башкирии на земледельческую западную и скотоводческую восточную области. Хозяйственные орудия западные башкиры заимствовали у народов, которые по существу являлись проводниками земледельческой культуры. Наиболее широкое распространение, особенно в гористых местностях, получила русская соха. Для поднятия целины чаще всего применялся тяжелый татарский плуг – сабан. До вхождения Урала в состав Русского государства местное население, за исключением коми-зырян, не имело своей письменности. Письменность у коми-зырян появилась во второй половине XIV в. Ее создание связано с именем миссионера Стефана Пермского. В истории Русского государства это была первая попытка разработать алфавит для бесписьменного народа. Коми азбука, известная как древнепермская, состояла из 24 букв. В ней использовались греческие и славянские буквы, а также местные родовые тамги—пасы. Сам Стефан Пермский, будучи сыном коми-зырянки, хорошо знал язык этого народа. Он перевел на коми-зырянский язык богослужебные книги, открыл школу для обучения грамоте. Однако впоследствии древнепермская письменность значительно отстала от разговорного коми языка и в XVIII в. была полностью переведена на русскую графическую основу. Эту грамоту частично знали и коми-пермяки: длительное время у них бытовали иконы с надписями из древнепермских букв. Вхождение народов Урала в состав Русского государства неизбежно вело к овладению русской письменностью, необходимой для составления разных деловых бумаг. Так, в конце XVI–XVII в. вишерские, чувовские, лялинские и лозьвинские манси неоднократно направляли русскому царю свои челобитные с просьбой установить точные границы своих владений и размеры ясака. Среди манси первыми овладевали русской грамотой так называемые толмачи. Им поручали писать челобитные, грамоты, выступать в качестве переводчиков. Давней традицией у коми населения был обычай писать на бересте, причем писали не только небольшие тексты заклинаний и молитв, но и богослужебные книги. С приходом русских начинается активный процесс взаимопроникновения русских слов в местные языки и наоборот. Известно, что в XVII в. на Урале были люди, знавшие не только два, но и три языка. Длительное двуязычие вело также к активному освоению русскими местной топонимии. Причем местные топонимы нередко приобретали новую форму, более удобную для пользования как русским, так и народом коми. Раньше

всего тесные культурные связи установились между земледельческими народами: русскими, коми-пермяками и коми-зырянами. Влияние русской культуры было явлением прогрессивным. Русские не только обогатили традиционно-бытовую культуру уральских народов, но и ускорили ее развитие. Русское население внесло много нового в местную строительную практику. На Урале широкое распространение получили более рациональные постройки для обмолота и хранения зерна, водяные мельницы. У коми-зырян под влиянием русских появляются элементы связи жилых и дворовых построек в единый комплекс. На усадьбах возникают и отдельные постройки специального назначения – амбары и погреба. С приходом русских как у коми-зырян, так и у коми-пермяков строятся более высокие избы, на подклетьях, с севернорусской внутренней планировкой, многие части жилой избы и ее внутренней обстановки в языке коми получили русские названия. Очевидно, не без оснований записал Избрант Идее во время своего переезда через земли коми в 1692 г.: «...дворы у них равным же образом построены, как и у русских». Меняется облик жилища и в Башкирии. Если в восточной части основным летним жилищем скотоводов на кочевках оставалась войлочная юрта, то в западной Башкирии, кроме южной ее части, юрта становится уже редкостью. Западные башкиры жили, как правило, в деревянных избах, одинаковых по типу с жилищем народов Среднего Поволжья. Внутреннее убранство жилищ изменилось незначительно и носило еще отпечатки былого скотоводческого быта. Большую часть помещения занимали нары, заменявшие отсутствовавшие у башкир столы, стулья и кровати. Лишь в соседних с русскими деревнях стали применяться в быту столы и скамейки. В течение XVII–XVIII вв. изменяется одежда западных башкир, приблизившись к одежде народов Среднего Поволжья, в частности появились сапоги, косоворотка. На северо-западе постепенно исчезла кожаная одежда. Некоторые предметы одежды башкиры заимствовали у западных соседей: мари, чувашей, удмуртов. Это сыба – сшитый в талию из холста кафтан, войлочные шляпы, онучи, вязаные чулки. В XVII в. широко распространяется по всей Башкирии комплекс татарской одежды, который впоследствии (в XIX–XX вв.) в некоторых районах западной Башкирии стал преобладать. Много общих черт у народов коми и русских Северного и Среднего Урала наблюдалось в одежде, обуви, головных уборах. В том же дневнике Избранта Идеса встречаем запись: «...платье их почитай с российским сходно». Документы XVI–XVII вв. показывают, что у местных народов значительно расширяется состав одежды, под влиянием русских начинают применяться некоторые привозные ткани и украшения. Документы называют у коми русские зипуны, понитки, гуни, запоны, шушуны и др. В XVII в. намечались уже устойчивые территориально-этнические границы бытования многих принадлежностей народного костюма. У коми-зырян и коми-пермяков получили распространение туникообразные мужские и

женские рубахи северно-русского покроя, старые косоклинные дубасы (сарафаны). Коми население заимствовало и русские женские головные уборы. Перенимались от русских и способы хранения и переработки овощей, приготовления хлебных изделий (пироги с разной начинкой, блины, оладьи, шаньги) и напитков (сусло, квас), шире стали употребляться привозные товары (чай, сахар). В XVII в. стали использовать и табак. Вместе с тем русские усвоили традиционные кушанья народа коми, например пельмени. Сильное влияние русская культура оказала на фольклор местных народов Урала. У коми-зырян и коми-пермяков повсеместно усваивались русские сказки, песни, свадебные причитания. Некоторые песни исполнялись на родном языке. В рамках установившихся христианских правил у русских и коми по единому ритуалу проводились многие семейные и общественные праздники и обряды. Так, в наиболее ярком свадебном обряде коми-зырян и коми-пермяков очень слабо выглядит местная специфика. У них получил распространение свадебный обряд северно-русского варианта. В семейном быту часто пользовались русскими словами: мужик, баба, мама, родня, батюшка и др.

8.3. ЗАСЕЛЕНИЕ УРАЛА РУССКИМИ

Начало заселения

Начало заселения и основные этапы возникновения первых русских поселений. Тянулись в этот сказочный край русские люди давно. Известно, что в XI - XII вв. отважные и предприимчивые купцы и «вольные люди» Господина Великого Новгорода небольшими дружинами на лодках-ушкуях пробили дорожки к «Камню» и прибыльно меняли у иноземной югорской Чуди (Югра, Угра – территория между рекой Печорой и Уральским хребтом) свои товары на мягкую рухлядь (драгоценную пушнину).

За дружинами и купцами шли переселенцы, которых влекли просторные богатые земли, щедрые леса. Шли за бобром и соболем. Шли на свободные, «пустые» земли, чтобы на них осесть и жить. Дружины пробирались в северное Предуралье от Белого моря по рекам Мезень, Пеза, Цильма, попадая на Печору и Верхнюю Каму, или другим путем – по Северной Двине, Вычегде, Ижме, опять на Печору и Верхнюю Каму. Коренное население Урала было малочисленно. Жило оно племенами и имело разный национальный состав. В верховьях Камы и ее многочисленных притоках обитали коми-пермяки, вотяки, татары и марийцы. Вятско-Камское междуречье заселяли удмурты. Средний и Северный Урал и Северное Зауралье занимали вогулы (мансы) и остяки (ханты). Среднее, Южное Предуралье и Зауралье, Южный Урал заселяли сибирские, тюменские и тобольские татары, башкиры и киргизы. Население северной и средней полосы края занималось охотой и рыбной ловлей, в более южных районах,

кроме охоты – земледелием и скотоводством. Кочевому и полукочевому образу жизни, который вели эти народности, соответствовали мелкие и легкие сборные жилые постройки – кибитки, чумы и юрты, в которых располагалась различная мебель

Люди жили здесь обособленно и разбросанно, ставя юрты на очень большом расстоянии одна от другой. Интересные в этом отношении сведения дал П. Н. Буцинский: «Во главе инородческой волости стоял сотник, поэтому волости назывались еще сотнями, на которые инородцы делились еще до завоевания русскими Сибири; волость или сотня составлялись из нескольких юрт, а иногда даже из одной, что видно по ясачной книге 1626 г. Всего к примеру, в Верхотурском уезде было 30 юрт, в которых жило 296 ясачных людей» [25, с. 18]. Такое же редкое заселение в начале XVII в. было и в Туринском уезде, в котором находилось 14 остятских и татарских юрт. «Живут вогульцы обыкновенно по лесам, семьями или роднёю вместе; и каждая семья присваивает столько земли, сколько окрестные соседи за ловлею объезжать им позволяют.

Не имея кроме охоты другого упражнения, принуждены они по необходимости рассеиваться сколь можно одна семья от другой далее, и не жить деревнями, ибо в таковом случае не было бы для их прокормления довольно пищи. Хотя ловлею соболей и протчей дичи довольно богатеют; однако лошадей не держат и потому, что в сих непроходимых и болотистых лесах выгоднее ходить пешком. .. Богатые держат несколько коров и вот весь их домашний скот... Каждая Вогульская семья в округе своего владения заняла на выгодном месте изгородку, простирающуюся в лес иногда до двенадцати и более верст» – писал П. С. Даллас. В районе первого заселения русскими — Северном Прикамье местное население было сосредоточено главным образом в низовьях рек Колвы и Вишеры.

Здесь сложились основные экономические и административные центры Перми Великой. Никоновская летопись отмечает четыре таких княжеских оплота – Искор, Урос, Пок чу и Чердынь. Все они были расположены на реке Колве и находились недалеко друг от друга. В XIII в. Печоро-Вычегодский бассейн и Югорские земли включаются в состав новгородских владений. Столица Перми Великой – Чердынь становится базой русского управления. Краем правит еще туземный князь, но уже крещеный и подотчетный Новгороду.

Новый этап в истории освоения Урала

Новый этап в истории освоения Урала русскими наступил со второй половины XV в., в период княжения великого московского князя Ивана III. Стремясь к объединению всех русских земель вокруг Москвы, Иван III присоединяет к Московскому государству в 1472 г. новгородские земли Перми Великой (территория по рекам Каме, Вычегде и Печоре) с главным

городом Чердынь, а в 1478 г/ – все северные новгородские земли и сам Великий Новгород. На Урал проникают «москвитяне». Северная часть Урала постепенно становится не только доходной колонией, как при новгородском владычестве, но и настоящей русской областью, политически и экономически неразрывно связанной с Московским государством.

Освоение края давало возможность русским обойти с севера враждебное Казанское ханство и продвигаться к средней части Урала, в Зауралье и далее в богатую Сибирь. Для достижения стабильности положения в новообретенном крае Московскому государству необходимо было основать свой опорный пункт в центре расселения коренного населения.

Этому послужил городок Покча. В 1535 г. он сгорел и главным городом края на длительное время стала Чердынь, или, как ее называли, – Пермь Великая Чердынь. Это было русское «московское» ядро в центре основного ареала расселения местного населения, вытянутого в меридиональном направлении по рекам Колва – Нижняя Вишера – Кама. Кроме того, центральная часть этой территории представляла собой удобный транспортный узел водных артерий. Кама вела на запад, к Москве и на юг Предуралья; Колва – на север, к берегам Печоры; Вишера – на восток, к подножью горного Урала и далее в бассейн Оби.

По этим рекам русские легко вступали в тесную связь с местным населением и, сопровождая свое продвижение основанием новых укрепленных городков, строили под их защитой починки, заимки и деревни. Ранее, между 1398 - 1409 гг., в верховьях Камы был построен один из первых русских поселений городок Ана- фаловский, а в 1430 г. посадские торговые люди Калинниковы основали селение Соль-Камская, положив начало солеварному промыслу.

Таким образом, во второй половине XVI в. в районе Верхокамья - развилке рек Кама, Вишера, Колва сложилась довольно развитая сеть погостов, имевших укрепления и военное снаряжение. Погосты являлись наиболее крупными сельскими поселениями и служили административными центрами небольших округов (в 5– 10 деревень и починков). По данным писцовых книг И. И. Яхонтова, в 1579 г. в Чердынском уезде насчитывалось И погостов, которые входили в 4 стана, разделяющих весь уезд, в то время как в Соликамском уезде погостов еще не было. К концу XVI в. Чердынь превратилась в центр тяготения самой значительной в пределах Камского Предуралья группы русских поселений. Ее с полным основанием можно назвать первым крупным уральским ареалом русского расселения.

Проникновение русских на Урал во второй половине XVI в.

Проникновение русских на Урал во второй половине XVI в. неразрывно связано с разгромом Казанского ханства и завоеванием Казани в 1552 г., добровольным присоединением Башкирии к России в 1554–1556-х гг. и

основанием крепости Уфа в 1574 г. Благодаря этому появилась реальная возможность дальнейшего и энергичного продвижения русских из района Чердыни вниз по Каме и из центральных районов Русского государства по Оке, Волге и Каме в более южные районы Предуралья и в горы Южного Урала, за исключением средней части Уральского хребта, расположенной в верховьях Чусовой, Сылвы и бассейнов рек восточного склона Среднего и Южного Урала, где хозяйничал сибирский хан.

Большое значение в заселении Камского Предуралья в конце XVI столетия сыграла активная хозяйственная деятельность «именитых людей» Строгановых, которые «на свой поклон соболями, чернобурими лисицами и золотым песком» к Московскому царю получили от Ивана Грозного ряд жалованных грамот (в 1558, 1568, 1574 гг.) «поступать военной рукою». Строгановы в короткий срок получили обширную пермскую вотчину (свыше 10 млн. га земли) по обоим берегам Камы. «Места пустые, леса черные, речки и озера дикие... И прежд ден сего на том месте пашни не пахаваны и дворы де не ставивали» – сказано в грамотах. Разрешалось заселять эти земли людям всякого чина, строить города и крепости. «... и около б того места леса по речкам и до вершин и по озерам велети сечи и пашни расчпстя велети пахати, и дворы ставити, и людей велети называти».

Велено заводить соляные варницы и плавить железную руду «где ее сыщут» и вообще использовать землю и ее богатства. Строгановы продвинулись далеко от Соликамска вниз по Каме, вышли на берега Чусовой и утвердились в низовьях Сылвы, оставив за собой длинную цепь укрепленных городков, острожков и слободок, ставших затем центрами небольших округов. Добыча соли Строгановыми в районе Соль-Камская (Соликамск) имела огромное государственное значение, так как вплоть до середины XVIII в. страна испытывала нужду в соли. Незнание других месторождений и трудоемкость добычи делали соль очень дорогой. Она в больших количествах завозилась в Россию из-за границы.

Процесс исторического заселения Урала

С основанием в Зауралье в 1598 г. нового города-таможни Верхотурья значение Чердыни заметно ослабело. На протяжении XVII в. крепость Верхотурье стала главным экономическим и военно-административным центром всего Зауралья. Вокруг этой крепости уже в Зауралье образовывается новый значительный узел поселений. В то же время на Среднем Предуралье, в центре Сылвенско-Иренского поречья в 1648 г. была основана крепость Кунгур и образован новый Кунгурский уезд. Этим самым русские укрепились в районе с благоприятными природными условиями для сельского хозяйства.

Если до основания Кунгура в этом районе русские селения тянулись к Уральским горам редкими цепочками, то теперь в Кунгурской лесостепи стал

быстро складываться еще один крупный ареал густого русского заселения. Около середины XVII столетия русские поселения начинают распространяться на юге Зауралья в черноземных равнинах Башкирии. Так с XII в. до конца XVII в. русские создали ряд основных очагов поселений на севере и в средней полосе Предуралья и Зауралья, активно не проникая в горные районы Урала.

Этим в основном заканчивается допетровский период освоения Урала. С начала XVIII в. на восточном склоне Среднего Урала сложился первый горнозаводской район. Помимо территориального освоения Урала с этого времени, в отличие от предшествовавших крестьянских земледельческих поселений, появился новый для Урала тип поселений, возникших при таких крупнейших металлургических заводах, как Невьянский, Нижнетагильский, Екатеринбургский и ряд других. За короткое время вся огромная горная территория, от севера до юга, была освоена множеством поселений. Чердынь, Соликамск, Верхотурье постепенно потеряли свое значение, окружающие их поселения начали уменьшаться.

Таким образом, в процессе исторического заселения Урала возникновение первых очагов русских поселений и распространение русского народного жилища по его районам происходило в основном в такой последовательности:

Первый этап – XI-XIII вв. На заре заселения в Северное Предуралье проникли новгородцы, которые создали небольшие отдельные поселения в верховьях рек Вычегды, Печоры, Камы, распространяя свою культуру и приемы строительства жилища.

Второй этап – конец XV – середина XVI в. Новгородские владения и новые районы Верхокамья присоединились к Москве. В районе Чердыни на развилке трех крупных рек Предуралья – Камы, Колвы, Вишеры сложилась первая крупная группа русских поселений.

Третий этап – конец XVI в. С активной хозяйственной деятельностью Строгановых в Предуралье возникла цепочка русских поселений по Среднему Прикамью. Начали появляться поселения в низовьях крупных притоков реки Камы - Чусовой, Сылвы, Белой.

Четвертый этап – конец XVI – середина XVII в. Довольно большие группы русских поселений стали складываться на севере Урала: в Предуралье у Соликамска и впервые, в Зауралье, около Верхотурья. В большом числе образовывались поселения и на Среднем Урале: в Зауралье по речным долинам рек Нейвы, Ницы, Режа, Пыш-мы, Исети и в Предуралье – в Сылвенско-Иренском поречье.

Пятый этап – XVIII в. С развитием новой металлургической промышленности создавалась огромная сеть поселений в горной части Урала, при этом появился совершенно новый для Урала тип поселений, связанный с заводом. Так русские поселения сначала появились по главным рекам

Предуралья и Северного Урала, а затем по их притокам, постепенно опускаясь на юг и юго-восток Урала, и только потом распространились в горной части Урала.

Русские поселенцы XVI– XVII вв.

Русские поселенцы XVI– XVII вв. и горнозаводские крестьяне XVIII в. – носители традиционных приемов строительства. Раннюю русскую культуру, искусство, приемы строительства и типы жилища, как уже отмечалось, привнесли с собой на север Предуралья поселенцы из Новгорода и северных земель по рекам: Северной Двине, Вычегде, Пинеге, Мезени. Это были для своего времени экономически развитые, богатые районы. Северная Двина, Су-хонь, Вычегда были оживленными водными магистралями. Северная Двина уже в XVI столетии являлась основным торговым путем, соединившим через Су-хонь Москву с Ледовитым океаном.

Основанный в 1584 г. в устье Двины Архангельск стал центром внешней торговли Русского государства. Вычегда связывала северные районы, Урал и Сибирь. Крестьяне северных областей отличались большой предприимчивостью, слыли редкими умельцами во многих ремеслах и были отличными плотниками. С древних времен мастера северных губерний вызывались в Москву, а позднее в Петербург для «государьевых дел». Н. В. Устюгов отмечает, что они славились своим мастерством далеко за пределами страны. Именно здесь, на севере Европейской России сложились наиболее разнообразные типы русских поселений и крестьянских изб с редкими конструктивными и художественными достоинствами. По многим историческим документам и письменным источникам видно, что важная роль в заселении не только Северного, но и Среднего Урала принадлежала этим крестьянам с севера.

С падением Казанского ханства и походом Ермака в Сибирь стало возможным активное заселение Урала и с запада – из Москвы, Поволжья, Вятки и Казани. Таким образом, в конце XVI – начале XVII в. на Среднем Урале волна поселенцев из Новгорода и северных районов столкнулась с волной московских и вятских поселенцев. Из материалов истории заселения Урала видно, что Московское правительство активно поддерживало массовость переселения на Урал. Чтобы привлечь народ к заселению края, переселенцам давали значительные льготы. И вот за «Камень» хлынули переселенческие волны.

Ища некоторую свободу, сюда бежали от феодального гнета обнищавшие русские крестьяне. Видное место в этом движении народных масс принадлежало последователям старой веры, раскольникам-староверам, бежавшим от жестоких преследователей сторонников реформы богослужения во главе с патриархом Никоном. Реформа осуществлялась с 1653 г.

Многочисленные секты раскольников расселялись по глухим местам, сооружали там свои скиты и молельни.

Особенно значительную группу выходцев составляли крестьяне Керженской волости Нижегородского края, по которым на Урале стали называть всех старообрядцев «кержаками». Позднее город Екатеринбург становится центром старообрядчества на Урале. Но стихийного движения было недостаточно для заселения обширных земель. Из Москвы Верхотурским воеводам даются предписания об организованном переселении: «.. в уездах по торгам и по малым торжкам, кликать биричам не один день и оказывать подмогу, и льготы давать на год, на два и больше, смотря по пустоте...». Воеводы рассылали «сатчиков» и «слободчиков» по северным областям Московской Руси «кликати охочих» пашенных крестьян переселяться на новые места, «садить» их на земли и строить слободы.

Русские и местное население

Селясь среди коренного населения, в некоторых местах русские быстро сблизились с ним. Нередко они устраивались в «ясачных» деревнях вместе с татарами, марийцами и другими местными национальностями, о чем видно из множества «отписок» уральских воевод в Москву. В свою очередь: «Инородцы говорят русским языком и всякому русскому обычаю навычыы». По-видимому, это стало довольно распространенным, так как в документах неоднократно встречаются специальные указания правительства, чтобы «пресечь такое явление». Тесная связь разных национальностей в некоторых районах края, естественно, отразилась на культуре, искусстве и народном строительстве.

Особенно это наблюдается у коми-пермяков, имевших длительную связь с русскими. «... Постепенно жизнь пермяков слилась с русской жизнью. Иногда бывает весьма трудно отличить у коми-пермяков русские бытовые черты от исконно национальных, настолько они у них глубоко привились, в то время как у русских они давно отжили» – Н. И. Шишкин. «И не одна лишь старинная русская одежда сохраняется у пермяков – много и другой старины русской – курные избы в составе собственно избы, клетки и сеней с волоковыми окнами, затянутыми, вместо стекла, требушиной...» отмечал А. Ф. Теплоухов.

Из приведенного материала и натурных обследований видно, что коми-пермяки, ревностные хранители старины, бытовых особенностей, на Северном Прикамье донесли до нас старинные русские строительные приемы и обычаи, которых в других местах уже нет. Нельзя отрицать и большого влияния культуры пермяков и других местных национальностей на русскую культуру и, в частности, на декоративные приемы в строительстве.

Новая хозяйственная политика правительства Петра I потребовала создания в России крупных заводов. Это послужило основанием для

серьезного изучения богатства уральских недр и строительства на Урале больших по тем временам и оборудованных по последнему слову техники казенных и частных заводов. Быстро развивающаяся горнозаводская промышленность вызвала огромный спрос на рабочие руки. Работать на многочисленных заводах и рудниках стали все те же крестьяне, которые переводятся правительством в разряд горнозаводских крепостных. Заселение горнозаводских районов проходило путем приписки крестьян к заводам, покупки крепостных и перевода мастеров и ремесленников из других районов России путем укрывательства и прикрепления к заводам беглых.

Изучая формирование рабочих кадров демидовских предприятий, Б. Б. Кафенгауз установил, что рабочие первых заводов были в основном из северных уездов страны и Северного Приуралья, а в дальнейшем преобладали выходцы из районов Среднего Поволжья. Особенно значительная группа крестьян была из кержаков. Это является прямым продолжением рассмотренного выше более раннего процесса заселения.

Русские – (в конце XIX – начале XX вв. употреблялось также название великорусы, или великороссы), один из крупнейших народов мира. О происхождении этнонима нет единого мнения; большинство ученых связывают его с названием реки. Рось, притока Днепра, с древнейшим именем славянского племени россов (росичей, родиев). Формирование русского этноса происходит после распада древнерусского государства; ядро этнической территории русских – верховья Волги и Западной Двины. Уже в XII-XIII вв. уссские проникают в Северное Приуралье. Активное заселение уссскими Урала началось со второй половины XV в. Перепись населения 1897 зарегистрировала в регионе 7013 тыс. чел. русских (71,4% всех жителей), перепись 1989 г. – 14669 тыс. чел. (72,8%). Проживают практически во всех уральских районах.

В традиционной культуре и быту наблюдается переплетение элементов северорусского и среднерусского происхождения. Некоторые черты были заимствованы у местных народов. Основными сферами хозяйственной деятельности русских первоначально были сельское хозяйство, промыслы, ремесла и торговля. С XVIII в. видное место в хозяйстве стало принадлежать крупному производству, в первую очередь горнозаводскому. Народное жилище русских – дома с крытыми дворами, вплотную примыкающими к жилой части (типы: дом брусом, двойной дом, тройной дом, дом кошелем), и дома с открытыми посередине дворами и замкнутыми по периметру надворными постройками и навесами (типы: четырехстенная изба, изба со связью, пятистенок, шестистенок). Традиционная верхняя одежда русских – однобортные кафтаны (понитки, шабуры, сибирки, армяки, азямы), шубы и полушубки, тулупы, зипуны, бешметы, яги и совики; нательная мужская – туникообразные рубахи, рубахи на кокетках, порты – штаны с широким шагом, штаны, сходные покроем с брюками; женская – рубахи-становины,

дубасы, сарафаны, юбки и кофты. Во второй половине XIX – начала XX в. широко внедряются пиджаки, сюртуки, платья городского фасона. Влияние города на традиционную одежду русских на Урале оказалось большим, чем в других регионах.

Составные части рациона питания русских: хлеб (выпекался из ржаной, пшеничной, овсяной и ячменной муки), др. мучные и крупяные изделия, мясные и рыбные блюда, молоко и молочные продукты, ягоды, грибы, орехи, травы, пиканы, овощи. В начале XX в. значение «второго хлеба» приобрел картофель. Потребление пищи строго регламентировалось конфессиональными традициями. Большая часть русских издавна придерживалась официального православия. С 1660-х на Урале появляются раскольники – приверженцы «старой веры». Основным течением уральского раскола стало т.н. «часовенное согласие».

Фольклор русских чрезвычайно богат и отличается разнообразием жанров. В XVIII в. на Урале был создан «Сборник Кирши Данилова» – выдающееся собрание былин и исторических песен. В репертуар народа входили также предания, легенды, пословицы и поговорки, сказки, былички, лирические и обрядовые песни, причитания и пр.

Литература

1. Бубнов Е.Н. Русское деревянное зодчество Урала. М., 1988
2. На путях из Земли Пермской в Сибирь: очерки этнографии севернозауральских крестьян XVII-XX вв. М., 1989
3. Чагин Г.Н. Культура и быт русских крестьян Среднего Урала в середине XIX - начале XX в. Пермь, 1991.
4. Миненко Н.А. Русские / Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург : Издательство «Екатеринбург», 1998. – 624 с

8.4. НАЧАЛО ЗАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОГО УРАЛА РУССКИМИ

До второй половины XVI в. русского населения на Южном Урале не было. Русские люди появились здесь с завоеванием Казанского ханства.

Завоевание Казанского ханства имело большое значение как для народов Поволжья, так и для башкир, начавших борьбу за освобождение от власти Ногайской орды и Сибирского ханства.

Сразу же после разгрома Казанского ханства, в 1552 году было отправлено в Москву посольство с предложением подданства от башкир минских аймаков. Вслед за минцами зимой 1556-1557 года в Москву с просьбой о присоединении отправились еще два посольства от башкирских племен. Оба посольства добрались до Москвы на лыжах.

После 1557 г. лишь небольшая восточная и северовосточная части Башкирии оставались подвластными Сибирскому ханству. Они подчинились

Москве в конце XVI– начале XVII вв., после падения Сибирского ханства (1598 г.).

Добровольное присоединение к Русскому государству было глубоко прогрессивным событием в истории Башкирии. Оно положило конец жестокому господству ногайских, казанских и сибирских ханов. Башкирия, включившись в состав сильного Русского государства, получила защиту от нападения соседних кочевых племен. Разъединенные башкирские племена начали сближаться, составляя башкирскую народность. Окрепили и торговые связи башкир. Они продавали народам Поволжья и русским купцам скот, кожи, меха пушных зверей, мед, воск, хмель.

Тесное общение с поволжскими племенами и народами и, главным образом, с более развитым и передовым в культурном отношении русским народом было весьма плодотворным для башкир. Русские крестьяне принесли с собой сравнительно высокую земледельческую культуру и оказали положительное влияние на хозяйственное и культурное развитие башкирского народа. Почти не знавшая в прошлом земледелия значительная часть башкирского населения в течение XVII–XVIII вв. переходит к оседлости и земледельческому хозяйству.

Политика царского правительства по отношению к башкирам была осторожной. Рассчитывая на их поддержку в продвижении в Сибирь и Среднюю Азию, оно начинает привлекать местную знать на службу русскому царю. Башкирским племенам выдаются различные жалованные грамоты на вечное владение землями, знатные башкиры получают земельные угодья и освобождаются от уплаты ясака.

В административном отношении вся Башкирия в XVI в. составляла Уфимский уезд. Башкирия делилась на четыре дороги. Западная часть Башкирии называлась Казанской дорогой, центр и южная часть – Ногайской, Восточная – Сибирской. Четвертая дорога – Осинская – тянулась узкой полосой к северу от Уфы. Каждая дорога делилась на несколько административных волостей, образованных на основе племенных или родовых организаций.

Для укрепления своей власти в крае царское правительство строило города-крепости: Бирск и Мензелинск в 1584, Самара в 1586 году. Особенно большое значение имело строительство в 1586 году г. Уфы — в центре Башкирии. Строить Уфу помогали башкиры, так как крепость нужна была и для защиты от казахов и других кочевников. Только ногайский князь Урус в 1586 году в официальном письме спрашивал царя: «...Для чего, государь, на Самаре и Волошке города поставил?» Он требовал их уничтожения. В первой половине XVII в. был поставлен ряд новых крепостей по реке Черемшане (в Тиинске, Билярске, Шемшинске и других местах), образовавший так называемую старую «Закамскую черту». Отсюда и началось заселение Башкирии русским населением.

Заселение в основном происходило «снизу». Сюда прибывали из центра России беглые крепостные крестьяне, спасавшиеся от преследований раскольники, а позднее – государственные крестьяне, которым правительство отводило в надел свободные земли в Башкирии, известные под названием «диких полей».

Заселение Башкирии шло также и «сверху», по распоряжению царского правительства. С постройкой военных крепостей в крае образовалось русское военно-служилое сословие – воеводы, чиновники, стрельцы. За свою службу они стали получать в надел башкирские земли и селить на них крестьян (особенно много вблизи г. Уфы). Русские помещики также стали приобретать башкирские земли и переселять на них своих крестьян из центральных губерний. В числе колонизаторов были, как и всюду, русские монастыри, появившиеся здесь довольно рано, но потом большей частью разоренные башкирами.

Помимо русских в Башкирию направлялись с северо-запада поселенцы из нерусского населения: татары, не желавшие подчиниться русской власти, мещеряки, чувашаи, мари, тептяри, мордва и др. Все они арендовали башкирские земли на правах «припущенников». Русское правительство рассматривало их вначале как чуть ли не крепостных башкир. Среди этих новых поселенцев было немало и выходцев из Казахстана, Средней Азии, Узбекистана, Бухары, Хивы, Туркмении – каракалпаков, казахов, туркмен, персов и др. Так шло заселение территории, которая впоследствии составила Уфимский, Бир-ский и Мензелинский уезды Оренбургской губернии.

Второй поток колонизации захватил территорию по течению реки Яика и тоже происходил во второй половине XVI в. Колонистами были вольные сыны Дона и беглые крестьяне центральных и поволжских уездов, ставшие яицкими казаками. В начале XVII в. они владели почти всем течением реки Яика. В 30-х годах XVII в. яицкие казаки были привлечены на службу Русскому государству, и за это им были даны определенные права и привилегии.

В XVII в., по мере заселения сибирского Зауралья, колонизация стала продвигаться на юг по направлению к нашему Челябинскому краю, известному тогда под названием Исетского. Исетский край изобиловал множеством небольших речек, притоков Миасса и Течи, удобных для селения и богатых рыбой. Известный путешественник и ученый XVIII в. Петр Симон Паллас, живший довольно долго в Исетской провинции, был восхищен обилием ее природы. Богатый чернозем давал возможность заниматься здесь земледелием. Природа края была удобна для садоводства, овцеводства и коневодства. Край изобиловал рыбой и зверем. Коренное население Исетского края составляли главным образом башкиры, затем шли мещеряки, татары, калмыки и другие народы.

Первыми поселенцами из русских здесь были черносошные крестьяне и посадские люди из различных уездов Поморья, дворцовые крестьяне Сарапульского уезда, крестьяне и работники соляных промыслов Строгановской вотчины и выходцы из других мест, искавшие спасения от усиливавшейся феодальной эксплуатации.

Сначала они селятся при устье реки Исети, затем продвигаются вверх по реке и ее большим притокам: Миассу, Барневе и Тече. С 1646 до 1651 года застроился Китайский острог. В 1650 году были построены Исетский и Колчеданский остроги на реке Исети. В строительстве Исетского острога деятельное участие принял конный казак из Верхотурья Давид Андреев, который собиралохотников в различных местах Казанской губернии. В 1660 году построен Мехонский острог, в 1662 – Шадринский, в 1685–Крутихинский, на правом берегу Исети, ниже притока Крутихи.

Поселенцев было мало, и чтобы выдержать набеги кочевников, некоторые из них отправлялись на Русь, где вербовала крестьян, заманивая их в далекий край обещаниями разных льгот и природными богатствами. На их зов откликнулись крестьяне Украины, Дона и внутренней России. Правительство в это время оказывало помощь, переселенцам наделами земли и выдачей денег.

Заселению Исетского края во многом способствовали рано возникшие монастыри. Древнейшим из них был Успенский Далматов монастырь, построенный в 1644 году на месте Белого городища при слиянии рек Течи и Исети. Основал его Дмитрий Иванович Мокринский, возведенный впоследствии монахами в сан «старца Далма-та». Этот монастырь служил верным убежищем для окрестных русских жителей при нападении на них соседних башкир и казахов. Он привлекал многих русских крестьян, которым нелегко жилось в центре России.

Правительство давало монастырям земли с правом поселения на них крестьян, награждало жалованными грамотами, по которым суд над монастырскими крестьянами был представлен игумену с братией, а в случае суда «сместного» (совместного) должен был судить игумен с воеводами и дьяками. Ввиду того, что монастырские суды отличались большей мягкостью по сравнению с судами воевод, крестьяне охотно селились на монастырских землях.

Для защиты и самообороны от врагов Далматовский монастырь был обнесен стеной с бойницами по углам, имел на вооружении даже пушки. Монастырь вскоре превратился в крупное феодальное хозяйство. В середине XVIII в. за ним числилось село и 14 деревень, в которых проживало 2150 душ вместе с монастырскими работниками и слугами. При монастыре была открыта ярмарка, куда в начале декабря стекались с продуктами крестьяне не только ближних, но и дальних деревень Исетского края.

В 7 верстах от Исетского острога находился Рафаилов монастырь, к которому было приписано 5 деревень, имевших 530 крестьян. В 20 верстах от него вверх по Исети располагалась «Коцкого монастыря заимка», а ниже Исетского острога на 18 верст – «Велико-Устюжского Архангельского монастыря заимка». К первой было приписано 3 деревни с 679 душами, а ко второй — 507 душ, поселенных в трех деревнях. За всеми этими монастырями в середине XVIII в. числилось 3866 душ мужского пола.

Под прикрытием острогов и монастырей началось заселение края русскими крестьянами. Исетский край привлекал их не только своими земельными богатствами, но и тем, что крестьяне селились здесь на положении свободных. Они должны были нести лишь ряд повинностей в пользу государства, среди которых весьма распространенной была государева десятинная пашня.

От Исети русская колонизация переходит на нижнее течение Синяры, Течи и Миасса. Первым русским поселением на этих реках является монастырское Теченское поселение (1667 г.), выдвинутое далеко на запад. Вслед за этим активизируется деятельность крестьянских слободчиков. В 1670 году в нижнем течении Миасса строится Усть-Миасская слобода, затем в 1676 – слободчик Василий Качусов заводит Средне-Миасскую или Окуневскую слободу. В 1682 г. слободчиком Ивашко Синициным была основана Белоярская слобода (Русская Теча). В 1684 г. Василий Соколов у слияния речки Чумляк с Миассом выстроил Верхне-Миасскую, или Чумлякскую слободу, в 1687– слободчик Кирилл Сутурмин завел Новопещанскую слободу (на оз. Песчаном в междуречье Течи и Миасса). Образовавшийся таким образом полукруг русских поселений создал предпосылки для дальнейшего продвижения русского крестьянства на запад, к восточным склонам южноуральских гор. В 1710 году по нижнему течению Миасса насчитывалось уже 632 двора, в которых проживало 3955 человек. Большинство дворов принадлежало государственным крестьянам (524 двора). Но были также дворы крестьян (108), принадлежавших Тобольскому архиерейскому дому.

Все поселения располагались по левому берегу р. Миасс. Объясняется это опасным соседством кочевых племен. Поселенцы использовали реку Миасс, протекавшую с запада на восток, как преграду, защищавшую их от внезапных нападений кочевников с юга.

Как видно из переписных книг Л.М. Поскотина, население, прибывшее в XVII в. в Исетский край, являлось выходцем непосредственно из Верхотурского и Тобольского уездов, с Прикамья, из северно-русских поморских уездов, Верхнего и Среднего Поволжья. Небольшая часть этого населения прибыла также из центральной России. Но в XVII в. крестьянская колонизация Южного Зауралья не развилась еще в достаточной степени. Она сдерживалась опасностью постоянных набегов степных кочевников.

Требовалось вмешательство со стороны русского правительства для того, чтобы обезопасить жизнь крестьянских поселенцев и создать благоприятные условия для развития земледелия, промыслов и торговли во всем этом богатейшем крае.

Литература

1. Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. М.—Л., 1936, стр. 11
2. Очерки по истории Башкирской АССР, Уфа, 1958, стр.: 83.
3. Витевский В. Н. Неплюев И. И. и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Т. III, Казань, 1897, стр. 450—451

8.5. ДРУГИЕ НАРОДЫ РЕГИОНА

Кроме переселений по желанию, правительство переселяло пашенных крестьян из других районов на Урал группами «по прибору» и «по указу» и очень часто опять из поморских городов [27, 25, с. 195]. Иногда правительство возлагало «прибор» в виде повинности. Например, в 1590 г. велено в Соли-Вычегодской и в уезде приборать в Сибирь пашенных крестьян 30 семейств с домашним скотом, птицей и «всякой житейской рухлядью», что дало возможность быстро освоить земли на новых местах, сразу организовывая полное хозяйство поселения. С голыми руками не «сядешь» ни в лесу, ни на поляне. Об интенсивности заселения XVII в. можно судить на основании писцовых, переписных и дозорных книг и всюду, как в приведенных примерах, доминирующей группой поселенцев на Урале являются выходцы из северных областей. Переселенцы не просто оседали на новых местах, но они поддерживали интенсивную связь с районами своего выхода. Так, Соль-Камский край имел связь с Соль-Вычегодским (Строгановские вотчины), постоянно имелась связь с Поморьем, известна древнейшая обширная торговая связь Чердыни и села Покча (русское население которых было потомками новгородцев) с Печорским краем через Якшинскую пристань на Печоре, имеющая водный путь: Вишера, Колва, Березовка, Печорский волок, Печора. Это говорит о теснейшей непрекращающейся связи и влиянии зодчества Севера на складывающееся народное зодчество на Урале. Первые годы переселенцы жили сравнительно спокойно, но когда кончились «льготные годы» – положение изменилось. Появилось множество всяких повинностей. Тяжелой оказалась жизнь на новых «вольных» землях. Многие крестьяне бросали свои дворы и насиженные места и разбежались кто на родину, кто на юг и юго-восток Урала, ища более удобные места для земледелия.

О размерах ухода населения из пермских земель Строгановых можно судить по итогам переписи 1715 г., зарегистрировавшей в них свыше 5 тысяч пустых изб и дворов и более 33 тысяч беглецов [36, вып. 2, с. 30].

Правительство тоже иногда переселяло целые селения из одних районов Урала в другие, более необходимые для освоения. Так население еще не раз перемешивалось, перемещаясь уже в самом крае. Данные книг 1648–1651 гг. [60, с. 59] и 1703–1704 гг. [60, с. 87] позволяют восстановить картину бегства «тяглых» людей в Кунгурский уезд. Наибольшее их количество было из Поморья и Северного Урала, так как речная система Сылвы-Ирени связана с Камским бассейном. Таким образом и в южную часть Среднего Урала были занесены принципы строительства северного зодчества.

КАЗАЧЕСТВО

Казачество – (казак, козак – слово тюркского происхождения; означает – свободный человек, бродяга), этносоциальная общность, военно-служилое сословие в дореволюционной России. В XVI-XVII вв. подразделялось на вольное казачество, образовавшееся из крестьян, холопов, посадских людей, которые бежали на окраины государства от феодальной эксплуатации, злоупотреблений властей, религиозных притеснений, и служилых людей, несших военно-административную службу и получавших жалованье от государства (служилые люди, беломестные казаки, солдаты осинские пахотные). В XVIII в. служилые люди были переведены частично в податное сословие и постепенно слились с крестьянами, частично продолжали служить в зауральских городах (городовые казаки), частично вошли в состав войскового (Оренбургского, Сибирского) казачества.

Формирование вольного казачества на Урале связывается с разгромом в 1577г. правительственными войсками стольника Мурашкина воровских волжских казаков: часть разбитых казаков с атаманом Ермаком отправилась на Каму и Чусовую (впоследствии положили начало присоединению Сибири и формированию сибирского казачества), часть на реке Яик (Урал). Последние во главе с атаманом Нечаем разорили столицу татарских ханов Сарайчик и основали в 40 верстах от нынешнего Уральска укрепленный Яицкий городок, ставший центром вольного яицкого казачества. К 1591г. относится первая известная государственная служба яицких казаков на Кавказе (этот год считается официальным началом Яицкого (Уральского) войска). Основу хозяйственной жизни вольного казачества вначале составляли промыслы, охота, рыболовство; сравнительно рано появилось скотоводство. Важным источником существования вольного казачества являлась военная добыча. В XVI-XVII вв. вольное казачество пользовалось автономией в области управления, суда, внешних связей. Важнейшие вопросы обсуждал казачий сход, «круг» (община казачья). Правительство привлекало вольное казачество для охраны юго-восточной границы, участия во внешних войнах; с конца XVII в. начали регулярно посылать яицким казакам жалованье «за службу». Петр I предпринял шаги к превращению вольного казачества в иррегулярное войско: в 1721г. яицкие казаки были

подчинены Военной коллегии; были проведены переписи казачьего населения; в 1723г. впервые войсковой атаман был назначен царской грамотой, до этого он ежегодно избирался войском без утверждения правительством. Недовольство яицких казаков ограничением автономии неоднократно в XVIII в. принимало форму открытого протеста (Яицкое восстание 1772г., восстание 1773-1775 гг. под предводительством Е.И. Пугачева). В отличие от Яицкого Оренбургское казачье войско было создано «сверху», по инициативе правительства. Его формирование было ускорено постройкой на юго-восточной границе Оренбургской укрепленной линии и основанием в 1735г. Оренбурга. К Оренбургу и на укрепленную линию начали переселять уфимских, самарских, исетских казаков (казаки исетские). В состав войска также включали малороссийских, яицких казаков, вольных охочих людей и переселенцев из внутренних губерний, татар, тептярей, мещеряков. Первоначально жившие в Оренбурге и поблизости казаки именовались нерегулярными людьми Оренбургской губернии. В 1748г. они получили единое командование в лице войскового атамана. С этого времени уфимские, самарские, исетские казаки стали называться Оренбургским казачьим войском. В 1755г. был высочайше утвержден первый штат войска (около 5 тыс. чел.). Во время восстания Е.И. Пугачева оренбургское казачество в основной своей массе осталось на стороне правительства и участвовало в обороне губернского центра Оренбурга от повстанцев. После подавления восстания в 1775г. Екатерина II переименовала Яицкое войско в Уральское, а Яицкий городок в Уральск; тогда же был отменен войсковой круг и народное правление у уральских казаков. Право назначения атамана окончательно перешло к правительству.

Уральское казачество приняло активное участие в Отечественной войне 1812г. и в заграничных походах русской армии. Особенно отличился 3-й Оренбургский полк, который участвовал во всех боях партизанского отряда А.Н. Сеславина, в 1813г. в Лейпцигском сражении. В XIX – начале XX в. оренбургские и уральские казаки принимали участие во всех крупных войнах, которые вела Россия: русско-турецкой, русско-японской, первой мировой. Огромную роль сыграло казачество в присоединении Казахстана и Средней Азии. К 1912г. численность войскового населения Оренбургского и Уральского казачества составляла соответственно 500672 и 155317 чел.

Первая мировая война оторвала от хозяйства множество рабочих рук, усилила внутрисословную дифференциацию, сблизила казаков-фронтовиков с солдатами, подорвала веру в незыблемость самодержавия. Октябрьская революция разделила казачество на «красных» и «белых» и послужила прологом к братоубийственной гражданской войне.

В Оренбуржье движение «белых» казаков возглавил атаман А.И. Дутов. Во второй половине 1919г. дутовцы были окончательно вытеснены с войсковой территории и отступили в Семиречье, а затем в Китай. После

ожесточенной борьбы против «красных» в 1918-1919гг. белоказаки-уральцы во главе с атаманом В.С. Толстовым также были вынуждены покинуть войсковую территорию и ушли в Иран: часть их вернулась в Россию, часть выехала с атаманом в Австралию, где и поныне живут потомки уральских казаков. С конца 1917г. советское правительство проводило политику «расказачивания» и унификации казачьих территорий в рамках РСФСР. В конце 1980-х годов на Урале началось возрождение казачьих организаций в Оренбурге, Челябинске, Троицке, Екатеринбурге и других городах.

Казаки беломестные – представители служилых людей по прибору. В 1630 – начале XVIII в. проживали в пограничных слободах и острогах и несли воинскую службу с «обеленной» пашни (не обложенной налогами и повинностями). Вместо хлебного и денежного жалованья беломестных казаков получали из казны оружие, порох, свинец, иногда деньги на приобретение лошади. Беломестные казаки комплектовались из «вольных гулящих людей». Подчинялись приказчикам слобод и слободчикам. В 1689г. была утверждена должность головы беломестных казаков, проживавших по р.Исети. После проведения I-й ревизии (1724) беломестные казаки были положены в подушный оклад и постепенно растворились среди преимущественно крестьянского податного населения.

Казаки выписные – крестьяне и разночинцы, обязанные, кроме выполнения своих крестьянских повинностей, строить крепости, укрепленные линии, нести караульно-сторожевую службу в укрепленных слободах и деревнях, на заводах, как правило, по месту жительства, со своим оружием и на собственном содержании. Существовали в 30-70-х XVIII в. На Урале выписные казаки участвовали в подавлении башкирских восстаний и восстания 1773-1775гг. под предводительством Е.И. Пугачева. В выписные казаки выбирались крестьянской общиной и службу несли посменно (обычный срок смены – до 1 года).

Казаки исетские – региональное сообщество казаков Зауралья. Сформировалось в основном из потомков казаков дружины Ермака к середине XVII в. по мере заселения и освоения р. Исети и ее притоков. Первый основатель острогов на р. Исети исетский конный казак тобольского разряда Давыд Андреев заложил в 1649г. острог Красный Бор, в 1650г. – Усть-Миасский и Исетский остроги. В XVII – начале XVIII в. исетские казаки жили отдельными общинами, каждая из которых имела своего атамана. В 1736г. по высочайшему указу В.Н. Татищев образовал из исетские казаков Исетское казачье войско с войсковым атаманом, есаулом, сотниками, хорунжими и писарями. Казачьи войска распределялись по исетской линии в пределах Исетской провинции. Резиденцией войскового атамана была назначена Челябинская крепость. В середине XVIII в. Исетское казачье войско вошло в качестве автономной единицы (со своим войсковым атаманом) в состав вновь созданного Оренбургского казачьего войска. По

штату 1755г. Исетское казачье войско насчитывало 1380 человек. В ходе реформы Оренбургского казачьего войска 1798-1803гг. автономия Исетского казачьего войска была окончательно ликвидирована. В 1805г. исетские казаки были переселены на оренбургскую линию. Наименование исетские казаки сохранялось и в более поздний период.

Литература

1. Вершинин Е.В. Беломестные казаки Зауралья в XVII в. // Казаки Урала и Сибири в XVII-XX вв. Екатеринбург, 1993
2. История казачества Азиатской России. В 3 т. Екатеринбург, 1995
3. Карпов А.Б. Уральцы: исторический очерк. Ч.1. Уральск, 1911
4. Побережников И.В. Казачество Урала / Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург : «Академкнига» УрО РАН, 2000. – 640 с.
5. Стариков Ф.М. Краткий исторический очерк Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1890

ТАТАРЫ

Свой этноним усвоили лишь в конце XIX – начале XX в. Он образован по классической тюркской модели: тат~дат~йат «чужой», эр~ат «люди», татар «чужие люди». Еще до н.э. он был заимствован китайцами и обозначал всех их северных соседей. Этот этноним в Европе распространился во время татаро-монгольской экспансии. В Западной Европе им обозначали все восточные народы. В XVI-XVII вв. русские всех своих восточных соседей также называли татарами. Позже этноним татар закрепился за тюрко-мусульманами. Но в процессе формирования наций многие тюркские народы отказались от этнонима татар (например, азербайджанцы, балкарцы, хакасы), он закрепился за прежними золотоордынскими кыпчаками Поволжья, Приуралья, Крыма и Добруджа (в Болгарии и Румынии).

В этногенезе татар Поволжья приняли участие тюркские и местные финно-угорские племена, поэтому татарский и башкирский языки значительно отличаются от тюркских языков др. регионов своеобразными особенностями, возникшими в результате многовекового влияния местных финно-угорских языков.

В различные периоды истории предки татар носили разные этнонимы, восходящие к названию племен, выступавших инициаторами создания государственности. Так, в период Булгарского государства (IX-XII вв.) этноним булгар или ас, или суас. Во время Золотой Орды (XIII-XV вв.) и Казанского ханства (XV-XVI вв.) как эндоэтноним применялись слова: булгар, кыпчак, казанлы, месельман, а как эктоэтноним слова: татары, казанцы.

По материалам переписи 1989г., в регионе насчитывалось 1998,46 тыс. чел. татар. Наиболее известны локально-этнографические группы: тептяри,

мишари, крещеные тары (нагайбаки, бакалинцы), икчинские, среднеуральские, пермские, сафакульские татары и др. Часть татар, живущих ныне в пределах Западной Сибири, Северной Башкирии, Пермского края, именовались остяками (или иштяками). Язык уральских татар делится на говоры: мензелинский, бирский, пермский, красноуфимский, златоустовский, турбалинский, каргалинский, абдуллинский, нагайбакский, икчинский – средний диалект; байкибашевский, стерлитамакский, шарлыкский – мишарский диалект; сафакульский. В основной массе уральские татары имеют европеоидные черты, довольно широко представлен, особенно у пермских татар, уральский тип.

Основу хозяйства составляло пашенное земледелие в сочетании со стойловым (а в Зауралье и пастбищным) животноводством. Земледелие (выращивались рожь, овес, ячмень, просо, конопля, лен, позднее пшеница) велось по трехпольной системе с применением плуга с колесным передком (сабан), плетеных или рамных борон, других орудий плужно-сошного типа (полусабан и др.). Из ремесел были развиты домашняя обработка животного сырья, ручное ткачество, обработка дерева, кузнечно-ювелирное ремесло и т.п. Татары участвовали в изыскательских работах, занимались заготовкой и сплавом леса, поставкой древесного угля, работали в шахтах, на золотых приисках, нефтяных промыслах.

На Урале татары сохранили традиции строить бревенчатые дома типа изба-сени или изба-сени-изба, со специфическим архитектурным оформлением фасада: с нишей во фронте, украшенной накладным узором («сияниями»), деление жилой части при помощи глухой перегородки на мужскую («чистую») и женскую (кухонную) половины.

Уральские татары продолжают сохранять также и традиционную одежду. Натальная одежда (мужская и женская) туникообразного покроя, штаны с широким шагом, приталенный камзол, стеганный на вате бешмет, женское платье с оборками, длинная мужская рубаха навыпуск, ичиги, валенки с узорами на голенищах и т.д. Для них характерен татарский комплекс украшений с татарскими же названиями. Вместе с тем одежда приобрела и некоторые своеобразные черты в деталях (например, преобладание монет в женском уборе мангайча, в браслетах, украшении калфака).

Основу традиционной кухни татар составляла мясо-молочная и растительная пища, мучные изделия (токмач, салма, чумар, икмэк, коймак, актлама и др.), печеные изделия с начинкой (бэлэш, гебэдия), пресные сдобы (бавырсак, чэкчэк, майаши) и др.

Основная часть татар придерживается мусульманской религии суннитского толка. Имеются две небольшие группы (бакалинские и нагайбакские кряшены, т.е. крещеные татары) православного вероисповедания.

Фольклор уральских татар богат и характеризуется разнообразием жанров: сказки, предания, легенды, пословицы и поговорки, лирические и обрядовые песни, байты, мунаджаты и др.

Народные праздники уральских татар, как и у татар вообще, связаны с культом земледелия: сабантуй (праздник сабана) проходил перед началом весеннего сева, красили яйца, проводили различные спортивные состязания, с 1940-50-х годов стали праздновать после завершения весенних посевных работ; шийлык или карга (янгыр, сабан) боткасы – обряд моления дождя. Из праздников мусульманского календаря отмечались гает бэйрэме (ураза гаете, корбан гаете) и некоторые др. У нагайбакских и бакалинских татар – кряшен наиболее известными праздниками являются пасха (олыкен), троица, масленица (майчабу) и др.

Литература

1. Бадер О.Н., Оборин В.А. На заре истории Прикамья. Пермь, 1958
2. Давлетшин Г.М. Волжская Булгария: духовная культура. Казань, 1990
3. Закиев М.З., Рамазанова Д.Е. Татары / Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург : Издательство «Академкнига» УрО РАН, 2000. – 640 с.
4. Закиев М.З. Татар халкы теленен барлыкка килуе. Казань, 1977
5. Закиев М.З. Проблемы языка и происхождения волжских татар. Казань, 1986
6. Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю. М., 1992
7. Пермские татары. Казань, 1983
8. Приуральские татары. Казань, 1990
9. Происхождение казанских татар. Казань, 1948
10. Рамазанов Д.Б. Формирование татарских говоров юго-запада Башкирии. Казань, 1984
11. Татары и Татарстан. Казань, 1983
12. Татары Среднего Поволжья и Приуралья. М., 1967.

Касимовские татары – западная группа татар Поволжья и Приуралья. Расселены в Рязанской области в г. Касимове и его окрестностях. В середине XIX в. Численность касимовских татар составляла около 5 тыс. человек. Часть касимовских татар проживает в ряде городов России, Средней Азии, Прибалтики. Язык их относится к говору среднего, казанско-татарского диалекта. Касимов основан в 1152 г., до 1471 г. – городец мещерский, с середины XV в. до 1681 г. – центр Касимовского царства, являвшийся удельным княжеством на Оке и выделявшийся московскими князьями татарским «царям» и «царевичам», переходившим на русскую службу. Первым царем здесь был Касим, сын казанского хана Улуг-Мухаммеда,

перешедшего на службу к московскому князю Василию II Темному в 1446 г.. В 1614 г. царем Михаилом Федоровичем правителем Касимова был назначен сибирский царевич Арслан Алиевич, внук Кучума, после смерти которого (1627 г.) престол в Касимове унаследовал его сын Сейд-Бурган, после крещения (1653 г.) получивший имя Василий (умер в 1679 г.). Последним правителем Касимовского царства была мать Василия, вдова Арслана, Фатыма-султан Сеитовна (умерла около 1681 г.). Престола в Касимове удостаивались также представители другой ветви сибирских царевичей, находившиеся на службе царского правительства. Это были сыновья и внуки Алтаная, одного из младших сыновей Кучума. Они были привезены в Москву после разгрома Кучума и присоединения Западной Сибири к Русскому государству.

В формировании касимовских татар участвовали тюркские народы (ногайцы, казахи, буртасы, башкиры, крымские, сибирские татары), финноязычные (мещера, мордва). Однако основными этническими компонентами касимовских татар считаются татары казанские и мишари. Основными занятиями касимовских татар в середине XIX – начале XX в. были земледелие и животноводство. Часть населения была занята промыслами (овчинно-меховым, кожевенным, сетевязанием), торговлей (кожей, мехами) и т.д. Довольно широкое развитие среди сельского населения касимовских татар получило отходничество. В традиционной культуре касимовских татар много общего с культурой татар Поволжья и Приуралья, а также тюркских народов Крыма, Кавказа, Средней Азии, Казахстана и Сибири. В современных условиях наблюдается широкое распространение среди населения касимовских татар и русской общегородской культуры.

Литература

1. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. III. Спб., 1886
2. Шишкин Н.И. История города Касимова с древнейших времен. Изд. 2-е. Рязань, 1891.
3. Валеев Ф.Т. Касимовские татары / Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург : Издательство «Екатеринбург», 1998. – 624 с

Сибирские татары – тюркское население, проживающее к западу от реки Оби в степной и лесостепной зонах в основном в сельских районах Тюменской, Омской, Новосибирской, Томской областей, а также в Тюмени, Тобольске, Омске, Новосибирске, Томске, Таре, Барабинске и др. городах Западной Сибири. По данным Всероссийской переписи 1897г., общая численность сибирских татар составляла свыше 46 тыс. человек, а по переписи 1926г. – свыше 70 тыс. человек. В последующих переписях 1939-1989гг сибирские татары не были специально выделены, их численность

показана вместе с «пришлыми» поволжскими и приуральскими татарами. Основное ядро сибирских татар вышло из среды средневековых кыпчаков, принимавших участие в формировании множества тюркских народов. В процессе своего длительного и сложного этнического развития сибирские татары контактировали с группами угорского происхождения, самодийцами, народами Саяно-Алтая, Средней Азии и Казахстана, монголами, татарами Поволжья и Приуралья, башкирами и некоторыми другими народами. Степень влияния указанных народов на этническое развитие сибирских татар зависела от конкретных исторических условий, от продолжительности этих контактов и т.д.

Сибирские татары состоят из трех этнических групп – тоболо-иртышских, барабинских и томских татар, отличающихся друг от друга незначительными особенностями в народно-разговорных языках, хозяйственной деятельности, материальной и духовной культуре. Каждая из основных этнических групп сибирских татар делится на более мелкие группы. Наиболее сильное влияние на этническое развитие сибирских татар оказали среднеазиатские переселенцы в Сибирь – узбеки и таджики, известные под обобщающим названием бухарцев (сибирские бухарцы) или сартов, а также татары Поволжья и Приуралья, переселившиеся в Сибирь в XV-XVII вв. Эти ранние переселенцы в Сибирь были ассимилированы сибирскими татарами и к середине XIX в. стали основными компонентами сибирских татар. В литературе они именуется в зависимости от места обитания тюменскими, тобольскими, тарскими, барабинскими, томскими и т.д. татарами. Сами себя в дореволюционный период они называли, сохраняя территориальное название: тубыллык (тобольские), томэнлек (тюменские), тарылык (тарские), бараба (барабинские) и др., часто называли себя мусульманами.

Сибирские татары располагают богатой традиционной национальной культурой и самостоятельным тюркским языком, сохраняющим солидный общетюркский пласт, обогащенный заимствованиями из арабского, персидского, монгольского, русского и других языков. В современной литературе по сибиреведению сибирские татары рассматриваются как самостоятельная этническая общность с присущими этносу такими устойчивыми признаками, как язык и территория, этническое самосознание, конфессиональная общность, а на раннем этапе своей истории – социально-политическая общность в виде Сибирского ханства. По мнению ряда исследователей (Ф.Т.Валеев, Н.А.Томилов, А.В.Головнев и др.) сохранение сибирских татар как самостоятельного народа зависит от проведения конкретных мер, направленных на возрождение их культуры и языка. Важнейшее место среди этих мер занимает признание за сибирскими татарами статуса коренного народа Сибири и предоставление им своего национально-государственного образования в рамках Российской Федерации.

Литература

1. Томилов Н.А. Современные этнические процессы среди сибирских татар. Томск, 1978
2. Валеев Ф.Т. Сибирские татары: культура и быт. Казань, 1992
3. Шнейдер А.Р., Доброва-Ядринцева Л.Н. Население Сибкрая. Новосибирск, 1928
4. Закиев М.З. Основные этапы формирования татарского языка // Формирование татарского языка. Казань, 1986.
5. Валеев Ф.Т. Сибирские татары / Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург : Издательство «Екатеринбург», 1998. – 624 с

Чепецкие татары – (татарлар, кестымлар – самоназвание, бигер – удмуртское название). Чепецкая группа казанских татар подразделяется на этнотерриториальные кусты: кестымско-глазовский, или верхнечепецкий (каринские татары – К.Т.), юкаменско-глазовский, или среднечепецкий (юкаменские татары – Ю.Т.), каринско-нукратский, или нижнечепецкий (каринские татары). Численность (1989г.): в Юкаменском районе Удмуртии – 2634 чел., в Глазовском – 4754 (430 – сельское население), в Балезинском – 4154 (2039 – сельское население) человек. Группы локальные, расселены в иноэтничном окружении, в селах компактно, в городах дисперсно. Говор юкаменских татар близок к казанскому, каринских татар – к кыпчакско-огузскому наречию. Испытали влияние вятского диалекта русского и удмуртского языка. Чепецкие татары относятся к вятско-камскому варианту сублапаноидного антропологического типа. Диапазон от светло-русого «славянского» до типично монголоидного. Последний преобладает у Ю.Т.

Первые тюркоязычные поселенцы, исповедовавшие ислам, появились в верховьях Чепцы к началу XII в. с организацией болгарских факторий, торгового пути, соединившего Арск на р. Казанке с Биармией (Великой Пермью), Нукратом (низовье Чепцы). Миграция усилилась в 1230-40-х годах в связи с разгромом татаро-монгольской Волжской Булгарии и в 1360-х годах после похода Булат-Тимура (1361г.), полностью разрушившего множество болгарских городов и поселений. Легенды, предания чепецких татар называют прародителями отдельных родов арских князей, выходцев из Касимова, Ногайской, Шибкинской орд, из Арска, Казани, участников похода Беркута (1391-92гг.). Но среди служилых людей с Арской дороги были потомки и болгар, и удмуртов, принявших мусульманство. С созданием Казанского ханства крепости по Арской дороге возродились, и преобладали в них уже татары. С присоединением Вятской земли (1489г.) к России большая часть арских князей перешла на службу к московскому князю. В 1583-88гг. чепецкие татары, в т.ч. и служилые, были причислены к черносошному сословию. В конце XVI – начале XVII в. началось массовое расселение каринских татар в верховье Чепцы. С 1560-х годов в связи с выступлениями

населения Луговой и Горной стороны против новых властей и ответными репрессиями оттуда пошел отток населения на север, в Вятские земли. Во второй половине XVII в. возродилась проезжая дорога из Казани в Пермь, начинается создание Сибирского тракта. Каринские татары были привлечены к подворной повинности, ямской гоньбе. По поручению съезжей избы чепецкие татары проводили сбор хлеба и других государственных поставок, перевозя их по Чепце на собственного изготовления стругах, плотях в Хлынов. Миграционные волны на Чепцу из казанского Поволжья пришлись и на вторую половину XVIII в. Переселенцы XIX в., особенно с 1870-80-х годов, совсем не получали земли в верховьях Чепцы и записывались в мещане. Последний массовый приток населения из Поволжья, Башкирии вызван голодом 1920-х годов.

Чепецкие татары селились в основном по течению Чепцы и ее левым притокам. Поселения юкаменских татар основывались в глубине лесов, на расчищенных участках, с кольцевой планировкой вокруг ключа. Каринские татары оседали на торговых путях. Для них характерна аульная застройка, заселение патронимическими гнездами. Уличная планировка появилась со второй половины XIX в. У юкаменских татар в устройстве усадеб, оформлении жилого интерьера сказалось влияние удмуртского и русского домостроения. В Кестыме дольше сохранялись традиционные элементы: оконца без рам перед печью, нары, низкие шесток и подтопка, спальные подставки, глиняные плоские крыши (на бедных домах).

Ко второй половине XVIII в. основная масса чепецких татар занималась сельским хозяйством. Набор зерновых, огородных культур, орудий труда, технология обработки почвы были традиционными и заимствованы у русского и удмуртского населения. До начала XIX в. – комбинация подсеки, перелога, трехполья, позже – только трехполье. Пастушеского животноводства не знали. Юкаменские татары, в основной массе выходцы из Поволжья, успешно занимались земледелием и животноводством, держали крупный и мелкий рогатый скот, много овец. Каринские татары разводили лошадей на продажу, для заготовки мяса впрок. У чепецких татар было распространено отходничество (лесорубами, плотогонами, грузчиками, извозчиками, приказчиками и т.д.). В сельской местности развивалась выделка кожи, сапожное ремесло (каринские татары), изготовление тулупов, шуб, валяной обуви (юкаменские татары).

К середине XVIII в. у чепецких татар сложились «бече» – объединения 5-10 семей, связанных родственными узами, ведущими происхождение от одного предка. Из родственников разных степеней составлялся «аймак» для совместной обработки земли и других коллективных работ. В XIX в. возникли соседские, типа аульных, общины во главе с советом аксакалов и абызом (старейшиной), где важные вопросы решались на общем собрании глав семейств. Характерны большие патриархальные нераздельные семьи. До

1930-х годов, когда начался процесс унификации этнокультурного развития, чепецкие татары в значительной степени сохраняли традиционную духовную и материальную культуру. Они исповедовали ислам суннитского толка (магометане аморовой секты). В Глазовском уезде в конце XIX в. мечети были в трех селах. В 1903г. в Кестыме открылось медресе. У юкаменских татар сохранялся обычай прятать лицо после замужества, скрывание женщин от посторонних, раздельное хождение в гости мужчин и женщин. Традиционная одежда у юкаменских татар по покрою, расцветке, вышивке иногда приближалась к удмуртской. С конца 1980-х годов происходит возрождение этнического самосознания, религиозных праздников, традиционных обрядов. Усиливается тяготение горожан к селу, где этногенетическое возрождение происходит быстрее.

Литература

1. Материалы по статистике Вятской губернии. Т. III. Глазовский уезд. Вятка, 1893
2. Сорокин П.М. Татары Глазовского уезда // Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1897 г. Вятка, 1896
3. Документы по истории Удмуртии XV-XVII вв. / Составитель П.Н.Луппов. Ижевск, 1958
4. Татары Среднего Поволжья и Приуралья. М., 1967
5. Тепляшина Т.И. Наследственные наименования причепецких татар // Советская тюркология, 1974. № 4
6. Халиков А.Х. Происхождение татар Поволжья и Приуралья. Казань, 1978
7. Халиков Н.Л. Земледелие татар Среднего Поволжья и Приуралья XIX - нач. XX в. М., 1981.
8. Сыркина И.А. Чепецкие татары / Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург : Издательство «Екатеринбург», 1998. – 624 с

Мишари – этническая группа татар Поволжья и Приуралья, численность которых в конце XIX в. составляла 622,5 тыс. человек. В течение нескольких столетий мишари обитали в Мещере, местности, расположенной в среднем течении р. Оки. Географически эта территория находится в пределах современных Московской, Владимирской, Рязанской областей. Топоним Мещерская земля происходит от названия мещерской народности. Термин «мещера» как этноним в русских летописях появился с конца XIV в. В формировании мишари принимали участие как тюркские (кыпчаки, буртасы, болгары, ногайцы, маджары и др.), так и славянские (предки русских) и финно-угорские племена (мордва, черемисы – марийцы). В литературе выделяются четыре территориальные группы мишарей: окская, волжско-правобережная, заволжская (левобережная) и приуральская. Народно-разговорный язык мишарей – западный диалект татарского языка,

самоназвание – татар. В прошлом существовали этнонимы томэн, алатыр, мосельман, мишар. Наиболее устойчивым явился этноним мишар. Во время переписи 1926 г. около 200 тыс. человек отнесли себя к самостоятельной народности – мишари. Этноним мишари продолжает употребляться среди части населения региона до наших дней. О происхождении мишарей и их языка существуют разные гипотезы (тюркском, или кыпчакском, финно-угорском, бургасско-угорском, болгарско-кыпчакском).

По данным новейшей литературы о мишарях, в рамках золотоордынских улусов во второй половине XIV и первой половине XV в. на землях Мещеры образуются татарские улусы во главе с золотоордынскими выходцами, а также мещерские и мордовские княженья. В процессе образования татарских улусов возникают государства (Наровчат, Кадом, Темников и др.), укрепляются позиции ислама. Однако с середины XVI в. среди крупных феодалов мишарей наблюдается переход на сторону русских, принятие ими христианства. Этому процессу способствует переход на службу Москве ряда влиятельных кыпчакских и ногайских князей. В 1452г. образуется Касимовское царство (касимовские татары), призванное объединить местные тюркские племена, переселившиеся в Мещеру в политических интересах Москвы. Московское великое княжество формируют отряды городских казаков, в составе которых были и мишари, использовавшиеся в выступлениях Москвы против ногайцев и крымских татар. В дальнейшем (середина XVI – начало XVIII в.) в основном из мишарей создается сословие служилых татар, которое использовалось для охраны сторожевых линий, а также для участия в военных действиях Московского государства против своих противников на Западе Мещерские княжество со своими отрядами приняла участие на стороне русских в Куликовской битве (1380г.).

Татарско-мордовские отряды в составе пяти тысяч конных и пеших казаков участвовали в походе российского ополчения на Казань (1551г.), а в дальнейшем такие отряды использовались в подавлении восстаний против Московского государства на территории бывшего Казанского ханства. В 1598г. отряды служилых татар–мишарей участвовали в сражениях против Кучума. В прошлом мишари имели свои низовые администрации. Так мишари Приуралья еще до середины 1860-х годов имели отдельные «мещерские» кантоны полувоенного характера. В современных условиях небольшие группы мишарей, кроме Волго-Уральского региона, проживают в Сибири (на территории Омской, Томской и других областей), в странах СНГ (Казахстан, государства Средней Азии), в дальнем зарубежье. При этом они продолжают сохранять свой народно-разговорный (родной) язык и особенности богатой национальной культуры.

Литература

1. Орлов А.М. Мещера, мещеряки, мишаре. Казань, 1992.
2. Валеев Ф.Т. Мишари / Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург : Издательство «Екатеринбург», 1998. – 624 с

Нагайбаки, (ногайбаки) – особая этнографическая группа, живущая на Южном Урале, потомки крещеных татар. Среди исследователей нет единой точки зрения по вопросу о происхождении нагайбаков. Согласно наиболее распространенной версии, в 1530-х годах выходцы из Ногайской Орды поселились в Казани, на Арской заставе. После завоевания Казанского ханства Иваном Грозным арские татары были насильственно окрещены в православную веру и переселены на территории Башкирии.

С 1750-х годов по 1842 год нагайбаки жили в Бакалинском и Белебеевском уезде Уфимской губернии. Свое название получили по имени башкира Нагайбака, кочевавшего в здешних местах; под этим названием возникла и наиболее крупная деревня – Нагайбак, впоследствии превращенная в военную Нагайбакскую крепость. Нагайбакская, а также Ельдятская крепости явились важными опорными пунктами Закамской оборонительной линии, созданной в XVII в. для укрепления юго-восточных рубежей России.

В 1830-х годов нагайбаки были обращены в казачье сословие, а после организации Оренбургского казачьего войска вошли в его состав и казаки Нагайбакской станицы. К началу 1760г. во всем Нагайбакском воеводстве насчитывалось 10 деревень и одно село, в которых было 1359 служилых казаков.

Нагайбаки несли гарнизонную службу, особенно в Оренбурге. Значительный вклад внесли казаки – нагайбаки в победу над французскими войсками в Отечественной войне 1812г. и в период заграничного похода русской армии в 1813-14гг.

В 1842г. в связи с созданием новой Оренбургской линии 1250 казаков – нагайбаков были переселены из Уфимской губернии в Верхнеуральский уезд Оренбургской губернии. В 1843г. новые казачьи поселения и станицы получили название Киссель, Остроленка, Фершампенуаз, Париж, Требия, Арсия, Куликовский. В 1880г. был основан еще один казачий поселок – Астафьевский. Кроме того, нагайбаки поселились также в поселках под Оренбургом и Златоустом. В середине и во второй половине XIX в. нагайбаки в составе Оренбургского казачьего войска участвовали в военных походах в Туркестанский край, принимали участие также и в первой мировой войне. В годы революции и гражданской войны воевали как на стороне красных, так и белых, понесли значительные потери. Часть нагайбаков эмигрировала.

Основными занятиями нагайбаков, кроме несения казачьей службы, было земледелие и скотоводство. Язык – диалект татарского. В культуре и

быту сохраняли смешанные татарские и русские (казацки) черты. Численность по переписи 1926г. – свыше 11 тыс. человек. В дальнейшем учитывались в составе татар. Значительная часть нагайбаков была ассимилирована русским населением Южного Урала.

В современный период проживают на территории Челябинской области (главным образом, в Нагайбакской районе – около 10 тыс. человек), а также в западной Башкирии.

Литература

1. Худобородов А.Л., Зубков К.И. Нагайбаки / Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург : Издательство «Екатеринбург», 1998. – 624 с

МАРИЙЦЫ

Марийцы – (самоназвание мари, устаревшее русское название черемисы). Делятся на горных, луговых и восточны Живут в республике Марий Эл (на правом берегу Волги и частично на левом – горные, остальные – луговые), в Башкирии (восточные), а также в небольшом количестве в соседних республиках и областях (Татарии, Кировской, Пермской и др.). Численность (по переписи 1989 г.) – 670 тыс. чел., из них в Марий Эл 324 тыс., в Башкирии более 100 тыс. Марийский язык относится к финским языкам финно-угорской ветви уральской языковой семьи, существуют два литературных языка: горномарийский и лугово-восточный.

Начальный этап этногенеза марийцев протекал на правобережье Волги в первые века н.э. Основу марийских племен составили носители городецкой археологической культуры и соседние с ними пьяноборские племена (пьяноборская культура). Позднее марийцы стали расселяться по левобережью Волги и к IX-X в. достигли на востоке р. Вятки, на юге – р. Казанки. В процессе освоения новой территории формировались этнографические группы марийского народа, отличавшиеся диалектом, своеобразием культуры и относительной эндогамией. В составе России эти группы сложились в единую народность.

Основным традиционными занятиями марийцев были земледелие и скотоводство. Применявшиеся ими системы земледелия, земледельческие орудия и набор возделываемых культур были характерны и для соседних народов лесной полосы (бытование подсеки при господстве пашенного земледелия, применение бороздящих орудий типа сохи, выращивание преим. озимой ржи, овса, ячменя и др.). Огородничество было развито слабо. Садоводство отсутствовало. Древнейшими лесными промыслами были охота, бортничество и собирательство. По мере вырубки лесов эти занятия утрачивали свое значение. Скотоводство было тесно связано с земледелием. Разводили коров, лошадей, овец и свиней. В капиталистический период зажиточные крестьяне улучшали свое хозяйство и производили продукты на

рынок. С этой целью стали сажать сады на правобережье. Широкое развитие получили отхожие промыслы, связанные преим. с заготовкой и сплавом леса.

Длительные этнокультурные контакты с русскими способствовали освоению мари́йцами многих элементов русской бытовой культуры. До революции мари́йцы жили соседскими общинами. Их деревни отличались малодворностью и отсутствием какого-либо плана в размещении построек. Обычно родственные семьи селились рядом, образуя гнездо. В конце XIX в. возобладала уличная планировка сел. Порядок расположения жилых и хозяйственных строений во дворе стал таким же, как у русских соседей (подковобразная, двурядная и др. типы связей). Мари́йцы возводили обычно две срубные жилые постройки. Одна из них (без окон, пола и потолка, с открытым очагом посередине) служила летней кухней (кудо). С ней была связана религиозная жизнь семьи. Вторая (порт) соответствовала русской избе.

Традиционная одежда, особенно женская, являлась устойчивым этническим признаком. Ее изготавливали из неокрашенных домашних тканей (конопляного холста, сукна) и овчин. Основу мужского и женского костюма составляли белые холщовые туникообразного покроя рубахи с поясом, штаны, распашная холщовая или суконная верхняя одежда и шубы. Рубахи, особенно женские, украшались вышивкой. Обувью служили лыковые лапти с онучами. Для каждой этнографической группы был характерен особый женский головной убор (шымакш, сорока, шарпон с нашмаком), по названию которого обозначалась и сама группа. В капиталистический период мужской костюм постепенно уступил место русскому, женский же сохранялся до коллективизации.

Отсутствие развитой письменности на мари́йском языке и национальной профессиональной культуры в дореволюционное время восполнялось богатым народным творчеством, проявлявшимся в разных жанрах фольклора и прикладном искусстве, особенно в вышивке и резьбе по дереву.

Официально мари́йцы считались православными, но, будучи крещеными (преименованы в XVIII в.), они длительное время сохраняли приверженность своей вере (мари вэра), совершая языческие обряды, связанные с общественными кровавыми жертвоприношениями домашних животных в священных рощах, культом предков и т.п. Чистыми язычниками (чи мари) оставались восточные мари́йцы и небольшая часть луговых.

В советское время дальнейшее развитие получила письменность на мари́йском языке, сложилась национальная литература, возникли и совершенствуются различные отрасли профессионального искусства. Не все элементы традиционной культуры ушли в прошлое, некоторые из них (прикладное искусство, фольклорные произведения, праздники, обычаи,

обряды), зачастую в измененной форме, продолжают бытовать, отвечая потребностям современного марийского общества.

Народные праздники восточных марийцев связаны с культурами земледелия и предков. Весной, аналогично христианской Пасхе, проводили «горький» – поминальный праздник (кочо пайрем). В день начала праздника, до восхода солнца, топили баню, устанавливали в почетном углу дома (тор), на отдельной скамье, сито, в которое насыпали горсть овса, по краям сита закрепляли восковые свечи. Свечей устанавливали столько, сколько предстояло помянуть умерших. «Приглашать» умерших ехали на лошади. Для этого в телегу клали подушку, на которую, по представлениям мари, на кладбище садились приглашенные. В одиночку «приглашать» не ездили. Возвращаясь с кладбища, заезжали во двор, снимали с телеги подушку, зазывая «сидящих» духов в дом, заходили сами. Подушку клали рядом с ситом (шотке). Зажигали свечи, присутствующие по очереди брали со стола хлеб, отламывали кусочки, бросали в сито со словами: «Киамат тора шужо, киамат саус шужо» (до светлого предводителя пусть дойдет, до помощника светлого предводителя пусть дойдет). Далее следовало поименное перечисление умерших предков. Перечисление завершали поминальные слова, адресованные тем, кого некому помянуть. Петь и громко разговаривать не разрешалось. «Угощали» покойников, потом вели «париться» в баню. На следующий день, в пятницу, ходили по домам, угощались. «Суббота» была днем подготовки к молению. Воскресенье называли «руш арня» (русский день). Моления проходили одновременно в семи домах (шемыт вера). Поклонники надевали чистое белое белье, с собой приносили дары богам. Молла собирал с участников муку, соль – делал хлеб. Когда приготовления заканчивались, молла кидал «шуво» (пробу с даров) в растопленную печь, читая молитвы. Оставшиеся блины, хлеб доедали и тихо расходились по домам.

Через несколько дней «подавали» святой горе (курук). Традиционно молла собирал с поклонников муку, соль а хлеб. С утра топили баню, парились. Молла подходил к столу, становился лицом к солнцу, читал молитву. Одновременно с чтением молитвы, молла делал насечку на хлебе в виде креста. По окончании молитвы все пили чай. Затем ехали на гору. На святой горе молла читал молитву, помощник обрызгивал жертвенную утку мокрым веником. Если жертва отряхивалась, значит светлый Бог, по понятиям окружающих, принимал подношение и давал знак. Если жертва не отряхивалась, то ритуал повторяли 9 раз. При отсутствии божьего знака, жертву везли назад. Молла отбирал у принятой утки 9 перьев для «шуво» (пробы), затем брал пробу с вареного мяса. Пробу он поочередно бросал в огонь с молитвенными словами.

Жертвы подавали в такой последовательности: весной – горе (курук); в ближайший религиозный праздник – молитвенной роще (кусо отыш), затем

лесной чаще (пасу гашкар). Данной последовательности мари́йцы старались строго придерживаться.

Перед весенним севом проводился праздник сохи, совершался магический обряд – просили дождь. Утром мари́йцы выходили на поляну «шелык олма» (узкое место), настилали рушники, на которые рядами ставили дары. Молла брал пробу из каждого подношения и складывал в отдельную посуду. Затем вставал лицом к солнцу и начинал чтение молитвы. Каждый из участников кидал в огонь отдельный кусок хлеба со словами: «Большому великому Богу пусть будет». Следующие два куска подавали небу. Кидая, поочередно говорили: «Доброе небо, ворота отвори. Дождь поливай, спустись». После этого молла подходил к одинокому «священному» дереву, клал на доску серебряные деньги (ший окса) и обращался к хозяину казны (озан казнаше), который являлся духом дерева: «Постоянно пусть дождь поливает», – и деньги зарывались возле дерева. Затем молла говорил магические слова, обливал всех поклонников поочередно водой.

Через 7 недель после горького поминального праздника (кочо пайрем) справляли семик (семык). В среду традиционно поминали предков, затем шли в баню. Песен петь не полагалось, шуметь тоже. По окончании поминок угощения предков скармливались птице. До захода солнца «гостей» провожали в поле. На следующий день шли молиться на поляну (пасу кусо). По возвращении старших со священной поляны все жители отправлялись за деревню качаться на качелях. Ежедневно в «семык» давали три жертвы: барана, утку и гуся. В последний день праздника выходили на поле (пасу гашкар), молла вставал лицом к солнцу и обращался к «сакче» (духу-охранителю), к «шукче» (покровителю добра) – просил хорошего урожая. Обращался к доброму дедушке заморозков (покщым кумда), к бабушке заморозков (покшым кува) с пожеланием хорошего урожая. Окончив чтение молитвы, участники заходили в чашу подавать жертву для дедушки заморозков – баран, для бабушки заморозков – ягненка, для духов покровителей – 5 ягнят. После праздника шли с жертвоприношением в молитвенную рощу (кусо ого). Жертвой служил белый гусь.

По собственному почину поклонников устраивались экстренные угощения богам по случаю разных бедствий – войны, голода, мора, засухи. В засуху дождя просили во время дождевой каши (йур пучымыш), обряд завершался коллективным купанием.

Литература

1. Козлова К.И., Пронь Л.Г. Мари́йцы / Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург : Издательство «Екатеринбург», 1998. – 624 с

Краснофимские Мари́йцы – мари (самоназвание), черемисы (устаревшее русское название). Живут в Свердловской области, в

Красноуфимском районе (по переписи 1989г. 5395 чел. – 14,8% от общего числа), Артинском районе (5630 чел. – 14,3%), Ачитском районе (1559 чел. – 6,7%). По языку и культурно-бытовым особенностям близки к луговым марийцам Среднего Поволжья, сылвенским марийцам Пермского края и марийцам Башкирии. Являются частью восточных марийцев (этнографическая группа, проживающая за пределами коренной этнической территории). Районы проживания входили прежде в Красноуфимский уезд Пермской губернии. Поселились в верховья р. Уфы в ходе миграции на восток в первой половине XVII в. из Среднего Поволжья (Ветлужско-Вятское междуречье). Природные условия освоенных ими земель были такими же, как в Среднем Поволжье, поэтому красноуфимские марийцы смогли заниматься традиционным земледелием, скотоводством, лесными и домашними промыслами. К нач. XX в. сократилось число мелких поселений и за счет внутреннего прироста увеличилось число средних и крупных сел и деревень. Преобладавшая беспорядочность застройки поселений определялась семейно-родовыми традициями. Многие поселения назывались по имени первопоселенцев – основателей родов. Возле поселений обязательно находилась роща для языческих молений и жертвоприношений. Многие семьи имели священные деревья на усадьбах, олицетворявшие семейно-родовых духов. На общие моления собирались в трех местах: на Ювинской горе, Тавринской горе, Карзинской горе. Преобладают компактные усадьбы, характерные для соседнего русского населения. Обязательной постройкой старой усадьбы была двухэтажная клеть-амбар, которая известна древним финно-угорским народам. Жилище в основном двухкамерное (изба, сени) и трехкамерное (изба, сени, клеть или вторая изба), близко к русскому, но в южных местах имелись черты татарского и башкирского влияния – нары, вмазанный в печь котел. Современное жилище – большая изба, разделенная внутри на несколько комнат, наружный вид с резной и расписной декорировкой. Традиционный костюм бытует до сих пор, но из повседневного употребления вышел. Преобладает местная терминология одежды. В костюме красноуфимских марийцев проявились связи с соседним башкирским населением (покрой, расцветка, терминология, орнаментика, шумящие украшения). Сохранились традиционные черты питания. Ряд блюд заимствован из башкирской кухни. От русских заимствовали некоторые напитки и способы приготовления пищи.

Литература

1. Сепеев Г.А. Восточные марийцы: Историко-этнографическое исследование материальной культуры (середина XIX - начало XX в.). Йошкар-Ола, 1975
2. Городской Г. О черемисах, проживающих в Красноуфимском уезде Пермской губернии // Этнографический сборник. СПб., 1864. Вып. VI

3. Сигов П. Марийцы (черемисы) Уральской области // Марий Эл, 1928. № 7-8.
4. Чагин Г.Н. Красноуфимские марийцы / Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург : Издательство «Екатеринбург», 1998. – 624 с

Сылвенские Марийцы – мари (самоназвание), черемисы (устаревшее русское название), в прошлом были известны как кунгурские марийцы, т.к. территория проживания до 1780-х годов входила в Кунгурский уезд Пермской губернии (с 1780-х годов – Красноуфимский уезд Пермской губернии). Живут компактно в Суксунском районе Пермского края и в отдаленной деревне Н.Солянка Кишертского района Пермского края. Численность 1,5 тыс. человек. Появление марийцев на реках. Сылве и Ирени отмечается письменными источниками XVI в. В XVII в. марийское население возросло за счет миграции из Среднего Поволжья (Казанский уезд). По языку и духовной культуре близки к красноуфимским марийцам, а также луговым марийцам Среднего Поволжья. В быту марийский язык имеет большее употребление, чем русский. Самым старым поселением является ныне существующая на берегу Сылвы деревня Тебеняково (в XIX в. была центром волости). Основное занятие – земледелие, скотоводство, лесные промыслы. Еще в начале XIX в. налоги платили мехами (ясак). В XVIII в. часть земель сылвинских марийцев отошла Демидовым. В 1912-14 годах 9 семей деревни Васькино приняли христианство. Остальные сылвинские марийцы остались с языческой верой, которая преобладает у современных сылвинских марийцев. Местом общего моления и жертвоприношения сылвинских марийцев является роща на берегу Сылвы у деревни Янгельда. В каждой деревне были свои рощи для молений и задабривания керемети – нечистого духа. Между деревнями Тебеняково и Иванково находится древний могильник «Чючке калык», в котором, как сообщает предание, похоронены предки сылвинских марийцев. Из традиционной материальной культуры хорошо сохранился костюм, который широко употребляется в праздничные дни, на свадьбах и в похоронно-поминальной обрядности. Основная пища – мучные и мясо-молочные блюда. В праздничные дни продолжают готовить щи с гусем (гусиный хиро), пироги и лапшу с гусем, топленое квашеное молоко, картофельную селянку (картоп немар), различные напитки из муки и ягод. Бытуют старинные свадебные, поминальные обряды, песни, сказки. В деревне Красный Луг ежегодно весной совершается обряд серем-ужо – изгнание злого духа, который раньше проводился в каждой деревне.

Литература

1. Сепеев Г.А. Восточные марийцы: Историко-этнографическое исследование материальной культуры (середина XIX - начало XX в.). Йошкар-Ола, 1975

2. Ефремов Г. Духовное торжество, состоящееся 20 июля сего года в дер. Васькино Красноуфимского уезда // Пермские епархиальные ведомости, 1912. № 24
3. Чагин Г.Н. Сылвинские марийцы / Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург : Издательство «Екатеринбург», 1998. – 624 с

МОРДВА

Мордва – (иран. *magd* – мужчина), народ Российской Федерации (1073 тыс. чел.), в т.ч. в Мордовской республике – 313 тыс. Челябинской, Оренбургской областях 69 тыс., Челябинской области – 27 тыс., Свердловской – 15 тыс., Башкирии – 32 тыс. Проживают также в странах СНГ (Казахстан, Украина, Узбекистан). Антропологический облик мордвы сложился в результате смешения различных типов преимущественно европеоидной расы. В составе мордвы выделяются два субэтнуса (эрзя, мокша). Мордовские языки (эрзянский и мокшанский) относятся к финно-угорской группе уральско-языковой семьи. Наиболее ранний письменный источник, в котором упоминается мордва (*Morden s*), – сочинения Иордана «Гетика» VI в. н.э., а ее страна (*Mordia*) впервые названа в сочинении Константина Порфиригена «Об управлении государством». В древнерусских источниках мордва и «Мордовская земля» известны с XI-XIII вв. Верующие мордва в основном православные.

Литература

1. Вопросы этнической истории мордовского народа. М., 1960; Мокшин Н.Ф. Мордовский этнос. Саранск, 1989.
2. Мокшин Н.Ф. Мордва / Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург : Издательство «Екатеринбург», 1998. – 624 с

Эрзя – субэтнос мордовского этноса-народа (мордва). Этноним эрзя этимологически восходит к иранско-сарматской лексике (*arsan* – самец, мужчина, герой). С V в. проживали к северо-западу от мокши, на территории современной Рязанской и Нижегородской областей. В 961г. эрзя (арта, ариса) упоминается хазарским каганом Иосифом в качестве народа, платившего ему дань. Есть предположения, что об эрзя писали еще древнегреческие географы Страбон (аорсы) и Птолемей (арсииты). Арза – страна эрзи фигурирует в записках арабского путешественника Ибн-Хаукаля (X в.). Об эрзя (арджаны) сообщал Рашид-ад-дин (XIV в.); ногайский князь Юсуф писал о «рзянах» в грамоте, отправленной им в Москву в 1549г.. В раннем средневековье эрзя – народность, которая консолидировалась в составе мордовского этноса. Эрзя оказывала сопротивление хазарам, печенегам и половцам. Древнее княжество Эрзя располагалось на территории Старой Рязани (Эрзяни). Под давлением переселявшихся славян отступила на восток к Арзамасу (Эрзямасу).

В отличие от мокши, признавшей в 1237г. зависимость от Золотой Орды, эрзя отступает на север в леса и оказывает татарам сопротивление. После переноса суздальской столицы в середине XIV в. в Нижний Новгород эрзя попала под власть суздальского княжества и часть ее обрусела, а другая часть отступила дальше на восток, проникнув в XVII в. в Заволжье и Южное Приуралье, где столкнулась с ногайцами и калмыками. Создание Саратовско-Оренбургско-Челябинской линии крепостей сделало возможным дальнейшее продвижение эрзя на Урал. Многие поселения эрзя на Урале появились еще до проникновения сюда русского населения. Ныне потомки эрзя проживают во всех уральских областях, особенно в Оренбургской, Челябинской областях, Башкирии.

Литература

1. Исследования по материальной культуре мордовского народа. М., 1963; Мокшин Н.Ф. Этническая история мордвы. Саранск, 1977.
2. Мокшин Н.Ф., Назаров П.Г. Эрзя / Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург : Издательство «Екатеринбург», 1998. – 624 с

Мокша – субэтнос мордовского народа (мордва), расселенный преимущественно в бассейне одноименной реки – правого притока Оки. Этимологически восходит к индоевропейской основе (в санскрите *moksh* – проливание, утеkanie, освобождение). Самые ранние письменные свидетельства о мокше (*Moxel*) содержатся в сочинениях фламандского путешественника Г. Рубрука (XIII в.), иранского историка Рашид-ад-дина (XIV в.). Мокшия, как страна мокши, называется в книге «Путешествие в Тану» венецианца И. Барбаро (XV в.). Этноним мокша зафиксирован также в эпитафиях на нескольких татарских надмогильных камнях XVI в. в форме «мухшы». В русских источниках появляется в XVII в. («мокшана», «мошканя»). В период раннего средневековья мокша – народность, консолидировавшаяся в составе мордвы.

Литература

1. Этногенез мордовского народа. Саранск, 1965
2. Мокшин Н.Ф. Тайны мордовских имен. Саранск, 1991.
3. Мокшин Н.Ф. Мокша / Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург : Издательство «Екатеринбург», 1998. – 624 с

ЧУВАШИ

Чуваши – (чаваш – самоназвание), один из народов, проживающих на Урале. Основное место жительства – Чувашская республика. Чуваши проживают и в других местах. По переписи 1989 г. Численность чувашей в Уральском регионе составляет 185,4 тыс. чел.

В языковом отношении и культуре чувашаи делятся на две группы – верховую (вирьял) и низовую (анатри). Предки верховых – тюркские племена болгар, пришедшие в VII в. н.э. с Северного Кавказа и слившиеся с местными финно-угорскими племенами. После разгрома в начале XIII в. Болгарского государства татаро-монголами вторая волна болгарских племен образовала группу низовых чувашей.

В 1551 г. чувашаи вошли в состав России, сначала в разряд ясачных, с XVIII в. – государственных и удельных крестьян. С этого времени основная масса чувашей была обращена в христианство. Но даже в современных верованиях православие сочетается с язычеством.

Со второй половины XIX в. распространилось отходничество, в т.ч. на заводы Урала. На 1930-е годы приходится второй поток миграций, а также интенсивный приток в города.

Основное традиционное занятие чувашей – земледелие. Вплоть до 20-х годов XX в. существовала сельская община. Последнее обстоятельство способствовало длительному сохранению традиционного образа сельской жизни и этнографической специфики в строении жилищ и их интерьере, в одежде, особенно женской, в родильном, свадебном, похоронном обрядах.

Литература

1. Викторова В.Д. Чувашаи / Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург: Издательство «Екатеринбург», 1998. – 624 с

Вирьялы (верховые) – этнографическая группа чувашей, живущая на северо-западе Чувашии. Так названы потому, что по сравнению с анатри (низовыми) жили выше по течению Волги. Вирьялы сложились путем ассимиляции местного горномарийского населения пришельцами чувашами-булгарами. Приток болгар начался еще в период Булгарского государства, но особенно усилился в XIII-XIV вв. после разгрома Булгарии монголо-татарами, когда значительные массы болгарского населения уходили в районы Поволжья. Переселение чувашей на северо-запад продолжалось и в последующие века, включая XVII в. В процессе тесных этнокультурных контактов двух разных этносов сложилось множество общих черт в культуре вирьял и горных марийцев, особенно это заметно в хозяйственных и жилых постройках, а также в традиционном женском костюме. Основную роль в ассимиляции сыграли не смешанные браки, которые имели место, а вытеснение марийского языка чувашским. Процесс этот был длительным и сложным. Часть горных марийцев под давлением чувашей переселилась на левый берег Волги.

Литература

1. Козлова К.И. Вирьялы / Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург : Издательство «Екатеринбург», 1998. – 624 с

КЕРЖАКИ

Кержаки – (от слова Керженец, назв. одного из крупнейших старообрядческих центров, расположенных в бывшей Нижегородской губернии), этнографическая группа в составе русского этноса. После разгрома в 1720-х годах Керженских скитов раскольники десятками тысяч бежали на восток. Выходцы из Керженца на Урале получили прозвище кержаков; позднее так стали называть всех старообрядцев (в противовес «мирским» – приверженцам официального православия). Основная территория расселения кержаков – лесная полоса среднего Урала. Оберегая свой быт от внешних влияний, кержаки сохраняли заметное своеобразие в организации хозяйства, материальной культуре, обрядности. В их среде сравнительно малое распространение получили отхожие занятия, зато многие кержаки сумели развить торговую деятельность. Жилище и одежда у кержаков в большей степени, чем у «мирских», были насыщены архаикой. В некоторых районах женщины продолжали носить косоклинные темные дубасы (сарафаны из крашеного холста или сатина, верхний край спинки которых собирался не борками, а складками – пластинками), кожаные коты, легкие холщовые шабуры и пр. Традиционная пища кержаков исключала картофель. Популярными были «шти толстые кержацкие» из ячменной крупы на квасу, соковые шаньги из кислого теста, смазанного конопляным соком, разнообразные кисели, приготовленные по старинным рецептам. К. не ели из одной посуды с «мирскими». В прошлом у них господствовала большая сложная (отцовская и братская) семья. Доля таких семей оставалась значительной и в начале XX в.

Литература

1. Чесноков А. Среди кержаков // Пермская земская неделя, 1911. № 11-15
2. Чесноков А. Свадебные обряды и песни "кержаков" // Живая старина, 1911. Вып. 1.
3. Миненко Н.А. Кержаки / Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург : Издательство «Екатеринбург», 1998. – 624 с

КИМАКИ

Кимаки – кочевнический союз, сложившийся к концу VIII – началу IX в. первоначально на территории Среднего Прииртышья на основе тюркоязычных племен. Несколько позже (IX-X вв.) арабско-персидские источники (Гардизи, Худад-ал Алам, Ибн Хардадбех и др.) упоминают, что на востоке кимаки граничат с кыргызами (вероятно, по долине Оби), на

севере и северо-востоке (по средней широте лесостепей) – со страной Яджудж-Маджудж (данная страна, часто упоминаемая в различных источниках, вероятно, являлась территорией расселения южно-зауральского и западно-сибирского угорского (мадьярского) населения), на западе и эго-западе кимаки граничили с печенегами (от Южного Зауралья до Приаральских степей) и на юге с огузами (по территории Центрального Казахстана). Согласно генеалогической легенде, приведенной Гардизи, данная племенная конфедерация состояла из семи родов: Имак (т.е. кимаки), Ими, Татар, Байандур, Кыпчак, Ланиказ, Аджелад.

К середине XI в. кимаки утратили свое этно-политическое господство и уступили место новому кыпчакскому родо-племенному союзу. Археологическая культура племен кимако-кыпчакского союза представлена памятниками сrostкинской культуры, которая в IX-X вв. распространилась с Верхнего Приобья до Иртыша. Продвижение кыпчакских племен на территорию Южного Урала относится, вероятно, к самому концу IX-X вв. Оно отмечено появлением памятников типа Синеглазовских, Каранаевских могильников, которые состоят из небольших грунтовых курганов с несколько подпрямоугольными ямами. Погребения большей частью имеют следы ритуального разграбления. Судя по сохранившимся погребениям покойник лежал головой на северо-запад. Инвентарь состоял из украшений (бусы, серебряные каплевидные подвески, серьги с гроздевидным отростком), поясной гарнитуры (накладки с насечками по краю, билунницевидные накладки с двумя круглыми отростками по краям), предметов конской упряжи (костяные подпружные пряжки, стремена арочной и восьмерковидной формы, удила с костяными псалиями в виде «ласточкина хвоста»), колчаном с набором железных бронебойных и костяных наконечников стрел. Керамика в этих памятниках встречается редко. В курганах и погребениях найдены также кости ног и челюсти лошадей. Данные комплексы относятся к наиболее позднему этапу кара-якуповской культуры Зауральской Башкирии. Они отражают, в определенной мере, процесс проникновения тюркоязычного населения юго-западной Сибири в среду угорского населения Южного Урала.

Литература

1. Кумекон Б.Е. Государство кимаков IX-X вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972
2. Савинов Д.Г. Об основных этапах развития этнокультурной общности кыпчаков на юге Западной Сибири // История, археология и этнография Сибири. Томск, 1979
3. Боталов С.Г. Культурно-хронологическая принадлежность Синеглазовских курганов // Проблемы хронологии Урало-Казахстанских степей. Челябинск, 1988.

4. Боталов С.Г. Кимаки / Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург : Издательство «Екатеринбург», 1998. – 624 с

ОГУЗЫ

Огузы – («гуззы» – в сочинениях арабских средневековых авторов, «узы» – у византийских авторов, «торки» – в русских летописях), кочевой тюркоязычный народ, появившийся в степях Урало- Поволжья в конце IX в. н.э. В регион огузы пришли из Восточного Туркестана и Приаралья, преследуя разгромленных ими печенегов и их союзников. По свидетельствам средневековых арабских авторов (Ибн-Фадлан, Истахри, Ибн-Хаукаль), в X – начале XI в. огузы жили в степях к востоку от Нижней Волги (Итиль) и к западу от Аральского моря (море Джурджан или Хорезмийское озеро). На западе огузы граничили с Хазарским каганатом, на востоке – с государствами Мавераннахра (Средняя Азия) и Хорезмом, на севере – с заволжскими печенегами. Археологическая культура огузов представлена небольшими земляными курганами или погребениями, совершенными в насыпях более ранних курганов. Умерших хоронили в простых могилах прямоугольной формы, часто перекрытых деревянным настилом, на котором над телом размещалась шкура или чучело взнузданного и оседланного коня. Эти признаки огузского погребального обряда перекликаются с описанием погребения знатного гуза, приведенным в книге Ибн-Фадлана, в 922 проезжавшего через кочевья огузов в бассейне Чагана и Эмбы. Отличительной особенностью огузских погребений является относительное богатство сопровождающего вещевого комплекса. Кроме обязательных удила и стремян, часто встречаются серебряные украшения конской узды и детали поясной гарнитуры, а также бронзовые копоушки и нашивки на костюм в виде стилизованных птичьих фигурок. Господство огузов в урало-поволжских степях продолжалось до середины XI в., когда они были разгромлены наступающими с востока кыпчаками-половцами и были вынуждены уйти на западе, за Волгу и Дон. Огузы потерпели несколько поражений от русских князей и византийцев (в 1055г., 1064-65гг.). Поражения, а также непрекращающийся нажим со стороны кыпчак-половцев заставили огузских ханов искать более сильных покровителей и в конце XI в. остатки огузских (торческих) орд переходят под вассалитет киевского княжества. Затем к ним присоединяются и уцелевшие в южнорусских степях печенеги. Так на южной границе Киевского княжества, в бассейне р. Рось, образуется зависимое от Киева этнополитическое объединение Торки, или «Черные Клобуки».

Литература

1. Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. Харьков, 1956

2. Кригер В.А. Огузские курганы в междуречье Волги и Эмбы // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара, 1993.
3. Иванов В.А. Огузы / Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург : Издательство «Екатеринбург», 1998. – 624 с

ПЕЧЕНЕГИ

Печенеги – («баджинаки» – у средневековых восточных авторов или «пацинаки» – у византийских писателей), тюркоязычный народ, согласно сведениям арабских писателей, в VIII–нач. IX в. кочевавший в степях Приаралья и низовьях Сыр-Дарьи. В середине IX в. печенеги были вытеснены из Приаралья кочевниками огузами (гузами, торками). Основная масса печенегов уходит на запад за Волгу и Дон и в 875г. кочует у границ Киевской Руси (по сообщению Никоновской летописи). Часть печенегов остается в Заволжье, расселившись по северной периферии Урало-Волжских степей, на территории между Самарской Лукой и Мугоджарами. Здесь (на берегу озера Шалкар в современной Уральской области) в 922г. их встретил арабский писатель и путешественник Ахмед Ибн-Фадлан. В южнорусских степях археологическая культура печенегов представлена небольшими земляными курганами и впускными погребениями в насыпях более ранних периодов. Характерным признаком погребального обряда печенегов является размещение на дне могильной ямы, слева от человека, шкуры или чучела взнузданного и оседланного коня (археологи находят череп и кости ног с удилами и стременами). Среди вещевого материала в погребениях преобладают принадлежности конской сбруи и предметы вооружения (наконечники стрел, костяные обкладки лука). Более 40 погребений, совершенных по типично печенежскому обряду, известны в бассейнах р. Самары, в среднем течении р. Урал и низовьях Илека. Если в южнорусских степях печенеги оставались до начала XI в. господствующей военно-политической силой, совершая регулярные набеги на Русь, воюя с венграми, болгарами и Византией, то заволжские печенеги, как пишет об этом византийский император Константин Багрянородный, находились в зависимости от своих соседей и противников – огузов. В середине XI в. огузы и печенеги были изгнаны из степей Заволжья и Приуралья пришедшими с востока кочевыми племенами – кыпчаками-половцами. Отступая на запад, огузы обрушились на европейских печенегов, чьи силы к тому времени были значительно подорваны вследствие разгрома их князем Ярославом Владимировичем под Киевом в 1036г.. В южнорусских степях начинается период затяжных огузско-печенежских войн, следствием которых явился уход оставшихся печенегов еще далее на запад, за Дунай и в Венгрию.

Литература

1. Плетнева С.А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // МИА, 1958. № 62
2. Плетнева С.А. Печенеги, торки, половцы // Степи Евразии в эпоху средневековья: Археология СССР. М., 1981
3. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.
4. Иванов В.А.. Печенеги / Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург : Издательство «Екатеринбург», 1998. – 624 с

СЕЛЬКУПЫ

Селькупы – (остяки, остяко-самоеды – старое название), народ в Зауралье, Западной Сибири. Название селькупы означает «лесной человек». Язык селькупов относится к самодийской ветви уральской языковой семьи, разделяется на 3 диалекта: тазовский, тымский и кетский. Селькупы состоят из двух территориально разобщенных групп – северной и южной. Северная расселена в бассейне рек Таз и Турухан, южная – в Томском (Нарымском) Приобье. Ныне южная группа живет в Томской области, северная – в Красноярском крае и Ямало-Ненецком автономном округе Тюменской области. По переписям 1897 и 1926–27 гг. численность селькупов составляла около 6 тыс. человек, по переписи 1989 г. – около 3,5 тыс. человек.

Впервые селькупы упоминаются в письменных источниках XVI в., где они именуются Пегой Ордой. Насчитывавшая до 400 воинов и возглавляемая князем Воней, Пегая Орда оказала сопротивление дружинам русских воевод. Воня состоял в унии с ханом Кучумом, но и после падения Сибирского ханства продолжал борьбу за независимость, отказываясь от уплаты ясака (дани). Лишь после сооружения в 1595 г. Нарымского острога Пегая Орда была подчинена Московскому царю. Часть селькупов ушла на реку Таз – тогда и сложилась северная группа. С XVIII в. селькупы были обращены в православие.

В дорусский период у селькупов были распространены укрепленные городки «кочи», обнесенные оборонительным валом, рвом и частоколом. Позднее селения строились без оборонительных сооружений, на высоких берегах. Обычно поселение состояло из небольшого числа жилищ (от 2 до 10), установленных в ряд вдоль реки или беспорядочно. Жилищами служили землянки «карамо», приваленные песком или дерном каркасно-столбовые дома «поймо», срубные постройки, у северных селькупов – чумы.

Основными отраслями хозяйства южных селькупов были охота и рыболовство, в качестве транспорта использовались лошади и собаки. У северных селькупов средством передвижения были упряжки оленей (оленеводство было заимствовано селькупами у ненцев и эвенков). Рыболовство осуществлялось посредством крапивных сетей, запорных

сооружений, крючково-остроговых снастей. Основными охотничьими орудиями являлись лук со стрелами, самострельные установки, давящие ловушки. Продукция промыслов составляла основу пищевого рациона, служила сырьем для изготовления зимней меховой одежды «парка», «сокуй», обуви «пеема». Пушнина играла роль торгового эквивалента и средства уплаты податей. В XIX в. меновой единицей была связка из 10 беличьих шкурок «сарум». Во внутреннем обмене товарами служили также рыба, олени, лошади, луки со стрелами, лодки. В торговле с русскими в обмен на пушнину, рыбу, ягоды, орехи приобретались металлические предметы, оружие, ткань, пищевые продукты. Среди селькупов выделялись «таксыбылькуп» (товарные люди), занимавшиеся посреднической торговлей.

Родовой организации селькупов свойствен счет родства и экзогамные установки по отцовской линии. Роды селькупов различались по названию (например, «Орла», «Кедровки», «Медведя», «Лебеда») и территориального расселения. Особую социальную роль играли шаманы «тэтыпы», выступавшие в качестве врачей, предсказателей, военных вождей, духовных судей. В представлениях селькупов мироздание делилось на Небо «Ноп», Преисподнюю «Кызы» и Землю, судьбу которой вершила «Илынта Кота» (Старуха жизни). Главную роль в фольклорных сюжетах играл культовый герой Ича – сын Неба, воитель, защитник людей, трикстер.

Литература

1. Пелих Г.И. Происхождение селькупов. Томск, 1972
2. Пелих Г.И. Селькупы XVII в.: Очерки социально-экономической истории. Новосибирск, 1981
3. Гемуев И.Н. Семья у селькупов (XIX - начало XX в.). Новосибирск, 1984.
4. Головнев А.В. Селькуты / Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург: Издательство «Екатеринбург», 1998. – 624 с

СИБИРСКИЕ БУХАРЦЫ

Сибирские бухарцы – тюркское население, переселившееся в районы Западной Сибири из Средней Азии в XV-XVII вв. Бухарцы – это обобщающее название узбеков, таджиков, уйгуров и некоторых других народов. В ранний период своего пребывания в Сибири сибирские бухарцы царским правительством рассматривались как иностранцы, добровольно принявшие российское подданство. Поэтому они пользовались определенными привилегиями (например, в области торговли, передвижения), предоставленными им указами русских царей. Начало переселения сибирских бухарцев в Сибирь связывается с приходом туда в конце XIV в. среднеазиатских проповедников ислама из Ордена бухарского мистика Багауддина Накшибэндия (1318–1389гг.) с целью распространения ислама среди сибирских татар и других народов, исповедовавших шаманизм.

В течение длительного периода сибирские бухарцы имели свои низовые административные единицы – волости. Они называли себя бухарлык (бухарцы), сартами, узбеками. Основными местами их расселения были территории нынешних Тюменской, Омской, Томской областей, где они основали свои, «бухарские» селения, а также жили в аулах сибирских татар, примыкавших к таким административным центрам, как Тюмень, Тобольск, Тара, Томск. Сибирские бухарцы на протяжении нескольких столетий поддерживали тесные экономические, культурные, семейно-брачные отношения с татарами и в результате явились одним из компонентов, образовавших современных сибирских татар. Еще до прихода русских бухарские купцы вели оживленную торговлю в Сибири среднеазиатскими товарами. Сибирские бухарцы положили начало кожевенному производству и производству ковров в Тюмени, Тобольске, Таре. Из бухарцев вышли крупные предприниматели и торговцы (Айкины, Сайдуковы, Ченбаевы, Мирсалимовы и др.), занимавшиеся в дореволюционный период крупной внутренней и внешней торговлей. Но большинство рядовых бухарцев занимались земледелием, скотоводством, извозом, разными ремеслами и промыслами. По данным Всероссийской переписи 1897г., численность сибирских бухарцев составляла свыше 11 тыс. человек, а по переписи 1926г. в Западной Сибири их насчитывалось свыше 15 тыс. человек (в т.ч. в Тарском округе – 11715 чел.). После переписи 1926г. бухарцы перестали упоминаться в официальных документах.

Литература

1. Зияев Х.З. Средняя Азия и Сибирь. XVI-XIX вв. Ташкент, 1962 (на узб. яз.)
2. Валеев Ф.Т. Сибирские татары: культура и быт. Казань, 1992
3. Томилов Н.А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI - первой четверти XIX в. Томск, 1981
4. Шнейдер А.Р., Доброва-Ядринцева Л.Н. Население Сибирского края. Новосибирск, 1928
5. Исхакова С.М. О языке сибирских бухарцев // Общественные науки в Узбекистане, 1968. № 5.
6. Валеев Ф.Т. Сибирские бухарцы Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург : Издательство «Екатеринбург», 1998. – 624 с

Казахи (каз. қазақтар /qazaqtar/; ед. казак /qazaq/) – этнос и нация, коренное население Казахстана.

Кроме того, широко расселены в приграничных областях Китайской Народной Республики, Российской Федерации, Узбекистана, а также на западе Монголии.

Исторически состояли из трех крупных объединений-жузов: Старшего жуза, Среднего жуза и Младшего жуза.

Родственные народы: каракалпаки, ногайцы.

Язык – казахский, входящий в кыпчакскую подгруппу тюркской группы языков.

Казахи – народ тюркского происхождения, относится к туранской расе (также известна под названием южносибирская), считающейся переходной между европеоидной и монголоидной расами.

Казахи имеют сложную этническую историю. Древние корни материальной культуры и антропологического типа казахов археологически прослеживаются у племён эпохи бронзы, обитавших на территории Казахстана. В число древних предков казахов входили племена саков, обитавшие на территории современного Казахстана и Средней Азии. В 3-2 вв. до н. э. на территории Южного Казахстана возникло племенное объединение усуней, а на Юго-Западе жили племена, входившие в племенной союз Кангюй. В первых веках н. э. на Западе от Аральского моря жили аланы, также оказавшие влияние на этногенез казахов. В 6-7 вв. племена, населявшие юго-восточную часть Казахстана, находились под властью Западно-Тюркского каганата. В это же время на территории Казахстана поселились племена, пришедшие с Востока (Тюркешский каганат, карлуки и др.). В дальнейшем в различных районах Казахстана появились кратковременные политические объединения раннефеодального типа: Тюркешский (8 в.) и Карлукский (8-10 вв.) каганаты, объединения огузов (9-11 вв.), кимаков и кипчаков (8-11 вв.). Последние занимали обширные степные пространства современного Казахстана, получившие название Дешт-и-Кипчак. Этническому сплочению местных племен способствовало возникновение государства Караханидов (10-12 вв.). В начале 12 в. территория Казахстана подверглась вторжению киданей. Они смешались впоследствии с местным тюркоязычным населением. В начале 13 в. на территорию современного Казахстана с востока из регионов современной Монголии и с Алтая переселились племёна найманов и керейтов. Последовавшее затем военные действия на территории Средней Азии и восточного Туркестана привело к интенсивным процессам перколяции, перемещения, дробления и объединения племён различного происхождения. На развалинах Золотой Орды в её восточной части около середины 15 в. возникает казахское ханство. К 15 веку казахская нация окончательно формируется в централизованное национальное государство.

Казахский народ исторически сложился из трех групп жузов, каждый из которых выражал прежде всего общенациональные интересы: Старший жуз (Семиречье) включал племена дулат, албан, суан, канглы, жалайыр, сиргели, шаншкылы, сары-уйсин и др.; Средний жуз – в основном племена аргын, найман, кипчак, керей, конграт; Младший жуз – состоял из племенных

объединений алим-улы, бай-улы (роды адай, алаша, жаппас, бериш, шеркеш, маскар, тана, байбакты, кзылкурт, есентемир, ысык и таз) и жети-ру (роды жагал-байлы, кердери и др.). Из Младшего жуза в начало 19 в. выделилась и ушла за р. Урал Внутренняя, или Букеевская Орда.

Формальное разделение по жузам фактически исчезло к началу 20 века.

Этноним «Қазақ» закрепился в отношении этого кочевого народа в XV веке, когда племёна под предводительством султанов Жанибека и Керейя, в конце 50-х годов XV века, перекочевали с берегов Сырдарьи в западное Семиречье (Жетысу), в бассейн реки Чу. Эти племена стали именовать себя «Қазақ»(Қазақтар), в русском языке – «казахами». В казахской речи в этом слове обе буквы «к» произносятся как твердое Қ, но в современной русской грамматике укоренилось правописание «казах». В течение века под этим именем (кхазакх) объединились все тюркоязычные кочевые племена Восточного Дешт-и-Кыпчака, образовав единое Казахское ханство (1465–1729) от Иртыша до Итиля (Волги).

Этноним встречается в арабских, персидских, русских, греческих и других летописях.

Существуют разные по степени достоверности версии происхождения значения слова «казах»:

В переводе с древнетюркского слово «казак» означает «свободные», «вольные», «отделившиеся люди», «странствующие», «бездомные». На сегодняшний день является в среде этнографов наиболее распространенной версией.

Название «казах» произошло от названия Кай-Сак, что означает «свободолюбивый сак» (саки, скифы).

Численность казахов и их доля в населении России постоянно увеличивалась.

В настоящее время в России имеется несколько десятков школ, где казахский язык преподаётся как предмет[16][17][18], однако имеется всего одна школа, где на казахском языке ведётся преподавание[19].

Традиционная религиозная принадлежность – мусульмане-сунниты с влиянием суфийского учения Ходжи Ахмеда Яссави. Мазхаб (мусульманская правовая школа) имама Абу Ханифа.

Проникновение ислама происходило в течение нескольких столетий, начиная с южных регионов.

Распространение ислама среди кочевников было не таким активным как среди оседлого населения тюркских народов, так как традиционной религией тюрков-кочевников было тенгрианство. Но ислам продолжал распространяться в последующие столетия. Так ислам принял Хан Золотой Орды Берке (1255–1266) и Хан Узбек (хан Озбек) 1312–1340). В тот период среди тюрков было сильно влияние суфийского духовенства. Огромный

вклад в пропаганде ислама среди казахов внес основатель суфийского ордена Ясавия Ходжа Ахмет Ясави, умерший 1166 г. в г. Туркестан (город).

Тенгрианство возникло естественным историческим путём на основании народного мировоззрения, воплотившего и ранние религиозные и мифологические представления, связанные с отношением человека к окружающей природе и её стихийным силам. Своеобразной и характерной чертой этой религии является родственная связь человека с окружающим его миром, природой. Тенгрианская вера давала тюркам-кочевникам знание и умение чувствовать дух природы, острее осознавать себя её частью, жить в гармонии с ней, подчиняться ритму природы, наслаждаться её бесконечной переменчивостью, радоваться её многоликой красоте. Все было взаимосвязано, и тюрки-кочевники бережно относились к степям, лугам, горам, рекам, озёрам, то есть к природе в целом, как носящей божественный отпечаток.

Казахский язык относится к тюркской группе языков, входит в кыпчакскую подгруппу тюркских языков (татарский, башкирский, карачаево-балкарский, кумыкский, караимский, крымскотатарский, каракалпакский, карагачский, ногайский). Вместе с ногайским, каракалпакским и карагачским языками относится к кыпчакско-ногайской ветви. Ближайшими родственниками казахов являются каракалпаки, ногаи, татары. Представители этих народов могут достаточно легко общаться между собой без переводчика.

Становление и развитие языка, близкого к современному казахскому языку, происходило в XIII–XIV вв. Следует отметить, что современный казахский язык в целом очень близок к староказахскому [7]. Еще при монгольских ханах Батые и Мунке все официальные документы, международная переписка, помимо монгольского, велись и на тюркском языке [8]. С XIII и до нач. XX века существовал единый литературный тюркский язык – «тюрки», который положил начало всем локальным тюркским языкам в Средней Азии [9].

Для современных казахов характерно двуязычие. Так 75 % казахов Казахстана свободно говорят по-русски[21], в Киргизии свободно говорят по-русски 81 % казахов[22], а в России 98 % казахов свободно владеют русским[23]. Среди казахов Китая и Монголии большинство, наряду с казахским, также владеет соответственно китайским и монгольским языками.

Основные блюда являются мясными, Одно из популярных казахских блюд называется «Ет» (мясо), это блюдо часто называется и известно в русскоязычной литературе и прессе как бешбармак, из вареной свежей баранины с кусочками раскатанного варёного теста (камыр). Также популярны куырдак (жареные кусочки печени, почек, легких, сердца и т. п.), кеспе или салма (лапша), сорпа (мясной бульон), ак-сорпа (молочный суп с мясом, или просто мясной суп с куртмом). К основным блюдам нередко относят также и разнообразные варёные колбасы – казы (колбаса из конины,

делится по степени жирности), карта, шужык. Ранее к основным блюдам также относился когда-то популярный у пастухов фаршированный желудок, выпекаемый в золе (аналог хаггиса), но сейчас он относится к экзотике даже у казахов.

Популярными блюдами являются: «сирне» (приготовленная в казане жареная молодая баранина с луком и картофелем) и «палау» (плов по-казахски с большим количеством мяса и моркови)

Из рыбных блюд наиболее известен «коктал» – нанизанная на ветки ивы, жареная на углях, заправленная овощами рыба.

Куырдак – традиционное казахское мясное блюдо

Кроме мясных блюд, существует большое разнообразие молочных блюд и напитков: кумыс (кислое кобылье молоко), шубат (кислое верблюжье молоко), сут (коровье молоко), айран (кефир), каймак (сметана), килегей (сливки), сары-май (сливочное масло), сузбе (творог), катык (среднее между простоквашей и творогом), курт (высушенный солёный творог), иримшык (сушёный творог из овечьего молока), шалап или ашмал (жидкий йогурт), коже (напиток со злаками) и др. Из напитков основным является чай. Любой дастархан заканчивается чаепитием. Причём, чай по-казахски – это крепкий чай со сливками, также, как чай по-английски. Потребление чая жителями Казахстана одно из самых высоких в мире – 1,2 килограмма в год на человека. Для сравнения, в Индии оно составляет лишь 650 граммов на душу населения.

К известным сладостям относится «шертпек» – это смесь меда и конского жира от «казы». В основном было на дастархане у казахских баев.

Традиционный хлеб трех видов: баурсаки – жареные в кипящем масле в казане круглые или квадратные кусочки теста; лепешки жаренные в кипящем масле – шелпек и «таба-нан»; тандырный – лепешки в глиняных сковородах, испечённые под кизяком. Наиболее распространёнными являются баурсаки, так как они легко готовятся в походных условиях – в казане, и ныне традиционно готовятся для любого праздника, являясь дополнительным украшением праздничного стола, в то время, как тандырный требует тандырных печей и пёкся в основном в оседлых местах (города на Великом шёлковом пути, некоторые зимние стойбища с пастбищами (кыстау – зимовья).

Также: «талкан», «жарма», «жент», «балауыз», «балкаймак»

Основные разновидности традиционного хлеба: таба-нан (таба – сковорода) – хлеб испечённый на углях (тесто печется меж двух сковород), баурсак (маленький колобок), шелпек (тонкая лепёшка), шек-шек (чак-чак) и тандыр-нан.

КАЛМЫКИ

Калмыки (калм. хальмгуд) – народ; часть ойратов, мигрировавших в XVII веке в Нижнее Поволжье (Калмыкия) и на Северный Кавказ. Говорят на калмыцком языке (калм. Хальмг келн; иначе – ойрат-калмыцкий язык) монгольской ветви алтайской языковой семьи, а также на русском.

Родственные народы: Алтайская семья. Монгольская группа; Западно-монгольская (ойрато-калмыцкая) ветвь; ойраты, в т.ч. калмыки, Центрально-монгольская ветвь, монголы, буряты; Южно-монгольская ветвь – ту (монгоры), дунсян (сарта), баоань; Киданьская ветвь – дауры; Могольская ветвь – моголы.

Название калмак появилось в тюркских языках, оно означает «оставшиеся». Так западные тюрки называли своих соседей, живших восточнее Иртыша, на Алтае и вокруг него. В русских письменных источниках этноним калмык появился в начале XVI века, с конца XVIII века им стали пользоваться сами калмыки.

Калмыки известны в русском языке также как ойраты (калм. өөрд; этноним ойраты использовался до 1948 в отношении алтайцев, которые традиционно назывались русскими как белые калмыки), джунгары, западные монголы, калмыки, а в других языках как Kalmouks, Calmoucs, Calmucks, Kalmyks.

Калмыки (дорвюды (дербеты), торгоуты, хошоуты, бузавы) проживают в России в Республике Калмыкия и соседних регионах – 173,996 тыс.чел., из них в республике – 155 938 чел. (более 53 % её населения) по Всероссийской переписи населения 2002 года.

Большие группы ойратов (торгоуты, дербеты, хошоуты, зюнгары (олёты)) находятся также в Западном Китае (Баингол-Монгольская и Боротала-Монгольская автономные области Синьцзян-Уйгурского автономного района; провинция Цинхай) – по различным данным от 170 до 250 тыс. человек; и Западной Монголии (Кобдоский и Убсунурский аймаки) – около 150 тыс. человек.

Небольшие группы калмыков есть в Средней Азии (в Киргизии – свыше 10 тыс. человек) и на Кавказе, из стран т. н. «дальнего зарубежья» – в США (2 тыс. чел.) и Франции (1 тыс. чел.).

В расовом отношении калмыки — монголоиды.

Ойратско-калмыцкий алфавит тодо-бичиг («ясное письмо») был создан в 1648 г. на основе старомонгольского письма. В 1925 г. был принят новый алфавит на базе русской графики, в 1930 г. он был заменен на латинизированный, а с 1938 г. и до настоящего времени вновь используется русская графическая основа. Калмыки Китая продолжают использовать старокалмыцкую письменность.

Основная статья: Буддизм в Калмыкии. Калмыки – единственный народ в Европе, основной религией которых является буддизм.

В XVI– XVIII веках у российских ойратов наряду с индо-тибетским учением были распространены традиционные верования и представления, прежде всего – культ неба (Менк Кок Тэнгр – «Вечное Синее Небо»), а также культы гор, деревьев, воды, земли. Практиковались жертвоприношения огню и животным-тотемам. Особое место занимал культ предков, интегрировавшийся впоследствии в буддийскую религиозную систему. В указанный период в калмыцком обществе была велика роль шаманов. Немецко-российский путешественник П. С. Паллас, побывавший в приволжских степях в конце 1760-х годов, отметил, что у местного населения шаманами были как мужчины («чародеи «бе»), так и женщины («чародейки «удугун»)[6].

Влияние архаических религиозных представлений сохраняется в калмыцкой культуре по сей день. Очевидно, наиболее ярко оно проявляется в современных калмыцких праздниках, в частности – в Цаган саре, связанном с началом весны (обычно отмечается в феврале).

Основу традиционного хозяйства калмыков составляло кочевое скотоводство. В стаде преобладали овцы, курдючные и грубошерстные, и лошади калмыцкой степной породы, отличающиеся неприхотливостью; разводился также крупный рогатый скот – коровы красной породы, выращиваемые на мясо, а также козы и верблюды. Скот круглогодично содержался на пастбище, с 19 в. стали запасать корм на зиму. С переходом на оседлость (за исключением российских калмыков и тех, кто проживал на Западе, остальная часть ойрат-калмыков продолжает вести полукочевой образ жизни) стало практиковаться разведение свиней. В Приволжье и на Каспии значительную роль играло рыболовство. Немаловажное значение имела охота, главным образом на сайгаков, а также на волков, лисиц и другую дичь. Земледелием некоторые группы калмыков занимались издавна, но значительной роли оно не играло. Лишь с переходом к оседлости стало расти его значение. Выращивались зерновые – рожь, пшеница, просо и др., технические культуры – лен, табак, огородные, садовые и бахчевые. С 20 в. калмыки начинают заниматься также заливным рисосеянием. Развиты были ремесла, в том числе кожеобработка, валяние войлока, резьба по дереву и др., в том числе художественные – тиснение по коже, чеканка и гравировка по металлу, вышивка.

До начала XX в. традиционные поселения калмыков (хотоны) имели семейно-родственный характер. Для них была характерна планировка в форме круга из переносных жилищ, в центр его загоняли скот, там же проводили общественные сходки. С XIX в. появились стационарные поселения с линейной планировкой. Основным жилищем кочевых калмыков была кибитка (юрта монгольского типа). Её деревянный остов состоял из 6-12 складных решеток, круга в верхней части, который соединялся с решетками длинными изогнутыми рейками. Дверь делалась двустворчатой. Левая от

входа сторона считалась мужской, здесь были конская упряжь, обработанные шкуры, кровать для хозяев, постельные принадлежности; справа от входа располагалась женская половина с кухонной утварью. В центре был очаг, над ним на треножнике ставили котел, за очагом было почетное место, куда сажали гостей. Пол застилали войлоками. Другим переносным жилищем кочевых калмыков была кибитка, устанавливаемая на повозку. Стационарными жилищами сначала были землянки и полуземлянки из сырцовых или нарезанных из дерна кирпичей, а с XIX в. стали распространяться строения русского типа, бревенчатые и кирпичные.

Традиционная одежда: мужской одеждой калмыков была рубаха с длинными вшивными рукавами и круглым вырезом ворота (она имела белый цвет) и синие или полосатые штаны. Поверх них носили сшитый в талию бешмет и ещё одни штаны, обычно суконные. Бешмет подпоясывался кожаным ремнем, богато орнаментированным серебряными бляхами, он был показателем благосостояния владельца, к поясу с левой стороны подвешивали нож в ножнах. Мужским головным убором была меховая шапка типа папахи или барашковая ушанка. Парадные головные уборы имели красную шелковую кисть, почему соседние народы называли калмыков «краснокисточные». Обувью были мягкие кожаные сапоги чёрного или красного цвета со слегка загнутыми носами, их носили с войлочным чулком-вкладышем зимой и холщовыми портянками летом. Женская одежда была более разнообразна. Она состояла из белой длинной рубахи с открытым воротом и разрезом спереди до талии и синих штанов. Девушки с 12-13 лет поверх рубахи и штанов носили камзол, туго стягивающий грудь и талию и делавший фигуру плоской, его не снимали даже на ночь. Женской одеждой был также бииз из ситца или шерстяной ткани в виде длинного платья, в талии он стягивался поясом с металлическими накладными бляхами, а также бирз — широкое платье без пояса. Девичьим головным убором была шапочка: женский головной убор напоминал берет с широким твердым обручем внизу. Замужние женщины заплетали волосы в две косы и пропускали их в наконечники чёрного цвета или бархата. Женской обувью были кожаные сапоги. Многочисленны были женские украшения — серьги, заколки, шпильки и т. д. из золота, серебра, кости, драгоценных и полудрагоценных камней. Мужчины носили серьгу в левом ухе, кольцо и браслет-амулет.

Традиционное общество калмыков имело развитую социальную структуру. Оно состояло из нойонов и зайсангов — потомственной аристократии, буддийского духовенства — гелюнгов и лам. Сохранялись родоплеменные отношения, значительную роль в общественных отношениях играли патронимические объединения, которые занимали отдельные поселения и состояли из малых семей.

Брак заключался путем сговора между родителями будущих мужа и жены, согласия парня и девушки обычно не спрашивали. Девушку выдавали

замуж за пределы своего хотона. Калыма не было, но ценности, которые передавала семья жениха семье невесты, могли быть значительными. Предварительно гелюнг определял, будет ли брак удачным. Для этого сопоставляли годы рождения жениха и невесты по восточному календарю. Считалось, например, хорошим, если невеста родилась в год зайца, а жених – дракона, но не наоборот, так как «дракон пожрет зайца», то есть мужчина не будет главой в доме. Для новой семьи ставили отдельную кибитку, причем сторона жениха готовила само жилище, а сторона невесты обеспечивала внутреннее убранство и предметы обихода. Для сокращения свадебных расходов по взаимной договоренности сторон могло быть устроено мнимое похищение невесты. Сваты трижды приходили в семью невесты для оформления сговора, эти встречи сопровождалась праздничной трапезой. Будет ли брак удачным и «счастливым» день свадьбы определял зурхачи (астролог) специальным гаданием.

В духовной культуре калмыков большую роль играл фольклор, особенно героический эпос «Джангар», исполняемый сказителями-джангарчи. Это произведение содержит несколько десятков тысяч стихов.

Популярностью пользовались трёхстишия гурвнт, сочетающие признаки загадки и пословицы или поговорки.

Йорял – один из видов устного народного творчества калмыков. Применяется в разных жизненных ситуациях, таких, как: рождение ребенка, вручение подарков и др.

ГЛАВА 9. МИФОЛОГИЯ И ЛЕГЕНДЫ УРАЛА

9.1. МИФОЛОГИЯ НАРОДОВ УРАЛА

Особое место в культуре занимает мифология – совокупность повествований, отражающих представления о мире, природе и человеческом бытии. Мифы рассказывают о происхождении вселенной и человека, о богах и героях, о появлении «культурных благ» (огня, орудий). Содержание мифа древним человеком мыслится как правда, как реально бывшее и существующее. Мир в мифе осмысливается как существующий «всегда». Опыт предков, поскольку он накапливался множеством поколений, всегда рассматривался как достаточно «надежный». Он сосредоточен в мудрости предков, в традиции.

Миф – это не просто представление о мироустройстве и месте человека в нем. Миф – это целостное знание-представление о мире; это «ключ» к пониманию происходящего; это то, что связывает земное и небесное; он выступает в функции хранителя коллективной памяти (мемориальная функция) и одновременно сам является воплощенной памятью. Миф

связывает и направляет социальную энергию, созидает коллективы, обеспечивая координацию действий отдельных индивидов, формирует личностную и коллективную идентичность, созидает, структурирует пространство социальной жизни прежде всего как пространство символическое.

Под мифологией народов Урала понимают совокупность мифов, принадлежащих коренным народам, населяющим край и русской старожильческой культурно-исторической традиции.

Мифология народов Урала – явление, складывающееся из мифологических представлений различных народов, населявших край: это мифы финно-угорских народов, самодийцев, тюрков, русских. Древнейшими можно считать мифы финно-угорских и самодийских народов.

Древние финно-угры расселились к I тыс. до н.э. из Приуралья и Поволжья до Прибалтики и северной Скандинавии. В финно-угорскую группу входят народы коми, обские угры, мордва, удмурты, финны, венгры, некоторые народы Прибалтики и др. На мифологию народов финно-угорской группы, восходящей к III-II тыс. до н.э. повлияли воззрения соседних народов (иранской, тюркской, славянской групп), на заключительном этапе формирования – ислам и христианство.

Представления древнего человека о происхождении мира и вселенной нашли свое отражение прежде всего в космогонических мифах. Один вариант: бог-демиург (в мифологии народов коми его зовут Ен, у марийцев – Кугу юмо, у удмуртов – Инмар, у обских угров – Нуми-Торум) велит птице или младшему брату в виде птицы, плавающей по первичному океану, достать со дна крупицы земли, из которой он творит Землю и все на ней. Другой вариант космогонии – сотворение мира из яйца, снесенного птицей.

Сотворенный мир имеет три зоны: верхний мир – небо с Полярной звездой в центре, средний мир – землю, окруженную водами океана, нижний мир – мир холода и мрака. Мировой осью служило дерево, столп или гора. В верхнем мире обитали божества, землю воплощали женские божества, иногда выступавшие супругами высших богов. Также на земле обитали божества-покровители промыслов и духи-хозяева природы и стихий. В нижнем мире обитал противник верховного божества – творец зла со злыми духами и мертвецами.

Древнейшим источником, свидетельствующим о существовании мифологии коми-зырян и коми-пермяков, является «Житие Стефана Пермского» (XVI в.), где говорится о многобожии у древних народов, о поклонении животным, деревьям, огню, солнцу, воде и идолам. Верховным божеством коми считался Ен, персонаж, сохранившийся в фольклоре, который предстает как демиург – творец мира, ему противостоит Омель (у коми-зырян) или Куль (у коми-пермяков).

Предками народов коми считалось мифическое племя чудь, ушедшее под землю в древние времена. Сами народы вели свое происхождение от братьев Остьяса и Ошъяса, правивших народом в мифические времена изобилия, когда «не нужно было ни пахать, ни сеять». Особое место в мифологии коми уделяется культурному герою – Кудым-ошу, первому кузнецу, который выступает также и защитником своего народа.

Мифы обских угров (народов ханты и манси) несколько отличались от мифов коми. Согласно космогоническому мифу, земля появилась среди первичного океана из ила, который вынесла в клюве трижды нырявшая на дно гагара. В одном мифе гагару на дно посылает прародитель всех богов Корс-Торум, в другом – Нуми-Торум.

По наиболее известному мифу творение человека приписывается Иоли-Торум-Шань, матери земли. В другом мифе говорится о том, что люди были сотворены Нуми-Торумом: вначале из листовых бревен получились существа, их называли «менквы», затем из сердцевины листовницы были созданы мохнатые люди, которые впоследствии были уничтожены, наконец, появились настоящие люди, сплетенные из тальника и обмазанные глиной. Согласно мансийскому мифу землю первоначально населяли богатыри-отыры, но за дерзость Нуми-Торум их уничтожил, послав пожар и потоп, а сам стал отцом семи сыновей, от которых повели свой род люди.

Значительное место в мифологии народов финно-угорской группы занимают элементы тотемистических верований, например, культ медведя (ср.: среди найденных фигурок «пермского звериного стиля» много изображений этого животного).

Можно сказать, что представления народов, населявших Урал, нашли свое отражение в развернутой мифологии. Мы видим, что в мифологии народов Урала присутствуют основные группы мифов (космогонические, антропогонические, мифы о героях), характерные для первобытного сознания, но отличающиеся от них этническими особенностями.

Мифология древних народов Урала зачастую выступает «ключом», объясняющим как археологические находки, так и таинственные обряды и праздники, бытовавшие прежде.

Мифология Урала представляет собой совокупность мифов, принадлежащих финно-угорской, самодийской, тюркской и русской старожильческой культурно-историческим традициям. Древнейшими финно-угорскими и самодийскими космогоническими мифами являются сюжеты о сотворении демиургом (коми Ен, марийский Кугуюмо, удмуртски Инмар, обско-угорский Торум, ненецкий Нум) суши из крупы земли, поднятой ныряющей птицей со дна океана; в другом варианте (коми, финская мифология) мир сотворен из яйца, снесенного птицей. По древнетюркской мифологии, вначале были сотворены «голубое небо» и «бурая земля», а затем между ними появились «сыны человеческие», в космогонии мусульманских

тюркоязычных народов Урала велико влияние ислама. Русская космогония подверглась значительному влиянию мифологии Ветхого Завета.

Во всех мифах запечатлена троичная структура мироздания. В финно-угорской мифологии верхняя небесная сфера представляется обителью бога-демиурга, нижняя – преисподняя – миром его непримиримого противника (и брата), именуемого Керемет (удмурты, мари), Кынь-лунгн (обско-угорская), Омель (коми-зыряне); средняя (земная) сфера олицетворена в образах богини Калташ (обско-угорская) или бога Кылдысин (удмуртская). В мордовской и марийской мифологии ипостась богини Земли выражена в сонме «матерей» (ава); «вирь-ава» (удмуртский) – мать леса, «ведь-ава» (удмуртский), «вют-ава» (мари) – мать воды, «варма-ава» (удмуртский), «мардеж-ава» (мари) – мать ветра, «мода-ава» (удмуртский), «мланде-ава» (мари) – мать земли. Самодийской мифологии также свойственно троичное деление космоса на сферы божества неба (Нум – ненецкая, Ноп – селькупская), преисподней (Нга – ненецкая, Кызы – селькупская) и земли (Я-небя – ненецкая, Ылэнта-кота – селькупская). Языческая мифология тюркоязычных народов Урала, наиболее полно представленная мифологией чувашей (другие заметно исламизированы), описывает мироздание состоящим из тех же трех сфер, при этом верхняя и нижняя в свою очередь разделены на три слоя. Небесным творцом является Султи-тура («тура» восходит к древнетюркскому «тенгри»), хозяином преисподней – дух смерти Эсрель, богами земли – Сер ашше и его жена. Троичность вселенной в славянской мифологии передается образом мирового древа (березы, дуба, сосны, явора, вырия и др.), вершине и ветвям которого соответствуют птицы (сокол, соловей, Див), стволу – пчелы, корням – змеи, бобры и т.д.

В отношении богов верха и низа (юг и север, восток и запад) заложен первоконфликт, повторениями которого мотивирована череда зим и лет, дней и ночей, смерти и жизни. В ненецкой мифологии противоборствующими сторонами в отношении к женщине-Солнцу Хаэр и жизни людей выступают Нум и Нга, в отношении к расцветающей и увядающей природе – Нум (как бог южной стороны Неба) и Нгэрм (ипостась Нга, бога Севера). По мифологии селькупов, бог Неба Ноп мечет свои стрелы-молнии в хозяина преисподней Мачиль-лоза (ипостась Кызы) в течение лета, а затем уходит в южные земли, отчего наступают холода, и ночь становится длиннее дня. В марийской мифологии роль громовника, побивающего злых духов и защищающего человека, отведена особому божеству – Кудырчо-юмо. В мордовской традиции громовник Пульгине-паз нарекается приемным сыном и зятем небесного демиурга. В тюркской (чувашской) мифологии дуализм верхних и нижних божеств выглядит менее рельефно и его воздействие на миропорядок не столь существенно. Творцы и духи (число наименований которых превышает 200) образуют иерархию, во главе которой стоит Султи-тура. По мнению мифологов, «Снятие» первоконфликта в позднетюркской

мифологии, обусловлено социально-политическими мотивами – распространением идеологии и нормативов государственности. В русско-христианской мифологии силы преисподней еще менее причастны к глобальным природным явлениям и занимают место низших духов – «искусителей» людей.

Важную роль в мифологии финно-угров и самодийцев играет культурный герой – персонаж повествований, действия которого направлены на создание или добывание для людей различных культурных ценностей – огня, орудий труда, домашних животных, культ. растений и т.д. Нередко ему приписываются деяния демиурга или первопредка, а также черты плута-пересмешника (трикстера). В мифологии обских угров таковым является Мир-сусне-хум (Мир-осматривающий человек), разъезжающий вокруг Земли на белой лошади, передающий людям наказания своего небесного отца Нуми-Торума, в виде гуся (Лунт-отыр – Гусь-богатырь) совершающий полеты в птичью страну Мортимма, потешающий людей в амплуа комического героя Эква-Пырьсь. Ему удается одолеть враждебных людям существ, научить птиц перелетать летом в северные края, а людей – ловить этих птиц перевесами. Культовый герой селькупской мифологии – Ича(Итье) – выступает то сыном бога Нома, то сыном медведицы, то «внуком старухи». Он представляется небесным всадником, небесным охотником, победителем великана-людоеда Пюнегуссе, врачом, предсказателем, вершителем правого суда и ловким обманщиком. В ненецкой мифологии культовым героем предстает персонаж по имени Йомбо, у коми-пермяков – Кудым-ош. В мифологии народов, принявших христианство и ислам, божественные деяния соотносятся с образами Христа и пророка Мохаммеда, трикстерские проказы – с похождениями сказочных персонажей (например, Иванушки-дурачка).

Литература

1. Золотарев А.М. Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964
Мифы народов мира. М., 1982;
2. Ancient Cultures of the Uralian Peoples. Budapest, 1976.
3. Hoimberg U. Finno-ugric, Siberian. Boston, 1927 (The Mythology of All Races, v.V);

9.2. ЛЕГЕНДЫ ОБ УРАЛЕ

Древние греки называли Урал Рифейскими горами. Коренные жители – ненцы, ханты, манси, коми – называли свою родину «Камнем», и русские первопроходцы приняли это название.

О значении и происхождении слова «Урал ученые спорят до сих пор. Одни считают, что произошло название от мансийских слов «ур» и «ала», что означает «вершина горы». Другие вспоминают башкирские предания об

Урале-богатыре, который храбро защищал людей от злых чудищ и духов. Третьи считают, что «Урал» в переводе с тюркского означает «пояс».

В одной старинной легенде есть свое обоснование, названия Урала – «Каменный пояс». В ней рассказывается о битве северных богатырей с врагами. Когда иссякли силы богатырей, вождь племени призвал к себе самого сильного и ловкого юношу и вручил ему пояс, в котором хранились сокровища племени, добытые за тысячи лет. Вождь велел спрятать и сохранить это богатство. Но враги пустились в погоню.

«Не пристало богатырю от боя бежать!» – сказал себе юноша. Схватил он пояс могучей рукой, размахнулся и забросил сокровища за дремучие леса, в неприступные горы. А сам вступил в неравный бой. Герой погиб, но и врагам пояс с несметными сокровищами враги не достался, и они уплыли за моря без него...

Первые упоминания об Урале можно найти уже в античных источниках, правда, в них зачастую причудливо переплетались исторические свидетельства с легендами. По свидетельству Геродота (V в. до н. э.), «...у подошвы высоких гор живут люди от рождения плешивые, плосконосые, с продолговатыми подбородками, имеющие свой особенный язык. А что находится выше этого народа – никто не знает. Путь пресечен высокими горами, через них никто не может перейти. Плешивцы рассказывают... будто на горах живут люди с козьими ногами, а за ними – другие, которые спят шесть месяцев в году».

Древние русичи также упоминали о «человецех незнаемых», которые населяли северные земли, подчеркивая необычный облик этих людей, «живущих у подошвы высоких гор»: «по пуп люди мохнаты до долу, а от пупа вверх – как и прочие человеци», «а коли едят, и они крошат мясо да рыбу да кладут под колпаки или под шапку, и как почнут ясти, и они плечима движут вверх и вниз», «живут в земле», «ходят по подземелью <...> день и ночь со огни» [1].

Многие из этих легенд поддаются реалистическому толкованию: жизнь северных народов зимой отличалась тем, что они скрывались в юртах, сообщавшихся ходами, вырытыми под снегом; вид людей (мохнатые) объясняется меховой одеждой.

Самое древнее упоминание об Уральских горах (их называли «Камень») относят к 1096 г. Это легендарный рассказ о меновой торговле древних новгородцев и северных жителей. Впоследствии он вошел в «Повесть временных лет»:

«Дивное чудо мы нашли, о котором не слыхивали раньше, а идет этому уже третий год: есть горы, упирающиеся в луку морскую, высотой как до неба, и в горах тех стоит крик великий и говор, и кто-то сечет гору, желая высечься из нее; и в горе той просечено оконце малое, и оттуда говорят, и не

понять языка их, но показывают на железо и делают знак руками, прося железа; и если кто даст им нож или секиру, они в обмен дают меха».

Русичи, бывая на Северном Урале и в Зауралье, рассказывали о чудесах, которые происходят в землях Югры и Самояди («как спустится туча, и из той тучи выпадут белки молоденькие, будто только что народившиеся, и, выросши, расходятся по земле, а в другой раз бывает другая туча, и из нее выпадают оленьцы маленькие и расходятся по земле»), о несметных богатствах той земли, где «боги из чистого золота» («при устье Оби в области Обдорс стоит идол Золотая баба, или Золотая старуха. Это статуя в виде старухи, которая держит в утробе сына, и уже виден там еще ребенок, ее внук»), а одежда сплошь из «рухляди» – дорогих мехов («...платье носят соболие и рукавицы и ноговицы, а иного платия у них нет»).

Записки старинных рассказов свидетельствуют об интересе, который издавна вызывали урало-сибирские земли. Однако путь к этим землям, как писалось в «Повести временных лет», «непроходим из-за пропастей, снега и леса».

Литература

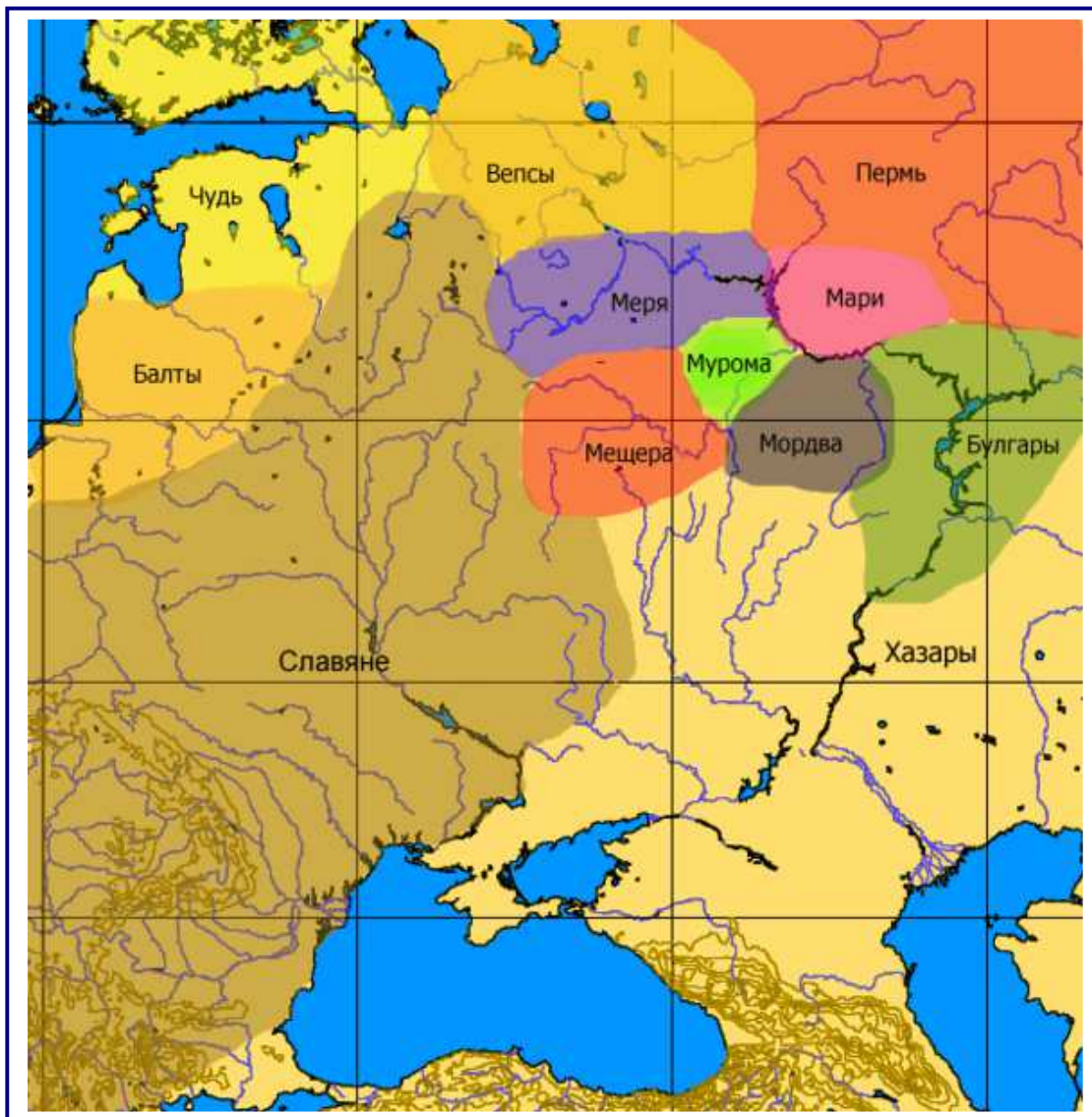
1. Предания и легенды Урала / Сост., вст. слово и комм. В.П.Кругляшовой. – Свердловск, 1991. – С. 9
2. Мурзина, И.Я. Очерки истории культуры Урала [текст] : Монография / Мурзина И.Я., Мурзин А.Э. – Екатеринбург, 2008. – 412 с., С. 70-72, 84-86
3. Мастера изумрудного края. Уральские сказы и легенды / Сост. И.А.Кириллова. – Челябинск: Аркаим, 2010. – 192 с.

9.3. «ЧУДСКАЯ» МИФОЛОГИЯ

Чудь – собирательное название ряда финно-угорских племён и народов. Иногда так называют мифологический персонаж, близкий по значению к европейским Faery (встречается в фольклоре, в том числе и у коми и у саамов).

В зависимости от исторической хронологии и от территории использования значение слова несколько отличается:

В «Повести временных лет» (859 год), летописец сообщает, что «варяги из заморья обложили данью чудь, словен, мерю и кривичей, а хазары – с полян, северян, вятичей, брали дань по серебряной монете и веверице (по белке) с дыма»; здесь существует различие между меря и чудью; за 882 год, когда Олег «отправился в поход и взял с собой много воинов: варягов, чуди, словен, мерян, весь и кривичей и пришёл к Смоленску и взял город»; здесь различие в том, что, в том числе, упоминается и весь; в 1030 Ярослав I Мудрый предпринял поход на чудь, «и победил их, и поставил город Юрьев»), здесь чудь вероятно – эсты.

Карта финно-угорских племён до прихода славян

Из летописных источников также известно, что знатные представители чуди жили в Новгороде (Чудинцева улица) и Киеве (двор Чудин, куда переселил «лучших мужей» из кривичей, вятичей, новгородцев и чуди в 982 году Владимир Святославич).

Вятский летописец сообщает, что новгородцы на реке Чепец, по которой они спустились к Вятке, нашли два народа – чудь и остяков.

В конце XIX века историком С. М. Соловьёвым на IV археологическом съезде было высказано предположение, что чудью, о которой упоминает «Повесть временных лет» в рассказе о призвании Рюрика, следует считать воевод – жителей Водской пятины Земли Новгородской, потомки которых проживали в то время в Нарвском уезде (см. «Нарова (народность)»), их тогда

в быту называли чудью [1]. Официально же в Российской империи до 1917 года чудью именовались вепсы [2].

У удмуртов есть родовые наименования Чудья (Шудья), Чудна; часть коми называли так своих ещё некрещённых предков [3].

В 2002 году чудь внесена как самостоятельная национальность под кодом № 351 в «Перечень национальностей и языков РФ». Большинство из людей, относящих себя к этой национальности, проживают в Пинежском районе Архангельской области, вероятно — самоназвание малых групп финно-угорского населения Архангельской области, появившееся в XX веке.

В Прикамье бытуют легенды о чуди (чучкарях) – древнем народе: «А кто-то тут раньше жил, какие-то люди-чуди»[4]

Мифологический персонаж «Чудь» в фольклоре нередко представляется в образе скрывающихся в лесах от преследований со стороны «панов» — предков русских переселенцев. Одна из версий происхождения слова «чудь» состоит в том, что язык чуди был непонятным, «чудным».

В исторических источниках встречаются некоторые устойчивые обороты: чудь белоглазая; чудь заволочская – часто употреблялось применительно к предкам современных коми; чудь псковская – сету.

В цикле книг популярного российского писателя Вадима Панова «Тайный город», чудами называют последних представителей давно исчезнувшей цивилизации, которые образовали Великий Дом Чудь.

В Вологодской области, в Николораменском сельсовете есть три деревни с названиями «Передние Чуди», «Средние Чуди», «Задние Чуди».

Литература

1. Труды IV археологического съезда. Казань, 1884. Т. I.
2. Пименов В. В. Вепсы: очерк этн. истории и генезиса культуры. М.; Л., 1965.
3. Напольских В. В. Географическая привязка и этноязыковая идентификация летописной Югры.
4. Сироткина Т. А. Этнонимы как отражение языка и культуры народов Прикамья.

9.4. ЛЕГЕНДАРНАЯ БИАРМИЯ УРАЛА

В прошлые времена слово Пермь и Урал были словами однозначными. Еще в IX веке в числе иноплеменников, живших на востоке от древней Руси, в среде финских племен Нестор-легописец упоминает Пермь, Печору, Югру и Чудь. Название Пермь неизвестно нынешним пермякам, которые называют себя коми.

Знатоки зырянского языка название Перми объясняют происхождением от слова «Парма», то есть гора, поросшая лесом. Другие производят от слова «паарма», что значит по-фински «украина», т.е. пермяки считались жителями окраины финского мира. Наконец, большинство ученых историков видят в Перми Биармию, или Бермию, у скандинавов, Бирмос – у англосаксов и Пермию у византийцев. В состав этой баснословно знаменитой страны Бермии_входили дореволюционные губернии – Пермская, Вятская, Вологодская и Архангельская. Это государство пользовалось обширной известностью в древнем мире как по богатству своему, так и по тому, что было расположено на пути торговли между Европой и Азией.

В мифических и героических сагах скандинавов часто упоминается Берманландия и ее жители пермяки. В изображении скальдов, которое не уступало воображению восточных писателей, сказания об этой стране сливались с древнейшими преданиями о выходе самих скандинавов из этой земли. По их словам, князья пермские царствовали еще до рождения Христа.

Древний скандинавский бог войны Один, по словам скандинавских сказителей, посылал своих воинов в далекую и холодную Бермию искать удачу в битвах и новых божеств. Конунги норвежские и датские женились на пермских царевнах, а из-за отказа происходили рыцарские единоборства. Не только войны и грабежи, но и мирные, родственные отношения связывали Бермию со Скандинавией. Главный пермский храм, посвященный высшему финскому божееству Помале, в особенности привлекал корыстолюбие скандинавов, которые не раз пытались ограбить его. Даже наружность храма была обложена золотом и алмазами, которые лучами своими освещали всю окрестность.

Так облакалось в сказочное повествование предание о древней уральской стране, которая некогда существовала на территории Урала.

Пермская губерния –
Наш уральский край,
Где возникла Бермия,
Не страна, а рай.
Ведь богаче Бермии
Не было страны,
Потому что в Бермии
Не было войны.
Север настоящий –
Реки мерзнут в лед,
Жил здесь настоящий
Северный народ.
Замки деревянные
Строил на века,
Не видали в Бермии
Пьяным мужика.
Потому богатствами
Славилась страна –
Были благодатными
Эти времена:
Камня драгоценные,
Сосьвинская сельдь,
Жемчуга бесценные,
Соболь да медведь.
Реки полнорыбные
И зверье в лесу –
Нам такую дивную
Не видать красу.
И принцессы бермские
Были нарасхват –

Породниться с Бермией
Всякий принц был рад.
Лишь турниры рыцарей
Собирала рать –
Не с кем было Бермии
Раньше воевать.
И в труду, и в почестях
Он беды не знал –
Наш холодный, древний
Северный Урал...
...Но настали дикие
Скоро времена,
И была разрушена
Бермия-страна..
Замки деревянные
Сожжены дотла.
Защититься Бермия
Так и не смогла...
Города, селения
Заросли тайгой.
Замело все временем.
Вьюгой и пургой.
Только горы давние
Помнят времена,
Как трудилась Бермия –
Славная страна.

Владимир ВОЛКОВ

ГЛАВА 10. ТОПОНИМИКА КАК ПАМЯТЬ ЯЗЫКА И ИСТОРИИ РЕГИОНА

10.1. МНОГОСЛОЙНОСТЬ УРАЛЬСКОЙ ТОПОНИМИКИ

Человечество в своем большинстве воспринимает язык как данность, как то, что не требует осмысления и бережного отношения, однако язык не только орудие общения. Язык – бесценный памятник истории и культуры народа. Но языковые факты легко тонут в реке забвения. История языков – это непрерывные и невозстановимые утраты.

Уральский регион с его бурной историей и демографическими потрясениями – не исключение. Сто лет тому назад венгерский языковед Б. Мункачи и финский лингвист А. Каннисто еще записывали мансийскую речь в населенных пунктах по рекам Пелым и Тавда, т. е. на территории северо-востока Свердловской области. Автору довелось говорить уже с последним носителем пелымского диалекта – Денисом Мульминым, типичным манси по облику, который, однако, помнил только несколько слов родного языка. Чуть позднее были зафиксированы и последние речения тавдинских манси. Сходные процессы происходят и среди русского населения. Под мощным давлением литературного языка и просторечия исчезают русские народные говоры, хранители бесценной информации о старинном русском быте, культуре, менталитете.

Можно по-разному относиться к этим процессам и их историческому смыслу, но в любом случае исчезновение языка или диалекта и соответственно определенного этноса всегда трагично. Перед учеными же встает сакраментальный вопрос: все ли было сделано для того, чтобы умирающий язык засвидетельствовать и сохранить его как памятник языка и истории, по информативной значимости не менее ценный, чем сокровища материальной культуры.

Географические названия – топонимы – обычно старше нас. Среди них есть современники Ермака и Александра Невского. У других еще более почтенный возраст. Топонимы очень многое могут рассказать о жизни наших предков. Вместе с тем географические названия – это наше настоящее и наше будущее. Они могут надолго пережить нас. То есть топонимика – это зеркало нашей истории и нашей жизни. Именно поэтому язык земли интересует многих – языковедов и историков, географов и топографов, краеведов и туристов, всех, кому дорог родной край.

Топонимы – географические названия – тоже факты языка, нередко исчезающие целыми пластами на наших глазах. Но иногда у них бывает более счастливая судьба, чем у других слов. Это связано с тем, что топонимия в силу своей множественности, формальности, жесткой прикрепленности к месту, а также способности одновременно обслуживать разные этносы может сохраняться в течение веков и даже тысячелетий.

В ней живут новой жизнью как слова древних языков, иногда единственные свидетельства о давно исчезнувших народах, так и архаические речения родного языка, содержащие в себе ценную информацию о самом языке, об истории народа и его культуре.

Велик Урал, и необыкновенно пестра и сложна его топонимия. Русские, коми, ненцы, обские угры – манси и ханты, тюркские народы – башкиры и татары, а также неизвестные нам племена создавали ее в течение многих столетий. Очень трудно разобраться в этом смешении народов и языков, увековеченном на географической карте.

В современных топонимических словарях можно найти сотни толкований различных географических названий – наименования городов и других крупных населенных пунктов, рек, озер, гор.

Топонимия Урала давно привлекла внимание ученых. Еще в XVIII в. В.Н. Татищев и П.С. Паллас пытались проникнуть в тайны происхождения названий нашего края, иногда с успехом, иногда наивно и беспомощно. Так или иначе, проблема была поставлена, однако понадобилось два столетия, чтобы появились первые уральские топонимические словари [1]. С чем связана такая задержка? Во-первых, с объемом материала (в нашей области несколько сот тысяч топонимов, на всем Урале – их миллионы), во-вторых, с его крайней пестротой, обусловленной многоязычностью населения как в настоящем, так и в прошлом. Но самое главное, надо было знать не отдельные факты, а такое их множество, которое позволило бы обнаружить определенную систему. Необходимо было собрать материал как у населения, так и в письменных источниках. Для реализации этой цели сорок лет назад начала работать топонимическая экспедиция Уральского университета. Территория, охваченная ее деятельностью, огромна: Урал, Русский Север, Западная Сибирь.

Если не касаться географических названий Крайнего Севера, имеющих свою специфику, топонимическое районирование Урала в основном совпадает с его традиционным членением на Северный, Средний и Южный.

На западном склоне Северного Урала господствует топонимия коми, на восточном преобладают мансийские географические названия. Топонимистам университета удалось осуществить ряд удачных экспедиций в эти труднодоступные районы, собрать там обширный материал и исследовать структуру и значение местных топонимов. Значительная часть их была включена в первый в нашей стране топонимический словарь, т.е. словарь названий гор и хребтов [2].

В процессе этой работы были установлены существенные отличия между коми и мансийской топонимией. Коми приняли христианство в XIV в., их топонимия прошла через многолетний религиозно-культурный и языковой фильтр, утратив в основном языческие черты и древнюю образность. Напротив, манси стали христианами сравнительно недавно (XVIII в.), в глубине души оставаясь язычниками. Отсюда удивительная

яркость и образность мансийских топонимов, которые содержат ценные сведения о мансийской религии, мифологии и истории.

Так, в топонимии самых разных народов мира горы получают названия со значением «Старый человек». Признак старости, древности, вечности гор по сравнению с человеком – семантическая универсалия, которая представлена и в мансийской топонимии, но у манси она имеет два способа реализации.

В первом случае семантическая модель «Старый человек» претерпевает значительную метаморфозу. Уральский хребет делится на своего рода округа. В каждом таком округе возвышается свой Нёр-Ойка, т.е. «Старик Урал» или «Хозяин Урала», который должен стеречь Уральский хребет и помогать манси. Разумеется, ему надо приносить жертвы. При этом один из этих каменных богов – в вершине Северной Сосьвы – был главным, ему подчинялись остальные.

В другом варианте древность гор подчеркивается сравнением с событиями времен всемирного потопа. При этом выясняется, что горы старше, поскольку высокие вершины, по поверьям, оставались сухими, и там спасались люди и животные. На горе Холат-Сяхыл («Гора мертвецов») во время потопа искали убежище девять манси, но они умерли от голода, откуда и название.

В мансийских топонимах такого рода и связанных с ними легендах и обычаях в синкретическом единстве выступают язык, фольклор, мифология и религия. Но из топонимии манси можно извлечь и достаточно достоверные историко-лингвистические сведения.

В настоящее время манси – оленеводы, которые пасут свои стада на горных пастбищах. Понятно, что каждая гора, перевал, скала получили у них свое особое обозначение. Но что поразительно: главный хозяйственный персонаж – олень – почти не упоминается в топонимии, зато неоднократно отмечены названия типа Лув-Нёр «Конь-Камень» и другие подобные оронимы. Эти наименования связаны с характерным для манси культом коня, который отражает их былой коневодческий быт, а в прошлом находил также выражение в жертвоприношении белой или пегой лошади, подробно описанном в дореволюционных источниках по этнографии. Отсюда вывод, что манси, как и их ближайшие сородичи венгры, когда-то жили южнее и занимались коневодством, но затем под давлением более мощных кочевых племен отошли на север и в конце концов стали оленеводами. Другой небезынтересный момент: многие названия рек Северного Урала (Вишера, Лозьва и др.), а иногда и гор не имеют мансийских этимологий. Они явно принадлежат какому-то более древнему населению, может быть, родичам современных ненцев, живущих в полярных тундрах. Это также свидетельствует о том, что манси не являются аборигенами, а пришли на Северный Урал из других мест.

На Южном Урале видим совсем другую картину. Здесь господствует тюркская (башкирская и татарская) топонимия, которая образует верхний слой названий. Топонимия Южного Урала, естественно, привлекает

прежде всего башкирских ученых, и они сделали немало в области изучения структуры и семантики тюркских географических названий, но и здесь наши экспедиции, собирали материал для оронимического и других словарей. Сама по себе тюркская топонимия изучена уже достаточно хорошо. Проблему создают довольно многочисленные дотюркские названия, подступы к "расшифровке" которых серьезно затрудняются их переработкой в тюркской среде. А между тем интерпретация дотюркских названий может иметь радикальные последствия для реконструкции лингвоэтнической карты Южного Урала в древности. В свое время мы активно участвовали в разработке и обсуждении двух труднейших вопросов, связанных с происхождением субстратной топонимии Южного Урала, а именно с поиском древневенгерских и иранских топонимических реликтов в этих местах. Был предложен ряд этимологий субстратных топонимов, но в целом проблема оказалась очень сложной и "прорывных" исследований в этой области пока нет. Однако фактов довольно много, и надо надеяться, что рано или поздно ключ к ним будет подобран.

Весомые результаты изучения топонимии Среднего Урала, для которой характерен верхний русскоязычный слой и довольно многочисленный, но очень пестрый и неравномерно распределенный по территории дорусский субстрат.

Средний Урал, где горы очень низкие, а перевалы иногда, например, близ Екатеринбурга, вообще незаметны, не представлял собой какого-либо препятствия для кочевников. Он был в древности и в Средние века настоящим проходным двором. По этой причине в некоторых местах, особенно в средней части Зауралья между Турой и Исетью, уцелели буквально «обломки» былых топонимических систем. Топонимия здесь исключительно трудна для исследования. Чем севернее, тем она однороднее и прозрачнее, поскольку обрусение здесь произошло недавно.

Недавно был опубликован первый топонимический словарь Свердловской области [3]. Экспедиции в Гаринском и Таборинском районах в полном смысле слова спасли топонимию пелымского и тавдинского диалектов мансийского языка. Здесь был записан «свежий» субстрат: местные манси уже забыли свой язык, но родную топонимию еще хорошо знали. Этот материал был впоследствии квалифицированно обработан Г. В. Глинских и сохранен для будущего [4]. О. В. Смирнов, работая в архивах, выявил интересные факты топонимии давно вымерших диалектов мансийского языка – южнососвинского, верхотурского, чусовского [5]. Е. Э. Иванова подробно описала топонимию среднего течения реки Чусовой [6].

Из других результатов надо особо выделить следующие.

1. Получены доказательства того, что в северной части Среднего Урала манси пришли на смену древнему хантыйскому населению. Название самого большого озера нашей области – Индра – в Тавдинском районе и таких рек, как Ляля и Оус убедительно объясняются из хантыйского языка. Более того, есть основание думать, что древнее обско-

угорское население, возможно, типа хантов, некогда (до тюрков) обитало и далее к югу – между Турой и Пышмой. Во всяком случае, такие названия, как Нейва, Пышма, Тагил и некоторые другие лучше всего объясняются тоже из хантыйского языка.

2. Выявлен мощный клин коми названий, идущий от Уральского хребта на восток. Его основание – условная линия, которая соединяет истоки Южной Сосьвы и Нейвы, а острие направлено к месту слияния Ницы с Турой. Эти названия (Косьва, Лобва, Сосьва, Ясьва и т.п.) распространены в основном на той же территории, что и русские топонимы, образованные от названия народа зыряне, как русские раньше именовали коми (Зырянка, Зырянский и т.п.). Первоначально считалось, что как те, так и другие, начиная со времен Ермака, распространялись коми-зырянскими проводниками русских войнов, но, вероятнее, этот примечательный клин образовался в результате переселения различных групп коми вместе с русскими в период освоения Урала.

Вместе в тем оказалось, что некоторые названия, образованные от этнонима зырянин (от финского *sugjainen* – крайний), могут быть связаны не с коми, а с другим народом, жившим по реке Устья в бассейне Северной Двины - загадочной зырью, имя которой было перенесено в XVI – XVII вв. на северных коми (пермяков или пермян русских летописей). Кем были эти двинские зыряне, окончательно пока не установлено, возможно, родичами волжских мерян или какой-то ветвью Чуди Заволочской. Так или иначе, но со временем они были захвачены русским переселенческим движением, оказались в Зауралье и обрусели. Поэтому и в наши дни на Русском Севере реку называют Устья, жителей ныне русских деревень на берегах – зырь, глухой заболоченный лес – лагмас, а в Пышминском районе Свердловской области деревня именуется Устьянка, другая – Зыряны, есть и урочище Лагмас, хотя никто уже не знает, что обозначает это слово.

Отсюда следует, что переселенческий поток XVII – XVIII вв. захватил не только русских, но и некоторые финно-угорские народы, которые находились на том или ином этапе обрусения. Это позволяет понять, каким образом среди чисто русских названий населенных пунктов вроде Ивановка или Липовка появились наименования типа Карелы или Черемисское.

3. В настоящее время можно довольно точно обозначить ареал тюркской субстратной топонимии на территории Среднего Урала, прежде всего татарской, северная граница распространения которой идет примерно от Шамар к Нижнему Тагилу, затем к Кушве, Верхотурью и далее по Туре, т.е. она кое-где пересекается с южной границей прежнего мансийского ареала. Тюркских названий много и в окрестностях Екатеринбурга (Шарташ, Билимбай и т.п.). Но далеко не все из них являются собственно татарскими. На востоке Свердловской области безусловно преобладает западносибирско-татарская топонимия с ее характерным цоканьем (старинное название села Чубаровского в

Ирбитском районе было Цубартура при казанско-татарском Чубартура – «Пестрый город»). На юге области и в окрестностях Екатеринбурга заметное место принадлежит башкирским названиям, которые, однако, нелегко отличать от татарских. Наконец, в Предуралье обнаружены следы пребывания волжских болгар – энергичных предпринимателей и торговцев своего времени, государство которых было уничтожено монголами в XIII в. Волжские болгары – особая ветвь тюрков, их родичами считаются современные чуваша. Показательно, в частности, гнездо речных названий в бассейне Бисерти к западу от Дружинино – Барышан, Киргишан, Чикишан, в повторяющейся части которых опознается чувашское сана – «рукав», волжско-болгарское шан – «рукав», «проток», «приток».

Урал – горная страна, протянувшаяся более, чем на 2500 км с севера на юг от берегов студеного Карского оря до среднеазиатских степей и полупустынь.

Уральские горы – естественная граница между Европой и Азией. Самая высокая гора на Урале – Народная, высота которой – 1895 м.

Древние называли Урал Рифейскими или Гиперборейскими горами, средневековые географы – Поясом, Камнем, Каменным Поясом, Земным Поясом, русские первопроходцы, как правило, называли его Камнем. Это название, которое до XVII–XVIII вв. употреблялось и в официальных документах, – перевод с местных языков: ненцы именуют Урал Нгарка Пэ (большие камни), ханты – Кев (Камень), манси – Нёр (Камень), коми – Из (Камень).

Название Урал впервые упоминается в русских документах конца XVII в., но только в XVIII в. Оно прочно входит как в деловой, так и в разговорный язык.

О топонимике Урала написано множество работ, однако, вопрос его значения так и не решен до конца. Давно и серьезно обсуждаются две версии происхождения этого названия – финно-угорская (мансийская) и тюркская.

Создателями финно-угорской (мансийской) версии были известные исследователи Северного Урала Э.К.Гофман и М.А.Ковальский. Они сравнивали Урал с мансийским словом УР – «гора». В наши дни венгерские ученые Б.Кальман и Я.Гун развили мансийскую версию и сопоставили ороним Урал с мансийским УР АЛА – «вершина горы». Вместе с тем данная версия не совсем убедительна, так как сами мансийцы называют Урал только НЁР – «Камень» и никогда не употребляют по отношению к Уралу в целом и к отдельным горам выражение УР АЛА – «вершина горы».

Сторонники второй версии утверждают, что название Урал по происхождению связано с тюркскими языками – башкирским, татарским, казахским. За эту версию говорят многие внешние приметы слова Урал, характерные для тюркских языков (даже ударение – на последнем слоге) и записанное П.С.Паласом в XVIII в. Наименование водораздельного хребта Уралтау, который протянулся через всю Башкирию чуть ли не на 300 км, а

также древние формы Арал(ь)това и Орал(ь)това гора, зафиксированные в «Книге Большому Чертежу» 1627 г. и скорее всего относящиеся к Южному Уралу.

Однако, в толковании слова единства нет. Ряд исследователей, начиная с В.Н.Татищева, считают, что этот ороним имеет значение «Пояс», связывая его с тюркским глаголом УРАЛУ, ОРАЛУ – «опоясываться». Такой подход хорошо согласуется с данными физической географии, но не вполне соответствует факторам тюркской лексики и грамматики.

Другие ученые сопоставляют башкирское название Арал дингезе – Аральское море («Островное море») и уже упомянутое Арал(ь)това гора, допуская перенос по смежности: южная часть Уральского хребта – горная цепь Мугоджары – оканчивается недалеко от Аральского моря.

Вместе с тем слово АРАЛ в тюркских языках обозначает не только «остров», но и «остров леса в степи» и даже «возвышенность». Отсюда поэтическое название гор – Арал, т.е. «Остров (возвышенность) среди лесов (степи)». Таково мнение башкирского лингвиста Г.К. Валеева. По мнению И.Г.ДЖобродомова переход Арал в Урал объясняется за счет древних чувашско-булгарских диалектов.

Есть еще одно предположение о том, что формы Арал(ь)това, Орал(ь)това гора в «Книге Большому Чертежу» ошибочны, фактически должно быть Урал(ь)това гора.

Ряд ученых считают, что название Урал восходит к башкирскому фольклору. В башкирских преданиях рассказывается об Урал-батыре («богатыре-Урале»), который храбро бился с врагами башкирского народа – разными духами и чудищами. Вероятно, что это предание вторично и название хребта обязано происхождением имени героя, то есть имя герою дано по названию хребта.

Таким образом, считается, что предположение о тюркском происхождении названия Урал более правдоподобно, чем мансийская версия, хотя полного подтверждения и принятия этой версии пока нет, что порождает все новые объяснения этого загадочного слова – Урал.

Пермский краевед Е.Н.Шумилов считает, что топоним Урал – монгольского происхождения, полагая, что первоначальная форма названия Урал – ХУРАЛ УУЛ, то есть «Собрание гор». Тюрки, которые ассимилировали с течением времени уральских монголов, переняли у них название Хурал уул и заменили монгольское УУЛ на тождественное тюркское ТАУ – «гора». Позднее начальное Х отпало и возникло тюркское название Уралтау.

Возможно, какие-то монгольские племена жили на Урале, а следовательно, в уральской топонимии могут быть и монгольские элементы. Но «Собрание гор» будет не Хурал уул, а Уулын хурал, так как в монгольском языке определение всегда стоит перед определяемым (уулын нуруу – «горный хребет», дословно «хребет горы, гор»). А это большой контраргумент гипотезе Шумилова со стороны грамматики монгольского языка.

Есть и еще предположение – о тунгусо-маньчжурском происхождении названия Урал, основанное на языковой близости оронима Урал и эвенкийского географического термина УРЭ – «гора», а Л в эвенкийском языке – суффикс множественного числа, что позволяет толковать название Урал – как «Горы». Однако, слабость тунгусо-маньчжурской версии состоит в непонимании возможности заимствования названия Урал у эвенков – жителей Восточной Сибири, продвигаясь, вместе с тем, с запада на восток.

Это еще раз дает основание говорить о тюркском происхождении названия слова Урал.

У топонимистов Урала впереди огромная работа – систематизация и изучение уже собранного, а также составление топонимических словарей, но главное все-таки успеть зафиксировать то, что исчезает на наших глазах и прежде всего микротопонимию – названия малых объектов. При этом надо всегда помнить, что географические названия хранят память не только о прошлом ныне живущих народов – русского, коми, татарского и других, но и о тех, которые давно ушли с исторической сцены и о которых других языковых источников не существует. Найти и восстановить то, что удастся – наш святой долг.

Литература

1. Матвеев А. К. Географические названия Урала. Свердловск, 1980; Словарь топонимов Башкирской АССР. Уфа, 1980.
2. Матвеев А. К. Вершины Каменного Пояса. Челябинск, 1990.
3. Матвеев А. К. Географические названия Свердловской области: Топоним. слов. Екатеринбург, 2000.
4. Глинских Г. В. Русская топонимия мансийского происхождения в бассейне реки Тавды: Дис. ... канд. филол. наук. Свердловск, 1972.
5. Смирнов О. В. Русская топонимия северной части горнозаводского Урала: Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1997.
6. Иванова Е. Э. Топонимия среднего течения реки Чусовой: Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1993.
7. Матвеев А. К. Топонимия Урала как памятник языка и истории / Известия Уральского государственного университета. – Екатеринбург, 2001. – № 19. – С. 7-11)

10.2. ТОПОНИМИКА ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ

Интересно и поучительно проникновение в тайну названий: Как и откуда они возникли, по какому поводу, что означают. Изучением географических названий занимается наука топонимика (от греческого **τόπος** (topos) «топос» — *место*, местность, **ὄνομα** (ōnoma) «онома» — *имя*), входящая в раздел языкознания и тесно связанная с историей, географией, этнографией и археологией. Она объясняет, как возникли

географические названия, какой заключен в них смысл и как они изменяются.

Топонимика (от греч. τόπος – место и óνιμα – имя, название) – совокупность географических названий какой-либо территории; раздел ономистики, изучающей имена собственные, представляющие названия географических объектов. Она объясняет происхождение названий гор, рек, озер и селений в регионе, которые рассказывают не только о ее природных условиях, но и о заселении края, участии жителей региона в событиях отечественной истории.

Многочисленны географические названия региона: Париж Берлин, Карасу, Киижитай, Ду(о)нгузлы, Юрма, шайтан-Юрт, Кара-Тау, Уреньга, Златоуст, Вознесенское, Амурский, Лабзовитое, Луговой... Они привлекают внимание своим многообразием, заставляют задуматься необычностью звучания и какой-то загадочностью. Являясь собственными именами географических мест, они не просто отвлеченные и случайные понятия, каждое имеет свою смысловую значимость.

Образование географических названий происходило в определенной исторической обстановке, тесно связано с общественно-экономической жизнью. И каждое помнит о племенах и народах, которые населяли и населяют наш край. Это один из элементов духовного творчества народа. В названия вложены мысли, знания, наблюдательность народа — это отражение или природы, или истории. Они хранят богатый материал о природных условиях былых времен, которые могут и не соответствовать сегодняшним, о историческом прошлом, поэтому могут служить важным источником познания родного края.

Южноуралье издавна заселяли, сменяя друг друга, разные народы, здесь происходило взаимодействие многих культур и языков. Сложный и длительный процесс заселения края сказался на формировании топонимии Челябинской области, обусловил языковую пестроту названий, изменение во времени их звучания.

Письменные источники и археологические материалы свидетельствуют, что уже во второй половине второго тысячелетия до н. э. Южный Урал и прилегающие степи были плотно заселены различными племенами — лесными и степными культурами. Из них в степи в первом тысячелетии до н. э. сформировались кочевые скотоводческие племена ираноязычных сарматов и аланов. На севере, в лесах и горах,— охотничьи племена, предки современных финно-угорских народов: ханты, манси, коми и другие. К этому времени относится древнейший опознаваемый слой названий дотюркский. К нему относятся топонимы с элементами древнейших языков — индоевропейского (иранского и других) и финно-угорского (пермских, угорских, обско-угорских, отчасти волжско-финских) происхождения. Названий — свидетелей этого древнейшего дотюркского языкового горизонта — в области сохранилось мало, их очень трудно расшифровать, потому что они дошли до нас в значительно измененной форме.

С начала новой эры в степях Южноуралья стали расселяться тюркские племена. С первых веков нашей эры берут начало тюркские топонимы. Они составляют значительный, повсеместный слой названий — более всего башкирских. Это указывает, что башкиры являются наиболее многочисленным народом, проживающим в крае в течение многих поколений. Названия казахского происхождения не многочисленны. Они имеются лишь в крайней южной части области. Среди башкирских и казахских топонимов встречаются редкие вкрапления кипчакско-булгарских (татарских).

В топонимии края выделяются и монгольские языковые элементы, появившиеся во время татаро-монгольских завоеваний; монгольские племена приняли известное участие в этногенезе башкир. Встречаются также иранские и арабские заимствования. Они появились в основном во время становления ислама, ставшего господствующей религией среди уральских тюрков.

Самый верхний слой топонимов — славянский, наиболее поздний по времени образования. Русские, украинские поселенцы стали появляться на территории области в конце XVII, основное же заселение шло в XVIII и первой четверти XX веков.

Они обосновались на территории с уже сложившейся топонимией и в основном ее сохраняли, давая свои названия лишь селениям и малым речкам, городам и озерам.

ГЛАВА 11. КУЛЬТУРА ДРЕВНЕЙШЕЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ НА УРАЛЕ

11.1. ДРЕВНИЕ ОБРАЗЫ СВЯЩЕННЫХ СКАЛ (ПИСАНИЦЫ)

Землю можно сравнить с татуированным телом – почти повсюду на ней в местах обнажения горных пород есть древние изображения. Они известны сейчас более чем в ста двадцати странах мира в самых разных местах – от подземных пещер до высокогорных плато, от тундры до пустынь. Это хрупкое наследие наскального искусства, оставленного древними людьми в период «детства» – доистории.

Писаницы (камни-писанцы) – монументальные изображения, выполненные на скальных обнажениях. В настоящее время они известны более чем в ста двадцати странах мира в самых разных местах – от подземных пещер до высокогорных плато, от тундры до пустынь. Это хрупкое наследие наскального искусства, оставленного древними людьми.

На Урале рисунки на скалах после палеолитического времени называют также «писаницы», «писаные скалы», «камни-писанцы». Слова эти – производные от глагола «писать». По В. Далу, под писаницами понимали «неизвестные начертанья, чуждые письмена, встречаемые на береговых скалах». Уральские писаницы, за редкими исключениями, расположены на обнажениях горных пород по берегам рек и реже – озер.

Ареал с расписанными скалами на Урале протянулся с севера на юг примерно на 800 км. Они неизвестны пока на территории Полярного и Приполярного Урала. Самые северные памятники обнаружены на реках Колве и Вишере, самые южные – на Белой. Два основных района, где встречаются писаницы, – восточный склон Среднего Урала – по рекам Тагил, Нейва, Режа и Исеть и западный склон Южного Урала – по рекам Ай и Юрюзань. Больше всего наскальных изображений открыто сейчас на реке Тагил — 19.

Рисунки наносились на различные горные породы. Фигуры делались на вертикальных или наклонных скальных стенах, в то время как в других регионах, например в Карелии или Швеции, для этого использовались горизонтальные поверхности. Для своих изображений древние «художники» выбирали ровные места, которые обязательно должны были находиться под навесом либо иметь отрицательный наклон. Это делалось для предохранения фигур от разрушительного воздействия атмосферных осадков. Интересно, что выбиралась не всякая ровная плоскость, а в первую очередь та, которую покрывал светлый натек. В этом заметно стремление усилить контрастность изображений, выделить их из сероватого фона скалы.

Высота скал, на которых обнаружены древние изображения, различна: от нескольких метров до сотни. В размещении фигур в пространстве скалы видны определенные закономерности. На Южном Урале они находятся в основном невысоко над землей. Но есть и исключения, когда рисунки наносились высоко на стены, отвесно обрывающиеся в воду.

Почти все писаницы выполнены на фасадных частях скал, обращенных к реке, а многие панно напоминают своего рода алтарные части храмов. На некоторых скалах (на Змиевом камне, Сокольинских утесах) отдельные блоки полностью закрашены краской. Большая часть фигур доступна для обзора любого стоящего перед скалой. Наиболее яркие изображения, расположенные на значительной высоте, видны не только с реки, но и с противоположного берега (верхняя группа Зенковской скалы). Отдельные писаницы можно охватить взглядом с одного места, в других случаях для знакомства со всем ансамблем росписей нужно перемещаться подчас на десятки метров.

В Сибири, на Европейском Севере известно множество технических приемов для создания изображений – рисунок краской, выбивка, гравировка и шлифовка. На Урале – только росписи. Для приготовления краски отбирали гематит, лимоний и другие оксиды железа. Пигмент готовился из порошка путем растирания оксидов. Затем в него добавлялась склеивающая основа – растопленный жир животных и (или) кровь. В зависимости от того, какие оксиды использовались для приготовления красящего пигмента, изменялся и оттенок. Например, бурый железняк давал желтовато-коричневые или близкие к бордовому

цвета, если же использовался гематит, то цвет получался ближе к сиреневому, с «холодной тональностью».

Все нарисованные фигуры можно объединить в четыре большие группы: животные, человекообразные существа, различные геометрические изображения или знаки и неопределенные изобразительные мотивы.

Группа животных состоит из рисунков зверей и птиц. Рыбы или насекомые среди наскальных образов практически не отмечены или спорны. Почти все фигуры птиц и зверей выполнены в профиль. Изображения выполнялись по-разному: силуэтом (туловище полностью заливалось краской), контуром (корпус обводился одной линией), в так называемом «скелетном», или «рентгеновском» стиле (показ ребер, жизненно важных органов животных существ – сердца, печени, легких). Как правило, образы создавались красочной линией шириной 1–1,5 см. Напрашивается вывод, что рисунки выполнялись просто пальцем. Известны и широкие полосы: до 4–5 см, которые, может быть, наносились каким-то инструментом – щепой или кистью.

Среди зверей преобладают копытные: лоси, олени и косули. Косули изображены исключительно на Южном Урале, а лоси и олени — на Среднем и Северном. Это полностью совпадает с территориями, где данные виды животных преобладают и сегодня. Кроме копытных известны рисунки медведя: четыре на тагильских скалах, по одному на реках Уфа и Юрюзань.

Птицы изображены чаще водоплавающие. Чаще всего рисовали уток, которым присущи утяжеленный корпус и короткая шея. Птицы с длинной шеей распознаются как гуси. Менее уверенно можно говорить о воспроизведении лебедей.

Антропоморфные или человекообразные существа довольно разнообразны. Почти все они изображались в фас. Туловище рисовалось одной линией, реже силуэтом или контуром, иногда показывались ребра. Голова бывает округлой или раздвоенной. Немногочисленны персонажи с многолучевыми головными уборами, а также с головой в виде ромба. У многих показан хвост. Руки очень часто согнуты в локтях и опущены на пояс или бедра. Ноги у абсолютного большинства фигур изображены полусогнутыми, что придает этим существам динамику движения, пляски.

О странных начертаниях на скалах по берегам уральских рек известно с конца XVII века: в одном из документов этого времени упоминается Писаный Камень на реке Вишере как пограничная скала между русскими и вогульскими рыболовными угодьями. С начала XVIII века получает известность другой Писаный Камень – на реке Ирбит, вероятно вследствие близости к знаменитой Ирбитской ярмарке. К концу XIX столетия насчитывалось уже около 20 пунктов с древними изображениями. Сведения о них собирались стрельцами и писарями, пленным шведским офицером, учеными-натуралистами, работниками заводов. Выделяется главный кассир нижнетагильского завода Д.П.

Шорин. Кроме описания пунктов и неплохих копий рисунков по Тагилу он попытался расшифровать древние изображения.

С образованием на Урале Общества любителей естествознания (УОЛЕ) происходит качественный перелом в изучении древностей Уральского края.

Во второй половине XX столетия, благодаря работам российского археолога и этнографа В.Н. Чернецова, появился замечательный труд, в котором анализировались и обобщались все известные к тому времени сведения о наскальных изображениях Урала.

Территория распространения писаниц совпадает с проживавшими здесь до прихода русских манси. Об этом говорят как письменные источники, так и ономастические данные. В частности, в долинах рек с писаницами имеются топонимы и гидронимы «вогулка», а вогулами русские называли манси. Помимо этого В.Н. Чернецов нашел множество совпадений между рисунками на скалах, с одной стороны, и различными изображениями в традиционном искусстве манси — в орнаментах на различных материалах, бытовых рисунках, тамгах, изображениях на священных предметах, затесах и рисунках на деревьях, в том числе и на священных местах, — с другой. Это позволило В.Н. Чернецову высказать мнение, что традиция нанесения рисунков на скалы была связана «хотя бы на поздних этапах» с угорским населением и, конкретно, с предками манси.

Сопоставляя рисунки на скалах и традиционное искусство обских угров — хантов и манси, их обрядово-ритуальную практику, данные фольклора, Чернецов пришел к следующим выводам. Следы жертвоприношений на вершинах и возле скал с рисунками подсказали, что здесь проводились какие-то обряды. В целом они были, вероятно, схожи, т.к. почти все скалы с рисунками обращены к югу, много общего и в самих рисунках. Объяснить их содержание помогло изучение традиционного искусства хантов и манси, а также пережитков их древних обычаев и обрядов. Согласно представлениям Чернецова, писаницы отражают «коллективность мероприятий в области быта, промысла и культа». Второй особенностью писаниц он считал календарность связанных с ними обрядов, на что указывают ориентировка скал с рисунками, наличие в композициях солярных и небесных символов и определенные параллели в сезонных обрядах обских угров.

Писаницы В.Н. Чернецов датировал следующим образом: первоначально, на основании сходства рисунков на скалах и орнаментах на глиняных сосудах, нижнюю границу изобразительной традиции он определял III–II тыс. до н.э. Впоследствии, после обращения к гравировкам на костяных орудиях и оружии из торфяников, этот рубеж был сдвинут до неолита или даже позднего мезолита.

Исследователями описано около 70 писаниц. Большая роль в их открытии принадлежит археологу В.Т. Петрину и другим уральским специалистам. Кроме того, осмотр писаниц, опубликованных ранее, в

некоторых случаях показал существенные неточности, допущенные при их копировании, а значит, и дешифровке. Лучше, основательнее была изучена тема медведя в уральских писаницах. Датирование писаниц – серьезная проблема. По мнению венгерского ученого П. Хайду, территория от Нижней Оби до верховьев Печоры еще в VI–IV тыс. до н.э. была прародиной уральских народов, т.е. это период прауральской этнической общности. К уральским народам, или народам уральской языковой семьи, относятся финно-угры и самодийцы. До конца III тыс. до н.э., как считается, могла продолжаться прафинно-угорская эпоха. Если сопоставить эти данные и предложенные датировки для уральских писаниц, следует считать, что их создателями были прафинно-угры. Однако существует подозрение, что это делали не только они.

Писаницы и участки возле них (над ними) были священными местами, что подтверждают и археологические раскопки. Сама же скала выступала мифологической священной горой, прорывом в сакральное, связующим звеном в вертикальной структуре мира.

Шайтанская писаница

Название памятник получил по скале Шайтан-Камень. Он расположен в Режевском районе Свердловской области, в трех километрах от поселка Октябрьский, на правом берегу реки Реж. Шайтанская писаница открыта в ноябре 1976 года В.Т. Петриным, А.Ф. Шориным, В.Н. Широковым.

Все скальное обнажение рассечено надвое широким вертикальным разломом. Древние изображения обнаружены только на правой, верхней по течению и более протяженной части Шайтан-Камня. Расстояние между крайними изображениями сто семьдесят метров. Все рисунки нанесены на высоте, не превышающей двух метров над осыпью.

Весь графический материал локализован пятью группировками, расстояние между которыми измеряется, как правило, десятками метров. Внутри группировок обособленные изображения выделены в группы. Большей частью это формально объединенные фигуры. Внутри групп и композиций выделяются составляющие их элементы, или фигуры – образные, знаковые.

Намеченная линия развития изобразительных особенностей зооморфных фигур памятника характеризуется тенденцией к схематизации. Наиболее ранними представляются выполненные в скелетном стиле – с ребрами или с передачей внутренних органов. Следующий этап – лишенные этих признаков изображения копытных. Причем такая деталь, как прерванная линия головы между ушами животного позволяет напрямую сопоставить такие рисунки с изображением лося на Ирбитском Писаном Камне. Таким образом, выявляется определенная пространственно-временная связь между двумя пунктами, подчеркиваемая единством характерного стилистического приема.

Поскольку связь археологического материала, обнаруженного на вершине Шайтан-Камня с изображениями проблематична, наиболее приемлемой попыткой датирования писанины является сравнение с графическими изображениями на вещах. Из такого сопоставления следует, что наиболее ранний пласт рисунков, выполненных в скелетном стиле можно соотнести с материалами раннего железного века. В то же время, антропоморфные фигуры с раздвоенной головой близки изображениям эпохи неолита и бронзы. Они сочетаются в отдельных сценах с животными, у которых показаны ребра. Тогда следует допустить, что либо фигуры антропоморфных существ с раздвоенной головой «доживают» на писаницах до железного века, либо изображения животных с ребрами появляются на скалах ранее I тыс. до н.э.

Шайтанская писаница по богатству материалов не уступает лучшим наскальным изображениям реки Тагил. Но есть повод для тревоги. На Шайтан-Камне регулярно проводят свои тренировки по скалолазанию спортсмены из Режа и Екатеринбурга, что приводит к разрушению поверхностного слоя скального обнажения, на который нанесены древние рисунки.

Северская писаница

Памятник находится в Первоуральском районе Свердловской области, приблизительно в 3 км к северо-востоку от железнодорожной станции и поселка Северка. Северская писаница обнаружена в мае 1985 года группой свердловских школьников и их учителем В.Н. Прониным.

Древние изображения нанесены на пять горизонтальных блоков с западной стороны обнажения, расположенных вертикально один над другим. В целом рисунки имеют плохую сохранность, цвет краски очень бледный.

Все рисунки Северской писаницы можно разбить на 5 групп, каждая из которых находится на отдельном блоке.

Композиции Северской писаницы в целом хорошо вписываются в сюжетную схему, предложенную В.Н.Чернецовым. К третьему варианту первого сюжета можно отнести первую композицию третьей группы: копытное, заключенное в сетку. Аналогичные сцены зафиксированы на ряде уральских писаниц и находят интересные параллели в этнографических материалах.

Вторая композиция третьей группы Северской писаницы иллюстрирует один из вариантов второго сюжета, связанного, по В.Н. Чернецову, с загонной охотой на птиц. Вероятно, отрезками прямых и изогнутых линий показаны орудия, которыми птицы загонялись в какое-то охотничье сооружение. Еще более ярким примером к этому сюжету является вторая композиция четвертой группы. Здесь, кроме поражающих орудий и птицевидных фигур фиксируются остатки трех условно-антропоморфных существ. Изображения массивны, особенно выделяется центральная фигура с широким туловищем и каким-то странным головным

убором. В руках этого существа находятся предметы, которые, вероятно, также можно интерпретировать как поражающие орудия. Данных персонажей можно рассматривать как непосредственных участников облавной охоты. Подобные сцены также известны на Среднем Урале, например, по композициям Писаного Камня на реке Тагил.

Датировка писаницы затруднена. Ее нестандартное топографическое положение – значительное удаление от воды, необычная западная экспозиция скальных плоскостей с рисунками, очевидная индивидуализация антропоморфных фигур как будто указывает на относительно позднюю дату. В то же время выдержанные, канонические воспроизведения птиц со строго геометрическими туловищами близки аналогичным изображениям на сосудах позднего неолита – раннего металла.

Писаницы реки Нейва

Наскальные изображения в долине Нейвы известны в настоящее время в 6 пунктах, (не считая скалу с пещерой «Писанец») на участке, протяженностью около 12 км между поселком Зыряновским и городом Алапаевском.

Писаница Устьянчики расположена в Алапаевском районе Свердловской области, близ одноименной деревни на левом берегу реки, напротив рабочего поселка Зыряновского. Русло Нейвы проложено здесь с запада на восток. Скальная гряда, сложенная молочно-серыми известняками, начинается непосредственно за последними домами д. Устьянчики и тянется вдоль реки на 700-800 метров. В центре гряды, на отдельном обнажении высотой 7-8 м, обнаружена гребневидная фигура. Она нанесена на высоте около 3 м от подошвы скалы и примерно в 5,5 м над водой темно-бордовой краской и состоит из шести хорошо видимых вертикальных линий, соединенных между собой снизу одной горизонтальной немного изогнутой полосой несколько худшей сохранности. Размеры рисунка 17x15 см, ширина линий не превышает 1 см. Судя по высоте расположения, писаница была нанесена со специально созданной для этих целей конструкции или же просто суковатого бревна.

Далее вниз по течению по списку В.Н. Чернецова следует «группа больших скал, носящих название Коптелов Камень... Одиночные изображения, выполненные красной краской, обнаружены на верхней и нижней (по течению) скалах. На одной из них имеются две гребневидные фигуры и одна типа уточки. На другой – довольно сильно крушившаяся композиция, состоящая из ромбической решетки, в которую вписано изображение, возможно зверя, несколько выше – остатки параллельно расположенных косых черточек». Эти писаницы не следует объединять в одну, так как они находятся на разных скалах, расстояние между которыми около 70 м, и носят следующие названия: Коптеловые I-й и II-й Камни.

Коптелов Камень I находится примерно в 2 км от поселка Зыряновского, в Алапаевском районе Свердловской области, на правом

берегу реки. На высоте около 4 м над землей нарисована фигура копытного с прямоугольным туловищем, линейными шеей и головой с двумя ушами. Корпус пересекают две линии, параллельные линиям спины и живота, между которыми видны следы краски, две задние и одна передняя ноги животного плохой сохранности. Слева сверху на голову и шею копытного спускается сетка с почти квадратными полями. Примерно в полуметре выше этого рисунка изображен квадрат, поставленный на угол, размерами 11x11 см с вписанным в него косым крестом. Рядом с ним справа Ю.П. Чемякиным отмечен слабо окрашенный участок и полукруг с двумя отростками. Примерно в 30 см ниже и левее ромба с крестом на разрушенном сколами и трещинами блоке сохранилась фигура в виде половины ромба с вписанным в него ромбом меньших размеров и пятном в его центре. Длина рисунка около 30 см. Несколько выше и правее фигуры копытного находится сильно разрушенное изображение – неопределенный изобразительный мотив. Кроме перечисленных изображений еще в нескольких местах видны следы краски. Цвет ее на писанице различный: рисунок копытного светло-красный, квадрат с крестом более насыщенного тона, мотивы справа и слева от копытного близки к бордовому. Ширина линий, которыми выполнены рисунки, от 1 до 2 см.

Коптелов Камень II находится примерно в 70 м ниже по течению от предыдущей скалы и не отличается от нее ни по составу, ни по структуре, ни по высоте, только его фасадная часть уже, чем у Коптелого Камня I. На высоте около 3 м от подошвы скалы находится рисунок птицы, размерами 16x10 см. Корпус птицы контурный, почти правильной прямоугольной формы, разделен продольной линией, голова и шея линейные. На копии В.Н. Чернецова этот рисунок ориентирован горизонтально, в действительности птица изображена вертикально, головой вверх. Пропорции фигуры позволяют считать этот рисунок воспроизведением утки. В 12 см выше нее небольшой гребневидный знак с тремя зубцами, еще выше второй такой же знак с четырьмя зубцами. Сохранность этих знаков плохая, фигура птицы сохранилась значительно лучше. Она оранжевато-желтого цвета, ширина линий, которыми исполнена птица, не превышает 1 см.

Примерно в 2 км вниз по течению от Коптеловых Камней, на правобережье излучины реки находится *Косой Камень*, получивший свое название из-за крутого падения пластов известняка – около 45°. У подошвы обнажения падающие пласты образуют навес, шириной около 6 м и высотой до 4,5 м. На одном из блоков карниза навеса, на высоте около 3 м над землей нанесены несколько фигур. Верхняя представлена силуэтным рисунком копытного размерами 21x19 см, средняя часть туловища которого испорчена сколом. Хорошо видны только две конечности – одна передняя и одна задняя, подогнутые под брюхо, от двух других остались небольшие фрагменты. Интересной технической особенностью рисунка является то, что голова зверя была нарисована на небольшом выступе камня, который придавал ей объем; в настоящее время

голова едва читается по двум небольшим фрагментам краски. Немного ниже видна гребневидная фигура с пятью «зубцами», обращенными кверху. Размер этого знака 24x10 см. Крайние «зубцы» представляют собой простые, немного изогнутые линии, а заключенные между ними, во-первых, расширяются к основанию, во-вторых, раздвоены вверху. Этими деталями данное изображение отличается от гребневидной фигуры писаницы Устьянчики. Вниз от левого края гребня опускается зигзаг, который, судя по расположению, соединялся с одной из четырех извилистых линий в нижней части композиции. Еще два параллельных зигзага, вернее их фрагменты видны примерно в 30 см справа от гребневидного знака.

Рисунки нанесены на плоскость, покрытую кальцитовым натеком, его потеки частично перекрывают поверхность изображений, изменяя при этом их цвет: если гребневидная фигура в средней части имеет цвет охры красной насыщенной, или близкой к бордо, то на периферийных ее участках тон цвета ослаблен. Еще бледнее фигура зверя.

Писаница «Двуглазый Камень» находится примерно в 300 метрах ниже по течению от предыдущего пункта и в 4 километрах от пос. Зыряновского, в Алапаевском районе Свердловской области, на правом берегу р. Нейвы.

В своем труде В.Н. Чернецов пишет: «По словам Чернавина, скала, на которой Фроловым были открыты писаницы, названия не имеет... Д.Н. Эдинг, желая увековечить память Фролова... назвал в своем отчете скалу его именем...». В.Н. Чернецову показалось, что писаница исполнена на Двуглазом Камне. В действительности Двуглазый Камень находится на левом берегу Нейвы в 1-1,5 км ниже по течению от скалы с древними рисунками. Это высокое (более 20 м) обнажение, в средней части которого расположена небольшая пещера с двумя выходами. Со стороны реки они напоминают глаза. В таком случае справедливей писать название писаницы в кавычках.

В.Н. Чернецовым выделено три группы изображений. Первая и третья группы незначительны по количеству рисунков, представленных в них. Первая, «самая левая... находится на высоте 3 м... и состоит из большого количества мелких черточек и пятен». В третьей группе отмечена схематичная антропоморфная фигура возле пяти параллельных зигзагов, ориентированных диагонально, а также остатки других геометрических фигур на некотором отдалении – меандра с отрезками и как будто остатки сотового и полусотового рядов. По количеству фигур самая большая средняя группа. По мнению Валерия Николаевича, она «не представляет собой единой композиции, а состоит из нескольких, в том числе и повторных». Несмотря на довольно яркий цвет краски и хорошую сохранность некоторых фигур, из-за многократного нанесения рисунков в этой части очень трудно выделить композиции. В целом, давая характеристику изображений две группы, можно отметить фигуры следующих типов. Зигзаги с отрезками, ориентированные и вертикально,

и горизонтально; есть зигзаги как одиночные, так и сдвоенные. Один из сдвоенных зигзагов с наклонными и иногда изогнутыми отрезками (протяженность 37 см) опускается от передней ноги копытного с прямоугольным туловищем и отвислым брюхом (размеры 27x18 см), в контур которого вписано множество точек, а на спине – сдвоенная дуга с отрезками; В.Н.Чернецов видел здесь вписанное «в загородку... изображение оленя или косули», а в фигуре над спиной животного – «изображение сторожевого лука». В этой части находится интересная композиция, которая, кроме упомянутых рисунков включает: две «антропоморфных» (по В.Н. Чернецову) фигуры без ног (правильнее рассматривать эти знаки как авиаформы) (размеры каждого рисунка около 5 см); окружность с отрезками – солярный знак (диаметр около 6 см); ряды точек и черточек, вертикально ориентированный зигзаг с отростками. Над фигурой животного находится шестиугольный знак и несколько отрезков. На писанице сделаны очень ценные наблюдения, касающиеся сохранности фигур и их подновления. Это относится к рисунку копытного, на длинных ушах которого отчетливо видны следы повторного нанесения краски, после чего они оказались наполовину короче первоначальных. Значит, создатели писаниц не только наносили новые композиции поверх старых, но и заботились о сохранности по крайней мере отдельных фигур, ретушируя их, что расходится с некоторыми важными выводами В.Н. Чернецова. Остается добавить, что это единственная из известных на Нейве писаниц с таким большим количеством хорошо сохранившихся фигур, что резко контрастирует с уже рассмотренными выше писаницами с одним-двумя рисунками.

Писаница Старинная расположена на территории г. Алапаевска Свердловской области, в 3,5 км на юго-запад от д. Алапахихи. Камень Старичный высится на левом берегу Нейвы, в 80 м ниже впадения в нее речки Старичной. Левый борт долины Нейвы достигает здесь высоты около 20 м и залесен сосной и березой. Высота скалы 17-19 м, ширина около 24 м, форма близка треугольной.

Изображения находятся в восточной части скалы над уступом, на высоте около 5 м над рекой. На площади 0,5x0,4 м на высоте 1,5 м над уступом сохранились немногочисленные фигуры. Внизу справа расположен рисунок птицы, напоминающий пропорциями утку. Туловище контурное, его форма промежуточная между прямоугольником и треугольником, в него вписано три округлых пятна. Голова и прямая шея показаны двумя линиями. Размеры птицы 8x9 см, ширина линий около 1 см. Цвет краски – охра красная, близкая к бордо. Изображение частично перекрывает антропоморфную фигуру в скелетном стиле, верхняя часть головы которой разрушена. Судя по сохранившимся фрагментам рук, они были согнуты в локтях и опущены на пояс. С каждой стороны линейного туловища видны по два отрезка-ребра. Размеры сохранившейся части 7x8 см, ширина линии 1 см. Цвет краски – охра желтовато-красная, бледнее, чем фигура птицы. В 1 см слева от птицы находится еще одна фигура,

напоминающая антропоморфную: нижняя часть согнутых в коленях ног и верхняя часть туловища с руками разрушена сколами. Венчает этот рисунок гребневидная форма с обращенными кверху шестью зубцами. Максимальные размеры существа 4x7 см, размеры гребня 9x4,8 см. В 2 см выше имеется еще одна такая же гребневидная фигура, но по тону светлее первой. В 9 см слева от этих рисунков расплывшееся пятно краски цвета желто-красной охры. Под ним видны еще несколько фрагментов краски, а слева – плохо сохранившийся вертикально ориентированный зигзаг. Складывается впечатление, что птица и антропоморфная фигура с гребневидной головой нанесены позднее остальных фигур.

Древнее святилище на озере Большие Аллаки (Каменные палатки) на севере Челябинской области

В начале XX века на озере Большие Аллаки было найдено древнее святилище. Позднее выяснилось, что таких святилищ на этом озере было четыре. Местные жители называют эти места Каменными Палатками. За тысячелетия ветра и дожди придали этим гранитным скалам фантастический вид. Будто здесь длительное время трудились древние волшебники. 7–5 тыс. лет назад на поверхности этих скал впервые появились рисунки. Они выполнялись природной краской – охрой. Изображения разнообразны. Ученых удивила одна из групп рисунков. Под скальным «козырьком» была изображена вереница пляшущих мужчин в странных головных уборах, снабженных как бы отростками– антеннами, но, скорее всего, схематично изображенными рогами животных – покровителей этой общины. Подобные головные уборы, чаще шаманские, у других древних народов Сибири дополнялись масками. Ученые считают, что в святилище у озера Большие Аллаки шаманы-жрецы изображали своих предков, могучих шаманов, пляшущими потому, что таким образом и они включаются в их волшебный танец, охраняющий от злых духов и помогающий достичь благополучия в делах.

Рядом со скалами святилища в начале XX века был найден «идол» в виде птицы из меди – вместилище чьей-то души. Археологи извлекли из раскопа каменные ножи и бронзовые наконечники стрел. Если судить по ним, то святилище действовало с перерывами на протяжении нескольких тысячелетий.

11.2 ПЕЩЕРЫ УРАЛА КАК НОСИТЕЛИ ДРЕВНЕЙ КУЛЬТУРЫ

На Урале существует огромный пласт изобразительного искусства, самым ранним образцам которого 16 тыс. лет. Таков возраст рисунков в Каповой пещере на Южном Урале, на несколько тысяч лет моложе изображения соседней с ней Игнatieвской пещеры. Искусство этих пещер, относящееся к верхнему палеолиту (около 40–10 тыс. лет назад), принято называть настенным, в отличие от изображений под открытым небом, к

которым применяется термин «наскальное искусство». Возраст наиболее древних наскальных изображений не менее 5 тыс. лет.

Пещера Шульган-Таш (Капова)

В настоящее время принадлежность пещеры Шульган-Таш к кругу древнейшего наскального искусства Европы не вызывает ни малейших сомнений. Широко признанная всеми специалистами как памятник природы и как памятник культуры она не уступает по своей важности и репрезентативности так называемым «гигантам» – пещерам с палеолитическими росписями и гравюрами Франко-Кантабрийского региона.

Известно, что в Западной Европе насчитывается более 280 местонахождений палеолитического наскального искусства, сосредоточенных в таких крупных центрах как Пиренеи, Аквитанский бассейн, в первую очередь Дордонь-Перигор, затем Керси, занимающий промежуточное положение между Арьежем и Дордонью, долина Роны, Ардеш. Следует заметить, что любое из западных подземных святилищ имеет свои, присущие только ему особенности. До сих пор сравнение с ними пещеры Шульган-Таш, также обладающей большим своеобразием, могло идти лишь по отдельным направлениям. Так, по протяженности и величине залов она так же монументальна как Нио (Арьеж), но стиль изображений, техника исполнения и сюжеты в Нио совсем иные. В другой арьежской пещере – Фонтане росписи расположены в труднодоступном втором этаже, но количество и способ передачи фигур во многом уступает Шульган-Таш. Если искать соответствия в красочной манере исполнения, то привлекается испанская пещера Альтамира, но там представлены иные сюжеты и иная стилистика. Если опираться на сюжеты, то наиболее многочисленные в Шульган-Таш изображения мамонта можно сопоставить с их количеством в Перигоре, и в первую очередь в пещере Руффиньяк, но там большинство фигур представлено в технике гравюры и лишь несколько легких контуров нанесены черной краской. Использование естественных рельефов на верхнем этаже Шульган-Таш для передачи объемов фигур или деталей широко применялось и на Западе, в частности в пещерах Куньяк и Пеш-Мерль в Керси.

Наибольший интерес для сопоставлений представляют недавно открытые произведения искусства на стенах Большого Грота в Арси-сюр-Кюр в Бургундии. Он отстоит на 300 км от Руффиньяка и почти на 4 000 км от Шульган-Таш, но именно в нем последняя находит наиболее определенные черты сходства.

Капова пещера (Шульган-Таш) расположена в Белорецком районе республики Башкортостан, в горной части Южного Урала на правом берегу реки Белой. Вход в пещеру обращен на юго-восток и находится в логу, в 150 м от реки. Пещера протяженностью более 2 км имеет три основных яруса, по нижнему протекает небольшая речка Шульган. На третий ярус можно попасть, преодолев 14-метровый вертикальный отрезок скальной стены. В литературе Капова пещера упоминается с XVIII века, со времен первых академических экспедиций П. Рычкова. В 1959 году А.В. Рюминым в пещере были обнаружены древние изображения. С 1960 по 1978 год памятник

изучался экспедицией О.Н. Бадера, после его смерти с 1982 года экспедицией В.Е. Щелинского. В пещере обнаружено более 50 изображений, выполненных охрой различных тонов. Размеры рисунков от 6 см до 1,06 м. Они размещены в четырех залах пещеры: в Купольном, Знаков и Хаоса (на среднем ярусе) и зале Рисунков (на верхнем ярусе). Изображения включают фигуры мамонтов, лошадей, носорога, бизона, антропоморфного существа, пятна краски и геометрические знаки. Фигуры животных переданы контуром, иногда с частичной заливкой фона, и силуэтом. Символические знаки представлены различными геометрическими фигурами в виде трапеций, прямоугольников и треугольников, осложненных другими элементами.

Главная галерея Большого Грота длиной около 500 м, покрытая обильными кальцитовыми натечками, известная с XVI века, рассматривалась как памятник природы. В 1990 году после очистки стен от копоти факелов и карбидных ламп многочисленных посетителей были обнаружены палеолитические росписи. После детального, но еще не законченного исследования установлены изображения или следы краски на протяжении почти 200 м различной степени сохранности.

Большая часть сохранившихся фигур располагается в двух смежных залах: Хаоса и Знаков. Фигуры переданы преимущественно красной охрой в виде простого линейного контура, сопровождающегося иногда красочным пятном внутри. По предварительному подсчету сюжетов обнаружено 8 мамонтов, носорог, бизон, лошадь (?), 2 оленя, горный козел, различные знаки и 7 отпечатков рук, из которых одна позитивная и 6 негативных.

Этот репертуар достаточно оригинален на фоне франко-кантабрийского искусства. Исследователи подчеркивают, что именно мамонт, составляющий более половины животных, является своеобразным иконографическим мотивом в Большом Гроте.

Что касается стиля фигур, то животные представлены в абсолютный профиль. Линия шеи-спины дифференцирована для каждого вида. Объемы тел хорошо переданы. Животные имеют характерные черты, близкие к анатомической реальности.

В зале Знаков обнаружен культурный слой, исследованный на площади около 50 кв.м. В нем найдены мелкие угольки, кусочки охры, украшения, костяные и каменные изделия, образующие коллекцию из 201 предмета. Сырьем для изготовления орудий служили кремь, яшма, известняк и песчаник. Среди изделий выделяются остря, скребки, выемчатые орудия, пластинки с притуплённым краем и некоторые другие единичные формы орудий. Найдены также 4 бусины из зеленоватого серпентина и блок известняка с красочным изображением. По углю из слоя имеются две радиоуглеродные даты, определяющие время создания изображений в этом подземном верхнепалеолитическом святилище: $14\ 680 \pm 150$ и $13\ 930 \pm 300$.

Уникальное наследие Каповой пещеры притягивает к себе внимание многих людей. О Каповой пещере сложено множество легенд, рассказов, стихотворений и др.

Вечная слава тебе, Шульганташ!
Ты — колыбель и начало народа,
Вижу в гряде каменистой породы
Прежнего времени древний мираж.

Здесь у пещеры, у гор на виду
Предки мои разбивали кострища,
Жарили пищу на пепелище,
Позабывая на время беду.

Свет смолянистый на стенах
дрожал,
В уединении мысли кишели:
Здесь первобытный художник, в
пещере,
Мир окружающий изображал.

Тихие женщины, стоя гурьбой,
Недоуменно о чем-то гадали,
И с любопытством они наблюдали
За создаваемою красотой.

Время само через горы и лес
Их вопрошало и справа и слева:
Может ли дать материнское чрево
Равного этому — сына небес?

И обнаженные женщины с век
Тихо смахнули соленые слезы,
Полон забот, вдоль Шульганского
плеса
Шел исторический каменный век.

...Снова по камням стучат каблуки,
Своды пещеры тихи и степенны,
И созерцают бессмертные стены
Смертные люди из-под руки.

Кто-то знакомую песню поет,
Кто-то смеется дурашливо-
пылко,
Вот забулдыга какой-то бутылку
Об исторический памятник бьет.

Вот на глазах у компании всей
Некий дикарь вдоль по росписи
залов
Чертит каракули инициалов,
Благо, что грамотный тот
грамотей.

И академик, чьи брови седые,
Сам выскребает со злостью
узоры
Диких туристов, нахлынувших в
горы,
И современников наших следы.

Время и солнце сквозь годы и
тьму
Вновь вопрошают и справа и
слева: —
Может ли дать материнское
чрево
Новых художников, равных
тому?

*Булат Рафиков
Перевод Александра Филиппова*

Игнatieвская пещера

Игнatieвская пещера – одна из крупнейших карстовых полостей на Южном Урале, в которой обнаружены верхнепалеолитические росписи. Пещера находится в Катав-Ивановском районе Челябинской области в северо-западных предгорьях Южного Урала со средними высотами от 200 до 700 м над уровнем моря, на правом берегу реки Сим – притоке реки Белой. Вход в пещеру размерами 12x12 м обращен на юго-восток и находится на высоте около 12 м над водой. Эта пещера одна из крупнейших в своем карстовом районе: общая длина ее ходов более 600 м. Пещера горизонтальная, просторная коридорного типа: ее средняя высота около 2,5 м, средняя ширина около 3 м; имеет 4 основных отдела: Входной грот, Основной коридор, Большой зал и Дальний зал, попасть в который можно из Большого по двум узким лазам.

Игнatieвская пещера была известна башкирам с незапамятных времен под названием Ямазы-Таш. Первое ее описание составлено П.С. Палласом в XVIII веке. Позднее русские назвали ее Игнatieвской, по имени христианского отшельника старца Игнатия, жившего поблизости. С начала XX века Игнatieвская пещера становится объектом археологических исследований, проведенных СИ. Руденко, С.Н. Бибиковым, О.Н. Банером. В 1980 году В.Т. Петриным, СЕ. Чаиркиным и В.Н. Широковым в Игнatieвской пещере были открыты настенные росписи. Изучение памятника проводилось с 1980 по 1986 год экспедицией В.Т. Петрина, в 1995 году – В.Н. Широкова.

За время работ удалось обнаружить и скопировать более 50 рисунков, сконцентрированных только в Большом и Дальнем залах, на расстоянии, превышающем 120 м от входа. В Большом зале фигуры нанесены на вертикальные и наклонные стены, на полусводы, в многочисленных нишах и на выступах стен, показывая пример интеграции скальной основы в изобразительный ансамбль. Изображения равномерно распределены в пространстве этого зала вокруг огромной колонны, на которой есть рисунки. В Дальнем зале основное количество изображений, образующих Красное и Черное панно, исполнено на потолке, и лишь немногие рисунки сделаны на стене. Практически все фигуры в пещере наносились с пола или блоков у стен, и только несколько мотивов выполнены с каких-то конструкций.

Размеры рисунков варьируют от 1,5 см (знак) до 2,3 м (животное), ширина линий, использованных для создания изображений, составляет от 1 до 5 см.

Цветовая схема изображений Игнatieвской пещеры включает краски двух цветов: красную с различными оттенками и черную. В Большом зале количественно преобладают красные рисунки (черные знаки отмечены только в трех местах), тогда как в Дальнем зале количество черных фигур значительно.

Репертуар изображений составляют животные, знаки, люди и неопределенные изобразительные мотивы. Среди животных преобладают воспроизведения мамонтов – 6 или 7, и лошадей – 4, две из которых не закончены. Кроме них есть рисунки быка, носорогообразного существа, составленного животного с туловищем верблюда, и фантастического создания, напоминающего мамонта.

Все животные в Большом зале показаны с определенной степенью схематизма, тонированными силуэтами, размерами от 20 до 30 см. Рисунки отдельных мамонтов практически лишены шейных перехватов, только один мамонт снабжен бивнями. Рисунок лошади исполнен без гривы и ушей. Конечности всех животных, за исключением одного, прямые, их количество у разных фигур отличается и составляет от двух до четырех.

В Большом зале имеется мотив красного цвета, который следует охарактеризовать либо как совмещающий черты человека и птицы в геральдической позе (человек-знак?), либо как авиаформу (около 20 см), что более предпочтительно. Все эти персонажи выполнены линейным способом.

Знаки очень многочисленны, их примерно в три раза больше, чем человеческих существ и животных. Размеры знаков варьируют от 1,5 см до более 1 м. Среди них имеются группы линий и отдельные черты, различного рода пунктуации, меандры, крестообразные и стреловидные формы, трезубец, треугольник, расчерченный параллелограмм, мотивы в виде лесенки и якоря, отдельные пятна. Один из знаков в виде круга, обрамленного с трех сторон отрезками, напоминает след носорога.

В Дальнем зале более натуралистичны изображения животных черного цвета, особенно это касается черного мамонта и лошади Черного панно. Однако они нарисованы с двумя прямыми конечностями — передней и задней, что придает им известную условность; какое-то движение ощущается лишь в фигуре мамонта, ноги которого изогнуты в коленных суставах. Пропорции лошадей «утяжелены», у большой черной лошади акцентировано ухо. Верблюжье туловище составленного животного очерчено тремя-четырьмя линиями. Определенную напряженность образам всех черных животных придают характерные прямые конечности; хотя у красного «носорога» четыре конечности, они также схематичны и напряжены, как и у остальных фигур. Корпус красного «носорога» контурный с частичной тонировкой, черные животные контурные и только одно, может быть, силуэтное (?); оба мамонта нарисованы с бивнями. Размеры черных зверей от 0,3 м до 1,3 м, красного «носорога» – 2,3 м.

Антропоморфные изображения в Дальнем зале представлены черным рисунком мужского существа (около 32 см) и красным рисунком женщины (около 1,2 м), составляющим великолепную комплексную композицию с большой фигурой «носорога». Есть также один черный рисунок фантома.

Согласно специальным анализам удалось установить состав некоторых красных красок. Их основу составляли оксиды железа: гематит, гетит, магнетит. Интересно, что, как и в Ляско, в пигмент делались добавки кальцита, гипса, кварца и полевого шпата, а также апатита органического происхождения, характерного для костных тканей. Такие же добавки характерны и для черных красок, которые подкрашивались, вероятно, углем. В некоторых образцах красной краски оказались и чешуйки слюды. Согласно выводам проводившего эти анализы специалиста: «Эти чешуйки являются украшением краски, поскольку при распределении красок на поверхности они укладываются все параллельно плоскости и красиво блестят от источников света». Каких-либо иных органических наполнителей красок не обнаружено.

Стратиграфические наблюдения в Большом зале позволяют синхронизировать культурный слой и изображения на стенах полости. По углю из слоя получены радиоуглеродные даты: 14 240±150; 13 335±192; 10 400±465; по костям животных – 14 038±490; 14 200±660.

Проведенные раскопки в разных частях пещеры позволили обнаружить культурный слой эпохи верхнего палеолита с многочисленными частицами угля от факелов и светильников, каменными и костяными изделиями, кусочками охры, украшениями и костями животных.

Кроме находок эпохи верхнего палеолита во Входном гроте и Низком переходе были обнаружены вещи более поздних эпох – бронзы и железа. В этой части пещеры древних рисунков нет.

Серпиевская II пещера.

Пещера находится в 10-12 км выше по течению от Игнatieвской пещеры, возле села Серпиевка. О.Н. Бадером были сделаны интересные археологические находки. Серпиевская пещера в отличие от Каповой и Игнatieвской не обладает входом внушительных размеров: его высота не превышает 2,5 м.

Большая часть поверхности стен пещеры покрыта слоем сажи, как и почти во всех других горизонтальных и легкодоступных уральских пещерах. Отмывая сажу со стен, В.Н. Широков обнаружил в восьми местах остатки древних изображений. Все рисунки были выполнены краской красного цвета — охрой. Первые следы ее встречаются в 40 м от входа, в той части пещеры, куда не попадает ни один солнечный луч. Несмотря на настойчивые поиски изображений животных, удалось отыскать остатки только одной такой фигуры, но сохранность ее настолько плохая, что животное невозможно определить с точностью до вида. В остальных семи группах сохранились остатки каких-то геометрических фигур, овальные пятна, группы линий.

Внутри пещеры возле одной из групп изображений были проведены раскопки. Данные раскопок весьма близки по составу и соотношению видов

материалам, полученным в ходе раскопок культурного слоя Игнатиевской пещеры. Значит, посещение древними людьми Серпиевской II пещеры происходило тоже в конце палеолитической эпохи. Об этом свидетельствует и схожесть групп параллельных линий этих двух соседних пещер.

Заметна некоторая бедность репертуара Серпиевской II пещеры, но этому есть примеры и в Западной Европе. Возможно, Серпиевская II пещера была подчиненным объектом в проведении определенных обрядов, кульминация которых приходилась на Игнатиевскую пещеру. Но не исключено, что абстрактные рисунки могли иметь и самостоятельное значение с непонятным для нас смыслом и вообще представлять затухание изобразительной традиции в самом начале послепалеолитического периода, когда еще не прошла полная перестройка послеледниковых ландшафтов, на фоне которых продолжали жить приспособленные к ним виды животных.

В настоящее время большинство специалистов разделяет мнение о большой сложности и комплексности настенного искусства верхнего палеолита. Что касается пещерных памятников, можно твердо считать изображения, расположенные вдали от входа и часто в труднодоступных местах, не связанными с простой прихотью древних людей украшать подземное пространство. Жить в пещерах можно только во входных частях, о чем свидетельствуют и археологические исследования карстовых объектов. Поэтому подземные залы и галереи, скорее всего, имели священное значение и служили местом проведения неких сложных обрядовых действий. Восстановление во всем многообразии их и конкретных мифолого-религиозных представлений людей ледниковой эпохи вряд ли когда-нибудь будет возможно. Только отдельные стороны этой пещерной жизни поддаются реконструкции с той или иной степенью полноты.

Такое сочетание музыки, танцев, настенных изображений, часто в очень труднодоступных местах и вдали от дневного света, а также отпечатки ног на полу пещер более всего напоминают обряды посвящения, или инициации многих народов мира, стоящих на уровне первобытного развития. Примечательно, что следы ног на полу ни разу не принадлежали только взрослым, а были оставлены либо только детьми, в возрасте от 8 до 15 лет, судя по размерам отпечатков, либо и детьми, и взрослыми.

Обряд инициации представляет один из частных случаев обрядов перехода, цель которых, согласно наблюдениям этнологов, дать возможность члену коллектива перейти от одной общественной позиции, роли к другой. К этим обрядам относятся родинные, похоронные, свадебные, возрастные, связанные с перемещением с одной территории на другую, от болезней и многие другие. Обряд перехода состоит из трех частей. Первая связана с отделением человека от старого, привычного окружения и его разрывом с прошлым. Вторая часть – это некое промежуточное состояние, «пустыня бесстатусности», по В. Тернеру. Третья часть обряда связана с включением

посвящаемого в коллектив, уже в новом качестве. Главным содержанием инициации является приобщение неофитов (*так называют посвящаемых*) к тайным знаниям о миропорядке и включение в замкнутую общность. Обряды инициации не связаны жестко с возрастным периодом и могут проводиться у одних групп в 8 лет, у других – в 18. По словам М.В.Тендряковой: «Обряды возрастных инициации многоступенчаты, продолжительны, каждый последующий обряд ориентирован не столько на физический возраст, сколько на то, какие таинства открылись посвящаемому в предыдущий раз, и к каким церемониям он был допущен. Смена имени неофитов в ходе инициации также связана не с их физической зрелостью, а со степенью посвящения в таинства».

Самая главная часть обряда происходит, когда неофит совершает путешествие в сакральный мир, которое приравнивается к временной смерти. К обретенным во время этого «путешествия» знаниям люди относятся как к особому дару, который наделяет неофита качествами, недоступными «простым смертным», которые дают ему право занять более высокий социальный статус. Тема истории, вечного прошлого, которое всегда присутствует в настоящем, связана со становлением у посвящаемых представлений о времени и его циклическом движении. Деяния культурных героев и их жизнеописания — своего рода повествование о сотворении мира, о введении племенных законов и объяснение необходимости следовать традициям, корни которых скрыты в глубине времен.

Юноши во время обряда усваивали сведения о взаимоотношении полов, о брачных и общественных нормах поведения, о жизни тотемических предков. Обряд оказывал на мальчиков такое сильное психологическое воздействие, что с ними происходили поразительные перемены. Они «словно выросли из своих прежних детских интересов, менялось их отношение к самим себе, к окружающим, они переставали общаться с девочками, с женщинами, не позволяли себе капризничать, плакать, настойчиво что-то требовать у взрослых. Они сами становились взрослыми – не просто провозглашались ими, а именно становились».

Даже из этого поверхностного обзора ясно, насколько важное место в жизни первобытного общества принадлежит обрядам инициации.

Итак, уральские пещеры с древнейшими росписями предстают перед нами как места концентрации графической информации, важность которой заключена в способе ее размещения – во мраке подземного мира, вдали от солнечного света и часто в труднодоступных местах. Есть все основания считать такие места древнейшими святилищами, где проводились обряды, напоминающие те, что описаны этнографами. Эти обряды составляли важнейшую часть традиции передачи священных знаний о происхождении мира и его устройстве, явлениях природы, о человеке и его месте в этом мире, истории коллектива, к которому принадлежал посвящаемый, деяниях

предков, культурных героев, об общественных нормах, регулирующих взаимоотношения людей и полов и многое другое, что составляло сущность представителя той замкнутой группы, в которую переходил после обряда иницируемый.

Значительная доля фигур мамонтов и лошадей среди анималистических образов роднит Каповую и Игнatieвскую пещеры с искусством Восточной Европы. Это же показывает и женская фигура из Игнatieвской пещеры, близко напоминающая некоторые скульптурки женских существ с восточноевропейских параллелей в пещерном искусстве Урала. Это может означать единство культуры населения от Атлантики до Урала во второй половине верхнего палеолита, ярко проявившееся в создании декорированных пещерных святилищ того времени.

Сикияз-Тамак

Пещерный город Сикияз-Тамак расположен на левом берегу р. Ай в высоком (более 140 м.) скальном обрыве, состоящем из известняковых пород. «Город» представляет собой многочисленные входы в пещеры и подземные гроты, расположенные на разных уровнях, и соединенных между собой в сложную систему.

Этот объект интересен не только с геологической, но и с археологической точки зрения, так как пещерный город в свое время был заселен древними людьми. На данный момент в районе Сикияз-Тамака ведутся археологические раскопки.

Обнаружилось место, где на 425 метрах находятся 42 пещеры. Ученые называют это карстовым феноменом, подобного которому не встречено нигде в мире. Все скалы Сикияз-Тамака и его окрестностей известняковые, а такой камень вода подточит, не пройдет и сотни тысяч лет. Каждая скала или несколько расположенных рядом скал составляют пещерный комплекс. Всего их шесть: сикияз-тамакский, получивший имя от расположенной поблизости деревни, ныне исчезнувшей, два улуирских, рядом с речкой Улуир, черемуховый, еланинский и математический. Около деревни Лакты находится огромная пещера, стоящая в гордом одиночестве. Высота ее зала 15 метров. В подземном коридоре известняк образовал водопады, сосульки, столбы. Такого убранства, как в ней, нет нигде на Сикияз-Тамаке. Каждую пещеру можно читать, как раскрытую книгу. Написано в основном о прошлом. Каменные глыбы ревностно сохранили от воздействия времени каждое тысячелетие и могут поведать довольно интересные истории.

11.3. МАВЗОЛЕЙ КЕСЕНЕ

Из глубины веков до нас дошли замечательные архитектурные сооружения, свидетельствующие о таланте порой безвестных мастеров из народа. К числу таких и относится «мавзолей Кесене», что находится

недалеко от районного центра Варна в Челябинской области. Это загадочное шестнадцатиметровое сооружение окружено таинственностью, порождающей легенды о дочери грозного властителя востока Тимура – Тамерлана и ее трагической любви к простому воину Менгирею. В различных вариантах этой легенды по-разному раскрывалась суть произошедшей на берегу степного озера трагедии. По одному варианту, дочь Тамерлана, сбежавшая от своего отца с простым воином из его отряда, была разорвана дикими зверями (тигром, вепрем), по другим — покончила с собой, увидев гибель своего возлюбленного, схваченного посланной по их следам погоней и убитого по приказу отца. На месте гибели единственной дочери хан, как это утверждается в легенде, приказал выстроить величественный памятник – «Башню Тамерлана», где и была погребена Кесене. По легенде кирпич изготавливался в районе города Троицка и передавался по цепочке воинами до места строительства мавзолея.

Существует и другая версия легенды. Когда-то, очень давно, здесь проходили отряды Тамерлана. У одного из приближенных была красавица дочь по имени Кирка. Она хорошо ездила верхом и владела оружием. Отец очень любил Кирку и хотел выдать замуж ее за Тамерлана. Но дочь полюбила простого воина. Они выбрали самых хороших лошадей, взяли луки и стрелы и оставили родные места. Ехать нужно было темной ночью, вокруг озера, через заросли камыша, где водились тигры. Один из них напал на девушку и растерзал ее. Отец снарядил погоню. Воина-жениха поймали и убили; а над могилой дочери построили из каленого кирпича башню, которую называли Киркой.

Московский архитектор Иван Петрович Иловайский записал еще один вариант легенды, в котором Тимур, великий эмир, решив закрепить северную окраину своего государства, спешил породниться с наместником северного удела. Он отослал ему в жены свою дочь Кисене, а сам стал готовиться в далекий поход на золотоордынского хана Тохтамыша. Ему нужен был надежный союзник, который смог бы остаться в крепости, что на реке Аят, наместником-военачальником всего ополчения, всех туменов. По прибытии Кисене в улус шатер ее был раскинут на берегу большого озера около реки Нижний Тогузак. Летние дни позволяли Кисене выходить в воду по нескольку раз. Так было в каждый погожий, жаркий день. Но окружающий лес таил непредвиденное. Случилось то, чего не ожидала стража. В один из солнечных дней, когда Кисене выходила из воды, из лесу выскочили тигры и напали на нее и служанок. С печальным донесением послал в Самарканд военачальник туменов. Они сообщили великому эмиру о гибели дочери. Тот решил похоронить Кисене на высоком берегу озера. Для строительства мавзолея было расставлено в один ряд многочисленное войско. Воины стояли друг около друга на расстоянии в девяносто с лишним верст и из рук в руки передавали обожженные кирпичи. Вскоре вырос на берегу озера каменный шатер ярко-белого

цвета. В башне три двери. В боковых установлены кованые решетки. Похоронили тело Кисене посередине башни, головой на юг, в позе спящего на правом боку человека. Прикрыли погребение плитой с арабской надписью. Переднюю дверь замуровали. Так закончилась свадебная поездка дочери великого эмира, повелителя Средней и Малой Азии.

На рубеже XIX-XX веков, после публикации в периодической печати и в специальных этнографических сборниках казахского эпоса легенды о Козу-Керпече и Баянь-Слу, появилась еще одна легенда о Тамерлане. В этой легенде речь шла о любви между бедным пастухом Козу и красавице Баянь. Узнав о грозящей им разлуке, родственники девушки решили выдать ее замуж за богатого бая — возлюбленные бежали в степь. Погоне удалось их настигнуть, и пастух был убит джигитами. Красавицу Баянь силой заставили дать согласие на свадьбу с нелюбимым старым баем, но она выдвинула одно условие — свадьба должна состояться только после того, как над могилой Козу будет поставлен памятник — мавзолей. Бай согласился, и для его строительства было собрано большое количество рабочих. От Аягуза до Аганактинских гор была выстроена цепочка людей, которые передавала необходимый для строительства памятника камень. После того, как мавзолей возвели и тело Козу было помещено в яму, Баянь опустилась в склеп и ударом кинжала покончила с собой...

Нет сомнений, что собиратели устного народного творчества запишут еще немало вариантов легенд и преданий, связанных с многовековыми тайнами загадочного мавзолея. Однако никаких научных доказательств причастности Тамерлана к сооружению мавзолея Кесене нет ни в отечественной, ни в зарубежной литературе. Самого названия «Башня Тамерлана» нет ни в одном дореволюционном печатном издании, хотя мавзолею посвящено немало страниц в фундаментальных трудах выдающихся ученых и путешественников. В своей «Поэтической летописи заводов Урала» доктор филологических наук, профессор А.И. Лазарев пишет: «Много разноречивых слухов и толков ходит на Южном Урале в связи с древнейшим местным сооружением, так называемой «Башней Тамерлана». Говорят, что башня построена по воле Тамерлана. Но историческая наука не знает истинного повода для сооружения мрачного мавзолея, некоторые историки вообще отрицают его связь с восточным правителем. Возможно, никакой трагедии и не было. Народ, услышав имя Кисене, популярное в татарском и башкирском эпосе; сразу же — по ассоциации — перенес на женщину, захороненную в башне, все обстоятельства смерти сказочной героини».

Отрицают причастность Тамерлана к сооружению мавзолея и историки архитектуры народов Средней Азии и Казахстана. По их мнению, он не может относиться к памятникам зодчества эпохи Тимура и Тимуридов хотя бы потому, что известные шедевры среднеазиатской архитектуры, возведенные

по велению Тимура, такие, как дворец Ак-Сарай в Шахрисябзе, мечеть Ходжа-Ахмеда-Яссеви в городе Туркестане, мечеть Биби-Ханым, мавзолее Тур-кан-Ака в комплексе Шах-и-Зинда в Самарканде, поражают не только грандиозностью комплексов и богатством декоративного убранства, но и своими размерами. Они значительно отличаются от культовых и мемориальных сооружений предков современных казахов и башкир, которые не могли так расточительно тратить средства, добытые тяжелым трудом кочевников-скотоводов.

Мавзолее Кесене — архитектурный памятник восточной культуры, о котором до сих пор спорят ученые: о времени происхождения, о его первоначальном виде и даже о названии... Каждый ученый делает свои выводы, но все единогласно относят его к лучшим образцам народной архитектуры.

Следует заметить, что казахские «кесене» — это измененное иранское «кашанэ» (кашана). Значение его на тюркских и иранских языках сводится к одному: жилье, дом, обитель. Только у одних подразумевается богатый дворец, украшенный изразцами (кашин — изразцы, кафель; кашинкар — украшенный изразцами), а у других — наоборот, убогое жилище, зимовка. Но в большинстве случаев этим словом обозначались мавзолеи (обитель усопших, усыпальница). Однако мавзолеи почитались в народе и как молельни и служили приютом, пристанищем для путников.

Исторически достоверным названием памятника следует считать: Мавзолее Кесене. К имени деспотического правителя некогда могущественного государства Тимура он никакого отношения не имеет.

Впервые о мавзолее как о памятнике древней архитектуры опубликовал работу член-корреспондент императорской Академии наук, коллежский советник Петр Иванович Рычков (1712-1777 гг.) в своем историко-географическом труде «Топография Оренбургская».

Обстоятельное описание мавзолея Кесене в 1786 году опубликовал Петр Симон Паллас (1741-1811 гг.): «Молитвенный дом имеет свое положение почти посередине между Тогузаком и далее к югу в Тобол вливающимся Каятом... окрест сего здания вырыт кругообразный ров, который по причине песковатой земли неглубок и обширностью сажень во сто будет, во рве приуготовлено кладбище для усопших ...».

В 1892 году в «Отчете Императорской археологической комиссии за 1889 год» в разделе VII «Раскопки в Оренбургской губернии и Тургайской области» был опубликован отчет о раскопках, произведенных в мавзолее Кесене профессором Санкт-Петербургского университета Э.Ю.Петри (1854-1889 гг.): «Развалины Кисяня представляют собой четырехугольное с надломленным верхом здание, приблизительно в 8 сажень вышины, с 12-гранной пирамидальной башней. Оно сложено из плоских и почти квадратных кирпичей большего и меньшего размера... Кирпич не глазурирован, превосходного качества... Внутри здание представляет собою квадрат,

стороны которого равны восьми шагам. Потолок куполообразный, покрытый известью; в центре его находится деревянная втулка, а в ней металлическое черное кольцо; по легенде, к черному железному кольцу в прежнее время привешено было большое золотое кольцо. В каждом углу здания находится по нише, с изящным филенчатым потолком. От одной ниши к другой, в основании их проходит желоб в стене с отдушинами, ведущими в промежуток между стенами. Единственная входная дверь здания обращена на юг, одно окно обращено на восток, другое – на запад». Для раскопок Петри выбрал северную сторону. Был обнаружен женский скелет, длиною 2 аршина 6 вершков. При черепе найдены две золотые серьги с двумя жемчужинами и одним яхонтом на каждой. На пальцах рук оказались два золотых перстня, гнезда которых украшены золотым арабеском и небольшими зеленовато-голубыми камнями, похожими на бирюзу. Череп монгольского склада, не особенно типичный. При дальнейших раскопках в различных местах был обнаружен у западного окна целый череп более характерного монгольского типа. Ближе к центру найдено несколько обломков третьего черепа.

Исследованиями мавзолея Кесене занимались и советские архитекторы. Так, в 1939 году В.А. Матвеев произвел эскизные замеры памятника. Его пояснительная записка хранится в Челябинском областном краеведческом музее. В 1944 году старший инспектор областного отдела по делам архитектуры В.Г. Грин произвел обследование и фотографирование мавзолея.

В 1950 году М.М. Мендикулов в сборнике «Известия Академии наук Казахской ССР» опубликовал обстоятельную статью «Некоторые данные об исторической архитектуре Казахстана». На следующий год в сборнике «Архитектура республик Средней Азии» он выступил вторично по вопросу архитектуры с коническими или пирамидальными куполами. Несмотря на некоторые досадные опечатки, обе статьи М.М. Мендикулова являются ценным пособием для исследователей. Мендикулов впервые в нашей отечественной историко-архитектурной литературе обратил внимание на уникальный памятник зодчества, классифицировал его как архитектурный тип портално-купольного сооружения и сделал попытку установить приблизительную дату его сооружения.

По анализу исследований и архитектурных особенностей сделан вывод, что памятник сооружен в XIV веке. Неповторимость мавзолея Кесене, его архитектоника, конструктивные особенности дают нам право отнести памятник к лучшим образцам народной архитектуры.

На основании исследований ученых Палласа, Сальникова, Стоколова до сооружения мавзолея Кесене на этом месте существовал древний некрополь, насчитывающий несколько сот курганских захоронений. На протяжении четырех тысяч лет возвышенность, расположенная между озерами, служила погребальным полем. В наиболее чтимой центральной части некрополя был сооружен мавзолеем Кесене. В мавзолее хоронили знатных феодалов. По

анализу исследований и архитектурных особенностей сделан вывод, что памятник сооружен в XIV веке.

Постройка при всей кажущейся простоте достаточно сложна, и в ее формах чувствуется уверенная рука мастера, имевшего большую строительную практику. Неповторимость мавзолея Кесене, его архитектура, конструктивные особенности позволяют отнести этот памятник к лучшим образцам народной архитектуры.

Сквозь сетку
Седого тумана
Среди уральских ковылей
Чернеет
Башня Тамерлана
Безмолвный памятник полей.
Когда-то здесь промчались орды
Под гром копыт
И шелест стрел.
Их предводитель
Варвар гордый
Построить башню повелел.
Чтобы себя увековечить
В холодной груди кирпичей
Немало жизней человеческих
Сгубил
Палач из палачей...
И башня — спутница преданья
Ветрам открытая стоит
Как символ назиданья
Завоевателям иным!

Дмитрий Смагин

11.4. «СТРАНА ГОРОДОВ»

«Страна городов» – условное название территории на Южном Урале, в пределах которой расположена компактная группа укрепленных поселений эпохи бронзы – памятников XVIII-XVI веков до н.э. «Страна городов» протянулась вдоль восточных склонов Урала с севера на юг на 400 км и примерно на столько же – с запада на восток. В настоящее время известно 17 пунктов с 21 укрепленным поселением, а также многочисленными селищами и могильниками. Укрепленные поселения Южного Урала древнее гомеровской Трои на пять-шесть столетий. Они современники первой династии Вавилона, фараонов Среднего Царства Египта и крито-микенской культуры Средизем-

номорья. Время их существования соответствует последним векам знаменитой цивилизации Индии – Мохенджо-Даро и Хараппы. Площадь одного укрепленного центра в пределах оборонительных стен составляла от 8 (Исиной I) до 34 тыс. кв. м (Черноречье). Несмотря на небольшие размеры, укрепленные центры можно называть протогородами. Их отличают мощные оборонительные сооружения, монументальность архитектуры, сложные системы коммуникаций. Территория очень компактна и тщательно продумана. При характеристике «Страны городов» можно с уверенностью применять такие термины, как «ранняя государственность», «протоцивилизация», «протогород». Наиболее полную информацию об устройстве «города» – крепости представляет поселение Аркаим.

Аэрофотоснимки показывают, что поселения «Страны городов» имеют различную планировку – овал, круг и квадрат (прямоугольник). Самыми ранними из обследованных памятников «Страны городов», вероятно, являются поселения с овальной планировкой, затем появляются круговые и квадратные поселки. Все они относятся к одному культурно-историческому пласту. Различная геометрическая символика, выраженная в архитектурно-пространственных характеристиках «городов», отражает, скорее всего, отличительные особенности мировоззрения. Овальных поселений на территории «Страны городов» известно пять или шесть. Наиболее яркие памятники – Берсуат, Аландское, Исиной I, Кизильское. Примерно столько же круглых поселений. В качестве эталонных круглых памятников можно назвать поселки Синташта, Аркаим, Сарым-Сакла (Зингейка), Исиной I. Поселений, близких по форме прямоугольнику, насчитывается около десятка. Среди наиболее выразительных – Степное, Андреевское, Устье, Родники. Почти все прямоугольные поселки имеют сильно скошенные углы, что роднит их с овалами, однако ранние поселения имеют четко выраженную круговую внутреннюю планировку, а поздние – линейную. Отдельные укрепления фиксируются на современной поверхности как ромбы или многоугольники. Круги Аркаима и Синташты, квадраты Устья и Чекатая – это, безусловно, модели Вселенной. Вселенная в представлении индоиранцев повторяла магическую фигуру Мандалы – круг, вписанный в квадрат. Круг – небесное и женское начало, квадрат – земное и мужское. Все укрепленные центры занимают ровные сухие площадки по берегам небольших степных рек, редко – озер. Эти участки обязательно вписаны в какие-то границы, обозначенные природой. Обычно они окружены водными протоками или прогибами старых русел, которые вода заполняет во время весенних паводков. В случае необходимости вырывали специальный канал, который соединял русла и создавал замкнутую водную систему. И в наше время в период весенних половодий многие площадки аркаимских поселений возвышаются как острова над водной стихией. Островное положение укрепленных центров связано скорее с ритуальной организацией пространства, чем с

потребностями обороны. Судя по материалам палеоклиматологии, и в глубокой древности наши малые степные реки не могли быть серьезным препятствием при ведении военных действий.

Поселения аркаимского типа отличаются друг от друга не только общими планировочными решениями при ведущих геометрических символах. Они отличаются также по разному количеству одновременно функционирующих стен и рвов, по наличию или отсутствию замкнутых внутренних укреплений («цитадели», «акрополя») или сооружений на центральной площади.

Планировочные решения «городского» пространства диктовали свои особенности сооружения входов, фланкирующих и привратных башен «города», расположения жилищ относительно оборонительных стен, а также создавали свою специфику в системе коммуникаций (организация ливневых потоков, перемещение людей и т.д.).

Однако независимо от того, какой план содержит в себе «город», в архитектуре и строительной практике различных укрепленных центров содержится столько общих черт, что не возникает никаких сомнений, что «Страна городов» отражает единый этнокультурный мир. На археологических данных это единство можно наблюдать в строительных материалах (кирпичах, блоках), в технологиях (глиняных заливках, каменных кладках), в традиции планировки жилого пространства аркаимского дома, в деталях бытовых сооружений, архитектурных модулях и, вероятно, в системе мер.

Оборонительные укрепления «Страны городов» поражают своей монументальностью и сложностью. Толщина основных стен по основанию составляет 5–5,5 м, дополнительных или стен цитадели – 2-3 м. Их сооружали из крупных глинобитных блоков и частично облицовывали камнем (Аландское, Ольгинское). Обычно в основе стеновых конструкций находятся бревенчатые срубы или две продольные деревянные стены, связанные поперечными бревнами. Промежутки между стенами заполняли жидким грунтом (заливкой) либо сырцовыми блоками (Аркаим). Снаружи деревянные стены-срубы обмазывали глиной, обкладывали сырцовыми блоками, иногда в сочетании с камнем.

Реконструируемая высота бревенчато-грунтовых сооружений составляет около 3,5 м.

Перед оборонительной стеной проходил ров, стенки которого закреплялись деревом, сырцовой кладкой и плетнем, обмазанным глиной. Его глубина составляла 2-3 м при ширине от 4 до 6,5 м. Ров предназначался для усиления защитной мощи стены и как бы увеличивал ее высоту (вертикальную составляющую). Ров содержался сухим.

За пределами рва с его внешней стороны может располагаться еще одна стена, сложенная из сырца (Аландское), или обваловка из грунта с деревян-

ным бруствером-частоколом (Берсуат, Синташта). Перед обваловкой обычно прослеживается неширокое канавообразное углубление для отвода паводковых и ливневых вод.

Протогородская цивилизация («Страна городов») Южного Зауралья – это «супер-» и «метакультурный» (с точки зрения категории археологической культуры) феномен, являющийся составной частью динамической системы «культурной непрерывности» степного мира эпохи бронзы. При наличии большого разнообразия в проявлении культурно-образующих элементов керамика, домостроительство, фортификация, погребальный обряд и т.д. «Страна городов» характеризуется ярко выраженным единством стиля культуры. Этот стиль культуры формируется на раннем этапе существования «Страны городов» и переживает свой расцвет и свой упадок в пределах исторического и культурного пространства «Страны городов».

К настоящему времени раскопки были проведены на пяти укрепленных центрах. Однако они охватывали незначительные площади и были связаны с охраной разрушающихся участков культурного слоя. Одним из наиболее изученных остается поселение Аркаим, где археологическими раскопками вскрыта почти половина жилой площадки.

11.5. АРКАИМ

Поселение Аркаим расположено на юге Кизильского и Брединского районов Челябинской области, на левом берегу р. Б.Караганка, близ поселка Александровский. Открыто в 1987 году во время археологического обследования долины реки перед строительством Караганского водохранилища была организована аэрофотосъемка, в результате которой была получен снимок – план города. Круглый, как Стоунхэндж, имеющий тоже три сферических круга. Два года археологи, историки боролись за Аркаим... Благодаря решительным действиям ученых из Российской академии наук и Челябинского государственного университета, строительство оросительной системы было прекращено.

Раскопки Аркаима производились в 1987-1995 годы Урало-Казахстанской и Северо-Казахстанской археологической экспедицией под руководством Г.Б. Здановича. Поселение датируется рубежом III-началом II тыс. до н.э.

Архитектура Аркаима отличается четкостью планировочных решений. Поселение состоит из двух концентрических кругов жилищ, каждый из которых был окружен оборонительной стеной и рвом. В центре поселения находилась прямоугольная незастроенная площадь – ровная, хорошо утрамбованная площадка с центральным кострищем.

Внутреннее кольцо фортификационных сооружений (стена цитадели) имело диаметр 85 м и толщину 3-4 м. Оно было, вероятно, приспособлено для

астрономических наблюдений. По своим параметрам стена цитадели близка кольцу менгиров Стоунхенджа (Англия) – древнейшей обсерватории Старого Света.

Внешняя оборонительная стена имела диаметр 145 м и ширину по основанию 4-5 м. Она состояла из бревенчато-грунтовой части и деревянного бруствера. На входах возвышались привратные башни, у основания стены проходил обводной ров глубиной до 2 м.

Внутри оборонительных стен зафиксированы остатки помещений и ниш. В эти помещения можно было попасть из жилых домов. Детали внутренних помещений на Аркаиме фиксируются нечетко из-за плохой сохранности сырцовых стен, сложенных из песчаного грунта.

Во внешнем круге поселка Аркаим хорошо выделяются четыре радиальные стены, делящие внешнее кольцо жилищ на четыре сектора и соответствующие четырем входам в поселок. Входы ориентированы по сторонам света с небольшими отклонениями, главный вход обращен на запад. Конструкции входов отличались особой сложностью. Только левые «ворота» главного входа напрямую выходили на круговую улицу поселка и имели ширину 5-6 м. Остальные входы представляли собой лабиринты, сооруженные внутри массивных радиальных стен. Длина лабиринтов – до 20 м, они начинались за пределами поселка и выводили к круговой магистрали внешнего жилого кольца. Проникнуть в поселок через тайные лабиринты входов, преодолевая значительное расстояние в сплошной темноте, безусловно, было опасно для чужака.

На аэрофотоснимках просматривается также третья линия защитных сооружений, которая представляла собой простую грунтовую обваловку и охватывала значительную территорию.

На поселении Аркаим выявлено 66-67 жилищ, из которых раскопано 29. Во внешнем кольце было 39-40 жилых сооружений (раскопано 17), во внутреннем – 27 (раскопано 12). Жилища располагались по кругу, имели в плане трапециевидную форму, площадь построек составляла 110-180 кв.м. Ширина жилых сооружений равна 6-8 м, длина – до 20 м. Дома пристраивались вплотную друг к другу и имели общие длинные стены; окон у таких домов быть не могло. Жилища имели только два выхода: один – наземный – в короткой торцовой стене, другой вел по лестнице на кровлю со стороны противоположного торца.

По своему функциональному назначению в каждом жилом доме можно было выделить несколько зон. Почти все жилища начинались с небольших дворишков, где располагалась печь и яма со стоком в ливневую канализацию. Далее, через две-три ступеньки человек попадал в дом и шел по коридору, по обе стороны которого расположены небольшие помещения для отдыха малых семей. В этих помещениях могли располагаться только нары, здесь полностью отсутствуют очаги и какие-либо хозяйственные сооружения.

Примерно одну треть дома занимало помещение для общих сборов семьи и хозяйственной деятельности. В общем отсеке располагались: колодец, колодец-холодильник (хозяйственная яма, погреб), металлургические печи, печи общего назначения. В одном из углов этой площадки находился камин, в противоположном – лестница на кровлю. В жилищах обнаружены следы ритуальных действий и остатки предметов быта, в т.ч. из костей животных, фрагменты и целые керамические сосуды, бронзовые и каменные орудия, украшения и пр.

Из каждого дома можно было выйти на круговую улицу, мощеную бревнами. Под мостовой находился канализационный сток. К внутренней стене примыкало 25 домов, не имевших дворики и выходивших прямо на центральную площадь. Центральная площадь, скорее всего, была общественным центром. Возможно, на ней помещался алтарь, а может, и универсальная солнечно-лунная обсерватория. В городе могло проживать от одной до двух с половиной тысяч человек.

Недалеко от города археологи нашли курганные и грунтовые захоронения (могильники) и погребальные храмовые сооружения, где были захоронены жрецы, воины и общинники. В погребениях оказались боевые колесницы, кони, оружие, предметы труда и быта, украшения. Среди украшений – пуговица из Египта. Значит, были какие-то связи с этой далекой страной.

Для археологов Аркаим стал счастливой находкой. В Средиземноморье или в Египте (а Аркаим «ровесник» крито-микенской цивилизации и Среднего Царства на Ниле) города строились на руинах ранее существовавших построек. Жители Аркаима, по-видимому, добровольно покинули город. Причины могли быть и природного и социального характера. Полуразрушенные постройки «страны городов» со временем покрылись песком и дерном, на травяном покрове снова, как в древности, стали пастись стада. Благодаря этому нетронутыми сохранились культурные слои, по которым можно судить о внешнем виде города, о быте его жителей. Кто же они были? Как выглядели? Исследования найденных останков свидетельствуют, что они принадлежали к индоевропейской расе. Об этом же говорит гранитная скульптурка, найденная при раскопках: человек сидит на земле, руки свободно лежат на согнутых коленях, а большая голова запрокинута к небу. Прямой нос, узкие губы, глубокие глазницы, лицом похож на гигантов с острова Пасхи.

Есть основания полагать, что жители Аркаима были огнепоклонниками. Об этом свидетельствует и тот факт, что, покидая город, жители подожгли его, и встречающийся на вещах символ огня – свастика.

С давних времен историки и лингвисты искали прародину народа, создавшего самобытную индоевропейскую культуру. Где, когда возникло племя, которое стало родоначальником европейских, иранских, индийских народов? Одни ученые связывали его с Малой Азией, другие – с Украиной, третьи

уверены, что зародилось оно в долинах Дуная, называют Прибалтику, также существует «арктическая» теория... Однако установлено только то, что примерно в XVII-XVI веках до нашей эры арии (или арьи) вторглись в Индию и Иран. Данные Аркаимских раскопок позволяют думать, что пребывание ариев в «стране городов» предшествовало их разделению. Именно отсюда они ушли искать новые земли. Одни – в Индостан, неся с собой атрибуты цивилизации, более развитой, чем у аборигенов: бронзовое оружие, боевые колесницы, а главное – книгу «Веды», в которой записаны гимны богам, законы и философские рассуждения. Теперь их называют индоариями. Другие остались на месте, но позже, собрав вещи и предав город огню, тоже покинули родные пределы и снова разделились: одна половина пошла от Урала на запад, вторая – на восток, а затем в Иран. Последних ученые называют ирано-ариями. Именно ирано-арии являются создателями священной книги «Авеста».

Если русские сумеют почувствовать себя преемниками людей, которые возвели когда-то Аркаим, – никто не сможет ни оборвать, ни опустить в забвение эту нить.

Аркаим – это степи поют.
Аркаим – сердце ищет приют.
Аркаим – это город-кольцо,
Это ветер в лицо,
Это сказочный мир.
Аркаим – это звездная ночь.
Аркаим – это солнечный дождь.
Аркаим – это чья-то мечта,
И всю ночь до утра
Разговор у костра.
Аркаим – это эхо веков.
Аркаим – это пламя костров.
Аркаим – это мысли полет,
Это сердце поет,
Это вечная Жизнь.
Аркаим, снова солнце встает.
Аркаим, нам сегодня в поход.
Аркаим, и прощаясь с тобой,
Мы посмотрим вокруг.
Через призму веков. Аркаим...

Л. Семенова

Литература

1. Виноградов Н.Б. Страницы древней истории Южного Урала. — Челябинск: Южно–Урал. кн. изд-во, 1997. — 160 с.
2. Врата Рифея: Сборник. Эссе, документы, справочная информация, воспоминания, хроника, рассказы, стихи. — М.: Московский писатель, 1996. — 448 с
3. Древности Урало-Казахстанских степей. Каталог выставки. — Челябинск, 1991. — 60 с.
4. Петрин В.Т. Новые наскальные изображения Урала //Проблемы археологии Северной и Восточной Азии. — Новосибирск: ВО «Наука», 1986. — 160 с.
5. Петрин В.Т. Палеолитическое святилище в Игнatieвской пещере на Южном Урале. — Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1992. — 207 с.
6. Уральская историческая энциклопедия. — Екатеринбург: УрО РАН; Издательство «Екатеринбург», 1998. — 624 с
7. Чернецов В.Н. Наскальные изображения Урала // Свод археологических источников, 1964; 1971. В 4–12. 1971.
8. Широков В.Н. Писаницы // Родина. — 2001. — №11.

11.6 ОТКРЫТИЯ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

Кумкульская жрица

Летом 2006 года на Южном Урале в присутствии директора археологического научного центра Сергея Боталова на озере Кумкуль был вскрыт древний могильник, в склепе которого лежали останки женщины. По всем признакам в жизни и судя по позвоночнику находки, который был в прекрасной форме, она была довольно симпатична и не изнуряла себя тяжелым трудом. Не нашли археологи и кариеса на зубах, хотя возраст умершей приближался к 60 годам. Обычно, склепы возводят для нескольких поколений, но эта дама лежала одна. Все указывало на то, что эта женщина имела особый статус, прояснить который помогли другие находки. Здесь обнаружена свинцовая подвеска или серьга в виде монгольского барана – янгира, жертвенник с воткнутым в него ножом и останки костей барана, зеркало и набор для татуировки. В древние времена эти вещи были атрибутами шаманства. Исследование показало, что эта женщина жила в VII-VI в. До н.э. и была жрицей, ведуньей. Факты указывали на ее принадлежность к сакам, т.е. к народу, который пришел на южный Урал с территории, занимаемой ныне Монголией и Северным Китаем.

Аналогичные находки были сделаны на территории Восточного Туркестана, пески которого превратили тело жрицы в мумию, что позволило максимально восстановить ее социальный статус. Это была женщина в

длинной тканой одежде, руки расписаны татуировкой, а на лицо нанесены синие, желтые и черные краски – эти же цвета найдены в пенале для тату и Кумкульской жрицы. Закрытые глаза мумии окаймляли густые ресницы, а по плечам спускались длинные темные волосы. Уральская жрица могла выглядеть также.

Рядом с курганом ведуньи на озере Кумкуль археологи обнаружили еще четыре захоронения, которые, к сожалению, были разграблены и осквернены еще сотни-тысячи лет назад, о чем свидетельствуют останки сломанных и исковерканных скелетов. А Кумкульскую жрицу уберег склеп, сырцовый свод которого когда-то обрушился похоронив под собой тайну кургана.

До сих пор каменные курганы, характерные для кочевников, археологи находили только в степных районах под Варной. находка сакского кургана Алексеем Гаврилюком на лесистом берегу Иртыша близ Озерска говорила о случайности появления в наших краях кочевников-саков. Однако, раскопки Кумкульской жрицы и других находок доказывают возможность нашествия, миграции большого пласта саиских культур на территорию Южного Урала. Саки приходили на новые земли всерьез и надолго.

Подобные курганы найдены под Шадринском, Омском. Ученые предполагают, что саки, выйдя из Монголии и Северного Китая, прошли Восточный Туркестан, а затем, смещая границы Азии, продвинулись до слияния Тобола и Иртыша, Миасса и Исети, Уфы и Белой. Крайним западным пунктом их миграции может быть слияние Камы и Волги. Пойти дальше мешали скифы.

Зная цену кровосмешению, саки, как более энергичный и могучий народ, вступали в браки с местным населением, что подтверждается находками последних лет. В одном из сакских курганов обнаружены керамические горшки, характерные для угорской культуры. Сами саки пользовались посудой из дерева и кожи.

Урал стал моделью всевечного состояния нивелирования. Даже враждебное население, приходя сюда, через одно или два поколения растворялось среди местного этноса, превращаясь в особую группу – уральцев.

Именно саки открыли эпоху кочевничества на Урале. Именно саки принесли на Урал металлургию, дали толчок ее развитию в скифскую эпоху. Благодаря сакам в то время Урал стал главным поставщиком металла у степи.

Кумкульские находки оказались бесценны

Золото Сарматов

В июле 2007 года археологическая экспедиция Южно-Уральского государственного университета в поселке Кичигино Увельского района обнаружила золото сармат – уникальные украшения скифо-сарматского периода V-III веков до нашей эры. Участники экспедиции нашли в Увельском

районе 11 курганов. Раскопки в трех из них дали уникальные результаты. Археологи обнаружили захоронение знатного сарматского рода, в том числе могилу древней жрицы. Это были уникальные вещи раннего железного века – родовое захоронение знатного сарматского рода, включающее несколько погребений женщин и воинов, датируемое IV веком до нашей эры.

Это первая археологическая находка такого масштаба в Челябинской области. В погребениях найдены уникальные вещи: гривна-диадема знатной сарматской женщины, предположительно жрицы, золотые браслеты, кольца, бусы, бронзовые сосуды. По словам руководителя археологического центра института археологии Уральского отделения РАН Сергея Баталова, этот сосуд – не что иное, как котелок для приготовления ритуального напитка. Скорее всего, он предназначался для какого-то неизвестного воинского обряда. В других захоронениях найдены золотая гривна, колчан со стрелами, лук, необычный для этого времени длинный прямой воинский меч и другие произведения искусства.

В могильниках археологи нашли скелеты сарматских воинов. По данным антропологов, один из них принадлежал мужчине сорока пяти лет. Рядом с ним были захоронены меч, копья и конская упряжь. По форме черепа ученые определили, что это был крайне могучий и сильный человек, к тому же его рост достигал 195 сантиметров. Помимо мужских скелетов найдены и женские как доказательство тому, что в сарматском племени были легендарные женщины-амазонки. В ногах у них захоронены колчаны со стрелами, у которых даже сохранились древки. По мнению ученых, скорей всего, это было воинское стойбище, поскольку в могильниках не обнаружилось ни одного детского скелета.

Найденный археологами могильник – один из немногих, сохранившихся в этом месте. По словам руководителя раскопок, заведующего кафедрой археологии и этнологии Евразии ЮУрГУ Александра Таирова, обнаруженные захоронения подтвердили догадки ученых, что Южный Урал является родиной легендарных сарматов.

Российские археологи спасли от исчезновения несколько курганов, под которыми покоились древние сарматы. Ученым повезло – они нашли целые могилы представителей знатного рода, который в свое время властвовал на Южном Урале.

Могильник Кичигино расположен в 70 км к югу от Челябинска, на берегу Южно-Уральского водохранилища. Водохранилище построено на реке Увелка, а могильник находится на левом берегу этой реки у села Кичигино.

Впервые курганы описал еще в конце 1950-х годов известный уральский археолог Константин Владимирович Сальников (1900–1966). Уже тогда он отмечал, что на горе Тушкан (совр. Тушканская гора) находится могильник, который сильно распахан. Однако комплексные исследования

тогда не проводились, а курганы подвергались постоянной распашке, пока не оказались под угрозой исчезновения.

В 2006 году по инициативе директора Челябинского археологического научного центра Сергея Баталова началось изучение могильника. В работе приняли участие представители Южно-Уральского государственного университета, Южно-Уральского филиала Института истории и археологии УрО РАН и Челябинского областного краеведческого музея. Один из руководителей экспедиции, доктор исторических наук Александр Таиров из Южно-Уральского государственного университета рассказал корреспонденту Infox.ru о результатах первых трех лет раскопок.

Во время первого сезона археологам не повезло – курган оказался ограбленным. Однако в тайниках сохранились некоторые ценные вещи – электровые браслеты, височные подвески и перстень. Но в целом найденные археологами материалы представляли собой достаточные обычные предметы сарматского времени. «Однако уже в тот год нас поразило то, что, казалось бы, в рядовом погребении были обнаружены достаточно ценные вещи», – рассказал Таиров.

В 2007 году исследователи начали раскопки кургана № 3, и на этот раз им повезло гораздо больше. Центральное погребение также оказалось разграбленным, но исследователи обнаружили пять впускных погребений, два из которых – мужские и три – женские. В двух женских археологи нашли большое количество стрел.

В описаниях Геродота мы узнаем об обычаях савроматов. У савроматов молодые женщины, также как и юноши, тренируются, скачут на лошадях, стреляют из лука, принимают участие в боевых действиях. А когда женщина выходит замуж, она перестает заниматься военным делом и посвящает себя семейной жизни, воспитанию детей и уходу за хозяйством. Именно поэтому, по словам ученого, в погребении 50-летней женщины стрел не оказалось.

В женских захоронениях нашли и множество других вещей и украшений – в том числе гривны. Особый интерес вызывает технология их изготовления. Сарматы брали бронзовый или железный прут и обертывали его достаточно толстым золотым листом. В результате такого приема изделие казалось полностью золотым, а на самом деле было биметаллическим. В захоронениях двух молодых женщин лежали достаточно простые украшения, так называемые проволочные гривны. А в захоронении пожилой женщины находилась гривна, окончания которой выполнены в зверином стиле.

Аналогии таких гривен ученые раньше видели не в погребальных комплексах, а в случайных находках. Например, подобные гривны входят в состав Сибирской коллекции Петра I, которая происходит с территории Северного Казахстана, Западной Сибири или Алтая. Существует также так называемый Ставропольский или Казинский клад. До сих пор в науке дискутируется вопрос о датировке этих кладов.

На Южном Урале была найдена гривна в погребальном комплексе с хорошо датированными вещами. В частности, там были бусы, которые на Южном Урале встречаются в погребениях первой половины IV века до н. э.

Благодаря раскопкам 2007 года ученые смогли решить давний вопрос датировки, привязав гривны к определенному периоду. Скифо-сибирский звериный стиль был очень слабо представлен у сарматов. Взлет звериного стиля обычно относят к периоду VII–VI вв. до н. э. А в конце V – начале IV веков, когда происходят достаточно сильные этнокультурные изменения на Южном Урале и во всем кочевом мире, звериный стиль начинает постепенно исчезать и деградировать.

В 2008 году археологи начали раскопки самого большого кургана – № 5. Его центральное захоронение исследователи определили как богатое аристократическое погребение, относящееся к VII–VI вв. до н. э. и связанное с кочевыми племенами, которые в письменных источниках, в частности иранских, обозначались как саки. Саки – это собирательное название кочевых племен, которые обитали на территории Средней Азии и к северу от Средней Азии, то есть на территории Казахстана и Южного Урала». В большом кургане исследователи нашли останки мужчины-воина. Он лежал в глубокой могильной яме с дромосом, а погребальное помещение имело мощное деревянное перекрытие. Центральная яма грабилась по крайней мере трижды, однако до самого погребения воры так и не добрались.

Среди уникальных находок этого погребения исследователи выделяют биметаллический чекан. Это третий случай, когда биметаллический чекан найден в погребальном комплексе. Кроме того, рядом с воином лежал горит – чехол, в котором хранились одновременно лук и стрелы. Горит обшит по краю пятью бляшками, изображающими лежащих львов, а шестая такая же бляшка лежала на груди погребенного. На торсе воина сохранился кожаный пояс с 20 бронзовыми обоймами, изображающими противопоставленные головки сайгака.

Удивила археологов и другая находка – деревянная чаша, обложенная по краю золотыми пластинками. До настоящего времени в сарматской археологии существовало представление, что деревянные сосуды, обложенные золотом, появились на рубеже V–IV вв. до н. э., то есть с началом раннесарматского времени. А Увельское погребение датируется VII – началом VI века.

По результатам исследований ученые высказали предположение, что Кичигинский могильник – это место захоронения представителей достаточно знатного рода, который контролировал окружающую территорию.

Ювелирные изделия из этих курганов изготовлены из золота, добытого непосредственно на Южном Урале. Ученым удалось привязать район добычи золота – это так называемый Кочкарский рудный район, где оно добывается до сих пор, который находится в 30–40 км от Кичигино.

Вполне возможно, что этот аристократический род контролировал добычу золота в данном регионе. Кроме того, большое количество бронзовых вещей, найденных в этом комплексе, говорит о том, что кичигинцы контролировали и поступление металла из лесостепи в степь.

Но раскопки Кичигинского могильника могут помочь и при решении основных вопросов истории, связанных с датировкой.

Этот комплекс позволяет объединить хронологию востока и запада. То есть в одном комплексе встречаются вещи, которые есть и на западе, в частности, биметаллические чеканы, и на востоке. Поясные наборы, например, известны на Алтае, в Туве, на Урале, а на западе они неизвестны. В то же время в колчане сохранились бронзовые наконечники стрел, которые хорошо известны на западе, но дальше Урала на восток они не появляются. При таком объединении возникают нестыковки и с хронологией, и с определением культурной принадлежности.

Савромато-сарматские племена на Южном Урале

Происхождение. В эпоху раннего железного века степи Нижнего Поволжья и Южного Приуралья были заселены кочевыми племенами сарматской культуры. Они являлись составной частью обширного, преимущественно ираноязычного, кочевого мира Великого пояса степей, простиравшегося на несколько тысяч километров от Забайкалья на востоке до Дуная на западе.

История и культура савромато-сарматских племен относительно хорошо известна благодаря богатому и разностороннему археологическому материалу, а также немногочисленным письменным источникам.

Савроматы и сарматы были хорошо известны античным ученым. Довольно подробное описание савроматов имеется у древнегреческого историка V в. до н.э. Геродота. Говоря о соседях скифов, он писал: «За рекою Танаисом (р.Дон) – уже не скифские края, но первые земельные владения там принадлежат савроматам. Савроматы занимают полосу земли к северу, начиная от впадины Меотийского озера (Азовское море), на пятнадцать дней пути, где нет ни диких, ни саженых деревьев».

Границы расселения сарматских племен, как и подавляющего большинства кочевников вообще, были подвижными. На приведенной карте желтым цветом показана область расселения савромато-сарматских племен в эпоху раннего железа в Южном Приуралье (красным отмечен Филипповский курганный могильник).

Легенда о происхождении савроматов, переданная Геродотом, гласит, что они произошли от брака скифских юношей и воинственных женщин «амазонок» и что «савроматы говорят по-скифски, но исстари неправильно».

Эти и многие другие свидетельства указывают на этническое и языковое родство скифов и сарматов. Ираноязычность скифов и сарматов

была доказана в XIX в. на основе анализа собственных имен скифов и сарматов из сочинений античных авторов.

Процесс формирования сарматской культуры был довольно сложным и продолжительным и, вероятно, не на всей территории Волго-Уральских степей протекал одновременно.

Хозяйство. Основным занятием сарматских племен являлось кочевое скотоводство. Древнеримский автор I в. н.э. Помпоний Мела писал: «Сарматы не живут в городах и даже не имеют постоянных мест жительства; они вечно живут лагерем, перевозя свое имущество и богатство туда, куда привлекают их лучшие пастбища или принуждают отступающие или преследующие враги».

Письменные и археологические материалы позволяют предполагать, что сарматы с весны до поздней осени кочевали со своими стадами, а зимой жили на постоянных зимовках.

Сарматское стадо состояло в основном из овец, коз и лошадей, наиболее приспособленных для круглогодичного содержания на подножном корму. Сарматские племена были хорошо знакомы с обработкой дерева, строительной техникой. Вполне вероятно, что на зимниках сарматы наряду с легкими каркасными жилищами или юртами сооружали и бревенчатые дома. Места расположения сарматских зимовок нам неизвестны, поэтому трудно установить маршруты перекочевок и их протяженность. На основании археологических и этнографических данных можно предположить, что радиус кочевания южноуральских сармат был сравнительно невелик, порядка 250-400 км.

Имеется немало оснований предполагать наличие у сарматских племен примитивного земледелия, которое играло подсобную роль. Важное место в жизни древних номадов занимали домашние промыслы – изготовление глиняной посуды, кожевенное дело, прядение, ткачество, обработка дерева, кости, камня и т.д.

Особо следует отметить керамическую посуду, характеризующуюся большим разнообразием форм и размеров. Широкое развитие у сарматских племен получила металлургия бронзы и железа. Есть основания полагать, что все основные виды оружия, предметы украшений, орудия труда производились самими сарматами.

Общественные отношения. Сарматские племена находились на стадии разложения родоплеменного строя. Легкая отчуждаемость скота и частые военные набеги способствовали быстрому обогащению родоплеменной верхушки, являвшейся, видимо, одновременно и военной аристократией. В этот период возникает частносемейная собственность на скот и орудия труда. Разложение родового строя сопровождалось на ранних этапах сохранением некоторых архаических черт, например «гинекократии» – пережитка матриархальных отношений.

О савроматских женщинах – «амазоноках», особом их положении в обществе, участии в войнах неоднократно упоминали античные источники. Геродот писал, что амазонки стреляли из лука, бросали дротики, ездили верхом, сражались в войнах наравне с мужчинами. Ни одна девушка не могла выйти замуж, пока не убьет врага. Другой древнегреческий автор Псевдо-Гиппократ также отмечал, что девушки-савроматки активно упражнялись в военном деле и охоте и выходили замуж лишь после того, как убьют трех неприятелей.

В погребальных памятниках особое положение женщины на ранних этапах сарматской истории прослеживается в том, что часто центральное место в кургане занимает женское захоронение. Женщины у савроматских племен отправляли религиозные обряды, являлись жрицами. На это указывают находки в богатых женских могилах каменных алтарей-жертвенников; они имели культовое назначение и являлись сугубо жреческими атрибутами.

Важное место в жизни сарматских племен занимали войны и военная организация. Об этом свидетельствуют предметы вооружения и конского снаряжения, которые преобладали среди сопровождающего инвентаря сарматских могил.

Главным оружием сарматского воина являлся лук со стрелами. Судя по наконечникам, луки сармат были того же типа, что и скифские – сложные, небольших размеров. Наконечники стрел были трехлопастными; отливались они из бронзы.

Другим распространенным видом оружия у сарматских племен являлись мечи и кинжалы. В савроматское время это были короткие железные мечи-акинаки скифского типа, приспособленные в основном для рукопашного пешего боя. Но уже в этот период начинают применяться длинные обоюдоострые мечи – так называемого прохоровского типа – с серповидным навершием и прямым брусковидным перекрестием. Такие мечи предназначались для конного боя. Ими вооружена была, по-видимому, лишь родоплеменная верхушка, военные вожди, дружинники.

Стратегия и тактика сармат в воинских предприятиях была, видимо, такой же, как и у скифов и других кочевых племен – неожиданные нападения конной лавой с обстрелом противника тучей стрел, концентрированные удары отборной конницы. Высоко боеспособным было и пешее войско, вооруженное луками и кинжалами. Военные походы дружинников являлись одним из основных средств обогащения родоплеменной верхушки и имущественной дифференциации сарматского общества.

Филипповские курганы. В савроматское и раннесарматское время появляются огромные курганы со сложными надмогильными сооружениями, богатством сопровождающего инвентаря, отражающие процесс выделения и формирования родоплеменной и военной аристократии кочевого общества.

Всемирную известность получили скифские «царские» курганы Северного Причерноморья (Солоха, Чертомлык, Куль-Оба, Толстая могила), а также Пазырыкские, Башадарские и Туэктинские курганы Алтая, Бешатырские курганы Семиречья и другие. Одним из таких памятников является могильник у с.Филипповка Илекского района Оренбургской области, в междуречье Урала и Илека.

Филипповские курганы известны археологам давно. Есть сведения, что в начале XX столетия, во время раскопок Прохоровских курганов в Южном Приуралье их осматривал С.И.Руденко (1885-1965). В период полевых работ в Оренбургской области (в 1950-1960 гг.) на них побывал известный специалист по сарматской археологии К.Ф.Смирнов. Им же впервые была высказана мысль о принадлежности памятника савромато-сарматской культуре.

Раскопки Филипповских курганов, организованные Институтом истории, языка и литературы УНЦ РАН под руководством А.Х.Пшеничнюка, были начаты в 1986 году. Могильник состоял из 25 земляных курганов различных размеров, разбросанных на площади около 10 кв.километров.

В центре могильника находился самый большой курган (№1) высотой более 7 м и диаметром 100-120 м.

Раскопки кургана №1 велись с помощью автоскреперов и бульдозеров, траншеями в меридианальном направлении. После снятия насыпи под центральной частью кургана оказалась большая могильная яма диаметром 20 м, глубиной 2 м с коридорообразным входом (дромосом) длиной 17,5 м с южной стороны.

Над могильной ямой была возведена деревянная конструкция шатерообразной формы с мощными стенами, сложенными из толстых бревен. Дромос также был перекрыт бревнами. Вход в погребальную камеру был оформлен в виде тамбура с массивными дверями или воротами, установленными между 4-мя столбами.

Курган неоднократно подвергался ограблению. Грабители дважды проникали в погребальную камеру через подземные ходы, причем вскоре после захоронения, когда камера была еще полон. Очевидно, именно грабителями была подожжена деревянная конструкция, сохранившаяся до наших дней в сильно обгорелом виде.

Несмотря на многократные ограбления, дошедший до нас материал богат и разнообразен. Находки представлены шестью комплексами: это предметы из двух тайников, вырытых рядом с могильной ямой; вещи, найденные в дромосе; находки в тамбуре – справа; предметы, обнаруженные у входа в могилу слева; материал, собранный в самой погребальной камере.

В обоих тайниках сверху лежали большие деревянные фигуры оленей, оббитые тонкими листами, изготовленными из золота и серебра. Остальная часть первого тайника была занята разных размеров деревянной посудой,

окованной орнаментированными золотыми пластинами. Во втором тайнике также находились деревянные оббитые золотыми и серебрянными листами скульптурные и барельефные фигуры оленей, золотая и серебряная посуда, большое количество золотых накладок и нашивок.

Курган являлся усыпальницей знатной семьи. Судя по тому, что курган был центральным в группе, учитывая пышность погребального обряда, богатство сопровождающего инвентаря, социальный статус главы семьи был, по-видимому, не ниже вождя племени, возможно – союза племен.

Скорее всего, сооружение усыпальницы происходило или было начато еще при жизни вождя. В этой связи уместно сопоставить Филипповские курганы с Египетскими пирамидами. Аналогия с усыпальницами египетских фараонов проявляется и в самой конструкции сооружений. Курган, как и пирамиды, был полым внутри и сооружался из кубических блоков, но не каменных, а земляных.

Опыт реконструкции первоначального вида кургана показал, что он представлял собой внушительное сооружение диаметром 70-80 м., и высотой не менее 15-20 м.

По оценке Анатоля Харитоновича Пшеничнюка – кандидата исторических наук, заведующего Отделом археологии Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН, результаты исследований Филипповских курганов имеют принципиальное значение не только для сарматской археологии, но и истории и культуры всего кочевого мира Евразийских степей скифского времени. Открытие существенно изменяет традиционные взгляды на историю ранних кочевников. Новые материалы не подтверждают концепции об отсталости в экономическом, социально-политическом, культурном развитии ранних кочевников Урало-Поволжских степей.

Пышный погребальный обряд, высокохудожественные ювелирные изделия из золота и серебра показывают, что центральный Филипповский курган находится в одном ряду с известными скифскими и сакскими «царскими» курганами Причерноморья, Средней Азии, Казахстана, Алтая, такими как Солоха, Чертомлык, Куль-Оба, Толстая Могила, курган Иссык, Пазырыкские, Башадарские курганы и др. Ранние кочевники Южного Приуралья, судя по материалам Филипповского кургана, по уровню социально-экономического развития находились на той же стадии, как и ранние кочевники западных и восточных регионов Евразии.

По мнению Марины Глебовны Мошковой заведующей отделом скифо-сарматской археологии Института археологии РАН, доктора исторических наук, исследование большого Филипповского кургана, проведенное А.Х.Пшеничнюком, является крупнейшим открытием в изучении археологии древних кочевников Южного Приуралья. Расположение этого могильника на реке Илек – притоке Урала, где и раньше были открыты очень интересные

памятники древних кочевников, подтверждает ранее высказанную гипотезу о том, что именно здесь находился центр очень крупного объединения кочевников Южного Приуралья.

Филипповский курган среди этих памятников занимает особое место. Найденные здесь сокровища, уникальные ювелирные изделия, которые, чудом сохранились после ограбления кургана, свидетельствуют о том, что в кургане был похоронен человек самого высокого социального статуса. Именно это обстоятельство позволяет отнести памятник к числу "царских" захоронений.

Находки интересны еще и тем, что они свидетельствуют об очень широких культурных, торгово-экономических связях кочевников этого региона. Здесь обнаружены ахеменидские ритоны, а также множество изделий, которые выполнены в стилистике, характерной для предметов из памятников с территорий Северного Причерноморья, Тувы, Алтая, Средней Азии и Казахстана.

Ювелирные изделия, обнаруженные в результате раскопок в большом Филипповском кургане, ставят памятник в один ряд с такими известными памятниками мирового значения, как Толстая могила, Чертомлык, Солоха в Северном Причерноморье, Иссык на территории Казахстана, Амударьинский клад, некрополь Телля-Тепе в Афганистане.

По оценке зарубежного эксперта – Рафаэлло Занканелла профессора, президента Гемологического института (Италия), количество и разнообразие найденных в могильнике предметов просто поражает. Памятник оказался очень щедрым, раз позволил исследователям обнаружить такое количество ювелирных изделий из драгоценных металлов.

Примечательно, что при изготовлении этих предметов древними мастерами применялась техника, используемая и в настоящее время. Художники-ювелиры того времени использовали стилизованные изображения животных и являются, по-моему мнению, предшественниками художественной манеры современных мастеров.

Я не являюсь экспертом в области изящных искусств, однако восхищен этими предметами. Они напоминают мне изделия Древнего Рима периода расцвета и здесь явно прослеживаются связи с Северным Причерноморьем, который в то время являлся одним из крупных торговых и художественных центров.

Я сказал бы вслед за нашим Цицероном – «Нет ничего нового под солнцем». У нас были связи 2500 лет назад. Они видны в этих произведениях искусства. Я надеюсь, что смогу организовать показ этой коллекции в Италии, так как по-моему мнению, культурные и экономические связи могут быть возобновлены ради блага и сотрудничества между нашими странами.

Золотая коллекция в зависимости от назначения и функций предметов распадается на шесть групп:

Фигуры оленей, вырезанные из дерева и обложенные золотыми и серебряными листьями – 26 экземпляров. Все фигуры выполнены в одной позе – спокойно стоящие на ногах. В зависимости от того, как рога крепились к туловищу, – параллельно или перпендикулярно – фигуры подразделяются на два типа: плоские (или барельефные) – 16 экземпляров, двухплоскостные (или скульптурные) – 10 экземпляров.

Высота плоских фигур 45-50 см. Половину этой высоты составляют рога. Они выполнены в виде завитков, которые образуют сложную композицию. Завершаются рога наверху фигуры изображениями головок грифонов. Рога как бы ограничены площадью квадрата со стороной 20-25 см. Фигура оленя без рогов также вписывается в квадрат такой же величины. Плоские (барельефные) фигуры из первого тайника имеют лицевую и оборотную стороны. Лицевая сторона оббита золотыми пластинами, орнаментированными глубоким тиснением в виде различных завитков, подчеркивающих мышцы и шерсть животного, обратная – гладким серебряным листом. Пластины прибивались к дереву медными гвоздочками.

Двухплоскостные (скульптурные) фигуры оленей из второго тайника и из входной части могилы с обеих сторон окованы золотыми тисненными листьями, ноги покоятся на деревянной подставке, обложенной тонким серебряным листом.

Сохранившаяся деревянная основа фигур оленей раскрывает технологию их изготовления. Первоначально вырезались отдельные части фигуры: туловище, рога, ноги, подставка. Они тщательно орнаментировались глубокой рельефной резьбой. Части скреплялись между собой с помощью пазов и деревянных штырей. Затем деревянная фигура оббивалась золотыми или серебряными тонкими листьями. В завершение фигура обжималась и на поверхности туловища прорисовывался тот же орнамент, что и на деревянной основе.

Золотые украшения деревянной посуды (оковки стенок сосудов, ручки, ушки) – в общей сложности более 300 предметов. Судя по оковкам, посуда (чаши, миски, ковши, кружки, пиалы, кувшины) была весьма разнообразна по форме, размерам и назначению. Оковки прибывались к деревянной основе мелкими золотыми гвоздочками.

Золотая и серебряная посуда – 6 экземпляров. Это серебряный плоскодонный кувшин горшковидной формы, инкрустированный золотой проволокой; золотой кувшин с двумя ручками в виде фигуры летящего архара; золотая чаша с припаянной на внутренней стороне петелькой; золотая массивная подставка полусферической формы с изображением двух верблюдов, хищной птицы и волка и 2 серебряных ритона. Один ритон выполнен в виде глубокого бокала с прямыми стенками, с рельефным орнаментом и золотой инкрустацией; второй – с протомой быка в основании.

Золотые литые и штампованные наклейки и нашивки, выполненные в зверином стиле. Они представлены четырьмя разновидностями:

Наклейки в виде фигуры архара. Размеры наклеек – 8х6 см. Фигуры изображены в спокойной позе с подогнутыми ногами и приподнятой головой. Туловище фигур плоское с глубоким тисненым орнаментом, голова объемная, полая, спаяна из двух половинок. На оборотной стороне по 4 ушка для крепления. У 10 фигурок голова повернута вправо, у 10 – влево.

На 29 бляшках-нашивках изображена сцена противоборства двух верблюдов. Размеры нашивок 5х4 см, по углам проделаны отверстия для пришивания их к основе. Изображения нанесены тиснением.

Прямоугольные бляшки с изображением фигуры лежащего олененка. Размеры 2,8х2 см, на обороте припаяно по 2 ушка. Всего 55 бляшек. Часть фигурок смотрит влево, часть вправо.

Штампованные бляшки-наклейки в виде головы хищника (льва) – 65 штук. Размеры 2,5х1,7 см, на обороте припаяно по 2 ушка.

Вероятно, бляшки-нашивки и наклейки были нашиты на парадные коврики или накидки.

Женские украшения представлены единичными экземплярами. Это височные подвески в виде кольца в 1,5 оборота с привесками на цепочках сложного сплетения; различные бляшки, наклейки, пронизки. Все украшения собраны на дне могилы, главным образом, возле входа в подземные грабительские лазы. Видимо, были обронены грабителями.

Оружие и конское снаряжение, найденное в дромосе, составляют амуницию одного воина высокого ранга. Это железные меч и кинжал богато инкрустированные золотом, точильный камень (оселок) в золотом футляре, железные удила с псалиями, обложенными листовым золотом, золотые и бронзовые пряжки, ворворки, наконечники ремней, разделители.

Звериный стиль в искусстве сармат. Почти все предметы из коллекции центрального Филипповского кургана, за редким исключением, выполнены в так называемом «зверином стиле». Звериный стиль является одной из характерных особенностей культуры и искусства скифского периода, и не только степных, но и лесостепных и лесных культур, одним из слагаемых скифской триады. Звериный стиль, помимо чисто эстетической, несет в себе огромную смысловую нагрузку. Это своеобразное отражение мировоззрения кочевников, осмысления своего места в окружающем мире и многообразных связей с ним.

В Филипповской коллекции животные изображены на оковках и ручках сосудов, на серебряной и золотой посуде, на многочисленных наклейках, на предметах вооружения и конской сбруи, женских украшениях.

Первое место среди изображаемых животных принадлежит благородному оленю – самому почитаемому животному в пантеоне южноуральских номадов. Фигуры оленей изображены на оковках и ручках

деревянной посуды, на накладках парадного коврика, на оружии. В общей сложности одна или две фигуры оленей или его голова изображены более чем на 170 предметах коллекции.

Уникальны и не имеют даже отдаленных аналогов в мировом искусстве эпохи древности деревянные оббитые золотом и серебром, скульптурные фигуры оленей с роскошными ветвистыми рогами, высота которых достигает 50 см. Всего таких фигур в кургане – 26 единиц.

Позы и изображения оленей разнообразны. Так, все деревянные, оббитые серебром и золотом фигуры стоят в спокойной позе с поднятой головой.

На бляшках-накладках животные показаны лежа с подогнутыми ногами; голова покоится на передних ногах.

Для многих оковок характерно изображение оленя с горделиво выгнутой шеей, с опущенной на грудь головой; туловище непропорционально короткое, сильно стилизовано, своеобразно переходит в заброшенную за спину заднюю ногу. Основное внимание у этих фигур сосредоточено на изображении головы и рогов.

Редкими экземплярами представлены оковки с изображениями оленей с повернутой назад головой, зафиксированные в момент стремительного прыжка.

Оригинально выполнена ручка одного из сосудов в виде фигуры «взнузданного» оленя с подогнутыми ногами. Довольно часты на оковках парные изображения оленей: голова к голове, головами в противоположные стороны, друг за другом.

В целом для всех фигур оленей из Филипповского кургана характерен особый акцент на изображение рогов животного. Это относится также к «горбоносоти» оленей. Нередко затруднительно определить, кто же изображен на том или ином предмете – олень, лось, сайгак или косуля.

Видное место в Филипповке занимают предметы с изображением двугорбого верблюда. Это совершенно не свойственно для причерноморских скифов, и составляет довольно редкое явление у савромато-сарматских племен Урало-Поволжья. Фигура верблюда или только его голова изображены на оковках и ручках деревянных сосудов, на бронзовых навершиях из насыпи кургана и др. предметах. Для всех без исключения изображений верблюдов характерна своеобразная «агрессивность». Так, на штампованных золотых бляшках-накладках или на бронзовой подпружной бляхе животные изображены кусающими друг-друга, с оскаленной пастью и вздернутым хохолком.

Заметное место среди изображений животных занимает горный козел или баран – архар. Это 20 массивных полуобъемных накладок в виде лежащей фигуры животного, ручка сосуда с двумя скульптурными фигурками архара.

Великолепно эти животные показаны на ручках золотого кувшина. Фигуры баранов отлиты в виде противостоящих фигурок с повернутыми назад головами, как бы в момент стремительного прыжка.

С большой тщательностью выполнена ручка сосудика в виде двух противолежащих скульптурных фигурок архаров.

Животный мир Филипповки представлен также изображениями кабана. Это – три одинаковые оковки, на которых показана хорошо выраженная фигура животного, несколько ручек сосудов. Следует иметь в виду, что зачастую изображения довольно стилизованы и их можно одновременно интерпретировать и как волка, как и медведя.

Единичными экземплярами представлены оковки с изображениями сайгака или косули. Этих животных можно увидеть на двух парах оковок, когда-то украшавших большую деревянную чашу с двумя горизонтальными ручками-ушками. Оковки достаточно реалистично показывают сцену охоты.

Изображения лошадей встречаются редко. В одном случае это объемная ручка в виде головы лошади. В другом – изображения животных на оковках сосуда, на которых показана сцена охоты. Условно как голова лошади нами интерпретированы 4 подвески, найденные на дне погребальной камеры Филипповского кургана.

Много предметов со стилизованным изображением хищников. Условно их можно разделить на две группы: хищники кошачьей породы и хищники псовой породы.

Последние представлены многочисленными объемными фигурами, являющимися вертикальными ручками деревянных сосудов. Хищники кошачьей породы большей частью изображены на плоских оковках сосудов иногда в виде вырезанной фигуры; чаще выполнены способом чеканки или гравировки. Голова хищника с оскаленной пастью изображена на мелких штампованных бляшках-накладках (65 единиц).

В виде головы хищника, вероятнее всего медведя или льва, выполнена оковка большого деревянного сосуда. К этому сосуду относится также оковка треугольной формы, в которой можно усмотреть хвост хищника и четыре массивные лапы.

Большое место в «зверином» искусстве Филипповки занимают изображения грифонов. В подавляющем большинстве это – стилизованные изображения головы хищной птицы на многочисленных оковках для сосудов. Полностью фигура птицы представлена на двух предметах – на изящных ручках сосудов-ковшей.

Грифоны выполнены с разной степенью стилизованности или реалистичности. В одних случаях изображения очень схематичны, намечены лишь изогнутый клюв и глаз. Зачастую подобные головки грифона венчают завитки оленьих рогов.

Есть предметы, на которых грифоны выполнены с большей долей реалистичности. На них можно усмотреть раскрытый клюв хищника, выраженный гребешок, четко проработанные перья.

На нескольких оковках сосудов с большим реализмом изображены рыбы. Ручка одного сосуда, вероятно ковша, выполнена в виде змеи.

Примечательной особенностью звериного стиля в ювелирном искусстве ранних сармат является мотив, известный специалистам под термином «сцена терзания» – нападение хищника на копытное животное. Подобных сцен не менее двадцати. В целом, выделяются два основных сюжета:

а) На одной группе предметов, в основном ручках-ушках деревянных чаш, глубоким рельефом показывается сцена, на которой хищник кошачьей породы (тигр ?) заглатывает голову оленя. По манере к ним близка ручка-ушко на которой волк держит в пасти голову барана. К этому же типу, видимо, следует отнести сцену терзания изображенную на большой плоской оковке: хищник кошачьей породы с непропорционально большой головой, вывернутой задней частью туловища держит в пасти голову оленя. Олень изображен с подогнутыми ногами и повернутой назад головой. Вся сцена выполнена с большим изяществом, способом тонкой гравировки с очень тщательной проработкой линий.

б) Как сцену терзания можно трактовать сюжеты на небольших чашах (кружках) с вертикальной ручкой. Ручки, как правило, выполнены в виде объемной фигуры хищника похожего на волка, который как бы вгрызается в ветвистые рога оленей, изображенных на оковке сосуда.

В целом звериный стиль Филипповки следует рассматривать как наиболее яркую и представительную часть искусства ранних сармат Южного Урала. Корни этого искусства уходят в седую древность. Искусство звериного стиля Филипповки имеет много общего с искусством древних кочевых культур как запада (скифов), так и востока (саков и массагетов). Это проявляется как в наборе персонажей животных (олень, архар, косуля, пантера, волк и т.д.), так и в манере и отчасти технике изображения (сочетание реалистичности и стилизации, гиперболизации отдельных частей фигуры, орнаментация с помощью различных завитков, спиралей, «запятых»).

Единство и своеобразие звериного стиля Филипповки дают основание выдвинуть гипотезу о наличии у южноуральских номадов своей мастерской или собственной школы по производству ювелирных изделий.

Литература

1. Акбулатов И.М. Экономика ранних кочевников Южного Урала (VII в. до н.э. - IV в. н.э.). Уфа, 1999.
2. Акишев А.К. Искусство и мифология саков. А.-А., 1984.
3. Акишев А.К. Курган Иссык: искусство саков Казахстана. М., 1978.

4. Жемчужины сарматских царей // М.Ф.Обыденнов, Е.А.Круглов. Сокровища и клады Восточной Европы. Книга для чтения. Уфа, 1998. С.42-53.
5. Максименко В.Е. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-на-Дону, 1983.
6. Манцевич А.П. Курган Солоха. Л., 1987.
7. Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры // Свод археологических источников. Вып.1-10. М., 1963.
8. Мошкова М.Г. Краткий очерк истории савромато-сарматских племен // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С.153-158.
9. Переводчикова Е.В. Язык звериных образов. Очерки искусства Евразийских степей скифской эпохи. М., 1994.
10. Пшеничнюк А.Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. М., 1983.
11. Пшеничнюк А.Х. Находка века // Памятники Отечества. 1997. № 38.
12. Пшеничнюк А.Х. Ранний железный век. Древние кочевники на Южном Урале // История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX в. Уфа, 1997. С. 46-60.
13. Пшеничнюк А.Х. Раскопки "царского" кургана на Южном Урале: Препринт / БНЦ УрО АН СССР. Уфа, 1989.
14. Пшеничнюк А.Х. Сокровища древних кочевников Южного Урала // Ватандаш. 1998. № 1. С. 165-168.
15. Пшеничнюк А.Х. Филипповский курганный могильник // Башкортостан. Краткая энциклопедия. Уфа, 1996. С. 610.
16. Пшеничнюк А.Х. "Царский" курган на Южном Урале // Наука в России. 1999. №3. Май-июнь. С.27-33.
17. Пшеничнюк А.Х. Царский курган у с.Филипповка на Южном Урале // Ядкяр. Вестник АН РБ. Гуманитарные науки. 1995. № 1 . С.126-136.
18. Пшеничнюк А.Х. Эпоха раннего железа (разделы: Савроматская культура (VI-IV вв. до н.э.), Сарматская культура (IV в. до н.э.- IV в. н.э.) // Археологическая карта Башкирии. М., 1976. С. 22-25.
19. Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. М., 1961.
20. Смирнов К.Ф. Савромато-сарматский звериный стиль // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М, 1976.
21. Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М., 1964.
22. Смирнов К.Ф. Савроматская и раннесарматская культуры // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989.

ГЛАВА 12. КУЛЬТУРА НАРОДНОГО ЖИЛИЩА

12.1 УРАЛЬСКАЯ ДОМОВАЯ РОСПИСЬ

Продолжительное время считалось, что народное искусство, как оно бытовало в европейской части России, на Урале отсутствовало, так как край заселялся пришлыми людьми. И если за горнозаводскими промыслами признавалась самобытность, исследовалась их уникальность и своеобразие, то явления прикладного искусства уральских деревень долгое время оставались не только не изученными, но само существование самобытного уральского народного искусства подвергалось сомнению.

Лишь в 60-70-е гг. XX в. экспедиции Московского научно-исследовательского института художественной промышленности предприняли попытку серьезного обследования некоторой части Свердловской области, в результате которой удалось не только «обнаружить» самобытные росписи по дереву, но, по сути, начать систематическое исследование уральской крестьянской живописи. Появилась возможность выделить особенности красильного промысла на Среднем Урале. Так было выявлено «недостающее звено», связывающее росписи европейской России и Сибири.

Наиболее полно образцы уральской росписи крестьянских домов сохранились в коллекции Нижнесинячихинского музея-заповедника.

Параллельно с миграцией населения на Урал начинается христианизация края, появляется необходимость культового строительства. Мастера-иконописцы зачастую расписывали не только храмы, но занимались декоративной росписью бытовой утвари и интерьеров. Мастеров, занимавшихся росписью домов, называли красильщиками, или крашельщиками.

«Бывали случаи, когда в росписи культовых построек участвовали красильщики. Но немногим доверялась эта работа. Известно, что красильщики расписали травным и цветочным орнаментами деревянную церковь Кыртомского мужского монастыря, расположенного на севере Алапаевского района, а также три деревянные часовни в деревнях Карпова (Верхотурский р-н), Кокшарова (Верхнесалдинский р-н), Останина (Алапаевский р-н). Часовни в настоящее время находятся на территории Нижнесинячихинского музея-заповедника».

Обычай расписывать дома появился в начале XIX в. Появление росписи в крестьянском доме, даже если и носило поначалу случайный характер, достаточно органично вошло в народный быт. Роспись отражала единство с окружающей природой, выражала народную мечту о райской жизни и представления о красоте.

Центрами «малярного промысла» были Кострома, Вятка, Тюмень. Красильщики пользовались популярностью на довольно большой территории. Так, тюменские красильщики добирались на востоке до Барнаула, на юге - до казахских степей, на севере - до Тобольска и Верхотурья, на западе - до Челябинска и Екатеринбурга. В народе за ними закреплялись прозвища, в зависимости от местности - «тюменские», «кармацкие» (от названия деревни).

Росписи в уральских крестьянских домах делались вплоть до 20-х гг. XX в., когда крестьяне стали отдавать предпочтение однотонной окраске или грунтовке стены.

Домовая роспись

Архитектура крестьянской избы всегда удивляла исследователей своей четко продуманной планировкой. Сам дом внешне казался небольшим, но внутри был широк и просторен. Условно избу членили на три функциональные части: «прихожая» - подпа-латный угол, где раздевались, оставляли верхнюю одежду, умывались. В верхнем ярусе этой части справа от двери располагалась печь, слева - полати. На полатах и печи спали. Перед печью отводилось место для кухни, где размещали бытовую утварь, пекли хлеб, готовили пищу. Иногда кухня отделялась от всего пространства дома ситцевой занавеской. Красный угол, вплоть до полатей, был местом для приема гостей, совершения обрядов.

Уральская домовая роспись поражает своей монументальностью: расписываются сени, изба, горница, а в них стены, простенки, потолки, двери, голбцы, полати и многое другое.

Как отмечают исследователи, истоки мотивов росписи, по всей видимости, нужно искать в древнерусском искусстве, символике языческой Руси, частично перешедшей в христианство и дополненной фантазией народных художников. Росписи решались в едином стилевом ключе, объединившем традиционную народную и иконописную манеры письма.

Основой композиции обычно являются дерево, куст, ветка, букет, круг-венчик, а на них цветы и плоды причудливых форм. Среди «обитателей» этого «райского сада» мы видим певчих птиц и экзотических павлинов, сказочных сиринов и жар-птиц, а рядом - уральских сов, филинов, гусей, тетеревов.

В росписях присутствует и человек, его изображают как героя лубочных картинок: вот молодая супружеская пара, вот жена, посылающую мужу птицу-вестника и т. п. Сценки носили по преимуществу жанрово-бытовой характер, хотя бытовали и исторические сюжеты (было обнаружено изображение первого в России паровоза Черепановых, сооружение Великой Сибирской железнодорожной магистрали). В одной избе обнаружена роспись с несущимся под парами паровозом с тремя вагонами.

«Сады» обычно изображали в простенках, полатный брус расписывали вытянутыми в горизонталь гирляндами или букетами из цветов и ягод, на потолке размещали венки или солнце.

Роспись дома встречала входящего практически у самого входа. На обратной стороне двери часто изображали древо жизни с птицей на вершине, на стенке голбца - пышный вазон с цветами или стилизованные бытовые сценки, действующими персонажами которых были не только люди, но и птицы и звери; на двери, которая вела в подполье, художники изображали круг солнца и древо жизни.

Особое значение в доме имел «красный угол» с божницей. Его расписывали несложными, приглушенными по цвету, аккуратно выполненными композициями вазонов с цветами. Изображение зверей или птиц считалось неуместным.

Мастера разных местностей отличались характером декорирования композиции: пышными – у вятских народных художников, более линейно-графичными – у кармакских.

Роспись избы выполнялась обычно масляными красками теплых тонов: красно-коричневыми или их оттенками. Дополнением служили половики, занавески, лоскутные одеяла, рушники. Расписывались не только стены, но и мебель, домашняя утварь, орудия труда и быта: цветочный орнамент наносили на «лицевую» часть шкафа, у комода «разделялись» боковые стенки «под мрамор» или «под орех»; обеденный стол окрашивался синим, красным, зеленым или светло-коричневым цветом, в центре столешницы изображался круг – символ жизни; украшались росписью прялки, ткацкие станы, коромысла, деревянные ведра и миски, кади, бураки-туеса, встречались разрисованные телеги и сани.

В декорировании предметов быта сложились самобытные, перекликающиеся между собой композиции, *тегип* связанные с местной традицией мотивами росписи, ритмикой узоров, колоритом, всей системой ооразности, выражающей народное мироощущение и индивидуальность мастера. Росписью покрывали печи, мебель, двери, домашнюю утварь, орудия труда. Ярким узором украшали дом не только изнутри, но и снаружи.

В 1960-1980-е гг. в г. Туринске Свердловской области начали изготавливать сувениры из дерева, расписывая их в традиционной манере уральской домовой росписи.

12.2. ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ УРАЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ РОСПИСИ

Возникновение и распространение росписи связано с миграцией русского населения на Урал, пик которой пришелся на XVIII-XIX вв. Это

были выходцы из Вологды, Тотьмы, Устюга, Вятки, Кай-городка, Чердыни, Соликамска, Поволжья и центральной и северной части России.

Вслед за переселенцами, правительственными чиновниками на Урал пришли священнослужители, обращавшие язычников в христианскую веру. Все это привело к повсеместному строительству храмов, монастырей и часовен. При монастырях формировались школы иконописцев-старообрядцев в Сольвычегодске созданные уральскими купцами и промышленниками Строгановыми, и в Верхатурье.

В деревне Кокшарова Тугумского района проживала династия иконописцев – старообрядцев Довольных: Марк Ворфоломеевич, Тимофей Варфоломеевич (1872-1936), Никифор Маркович (1903-1962). Помимо иконописной работы, росписи церквей и часовен, они занимались декоративной росписью бытовой утвари и интерьеров.

Были случаи, когда в росписи культовых построек участвовали красильщики. Но немногим доверялась эта работа. Известно, что красильщики расписали травным и цветочным орнаментом церковь Кыртомского мужского монастыря, расположенного на севере Алапаевского района, а также три деревянные часовни в деревнях Карпова (Верхотурский район), Кокшакова (Верхнесалдинский район), Останина (Алапаевский район). Часовни в настоящее время находятся на территории Нижнесинячихинского музея – заповедника.

Работая в виду, расписывания деревянную часовню или церковь, живописец не мог обратить на свою работу внимание зажиточного крестьянина, а тот, в свою очередь, мог попросить расписать свой дом. Или, наоборот, живописец, квартируя у кого-либо из крестьян, мог сам предложить хозяину расписать его избу.

Крестьяне охотно соглашались расписать свои дома. Роспись отражала их кровную связь, единство с окружающей природой, их радостное, оптимистичное мироощущение, народную мечту о красивой райской жизни и стремление у себя в быту устроить красочный эдем при жизни, не дожидаясь обещанного рая после смерти. Число красильщиков-живописцев стало увеличиваться. Здесь было большое поле для деятельности, возможности хорошего заработка.

По-видимому, обычай расписывать крестьянские дома на Урале появился в начале XIX века. Часовня Александра Невского в деревне Останина, о которой упоминалось выше, расписана красильщиками именно в это время. Жители деревни Паны рассказывали, что в деревне Закожурникава стоял дом с росписью 1812 года. Старший землеустроитель бывшего Синячихинского района Устинов Михаил Андреевич в 1946г. В деревне Городище в доме Константинова Еремея Киприяновича видел на простенке, под божницей, дату росписи – 1812г. В 1961 году, к тому времени забеленные росписи были отмыты и подтверждены их даты. В деревне Грязнуха

Алапаевского района в доме Черемных Анны Ивановны на точечной прялке оставлена дата — «1869 год». Очевидно, это была не первая роспись.

В 1860 годы о широко развившемся малятном промысле писала местная печать, асилийя о ее исполнителях, тюменских красильщиках.

Тюменские или кармакские красильщики, а в основном они расписывали уральские дома, были выходцами с русского севера. Жили они по реке Кармак в деревнях Мальцева, Кокшарова, Гилева, Скородум, Рябово, Верховинка, Соколова, Сажино, Брюханова, Зарянка (бывшие Успенская и Гилево – Карманская волости). По современному административно – территориальному делению эти деревни входят в Тутумыский район Свердловской области. Можно предположить, что со временем на реке кармак сложился настоящий центр молярного и «отхожего» промысла. Развитию промысла способствовали близость Тюмени (1586 г.), проходивший по этим местам сибирский тракт. Тюмень славилась производством речных судов, мебели, кошевок, массивно и ярко раскрашенных дуг, сундуков, ящичков, сит, решет, деревянной посуды. В возникновении крестьянской росписи несомненно сыграли свою роль горнозаводские живописные промыслы.

Тюменские красильщики имели обширный радиус действия. На востоке они добирались до Барнаула, Бийска; на юге до самой орды, до степей; на севере до Тобольска, Тавды, Верхотурья; на западе до Челябинска, Екатеринбурга, Нижней Салды. Ездили красить на своих лошадях в свободное от полевых работ время. Чаще всего выезжали вдвоем с товарищем или с кем-нибудь из своей семьи. Уезжали после масленицы и до посевной, месяца на полтора-два. Затем после посевной и уборки хлебов. В зимнее время не ездили. У каждого мастера был в основном свой определенный маршрут по одним и тем же деревням. Братья Мальцевы, Евграф и Павел, дважды (в 1909 и 1910 гг.) расписывали в деревне Мезень Алапаевского района.

Известные мастера работали, как правило, в крупных селах, проходивших по тракту, а кто слабее владел кистью, чаще менял свой путь и ездил главным образом, по отдаленным деревням, где крестьяне были по проще, менее требовательны. Приезжали на Урал и вятские красильщики, были и свои местные мастера.

Как правило, тюменские живописцы называли себя красильщиками, но некоторые выше держали свою марку, указывая в автограф–мастер. Исконные хлебопашцы считали труд красильщиков несерьезным занятием. Тем не менее роспись на Урале получила сравнительно большое распространение. Значительный процент пятистенных домов был с росписью. Например, в деревне Москала Алапаевского района, что на реке Тагил, из 35 домов было расписано П (Лаврентьевой А.Г., Королихина А.Ф., Красильникова О.С., Толмачевой Ф.Ф., Королихина Ф.М., Толмачева В.М.) А

в небольшой деревне Чебаки Сухоложского района роспись найдена во всех 30 домах.

Расписывали дома мужчины, но нередко им помогали и женщины. Иногда это были целые династии, передававшие свое ремесло и «асилий» из поколения в поколение. Труд большого мастера варлама Кононовича Рябкова продолжал сын Федор. После Ивана Ефимовича Мальцева расписывали сыновья Евграф и Павел. Константин Максимович Кузякин ездил расписывать всей семьей, ему помогали «аси» Анна Михайловна и дочь Елизавета. Орехов Александр Григорьевич ездил красить с женой, Вяткин Андрей «асилий» красил вместе с дочерью. Свое ремесло Семен Соколов передал сыну Ивану, который в свою очередь научил своего товарища Варлама Кандратьевича Брюханова. У Михаила Семошкино переняли ремесло четыре сына: Федр, Петр, Иван и Николай. Машковцев Иван Васильевич научил младшего брата Григория. Вместе работали братья Василий и Алексей Халевины, позднее Василий передал свое умение сыну Егору. В деревне Черемисина, на реке Тагил, Алапаевского района в доме Федора Петровича Черемисина на кухонном шкафу в 1960 году был обнаружен афтограф: «Красили не для прибыли, а для хозяйской выгоды «асилий Ильич и брат его Алексей Халевины 1899.Вят.»

В народе красильщиков называли «Петушатники», «Кармакские», «Тюменские». Они это знали, так и писали в автографах при этом указывая свой адрес: «1906 год, г. Тюмень Успен. В деревни Рябовой Фома Митрофанович Тихомиров».

Красильщиков в деревнях хорошо знали и тепло встречали. Как только они появлялись, по всей деревне разносился слух: «приехали красильщики!» Если приглашала красильщика женщина, – это была хорошая примета.

Качество росписи зависело от оплаты. В одном доме – тонкое пластичное письмо, все продуманно, а в другом той же рукой роспись выполнена размашисто, небрежно, с подтеками. Красильщики старались свою марку не терять, делать все на совесть. Были случаи, когда решив проучить скупого хозяина, они «шахранили» (испортить работу, обмануть хозяина, после этого путь их менялся.

В 20-х годах XX столетия крестьяне стали отказываться от росписи внутри дома, просили лишь окрасить или загрунтовать стены. Мастерам пришлось подбирать другие направления ремесла, кто стал мастерить и расписывать абажуры, красить больницы, учреждения, а после побелки каменных зданий наводили панели и трафареты.

Многие художники до глубокой старости сохранили любовь к своему ремеслу. И хотя дома не расписывали, но ящик с красками и художественными принадлежностями берегли.

12.3 РОСПИСЬ ИНТЕРЬЕРА И ПРЕДМЕТОВ БЫТА

Домовая роспись

Уральская домовая роспись поражает прежде всего своей монументальностью: расписываются сени, изба, горница, палаты, заборки, грядки и многое другое.

Истоки мотивов росписи, надо искать в древнерусском искусстве, символики язычной Руси, частично перешедшей в христианство и дополненной безудержной, безграничной фантазией народных художников.

В уральском доме можно было увидеть удивительные росписи в виде невиданных растений, крупные и причудливые по формам: спиралью, с крылышками, гребешками, короной, похожие на солнце, маленькие пузырьки, перья, полураскрытые хлопковые коробочки. Такое же многообразие форм листьев, плодов и других всевозможных растительных и зооморфных мотивов. Основа композиций обычно дерево, куст, ветка, букет, круг-венок, от которых подобно ручейкам в разные стороны разбегаются гирлянды цветов и ягод, тут же висят гроздья винограда, плоды красной и черной смородины, цветы черемухи. Корни. Стволы деревьев и кустов напоминают земных и морских чудищ. Среди этого «райского сада» порхают и сидят певчие птички, павы и сирены, жар-птицы, совы и филины, гуси, тетеревы, желтые петухи с голубыми гребнями, курицы, экзотические павлины, попугаи, фламинго, лежат львы, бегут гордые кони и шустрые собаки. Очень образно выписаны птицы: фазаны, птицы – бойцы, птицы – певуны.

Художники изображали и людей, делая их героями картинок глубокого содержания со смешливыми надписями.

Размеры красочного панно выбирались соответственно площади расписываемой поверхности. На стенах, простенках обычно изображали «сады», а палатный брус расписывали вытянутыми по горизонтали гирляндами или букетами из цветов и ягод. На потолке размещали венки, круги с наугольниками, солнце.

В построении композиции мастера пользовались своей системой модулей, выработанной практикой. Расписывать начинали с более крупных форм, а затем переходили к мелким, это помогало организовать композицию по законам равновесия и симметрии.

В избе первый акцент делался на обратной стороне двери. На ней часто изображали древо жизни с птицей на вершине. Человека, впервые видевшего роспись, да еще в зимнее время, когда все чувства обострены, охватывало какое-то оцепенение: в жилой избе – цветущий сад.

На стенке голбца чаще всего пышный вазон с кустом цветов, но встречались и стилизованные бытовые сценки, где действовали люди, звери, птицы.

На двери голбца, которая вела в подполье, а считалось, что в подполье обитает сверхъестественное существо-домовой, охранитель дома и с ним надо жить в согласии, художниками изображались древние молитвы круг солнце и древо жизни.

Необычайно интересны композиции подполатного угла, на которых изображались вазоны с пышными разрастающимися плодов и цветов, на вершинах или в центре которых по обеим сторонам обязательно размещались характерные птички (супружеская пара); или львы в паре с птицами павами (мотив, чаще всего встречающийся у вятских мастеров). Продольная и поперечная стены подполатного угла нередко смотрелись пышными коврами в красивом живописном оформлении.

На остальных простенках избы мастера свободно и смело вводили разнообразные мотивы и сюжетные сценки.

В избах нередко встречаются темно-пурпурный цвет-символ тяжелой жизни крестьянина, политой потом и кровью; зеленый надежный, жизни, подвига; белый чистоты, бессмертия; голубой девственности; светло-желтый, золотистый славы и царственности.

Из мебели в избе расписывали обеденный стол, посудный шкаф и комод, который стоял в простенке на лавке или на полу, как бы отделяя избу от кухни (середы).

Цветочным орнаментом расписывалась лицевая часть шкафа; у комода же, как правило, разделялись боковые стенки «под мрамор» или «под орех».

Обеденный стол окрашивался разными цветами, при этом доминировали: красный, синий, зеленый, светло-коричневый. В центре столешницы на красном фоне изображался зеленый круг-символ жизни-с желтой окантовкой. Углы столешницы тоже окрашивались в желтые цвета.

Если мастеру хорошо платили, то интерьер избы расписывался весь, т.е. не только его крупные части, но и оконные и дверные проемы, карнизные доски над окнами, полки, божница, а также мебель, утварь, орудия труда и быта: стол, табуретки, комод, деревянная кровать, тренога, кросна, зыбка (люлька), прялка, швейка, детская качака, бочонок для кваса, деревянный дойник, бураки, посуда и многое другое.

Роспись избы дополняли половинки, занавески, лоскутные одеяла, домотканая яркая одежда, рушники и живые цветы. Трудно найти в интерьере избы участок, который бы выпал, все умело сгармонировано по цвету. Окраска избы и роспись были строго подчинены внутренней планировке, тактично, с чувством вкуса и меры усиливались и дополняли художественную выразительность всего помещения.

Избы и горницы расписывались по дощатой обшивке и по бревнам, где пазы оклеивались тканью или заделывались рейками. Встречается, правда редко, роспись по ткани, обычно она применялась для оклеивания углов и узких простенков. В некоторых случаях стены под лавками и скамейками в избах и горницах разделялись «под мрамор». На Урале горницы были в пятистенных и четырехстенных домах. Горницы были теплые (зимние) и холодные (летние). Их называли чистой половиной дома-чистые горницы. Здесь жили молодые, устраивались праздники. Все это заставляло живописца относиться к росписи горницы более творчески. Для горниц мастера готовили просветленные, праздничные тона: бледно-голубой, белый, светло-зеленый, светло-желтый, золотистый.

Особенно следует сказать об архитектуре изб. Снаружи они кажутся небольшими, но внутри широки и просторны. Рациональна их планировка. Здесь нет ничего лишнего, все продумано до мелочей. Вдоль стен идут широкие лавки на которых могут разместиться человек тридцать. Условно избы разделаны на три функциональные части. От двери идет подпалатный угол-прихожая, где развиваются оставляют верхнюю одежду, умываются, поят скотину из лохани, верхний ярус этой части (справа от двери) печь с голбцем и слева от двери-полати. Полати и печь предназначены для отдыха и сна. Здесь могут разместиться человек пятнадцать. Перед печью пространство отведено для кухни (середы), где размещается бытовая утварь, пекутся хлеба, готовится пища. Иногда кухня отделяется от избы цветастой ситцевой занавесью.

Красный угол с пространством до полатей служит как бы столовой, а также местом для приема гостей, исполнения обрядов.

Домовая роспись выполнялась масляными красками. Техника письма была несложной, почти не применялся трафарет, в изобразительном плане – очень живописна. Кисть художника не шла рабски по контуру, не раскрашивала ранее намеченный рисунок, а самостоятельно строила и творила. Орнамент создавался сразу, на глаз, в результате чего изображение получало свежесть, сочность и наивную непосредственность. В росписи преобладали цветовые тона: зеленый из местных минеральных красителей, оливково-зеленый, суриковый.

Обычно народные живописцы брали в поездку краски, на месте их растирали, используя олифу. После подготовки поверхности выравнивая, очистки пемзой, шпаклевки или склеивания тканью, делалась окраска, грунтовка (на два-три раза).

По готовому фону наносились пятна крупных цветов, бутонов, листьев, плодов и пальцами делалась «подмалевка», мелкие ягодки выполнялись без нее. Отделка делалась кистями: мастер моделировал форму мотива, сердцевинку, лепестки цветов и прописывал задуманный рисунок листьев. Каждая краска наносилась своей кистью. Нередко применяли беличьи

хвосты, заячьи лапки. Основной прием уральской росписи получил название «разбел». На кисть брали две краски основную и на кончике белила. Кисть вращали таким образом, чтобы белила ложились во внешнему краю мазка, по контуру мотива. Таким образом белильную оживку выполняли одновременно с цветной прокладкой. Этим самым достигался очень живописный эффект в росписи, звучность ее красок: постепенный медленный переход от одного цвета в другой, неповторимая игра цветовых оттенков, когда живописные мазки просвечиваются один, из-под другого, создавая сечение нижних слоев из-под верхних, мягкость и нежность очертания рисунка. Эта особенность уральской росписи была замечена при исследовании.

Оранжевые цвета имели в росписи до четырех тонов; голубые – до трех. Например, синий цвет имел темно-синие, звонко-васильковые и бледно голубые тона. Когда роспись подсыхала, для объединения отдельных деталей в букет, куст, ветку, гирлянду, наносили черные приписки и цветные травки. Они придавали композиции орнаментальность и форму, задавали определенный ритм. Участки, намеченные для разделявания «под мрамор», «под орех» (двери, коды, нижняя часть стен), растушевывались по сырой грунтовке в нужный цвет.

В целом же роспись выполнялась в едином стилистическом ключе достигая большой звучности красок и их разнообразия. Русское народное искусство необычайно многообразно. Начиная от громадных храмов построек, крестьянских изб, мельниц, амбаров и кончая одеждой и всей утвари.

Роспись предметов быта

На Урале и Зауралье существовали глубокие традиции в росписи предметов быта-мебели, женских орудий труда, утвари и посуды. Роспись предметов быта были сосредоточены в районах наиболее населенных: Алапаевский, Верхотурский, Артемовский, Невьянский, Белоярский, Сухоложский, около Кунгура красили коромысла; неподалеку от Оханска делали крашенные сани-кошевки, телеги: к северу от Перми, на юге Обве красили деревянную утварь, бондарную посуду; резьбой и росписью украшали весла в Усольском районе; в Зауральский район, Талицком и Шадринском, точили, расписывали и лакировали деревянные чашки; на юге, у Далматова, изготавливали прялки.

Уральские расписные прялки

Среди предметов быта особое место занимают прясницы. Такое название прялок было распространено в Алапаевском районе.

Прялки появились в далекие времена язычества, когда человек начал делать нить. Древние символы, которыми украшали прялки, утратили свой религиозный смысл, став просто декоративными элементами. В уральское деревне девочек, начиная с семи лет, учили прясть, садили за детскую прялку. С возрастом отец покупал или делал взрослую прялку, нередко они передавались по наследству от матери. Прялки были свадебным подарком, женихи делали их сами, вкладывая в эту работу свое мастерство и душу.

В уральских прялках по конструктивному принципу довольно четко различаются три типа: корневые, составные и токарные. Корневые и составные прялки относятся к более старым, завезенным первыми переселенцами. В горных заводах они дали начальные формы вещам, получавшим при развитии промыслов более широкое распространение: прялка с гребнями, гребням и шейкам.

Прялки-корневушки делали сами крестьяне. Эти прялки, носящие северное название «копыл» и ласкательное «коренка», «корневуха», были самых разнообразных форм. Прялка с пластичной, изогнутой, как лебединая шея, ножкой и небольшой лопаткой встречается в северных районах Пермской области.

В Алапаевском районе в основном были распространены прялки-корневушки. Лопасть прялки делали широкую, немного изогнутую поперек, чтобы лучше прижимать куделю. Резьба на лопасти делалась редко. Столик у прялки тонкий, его украшали трехгранномчатой резьбой и раскрашивали. К донцу прялки столик находился под тупым углом. Донце раскрашивали одним тоном, иногда разделявали «под мрамор». Точеные прялки в Алапаевском районе появились только во второй половине XIX в. А вот в Белоярском районе было налажено их производство, поэтому корневушки здесь встречались реже.

Прялки расписывались в одно время с избой. В основном, на красном фоне, на красно-оранжевом, зеленом, синем, немного - на коричневом и желтом. Мотивы в росписи прялок аналогичны настенным, только модуль взят другой. Цветы, гирлянды, ягоды, листья, стебли, птички. В композициях больше изображается букет, встречаются также: вазон, дерево, ветка.

Красильщики, чтобы угодить хозяйке дома, очень нарядно оформляли прялки. Такая прялка выявлена в селе Коптелово у Калининой Варвары Тимофеевны. На красно-оранжевом фоне большой пышный букет синих и коричневых цветов с зелеными листьями. Внизу букета изображены две синие птички. Роспись веселая, праздничная. Вся композиция заключена в рамку. Если прялка расписывалась для замужней женщины, то изображались две птички, а если для девушки – одна.

Очень забавно выглядят детские прялочки. В селе Ялунинском, у Малыгиной Марии Петровны, найдена такая прялочка, расписанная с обеих сторон. На одной изображена зеленая ветка, на которой сидит смешная

нахохлившаяся синяя птичка. Такая же птичка на обратной стороне- на виноградной лозе.

12.4. ОСОБЕННОСТИ КРАСИЛЬНОГО ПРОМЫСЛА В УРАЛЬСКИХ РЕГИОНАХ

Кунгурские росписи

В Кунгурском округе, известном развитыми кустарными промыслами, существовали корневые и токарные прялки. Они отличаются стойкостью пропорций и характерным рисунком верхнего края лопасти в виде гребня с тремя полукруглыми вырезами. Их росписи были разнообразными. Это объясняется тем, что выполняли их не только местные, но и «проходящие из России» маляры, которые, соблюдая сложившиеся местные композиции и применяя любимые цветовые сочетания, всегда вводили в роспись элементы привносимой традиции.

В поздних росписях можно выделить работы костромских, нижегородских, олонецких мастеров, например, росписи с характерным для костромичей сочетанием травянисто-зеленого фона с оранжево-белыми цветами-купавками.

В целом кунгурскую роспись можно отнести к живописному типу русских кистевых росписей. Ее особенностью были компактные цветочные мотивы, довольно плотно заполняющие поверхность. На Урале любили холодные тона, предпочитая в окраске фона зеленые, голубые, синие тона.

Ну а если брали теплые цвета фона – оранжевый, золотистый, красный, то холодные тона цветочных мотивов сводили ощущение теплоты колорита к минимуму.

Построение композиций кунгурских прялок соответствует чуть вытянутой форме лопасти: излюбленной была композиция цветущего дерева с сидящими на нем птицами; примыкают к ней раппортная, основой которой были три цветка, расположенные на оси симметрии, и круговая композиция из нескольких, чаще шести цветов, расположенных в центре лопасти.

Далматовская роспись

Токарные-точечные из сосны с рельефно выступающей текстурой древесины-прялки добротны и сработаны. В них хорошо сочетается раскраска ножки с живописной декорацией лопасти. Украшали их ярко, расписывали значительно свободнее, сообразуясь только с размером расписываемой поверхности. В композиции прялки есть сходство со стенописями, где распространен принцип панно и необязательно симметрия. Здесь те же наугольники и небольшое центральное пятно-венчик, букет или птица, сидящая на пересекающей все поле веточке. В далматовских прялках

сложилась своя разновидность живописной росписи, подкупающая лихой и артистичной манерой исполнения.

В горнозаводских селениях бытовали токарные и составные прялки. В нижнетагильских и невьянских прялках можно увидеть все известные виды украшения-«графическую» роспись с тюльпанами, купавками и ягодками, «живописную» с тагильскими розами, и простую раскраску «под малахит», наведение рисунка поталью, сочетание росписи с тиснением и резьбой. Формы прялок нередко были замысловатыми – лопасти со сложными узорными краями делали отдельно от ножки.

Роспись женских орудий труда

Такое же внимание в росписи женских орудий труда художники уделяли швейке, на которой женщины шили одежду, скатерти, рушники, полога, носовой платочек милому. Швейки оформлялись изящно, с большим вкусом. В декорировании швеек главенствовали резьба или токарная работа, а потом уже делалась роспись. Формой многие швейки напоминали Эйфелеву башню или колокольни церквей. Оформлялись они просечной резьбой в три-четыре яруса.

Между ярусами наносилась трехгранно-выемчатая резьба. Расписывались швейки многоцветно. Как и прялки швейки делились на два типа: коренушки и точеные. Стоянки точеных швеек нередко расписывали разноцветными яблоками. В донце, у основания стояка, выдалбливалось гнездо, ящик для хранения ниток и иголок. К головке швейки прикреплялась льняная тряпочка, за которую крепилась ткань.

Часто в руках женщины можно было увидеть рубель, или каток. Раньше вся одежда была из домотканого полотна, грубая. С помощью катка женщины гладили одежду, делая ее мягче. Рубель украшали так же резьбой и росписью. В д. Таборы у Блиновой Натальи Филипповны сохранился рубель, на котором по зеленому фону изображен букет красно-белых цветов с темно-зелеными листьями, в основании ручки рубеля – резной геометрический ромбовидный узор. Верхняя плоскость рубеля, выявленного в д. Катышка у Торопова Ермолая Павловича, покрыта трехгранно-выемчатой резьбой, в центре изображено два солнышка. Расписан каток коричневыми, синими, зелеными цветами.

Бурачный промысел

На Урале также был распространен бурачный промысел: изготовление и роспись бураков-туесов. В бураках хорошо хранилась пицца в поле, на покосе. Использовали их и для сбора ягод.

Центры бурачных промыслов: Нижняя и Верхняя Салда, Нижний Тагил.

Только в Нижней Салде было 15 таких центров. Позднее изготавливали белые бураки, т.е. не раскрашенные, в Армашевской, Махневской, Красногорской волостях. В XVII и XVIII веках белые бураки украшали тиснением при помощи металлических чеканов. В начале XIX в. тиснения стали расписывать. В конце XIX и в начале XX вв. от тиснения отказались и только расписывали.

Роспись нижнесалдинских бураков отличалась от росписи нижнетагильских. В Нижней Салде бураки расписывали на ярких фонах – красном, светло-зеленом, оранжевом, красно-вишневом, сиреневом. Композиция росписи была несложная, компактная и емкая. Мотивы: ветка, цветок, иногда букет или травяной орнамент «травка-вьюнок». Письмо слабое, неуклюжее.

Нижнетагильские бураки расписывались профессионалами, их композиции симметричные, хорошо уравновешенные. Сюжеты росписи сложные. Например, на одном из бураков на темно-зеленом фоне изображены два букета цветов с виноградной лозой головкой сахарницы и свечой. Во время росписи избы украшались также сундуки.

Были случаи, когда крестьяне сами делали сундуки без оковки. На сундуке, выявленном в д. Тычкиной у Тычкиной Аграфены Ивановны, по красному фону наведены черные полосы, изображающие железную оковку. Передняя стенка сундука расписана белыми и зелеными цветами.

Помимо этих предметов, росписью украшались коромысла, вальки, жбаны. Росписью и резьбой декорировались также набелки кросен.

Знакомство с уникальной коллекцией Нижнесинячихинского музея-заповедника дает некоторое представление о еще одном пласте народной художественной культуры, расширяет наши познания в области духовной и творческой жизни уральцев.

Обвинская роспись

Одной из самых самобытных разновидностей сельской росписи Прикамья является обвинская. Для нее характерен единый принцип решения, в котором главную роль играет сильный контраст цветового фона с растительным орнаментом. В центре композиции, на оси симметрии, расположены цветы, а травка-длинные, пушистые стебли, заполняют свободное пространство.

Река Обва, в долине которой расположились селения – приток Камы и находится к северу от Перми.

Наиболее вероятным временем появления обвинской росписи можно считать середину XIX века. Об этом говорит одна любопытная деталь. Почти во всех обвинских росписях, особенно в прялках, встречается восьмилепестковый цветок, похожий на звезду, цвет лепестков чередуется – красный с белым, синий с белым и т.п. Звезду от остальной росписи отделяли

рядами точек или кружков, чтобы обратить на нее внимание подобный цветок часто ставили на изделиях северных раскольничьих мастерских.

Обвинская роспись — это особый вид народных уральских росписей, в которой получили развитие орнаментально-графические элементы. Сначала живописная и сдержанная по цвету, она превратилась в красочную мозаичную графику. Это произошло благодаря массовому изготовлению вещей на рынок, что требовало упрощения приемов росписи, а также благодаря изменению вкусов крестьянства, которому стали нравиться вещи гораздо более яркие, чем раньше.

Жбаны или лагуны чаще всего украшавшие росписью. Это были деревянные сосуды, сделанные из дощечек-клепок. Их отличительной особенностью были ручка и носик, их вырезали из специально подобранных кусков дерева, а также крышка, укреплявшаяся на ручке шарниров. На крышке делали остроумный замок, не позволявший ей открываться при переноске. Дощечки-клепки делали из сосны, обручи — из мелкого черемушника, ивняка или рябинника. В лагунах хранили древний напиток — брагу, возили квас на покосы.

Обвинской росписи свойствен холодный колорит: синий, черно-зеленый, пронзительно голубой или зеленоватый, цвета молодой листвы фон обычно сочетается с теплыми тонами растительных мотивов. Но встречается теплая гамма росписи. Мазки кисти скупы и точны, отдельные элементы сделаны одним цветом, отчего они играют, как камушки смальты. Колористическое чутье мастера проявляется при первоначальном подборе красок, а в процессе работы он только чуть увеличивает или уменьшает отдельные цветные пятна. Графичность мотивов и локальность окраски создают особую декоративность обвинской росписи. Крестьянские мастера добивались в своих вещах сильного цветового эффекта, рассчитанного на привлечение внимания в базарной сутолоке. О ни применяли сближенные по светлоте краски, что усиливало впечатление насыщенности каждой в отдельности и всей росписи в целом. На оранжевом фоне они делали голубые листья, а разживку желтой. Если фон был зеленый, то в орнаменте преобладал красный. Остальные цвета были подголосками, усиливающими или смягчающими основной цветовой контраст. Все это свойственно и расписным обвинским прялкам. Роспись размещали на обеих сторонах лопатки. Композиция росписи традиционна для обвинских прялок — три цветочные группы расположены на оси симметрии.

В обвинской прялочной росписи встречаются необычные композиции, живописные приемы письма, что связано с индивидуальным творчеством мастеров. Но все ее варианты объединяет образ необычного цветущего дерева и кусты. Еще одна особенность обвинской росписи — архаичность ее композиции.

В русском народном искусстве Прикамья вместе с тем издавна существовали своеобразные варианты композиций древа жизни. Взять хотя бы раскрашенную глухую резьбу «расписных веселок» из села Орел. У орловских весел необычная форма. Они более похожи на прялку, нежели на весло, -квадратная, иногда чуть вытянутая, с закругленными краями лопатка, вырезанная с длинной ручкой из одного куста дерева. На обеих сторонах лопасти выступает резной орнамент – три лучеобразные розетки и разнообразные мотивы, как прожилки листа, пронизывающие лопасть и зрительно связывающие ее с рукоятью. Замыкает композицию облегающая края полоска трехгранного выемчатого орнамента.

Литература

1. Арбат Ю.А. Русские народные росписи по дереву. М.: 1970.
2. Барадулин В.А. Уральский букет. Народная роспись горнозаводского Урала. С.:1987.
3. Коллекция Самойлова И.Д. Каталог уральской росписи уральских домов и предметов быта. С.: 1988.
4. Матвеева Т.А. Изготовление художественных изделий из дерева М.: 1992
5. Маерова К.Л. Русское народное искусство. М.: 1990.
6. Народный промысел. Встречи с самобытными мастерами. М.: 1994.
7. Популярная художественная энциклопедия. М.: 1990.

12.5 ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ МУЗЕИ РЕГИОНА

Нижнесинячихинский музей-заповедник деревянного зодчества и народного искусства (с. Нижняя Синячиха Алапаевского района Свердловской области)

Известный далеко за пределами Свердловской области Нижнесинячихинский музей-заповедник – одна из подлинных жемчужин народного искусства Урала. Музей создан Иваном Даниловичем Самойловым – известным уральским коллекционером и реставратором. Для посетителей музей открыт 16 сентября 1978 года. В 1794-1824 годах в поселке Нижняя Синячиха талантливые зодчие построили Спасо-Преображенскую церковь – один из лучших храмов на Урале. В годы Советской власти храм был закрыт, медленно разрушался. Возрождение его из небытия и запущения связано с именем Ивана Даниловича Самойлова, под руководством которого здесь в начале 1970-х годов начались реставрационные работы. Благодаря ему с 1979 года вокруг Спасо-Преображенской церкви начали собираться памятники уральского деревянного зодчества. Из различных уральских мест сюда свезены уникальные образцы деревянного зодчества – часовни, мельницы,

амбары, сторожевая башня, пожарная каланча, крестьянские избы. Так возник Нижнесинячихинский музей-заповедник под открытым небом.

В отреставрированном Спасо-Преображенском храме XVIII века экспонируется уникальная коллекция народной росписи домов и предметов быта, собранная в Алапаевском, Верхотурском, Режевском, Верхнесалдинском, Ирбитском, Тугулымском районах. Самое раннее произведение живописи относится к 1869 году, а позднее – к 1914 году. Многие произведения с автографами. И.Д.Самойлову удалось установить 67 имен живописцев: 43 кармакских (из деревень по р. Кармак Тугулымского района), 5 вятских, 1 из Екатеринбурга, 18 мастеров местожительство не указали.

Собранные воедино произведения народной живописи дают представление о развитии на Урале самобытной художественной культуры. Такая роспись облагораживала и одухотворяла все, что столетиями человек создавал из дерева и бересты. Но ее не стоит считать явлением, принадлежащим только истории. Роспись необходимо возродить, чтобы использовать в оформлении общественных и жилых зданий, сувениров, игрушек.

На базе нижнесинячихинской коллекции расписного дерева проходят семинары художников и мастеров предприятий народных промыслов, педагогов детских художественных школ и студий, здесь занимаются школьники и студенты.

На нижнем этаже Спасо-Преображенского храма разместилась коллекция икон, церковной утвари, книг. В праздники здесь проходят службы.

Создание музея деревянного зодчества в Нижней Синячихе началось со сторожевой башни (XVIII в.). Башню высотой 35 м, в 60 рубленых венцов Иван Данилович привез из поселка Красногвардейского Артемовского района Свердловской области. Срублена башня в «чашу с остатком». Над ее квадратным срубом расположена смотровая площадка. Венчает башню шатер со шпилем.

Из соседнего села Арамашево в заповедник была привезена башня острога и фрагмент частокола (постройка XVII в.). Раньше такие крепости-остроги были надежной опорой от набегов татар и башкир – в них находили спасение жители соседней округи.

Ветряную мельницу, доставленную в Нижнюю Синячиху из Гаринского района, срубил в 1916 году вятский плотник Егор Червяков с сыновьями.

К началу XX века относится и другая постройка – здание пожарной с дозорной вышкой. В свое время вся деревенская жизнь была тесно связана с пожарной: сюда приходили, чтобы поделиться новостями, побеседовать о хозяйственных делах. Со стороны тракта к пожарной пристроен навес, под которым стоят две старинные пожарные машины.

Найти постройку XVII века – редкая удача. Целую усадьбу по частям, привезенным из разных деревень, создал И. Самойлов. Такие усадьбы XVII века ставились русскими поселенцами на Урале по берегам малых речек, в 1-2 верстах от устья – выхода к большой реке. Так же она поставлена и в музее: на берегу речки Синячихи, в 2 км от впадения ее в Нейву. Дом – из сосны на крепком фундаменте из лиственницы. Возле избы – амбар с навесом, погреб, колодец с «журавлем». Баня «по-черному» сколочена всего из трех бревен огромной толщины. В глубине ограды – сарай, притоны для скота и конюшня. Все постройки обнесены оградой из бревен и массивных столбов. Постройки созданы одним топором, пропорции соблюдены удивительно точно. Декоративные элементы просты и уместны – карнизы над окнами украшены «сухариками» и бегунцом. Все рационально и все красиво, красота и польза неразрывны.

К концу XVIII века избы в селах и деревнях начинают выстраиваться по прямой линии вдоль дорог, по берегам рек и озер, образуя «порядки» улиц.

Изба и хозяйственные постройки размещаются в замкнутом дворе, окруженном высоким забором-заплетом с монументальными глухими воротами.

Бревенчатый самцовый фронтон старый, XVII века, но причелина и полотенец украшены резьбой.

Наличники окон XVIII века в Нижней Синячихе украшены трехгранномычатой резьбой с «солнышками» – излюбленный мотив на Урале. Неповторимое впечатление оставляет их роспись – букеты цветов и розетки.

Если посмотреть на пятистенный дом XIX века издали, он ничем особо не выделяется, таких немало. Но на его фасаде можно увидеть очень красивую резьбу. Богатством и выразительностью резного декора поражают наличники окон, про-пильной резьбой украшен широкий карниз.

Сияют накладной резьбой большие ворота: в центре – стилизованное солнцезеро, по краям – резная рамка, в углах – лучи солнца.

На территории Нижнесинячихинского музея-заповедника можно увидеть несколько часовен. Из села Останина была привезена часовня Александра Невского и установлена на Камушке – утесе над речкой Синячихой. Это необычная по архитектуре часовня – восьмерик с ротондой наверху. Она обшита тесом, украшенным фасками и галтелями. На наличниках окон – нашившая красная и зеленая рельефная резьба по белому фону. Красно-розовые углы ставней также обрамлены зеленым цветом. Ставни двустворчатые, в центре каждого – «солнышко», обведенное зеленой каймой. Вся роспись – яркая и сочная.

Часовня Ильи Пророка расположена на территории кладбища. Такие часовни вплоть до XVIII-XIX веков стояли в отдаленных глухих деревнях, в скитах и на сельских кладбищах. Часовня невелика, срублена в простую

«чашу». Чело сруба украшено причелинами. На крыше тусклым серебром отливают осиновый лемех главки, над ней – деревянный крест.

Часовня Савватия и Зосимы Соловецких – первозданной красоты бревенчатый сруб. К материнскому сруб-клету примыкает с западной стороны второй, меньший – дочерний. Крыша часовни из четырехскатной переходит в восьмигранную, вогнутую, наверху ее – деревянный барабан, увенчанный шлемообразной главкой с золоченым крестом. Окна украшены четырьмя большими резными наличниками. Над меньшим срубом возведена колокольня-восьмерик. Высокие арочные проемы, ввысь устремленный восьмигранный шпиль с золоченым крестом придают ей изящество и стройность.

Торжественно выглядит крыльцо – его крышу поддерживают две резные колонны, на фронте – резной орнамент.

Красно-коричневые стены, белизна цоколя, дверей и карнизов, травяной орнамент карнизов – такова часовня Вознесения с ярко-голубой крышей с двумя золотыми главками.

Село Нижняя Синячиха с ее уникальным музеем-заповедником в последнее время стало местом паломничества многочисленных туристов, в том числе и иностранных.

Коптеловский музей истории земледелия и быта крестьян (с. Коптелово Алапаевского района)

Музей открыт в октябре 1969 года. Основал его А.Г. Потоскуев – ветеринар по профессии, прекрасный знаток крестьянской жизни. С 1993 года музеем руководит Л.Ф. Русаков – страстный любитель старины. Если А.Г. Потоскуев был собирателем, то Л.Ф. Русаков стал музейным педагогом и просветителем. От других музеев Коптеловский музей отличается педагогической направленностью работы. Причем ей подчинено и содержание экспозиции. Здесь в посетителе видят не только наблюдателя и слушателя, но и собеседника, партнера.

История с. Коптелово, основанного в начале XVII века, представлена в каменном торговом доме 1903 года. В специально построенном здании развернута экспозиция, раскрывающая сельскохозяйственные занятия крестьян: весенние полевые работы, сенокосную страду, уборку урожая, обработку зерна, продажу излишков зерновой и молочной продукции. В павильоне крестьянских ремесел организованы комплексы: средства передвижения и упряжь; орудия обработки дерева, льна, конопли, шерсти; предметы ухода за скотом и птицей в домашних условиях; гончарное дело; хлебопечение; домашняя утварь и посуда для воды, молока, приготовления пищи, переработки зерна, сбора грибов и ягод и др.

Кузнечное ремесло представлено отдельным комплексом – в кузнице, где оборудовано рабочее место кузнеца и размещена выставка предметов, рожденных в огне горна под ударами молота.

Уникальный объект музея – крестьянский жилой дом середины XVII века. Дом называют «избой бабы Кати», т.к. последней хозяйкой, у которой он в 1972 году был приобретен, была Е.Т. Калинина. В доме сохранилась обстановка без всяких изменений и покраски: русская печь с западной справа от входной двери, лавки вдоль стен шириной до 60 см, залавок на кухне, брусчатая грядка, полки над окнами, полати, бревенчатый потолок. Здесь можно получать знания не только о русской строительной культуре, но и об обычаях и обрядах, способствующих возведению благополучного жилища, а также о символическом осмыслении стен, окон, потолка, матицы, порога, лавок, печи, крыши. Сотрудники музея знакомят с большим набором магических символов, связанных с проживанием в жилище.

Сохраняется и изба Ивана Коптелова – первого жителя села. Стоит она не на фундаменте, а на четырех пнях.

Объектом экскурсионного посещения является родник, с которым предание связывает основание с. Коптелово. В последние годы обновлен чан, на дне которого бьет мощный родник, над чаном срублена и освящена часовня, установлены листовенничные желоба для стока воды. Для посетителей музея разработана увлекательная экологическая программа «Живи, родник».

На базе музея проводятся районные краеведческие конференции, названные «Потоскуевскими чтениями» в честь основателя музея. Коптеловский музей активно работает с ветеранами села. Здесь устраиваются посиделки, на которых вспоминаются прожитые годы и звучат песни, отмечаются золотые свадьбы. Ветераны пишут для музея воспоминания и приносят экспонаты, реставрируют старую одежду, готовят традиционные блюда для праздников, литературных и музыкальных встреч, встречаются с молодежью. Работает фольклорный коллектив ветеранов, который популяризирует русскую народную песню.

Музей предлагает посетителям прокатиться на лошадях по селу и даже поучаствовать в конно-спортивных праздниках.

Коптеловский музей имеет филиалы в с. Голубковское и Костино Алапаевского района. Голубковский музей специализируется на показе домашних ремесел и семейных обрядов, а Костинский музей добивается раскрытия истории села через изобразительное творчество земляков.

Архитектурно-этнографический музей «Хохловка» (д. Хохловка Пермского района Пермской области)

Музей «Хохловка» открыт для посетителей с 17 сентября 1980 года. Площадь его – 42 гектара. Весь музейный комплекс делится на три сектора в

соответствии с основными этнографическими зонами Прикамья: Северо-Западное Прикамье, Северное Прикамье, Южное Прикамье. Кроме секторов выделяются два тематических комплекса, объединяющие сооружения солепромышленного и сельскохозяйственного назначения. В музее представлены памятники деревянной архитектуры Пермского края конца XVII-начала XX веков. Во многих из них размещаются интерьеры и выставки, создаваемые научными сотрудниками музея.

Идея создания архитектурного музея под открытым небом была предложена в 1966 году известным пермским архитектором А.С. Терехиным. В 1968 году главный архитектор области Н.Н. Кукин предложил разместить музей деревянного зодчества около с. Хохловка. Для окончательного решения из Москвы выезжала комиссия во главе с архитектором В.В. Маковецким. В результате Пермский облисполком в апреле 1969 года принял постановление о создании около Хохловки музея деревянного зодчества, строительство которого поручили Пермским специализированным научно-реставрационным мастерским. Все работы по созданию музея финансировали Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры, затратившее в 1970-1980-е году свыше 2 млн. руб., и областное управление культуры. В марте 1971 года Министерство культуры РСФСР утвердило эскизный проект музея, разработанный архитекторами Г.Л. Кацко, Г.Д. Канторовичем и А.С. Терехиным. В начале 1980-х годов был рассмотрен эскизный вариант генерального плана, выполненный архитекторами Пермграждан-проекта Н.Д. Зелениной и Ф.Н. Нигматуллиной. В 1981 году для детализации генерального плана музея «Хохловка» были привлечены специалисты Московского проектного института.

Сектор «Северо-Западное Прикамье» знакомит с коренным населением Пермского края – коми-пермяками. Восстановлены усадьбы середины XIX века из д. Яшкино Юсьвинского района и 1910-1920-х годов из д. Дема Кочевского района. Жилая часть состоит из двух изб. Сзади к ним примыкают дворы. Воссозданный в избе П.И. Кудымова интерьер знакомит с традиционными конструктивными особенностями жилища, обстановкой и утварью.

ГЛАВА 13. КОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ МИР РЕГИОНА

13.1 РЕЛИГИИ УРАЛА

Самой многочисленной по числу верующих и по количеству храмов на Урале является Русская Православная Церковь (РПЦ). Христианство на Урал начало проникать с XI – XII вв. Однако целенаправленное движение его в крае начинается с конца XIV в. в деятельности миссионера Стефана

Пермского. Широкое распространение христианства связано с процессом укрепления Московского централизованного государства и с его освоением Урала и Сибири в течение XVI в. Наиболее активно этот процесс начался с похода *Ермака*. В каждом поселении, крепости строились церкви, часовни, в XVI – XVII вв. возникли монастыри. В XVII в. Раскол в РПЦ привел к тому, что на территории Урала стали прибывать сторонники старой веры (*старообрядцы*). На Урале преимущественно прибывали с Приморья, с берегов Белого моря, где обосновывались беспоповцы – поморцы, филипповцы, федосеевцы. Они создавали тайные скиты и поселения в глухих местах, многие из них позднее слились в часовенные согласия. В начале XVIII в. Начался новый приток сторонников староверия с берегов реки Керженца. В конце XX в. на территории Урала находятся: белокриницкое согласие, беспоповское согласие, часовенное согласие.

Второй по численности приверженцев на Урале является ислам. Оживление численности мусульманских организаций началось с конца 1980-х годов. Главой мусульманских религиозных общин на Урале является имам. Духовное управление мусульман Урала находится в Уфе. В Екатеринбурге открыты курсы арабской графики и основ ислама.

Среди религий Урала важное место занимает иудаизм, который утвердился здесь с середины XIX в. В годы советской власти синагоги были закрыты. В 1990-е годы под синагоги используют частные дома. Общины иудаизма зарегистрированы в Екатеринбурге, Кургане, Перми, Челябинске, Тюмени.

С XVIII в. на Урале появляются представители католицизма и лютеранства: пленные и специалисты в области горного дела. Оформление общин начинается во второй половине XIX в. Во второй половине XIX в. в России распространяются христианские общины протестантского направления. На Урале с конца XIX – начала XX в. образуются баптистские общины. До 1929 г. наблюдалась их активная деятельность и рост числа организаций. Антирелигиозная борьба, развернувшаяся в связи с дискриминационной политикой по отношению к церкви, привела к резкому снижению количества объединений баптистов, они существовали в виде малочисленных сект, часто на нелегальном положении, поскольку отказывались от регистрации. С 1987 года начинается увеличение баптистских организаций во всех регионах Урала. В областных центрах зарегистрированы и активно работают общины баптистов, имеющие молельные дома и проводящие занятия для детей в воскресных школах. Уральские общины баптистов тесно связаны с общинами Сибири и России.

С середины 1950-х на Урале распространяются общины Адвентистов седьмого дня (АДС). Адвентизм, от лат. «пришествие» – учение, проповедующее скорое пришествие Христа. «Седьмого дня» – значит, что

они чтят седьмой день (субботу) как установленный Богом день памяти о сотворении мира.

Общины христиан веры евангельской зарегистрированы на Урале в 1990 г., входят в состав Объединенного союза христиан веры евангельской. Община соблюдает принципы: добровольность вхождения, выхода и пребывания в церкви при условии соблюдения требований устава, признание государственного устройства и отказ от политической деятельности ее членов и самой церкви. Основная цель – проведение духовно-просветительской и нравственно-воспитательной работы через проповедь Евангелия.

В 1992 г. на Урале зарегистрирована новоапостольская община. Первое богослужение было проведено в октябре 1991 г. в Екатеринбурге апостолом Драве из Гамбурга. Новоапостольские приходы существуют в Екатеринбурге, Нижнем Тагиле, Каменске-Уральском, Краснотурьинске, Полевском, Невьянске, Тюмени, Кургане, Челябинске. Богослужения проводятся на русском и немецком языках. Новоапостольская церковь придерживается политики нейтралитета.

Новоапостольские христиане верят во всемогущество Бога, создавшего мир и правящего вечно, в бессмертие души, в продолжение жизни после смерти на земле, в возможность спасения всех людей, в Воскресение и Вознесение Христа. Новоапостольская церковь признает три святых таинства: крещение водой, запечатление духом святым, причащение.

В 1990 г. образованы на Урале общины христиан – методистов. В соответствии с законом о религии РСФСР община была зарегистрирована под названием: Первая объединенная методистская церковь России. В методизме соблюдаются четыре таинства: крещение, причащение, миропомазание, священство. Отмечаются все христианские праздники, службы проводятся строго в соответствии с каноном. В методистской церкви Екатеринбурга работает школа, в которой кроме обязательной программы осуществляется программа духовного развития. Прихожане церкви опекают детей из интерната для слабослышащих, проводят миссию «Больной ребенок» в детских больницах, проводят работу среди одиноких и больных пенсионеров. Методистская церковь существует также в Верхней Пышме, Челябинской области. Екатеринбургская церковь выпускает газету «Светоч методизма»

С 1990 г. на Урале появились представители движения Сознания Кришны (вайшнавы). В августе 1990 г. гуру Шрила Прабхавишну Свами провел встречи с уральскими вайшнавами в Перми. Общество Сознание Кришны было зарегистрировано в Екатеринбурге, Ижевске (1990 г.), в Перми, Тюмени (1991 г.), в Челябинске, Кургане (1993 г.). Кроме того, существуют центры в Оренбурге, Нижнем Тагиле, Златоусте, Каменске-Уральском, Нягани, Березниках. Во всех городах, где были зарегистрированы центры Общества Сознания Кришны, была развернута деятельность гуманитарной миссии «Харе Кришна – Пища для Жизни», которая собирала

пожертвования, готовила и распространяла пищу нуждающимся слоям населения. В 1992 г. в Екатеринбурге была открыта первая на Урале и третья в России ведическая гимназия «Гурукула», в Перми – музыкальная группа «Ниргуна-шоу», в Екатеринбурге – детский кукольный профессиональный театр. Уральские центры объединены в регион, которым руководит Шрила Прабхавишну Свами. Религиозным секретарем (вице-президентом) является Чайтанья Чандрадас. В январе 1995 г. на Урале насчитывалось около 1000 активных членов Общества Сознания Кришны.

В 1990 г. на Урале зарегистрирована Вера Бахаи – религия последователей Баха-Уллы, которые рассматривают свою религию как мировую. Основные принципы были провозглашены Бабом (1819-1850 гг.) и Бахауллой (1817-1892 гг.) и раскрыты Абдул-Баха (1844-1921 гг.), они сводятся к следующему: единство рода человеческого; отказ от всех форм фанатизма – религиозного, национального, патриотического, политического; всеобщий мир; международный трибунал для поддержания мира и справедливости; самостоятельный поиск истины, гармония и взаимодополненность науки и религии; всеобщее обязательное обучение; равенство мужчин и женщин. В государствах, где имеются общины Бахаи, находятся национальные духовные собрания, в городах и районах имеются местные духовные собрания Бахаи (Екатеринбург).

С 1992 г. на Урале работает представительство церкви объединения, которая была основана Сан-Мен-Муном в 1954 г. в Корее.

Епархии

Епархии – церковно-административные области, включающие в себя приходы, то есть городские или сельские округа, прихожане которых посещают один храм. К моменту христианизации Урала епархиальное устройство Русской православной церкви было связано с границами губернии, не отличавшихся стабильностью. Их изменение было обусловлено как расширением территории государства, так и ростом и миграцией населения. В наиболее крупных епархиях со времен Екатерины II с целью совершенствования управления назначались викарии – помощники епархиальных архиереев. Викариатства порой выделялись в самостоятельные епархии.

Первые церкви и приходы Урала подчинялись Пермской епископии, возникшей в результате успешного миссионерства Стефана Пермского. С 1383 г. кафедра епископов находилась в Усть-Выми, с 1564 г. – в Вологде. Приходы Южного Урала с 1555 г. подчинялись Казанской епархии. В 1620 г. по решению патриарха Филарета и царя Михаила Федоровича была учреждена Сибирская и Тобольская епархия. (В 1768 г. переименована в Тобольскую и Сибирскую) с кафедрой епископа в Тобольске. Приходы Северного и Среднего Урала вошли в ее подчинение. 5 декабря 1657 г. была

образована Вятско-Великопермская епархия с кафедрой в Вятке, некоторые из приходов Сибирской и Тобольской епархии перешли в ее подчинение (в частности Чердынского и Соликамского уездов). Самостоятельные Епархии на Урале появились в XVIII в. (1799 г.): Оренбургская и Пермская. В 1859 г. из Оренбургской епархии выделена Уфимская. В 1908 г. в Оренбургской Епархии учреждены викариатства Челябинска и Урала, переданное в том же году в Самарскую Епархию. В 1833 г. в Пермской Епархии учреждено Екатеринбургское викариатство, преобразованное в 1885 г. в Епархию. В 20-40-годы XX века на Урале существовало более 30 епархий, подчиненный Московскому Патриархату, примерно столько же обновленческих и 5 «григорианских». До 80-х годов под давлением советского правительства число епархий сокращалось. В 1991 г. была восстановлена Челябинская епархия, в 1993 г. – Курганская. На 1 января 1995 г. на Урале было 6 епархий: Оренбургская и Бузулукская; Екатеринбургская и Верхотурская; Кировская и Симбирская; Пермская и Соликамская; Челябинская и Златоустовская; Курганская и Шадринская.

Церковное зодчество

Церковное зодчество зародилось на Урале при христианизации Верхнего Прикамья в XV в. Длительное время сооружались почти исключительно деревянные храмы, преобладающим типом которых был клетский (церковь села Янидор Чердынского района, 1707 г.). Уникальна деревянная церковь в селе Пянтег того же района (XVII в.), рубленая шестериком и сходная по облику с крепостной башней. Первые каменные храмы своеобразно сочетают композиционные заимствования из московского и ярославского зодчества середины XVIII в. с деталями, навеянными местными деревянными постройками (Троицкий Собор в Соликамске, 1684-1697 гг.); характерно богатое убранство фасадов, включая квадратно-ромбический орнамент – «жучок» (Богоявленская церковь, там же, 1687-1695 гг.). Оригинальную переработку получают проникшие на рубеже XVIII в. мотивы «московского» («нарышкинского») барокко. На Урале для него характерны трехчастное построение объемов, в том числе в двухэтажном варианте, «крещатое» (по сторонам света) пятиглавие, акцентировка углов ордером, наличники со спиралевидными и волютообразными завершениями (соборы Троицкий в Верхотурье, 1703-1710 гг.; Спасо-Преображенский в Усолье, 1724-1731 гг.). Указанные черты в основном сохраняются и получают дальнейшее развитие в середине и второй половине XVIII в. (Введенский собор в Карпинске, 1767-1776 гг.); Петропавловская церковь в Североуральске). Вместе с тем строятся отдельные церкви в духе столичной барочной архитектуры петровского (Кафедральный собор в Екатеринбурге, 1771-1795 гг., не сохранился) или елизаветинского (Входо-Иерусалимская церковь в Нижнем Тагиле, 1764-1776 гг., не сохранилась) времени;

встречается объединение приемов сибирского и уральского барокко (девятиглавая Спасо-Преображенская Церковь в селе Нижняя Синячиха Алапаевского района, 1794-1797 гг.). После переходного от барокко к классицизму этапа (Никольская церковь в селе Быньги Невьянского района, 1789-1797 гг.) утверждаются зрелые классицистические формы. Типичны крестообразные или кубические храмовые объемы, венчаемые одним либо пятью куполами и украшенные колонными портиками (Никольская церковь в Усолье, 1813-1820 гг., архитектор А.Н.Воронин; Александро-Невский Собор в Ижевске, 1820-1823 гг., архитектор А.Д.Захаров и С.Е.Дудин; Александро-Невский собор Ново-Тихвинского монастыря в Екатеринбурге, 1814-1852 гг., архитектор М.П. Малахов и др.). Известны также храмы-ротонды (Новокладбищенская церковь в Перми, 1832 г., архитектор И.И. Свиязев). С вытеснением классицизма эклектикой в середине XIX в. распространяется русско-византийский стиль с присущими ему крупными луковичными главами, килевидными закомарами и порталами (Вознесенская церковь в Каслях, 1852 г.; Христорождественский собор в Кыштыме, 1857 г, архитектор Э.Х. Сорториус). К концу XIX- начала XX века наблюдается смешение романского и византийского стилей (Крестовоздвиженский собор Николаевского монастыря в Верхотурье, 1905-1913 гг., архитектор А.Г. Туркевич), но наибольшей популярностью пользуется «псевдорусский» стиль, своим измельченным кирпичным декором подражавший «узорочью» древнерусских построек (Феодосиевская церковь в Перми, 1910 г., архитектор А.И. Ожегов; Никольская в Кунгуре, 1917 г. и многие другие). Влияние данного стиля отразилось на архитектуре мечетей, но при соблюдении исламских канонов (мечеть в Перми, 1902 г., архитектор А.И. Ожегов). В 1920-80-е годы церковное строительство на Урале не велось. В современном церковном строительстве предпочтение отдается традиционным формам.

Монастыри Урала

Монастыри (греч. monasterion – уединенное жилище): 1) форма общины монахов, живущих по определенному уставу и соблюдающих религиозные обеты; 2) комплекс богослужебных, жилых, хозяйственных и других построек, огражденный, как правило, стеной. Первым на Урале в 1462 г. был Чердынский Богословский монастырь, основанный епископом Ионой для крещения коми-пермяков. Наиболее активно процесс образования монастырей шел во второй половине XVI-XVII в. в связи с колонизацией края.

Уральские монастыри возникали традиционными путями. Основание ряда уральских монастырей связано с подвижнической деятельностью отдельных монахов. Некоторые из них выбирали для будущих обителей населенные пункты, расположенные около основных дорог,

административных центров. Например, Трифон Вятский основал в г. Хлынове Успенский монастырь (1580 г.), в г. Слободском Богоявленский монастырь (1599/1560 гг.); Иона Пешехонец – около Осинской слободы Преображенский монастырь (начало 90-х XVI в), в г. Верхотурье Николаевский монастырь (1604 г.); Нифонт – около г. Тюмени Преображенский монастырь (1616г.). Другие монахи, движимые идеей пустынножительства, создавали обители на землях, принадлежавших коренному населению и еще не освоенных русскими переселенцами. Например, Исецкая пустынь (в дальнейшем Далматовский Успенский монастырь), основанный старцем Долматом в 1644 году, была первым русским поселением в долине р. Исети. Активную деятельность по созданию сети монастырей в районах крест. освоения развил архиепископ Сибирский и Тобольский Киприан в 1620-21 гг. в связи с созданием Сибирской епархии. По его инициативе в Верхотурском уезде возникли Невьянский Богоявленский, Туринский Николаевский мужской монастырь, Верхотурский Покровский женский монастырь. Меньшее распространение, чем в европейской части России, получили ктиторские монастыри, создававшиеся на частновладельческих землях. В 1559-1560 гг. А.Ф. Строганов основал Пыскорский Преображенский монастырь и перед смертью принял в нем постриг. В дальнейшем Строгановы обеспечили этот монастырь земельными владениями, соляными варницами. На их средства в монастыре велось строительство храмов, келий и хозяйственных построек, приобреталось церковное имущество. Строгановы также стали ктиторами Пыскорского Введенского женского и Чусовского Успенского монастырей. Как приходской возник Соликамский Вознесенский монастырь, основанный в 1589 – 1591гг. посадскими людьми Соли Камской. Первоначально он управлялся вкладчиками. В XVII крупные монастыри европейской части России создавали на Урале свои колонии (заимки), либо мелкие уральские монастыри приписывались к ним. Например, в 1631г. Чердынский Богословский монастырь был передан в управление Троице-Сергиевской лавры. Все уральские монастыри были общежительными (монашество). Как правило, рядом с мужским монастырем возникали женские и становились приписными к ним. Государство поощряло деятельность монастырей, но не было заинтересовано в чрезмерном увеличении их богатств (вотчина духовная, монастырская, крестьянская). Монастыри сыграли заметную роль в хозяйственном освоении Урала, духовном просвещении коренного и русского населения (духовное образование). Для многих переселенцев монашеские вотчины становились временным пристанищем на пути в Сибирь, где, пользуясь поддержкой монастырей, можно было поправить свое материальное положение и получить социальную защиту. Далматовский монастырь, имевший каменные укрепления, занимал важное место в системе оборонительных сооружений от набегов башкир, использовался в качестве

тюрьмы, в него ссылались на исправление провинившиеся священноцерковнослужители.

В начале XVIII в. на Урале было 39 монастырей (в Вятско-Великопермской епархии – 11 мужских и 5 женских монастырей, вместе с пустынями – 30, на территории Сибирской епархии находилось 6 мужских и 3 женских монастыря). В 20-е годы XVIII в. по Духовному регламенту ряд малобратственных монастырей были закрыты, а монахи переведены в другие монастыри. Особенно это коснулось вятских монастырей – из 16 их осталось 10. В 1764 г. были введены штаты и количество монастырей значительно сократилось. Были упразднены Соликамский Вознесенский мужской и Преображенский женский, Верхотурский Покровский женский, Далматовский Введенский женский и другие монастыри. Некоторые из них были возобновлены в XVIII-XIX вв. Все оставшиеся монастыри были разделены на три класса по установленной форме штатных монахов и монахинь.

Во второй половине XIX-начала XX в. количество монастырей резко увеличилось, особенно женских. В отличие от предыдущего периода все новые монастыри возникали из общин (иногда начинались как богадельни), отличавшихся от монастырей тем, что члены общины не принимали монашеских обетов, исполняя все правила, установленные для послушников. Обычно настоятельницей (настоятелем) общины являлась монахиня (монах). Общины переименовывались в монастыри при наличии достаточных источников содержания без участия казны и с условием учреждения какого-либо богоугодного заведения и церкви. На Урале самым крупным из возникших подобным образом и единственным первоклассным был Ново-Тихвинский женский монастырь в Екатеринбурге (1809 г.). В 1913 г. в нем находилось 135 монашествующих и 321 послушница. При монастыре были детский приют, школа, богадельня, странноприимный дом, свечной завод, 18 мастерских (в том числе золотошвейная, иконописная, живописная). В 1909-1910 гг. на Урале было 20 мужских и 41 женский монастырь (в Екатеринбургской епархии – 3 мужских и 10 женских, в Пермской – 2 мужских и 7 женских, в Вятской – 7 мужских и 7 женских, в Оренбургской – 2 мужских и 8 женских, в Уфимской – 6 мужских и 9 женских). Декретами Советского правительства от 20 и 23.01.1918 г. имущество монастырей было объявлено народным достоянием и в 20-нач.30-х годов XX в. они были закрыты. Вновь стали открываться в 90-е XX в. В конце 1994 г. на территории Урала действовало 5 мужских и 7 женских монастырей.

Иконостасное дело

Иконостасное дело, как один из видов художественной резьбы известен на Урале с XVII в. До 176 главные центры – мастерские при Тобольском архиерейском доме. Среди резчиков – выходцы из Новгорода, Соли

Вычегодской, Великого Устюга, обучавшие учеников из вотчинных земель епархии. С начала XVIII в. здесь же работали киевские мастера, привнесшие традиции «украинского барокко». Как развитые центры культурной резьбы известны в регионе мужские монастыри – Пыскорский Преображенский (1560-1797), Верхотурский Николаевский (1604-1920-е), Далматовский Успенский (1644-1920-е).

Со второй половины XVIII в. искусство резьбы широко распространено в Соликамске, Чердыни, Тобольске, Тюмени и Туринске. Особенно славились туринские мастера «украшавшие иконостасы очень порядочной живописью и изящной резьбой, далеко лучше суздальской работы». В начале XIX в. резчики иконостасов работали в Перми – 1, Соликамске – 2, Чердыни – 3, Кунгуре – 2, Екатеринбурге – 4, Ирбите – 2, Верхотурье – 3. Над оформлением уральских церквей много трудились и артели московских, ярославских, суздальских, вятских резчиков. С середины XIX в. в регионе появились первые частные иконостасные заведения. В 1900-е специализированные мастерские работали в Екатеринбурге – 8, Камышлове – 2, Шадринске – 3, Верхотурском у. – 3, Кунгуре – 1, Чердыни – 1, Оренбурге – 2, Уфе – 1, Челябинске – 1 и Орске – 2. Известные мастера в Екатеринбурге: Н.Н.Антипин (1888-1914), П.О.Кожевников с сыновьями (1860-1910-е), Н.Г.Стариков (1856-1917); в Перми: А.Н.Мамаев (1889-1914), В.Ф.Швецов (1895-1914) и А.С.Рякин (1907-1916); в Шадринске: В.В.Лазарев (1887-1890-е), Чердыни: В.И.Федосеев (1868-1910). Наиболее ранний из сохранившихся до наших дней – иконостас Пыскорского мужского монастыря для нового здания Преображенского храма в обители (1758-62). В 1781 перенесен в Пермский кафедральный собор. Типичный пример позднего времени – иконостас Свято-Троицкой церкви Ирбита (1906-09), перенесенный мастерской Кожевникова в Екатеринбург.

Иконопись Урала

Уральская иконопись — одно из наименее известных явлений русской художественной культуры XVI-XX веков. Она формировалась на стыке разнообразных стилевых течений и под влиянием культурных традиций, привнесенных на Уральскую землю переселенцами из самых разных регионов России. Иконопись Урала долгое время представляла собой одну из ветвей провинциальной сибирской культуры, постепенно приобретая особые черты, характерные для искусства горнозаводского Урала. Здесь наряду с официальной иконописью, находившейся под большим влиянием светской академической живописи, получила развитие старообрядческая иконопись, стремившаяся сохранить древние традиции, а также существовала фольклорная икона, широко бытовавшая в народе и связанная с архаичными пластами искусства.

Освоение Урала русскими началось в XI-XIV веках с проникновения в Северное Предуралье «вольных людей» из Великого Новгорода. Они строили поселения в

верховьях рек Вычегды, Печоры и Камы. Одновременно с освоением новых земель шла христианизация народов, населявших Урал: коми, пермяков, вогулов, башкир, татар. Во второй половине XIV века своей миссионерской деятельностью прославился Стефан Пермский, сам писавший иконы, впоследствии канонизированный церковью. Культ святого Стефана Пермского получил на Урале широкое распространение.

В XV-середине XVI века на Урал проникают «москвитяне». С этого времени история и культура Урала тесно связана с Москвой.

В 1621 году создается архиепископство с центром в Тобольске, что ставит под контроль Московской патриархии всю религиозную жизнь Урала и Сибири.

Говорить о собственно уральской иконописи можно только с середины XVIII века. Касаясь первых десятилетий XVIII века, приходится ограничиваться документальными свидетельствами и преданиями. Уральскую иконопись XVIII века, как и иконопись этого периода России в целом можно условно разделить на три направления: заказы Православной Церкви, поддерживаемые Святейшим Синодом и государством и ориентированные на западно-европейскую культуру того времени; иконы, которые создавались преимущественно для старообрядцев; иконопись фольклорная, бытовавшая среди народа.

Первое направление захватило, в основном, Прикамье и Зауралье. В одном случае это объясняется географической близостью к Москве, в другом – тем, что в Зауралье, с его административным и религиозным центром в г. Тобольске, было также сильно влияние Церкви.

Второе направление характерно, прежде всего, для горнозаводского Урала, ставшего оплотом «древлеблагочестия». Уральская старообрядческая иконопись начинает проявлять черты самобытности, очевидно, с 1720-1730-х годов, когда к раскольникам, ранее переселившимся на Урал из центра России и с Поморья, присоединились после «выгонок» с верхней Волги, Керженца и из районов, граничных с Польшей новые переселенцы – старообрядцы.

Литература

1. Белогорский Свято-Николаевский православно-миссионерский мужской монастырь. – Пермь: изд-во «Звезда», 1997. – 30 с.
2. Бугаева, Н.И. Далматовские мастера-каменщики в Тобольске. /Н.И. Бугаева. // Древнерусская традиция в культуре Урала. Материалы научно-практической конференции 28-30 апреля 1992. – Челябинск : ЧОКГ, 1992. – С.41-55.
3. Воронова, Т. Путешествие в Далматово. / Т. Воронова. // Автограф. – 2000. – №2. – С.30-33.
4. Золотов, Е.К. Памятники Верхотурья. / Е.К. Золотов; под науч. ред. А.А. Старикова. – Екатеринбург : изд-во «Архитектон» Уральской государственной архитектурно-художественной академии, 1988. – 192 с.

5. Очерки истории и культуры города Верхотурья и Верхотурского края. – Екатеринбург: изд-во Урал, ун-та, 1998. – 288 с.
6. Пономаренко, Е.В. Архитектурные ансамбли центров Кыштымско-Каслинских заводов на Южном Урале. / Е.В. Пономаренко. // Культура и искусство в памятниках и исследованиях: Сб. науч. тр. / Науч. ред. Н.П. Парфентьев. – Челябинск : изд-во ЮУрГУ, 2003. – Вып.2. – С. 127-146.
7. Православные храмы Троицка. Сборник статей и материалов./ Под ред. иеромонаха Антония (Бутина). – Троицк, 2005. – 87 с.
8. Третьякова, Т.Н. Историко-культурное наследие региона. В 2-х частях. / Т.Н. Третьякова, С.В Федорова., М.С. Локтева – Челябинск : УралГУФК, 2007. Ч.1 – 392 с., Ч.2 – 496 с.
9. Уральская историческая энциклопедия. 2-е изд. – Екатеринбург : Академкнига, 2000. – 624 с.

13.2 ХРАМЫ РЕГИОНА

Практически все города Урала возникли как горнозаводские поселения и имели характерный облик: пруд, плотина и металлургический завод. В Верхотурье было иначе. Кремль – резиденция воеводы, посад – наследие средневекового русского города, православные монастыри – оплот церкви в далеком необжитом крае.

Если внимательно посмотреть на архитектуру старых городов, то можно увидеть, что все дороги были спланированы так, что они вели к храмам Божиим. И это не случайно. Ранее на Руси храмы были средоточием духовной жизни народа.

Сама архитектура храма чаще всего имеет форму корабля, который подобно корабельной мачте увенчивается крестом. В этом тоже есть своя символика. В волнуемом житейском море храм – это спасительный корабль для человеческой души. А купол, увенчивающий храм, одновременно символизирует собою гору Голгофу, на которой был распят Христос, и Царство Небесное, доступ в которое открыт всем безропотно несущим жизненный крест. Такими мыслями и переживаниями руководствовались наши праотцы, которые строили святые храмы Божии.

Храмы Верхотурья

Постепенное превращение Верхотурья в значимый административный и экономический центр Зауралья выдвинуло на первый план необходимость постройки зданий, соответствующих престижу государственной и духовной власти. Богатые горожане стали вкладывать денежные средства в строительство храмов. Сооружаются Покровская церковь, Иоанно - Предтеченская.

Верхотурский кремль. Строительство деревянной крепости Верхотурья началось в 1598 году. Выбранное для крепости место и было использовано для возведения в 1698-1712 годах каменного кремля. Наиболее ранние исторические источники свидетельствуют о том, что строительству деревянного «города», или крепости, предшествовали изыскательные и проектно-сметные работы.

Крепость начали строить в 1598 году, следуя распоряжению царя Федора Ивановича.

Исторические сведения о постройках деревянного кремля немногочисленны и отрывочны. Можно предположить, что крепость представляла в плане вытянутый прямоугольник, в центре которого располагалась Троицкая соборная церковь. Здесь же находилась резиденция воеводы, размещался воинский гарнизон с арсеналом оружия, располагались амбары для хранения хлеба.

Деревянная крепость неоднократно страдала от пожаров, но каждый раз возобновлялась вплоть до 1698 года, когда по указу Петра I взамен деревянной крепости началось строительство «каменного города», или кремля.

Верхотурский каменный кремль (1698-1712 гг.) представлял собой гигантскую усадьбу дома воеводы, по периметру обстроенную крепостными стенами с башнями. Другие кремлевские здания – собор во имя Живоначальной Троицы, приказные палаты, житные амбары, караульня и поварня – также были размещены по периметру участка и образовывали с крепостными стенами непрерывный фронт застройки.

Автор проектного замысла кремлевского ансамбля Верхотурья до настоящего времени не установлен, хотя имеются отрывочные архивные материалы о московских и соликамских мастерах-каменщиках, участвовавших в строительстве. Как бы то ни было, Верхотурский кремль можно уверенно отнести к числу ярких памятников русского градостроительства рубежа XVII – XVIII веков.

Троицкий собор являющийся неотъемлемой частью кремлевского ансамбля, заслуживает внимание как выдающийся памятник церковного зодчества Урала. В нем воплотился прекрасный образ православного храма, полный легкости, света и праздничного настроения.

Доктор искусствоведения П.А.Тельтевский отметил яркую индивидуальность Троицкого собора, выразившуюся в сочетании храмового восьмигранного барабана и крещатого пятиглавия, ориентированного по сторонам света.

Первые упоминания о деревянной Троицкой соборной церкви с приделом Федора Стратилата относятся в 1601 году. Спустя шесть лет к собору был пристроен второй придел – в честь Рождества Христова.

Дореволюционные фотографии дают нам представление о церковном убранстве интерьеров кремлевского собора. Его стены украшали живописные священо-исторические изображения, выполненные московским мастером В.И. Звездиным в 1887 году. Иконы четырехъярусного иконостаса были написаны в начале XVIII века иеромонахом Тобольского архиерейского дома Иоанном.

Среди священных реликвий, сохранившихся в соборе, следует отметить позолоченное серебряное кадило, два престольных креста, два Непрестольных Евангелия и Образ Святой Живоначальной Троицы, пожалованных в разные годы царем Алексеем Михайловичем Романовым.

На колокольне соборной церкви были установлены 109-пудовый колокол, отлитый в 1845 году и восемь малых колоколов.

Троицкий собор – замечательный памятник уральского зодчества начала XVIII века. Он дает отсчет первым каменным храмам Зауралья и выступает в качестве оригинального образца, повлиявшего на облик ряда церквей в Верхотурье и в Сибири.

Парадные ворота кремля (начало XVIII века) можно отнести к наиболее ярким архитектурным достопримечательностям Верхотурья XVIII века. Они решены по сходной композиционной схеме и представляют собой гармоничное продолжение стилистической темы фасадного убранства Троицкого собора.

На территории кремля имелась **деревянная часовня** в честь чудотворцев Космы и Дамиана, возведенная не позднее 1782 года над могилой Космы Юродивого.

Спустя 200 лет после возведения кремля из зданий и сооружений петровского времени остались лишь Троицкая соборная церковь и два восточных прясла крепостной стены с парадными воротами

Николаевский мужской монастырь. Верхотурская мужская обитель относится к числу первых православных монастырей Зауралья. Ее основателем стал черный священник Иван Прокофьев – выходец из Осинского Преображенского монастыря. В 1602 году царь Борис Годунов распорядился приступить к строительству храма и келий. Освящение монастырского Николаевского храма состоялось в 1604 году.

В дозорных книгах 1624 года упоминались деревянная церковь Николая Чудотворца. Сохранились сведения о нахождении в монастыре деревянного Успенского храма. В начале XVIII века в Николаевской обители существовала еще одна церковь – Покровская.

В 1704 году в обитель были перенесены мощи праведника из Меркушина, которое по преданию было обнаружено нетленным спустя пятьдесят лет после погребения. Это знаменательное событие позволило ходатайствовать о строительстве новой каменной церкви. Первый каменный

монастырский храм Николая Чудотворца с Симеоно-Анненским приделом возводился с 1712 года за казенный счет. Освящение церкви состоялось спустя 26 лет с момента ее закладки, что объяснялось повсеместным запретом вести каменное строительство, отправкой мастеров в новую столицу Санкт-Петербург.

Каменная Николаевская церковь сочетала архаичные формы и детали, характерные для храмового зодчества русского северо-востока. Это выразилось в использовании лопаток, мотива кокошников на фасаде храмового объема. В конечном итоге церковь получила облик, далекий от принятого образца – кремлевского Троицкого собора.

С 1750-х годов сооружение каменных построек возобновилось. За счет пожертвований построены каменные стены с нарядными святыми воротами, которые воспроизводили архитектурные формы и декоративные мотивы крепостной стены.

В 1800-е годы в Николаевском монастыре возводится двухэтажный Настоятельный корпус. Эта постройка отметила начало строительного периода, в течение которого были сооружены здания, продолжавшие украшать монастырь в следующем столетии и придавшие ему законченный вид. Монастырь имел асимметричную архитектурно-планировочную композицию. Она формировалась двумя доминирующими объемами монастырских храмов – Николаевской церкви и Преображенского собора, расположенных диагонально относительно друг друга. В начале XIX века был построен настоятельный двухэтажный корпус. Святые ворота и колокольня Преображенского собора подчеркивали главную ось монастырского ансамбля, совпадавшую с направлением трактовой дороги на территории посада. Ансамбль Николаевского монастыря эффектно просматривался из всех частей города.

Преображенский собор имел осевую трехчастную схему объемно-пространственной композиции. Над храмовой частью находился световой барабан, покрытый сферическим куполом. К храмовому объему примыкала прямоугольная трапезная, по бокам которой размещались два предельных храма. Многоярусный приставной объем колокольни венчался фигурным шпилем.

Начало следующего этапа обновления каменного ансамбля Николаевского монастыря было отмечено возведением храма над Святыми воротами и устройством первых каменных башен в системе крепостной ограды.

К концу XIX века монастырские здания и сама усадьба обители стали недостаточно вместительными как для приходивших богомольцев, так и для братии. В первые полтора десятилетия XX века монастырю предстояло неузнаваемо преобразиться. Его территория расширилась, – закончено строительство трех двухэтажных корпусов для размещения братии и

мастерских, а в 1905 году возведена двухэтажная церковно-приходская школа. С 1905 по 1913 годы строится грандиозный Крестовоздвиженский собор, рассчитанный на четыре тысячи молящихся. И, наконец, в 1914 году в монастыре сооружен Дом почетных гостей.

Крестовоздвиженский собор построен по проекту пермского архитектора А.Б.Турчевича. Объемная композиция собора решена по симметричной продольно-осевой схеме: к храмовому объему с тремя аспидами и двумя боковыми притворами примыкает трапезная с хорами. Храм решен по крестово-купольной схеме. Семиглавое завершение соборного объема образовано куполом на высоком световом барабане в сочетании с четырьмя башенками-звонницами и двумя башенками по углам храма. Все венчания – шлемовидных очертаний.

Вокруг здания под карнизами расположены лепной работы изречения из Священного писания и церковных песнопений.

Иконостасы главного и двух предельных храмов – светло-бирюзового цвета, фаянсовые, на железных карнизах. Иконостас главного Крестовоздвиженского храма имеет усложненное двухъярусное строение ордерного типа. Его центральная часть выделена царскими вратами и крупной венчающей иконой с верхом в виде фигурного фронтона. Симметричную ступенчатую композицию дополняют чередующиеся фигурные фронтоны и четыре иконы в обрамлениях, имитирующих башенки. Иконы пяти типоразмеров имеют единообразный трехлопастный верх.

Полы собора выложены многоцветной метлахской плиткой с растительным орнаментом, а также однотонными квадратными и восьмигранными плитками белого, голубого и коричневого цветов.

Крестовоздвиженский собор – один из особо крупных российских храмов, возведенных в первые десятилетия XX века. Образец архитектуры русского стиля, сочетающий своеобразно переработанные мотивы византийского и романского зодчества. Собор примечателен фаянсовыми иконостасами по цинку и каслинским чугунным литьем.

Накануне революции 1917 года древняя уральская обитель приобрела широкую известность. На поклонение чудотворным мощам Праведного Симеона ежегодно прибывало около ста тысяч паломников.

Покровский женский монастырь. Старейшая из сохранившихся в Зауралье женских обителей была основана около 1621 года первым сибирским митрополитом Каприаном, когда он следовал из Москвы в Тобольск для принятия митрополичьей кафедры. В 1624 году в Покровском монастыре упоминались церковь и келии для игуменьи и двух стариц. В 1687 году при монастырской Покровской церкви освящен придел во имя Иоанна Предтечи. После Ильинского пожара, происшедшего в 1738 году, из

Николаевского мужского монастыря в Покровскую обитель был перенесен Покровский деревянный храм. В нем до переноса некоторое время почивали чудотворные мощи Праведного Симеона.

Начиная с 1740-х годов, Покровская обитель перестраивалась в камне. С 1744 по 1753 годы сооружалась Покровская церковь, вслед за ней – Иоанно-Предтеченский храм. Предположительно, в эти же годы были возведены хозяйственные каменные строения и ограда.

Однако строительные успехи обители не помешали ей оказаться в числе других российских монастырей, упраздненных в 1782 году. Но официальное упразднение оказалось фиктивным, поскольку старицы продолжали жить в келиях.

Покровский женский монастырь был открыт вновь в 1907 году. Этому предшествовало строительство для верхотурской общины Покровского второго храма, освященного в 1902 году. В 1903 году возведен двухэтажный каменный корпус, к которому спустя семь лет сделана пристройка. Это здание стало известно как Главный корпус.

Покровский монастырь имел несложное, но вместе с тем выразительное композиционное построение. Доминирующие объемы его церквей были поставлены параллельно друг другу и сориентированы главными входами в сторону реки Туры. Каменная ограда монастыря имела нерегулярный многоугольный план. В центральной части усадьбы находилась Иоанно-Предтеченская церковь, а Покровский храм и хозяйственные строения располагались периметрально, формируя главный фасад монастыря с северной стороны.

Объемно-пространственная композиция Покровской церкви представляла собой широко образец трапезного храма с большим восьмигранным барабаном, поставленным на храмовый четверик. В сдержанном художественно-стилистическом решении Покровского храма сочетались лопатки, колонны большого ордера, рамочные наличники и «жучковатый орнамент».

Иоанно-Предтеченская церковь отличалась в ряду храмов XVIII века объемным своеобразным построением и подчеркнута удлиненными пропорциями многоярусной колокольни высотой около 50 метров.

После перепланировки Верхотурья в конце XVIII – начале XIX века старая усадьба Покровского монастыря была вписана в сетку улиц города. Новое ядро монастырских построек, включавшее Покровскую церковь (1902 год), главный корпус, два келейных здания и корпус мастерских, разместилось на берегу реки Туры в прямоугольном квартале со скошенным углом, все здания были поставлены по периметру участка. Доминирующий объем Покровской церкви находился на одной линии с двумя старыми монастырскими церквями.

Покровская церковь была решена по осевой трехчастной схеме. Ее храмовый объем венчал купол на восьмигранном световом барабане. Колокольня, храмовый купол и апсида венчались луковичными главками. В убранстве фасадов использовались геометризированные мотивы кирпичного декора. Покровская церковь, благодаря своим граненым составным объемам, а также использованию мотива «ломаного карниза» над проемами звона колокольни, приобрела черты художественно-стилистической общности с ранее построенными монастырскими храмами и обогатила облик архитектурного ансамбля.

Курганская область

Успенский Далматов монастырь. Возвышенное место, на котором находится монастырь, называлось в старину Белое Городище. Сюда, на берег реки Исети, у места впадения в нее реки Течи, в 1644 году пришел с иконой Успения Божьей Матери инок Далмат, в миру Дмитрий Иванович Макринский, сын сподвижника Ермака. Образовалась община монахов. Во время одного из набегов кочевников, монастырь был полностью razорен и сожжен. Чудом осталась нетленной одна лишь икона – Успения Божьей Матери. В честь ее и назван монастырь Успенским. Икона Успения Богородицы становится святыней монастыря, символом созидания его духовной миссии и особого покровительства Богородицы. Во имя Успения Богородицы возводится главный храм монастыря. Далмат следует коренной русской традиции – строить Успенские храмы в центре монастырей или городища – Кремля. Вскоре монастырь стал крепостью, надежно защищавшей от набегов татарской орды весь Зауральский край. На монастырских землях селились крестьяне. В 1851 году была построена слобода Служня с Николаевской церковью. Сейчас это город Далматово.

Из грамоты Тобольского митрополита Игнатия 1697 года видно, что церковь Успения Пресвятой Богородицы и ограда с башнями построены монастырскими пашенными крестьянами. В пожарах и набегах монастырские постройки часто горели, поэтому с 1705 года начинается каменное строительство в монастыре. Каменных дел подмастер, житель Тюмени Иван Борисов и московская артель Тимофея Гусева подрядились строить Успенскую церковь. Кстати, эти мастеровые строили в Верхотурье Николаевский монастырь.

Каменная Успенская церковь закладывается 23 апреля 1708 года, а 4 февраля 1710 года освящен ее придел Дмитрия Прилуцкого. В 1714 году возводится колокольня с книгохранилищем и часами. Летопись свидетельствует, что в 1721 году «ограда вся построена преславна». Каменная ограда строится от «воровских ратных людей» основательно: мощные стены и башни с бойницами. В этот год прислали с Невьянского завода в Далматов

монастырь семь колоколов. Из Тобольска направлен иконописец Иван Никитин для подновления святыни монастыря – иконы Успения Богородицы.

К концу 20-х годов XVIII века возводится великолепный архитектурный ансамбль с главной церковью в центре Христорождественской нижней и Успения Богородицы верхней, с приделов Дмитрия Прилуцкого, колокольной с книгохранилищем и часами. Территория монастыря окружена каменной зубчатой оградой с башнями по углам, въездными воротами и надвратной церковью Иоанна Богослова. Позже возводится церковь Всех Скорбящих Радости.

В архитектурном ансамбле Успенского Далматова монастыря воплотились как черты московского зодчества, так и черты соликамской архитектуры, особенно в декорировании стен, кокошников окон, порталов, а также в общей стилистике башен с шатровым завершением.

На строительстве Далматова монастыря оттачивается мастерство местных крестьян: А.Стафеева, А.Денисова, И.Погошева и других. В 1729-1730 годы далматовцы участвуют в строительстве 30 церквей в округе. Мастера из Далматова приглашаются и для возведения храмов Тобольска, Верхотурья, Екатеринбурга, Челябинска. В 1748 году под надзором каменщиков из Далматова монастыря в Челябинске начинается строительство Христорождественского собора.

В монастыре закладываются также условия и для преемственности иконописания. Рядом с Козьмой Черепановым и Иваном Никитиным работает Никифор Иванович Ершов, вскоре ставший признанным иконописцем. С 1763 по 1790 годы в монастыре работает иконописец иеромонах Владимир. Он расписал иконостас придела Дмитрия Прилуцкого.

Кроме зодчих и иконописцев в монастыре складывается группа резчиков и серебряных дел мастеров. Летопись называет имена резчиков Степана Пристлых, Тита Усольцева, серебряников Семена Сильверстова, Федора Ушакова, Ивана Каретникова.

По описи XVIII века в книгохранилище Успенского Далматова монастыря хранилось 136 наименований старопечатных и рукописных книг XVI- XIX веков. В этой библиотеке представлены книги ведущих центров книгопечатания Руси – от «Апостола» и «острожской Библии» Ивана Федорова до книг, изданных Синодом и типографией Киево-Печерской Лавры

В 1761 году в монастыре открывается училище, или старославянская школа; ее учитель – Дионисий Дорофеевич Кривицкий. Через два года она становится популярной в крае.

Таким образом, уже в середине XVIII века Успенский Далматов монастырь – культурный центр Зауралья и Южного Урала. Благодаря активной деятельности монастыря на территории края в XVIII – XIX веков разворачивается строительство храмов, закладываются основы местного

иконописания, совершенствуется мастерство резчиков, распространяются книжные знания, создаются школы. Просветительская деятельность монастыря приносит ему славу и популярность не только на Урале, но и в Сибири.

Через Успенский Далматов монастырь осуществляется связь южных территорий Урала с метрополией через административный центр в Перми и духовный в Тобольске. Так, монастырь и вся русская колония, обосновавшаяся вокруг него, включаются в общенациональный процесс развития русской культуры, переживающей в XVII веке расцвет в связи с оформлением общерусского стиля в зодчестве, иконописи, книгопечатании.

К сожалению, XX век не пощадил Далматов монастырь. Он разрушен, разграблен. Основными свидетельствами его деятельности и культурной миссии на Урале и в Сибири являются летопись монастыря и архивные документы, сохранившиеся благодаря краеведу В.П. Бирюкову.

Храмы Прикамья

Выдающаяся роль во введении христианства в Прикамье принадлежит монастырям, дававшим ревностных миссионеров. Первый прикамский монастырь – Иоанно-Богословский – возник еще в 1462 году. Позднее возникают Пыскорский (1558 г.), Успенский (1570г.), Вознесенский (1589г.) и другие монастыри.

До прихода русских в Прикамье местное население было язычниками. Исторические свидетельства о поклонении аборигенов Перми Великой (пермяков, остяков, вогулов) некоторым деревьям имеются в житиях святого Стефана и преподобного Трифона Вятского.

В связи с расколом Русской православной церкви на Среднем Урале в конце XVII века появляются первые скиты старообрядцев-поморцев. По верхним притокам Обвы – Лысьве, Сепычу, Сабанцу – в 1698 году поселяются высланные из Москвы стрельцы-старообрядцы.

Белогорский Свято-Николаевский мужской монастырь. Белогорский Свято-Николаевский православно-миссионерский мужской общежительный монастырь расположен на живописных отрогах Уральских гор в 85 км от города Кунгура и в 100 км от Перми. Белая гора издавна служила местом спасения и молитвы. С XVII века здесь находились кельи и скиты, где скрывались беглые старообрядцы. В XIX веке здесь было уже немало поселений раскольников разных согласий. Поэтому главным в деятельности первого настоятеля архимандрита Варлаама и его сподвижников стало православное миссионерство.

В 1897 году Святейший Синод утвердил Белогорский монастырь в качестве штатного. Но датой основания считается 1891 год, когда в честь

«чудесного спасения» наследника Всероссийского престола цесаревича Николая Александровича (впоследствии Государя императора Николая Второго) от опасности в японском городе Отсу 29 апреля 1891 года был воздвигнут величественный восьмиконечный крест высотой в пять саженей, прозванный в народе «Царским».

Позже по этой же причине монастырь назван Свято-Николаевским, а главный купольный храм – Крестовоздвиженским. До сих пор это самый крупный храм на Урале, который вмещает до восьми тысяч молящихся. Его высота 53 метра. Построен по проекту Константина Тона, строителя храма Христа Спасителя в Москве. Освящен в 1917 году. Красотой и гордостью обители был еще один храм – Храм Иверской Божией Матери, освященный в 1895 году.

Красоту и величие Белой горы сравнивали с пейзажами Святого Афона, а белогорских монахов – с афонскими, поэтому за монастырем закрепилось почетное название «Уральский Афон».

Белогорский монастырь был устроен по афонскому образцу. Монашеский устав отличался особой строгостью. Игумену монастыря было поручено следить за благочестием всех монашествующих Пермской епархии. Белогорский монастырь является местом исправления для преступивших нравственные и правовые нормы монахов.

В период расцвета, к 1917 году, в монастыре насчитывалось свыше насчитывалось свыше 400 насельников. Богослужения совершались ежедневно по уставу без малейших упущений. В обители существовала обширная библиотека. Мальчишки-сироты обучались в школе при монастыре. Были открыты детский приют и богадельня для престарелых. Мастера иконописи славились верностью строгановскому и фряжскому стилям. Был свой кирпичный завод, мастерская по изготовлению мебели, всего при монастыре было организован 14 ремесленных мастерских. Действовали собственные фотолаборатория и типография. Монахи трудились на больших сельскохозяйственных угодьях, занимались скотоводством, рыболовством и пчеловодством. «Обителью молитвы, поста и труда» назвал Белогорский монастырь один из паломников. Труд иноков стал основой процветания монастыря, входившего в число богатейших в России.

Свидетельством духовного взлета обители стало учреждение «старчества» по примеру знаменитой своими старцами Оптиной пустыни. Для уединения старцев в 1902 году в 5 км от Белой горы был основан Свято-Алексеевский скит. Этот скит называли одной из лучших российских обителей. Основал его отец Серафим, знаток монашеских уставов, духовный писатель борец за православие, самодержавие, народность.

В 1914 году Белогорский монастырь и Свято-Алексеевский скит посетила Великая Княгиня Елизавета Федоровна, председательница

Православного Палестинского общества, и пожаловала большую икону Серафима Саровского с частью камня.

Дальнейшая судьба монастыря не отличалась от судьбы других православных обителей. В первые годы советской власти до основания были снесены Иверский храм и Свято-Алексеевский скит. Пятикупольный Крестовоздвиженский соборный храм больше не использовался по назначению. След многих святынь, привезенных из Иерусалима и с Афона, потерялся в неизвестности. Страшная расправа была учинена над монастырской братией и ее игуменом. Многие из них отошли к Господу, приняв мученическую смерть. В 1919 году отец Серафим принял трудное послушание – сопровождать гроб с телом убиенной Елизаветы Федоровны на Святую Землю. В Житии преподобномученицы отец Серафим называется ее другом и духовником. Белогорский монастырь до конца испил горькую чашу греха богоборчества. На долгие годы сюда пришли осквернение и разрушение.

В 1990 году монастырь вновь был передан Русской Православной Церкви. Сейчас здесь ведутся работы по реставрации храмов, возобновлена монашеская жизнь, регулярно совершаются богослужения, все более увеличивается поток паломников, которым предлагается скромная трапеза и для желающих предусмотрено трудовое послушание. В 1997 году, впервые после 1917 года, был совершен Крестный Ход от г. Перми до Белой Горы (120 км) с перенесением Чудотворных Образов Белогорской Казанской Божией Матери и Святителя Николая. Вновь, как и много лет назад, незримая духовная нить связывает монастырь с величайшими святынями православного мира.

Архитектурные ансамбли Соликамска

В 1430 году на речке Усолке выходцы из Вологды братья Калининковы основали поселение – Усолье Камское, или Соль Камская. История этого города, – в сущности, история самой России, ее становления как могучей и обширной державы. Соликамск поражает всякого, кто увидел его впервые. По мнению специалистов, центральный архитектурный ансамбль города уникален. Расположенный подковой, он включает в себя Крестовоздвиженский собор, соборную колокольню, Воскресенскую церковь, Троицкий собор, Богоявленскую церковь и дом воеводы. Венец ансамбля – Троицкий собор.

Троицкий собор – главный храм Соликамска. В нем хранилась одна из реликвий города – икона Николая Чудотворца, подаренная Иваном Грозным. Собор построен в 1684-1697 годы на месте сгоревшей деревянной церкви. Строительство его было начато на средства соликамских посадских людей, но денежная казна быстро истощалась и горожане обратились за помощью к

царям Иоанну и Петру Алексеевичам оказать денежную помощь от государственной казны. По указу государеву 1688 года пожаловано из таможенных и кабацких доходов города 200 рублей. В память об этом, в южной стене храма был сделан изразец с двуглавым орлом, а на западной стене выложена рельефно корона из кирпича.

Собор пятиглавый, квадратный в плане. Обведен с трех сторон галереей, с четвертой – алтарными полукружиями приделов Иоанна Предтечи и Николая Чудотворца, сомкнутыми со средним алтарем. Архитектура храма легка. Стены богато украшены элементами резных деревянных построек, выполненных в камне: резных крылец, кокошников окон, «жучкового орнамента».

Внутреннее пространство собора перекрыто сомкнутыми сводами, освещается множеством окон.

Собор был центром духовной и общественной жизни Соликамска. В нем служились молебны, посвященные основным событиям города и страны, здесь зачитывались царские указы, приносили клятвы городские головы и бургомистры, отсюда начинались крестные ходы.

В 1917 году Троицкий собор стал кафедральным: в нем служил соликамский викарный епископ Феофан. До 1929 года храм оставался действующим, после закрытия его передали краеведческому музею.

Богоявленская церковь строилась с 1687 по 1695 годы в стиле московского барокко. В основе композиции храма – четверик с традиционным пятиглавием. В центре – величавый куб главного храма, с востока – маленький алтарь, с запада – просторная трапезная и колокольня, с юга – небольшой придельный храм. Колокольня увенчана граненым шатром. Вокруг всего храма идет пояс из архитектурных украшений, а под ним – двойной ряд поливных изразцов местного производства, украшенных причудливыми цветами и птицами, фасады храма украшены богатейшей каменной резьбой. Она настолько виртуозна, что успешно соперничает с резьбой по дереву – белокаменные наличники с тонкими колоннами над карнизами, барочное кружево и ажурные кресты над главами, пояски, полуколонки, балясины, бусины, жгутики. Повсеместно присутствует характерный для соликамской архитектуры «жучковатый» орнамент.

Колокольня Богоявленской церкви – трехъярустная, с 16 колоколами.

Главенствующая роль внутреннего убранства храма принадлежит иконостасу. Центр иконостаса – царские врата, целиком покрытые ажурной резьбой. В иконостас вплетены резные фигуры ангелов, бутоны роз, гроздья винограда, листья, гирлянды цветов, замысловатые рамы и картуши.

В церкви сохранилось великолепное собрание икон XVII – начала XIX веков, выполненные московскими и местными иконописцами.

С 1989 года в Богоявленской церкви расположена музейная экспозиция «Художественная культура Прикамья конца XVII – начала XX века».

Крестовоздвиженский собор основан в 1698 году на месте сгоревшей деревянной церкви и освящен 25 июля 1709 года. Собор был огромный – 60 метров и шириной 26 метров, тяжелой готической архитектуры, одноглавый. Алтарь имел три полукружия, внутри на разделенные стенами. Архитектура храма подчеркивала его предназначение как зимнего собора. Производит впечатление декоративное оформление стен храма. По свидетельствам специалистов, многие детали не имеют аналогов в древнерусском зодчестве. Со всех сторон главный куб опоясан аркатурой, разделенной тройными полуколоннами. Выше тянется многоступенчатый карниз с «жучковатым орнаментом». Крупные рельефные декоративные детали украшают стены храма снаружи.

Внутри собор был украшен стеной живописью с традиционными сюжетами: Рождество, Богоявление, Сретение, Тайная вечеря. Был изображен и епископ Стефан, «поучающий пермяков закону Божию и грамоте». Росписи, как и иконостас, не сохранились.

Собор был действующим до 1930 года, затем его закрыли и передали пищекомбинату. В настоящее время начаты работы по его восстановлению.

Вознесенская церковь особо почиталась родственниками Петра I боярами Нарышкиными. Два представителя этого рода служили соликамскими воеводами, и здесь же похоронены.

Ныробские храмы

Столицей Перми Великой был город Чердынь, первое упоминание, о котором относится к 1451 году. В XVI веке Чердынский уезд был самым крупным в Перми Великой. Самое крупное поселение Зачердынья – Ныроб, который возник в XIII столетии. С середины XVI века в Ныробе селились русские. В 1601 году деревня стала местом заточения Михаила Никитича Романова, которого как представителя царского рода выслал Борис Годунов.

Можно предположить, что первый храм в Ныробе мог возникнуть сразу после кончины М.Н.Романова в 1606 году. Доподлинно известно, что храм Николая Чудотворца был первым храмом Ныроба. Он строился в 1613-1614 годах и сгорел в 1617 году, восстанавливался в 1619 году и простоял до 1680 года. После пожара его вновь воздвигли и служили в нем до 1729 года.

На рубеже XVI-XVII веков строился первый каменный храм Николая Чудотворца. Освящение храма состоялось в 1705 году. Еще Чердынь – столица Перми Великой не имела каменного храма, а в Ныробе он появился.

О постройке Никольского храма в народе сложено предание, согласно которому «храм строился мастерами неизвестно откуда пришедшими. Когда постройка была закончена, мастера внезапно скрылись. Никаких лесов и подъемов у них не было, строили прямо от земли, а что за день строят, то за ночь в землю уходило. А как мастера ушли, церковь вся, как есть, вышла из

земли и стоит до наших дней». Очевидно, это предание возникло под впечатлением необыкновенной красоты храма. Народ до сих пор называет его явленным.

В 1736 году на месте сгоревшего деревянного Никольского храма построили Богоявленскую церковь. Между храмами разместилась каменная колокольня – главенствующее сооружение всего ансамбля. Возведение в Ныробе двух храмов и колокольни определилось стремлением усилить его величие как духовного центра Зачердынья.

Храм Николая Чудотворца традиционной формы, вдоль оси находится двусветный куб, трапезная, граненая апсида. Храм венчает пятиглавие, покрытое деревянным лемехом.

Поражает внешнее украшение храма Николая Чудотворца. Здесь обилие колонок, зубчатых карнизов, закомаров, «жучкового» орнамента. В интерьере храма стоял пятирусный иконостас, в углубления сводов были вмурованы массивные деревянные кресты, в стенах имелись ниши с глиняными сосудами для лучшей акустики. Стены украшала роспись, исполненная на желтке или сусле, а не на масле. Часть сюжетов, повествующих о страданиях Иисуса Христа, и картины Апокалипсиса, дошли до наших дней с большими утратами. На западной стене находится изображение святого Христофора с собачьей головой, которому поклонялись охотники перед началом промыслового сезона.

Одноглавая **Богоявленская церковь** имела вид корабля. Заходили в нее с крыльца, пристроенного с южной стороны паперти.

Наружный вид церкви выглядел скромно, интерьер же, как писали современники, «производил на прихожан чрезвычайно приятное впечатление обилием света и красотой стенной живописи"» Расписывал стены и своды мещанин их Перми А.Н.Мамаев.

В нише северной стены церкви, перед иконостасом была устроена гробница М.Н.Романова. Согласно преданию, на этом месте была могила М.Н.Романова до тех пор, пока его тело не увезли в Москву. Гробница огораживалась низкой решетчатой стенкой. Все устройство сверху закрывалось полукруглым балдахином.

Чердынские храмы

Зимой 1472 года Иван III двинул на Урал экспедицию во главе с князем Федором Пестрым и устюжским воеводой Гаврилой Нелидовым. 26 июня в Москву пришла весть о взятии Пермской земли. 1472 год считается официальной датой присоединения Перми Великой Чердыни к Российскому государству.

На покоренные земли шли русские миссионеры, неся коренным жителям христианскую веру и слово Божье. Еще в 1462 году в Чердыни был

возведен первый христианский храм – церковь Иоанно-Богословского монастыря, основанного епископом Великопермским Ионой.

Сегодня невозможно представить Чердынь без ее храмов. Старейший из них – **Иоанна Богослова**, возведенный в 1704-1718 годах, до сих пор является действующим. В строительстве храма принимали участие шведы, взятые в плен в период Северной войны.

Воскресенский собор, один из красивейших храмов Чердыни, с колокольни которого открывается панорама города, был освящен в 1754 году. Подряд по росписи стен и сводов собора выполнил лучший чердынский живописец XVIII века Леонтий протопопов.

Успенская церковь построена на месте упраздненного в 1764 году женского монастыря. В каменном двухэтажном храме размещалось две церкви – летняя, во имя Успения Божьей Матери, и нижняя, во имя Рождества Иисуса Христа. В обеих сохранились настенные росписи, иллюстрирующие жизненный путь Христа и Богородицы. Ныне в этом здании расположен музей истории веры.

Храмы Тюмени

Тюмень, уездный город Тобольской губернии, достопамятна по древности и важности своей во времена ханского владычества по основанию в ней при покорении Сибири первого русского города и замечательна по красивому местоположению, благоустройству и живописному виду», – так начинает свой рассказ о Тюмени историк XIX века Н.А.Абрамов. Живописный вид городу придавали, прежде всего, творения православного зодчества – церкви, которых в Тюмени было немало.

Распространение Евангелия в Сибири связано с походом Ермака в 1580 году. После гибели Ермака в 1585 году, в Сибирь были посланы воеводы Василий Сукин и Иван Мясной для освоения этой «страны». Достигнув Чинги-Туры, они основали здесь город, названный Тюменью, и построили первую церковь – во имя Рождества Богородицы. Эта небольшая деревянная церковь стала первой русской церковью в Сибири.

В 1601 году выстроено два новых просторных храма: один в городе – во имя Рождества Богородицы, другой, в посаде – во имя Святых Мучеников Бориса и Глеба.

В 1616 году пришедшим из Казани монахом Нифонтом был основан Свято-Троицкий (Спасо-Преображенский) мужской монастырь.

Постепенно деревянные здания заменялись каменными. Во второй половине XVIII века в городе было воздвигнуто пять церквей. Еще шесть появились в XIX веке.

XX век внес коррективу в судьбу храмов – уничтожались святыни, рушились храмы. В 1932 году полностью разрушен Благовещенский собор. Церкви закрывались, а их здания использовались под общежития, склады.

Лишь в конце XX века постепенно стало возвращаться понимание истинного назначения храма. Сегодня многие сохранившиеся храмы обрели свой первоначальный вид.

Свято-Троицкий мужской монастырь (до 1702 года – Спасо-Преображенский) был основан пришедшим из Казани монахом Нифонтом в 1616 году. В 1622 году на территории монастыря была построена первая деревянная церковь во имя Преображения Господня. В 1708 году началось строительство каменного комплекса Троицкого монастыря. Ансамбль монастыря украсили три отдельных каменных церкви с монастырской оградой.

В первой соборной **Свято-Троицкой церкви**, освященной в 1715 году, находилось четыре престола: во имя Живоначальных Троицы, во имя Успения Божией Матери, во имя Преображения Господня, во имя преподобных Антония и Феодосия Киево-Печерских Чудотворцев.

Вторая церковь – **во имя Святых Апостолов Петра и Павла**, была устроена для увековечения дня именин Петра I и освящена в 1755 году.

Третья церковь была освящена **во имя Святых Сорока Мучеников и Великомучеников Дмитрия Солунского и Георгия Победоносца**.

Свято-Троицкий монастырь оставался действующим до 1923 года, до момента закрытия и передачи его в ведение музейного отдела Главнауки. В 30-е годы он находился в ведении Тюменского гарнизона, и здания были доведены до полного упадка.

Лишь в 1946 году вся территория монастыря была признана архитектурно-историческим заповедником, а в 1960 году ансамбль монастыря был причислен к памятникам республиканского, а ныне – федерального значения.

11 декабря 1996 года состоялась передача Свято-Троицкого монастыря Тобольско-Тюменской епархии.

Знаменская церковь. 21 сентября 1768 года на месте сгоревшей деревянной церкви Знамения Божией Матери было заложено каменное здание одноименной церкви. В 1786 году строительство было завершено.

В церкви сооружено три престола: во имя Знамения Пресвятой Богородицы, во имя Святителя Иоанна Златоуста, во имя Божией Матери Скоропослушницы. С 18 июля 1913 года церковь является соборной.

В период Советской власти здание церкви использовалось под общежитие и лишь в 1945 году здание передано религиозной общине в бесплатное и бессрочное пользование.

Вознесенская церковь. На средства прихожан в 1789 году была построена каменная двухэтажная церковь с колокольней и двумя престолами: во имя Вознесения Господня и во имя Святого Великомученика Георгия.

В 1929 году церковь закрыта, а ее здание передано под клуб кожевников и химиков.

В 1976 году здание Вознесенской церкви было причислено к памятникам истории и культуры местного значения. В 1996 году церковь передана Тобольско-Тюменской епархии.

Крестовоздвиженская церковь В декабре 1774 года на месте сгоревшей деревянной церкви во имя Воскресения Христова было заложено каменное здание одноименной церкви. Окончательно церковь построена в 1791 году, а освящена в 1792 году. В церкви два престола: во имя Воскресения Христа и во имя Святителя Николая Чудотворца.

В 1845 году церковь переименована в Крестовоздвиженскую. Переименован и престол.

В начале 1930 года церковь была закрыта, а здание передано под общежитие. В 1949 году были снесены главы церкви.

В 1976 году здание причислено к памятникам культуры и истории местного значения. В 1998 году церковь была отреставрирована.

Церкви Ханты-Мансийского региона

Важную роль в разрушении традиционного уклада жизни аборигенов с самого начала стало играть распространение среди них христианства. Для того, чтобы сделать процесс обращения в новую веру более привлекательным, новокрещеных освобождали от уплаты ясака и давали им различные подарки.

Православные храмы, воздвигшиеся в Березове, Пелыме и Сургуте, с самого начала предназначались для пришлого русского населения, и прежде всего для служилых людей. Между тем, после челобитной Анастасии, вдовы князя Алачея, и ее внука Петра, поданной в 1599 году на царское имя, набранные в Березове плотники приступили в 1600 году к строительству первой в Коде церкви во имя **Живоначальной Троицы** с приделом во имя Святого Николая Мирликийского. Все необходимое для церковной службы (образа, колокола, книги) посылались из Москвы. Первым настоятелем здесь был священноинок Евстратий, именуемый иногда в источниках игуменом.

Через три года рядом с Троицкой была поставлена еще одна церковь – во имя **Святой Зосимы и Савватия Соловецких чудотворцев**.

Помимо княжеской семьи, прихожанами кодских церквей являлись в начале XVII века десять холопов, обращенных в христианство своими господами, и столько же русских годовальщиков, посылавшихся из Березова

в Коду для «береженья» князей Алачеевых от нападения кондинских вогулов. Так в Кодском городке на месте бывшего языческого капища возникло «государево богомолье».

Однако звон колоколов кодских церквей разносился над Обью недолго: в Березовском уезде наступили смутные времена, новая вера была фактически забыта, и спустя несколько лет черный поп Евстратий бил челом царю, что «ему де тут быть не у чего, приходу де никакого нет».

В 1610 году по распоряжению из центра Троицкий храм закрыли, а иконы и книги передали в Березов. Сюда же перевели и Евстратия.

Примерно та же судьба постигла и первую обдорскую церковь во имя **Святого Василия Кесарийского**, которую в начале XVII века в честь своего патрона основал на Ангальском мысу принявший из Москвы крещение местный князь Василий. После его казни в 1607 году и вплоть до начала XVIII века никто из представителей обдорской княжеской фамилии крещение не принимал.

Церкви в Коде были восстановлены при Михаиле Алачееве. И хотя сам князь по-прежнему время от времени прибегал тайком к языческим обрядам, средств на содержание храмов он не жалел. Поначалу служба шла только в Троицкой церкви. Вскоре стала функционировать и Зосимо-Савватеевская церковь.

Наследник Михаила князь Дмитрий особым рвением в церковных делах не отличался. Как подчеркивали в одной из челобитных недовольные его властью подданные, «сам князь живет в православной вере некрепко, к проклятым шайтанам мольбу прилагает и даже отдал шаману для принесения в жертву свою женку».

После ликвидации Кодского княжества и отъезда Дмитрия Алачеева в Москву, Кодский городок «стал впусе». Еще раньше прекратилась служба в местных церквях.

Монастыри Нижнего Приобья. Первый небольшой монастырь возник около 1610 года в Березове. Основан он был приехавшим из Кодского городка игуменом Евстратием, по инициативе местных служилых людей, при Воскресенской церкви. Монастырь просуществовал более 20 лет, после чего его закрыли.

В 1696 году сибирский митрополит Игнатий Римский-Корсаков без согласования с Москвой открыл **Воскресенский Березовский монастырь** вновь. Его настоятелем он назначил ссыльного старца Михайла Харзеева, которого святейший патриарх Иоаким сослал с клятвой и запрещением за его «непристойные и злые дела». Через три года, в связи с опалой митрополита Игнатия, монастырь был закрыт вторично.

Гораздо больше повезло в XVII веке другому нижеобскому монастырю – **Троицкому Кодскому**. который позднее будут называть

Кондинским. Основан он был в Кодском городке в 1654 году по инициативе сибирского архиепископа Симеона в качестве центра распространения христианства среди местных остяков. Главным монастырским храмом являлась деревянная Троицкая церковь с двумя приделами. Здесь находилось большое количество икон, престольных крестов и другой церковной утвари, а также книги и монастырский архив. Старая Зосимо-Савватеевская церковь почти не использовалась и спустя пятнадцать лет построена новая церковь - во имя **Благовещения Пресвятой Богородицы.** Рядом с ней находились колокольня, погреб, амбар, монашеские кельи, больничная, хлебная и несколько братских. В начале 70-х годов XVII века в обители проживало 27 монахов, а также большое число монастырских служителей, в том числе и новокрещены.

Монастырь обладал большими запасами продуктов, одежды, посуды, оружия, мехов, тканей, а также располагал значительными денежными средствами. Его богатства составляли прежде всего царские пожалования, в том числе земельные угодья. Уже в начале 80-х годов XVII века при монастыре имелись мукомольная мельница с солодовней, мастерские для выделки сливочного и конопляного масла и для изготовления свечей. Имелась также кузница на пять наковален, одна из которой предназначалась для серебряного дела, а остальные – для железного. Тут же, на берегу Оби добывалась и железная руда.

Монастырские старцы торговали активно на тобольском рынке мясом, рыбой и рыбьим жиром. Лавки, находившиеся на монастырском подворье в Тобольске, сдавались в аренду, что приносило обители немалый доход.

Процветание Троицкого Кодского монастыря, особенно в первые годы его существования, во многом было связано с деятельностью «строителя» (эконома) Ивана. В начале 70-х годов XVII века он вместе со своим другом и единомышленником Авраамием, также являвшимся постриженником этой обители, навсегда покинул нижнеобские берега, вступив на путь борьбы «за старую веру». Впоследствии имена Ивана Кодского и Авраамия Венгерского войдут в историю раннего урало-сибирского раскола.

В XVIII веке в Березове действовали соборная церковь **св. Девы Марии Одигитрии**, церковь **Дмитрия Солунского**, новая церковь **Воскресения Христова**, старая церковь **Воскресения Христова** и церковь **Рождества Богородицы.** В городе в это время не хватало священнослужителей (почти все прежние священники отправились в ссылку по «делу Долгоруких»), а потому один священник обслуживал по две церкви. В 50-е годы на месте деревянной соборной церкви была выстроена (за счет прихожан) двухэтажная каменная трехпрестольная.

Люди, посещавшие этот край в XIX веке, отмечали набожность северян. Русское население земли Югорской исключительно уважительно

относилось к церкви. В праздники и воскресные дни они обязательно ходили в церковь. Если церковь была далеко, старались завести у себя хотя бы часовню.

На Пасху и в престольные праздники сельские жители и горожане приглашали священников в свои дома « со святиною» и радушно угощали их. Накануне Прокопьева дня (8 июля), когда отмечался праздник Абалакской иконы Божьей Матери, широко почитаемой в Сибири и на Урале, многие жители села Самаровского отправлялись в Тобольск, чтобы принять участие в церемонии принесения иконы из Абалакского монастыря в город. В самом Самаровском в тот день совершались литургия с молебном.

Главным праздником для жителей Самаровской волости был Ильин день: 20 июля проходили церковные мероприятия, а 21-22 июля – так называемые обетные праздники («праздники по обещанию»), установленные в 1848 году по случаю избавления села и окрестных деревень от холеры.

На Святках по домам ходили «слушальники» – ряженые в причудливых масках –«личинах». Явившись в очередной дом, они, «изменяя голос, походку и манеры», старались насмешить хозяев, оставшись при этом неузнанными. В Крещение «слушальники» смывали с себя «грех Святков»: после освящения священником воды в проруби купались даже в нестерпимый мороз.

В XIX веке на праздники к русским приходили ханты и манси. Собственные развлечения коренных жителей, как правило, были составной частью их языческих обрядов – медвежьего праздника, жертвоприношений и других, - которые совершались тайно. Хотя христианская церковь заметно укрепила свои позиции в сознании и быту ханты и манси, они все же в массе своей оставались шаманистами.

Литература

1. Возрождение. Белогорский Свято-Николаевский монастырь на рубеже тысячелетий / Сост. А. Зебзеева. - Пермь: Книжный мир, 2000. – 94 с.
2. Воронова Т. Путешествие в Долматово // Автограф, 2000, № 2. – с. 30-34.
3. Золотов Е.К. Памятники Верхотурья. – Екатеринбург: Архитектон, 1998. – 191 с.
4. История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до наших дней /Под ред. Д.А. Редина. – Екатеринбург: Волот, 1999. – 466 с.
5. Купола Тюмени /Под ред. Е.А.Маслова. – Тюмень: Опцион –ТМ Холдинг, 2000. – 99 с.
6. Нырбские древности / Сост. Г.Н.Чагин. – Чердынь: Соликамская типография, 2001. – 44 с.
7. Очерки истории и культуры Верхотурья и Верхотурского края /Под ред. Н.В. Чапаева. – Екатеринбург: Уральский университет, 1998. – 287 с.

8. Пантелеева Г. «...поминай верою чтущих тя, Далмате Богодуховенне...» // Автограф, 2000, № 2. – с.27-30.
9. Прикамье /Сост. В.В. Цыпуштанова. – Пермь: С-Лайт, 2002. – 76 с.
10. Туризм в Пермской области /Под ред. С.Баркова. – Пермь: Раритет – Пермь, 2002. – 335 с.
11. Чагин Г. Пермь Великая. – Пермь: Пресс-центр, 1999. – 112 с.

ГЛАВА 14. АРХИТЕКТУРА УРАЛА

14.1. ИСТОРИЯ АРХИТЕКТУРЫ

Возникновение архитектуры на Урале связано с колонизацией региона русскими и проникновением русской строительной культуры. Первые военно-оборонительные поселения строили новгородцы для сбора дани с местного населения в северном Приуралье. В летописях упоминаются г. Хлынов (Вятка, 1374 г.) и г. Анфаловск (1398-1409 гг.). В XVI в. началась организованная колонизация Урала, опорными пунктами которой являлись «государевы остроги». В начале XVI в. центр колонизации находился в Покче, с 1535 г. – в Чердыни. В сеть острогов вошли Канкор (1558), Орелгородок (1564 г.), Нижне-Чусовской (1568 г.), Сылвенский и Яйвенский, Очерский (1597 г.), Верхне-Чусовской городки (1610 г.). Вдоль Камы для защиты торговых путей была возведена цепь оборонительных поселений: Уфа (1574 г.), Сарапул (1556 г.), Бирская и Табынская крепости. Путь в Сибирь охранял Верхне-Тагильский городок (1583 г.), крепости Лозьва (1590 г.), Верхотурская (1598 г.) и Туринская (1600). Активная колонизация сопровождалась стр. крепостей и острогов и требовала создания новых укрепленных пунктов в Зауралье: Невьянская (1621 г.), Ницинская (1624 г.), Тагильская (1625 г.), В.-Ницинская (1632), Ирбитская (1633 г.), Мурзинская (1639г.), Пышминская (1646г.), Чусовская (1656г.) крепости, Катайский острог (1655г.), Челябинский острог (1658г.), Шадринский острог (1662г.), Царево городище (Курган, 1662г.), Камышловская (1666-1667гг.), Красноярская (1670г.), Арамилская (1675-1676гг.), Новопышминская (1680г.), Багарякская (1698г.), Белоярская (1695г.) крепости. В Приуралье возведены Кунгурский (1649г.), Торговинский и Кишертский острожки. В первой половине XVIII в. для защиты от киргиз-кайсаков на Южном Урале были выстроены оборонительные линии: Закамская (1732г.), Самарская (1736-1742гг.), Екатеринбургская (1737г.), Старая Ишимская (1737г.), Сакмарская (1739-1742гг.), Верхне- и Нижне-Уйские (1737г.), влившиеся позже в Оренбургские линии. Крепости и остроги вплоть до XVII в. возводились по традициям зодчества Центральной России на возвышенных местах в точке слияния рек. Они имели неправильную конфигурацию,

обносились деревянными стенами с башнями по углам и в местах въездов. Ряд крепостей и острогов в месте пересечения торговых путей имели посады с кварталами купцов и ремесленников и позже переросли в первые уральские города (Вятка, Чердынь, Верхотурье, Кунгур, Ирбит, Уфа и т.п.). Крепости XVIII в. строились с учетом европейских традиций, имели регулярную геометрическую планировку по всем правилам фортификационного искусства. Посад многих из них имел регулярный план. Проникновение христианства на Урал сопровождалось строительством монастырей: Пыскорский-Преображенский монастырь, переведенный в Канкор (1570-79гг.), Николаевский мон. в Верхотурье (1604г.), Далматов монастырь (1644г.) и др. Монастыри Урала также возводились по традициям оборонного зодчества центра России, постепенно перестраивались в камне, занимая видное место в городской застройке.

Оборонительная роль поселений Урала к концу XVIII в. была исчерпана. Однако этот период наложил сильный отпечаток на выразительность планировки и застройки городов Урала, оставив такие замечательные произведения архитектуры, как Верхотурский кремль, Оренбургские и Николаевские крепости, Николаевский монастырь в Верхотурье, Далматов монастырь, возведенные в лучших традициях русского зодчества. Указанный период дал Уралу своеобразные школы мастеров архитектуры (Гусев Т.М., Стафеев А.Д., Сорока И.Б.). Помимо монастырей, христианизация Урала активно шла путем строительства отдельных храмов в городах и селах. На ранних этапах сооружались деревянные церкви клетского типа (церкви с. Пянтег – XVII в., с. Янидор – 1707г., Чердынский р-н). Первые каменные храмы несли черты московского и ярославского зодчества с местной интерпретацией (Троицкий собор в Соликамске, 1684-1697 гг.). В XVIII в. на Урале проявились стилевые особенности московского барокко (церковное зодчество). Возросло число мастеров-каменщиков, создавших замечательные памятники архитектуры XVII-XVIII вв. (Л.А. Вешняков, И. Горбовский, А. Кичигин, Л. Корсаков, И.Т.Кремлев). Промышленное освоение Урала началось с основания посадскими людьми Калининскими соляного городка Усолье Камское. С передачей Строгановым земель северного Прикамья стали интенсивно осваиваться соляные месторождения, появились первые промышленные поселки: Новое Усолье, Дедюхин. Промышленные сооружения этого периода строились преимущественно в дереве и не сохранились. Вторая волна промышленного освоения Урала началась в XVIII в., когда было построено свыше 200 металлургических заводов. Урал превратился в основную металлургическую базу России. Большинство металлургических заводов позже переросли в города и положили начало особой архитектурной градостроительной культуре Урала (промышленная архитектура). В течение XVIII в. сложились градостроительные принципы и новые для России типы зданий и

сооружений. Каменное строительство в промышленных городах Урала началось в основном в конце XVIII в. после пожаров Пугачевского восстания. За основные принципы планировки и застройки промышленных городов были взяты положения Комиссии о строении Санкт-Петербурга с идеями регулярного европейского градостроительства. Поэтому большинство промышленных поселений Урала получили регулярный план с четким функциональным зонированием. Однако в отличие от административно-торговых и оборонительных поселений центр города формировал завод с системой предзаводских площадей. В первой половине XIX в. на уральских заводах работала плеяда талантливых архитекторов – выпускников Санкт-Петербургской академии художеств (А.З. Комаров, К.А. Луценко, И.М. Подъячев, М.П. Малахов, А.П. Чеботарев, С.Е. Дудин, Ф.А. Тележников, И.П. Свизев). Эти архитекторы горного ведомства привнесли в промышленные города Урала высокую культуру классической архитектуры и создали уникальные промышленные ансамбли европейского уровня. Данные ансамбли до сих пор формируют центры Екатеринбурга, Нижнего Тагила, Ижевска, Воткинска, Невьянска, Златоуста, Кыштыма, Каслей, Каменска-Уральского, Белорецка, Очера, Алапаевска и др. Архитекторы горного ведомства, их ученики приняли активное участие и в застройке сложившихся административно-торговых городов Урала, разработав генеральные планы их развития и главные классические ансамбли городского центра (гражданская архитектура). Вторая половина XIX-начало XX в. в связи с интенсивным развитием капиталистических отношений, бурным ростом населенных пунктов отмечена реализацией генеральных планов городов. На смену классической архитектуре пришли национально-романтические поиски. В начале XX в. в архитектуре утвердился стиль модерн, наиболее полно отразивший процесс промышленной революции. На смену архитекторам горного ведомства пришли горные и гражданские инженеры. Акцент в развитии архитектуры Урала был перенесен на среду городского центра и узлы транспортных коммуникаций. Этот период характеризуется появлением на Урале новых типов зданий: гимназии, театры, доходные дома, банки, клубы, больницы, школы, училища, вокзалы, порты, депо, пассажи, торговые ряды. Среди уральских инженеров и архитекторов выделяются яркие таланты пермских архитекторов А.Б. Турчевича, вятского архитектора И.А. Чарушина, екатеринбургского архитектора Ю.О. Дютеля.

Советский этап развития архитектуры на Урале характеризуется индустриализацией региона и привлечением средств не только в промышленность, но и в гражданское и жилое строительство. Особенно продуктивны были 1920-начало 30-х годов XX века – время активной работы пионеров советской архитектуры, развивающих творческие концепции конструктивизма. Произошла окончательная специализация архитектуры на промышленную и гражданскую. Складывались основные принципы

советского градостроительства: районная планировка, зонирование территорий, специализация и кооперация производства, единые системы транспортного и бытового обслуживания, озеленения и благоустройства, крупные ансамбли и комплексы. Создавалась система типового проектирования, возникали крупные государственные проектные институты. В промышленном проектировании ведущее место занимал государственный проектный институт «Промстройпроект», где работали архитекторы В.А. Мыслин, А.Э. Зильберт, В.П. Надеждин, С.Н. Щербаков, В.С. Бурдунин, В.Е. Дементьев, Н.П. Жукова и др. Проекты крупных технологических агрегатов Магнитогорского завода разрабатывали архитекторы В.Д. Соколов, В.Л. Гофман, А.И. Лубнин, Н. Тихонов и др. Эти агрегаты послужили типовой основой для промышленных строений и на других уральских заводах (промышленная архитектура).

Изменение стилевой направленности советской архитектуры в 1930-е в сторону неоклассики затормозило развитие архитектурного творчества в СССР. Однако этот период дал много для архитектуры городов Урала, которые получили крупные градостроительные ансамбли своих центров и главных улиц, гармонично сочетающиеся с классическим наследием первой половине XIX в. Многие зодчие-конструктивисты изменили свои творческие взгляды в связи с социальным заказом, искренне увлеклись освоением классического прошлого. В этот период на Урале были заложены основы профессионального архитектурного образования. Открылись архитектурно-строительные техникумы в Перми и Свердловске, а в 1949 в УПИ – архитектурная специальность, давшая начало Уральской архитектурной школе. Основателем ее является архитектуры, профессор К.Т. Бабыкин. На базе этой специальности в 1967 г. был создан второй в стране самостоятельный вуз (Свердловский архитектурный институт). САИ качественно изменил ситуацию на Урале в подготовке квалифицированных архитекторов. В настоящее время Уральская государственная архитектурно-художественная академия, бывший Свердловский архитектурный институт, относится к категории элитных творческих вузов России по подготовке и переподготовке специалистов высшей квалификации в области архитектуры, дизайна, монументально-декоративного и декоративно-прикладного искусства. Статус академии архитектурная художественная школа Урала приобрела в 1995 году. В настоящее время академия является одним из ведущих вузов архитектурно-художественного профиля по величине и качеству подготовки специалистов в России и СНГ. За годы существования она подготовила свыше 5 тысяч архитекторов и дизайнеров, успешно работающих в России и за рубежом. Среди ее выпускников два академика архитектуры, четыре члена-корреспондента Российской академии архитектуры и строительных наук и Российской академии художеств, 16 заслуженных архитекторов и художников России.

С 1960-х государственная политика исключила архитектуру из сферы искусства. На смену диктата политики, приходит диктат стройиндустрии и жесткой экономии. Типовое строительство активно внедряется в массовую застройку городов Урала в ущерб художественным, экологическим и комфортным качествам. Единый заказчик и подрядчик в лице государства не оставляет места архитектурному творчеству. Государственный монополизм привел к резкому снижению качества строительства, его технология испытывает период глубокого застоя. В этих условиях архитектурное творчество замыкается в стенах вузов и приобретает форму "бумажной архитектуры", оторванной от строительной практики. Современные концепции архитектуры и градостроительства не получают реализации. Некачественная застройка городов встречает в 1970-е широкие протесты общественности, особенно в исторических городах Урала. В качестве инструмента защиты исторического центра городов и поселков в это время выступают охранные зоны и зоны регулирования новой застройки. Появляются археологическо-этнографические музеи в поселках Хохловка Пермской области и селе Нижняя Синячиха в Свердловской области. Первые берут на себя роль резервации недвижимых памятников архитектуры, вторые – становятся формой физического сохранения памятников народного зодчества путем переноса их в музеи-заповедники. Недооценка архитектурного наследия привела к утрате на Урале многих тысяч памятников архитектуры и объектов ценной исторической застройки. Грубым искажениям подверглись исторические центры городов Перми, Челябинска, Ижевска, Воткинска, Кургана, Камышлова, Туринска, Невьянска, Нижнего Тагила, Кунгура и др.

14.2. АРХИТЕКТОРЫ И ЗОДЧИЕ УРАЛА

Алферов Николай Семенович (13(26).09.1917, с. Компанеевка Херсонской губ. – 06.10.1982, Екатеринбург), русский архитектор, историк, основатель Уральской архитектурной школы и первый ректор Уральской архитектурно-художественной академии, народный архитектор СССР, член-корреспондент Академии художеств СССР, доктор архитектуры, профессор. Из рабочих. Окончил архитектурный факультет Харьковского института инженеров коммунального хозяйства (1940г.). Участник Великой Отечественной войны. Педагогическую деятельность начал в Екатеринбургском Уральском индустриальном институте (УГТУ) на строительном факультете (1946г.). Провел крупные исследования по истории промышленной архитектуры Урала, защитив диссертацию на соискание ученой степени кандидата (1952г.) и доктора архитектуры (1963г.). На базе кафедры архитектуры УПИ организовал Уральский филиал Московского архитектурного института (1967г.), преобразованного позднее в

Свердловский архитектурный институт (1972г.), являясь его ректором до 1982 г. По его проектам в Екатеринбурге осуществлена реконструкция музея ц.М. Свердлова (1948г.), построена водная станция в парке культуры и отдыха имени В.В. Маяковского (1946г.), жилые дома по ул. Малышева и Свердлова (1955г.), ансамбль музейно-паркового комплекса «Исторический сквер» (1974г.). Алферов избирался депутатом городского Совета, был членом Совета по присуждению Государственной премии СССР, членом Правления Союза архитекторов СССР. Награжден орденом Красной Звезды, Трудового Красного Знамени, Знаком Почета, серебряным Крестом заслуги (Польша), отмечен государственной премией СМ РСФСР. Сочинения: Зодчие старого Урала. – Свердловск, 1960; Архитектурное проектирование промышленных зданий и сооружений. Ч. 1 -3. - М. 1979. Бабыкин Константин Трофимович (1880-1960) Архитектор. Профессор. Организатор архитектурного образования на Урале. В Екатеринбурге по его проектам построены Уральская филармония, Театр оперы и балета, Управление железной дороги и др.

Вешняков Лев Алексеевич (XVIII век) – зодчий, каменщик. Руководитель строительства Симеоно-Аннинской церкви Сысертского завода. Участник строительства Богоявленской церкви (Кафедрального собора) в Екатеринбурге.

Вяткин Андрей Дмитриевич (1795- ...) – архитектор, один из известных зодчих старого Урала. Его постройки не сохранились до наших дней.

Голубев Георгий Александрович (1883-1949гг.) – архитектор, педагог. Проектировщик детского тубсанатория и лесной школы в Свердловске. С 1936 по 1942 год был главным архитектором Свердловска. Вел преподавательскую деятельность в учебных заведениях Свердловска по своей специальности.

Грушенко Иосиф Александрович (1900-1965гг.) – архитектор. С 1935 года работал в Свердловске. Основные проекты: водная станция (1936), кинотеатр «Урал» (1945г.) и др.

Гулков Емельян Дмитриевич (1676-1749гг.) – зодчий. Работал на строительстве Верхотурского Кремля. Возводил Далматовский монастырь. Соавтор и строитель Успенской соборной церкви.

Гусев Тимофей Маркович – зодчий и строитель. Участник строительства Верхотурского Кремля. С его именем связано изразцовое убранство верхотурского Троицкого собора.

Гуськов Константин Александрович (1879- ...) Гражданский инженер. Автор крупных градостроительных проектов Уфы в начале прошлого века. Занимался общественными зданиями.

Домбровский Сигизмунд Владиславович (1883-1953гг.) – архитектор, художник, педагог. В Свердловске работал с 1927 года. По его проектам построены: Дом горсовета на Ленина-Пушкина, на ул. Декабристов и др.

Дудин Семен Емельянович (1779-1825гг.) – главный архитектор Ижевского оружейного завода. Один из авторов застройки Ижевска. По его проектам построены: Троицкая церковь, Александро-Невский собор и др.

Емельянов Владимир Владимирович (1906-1969гг.) – архитектор, по проектам которого построены: Дом Красной армии в Свердловске, Дом Красной армии и госпиталь в Перми, киноконцертный зал Уральского алюминиевого завода в Каменске-Уральском и др.

Егоров Борис Николаевич – архитектор. Закончил Институт гражданских инженеров в Петербурге, в 1926 г. стал архитектором Ленинградского отделения «Госпроектстройлегпрома». В тридцатые годы в г. Челябинске началось проектирование металлургического комбината; начало этому положил «Бакалстрой». Группа специалистов – строителей и архитекторов из Ленинграда, занимающихся промышленным проектированием, курировали проектирование и начало строительства этого грандиозного индустриального гиганта. Среди них был и Б.Н.Егоров. Вначале работа носила временный характер, но затем архитектор Егоров остался в Челябинске, и с 1936 по 1942 гг. – работал в основной проектной организации «Челябпроект».

Карвовский Рудольф Иосифович (1830-1897гг.) – гражданский инженер. В качестве архитектора работал в Уфе и Перми. По его проектам возводились здания и в других городах Урала. Здание деревянного театра в Уфе. Театр в Перми. Колокольня соборной церкви в Ирбите и др.

Козлов Сергей Сергеевич (1854-1905гг.) – городской архитектор Екатеринбурга в 1884-1890 годах. Разработчик и строитель Царского моста через Исеть в Екатеринбурге и автор множества других проектов.

Комаров Александр Зиновьевич (1793-1857гг.) – архитектор. Представитель школы промышленного зодчества на Урале. Работал на Богословских, Нижне-Тагильских заводах и ряде других мест Урала. Известен комплекс доменных печей Баранчинского завода по его проекту.

Купинский Михаил Станиславович (1829-1891гг.) – архитектор, инженер. Автор проекта здания городской управы в Сарапуле и др.

Летучий Григорий Павлович (1814-1887гг.) С 1846 по 1886 годы губернский архитектор Перми. Художник. По его проекту перестроен Кафедральный собор в Перми и построена Воскресенская церковь.

Луценко Кирилл Алексеевич (1817- ...) – архитектор Тагильских заводов, педагог. Представитель классицизма в архитектуре.

Малахов Михаил Павлович (1781-1842гг.) – архитектор Уральского горного правления. Создатель екатеринбургской архитектурной школы. Известен его «Дворец Расторгуева-Харитонов» в Екатеринбурге. А также сегодня т.н. «Дом Малахова» и др.

Оранский Петр Васильевич (1899-1960гг.) – архитектор, художник, педагог. По его проектам создавались здания и сооружения на Уралмаше, Химмаше, Вторчермете Свердловска.

Петенкин Василий Никифорович (1783-1850гг.) – архитектор Воткинского завода. Представитель русского классицизма на Урале. Автор зданий госпиталя, церкви и др.

Попатенко Василий Васильевич (1841-1910гг.) – губернский и городской архитектор Перми с 1873 года. По его проектам возведены жилые дома Гаврилова, Каменских и др.

Рейшер Моисей Вениаминович (1902-1980гг.) – инженер-строитель. Архитектор. По его проектам возводились промышленные сооружения УЗТМ. Производилась реконструкция фасада гостиницы «Большой Урал». Известны и другие работы.

Рудаковский Павел Павлович (1859-1919гг.) – архитектор. Автор проектов сооружений в Чердыни. В историю Уфы вошел проектом народного дома имени С.Т.Аксакова.

Связев Иван Иванович (1797-1875гг.) – архитектор. Известны его постройки в Перми, где он работал архитектором горного правления. Основное направление деятельности - проектирование промышленных сооружений.

Соколов Вениамин Дмитриевич (1889-1955гг.) – архитектор, художник. Известны его проекты в соавторстве с другими: городок чекистов, спортгородок «Динамо» и др.

Сорока Иван Борисов (1674-1729гг.) – зодчий. Участник строительства Николаевского собора в Верхотурье, Благовещенской церкви в Тюмени. Из его построек сохранились сооружения Далматова монастыря.

14.3. ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО

Градостроительство – деятельность по пространственной организации населенных мест и систем расселения, направленная на формирование производственной, социально-инженерной и транспортной инфраструктуры, строительство, реконструкцию, реставрацию, модернизацию архитектурных комплексов, объектов благоустройства, озеленения. Градостроительство включает законодательное регулирование, соц. и экономическое планирование, архитектурное и инженерное проектирование, научные исследования и организацию строительного производства, сочетает утилитарно-практические и художественно-эстетические аспекты. Градостроительство осуществляется исходя из интересов граждан, условий мест исторически сложившегося расселения, перспектив социально-экономического развития, национально-этнических и др. факторов с учетом общественного мнения, выраженного органами местного самоуправления,

собраниями граждан и через иные территориальные формы непосредственной демократии. Градостроительство Урала имеет ярко выраженные региональные особенности. Они обусловлены историко-культурными, социально-экономическими, общественно-политическими и природно-климатическими условиями формирования населенных мест.

Градостроительное освоение Урала началось в конце XIV—XV вв. со строительства военно-оборонительных поселений. Опорные пункты лишь на начальной стадии своего формирования выполняли чисто военные и таможенные функции. В последующем они превратились в торгово-ремесленные, административно-культурные, культовые, аграрные и промышленные центры. Примером являются Чердынь (1472г.), Верхотурье (1598г.), Далматов (1644г.). Первые поселения создавались на транспортных путях. Так, от Чердыни в XVI в. шел путь в Сибирь через р. Вишера, далее волоком к рекам Ивдель-Лозьва-Тавда-Тобол. Позднее он был заменен Бабиновой дорогой, проходившей через Верхотурье.

В XV-XVII вв. на Урале возникли первые промышленные поселения, связанные с солеварным промыслом: Усолье Камское (1430 г., теперь Соликамск), Новое Усолье (1606 г.), Дедюхин (Березники). С открытием первых рудных полезных ископаемых в XVII в. были построены Пыскорский медеплавильный завод, Красноборский, Ницынский, Тумашовский железоделательные заводы. Первые металлургические заводы существовали недолго, так как рудные залежи оказались незначительными по запасам и нерентабельными для разработки. Города XV—XVII вв. формировались на основе традиций древнерусского градостроительного искусства. Они имели крепостные сооружения, живописную планировку и застройку, согласованную с компонентами природного ландшафта.

Строительство заводов и горнозаводских поселений возобновилось и активно развернулось в XVIII в. К числу первых заводов, построенных в этот период, относятся Каменский (1701 г.), Невьянский (1701 г.), Алапаевский (1702 г.) и Уктусский (1702-05 гг.).

В XVIII веке было продолжено строительство городов-крепостей. Так, в связи с деятельностью «Оренбургской экспедиции» были построены Челябинская (1735 г.), Орская (1735 г.), Оренбургская (1743 г.) и другие крепости.

Облик поселений-заводов определяли горнозаводские комплексы с предзаводскими площадями и плотинами, прудами и рудниками; городов-крепостей – военные сооружения (фортификационные объекты, казармы, площадки для занятий), административно-торговые и культурно-бытовые постройки. Поселения имели различную форму плана: квадратную (Екатеринбург, Челябинск, Орск), прямоугольную (Невьянск), многоугольную (Полевской и Каменский заводы, Оренбург), комбинированную. Структура городов создавалась на основе принципов

регулярной планировки (Екатеринбург, Оренбург и др.) и традиций древнерусского градостроительства (Каменский, Алапаевский, Полевской и др. заводы). Применение регулярной планировки свидетельствует о тесной связи строительства городов Урала с формированием новой русской столицы – Санкт-Петербурга, европейской градостроительной культурой того времени и представлениями о пространственной организации «идеального города», восходящими у теории и практике к городам эпохи Возрождения.

В конце XVIII – начале XIX в. многие города Урала были реконструированы на основе принципов регулярной планировки. Этот процесс был связан с деятельностью комиссии о каменном строении Санкт-Петербурга и Москвы, осуществившей большую работу по проектированию генеральных планов русских городов.

На формирование архитектурно-планировочной структуры городов Урала этого периода оказало влияние широкое распространение каменного строительства, проведение реформы управления горными заводами и определение нового административного статуса поселений. Например, в 1780 г. Егошихинский завод был переименован в Пермь, ставший с 1797 г. губернским, а Екатеринбург — с 1826 г. стал центром горнозаводского Урала. Данный период характеризуется расцветом уральского зодчества, творчеством талантливых архитекторов: М.И. Свйазева, А.З. Комарова, М.П. Малахова, В.Н. Петенкина, С.Е. Дудина, Ф.А. Тележникова, А. П. Чеботарева и др.

При единстве главного принципа формирования композиции городов Урала их объемно-пространственное решение было разнообразным. Этому способствовали уникальные природно-ландшафтные условия края, включение в композицию сложившихся планировочных структур, формирование систем планирования, архитектурных доминант, озеленения, главных и второстепенных улиц.

Разработка и реализация регулярных планов, развитие своеобразной ветви архитектуры русского классицизма в промышленном и гражданском строительстве, высокий уровень профессиональной деятельности архитекторов и строителей обеспечили упорядоченное формирование и высокие архитектурно-художественные качества уральского градостроительства вплоть до начала XX века.

В 1920—30-е годы на Урале были построены металлургические, машиностроительные предприятия со своими жилыми районами. Промышленно-селитебные комплексы существенно изменили структуру городов. Из компактной она стала превращаться в рассредоточенную (Челябинск, Екатеринбург, Алапаевск, Каменск-Уральский и др.). В градостроительную практику были внедрены новые принципы – жесткого функционального зонирования территории, ступенчатого обслуживания, динамического развития: формирование рассредоточенной в природном

ландшафте системы «соцгородов», непрерывной системы озеленения из садов и бульваров в сочетании с объектами общественного значения, санитарно-защитных территорий между жилой застройкой и заводами. В проектировании систем расселения, генеральных планов жилых районов в эти города приняли участие многие известные архитекторы: В. Семенов, М. Гинзбург, Н. Милютин, И. Леонидов, М. Барщ, В. Владимиров, М. Охитович, Н. Соколов, Г. Мейер, Э. Май и др.

Планировочная структура «соцгородов» была регулярной. В объемно-пространственной композиции господствовали заводы. Они определяли центры функционально-пространственной активности, художественный образ населенной местности, панорамы и силуэты застройки. На предзаводские площади были ориентированы главные улицы «соцгородов». Важными градостроительными акцентами были жилые комплексы: «дома-комбинаты», «городки-коммуны» и т.д. Четырех-семиэтажная застройка этих комплексов резко выделялась на фоне 1-2-этажных домов дореволюционного периода строительства.

Поспешность в проектировании и строительстве промышленно-селитебных комплексов, стремление к максимальной экономии привели в ряде случаев к существенным нарушениям санитарно-гигиенических условий среды (Нижний Тагил, Магнитогорск и др.). Экологическое состояние городских промышленных центров значительно ухудшилось в 40-х годы из-за резкого наращивания мощности промышленных предприятий и размещения эвакуированных из европейской части страны заводов и фабрик.

В 40-е-50-е годы города Урала развивались на основе принципов освоения классического наследия, ансамблевого единства застройки, пространственных компонентов природного ландшафта, монументально-декоративного искусства и инженерных структур.

По новым генеральным планам в основном предусматривалось формирование компактных структур городов (Челябинск, Екатеринбург, Алапаевск и др.) при компактно-расчлененной форме функционального зонирования. Вместе с тем ряд городов сохранил рассредоточенную структуру и прерывно-линейную форму функционального зонирования (Пермь, Каменск-Уральский). В планировке городов уделялось повышенное внимание рисунку регулярной сети улиц и дорог. При организации градостроительных ансамблей использовались приемы осевых композиций, симметрии, непрерывности пространства, трехлучевого построения узлов, повышение этажности застройки главных улиц и снижение ее на второстепенных, стилистического единства решения фасадов домов, акцентирование угловых зданий башнями, а планировка — крупными общественными объектами.

Концепция компактного градостроительства, реализованная в ряде промышленных центров Урала, часто противоречила требованиям эко-

логической безопасности населения и природы: часть ансамблей была построена в зонах, постоянно подвергаемых вредному воздействию заводов. Однако широкое утверждение классических приемов построения композиции, принципов ансамблевости среды привело к архитектурно-художественному единству градостроительных объектов, масштабности пространств и застройки.

Ансамблевый подход в проектировании планировки и застройки городов Урала сохранился в 60-70-е годы, но широкомасштабные работы по новому массовому жилищному строительству – формированию общественных центров и производственных объектов на основе принципов свободной планировки типового проектирования и индустриального строительства, а также разрушение исторической среды в процессе реконструкции стали приводить к утрате индивидуального облика населенных мест.

Низкие эстетические качества строительства, реконструкции, наличие в жилых зонах экологически вредных промышленных предприятий, снос отдельных памятников истории и культуры обусловили в 70-80-е годы активный поиск решения экологических и художественно-эстетических проблем в области градостроительства. Основные направления их решения стали ориентироваться на охрану историко-культурного наследия, преемственное развитие ценных индивидуальных особенностей городов, экологии, подход к организации архитектурно-пространственной среды. В настоящее время градоэкологическое регулирование формирования населенных мест проводится с учетом определения цены и разного рода платежей в землепользовании, различных форм собственности, видов компенсации и других факторов, связанных с реализацией новых социально-экономических условий.

Литература

1. Алферов, Н.С. Зодчие старого Урала. Свердловск, 1960
2. Заикин Г.С. Историко-архивные основы районной планировки. М., 1964
3. Закон Российской Федерации об основах градостроительства в Российской Федерации (14.07.1992 г., № 3295-1) // Российская газета, 1992. 25 авг.
4. Основы теории градостроительства. М., 1986.

14.4. ГРАЖДАНСКАЯ АРХИТЕКТУРА

Гражданская архитектура подразделяется на архитектуру жилых и общественных зданий и комплексов. Проф. становление гражданской архитектуры началось одновременно с колонизацией Урала русскими при строительстве первых военно-оборонительных и промышленных городков. Первые жилые и гражданские постройки XV-XVI вв. в верхнем Прикамье

возводились в дереве в соответствии с традициями Новгородского, Московского и Ярославского зодчества.

До наших дней эти постройки не сохранились, кроме первых каменных зданий: Строгановские хоромы в Усолье (1688 г.), Дом воеводы в Соликамске (1724 г.), Дом воеводы в Кунгуре (1758-64 гг.). В композиции двухэтажного на подклете Дома воеводы в Соликамске применена традиционная для русских хором планировка – две палаты с сенями посередине. Хоромы в Усолье также имеют традиционную «палатную» планировку и декоративное убранство в духе нарышкинского барокко. Подобная композиционная основа принята и для Дома воеводы в Кунгуре. Скупая декорировка типична для русской провинции XVII-XVIII веков.

Эти приемы получают дальнейшее развитие в XVIII в. в гражданских постройках городов Урала: здания Обер-бергамта в Екатеринбурге, Демидовские хоромы в Невьянске.

Интенсивное капитальное строительство на Урале начинается с конца XVIII в. в связи с развитием металлургической промышленности. На смену артелям каменщиков приходят профессиональные архитекторы горного ведомства – выпускники Санкт-Петербургской Академии художеств, принесшие на Урал европейские традиции классицизма. Они выполняли разнообразные заказы заводчиков, купцов, промышленников, проекты образцовых жилых усадеб обывателей. Были разработаны и построены принципиально новые типы жилые и гражданские зданий, связанных с горнозаводским делом: управления горных округов и заводов, госпитали, школы, усадьбы заводоладельцев и управляющих, торговые здания и комплексы. Среди управлений и заводских контор выделяются здания управления горными округами Тагильских заводов (1832 г., арх. А.П. Чеботарев), Верх-Исетских заводов (1824 г., арх. М.П. Малахов), имеющие свой индивидуальный образ, ведущее градостроительное значение. Они относятся к выдающимся произведениям уральской архитектуры эпохи классицизма.

Неотъемлемой частью горнозаводских поселений являлись заводские госпитали, возводимые, как правило, в центре горных округов (сохранились в Екатеринбурге, Нижнем Тагиле, Верх-Нейвинске, Сысерти). Архитектура этих зданий также выдерживалась в строгих традициях классицизма – с гладкими стенами, ордерными композициями в виде портиков, арочными окнами, купольными завершениями, развитым планом. Интересны в этом отношении Верх-Исетский госпиталь в Екатеринбурге, (арх. М.П. Малахов) и госпиталь в Нижнем Тагиле (арх. А.П. Чеботарев). Эти здания своим камерным решением, флигелями и усыпальницами создают выразительный образ лечебного учреждения. Гимназии, горные училища, школы решались более скромно. Особое место в горнозаводской архитектурно-градостроительной культуре Урала отводилось усадьбам владельцев, управляющих заводами, горных чиновников. Зачастую они совмещали жилые

и административные корпуса и помещения (Невьянск, Нижний Тагил, Кыштым и др.). Усадьбы отличались роскошью, включали в себя обширные парки, оранжереи, библиотеки, флигели для гостей и челяди. Яркими образцами являются усадьбы Л. Расторгуева в Екатеринбурге. (1794—1824гг.) и а Кыштыме (известный как «Белый дом», 1630-е гг.). Они включали обширные парки, павильоны, металлические узорные ограды и здания, отмеченные лучшими чертами русского классицизма. Подобным образом, но с меньшим размахом, отстраивались усадьбы прочих купцов и промышленников в городах Урала.

В пореформенный период новым явлением стало строительство зданий для городских и земских учреждений. Наиболее яркий образец – здание городской управы в городе Сарапуле (1876 г., арх. М.С. Купинский). Заметно оживилось жилищное строительство. Увеличилось число зданий каменной и полукаменной застройки. Каменные усадьбы стали массовыми объектами не только в архитектуре крупных губернских центров, но и в малых городах, таких, как Шадринск, Сарапул, Троицк. Сложился новый тип усадебного комплекса, в который, кроме жилого дома, входили производственные помещения. Архитектура усадебных домов неоднородна. Однако при всех отличиях в объемных построениях, планировочных и фасадных композициях она хорошо раскрывает существо периода – его переходность, постепенное преодоление на Урале традиций классицизма и приобщение к нормам эклектики. В период 1880-90-х годов в большинстве городов бурно развиваются торговые центры. Помимо торговых сооружений, они включали здания банков, контор, гостиниц и земских учреждений, жилые дома. Так, например, складывается застройка Верхне-Торговой площади в Уфе, Сибирской улицы в Перми и др. Это был период значительного обновления типологического состава общественных зданий в архитектуре Урала. Новые типы построек появляются по сравнению со столичными и губернскими городами центральной России со значительным опозданием.

Расширяется строительство по специальным проектам: возводятся народные школы, реальные и коммерческие училища, гимназии. Общегородское значение приобретают крупные гимназические комплексы – первая женская гимназия в Екатеринбурге, Мариинская женская гимназия в Перми, мужская гимназия в Ирбите. Широкое распространение получает сдача помещений в наем. Извлечение владельцем прибыли из участка определяет состав строений на нем, а появление в жилом доме квартир, сдаваемых в аренду, – его планировочные особенности. Растет число композиционно-планировочных и функциональных разновидностей жилых домов: дома с магазинами, доходные дома, дома особнякового типа. Разновидность жилого комплекса с магазином – одна из самых массовых во всех уральских городах. Стилиевые направления, получившие распространение в гражданской архитектуре Урала, целиком определяются принципами

эkleктики. «Кирпичный» стиль становится самым массовым. В 1890-е годы в архитектуре начинают широко воспроизводиться композиционные и стилистические детали разных эпох и стилей – барокко, готики, классицизма. К концу XIX в. «кирпичный» стиль превращается в одно из самых декоративных течений эkleктики. Особенно пеструю стилистическую картину представляет жилищная архитектура. Обращаются также к заимствованиям из деревянного зодчества.

В эволюции гражданской архитектуры период 1900-10 годов занимает особое место. Увеличивается число уникальных общественных зданий, таких, как театры, народные дома, концертные залы, клубные здания, имеющие культурно-просветительское назначение. Массовый характер приобретает в городах Урала строительство народных домов. Многие общественные здания возводятся на основе конкурсных проектов. Проводятся крупные конкурсы на строительство народного дома им. С.Т. Аксакова в Уфе (1909 г.), второй женской гимназии в Екатеринбурге (1909 г.), Кирилло-Мефодиевского училища (1910 г.) в Перми, нового гостиного двора (1912 г.) и здания Делового клуба (1913 г.) в Екатеринбурге. Общая для периода особенность – увеличение размеров и укрупнение масштаба общественных сооружений разного типа – торговых построек, административных зданий, что придает их архитектуре монументальные, градоформирующие качества.

В жилищной архитектуре ведущее положение занимают доходные дома и особняки. В композиции особняков широкое распространение получает стилистика модерна, которая развивается в гражданской архитектуре Урала с 1900-х годов. К 1910 году влияние модерна охватывает самый широкий круг гражданских объектов – не только уникальные жилые и общественные здания, но и массовую застройку.

Из большого числа гражданских инженеров и архитекторов Урала второй половины XIX-начала XX века выделяется яркий талант пермского архитектора А.Б. Турчевича, вятского архитектора И.А. Чарушина, екатеринбургского архитектора Ю.О. Дютеля, создавших ряд замечательных произведений столичного уровня.

Особенности градостроительной, типологической и стилистической эволюции уральской архитектуры в 1920—30-е годы обусловлены интенсивной индустриализацией и урбанизацией региона. С началом строительства крупных промышленных предприятий активизируются градостроительные процессы – реконструкция старых, строительство новых городов. Новые генеральные планы отражают влияние идей «города-сада» и «соцгорода», откорректированных региональными традициями XIX в. Реконструкция центров крупных городов выражалась в образовании новых функциональных зон и общественных комплексов. Важнейшая черта периода становления советской архитектуры на Урале – формирование новых типов

общественных зданий разнообразного назначения (наибольшее распространение получил клуб для рабочих).

Вплоть до конца 1920-х годов крупные здания строились главным образом в стилях неоклассицизма и модерна. В процессе централизации строительства прежние стили вытесняются архитектурой конструктивизма, причем в экономических условиях Урала более приемлемым оказывается функциональный метод уже сложившегося стиля. В начале 1930-х годов происходит процесс отхода от конструктивизма и наступает этап освоения классицистического наследия. Для гражданской архитектуры 1930-х годов был характерен постепенный переход от динамичных объемно-пространственных композиций конструктивизма к позициям традиционализма с нарастающей монументализацией форм. Освоение ордерных композиций развивалось от подчеркнуто декоративных принципов применения их многочисленных стилизаций до достаточно полного следования композициям античности и ренессанса.

Во время Великой Отечественной войны быстрый рост градоформирующей базы уральских городов изменил структуру их расселения. В гражданской архитектуре отмечалось свертывание строительства общественных зданий и увеличение темпов строительства индивидуальной и малоэтажной застройки.

Послевоенный период характеризовался созданием новых городов, массовой застройкой главных городских магистралей и примыкающих к ним кварталов 4-5-этажными жилыми домами, включая учреждения общественного обслуживания на 1-м этаже, с декором фасадов в виде стилизованных классицистических композиций. В архитектуре общественных зданий стилистическое развитие отличалось возведением строго индивидуальных для каждого города построек – носителей общественных идей, отличающихся обилием декора, воспроизводящего фрагменты и детали разных стилистических схем; использованием ордерных композиций в фасадах; влиянием объемных композиций высотных зданий Москвы рубежа 1940-50-х годов. Однако создание впечатляющих архитектурных образов послевоенного периода шло в противоположную сторону от технического прогресса. Наиболее остро это противоречие сказалось в жилищной архитектуре: традиционные методы строительства не могли решить проблем создавшегося в послевоенное десятилетие дефицита жилья.

Неизменно стоявшая перед уральскими архитекторами советского периода проблема скоростного строительства, вызванная ускоренной индустриализацией, способствовала накоплению опыта проектирования и строительства индустриальными методами уже к началу 1950-х годов. Середина 1950-х годов ознаменовалась интенсивным процессом перестройки материальной базы строительства (возведением и реконструкцией заводов строительных материалов) и реорганизацией архитектурно-планировочной

деятельности (укреплением проектных организаций и концентрацией проектных работ в них), характеризующих наступление индустриального этапа – нового этапа в истории советской архитектуры.

Литература

1. Алферов Н.С. Зодчие старого Урала. Свердловск, 1960
2. Раскин А.М. Архитектура классицизма на Урале. Свердловск, 1960
3. Художественная культура Пермского края. Пермь, 1992
4. Вопросы градостроительства и архитектуры Урала. М., 1987
5. Каптиков А.Ю. Народные мастера-каменщики в русской архитектуре XVIII в. (На примере Вятки и Урала). М., 1988
6. Терехин А.С. Пермь. Очерк архитектуры. Пермь. 1970
7. Вопросы теории и практики архитектурной композиции. М., 1979
8. Из истории художественной культуры Урала. Свердловск, 1980
9. Шумилов Е.Ф. Архитектура Ижевска. Ижевск, 1978
10. Зырин Б.В. Архитектор Чарушин. Киров, 1988
11. Косточкин В.С. Чердынь. Соликамск. Усолье. М., 1988
12. Архитектура промышленных предприятий и городов Урала. М., 1977
13. Козинец Л.А. Каменная летопись города. Свердловск, 1989
14. Лотарва Р.М. Города-заводы России. XVIII — первая половина XIX с- Екатеринбург, 1993
15. Алферов Н.С. и др. Свердловск. М., 1980.

14.4. ПРОМЫШЛЕННАЯ АРХИТЕКТУРА

Промышленная архитектура подразделяется на промышленное градостроительство (архитектурная организация промышленных территорий), архитектура промышленных зданий, архитектура промышленных сооружений. Возникла на Урале одновременно с колонизацией края русскими при строительстве соляных городков (Усолье – 1430 г.) и получила интенсивное развитие с началом XVIII в. – времени горнозаводского освоения Урала.

В качестве архитекторов первых уральских заводов выступали так называемые плотинные мастера, решавшие задачу создания напора воды для вододействующей технологии производства и обработки металла. Гидротехнические комплексы уральских заводов XVIII в. были не только самыми мощными и совершенными для своего времени, но и определили градоформирующую основу первых промышленных поселений (гидротехнические сооружения). Как правило, промышленные и жилые здания вплоть до конца XVIII в. выполнялись а дереве и до настоящего времени не сохранились. Исключение составили плотины заводских прудов – самые ранние памятники промышленной архитектуры Урала. Из производственных зданий – это Невьянская наклонная башня (1725 г.), соеди-

нившая в себе функции заводской лаборатории, рабочего кабинета А. Демидова, сторожевой башни и колокольни. Сохранились также провиантские склады (середина XVIII в.) в Нижнем Тагиле, выполненные в камне. Архитектура этих зданий носит черты русского барокко и во многом заимствована из архитектуры кремлей и монастырей XVII века. В большей мере этот период ценен формированием принципов промышленного градостроительства, поскольку большинство уральских заводов послужило основой первых промышленных городов. Завод являлся центральным ядром поселения, предзаводские площади – административными и торговыми центром, связывающим завод с жилыми кварталами.

Среди заводов Урала выделяется Екатеринбургский (1723 г.), который в отличие от остальных планировался как промышленный город – военно-административный, культурный и торговый центр горнозаводского Урала. Он органично соединял в себе черты завода и регулярной крепости с посадом в лучших традициях европейского фортификационного искусства. Екатеринбург можно считать первым промышленным городом в истории градостроительного искусства. Основателем его являлись В.Н. Татищев и В.И. де Геннин, соединившие здесь воедино свои знания европейского градостроительства и крупного промышленного производства.

Как область профессиональной деятельности промышленная архитектура сложилась в начале XIX в., когда на Урале сформировался корпус архитекторов горного ведомства – выпускников Петербургской Академии художеств. Особенно плодотворным этапом деятельности специалистов промышленной архитектуры на Урале являлась первая половина XIX века, когда заводы перестраивались в камне на основе последних достижений архитектурного творчества и строительства. В промышленное строительство были привлечены формы архитектуры в стиле русского классицизма и принципы гармонии, ансамблевости, комфортности и рациональности, созданы новые типы производственных, жилых и гражданских зданий. Разрабатывались генеральные планы городов и заводских поселений, определившие их развитие вплоть до первой половины XX века. Сложились центральные производственно-селитебные ансамбли, состоявшие из зданий производственного назначения, церквей, контор, усадеб управляющих и владельцев заводов, магазинов, госпиталей, школ, образцовых жилых построек для рабочих. Окончательно сформировался новый для градостроительной культуры тип промышленного города, получивший позже широкое распространение в мировой практике. Основные профессиональные принципы, выработанные на Урале, легли в основу советского градостроительства.

Наиболее выдающимися зодчими промышленной архитектуры Урала первой половины XIX века являются И.И. Свиязев, М.П. Малахов, С.Е. Дудии, И.М. Подъячев, А.П. Чеботарев, А.В. Комаров, Ф.А. Тележников,

В.Н. Петенкин. Горнозаводские ансамбли Урала первой половины XIX века до сих пор формируют центр большинства городов и части населенных местностей Урала. Некоторые из них были искажены поздними наслоениями, однако до сих пор составляют предмет своеобразия и культурной значимости архитектуры Урала.

Среди них высокой архитектурной ценностью отличаются ансамбли Екатеринбургского, Верх-Исетского, Невьянского, Нижне-Тагильского, Верх-Нейвинского, Билимбаевского, Кыштымского, Каслинского, Златоустовского, Алапаевского, Артинского, Нижне-Сысертского. Ижевского, Боткинского, Каменского заводов. Остальные либо полностью перестроены в более поздние периоды, либо сохранились фрагментарно.

В этот период начинают складываться научные основы промышленной архитектуры. Большую роль сыграли первые научные труды уральских архитекторов И.И. Свиязева, обобщившего опыт формирования новых типов производственных зданий. Во второй половине XIX века в промышленную архитектуру приходят выпускники Санкт-Петербургского института гражданских инженеров, а также горные инженеры. Национально-романтические поиски гражданской архитектуры слабо прививаются в промышленной архитектуре, вступая в противоречие с конструктивной сущностью производственных зданий. Сфера промышленной архитектуры становится на Урале колыбелью нового стиля «модерн». Ряд заводов Урала, полностью перестроенные в конце XIX – начале XX в., демонстрируют возможности новой архитектуры: Баранчинский, Кушвинский, Саткинский, Пашийский. Среди них особо выделяется Баранчинский электротехнический завод, реконструированный в годы первой мировой войны в связи с эвакуацией туда завода «Вольта».

В 1920-30-е годы создание гигантов индустрии сопровождалось организацией на государственных началах проектного дела и формированием советской школы проектировщиков. Закладывались основы районной планировки индустриальных центров, над которыми в институте «Промстройпроект» работали архитекторы В. А. Мыслин, А.Э. Зильберт, В.П. Надеждин, С.Н. Щербаков, В.С. Бурдуин, В.Е. Дементьев, Н.П. Жуков и др. Отличительной особенностью промышленных районов Урала, создававшихся на базе черной металлургии, становится кооперация металлургических заводов с предприятиями тяжелого машиностроения. Строительство новых крупных заводов осуществлялось комплексно в виде крупных промышленных селитебных образований, получивших название «соцгород». Соцгорода возводятся как в сложившихся ранее промышленных городах (УЗТМ, НТМК, УВЗ, ЧМЗ), так и на новом месте (Магнитогорск). Последний имел особое значение для развития промышленной архитектуры Урала, поскольку служил творческой лабораторией и местом отработки типовых технологических схем крупных металлургических цехов. Над их

созданием трудились видные советские архитекторы: В.Д. Соколов, В.Л. Гофман, А.И. Лубнин. Данные типовые схемы широко использовались позже для строительства на других металлургических заводах Урала. Широкое использование типового проектирования, большой круг технологов-разработчиков, принимавших участие в проектировании крупных промышленных зданий, размывали архитектурную индивидуальность творческих решений. Это выхолащивало суть промышленной архитектуры, в значительной степени снижая ее эстетические достоинства.

Вклад архитекторов этого периода заключался в формировании современных принципов проектирования промышленных предприятий: четкое экологическое зонирование промышленных территорий, взаимосвязь их с системами транспортного и культурно-бытового обслуживания, благоустройства и озеленения, создание сети административно-бытовых комплексов. Подобно старым уральским заводам соцгорода рассматривались как единый промышленно-селитебный ансамбль, где предзаводская площадь выполняет задачи административного, торгового, культурного центра соцгорода, функционально и композиционно связывая завод с жилыми кварталами. Ориентация советской архитектуры на классическое наследие в 1930-50-е годы благотворно сказалась на ансамблевости решений соцгородов, однако в промышленной архитектуре Урала она не принесла выдающихся произведений. Поиски советской архитектурной школы в промышленной архитектуре более продуктивны были в отношении функциональных, типологических и конструктивных решений, что легло в нормативную основу промышленной отрасли архитектурного проектирования. Эти функции взяли на себя центральные государственные и проектные институты Промстройпроект, Гипромез, Гипрохим и др. Уральские территориальные отделения этих институтов строго придерживались данных нормативов, что в значительной степени сковывало инициативу зодчих.

С начала 1960-х годов промышленная архитектура переживает неблагоприятный этап своего развития в связи о жестким диктатом единого государственного заказчика и подрядчика. Нормативное промышленное проектирование не оставляло места архитектуре, и только в стенах вузов удалось сохранить перспективные направления архитектурного творчества.

Литература

1. Алферов Н.С. Зодчие старого Урала. Свердловск, 1960
2. Вопросы градостроительства и архитектуры Урала. М., 1987
3. Барец М. Магнитогорье // Современная архитектура, 1930. № 1-2
4. Гофман В.Л. Фабрично-заводская архитектура. Ч. 1. Л. 1931
5. Развитие промышленной архитектуры Урала. М., 1989
6. Вопросы промышленного градостроительства. Екатеринбург, 1992
7. Лотарева Р.М. Города-заводы России: Екатеринбург, 1993.

ГЛАВА 15. ИСКУССТВО УРАЛА

15.1. ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО ИСКУССТВА

Древнейшие из обнаруженных на территории Урала памятников изобразительного искусства — наскальные рисунки, металлическая пластика — относятся к периоду первобытно-общинного строя: от верхнего палеолита до железного века (наскальные изображения., пермский звериный стиль). Неправомерно искать прямую связь с ними более поздней художественной культуры края. Однако отголоски пермского звериного стиля можно видеть в орнаменте аборигенных народов Урала — коми, удмуртов, манси и ханты. Археологические находки позволяют думать, что уже предки коми украшали одежду тканым узором, геометрической вышивкой, традиции которых сохранились у коренных народов Урала вплоть до наших дней.

У населения, обитавшего в таежной зоне, издавна формировалось высокое мастерство обработки дерева (народное жилище), начиная от рубки изб и амбаров, увенчанных двускатными кровлями со скульптурными коньками и курицами, кончая домашней утварью из корня и бересты. Пластическое дарование народов Урала, раскрывшись еще в языческих идолах, с принятием христианства полно проявилось в пермской деревянной скульптуре XVII—XIX вв., соединившей аборигенные традиции с русским и западноевропейским влияниями. С началом русской колонизации и христианизации Урала сюда попала новгородская и московская, икона, а с 80-х XIV в.— времени миссионерской деятельности Стефана Пермского — в крае, по-видимому, образовались очаги местного иконописания. Однако памятники того времени не сохранились. Первые иконы, предположительно уральского происхождения, относятся к последней четверти XVI — начала XVII в., к так называемой Строгановской школе, сформировавшейся в Москве и имевшей провинциальное ответвление.

Уральскую икону XVIII—XIX вв., как и икону этого периода России в целом, можно условно разделить на три направления. Первое составляют работы, заказывавшиеся ортодоксальной православной церковью и ориентированные на искусство Нового времени. Второе — иконопись, создававшаяся преимущественно для старообрядцев, хотя и не только для них, и основанных на византийской и древнерусской традициях. Третье — иконопись фольклорная, широко бытовавшая в народе. Последняя, связанная с архаичными пластами искусства, мало изменявшаяся во времени, не имела определенных территориальных границ. Иконы первого направления более характерны для Прикамья и Зауралья с его административным и религиозным центром — Тобольском, определявшим сильные позиции официальной церкви, способствовавшим проникновению украинских вкусов, связанных с

киевским происхождением тобольского духовенства. Иконопись второго направления, недавно получившая название Невьянской школы, распространилась прежде всего по горнозаводскому Уралу, ставшему оплотом русского старообрядчества. Она пережила расцвет во второй половине XVIII — первой половине XIX века и сохранила некоторые стилистические признаки до начала нынешнего столетия.

На слиянии трех названных направлений возникали промежуточные явления. Так, соединение фольклорной иконы с Невьянской школой образовывало низовой уровень последней, а воздействие той же фольклорной иконы на икону первого направления приводило к созданию примитивов, среди которых — иконы, запечатлевшие образы сравнительно недавно канонизированных святых от Симеона Верхотурского до Серафима Саровского.

Уральская иконопись во многом стала основой изобразительного искусства края. Несомненно взаимовлияние иконы и старообрядческой книжной миниатюры, воздействие иконописной манеры на роспись по дереву и металлу (домовая роспись, обвинекая роспись, тагильский поднос), роль иконы в судьбе будущих мастеров станковой живописи, нередко получавших первые уроки худ. грамоты у иконописцев.

Специфическая особенность уральской культуры, начавшей складываться в эпоху петровских преобразований, определялась тем, что в ее создании велика заслуга старообрядцев, сочетавших приверженность к патриархальным идеалам с деловитостью, дерзкими порывами мысли, склонностью к изобретательству и техническим усовершенствованиям. Так, рядом с традиционными видами художественного творчества, связанными с крест, бытом, рождалось новое искусство промышленного региона, основанного прежде всего на обработке металла и камня. Это искусство — результат коллективного труда: замысел столичного, а порой и местного автора проекта соединялся с работой литейщиков, чеканщиков, каменщиков. Мастеров готовили горнозаводские и специальные рисовальные школы. Среди первых уральских педагогов, овладевших приемами искусства Нового времени, М.В.Аврамов (1698-1753). Начиная с последних десятилетий XVIII века Петербургская Академия художеств направлена горные заводы Урала образцы изделий, методические указания, а затем и своих воспитанников. Особую роль в становлении художественного образования на Урале сыграли основанная в начале XIX века Н.Н.Демидовым Нижне-Тагильская школа живописи и Выйское училище, отчасти продолжившее ее традиции.

Развитие уральского промышленного искусства определялось как художественными общероссийскими процессами, так и местными условиями: открытием и разработкой новых минералов, технологией производства. Пережив на определенном этапе расцвет, отд. виды искусства отодвигались на второй план или исчезали. Так, орнаментированная чеканкой медная посуда,

изготавливавшаяся в XVIII веке на государственных и частных заводах Урала, уже в начале следующего столетия была вытеснена фарфором и фаянсом.

Значительно долговечнее оказалась судьба художественного чугунного литья, к которому обратились Каменский, Выйский, Кушвинский, Верх-Исетский, Чермозский, Пожевский, Билимбаевский, Каслинский, Кусинский и др. заводы. Начав с выпуска простейших предметов быта, они перешли к изготовлению архитектурных деталей, узорных решеток, ставших неотъемлемой частью облика не только уральских городов, но и Москвы и Петербурга, к отливкам круглой скульптуры, а с начала XIX века к созданию композиционно сложных монументов и одновременно камерной пластики. В чугунном литье отразилось ; стилистическое движение от барокко (Слободской дом Н.Н.Демидова в Москве, аллегорические статуи времен года, автором которых, очевидно, был уральский мастер Т.Сизов — 1760-е) к классицизму (ансамбль чугунного литья в имении Н.А.Демидова в Петровском — 1770-е; решетка Поцелуева моста в Петербурге — 1814-16; ограды, мосты и статуи в Кузьминках — 1820-40-е).

Успехи чугунно-литейного дела стимулировали развитие на Урале в первой трети XIX века художественного литья из бронзы, которое было освоено на Верх-Исетском, Выйском, где это производство возглавил Ф.Ф.Звездин, и на Златоустовском заводах. На последнем бронза применялась для оформления эфесов холодного оружия, связанного с еще одной яркой страницей уральского искусства златоустовской гравюрой на стали, признанными мастерами которой были И.Н.Бушуев, И.П.Бояршинов и В.И. Южаков.

Всероссийскую и мировую славу Уралу принесли изделия из мрамора, яшмы, малахита и лазурита {камнерезное искусство, ювелирное искусство, Екатеринбургская гранильная фабрика). Основы достижений художественной обработки камня на Урале заложили в XVIII — первой половине XIX века И.И.Сусоров (1721-60), С.С. Ваганов, И.Патрушев (между 1737 и 1742 — ?), М.Колмогоров, И.А. Штейнфельд (Штенфельд, Шенфельд; 1768-69 — 1829), Д.О.Тетенев (1770—1815), В.Е.Коковин (Каковин; 1760-1818), Я.В.Коковин, А.И. Лютин (1814 — ?), Г.Ф.Налимов (1807-77) и др. Камнерезное искусство развивалось сходными путями с чугунным литьем. От нарезания простых мраморных плит уральцы пришли к оформлению дворцовых интерьеров и изготовлению обелисков, торшеров, ваз и широкому применению русской и флорентийской мозаик, к созданию рельефов и круглой скульптуры, к сотрудничеству со столичными зодчими А.Ринальди, А.Н.Ворониным, К.И. Росси, И.И.Гальбергом, А.П.Брюлловым, Катонем и другие. В первые десятилетия XIX века в уральском камнерезном искусстве проявились характерные черты высокого классицизма.

Параллельно с художественной обработкой металла и камня на Урале зарождались светская графика и живопись. Их путь от ландкарт петровского

времени с элементарными изобразительными мотивами через рисунки, подобные иллюстрациям М.С.Кутузова (7—1741) и И.Ушакова к рукописи В.Геннина, и далее к живописным портретам, пейзажам и жанровым полотнам, начавшим появляться в конце XVIII — первой половине XIX века в различных городах и поселках, в частности, в Прикамье и Нижнем Тагиле (крепостные иконописцы, живописцы и резчики Прикамья, Худояровы, П.П.Веденецкий, В.Е.Раев).

Отход русского искусства в середине XIX века от классицизма и вообще от стилевого единства значительно изменил характер изделий уральского промышленного искусства. Камнерезное искусство теряло монументальность форм, а в камерных изделиях при всем техническом мастерстве нередко скатывалось к ремесленничеству. Сходные процессы происходили в златоустовской гравюре на стали. Большинство заводов отказалось от выплавки художественного чугуна. Однако на Каслинском (каслинское художественное литье) и Кусинском именно во второй половине XIX — начала XX века этот вид искусства достиг расцвета, обусловленного тесными творческими контактами местных мастеров (В.Ф.Торокин) с известными отечественными скульпторами, работой по моделям П.К.Клодта, М.Д.Канаева, Р.Н., Н.Р. и Р.Р. Бахов, Н.И.Либериха, Е.А.Лансере, А.Л. Обера. Касли и Куса, несомненно, способствовали популяризации реалистической скульптуры. Одновременно в декоративных произведениях уральского чугунного литья рубежа XIX-XX веков просматривается путь от эклектики к новому стилю — модерну.

Демократизация обществ, отношений расширила возможности поступления уральцев в художественные учебные заведения Петербурга, Москвы и зарубежных городов. Ф.А.Бронников, В.П. и П.П. Верещагины, А.А. и П.А.Сведомские, А.И.Корзухин и другие предст. акад. и реалистического направлений, заняв заметное место в истории русской живописи в целом, не порвали связей с родным краем и оказали значительное влияние на его культуру. Во второй половине XIX века художественная жизнь Урала не концентрируется вокруг заводов и их меценатствующих владельцев, а становится результатом деятельности местной интеллигенции. В этой связи заметен вклад известного рисовальщика, карикатуриста и этнографа М.С.Знаменского в духовную культуру Тобольска, старинного зауральского города, где во времена царствования Анны Иоанновны находились в ссылке первые петровские пенсионеры-живописцы И.Н. и Р.Н.Никитины (около 1680 — после 1742; не ранее 1680—1753). Екатеринбургцы Н.А.Иванчев (1834 — после 1878), Н.М.Плюснин, А.М.Писарев (1848—1903), В.Г.Казанцев (1849—1902), Н.Н.Клепинин, А.К. Денисов-Уральский, А.А.Шереметевский (1863—1919), Л.Н.Жуков (1873—1933); пермяки А.И.Шанин, А. Н. Зеленин, И.П.Чирков (1877— 1920); сарапулец А.П.Беркутов (1851—1901); тюменец Н.В.Кузьмин (1858—1910-е) и другие сочетали творчество либо с

преподаванием рисования в гимназиях и реальных училищах, либо с художественно-организаторской деятельностью.

Событием в культурной жизни края стало открытие в Екатеринбурге Передвижной академии выставки (1887), которая впервые познакомила уральцев с творчеством крупных русских живописцев XIX века и несколько экспонатов, которой стали основой художественного отделения музыки при УОЛЕ. Сходной по характеру оказалась выставка в Оренбурге (1889). На рубеже XIX—XX веков в городах Урала проводились первые выставки производства местных художников. На них нередко экспонировались также работы столичных мастеров из частных собраний. В Екатеринбурге было создано Общество любителей изящных искусств (1895—1918), в Перми – Общество любителей живописи, ваяния и зодчества (1909-19). Открытие в 1902 Екатеринбургской художественно-промышленной школы привлекло на Урале талантливых педагогов и художников: М.Ф.Каменского, В.П.Рупини (1867—1941), А.Н.Парамонова, В.В.Коновалова (1865—1908), В.А. Алмазова (1870 — ?), Т.Э.Залькална и заложило фундамент профессионального образования в области декоративно-прикладного и изобразительного искусства. Уральский художник А.Н.Парамонов, С.И.Яковлев (1862—1930), молодой И.Д.Иванов (Шадр) обратились, особенно в период первой русской революции, к журнальной, в частности сатирической, графике.

Новые мотивы, пленеристические и декоративные завоевания, характерные для русского искусства конца XIX — начала XX в., проявились в творчестве таких известных уроженцев Урала, как М. В. Нестеров, Л. В. Туржанский, Л. В. Попов, а также в полотнах выпускников Академии художеств П.С. Евстафьева (1880—1958), сыгравшего в начале XX в. заметную роль в искусстве Перми, и В.А.Кузнецова, работавшего в Верхней Салде и Нижнем Тагиле. Затронули Урал и веяния авангардного, футуристического искусства. Их носителями оказались в Перми В.В.Каменский, организовавший в 1912 выставку произв. близких ему мастеров, а в Башкирии Д.Д.Бурлюк, активно участвовавший в выставках Уфимского художественного кружка (1915-17).

Какие бы тяжелые последствия ни несли отечественной культуре порожденные Октябрьской революцией иллюзии, нельзя отрицать того, что они усилили процессы, начавшиеся в искусстве ранее, интенсифицировали провинциальную художественную жизнь. Идея монументальной пропаганды захватила на Урале и мастеров-самоучек (техник Мотовилихинского завода В.Е. Гомзиков), и скульпторов-профессионалов (С.Д.Эрзя, П.П.Шарлаимов (1889-1920-е), И.А.Камбаров), дала импульс возрождению монументальных форм в камнерезном и чугунно-литейных искусствах. Оформлением революционных праздников, популяризацией изобразительного искусства, художественной педагогией увлекались мастера различных направлений, видов и жанров искусства, масштабов дарования. Плодотворной в конце 1910

-начала 20-х оказалась деятельность ИИ.Субботина-Пермяка, Н.М. Гущина (1880-1965), А.В.Каплуна (1887—1974), М.Б.Вериго (1892 -?), В.А.Оболенского, И.И.Туранско-го в Перми; А.Н.Парамонова и Л.В. Туржанского в Екатеринбурге; Е.Т.Володина(1886 — ?) И.А.Мочалова(1896— 1940), И.К. Мрачковского (1889— 1930-е), Н.А. Русакова(1888—1941), А.Н.Самохвалова (1897—1964) — однофамильца ленинградского художника, Н.Д.Лебедева (1894—1927), П.С. Дуплицкого(1896—1942) в Челябинске; С.М.Карпова (1890—1929), С.В.Рянгиной (1891— 1955), А.Ф. Степанова (1893—1965), Н.В.Кудашева (1889— 1966) в Оренбурге; М.И.Авилова (1892— 1954), И.И.Овешкова (1877—1944), Е.Л.Кропивницкого (1893—1979), К.П.Трофимова (1885—1944), П.А. Россомахина (1886—1956), И.И.Кротова (1897—1945) в Тюмени; П.П.Чукомина(1874—1944) в Тобольске.

С середины 1920-х в городах Урала возникли Ассоциации художников революционеров России: в 1925 — в Свердловске (в это отделение вошли также художники Перми и Шадринска) и в Уфе, в 1926 — в Оренбурге, в 1928 — в Челябинске; а после 1932 — организации создававшегося Союза художников СССР: параллельно открывались отделения Всероссийского кооперативного союза работников изобразительных искусств ; регулярно проводились выставки местных художников, некоторых из них приглашали для участия в столичных экспозициях. В 1935 в Свердловске, а затем и в других городов региона, прошла выставка моек, и ленинградских мастеров «Урало-Кузбасс в живописи». Несмотря на начавшие сказываться методы командно-административных руководств культурой названные мероприятия содействовали развитию в регионе изобразительного искусства, укреплению его материальной базы. Характерной для тех лет стала живопись Г.Л.Мелентьева, Т.А.Парти-ной (1893-1963), А. П .Давыдова (1893-1967), М.В.Балагушина (1889-1966), И.Г.Вандышева (1891-1964), А.М.Сосновского (1902-87), Е.А.Техменова (1866-1934), скульптура И.А. Камбарова, И.И.Трембовлера (1890-1943), Т.В.Руденко-Щелкан (1892-1984). Многие художники искренне увлекались новой сюжетикой (революции, гражданская война, трудовые будни), однако недостаток мастерства, опыта в работе над «тематической» композицией, ложность идеи порой приводили к творческим неудачам. Художественно цельнее оказались в 1920—30-е менее идеологизированные работы уральцев, прежде всего лирические пейзажи, которые наряду с Л.В.Туржанским, писали К.М.Голиков, И.К. Смосарев, А.М. Минеев (1902—1971), Н.С.Сазонов (1895— 1972), С.А.Михайлов, А.П.Митинский (1905-70), В.П.Барашев (1905-70) и др. Заметных успехов достигли худ. в станковой и книжной графике: А.Ф.Узких (1889—1953), А.А.Жуков* (1901-78), В.А.Баталов (1889-1971), Г.Я.Соловьев (1897 -?), Д.Ф.Фехнер (1897-1973), А.С.Пруцких (1901- 1977), А.П.Сабуров (1905-83), ААКудрин (1893-1959) и в театрально-декорационном искусстве А. В.

Дубровин (1889-1975), И.М. Вахонин (1887-1965); А.А.Кузьмин, В.А.Людмилин, В.Л.Талалай (род. 1908), И.П. Котовщиков (родился 1905).

Первые десятилетия XX века в художественной культуре Урала ознаменованы еще одним значительным явлением — зарождением и развитием профессионального изобразительного искусства у народов, которые ранее его не имели. В Башкирии этот процесс связан с именем К.С.Давлеткильдеева, А.Э.Тюлькина, М.Н.Елгаштиной (1873-1966) и других. Среди воспитанников художественных мастерских Ленинградского института народов Севера в 1930-е были и представлены Приполярного и Заполярного Урала (ханты К.Натускин, ненец К.Л.Панков и другие).

Многие уральские художники ушли на фронт, их натурные зарисовки легли в основу произведений о войне. В эвакуации на Урале оказались известные мастера с Украины,

из Прибалтики, Москвы, Ленинграда: Ю.Р.Бершадский, В.Н.Костецкий (1905-68), М.М.Черемных (1890-1962), Б.В.Иогансон (1893-73), Г.Г. Рязский (1895-1952), В.М. Орешников (1904-87), Ю.А.Васнецов (1900-73), С.Д. Меркуров (1881 - 1952), З.М.Виленский (1899-84) и другие. Работа рядом с ними оказала положительное влияние на местных художников, что проявилось на уральских межобластных выставках «Урал в изобразительном искусстве» (Пермь, 1943) и «Урал — кузница оружия» (Свердловск, 1944).

С окончанием войны жизнь искусства вошла в мирное русло. Возникли новые организации Союза художников в Тюмени, Кургане (1957). Заканчивали прерванную войной учебу возвратившиеся с фронта художники. Наряду с многим из ранее упомянутых лиц уральского искусства второй половины 40—50-х определяли живописцы В.С.Зинов (1908-91), А.Ф.Бурак (1921-1997), В.И.Игошев (род. 1921), В.Ф.Илюшин, О.Е. Бернгард (1909-98), А. А. Заусаев (1920-1981), Н.Г.Чесноков (род. 1915), Б.М.Витомский (1918-75), И.Н.Нестеров (род. 1922), Б.В.Волков (1918-79), Г.П.Гаев, В.А.Неясов (1926-1984), П.С.Бортнов (род. 1918), М.Г.Газизова (род. 1918), П.А.Оборин (род. 1917); скульпторы Г.В.Петрова (1899—1986), Г.А.Петин (1909-1947), А.А.Анисимов (1910— 1995), М.П.Крамской (род. 1917), П.А.Сажин (1919-1999); мастера станковой и книжной графики Л.А.Эппле, О.Д.Коровин, В.Ф.Васильев (1923-86); театрално-декорационного искусства: Н.С.Ломоносов (1903-95), Н.В.Ситников, М.С.Улановский (1912-1982), С.Н. Александров (1907-82). Тематика в послевоенный период стала разнообразнее, в целом возросло их мастерство. Однако диктат идеологии тоталитарного государства и односторонняя ориентация на традиции реализма второй половине XIX века, их поверхностное восприятие сковывали творческие поиски, ограничивали духовные горизонты.

В конце 50-х — начала 60-х на Урале вернулись многие выпускники ленинградской и московской художественной вузов. Вместе с окончившими уральского училища они составили плеяду мастеров нового поколения. Это

живописцы Е.И.Гудин, Г.С.Мосин, И.И.Симонов (род. 1927), М.Ш. Брусиловский (род. 1931), В.З.Беляев (род. 1926), Ю.И.Истратов (род. 1928), Н.Г.Засыпкин (1921-89), В.Я.Бушуев (род. 1934),

Л.М. Сгибнева (род. 1933), Н.В.Костина (род. 1934), Е.Н.Широков (род. 1931), А.И.Репин (род. 1925), А.Н. Тумбасов (род. 1921), И.С.Борисов (1925-95), Т.Е.Коваленко (род. 1930), Р.И.Габриэлян (род. 1926), Н.П.Ерышев (род. 1936), В.Т.Ни (1934-79), Н.А.Годин (род. 1930), О.П.Шруб (род. 1924), А.И.Мурычев (1918-86), Г.С.Бочанов (род. 1922), В.П.Овчаров (род. 1928), А.П.Холмогоров (1925-87), П.С.Семенов (род. 1934), В.Ф.Мальцев (род.1929); графики В.М.Волович (род. 1928), Г.И.Кетов (род. 1922), С.С. Киприн (1930-86), А.А.Казанцев (род. 1928), Л.П.Вейберт (род. 1925), В.А.Новиченко (род. 1927), М.В.Дистергефт (род. 1921), А.П. Зырянов (род. 1928), Л.Ф.Полстовалова (1929—93), Е.К.Кошелев (род. 1929); скульпторы В. М.Друзин, В.С.Зайков (род. 1924), В.Е.Егоров, Б.Д.Фудзеев (род. 1923), Л.Н.Голов-ницкий, Э.Э.Головницкая " (род. 1931), А.П. Суленев (род. 1929), В.А.Авакян (род. 1931), Н.Г.Петина (род. 1932), В.М.Белов (род. 1928), В.Н.Мурашов (род. 1935). Характерный для этих лет суровый стиль с его монументализмом и экспрессивностью оказался органичен для промышленности края и удерживался здесь сравнительно долго. Уральским художникам не хотелось расставаться с романтической мечтой о подлинно гражданственном, неконформистском искусстве. Идеалом для некоторых из них стал - Э.И.Неизвестный, еще в начале 50-х создавший в Свердловске первые скульптуры.

Яркое явление в искусстве 60-х — башкирская школа живописи: А.Х.Ситдикова (род. 1913), Р.М.Нурмухаметов, А.Ф.Лутфуллин, Б.Ф.Домашников (род. 1924), А.Д.Бурзянцев (род. 1928), А.В.Пантелеев (род. 1932). В этот же период формировалось творчество Г.С.Райшева (род. 1933), которому в дальнейшем удалось слить художественные традиции народов Севера с завоеваниями европейского искусства XX века.

В 60-е года внутри Союза художников СССР был создан Союз художников РФ в составе которого оказались художественные организации областных и автономных республик, объединенные в территориальные зоны для периодического (приблизительно раз в пять лет) проведения выставок. В уральской зоне с 1964 по 1985 прошло шесть выставок «Урал социалистический». Будучи порождением командно-административной системы, эти выставки между тем сыграли определенную положительную роль, объединив ранее разобщенные провинциальные художественные силы, сделав известными многие имена. С конца 50-х уральцы регулярно участвовали в республиканских, всесоюзных и международных выставках. В 1971 в Москве состоялась выставка художников Урала, Сибири и Дальнего Востока. Групповые и персональные выставки уральцев были проведены в различных городах страны и за рубежом. Наряду со станковым, признание

получило уральское монументально-декоративное и театральное-декорационное искусство, книжная графика, возрождающиеся старые и появившиеся новые виды декоративно-прикладного искусства, искусствознание.

Вслед за шестидесятниками в искусство региона входят новые поколения: свердловчане Г.С.Метелев (род.- 1938), А.И.Бурлаков (1940-1999), В.А.Чурсин (род. 1938), Н.И. Золотухин (род. 1937), Н.П.Казанцева (род. 1937), С.В.Тарасова (род. 1945), В.А.Степанов (род. 1941),Е.В.Арбенев (род. 1942), А.А.Алек-сеев (род. 1952), А.В.Золотухин, (род. 1946), А.А.Калашников (род. 1947), В.Д.Сысков (род. 1943), Ю.Н. Филоненко (род. 1947), М.П.Сажаев (род. 1948), В.И.Реутов (род. 1945), З.Г.Галеев (род. 1948), З.А.Малини-на (род. 1936), Ю.С.Устинов (род. 1954), А.Г.Антонов (род. 1944), О.Н.Мудрова (род. 1945), Л.И.Кру-жалова (род. 1946), В.Г.Жуков (род. 1941), Н.Д.Федореев (1943-96), Л.В.Пузаков (род. 1946), А.А.Лыся-ков (род. 1946); нижнетагильцы Л.И.-Перевалов (род. 1937), В.Н.Наседкин (род. 1954), Т.В.Баданина (род. 1955), Е.А.Бортников (род. 1952), ААШтро (род. 1953), С.В.Брюханов (род. 1959); пермяки С.Э.Ковалев (род. 1935), М.В.Тарасова (род. 1933), И.В.Лаврова (род. 1944); челябинцы А.П.Кудрявцев (род. 1938),Н.В.Фокин (род. 1940), В.В.Качалов (род. 1946), П.П.Ходаев (род. 1946), З.Н.Латфулин (род. 1947), Е.А.Щетинкина (род. 1950); оренбуржцы Ю.П.Григорьев (род. 1937), Г.А.Глахтеев (род. 1939), Ю.А.Рысухин (род. 1947), В.В.Газукин (род. 1951), О.В.Окунева (род. 1959); курганцы А.М.Петухов, Г.А. Травников (род. 1937), Н.А.Годин (род. 1930); уфимцы И.К. Газизулин (род. 1946), Д.Н.Ишенгулов (род. 1943), Н.А.Па-хомов (род. 1937); ижевцы С.Н.Ви-ноградов (род.1936), В.Б.Кононов (род. 1941), П.В.Елкин (род. 1946), А.Е.Ложкин (род. 1936), В.А.Цибульник1947); тюменцы А.С.Новик (род.1949), Г.А.Юринок (род. 1949),Г.П.Вострецов (род. 1948) и другие. Многие из этих художников проявили себя в нескольких видах творчества, обращались к различным материалам и техникам. Поднимая острые социальные и экологические проблемы художников нередко пользовались языком притч и иносказаний. Параллельно с официально признанным искусством начал формироваться андеграунд. Его лидерами в Свердловске еще во второй пол. 60-х оказались В.Ф.Дьяченко (род. 1939) и А.А.Таршис (род. 1942) — концептуалисты «уктусской школы», в следующие десятилетия наиб, заметными фигурами стали В.Ф.Гаврилов (1948-82) и Е.М.Малахин ; в Уфе представления об андеграунде связано с именем М.А.Назарова (род. 1927), позже одного из организаторов группы «Сары бия» («Желтая лошадь»).

С началом перестройки и далее в постсоветский период перед искусством Урала, как и страны в целом, открываются немыслимые ранее возможности, духовные горизонты, но и возникают новые трудности: прежние формы организации художественной жизни разрушаются, новые еще

только складываются: особые задачи встают перед художественной школой, призванной сохранить и развить традиции высокого профессионализма. Альтернативу официального и неофициального искусства сменила не менее жесткая: коммерческого и некоммерческого. Последнее переживает сложный период содержательных и формальных поисков.

15.2. СЕРГЕЙ ПАВЛОВИЧ ДЯГИЛЕВ ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ ИМПРЕССАРИО

Сергей Павлович Дягилев (1872–1929) – театральный деятель, искусствовед, пропагандист русского искусства за рубежом.

Сергей Дягилев родился 19 (31) марта 1872 года в Селищах Новгородской губернии, в дворянской семье кадрового военного, потомственного дворянина, кавалергарда генерал-майора царской армии. Его отец, П. П. Дягилев рано овдовел, и Сергея воспитывала мачеха Елена, дочь В. А. Панаева. В детстве брал уроки фортепиано и композиции, занимался пением со знаменитым итальянским баритоном А. Котоньи. В детстве жил в Санкт-Петербурге, потом в Перми, где служил его отец.

В Перми на углу улиц Сибирской и Пушкина (бывшая Большая Ямская) сохранился родовой дом Сергея Дягилева, где сейчас располагается гимназия его имени. Особняк в стиле позднего русского классицизма построен в 50-х годах XIX века по проекту архитектора Р. О. Карвовского.

На протяжении трех десятилетий дом принадлежал большой и дружной семье Дягилевых. В доме, названном современниками «Пермскими Афинами», по четвергам собиралась городская интеллигенция. Здесь музицировали, пели, разыгрывали домашние спектакли.

После окончания пермской гимназии в 1890 году вернулся в Петербург и поступил на юридический факультет университета.

В 1896 году Дягилев окончил Санкт-Петербургский университет (факультет права), параллельно учился в классе композиции у Н. А. Римского-Корсакова в Петербургской консерватории. Вместо того, чтобы заниматься юриспруденцией, начал карьеру деятеля искусства. В университете вместе с друзьями Александром Бенуа и Львом Бакстом организовал неформальный кружок, где обсуждались вопросы искусства.

Спустя несколько лет после получения диплома создал совместно с А. Н. Бенуа объединение «Мир искусства», редактировал одноименный журнал (с 1898 по 1904) и сам писал искусствоведческие статьи. Организовывал выставки, вызывавшие широкий резонанс: в 1897 г. – Выставку английских и немецких акварелистов, знакомившую русскую публику с рядом крупных мастеров этих стран и современными тенденциями в изобразительном искусстве, затем Выставку скандинавских художников в залах Общества поощрения художеств, Выставку русских и финляндских художников в музее

Штиглица (1898 г.) сами мирискусники считали своим первым выступлением (Дягилеву удалось привлечь к участию в выставке, помимо основной группы первоначального дружеского кружка, из которого возникло объединение «Мир искусства», других крупнейших представителей молодого искусства – Врубеля, Серова, Левитана и др.), Историко-художественную выставку русских портретов в Петербурге (1905 г.); Выставку русского искусства в Осеннем салоне в Париже с участием произведений Бенуа, Грабаря, Кузнецова, Малявина, Репина, Серова, Явленского (1906 г.) и др.

В 1899 г. князь С. М. Волконский, ставший Директором Императорских театров, назначил С. П. Дягилева чиновником по особым поручениям, дал ему редактирование «Ежегодника Императорских Театров». Вместе с Дягилевым пришли в Императорские театры многие художники (Ап. М. Васнецов, А. Н. Бенуа, Л. С. Бакст, В. А. Серов, К. А. Коровин, А. Е. Лансере). В сезон 1900–1901 годов Волконский возложил на Дягилева постановку балета Делиба «Сильвия». Дягилев привлек к постановке художников группы «Мир искусства», но дело сорвалось из-за протеста чиновников дирекции. Дягилев не подчинился распоряжению директора Волконского, демонстративно отказался от редактирования «Ежегодника», и дело кончилось увольнением Дягилева.

С 1907 года Дягилев организывает ежегодные зарубежные выступления русских артистов, получившие название «Русские сезоны». В 1907 году в рамках «сезонов» были проведены выступления музыкантов – «Исторические русские концерты». В них участвовали Н. А. Римский-Корсаков, С. В. Рахманинов, А. К. Глазунов, Ф. И. Шаляпин и др. В 1908 г. состоялись сезоны русской оперы; в 1909 г. – оперно-балетные выступления. Балетные сезоны затем продолжались до 1913 г. Для гастролей балета Дягилев пригласил ряд знаменитых артистов, в том числе М. М. Фокина, А. П. Павлову, В. Ф. Нижинского, Т. П. Карсавину, Е. В. Гельцер. С этой труппой он гастролировал в Лондоне, Риме, а также в США. В оформлении балетов участвовали выдающиеся художники, входившие в «Мир искусства», в частности А. Н. Бенуа, Л. Бакст, А. Я. Головин, Н. К. Рерих, Н. С. Гончарова. «Сезоны» были средством пропаганды русского балетного и изобразительного искусства и способствовали расцвету балета в странах, где этот жанр не был развит.

В 1911 году Дягилев организовал балетную труппу «Русский балет Дягилева». Труппа начала выступления в 1913 г. и просуществовала до 1929 г., то есть до смерти ее организатора.

Дягилев скончался 19 августа 1929 года в Венеции, по слухам, от фурункулёза. Похоронен на расположенном неподалеку острове Сан-Микеле.

Дягилев – издатель (1899–1904).

В конце 1890-х годов стал одним из создателей художественного объединения «Мир Искусства» и редактором (совместно с А.Н.Бенуа) одноименного журнала (1898/99–1904 г.), где публиковал новейшие произведения иностранных писателей и художников, давал отчеты о выставках, о новых течениях в театре и музыке, изобразительном искусстве. И сам писал статьи и рецензии о спектаклях, выставках, книгах. Параллельно с журналом издавал книги по истории русского искусства: «Альбом литографий русских художников» (1900 г.), «И.Левитан» (1901 г.), первый том «Русской живописи в XVIII в.», посвященный произведениям Д.Левитанского (1903 г.), награжден Уваровской премией Академией Наук. В 1899–1901 гг. был редактором «Ежегодника императорских театров», который превратил из казенного официального вестника в интересный художественный журнал.

Дягилев – устроитель выставок (1899–1906).

С 1899 года организовал выставки картин художников круга «Мира искусства» в Европе. Устроил выставку русских исторических портретов в Таврическом дворце в Петербурге (1905 г.), в 1906 году организовал в Париже выставку, посвященную русской живописи и скульптуре за два столетия, включая произведения иконописи.

Дягилев – театральный деятель и антрепренер (1899–1929).

В 1899 году руководил на сцене Мариинского театра постановкой балета Л.Делиба «Сильвия», которая закончилась неудачей. Пытаясь обновить сценографию балета, в 1901 был уволен за подрыв академических традиций.

С 1907 года организовывал ежегодные выступления русских музыкантов, т.н. «Русские сезоны за границей»: первым стал сезон «Исторических русских концертов», в которых выступили Н.А.Римский-Корсаков, С.В.Рахманинов, А.К.Глазунов, Ф.И.Шаляпин совместно с артистами и хором Большого театра, дирижировал Артур Никиш, непревзойденный интерпретатор Чайковского. С этих концертов началась мировая слава Шаляпина. Неслыханный успех подвигнул Дягилева на подготовку другого сезона – русской оперы. Создал комитет под председательством А.С.Танеева, и в 1908 году представил в Париже шедевры русской музыки: оперу «Борис Годунов» с участием Ф.И.Шаляпина в декорациях А.Я.Головина, сцены из опер: «Руслан и Людмила» М.И.Глинки, «Ночь перед Рождеством», «Снегурочка», «Садко» и «Царь Салтан» Н.А.Римского-Корсакова.

Русские сезоны

В Петербурге приступил к подготовке третьего, балетного сезона. В комитет по подготовке вошли хореограф М.М.Фокин, художники А.Н.Бенуа, Л.С.Бакст, В.А.Серов, балетный критик В.Я.Светлов, чиновник Императорского Двора В.Ф.Нувель, большой знаток балета статский советник, генерал Н.М.Безобразов. Комитет работал под патронажем великого князя Владимира Александровича, президента Российской Академии Художеств. Был утвержден репертуар из балетов М.М.Фокина («Шехерезада» Н.А.Римского-Корсакова, «Клеопатра» А.С.Аренского, «Павильон Армиды» Н.Н.Черепнина, сцены «Половецких плясок» из оперы А.П.Бородина «Князь Игорь»). С помощью М.Ф.Кшесинской получил субсидию. Создается труппа из молодежи, интересовавшейся хореографией М.М.Фокина (А.П.Павлова, Т.П.Карсавина), А.Р.Больш, А.М.Монахов, В.Ф.Нижинский, из Москвы приглашены В.А.Коралли, Е.В.Гельцер, М.М.Мордкин). Но ссора с могущественной Кшесинской и смерть Владимира Александровича осложнили подготовку. Нужно было обладать большими организаторскими способностями, чтобы возродить сезон, он нашел новых покровителей, французских меценаток Мисию Серт, графиню де Грюффиль и др. Оперно-балетный Сезон 1909 года все же состоялся и длился два месяца. Русский балет очаровал всех оригинальностью хореографии, высоким уровнем исполнительского мастерства, танцем кордебалета, блестящей живописью декораций, эффектными костюмами. Каждый спектакль представлял собой изумительное по красоте и совершенству единое художественное целое. Открытием Дягилева стал Нижинский, огромный успех снискали Павлова и Карсавина, сразу же получившие предложения от ведущих театров мира. С 1909 года дягилевские сезоны стали ежегодными и получили название «Русских сезонов за границей» (до 1913 г. они были чисто балетными, с уходом Фокина, Нижинского, Павловой вновь стали оперно-балетными). Поставлены оперы М.П.Мусоргского «Борис Годунов», «Хованщина», «Псковитянка» и др. Примером удачного объединения оперы и балета стала опера Римского-Корсакова Золотой Петушок (1914 г.), куда были включены балетные сцены в постановке М.Фокина. С 1910 года труппа приобретает интернациональный характер, в нее вливаются известные в будущем танцовщики Патрик Кей (Антон Долин), Элис Маркс (Алисия Маркова), Идрис Станнус (Нинет де Валуа), Мари Рамбер и др. В 1911 году сформировал собственную труппу, получившую название «Русский Балет Сергея Дягилева» в 1913 г., которая гастролировала в Лондоне, Риме, Милане, Мадриде, Барселоне, Лозанне, Берлине, городах Америки. После начала первой мировой войны в 1914 г. переводит антрепризу в Нью Йорк, в 1917 г. труппа распалась, т.к. большая часть осталась в США. Дягилев возвращается в Европу и создает новую труппу, которая существовала до 1929 г.. За годы работы труппа поставила более 20 балетов, в том числе 8

балетов Стравинского, открыв его музыку западной публике, способствовала возрождению балета в Европе, где он существовал на подмостках мюзик-холлов, и Америке, где классического балета не было. Новаторское по характеру оформление балетных и оперных спектаклей, выполненное А.Н. Бенуа, Л.С. Бакстом, А.Я. Головиным, Н.К. Рерихом, Н.С. Гончаровой и др. художниками, оказало огромное влияние на дальнейшее развитие мировой сценографии. Успех «Русского балета» удерживался на завидном уровне в течение многих лет. Режиссер труппы С.Л. Григорьев писал: «Завоевать Париж трудно. Удерживать влияние на протяжении двадцати сезонов – подвиг».

Дягилев умел не только распознать талант и собрать великолепную труппу, но и воспитать хореографа, ориентируя его на последние достижения хореографической мысли. «Одна из труднейших задач – открыть хореографа», – считал он. Благодаря свежести балетмейстерских идей балет Дягилева был в центре внимания балетного мира. Постепенно в репертуар вошли балеты французских, австрийских, итальянских композиторов, столь же интернациональной по составу стала труппа, но фундаментом все же была русская школа балета, которую прививал бессменный педагог труппы Э. Чекетти. С годами в «Русском Балете» усилилось влияние модернизма, балеты стали более сложными пластически. Последний свой замысел, балет на музыку П.Хиндемита, не успел осуществить. Хореографический стиль труппы менялся в зависимости от того, кто на данный момент служил в ней балетмейстером. Григорьев выделяет пять периодов в работе труппы (характеристики балетмейстеров его же):

1. Период работы М.М. Фокина (1909–1912, 1914 гг.). «Заслуга Фокина заключалась в том, что он раздвинул рамки классической хореографии, в которых сам вырос. Он создал новые танцевальные формы, более богатую пластику, установил новый баланс между кордебалетом и солистами».

2. Период работы В.Ф. Нижинского (1912–1913, 1916 гг.). Балетмейстерские опыты Нижинского были попыткой создать не только новый стиль, но и балет нового типа. Григорьев пишет: «Фавн... идет всего 8 минут... Нижинский поставил перед собой цель оживить древнегреческие барельефы, и заставлял танцовщиков двигаться, резко нарушая классические каноны. Требовалось также держать голову в профиль при расположении тела анфас к зрителю».

3. Период работы Л.Ф. Мясина (1915–1920, 1928 гг.). «Работа Мясина в истории Русского балета по продолжительности и плодотворности может сравниться с фокинским. Мясин сделал следующий шаг в развитии хореографии, базируясь на принципах, заложенных Фокиным. Он ввел более усложненные движения, более ломаные и вычурные формы, таким образом создав свой собственный стиль».

4. Период работы Б.Ф.Нижинской (1922–1924, 1926 гг.). «Ее стиль был ближе к классическому, чем у ее предшественников, ... даже неоклассическим. Отчасти именно поэтому Дягилев потерял к ней интерес. Ведь он хотел идти в ногу с развитием современного искусства».

5. Период работы Д.Баланчина (1924–1929 гг.). Баланчин утвердил основные формы балета 20 в. – экспрессионистский, бессюжетный, балет-симфонию.

В 1913–1914 годах хореографом работал также Б.Г.Романов, поставивший «Трагедию Саломеи» Ф.Шмитта и «Соловья» И.Стравинского.

В целом работа труппы делится на два больших периода. Первый период, золотой век, довоенный (1909–1914 гг.), характеризуется стремлением донести до европейского зрителя своеобразие русской национальной культуры. Национальные и ориентальные балеты стали ведущими направлениями. С 1914 года по 1929 год происходит европеизация Русского балета, утверждается бессюжетный балет, привлекаются к сотрудничеству представители современного искусства в лице композиторов И.Стравинского, С.Прокофьева, О.Респиги, М.де Фальи, Э.Сати, Г.Форе, Ф.Пуленка, Д.Мийо; художников П.Пикассо, А.Дерена, Ж.Руо, А.Матисса, К.Шанель, Х.Гриси, Дж.Балла, М.Лорансен, Ж.Брака, Дж. де Кирико. Многие балеты оформили русские авангардисты М.Ларионов, Н.Гончарова, Н.Габо, А.Певзнер. «Русский балет» принадлежит и русской культуре, ее Серебряному веку, и мировой культуре.

Дягилев – импрессарио (1906–1929).

Дягилев прошел путь от финансовой неразберихи сезона 1909 года до формирования стабильной независимой труппы, вошедшей в историю театра. В умении совмещать искусство с предпринимательством заключался творческий гений Дягилева, его дар импрессарио.

Большинство танцовщиков его труппы являлось детьми старшего поколения артистов Большого и Мариинского театров. Зарплаты в императорских театрах были низкими, но оставаться артистом императорского театра было престижно. Чтобы привлечь высокопрофессиональных артистов, Дягилев ввел систему не просто высоких, а звездных гонораров, особенно когда речь шла о таких артистах, как Шаляпин, Павлова, Карсавина. Платить большие гонорары было необходимо и из-за конкуренции с коммерческими театрами и мюзик-холлами, которые охотились на артистов балета из России. Он также приглашал танцовщиков из частной московской студии Л. Нелидовой, из санкт-петербургской студии Е.Соколовой, из лондонских театральных школ, из Варшавского театра «Виелки». Дягилев предлагал своим танцовщикам годовой контракт с обеспечением отпуска и репетиционного периода.

Антрепренер, музыкальный критик и пропагандист русской музыки Габриэль Астрюк стал продюсером сезона 1907 г. Он помог справиться и со сложностями сезона 1909 г., который стал артистическим триумфом, но и финансовым бедствием одновременно, т.к. кассовые сборы, несмотря на помощь русских меценатов С.И.Морозова, М.А.Калашниковой, Н.Безобразова, В.Дандре не смогли покрыть разницу между доходами и расходами. В 1911г. Астрюк вел административные дела антрепризы. В 1913 г., став директором Театра Елисейских полей, пригласил туда «Русский Балет». Он помог Дягилеву заключить контракт с директором оперного театра в Монте Карло Раулем Гинцбургом. По условиям контракта Дягилев продал Гинцбургу костюмы своей труппы, благодаря чему последний смог поставить свою версию «Ивана Грозного» («Псковитянки» М.П.Мусоргского). Эта сделка спасла Дягилева от банкротства. В 1926 г. таким же образом он поступит с занавесом П.Пикассо к балету М. де Фальи «Треуголка», и его же фигурных изображений к балету Квадро Фламенко, чтобы найти деньги на постановку «Ромео и Джульетты» К.Ламберта.

Позже барон Дмитрий Ганзбург, владелец банка, инвестировал большую сумму в сезон 1909 г., к 1913 г. стал основным кредитором Дягилева и содиректором труппы. Лондонские гастроли сезона 1913-1914 гг. субсидировали отец и сын Бичемы. Фабрикант Джозеф Бичем был инициатором гастролей. Его сын, дирижер Томас Бичем, впоследствии директор «Ковент Гарден», работал у Дягилева с 1911 года. Они же помогли Дягилеву, когда один из английских меценатов, лорд В.Ротемир, отказался от своих обещаний. За сезон 1914 года долг Дягилева стал самым большим за всю его профессиональную карьеру, что привело к объединению антрепризы с организацией Бичема и образованию «Оперных сезонов господина Томаса Бичема».

Гибкость финансовой политики Дягилева стала залогом успешной работы труппы в течение многих лет. Феномен успеха Дягилевской антрепризы способствовал развитию музыкального искусства, росту финансовых вливаний в него.

Дягилев – архивист и коллекционер.

В 1927 году увлекся организацией книжного дела и созданием крупнейшего русского книгохранилища в Европе. Собрал автографы М.Лермонтова, В.Жуковского, М.Глинки, 11 писем А.Пушкина, больше 2 тысяч редких книг, включая уникальные издания.

По свидетельству С.Лифаря, он планировал разделить труппу на две: малую экспериментальную, и большую, основную, которая давала бы средства для содержания и малой труппы, и коллекционирования. Но он не успел завершить свой последний проект.

Умер Дягилев в зените славы, на отдыхе в Венеции с ним случился удар, вызванный обострением диабета, и 19 августа 1929 года великого

импрессарио не стало. Его похоронили рядом с могилой Стравинского в Венеции на острове-кладбище Сен-Мишель.

Значение имени Дягилева в настоящее время

Гимназия в Перми, в которой учился С.П. Дягилев, с 1992 г. носит его имя. В этой гимназии № 11 был открыт музей имени С. П. Дягилева. В 2007 г. в концертном зале Дома Дягилева был установлен памятник С. П. Дягилеву работы скульптора Эрнста Неизвестного.

В Перми до сих пор проводятся ежегодные международные культурные фестивали имени С. Дягилева – «Дягилевские сезоны: Пермь-Петербург-Париж». Инициатором первого дягилевского фестиваля в России выступил Пермский академический театр оперы и балета им. П. И. Чайковского, здание которого было сооружено благодаря значительной финансовой поддержке Дягилевых и по мнению многих пермяков является красивейшим в городе.

В год столетия «Русских сезонов» интерес к личности С. П. Дягилева снова возрос. В мае 2009 года в Монако выпущены две почтовые марки «Столетие Русского балета Дягилева», созданные русским художником Георгием Шишкиным.

В 2009 году в Перми началось обсуждение создания в городе целого ряда памятников С. П. Дягилеву, показывающих его в разные годы жизни.

В 2009 году в Париже началась подготовка проекта памятника Дягилеву. Макет скульптора Виктора Митрошина стал победителем международного конкурса. Его Дягилев стоит в полный рост в цилиндре, фраке и с тростью в руке, на высоком постаменте, на котором Петрушка открывает занавес. Вероятно, памятник будет поставлен при поддержке меценатов, на пожертвования, силами русской диаспоры. В момент проведения конкурса проект поддержал президент Жак Ширак, а его супруга Бернадетт выразила желание курировать работы по осуществлению проекта. Бывший мэр Парижа Жан Тибери был против, но возведение памятника удалось начать только после того, как его сменил Бертран Деланоз. В данный момент работы ведутся под патронатом Пьера Кардена. Памятник Дягилеву установят на площади перед зданием Гранд-Опера в Париже

Адреса в Санкт-Петербурге

- 1899 – осень 1900 года – доходный дом – Литейный проспект, 45;
- осень 1900 – 1913 гг. – доходный дом Н. И. Хмельницкого – набережная реки Фонтанки, 11.

Судьба Дягилевых в СССР

Судьбы двух братьев Сергея Дягилева – Юрия и Валентина трагичны. Юрий Павлович был репрессирован, а Валентина расстреляли на Соловках в 1929 году по сфабрикованному уголовному делу.

Племянник – Дягилев, Василий Валентинович был вынужден скрывать в СССР родство со знаменитым дядей.

Дягилев как символ в культуре

Весной 2006 года в здании Щукинской сцены на территории известного московского сада «Эрмитаж» открылся самый известный богемный клуб России, вместимостью 1500 человек – «Дягилев» (также известный как «Dyagilev projekt»). Логотипом клуба стал чёрно-белый рисунок, изображающий усатого мужчину во фраке, цилиндре и бабочке с явным намёком на образ Сергея Павловича Дягилева. Этот ночной клуб поднял столичную индустрию развлечений на новую ступень и прославился самым строгим face control'ем, грандиозными представлениями, дороговизной и обилием VIP-завсегдатаев. Клуб «Дягилев» стал неформальной столицей гламура в России. 7 февраля 2008 года в клубе случился пожар, после которого клуб не восстановил свою работу. По настоящее время ни один клуб в России не смог занять его место по известности и респектабельности.

В среде хореографов и танцовщиков существует традиция – при посещении могилы Сергея Дягилева в Венеции ставить свою обувь на мраморный постамент. Практически всегда на его могиле лежат кем-то оставленные пуанты и различная театральная атрибутика. На том же греческом кладбище острова Сан-Микеле, рядом с могилой Дягилева находится могила другого великого деятеля русской сцены – Игоря Стравинского, а также поэта Иосифа Бродского. Для «театральных» посетителей на кладбище установлен специальный указатель «Diaghilew Strawinski».

На самой могиле выбита эпитафия: «Венеция – постоянная вдохновительница наших успокоений». Эта фраза, написанная Дягилевым незадолго до смерти в дарственной надписи Сержу Лифарю, стала крылатой в кругу деятелей культуры

В Перми в доме на углу улиц Сибирской и Большой Ямской (Пушкина) Сергей Павлович Дягилев (1872–1929 гг.) провел свои детские и юношеские годы.

Дом был построен в 1852 году, и в 1862 году приобретен уроженцем Перми, вышедшим в отставку чиновником Министерства финансов П.Д. Дягилевым (1808–1883 гг.) – дедом С. П. Дягилева. Он перестроил дом по проекту губернского архитектора Р. О. Карвовского в духе позднего русского классицизма.

На протяжении трех десятилетий дом принадлежал большой и дружной семье Дягилевых. В доме, названном современниками «Пермскими Афинами», по четвергам собиралась городская интеллигенция. Здесь музицировали, пели, разыгрывали домашние спектакли.

Гимназия

Духовная атмосфера дома, культ страстного поклонения перед искусством способствовали формированию творческой личности Сергея Дягилева – будущего реформатора да театра, организатора содружества молодых художников «Мир Искусства», триумфальных «Русских сезонов» в Париже и антрепризы «Русский балет Дягилева».

В 1894 году по решению Пермской городской думы дом передан учебному заведению сегодня одной из старейших гимназий Прикамья, которая с 1992 года носит имя С. П. Дягилева.

Музей С.П.Дягилева

В мире существует несколько музеев, связанных с жизнью и творчеством Сергея Павловича Дягилева: в Париже, в Монте-Карло, в Лондоне, в Венеции и Лозанне. Первая попытка создания мемориального музея в России – на родине С.П. Дягилева, осуществлена в Перми. В глубине России, в Перми на одной из центральных улиц стоит красивый особняк. «Пермскими Афинами» называли его в конце прошлого века, в нем по четвергам собиралась интеллигенция города; музицировали, пели, разыгрывались домашние спектакли, ставили живые картинки. Дом принадлежал большой дружной семье Дягилевых. В доме деда, на углу Сибирской и Большой Ямской улиц более 110 лет назад провел свои юношеские годы Сергей Дягилев – будущий реформатор театра, организатор творческого объединения молодых художников «Мир искусства», знаменитой Таврической выставки исторического портрета, «Русских сезонов» в Париже, гастролей русского балета по всему миру.

Дом этот был построен в 50-х годах прошлого века по проекту архитектора Карвовского, в стиле позднего русского классицизма. Три поколения Дягилевых проживали в нем, а с 1894 года здесь поселилась гимназия, которая теперь носит имя С.П. Дягилева. Это одно из старейших учебных заведений России, ему более 100 лет.

Музей, составляющий с гимназией единый комплекс, располагает уникальными коллекциями. В его собрании представлены: документальные материалы и фотографии пермского периода семьи Дягилевых; предметы усадебного быта из летних имений Дягилевых в Пермской губернии (Бикбарда, Николаевское); фотография 1924 г., на которой великий импресарио, запечатлен вместе с известным французским художником и драматургом Ж. Кокто; часть личного архива, книги и театральные костюмы Ю. Зорича – танцовщика созданной С. П. Дягилевым труппы «Русский балет в Монте-Карло».

Достойное место занимает также живопись и графика художников Н. Зарубина, А. Зырянова, О. Коровина, А. Тумбасова, В. Герасименко, скульптурные работы А. Уральского.

Экспонируется коллекция монументальных полотен и скульптур французских художников Ф.Талли и К.Тоди, объединенных темой «Вацлав Нижинский – гений танца» (дар Р. Бокобза), коллекция фарфоровых кукол «Русские сезоны в Париже», созданная современным мастером О.Алексеевой по эскизам одного из ведущих декораторов «Русских сезонов» Л. Бакстом.

В 2007 году в концертном зале Дома Дягилева был установлен памятник С. П. Дягилеву работы скульптора Эрнста Неизвестного.

Задача фонда и музея – исследование и возрождение отечественного культурного наследия, связанного с именем одного из выдающихся сыновей России. Мы стремимся к популяризации имени Сергея Павловича Дягилева, к возрождению культуры российской провинции, к сохранению мемориального родового дома, преобразованию его в музей мирового значения.

Сегодня музей Дома Дягилева по праву считается культурным центром Перми. За год экскурсии музея посещает более 2000 человек – это школьники, студенты, интеллигенция города и области, гости из многих городов России. «Святки в Доме Дягилева», «Абонемент духовной музыки», Кофейные концерты, I Международный конкурс молодых вокалистов – стали событиями в музыкальной жизни города. Пермский музей известен не только в России, но и за рубежом. В Пермь, в «милый музей серебряного века» приезжают гости со всего света поклониться памяти прославленного деятеля русской и мировой культуры, великого сына России, нашего земляка – Сергея Павловича Дягилева.

Жизнь и творчество С.П.Дягилева протекали во многих городах мира, но именно Пермь, Санкт-Петербург и Париж стали основными этапами его восхождения к бессмертию. В 1990 году, по инициативе директора гимназии и интеллигенции города, был создан культурный благотворительный фонд «Дом Дягилева», целью которого стал сбор материалов о жизни и деятельности С.П. Дягилева, его близких и сподвижников.

В 2009 году градостроительным советом Перми началось рассмотрение проекта строительства нового корпуса Дягилевской гимназии. Вариант застройки представили архитектор Геннадий Михайлович Игошин и соавтор проекта Екатерина Сандакова. По замыслу разработчиков проекта будет восстановлено здание рядом с новым корпусом школы, фасад которого выходит на ул. Сибирскую, с целью не нарушать общего культурно-исторического облика улицы.

Литература

1. Фокин М. М. Против течения, Л.–М., 1962
2. Сергей Дягилев и русское искусство, тт. 1–2. М., 1982
3. С. Дягилев и русское искусство. В 2-х тт. М., 1982
4. Григорьев С.Л. Балет Дягилева, 1909–1929. М., 1993
5. Лифарь С. Дягилев и с Дягилевым. М., 1994
6. Нестьев И.В. Дягилев и музыкальный театр XX века. М., 1994
7. Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. В 3-х тт. М., 1994, т.2, ч.2
8. Дягилева Е.В. Семейная запись о Дягилевых. СПб – Пермь, 1998

15.3. П.И.ЧАЙКОВСКИЙ И УРАЛ

Петр Ильич Чайковский (1840–1893), русский композитор, музыка которого отличается красочностью, романтичностью и необычайным мелодическим богатством. Родился 25 апреля (7 мая) 1840 в Воткинске (Вятская губерния), в семье начальника Камско-Воткинского завода, горного инженера И.П.Чайковского и Александры Ассиер. Чайковский рос очень нежным, чувствительным ребенком, и его болезненность особенно обострилась после смерти любимой матери (1854). В детстве получил домашнее воспитание, а затем, после двух лет занятий в пансионе, поступил в петербургское Училище правоведения (1852). Окончив его в 1859, стал чиновником Департамента юстиции. С 14 лет начал проявлять склонности к композиции, в 1860 или 1861 опубликовал романс на итальянский текст и тогда же, совершив путешествие по Западной Европе (1861), решил заняться музыкой, прежде всего гармонией, под руководством Н.И.Зарембы. В 1862 он поступил в только что открытую Петербургскую консерваторию и в следующем году оставил государственную службу, чтобы полностью посвятить себя занятиям музыкой. Он занимался композицией и оркестровкой у директора консерватории А.Г.Рубинштейна и за время обучения создал несколько произведений, в том числе увертюру Гроза по одноименной пьесе А.Н.Островского и кантату К Радости на стихи Ф.Шиллера. В 1866, сразу после окончания консерватории, был приглашен на должность профессора гармонии в Московскую консерваторию, открытую в том же году братом Антона Рубинштейна – Николаем Рубинштейном.

В течение первых двух лет в Москве Чайковский сочинил свою Первую симфонию (Зимние грезы, 1866) и первую оперу Воевода, которая была поставлена в Москве в 1869 (после премьеры уничтожена автором и восстановлена через много лет после его смерти по сохранившимся оркестровым партиям). Вторая опера, Ундина, была представлена в дирекцию Императорских театров, но не дошла до сцены и впоследствии была уничтожена автором (ее материал частично вошел в балет Лебединое озеро).

Оркестровая увертюра Ромео и Джульетта получила после премьеры довольно жесткую оценку критики, но после значительной переработки в 1870 и 1880 это сочинение стало одним из самых популярных в оркестровом наследии композитора. Удача начала поворачиваться лицом к музыканту в первые годы следующего десятилетия, когда появились Вторая и Третья симфонии (1872, 1875), три струнных квартета (1871, 1874, 1876), Первый фортепианный концерт си-бемоль минор, а затем оркестровая фантазия Франческа да Римини (1876) и Вариации на тему рококо для виолончели с оркестром (1877). Две следующие оперы Чайковского – Опричник и Кузнец Вакула (вторая из них стала победительницей на конкурсе, объявленном дирекцией Императорского русского музыкального общества) и балет Лебединое озеро были поставлены соответственно в 1874, 1876 и 1877.

К перечню его работ этого периода можно прибавить заграничные поездки – в Швейцарию, Италию, в Париж и Байройт. Но в 1877 произошли два очень важных события. Первое – начало загадочной дружбы Чайковского с Надеждой фон Мекк, вдовой, обладательницей огромного состояния, обожавшей музыку вообще и в особенности музыку Чайковского, в течении многих лет поддерживавшей композитора, но не желавшей с ним встречаться. Второе – женитьба Чайковского на Антонине Милюковой. Чайковский имел гомосексуальные наклонности, причем испытывал по этому поводу глубокое чувство вины; в 1876 он говорит в письме к брату о своем решении жениться или вступить в открытую связь с женщиной и тем самым заткнуть рты сплетникам. Последствия оказались ужасными: Чайковский попытался покончить с собой, но так и не сумев сделать этого, срочно уехал от жены. Чайковский много лет обеспечивал Милюкову, но никогда более не встречался с ней; она умерла в 1917, последние два десятилетия своей жизни провела в приюте для умалишенных. Зимой 1877/1878 Чайковский прожил с братом Модестом в Швейцарии и Италии, где завершил два шедевра – Четвертую симфонию и оперу Евгений Онегин. Надежда фон Мекк назначила композитору стипендию в размере 6000 рублей в год (ее выплата была прервана внезапно в 1890), что позволило ему оставить педагогическую деятельность и сосредоточиться исключительно на творчестве.

После описанных событий жизнь Чайковского потекла по прежнему руслу. В 1885 он устроил себе постоянное жилище в Майданове под Клином, затем в 1888 перебрался в соседнее Фроловское и незадолго до смерти наконец приобрел собственный дом на окраине Клина. Он всегда проводил много времени за границей, подолгу жил в поместьях своих родных (особенно в украинском имении Каменка, принадлежавшем семье сестры Чайковского – Александры) и друзей. В этот период появляются три оперы – Орлеанская дева (поставлена в 1881), Мазепа (поставлена в 1884) и Чародейка (поставлена в 1887), а также скрипичный концерт ре мажор (1878), Второй фортепианный концерт соль мажор (1880), торжественная увертюра 1812 год

(1881), трио Памяти великого художника (1882), посвященное Н.Г.Рубинштейну, три оркестровые сюиты (1879, 1883 и 1884), симфония Манфред по поэме Байрона (1885). В 1888 году Чайковский вступил на новое поприще. Он преодолел отвращение к публичным выступлениям и постепенно начал дирижировать своими произведениями в Петербурге и Москве. С января по март 1888 он совершил большое зарубежное турне и успешно провел концерты в Лейпциге, Гамбурге, Берлине, Праге, Париже и Лондоне. Год спустя состоялась вторая зарубежная концертная поездка Чайковского. В промежутке были сочинены Пятая симфония ми минор (1888), увертюра-фантазия Гамлет (1888) и вчерне завершен балет Спящая красавица. Оркестрован он был в течение лета 1889 и поставлен в начале следующего года. В 1890 появилась лучшая опера Чайковского – Пиковая дама.

Весной 1891 Чайковский совершил свою первую (и единственную) поездку в Соединенные Штаты, где выступал в Нью-Йорке, Балтиморе и Филадельфии, причем обнаружил, что в Америке он известен гораздо больше, чем в Европе. Вернувшись в Россию, он посвятил летние месяцы сочинению баллады для голоса с оркестром Воевода, одноактной оперы Иоланта и балета Щелкунчик. И опера и балет были поставлены в 1891, но имели на премьере столь скромный успех, что огорченный композитор даже прервал работу над почти законченной Шестой симфонией ми бемоль мажор. Три части из этой симфонии (по авторскому подзаголовку – симфония Жизнь) впоследствии были превращены автором в Третий фортепианный концерт, оставшийся после смерти композитора незавершенным: первая часть была издана учеником Чайковского С.И.Танеевым как Третий концерт ми бемоль мажор, ор. 75, а две других части Танеев отредактировал и опубликовал под названием Анданте и Финал для фортепиано с оркестром, ор. 79 (фактически оба опуса представляют собой одно произведение, и в последнее время именно так исполняются некоторыми пианистами). В начале 1893 Чайковский начал работу над «настоящей» Шестой симфонией си минор. Сочинение было прервано поездкой в Англию, куда Чайковский отправился для получения присужденной ему степени почетного доктора музыки в Кембриджском университете. Симфония была закончена в августе, а исполнена впервые под управлением автора в Петербурге 28 октября. Буквально накануне премьеры композитор дал симфонии подзаголовок Патетическая. Через пять дней Чайковский заболел холерой, которой, как считали, он заразился, выпив стакан сырой воды. Умер Чайковский в Петербурге 25 октября (6 ноября) 1893.

Наследие

И в России и за ее рубежами Чайковского принято считать «величайшим» русским композитором. Подобные определения всегда

спорны. Наследие Чайковского очень велико и неровно по качеству, и даже лучшие из его произведений имеют особенности, не вызывающие симпатий у музыкантов. Однако богатство лирической мелодики Чайковского, его мастерское владение практически всеми музыкальными жанрами, его блестящая композиторская техника (в особенности оркестровая), глубоко оригинальный характер его творчества (которое, по мнению многих, отражает захватывающую тайну личности композитора) – все это действительно делает Чайковского выдающейся фигурой не только русской, но и мировой музыкальной культуры.

Хотя он писал во всех жанрах (вплоть до церковных композиций), главное в его творчестве – симфонические произведения, а также оперы и балеты. Среди многочисленных романсов Чайковского шедевров не так уж много, а остальное нуждается в переоценке. Его фортепианные пьесы редко поднимаются выше уровня приличного салонного музицирования той эпохи. В струнных квартетах встречаются прекрасные части, как, например, знаменитое *Andante cantabile* из Первого квартета ре мажор, основанное на мелодии народной песни, но многое в Фортепианном трио прозвучало бы лучше в оркестре.

Оркестровые сочинения. Обращаясь к оркестру, Чайковский становится совсем другим. Очевидно, оркестровые тембры особенно возбуждали его фантазию. И дело не в том, что громкая и блестящая звучность скрывает скудость тематического материала, а в том, что полные чувства, широкие и гибкие мелодии, характерные для лучших творений Чайковского – они появляются уже в раннем периоде: например, «темы любви» из увертюры Ромео и Джульетта или из Бури (1873), первая тема Первого фортепианного концерта, – нуждаются в теплой и насыщенной инструментровке, которая в полной мере раскрывает их содержание. Фактура музыки Чайковского чаще образуется не из тематической ткани или изобретательной разработки тематизма, а из инструментальных фигураций на более или менее простой основе: такова, например, ажурная партия флейты в медленной части Первой симфонии. В некоторых проявлениях натуры Чайковского, хотя бы в его преклонении перед современными ему французскими композиторами – Ж.Бизе и Л.Делибом, ощущается, что он – на четверть француз. Но все же на три четверти он – русский, и его глубинная «русскость» особенно ярко заявляет о себе в ранних произведениях: первых четырех симфониях, Буре, увертюре 1812 год, серенаде для струнного оркестра, ор. 48 (1880), где повсюду в той или иной мере используется фольклорный материал. В последующем оркестровом творчестве Чайковского противоречивые элементы постепенно сливаются в некое стилевое единство. Если раннее творчество Чайковского можно охарактеризовать как «внешний романтизм», опирающийся либо на литературные источники, либо на колоритные сюжеты, то музыка зрелого периода (особенно созданная после пережитой им в 1877

году трагедии) гораздо более личностна и в целом представляет собой музыкальную автобиографию автора, с финалом-кульминацией в Шестой симфонии.

Произведения для театра. Французское начало натуры Чайковского ярко сказалось в его балетах, а также в некоторых сценах его последней оперы – Пиковой дамы. Но в остальном его оперы являются ярким выражением русского духа – от раннего Воеводы, долгое время считавшегося утраченным (большая часть тематизма этой оперы была использована автором в других сочинениях), Опричника на сюжет из русской истории, восхитительного Кузнеца Вакулы (впоследствии переделанного автором в новую оперу на тот же сюжет – Черевички) до Мазепы и Чародейки. Даже в Орлеанской деве (1878–1879, вторая редакция 1882) кое-что звучит откровенно по-русски, противореча тем самым сюжету. Вообще, хотя в операх Чайковского много прекрасной музыки, им свойствен общий недостаток: этот композитор – по природе не драматург. Только в тех случаях, когда Чайковский сочинял музыкальные характеристики героев, которых сам любил (как в Евгении Онегине и Пиковой даме), когда он мог отождествить себя с ними (например, с Жанной д'Арк, рассказывающей королю о своих видениях), – его оперные персонажи оживали. Онегин потому и стал такой популярной и любимой оперой, что в нем всего три основных действующих лица и с каждым из них Чайковский мог отождествить себя: это Онегин, его друг Ленский и Татьяна – «сцена письма» с ее участием является центральной в опере. То же самое в Пиковой даме, где главный герой – хотя и заблуждающийся, заслуживающий осуждения – мог тем не менее вызвать в композиторе «теплое, живое чувство». Кроме того, действие оперы, в отличие от повести Пушкина, происходит во второй половине 18 в., что позволило ввести в нее стилизацию музыки рококо, которой Чайковский всегда восхищался. (Такие стилизации имеются и в некоторых его инструментальных произведениях, например, в виолончельных вариациях на тему рококо и в сюите Моцартиана.) В принципе, и Онегин и Пиковая дама – это камерные, лирические оперы, где душевная жизнь главных героев раскрывается в тонких оттенках и любовно запечатлевается в музыке.

Государственное учреждение культуры «Государственный мемориально-архитектурный комплекс «Музей-усадьба П.И. Чайковского» (Удмуртская АССР)

Государственное учреждение культуры «Государственный мемориально-архитектурный комплекс «Музей-усадьба П.И. Чайковского» был открыт в 1940 г. на родине великого русского композитора в г. Воткинске в доме, в котором П.И. Чайковский родился и провел первые 8 лет жизни.

В 1837 г. отец будущего композитора И.П. Чайковский был назначен начальником Воткинского железодобывающего завода. В конце первой

четверти XIX в. Воткинский завод по своей значимости и количеству населения был приравнен к горным городам. В это период в промышленных центрах России, в том числе, и на Урале начинается реконструкция старых и строительство новых предприятий, фабрик и заводов. Большая работа по благоустройству Воткинского завода выпала на долю архитектора В.Н.Петенкина. Перестройка завода была начата в 1828 г., а в 1836 г. Петенкин составляет генеральную планировку поселка: строит комплекс зданий госпиталя, конюшен, склада, благоустраивает плотину.

С окончанием этих работ к середине XIX века Воткинск превратился в один из красивейших поселков Урала.

На западном берегу пруда были построены дома для жительства чиновников, эту улицу было принято называть Господской. В 1840-е гг. дом №1 (мемориальный дом, в котором с 1837 по 1848 гг. проживала семья Чайковских) по улице Господской представлял собой особняк, выполненный в классическом стиле, с прилегающими усадебными строениями: людской избой, навесом для экипажей, конюшнями, коровником, амбаром, ледником, овощной ямой. Особняк традиционно доминировал над окружающей жилой застройкой и входил в один из основных архитектурных ансамблей Воткинска.

История строительства и реконструкции «дома №1», берущая свое начало еще в 1806 г., довольно запутана. Первоначально особняк, традиционно отводившийся горным начальникам, был одноэтажным, симметричным в плане. Стоявшее около воды деревянное на каменном фундаменте здание быстро обветшало, поэтому в 1826 г., перед началом реконструкции завода, В.Н.Петенкин капитально перестроил дом. В 1837 г. в доме поселился И.П.Чайковский – новый начальник Воткинского завода – и сразу начал «небольшую поправку», «которая впрочем, состояла только в подставках и в окрасе наружных и внутренних стен». Это было вызвано, прежде всего, необходимостью предоставить дом путешествовавшему по Уралу со своим воспитателем В.А.Жуковским наследнику престола. В трех комнатах по эскизам архитектора в 1837 г. расписали полы, имитируя паркет. Застекленная галерея удобно соединила столовую с кухней. Дом стал уютным, хорошо приспособленным для проживания большой и дружной семьи Чайковских. Простые, но отточенные архитектурные детали придали деревянному отштукатуренному зданию облик каменного особняка. О тонком вкусе архитектора и владельцев дома свидетельствовали и окружающие строения. Решетчатые деревянные ворота с монументальными отштукатуренными пилонами, декорированными карнизами с модульонами, стояли по бокам дома. В саду, вызывавшем своей романтической живописностью восторг членов семьи Чайковских. Три беседки, построенные Петенкиным в 1828 г., явились характерным образцом парковой архитектуры классицизма.

Судьба этого дома на протяжении двух веков складывалась, пожалуй, традиционно для подобных домов на горнозаводском Урале. Со времени своей постройки (1806 г.) и до 1917 г. – казенная квартира начальника Камско-Воткинского завода. В 1918 г. дом оказался втянутым в водоворот политических событий. Сначала в нем разместился штаб белых, затем штаб красных. Мебель, которая к тому времени еще существовала, была уничтожена или расхищена.

После окончания гражданской войны в доме расположился машиностроительный техникум, после него – Союз молодежи, потом три года в доме находилась школа-семилетка.

Положение резко изменилось в конце 30-х гг. Приближающееся столетие со дня рождения композитора решено было встретить на самом высоком уровне. Инициативу земляков Чайковского об организации музея, поддержал Совнарком Удмуртской АССР. К тому времени мало что напоминало в разоренном особняке о его прошлом.

«Открытие» бывшего дома Чайковских, как возможного музейного объекта, принадлежит первому директору музея М.Х.Тутынину и научному сотруднику Дома-музея П.И.Чайковского в Клину Н.К.Руковишникову. Из Клинского музея были переданы в Воткинск подлинные вещи Чайковских – рояль «Вирт», стол из московской квартиры композитора, икона «Образ Девы Марии», ноты, книги, фотографии.

Кроме музея в здании разместилась и первая в Воткинске детская музыкальная школа.

В апреле 1940 г. Руковишников сообщал в своем письме к Ю.Л.Давыдову, племяннику композитора: «У меня музей получился хороший... простор комнат дал возможность развернуть экспозицию очень эффектную...».

Великая Отечественная война прервала работу только что открывшегося музея. Фонды были законсервированы, все вещи снесены в левое крыло дома. Всю остальную часть здания занял госпиталь и летное училище.

2 сентября 1941 г. в Воткинск прибыли эвакуированные сотрудники Клинского музея Ю.Л.Давыдов, Г.Б.Бернадт, Е.Б.Гершовский и другие вместе с экспонатами. Их приезд сыграл особую роль в культурной жизни Воткинска. По воспоминаниям внучатой племянницы композитора К.Ю.Давыдовой: «Как только была организована экспозиция, музей стал проводить «музыкальные среды». ... Слушатели прибегали прямо из цехов, едва успев вымыть руки. Скапливалось столько народа, что большинство слушали стоя и даже помещались на площадке лестницы. Приходилось точно к началу лекции запирать дверь внизу при входе в дом. Опоздавшие готовы были выломать двери, так сильна была тяга к мирной обстановке, к музыке».

Осенью 1943 г., в канун 50-летия со дня смерти композитора, Совнарком Удмуртской АССР принял постановление о возобновлении деятельности музея. Материалы для новой экспозиции начал готовить коллектив Клинского музея, но смонтировать новую выставку они уже не успели, последовал приказ об их возвращении в Подмоскowie.

В 60-х гг. XX в. начался новый этап в жизни музея. Музыкальная школа получила новое типовое здание. Назрела острая необходимость в реставрации дома, которая преследовала цель максимально приблизить внешний вид и внутреннюю планировку дома к стилю 40-х гг. XIX столетия, что предполагало освободить строение от разного рода архитектурных наслоений. Документальный материал по архитектурной истории дома был весьма скуден: несколько писем И.П.Чайковского, описание дома в книгах сдачи (1848) и приемки (1837) завода отцом композитора, двумя фотографиями 1910 и 1915 гг. и чертежом начала XX в. с планом здания.

Для разработки проекта была приглашена московский архитектор Л.С.Сахарова. Все помещения были подвергнуты комплексному исследованию – обмеры, описания, фотофиксация, зондажи, демонтаж всех элементов архитектуры и декора (включая двери, пол, фрагменты штукатурки, печи). Собранный материал позволил внести коренные изменения в планировку дома, восстановить комнатные перегородки, лестницы и т.д.

Было найдено несколько половиц расписного паркета, который был при жизни Чайковских в этом доме. Комнаты были окрашены в цвета, о которых упоминал в одном из писем И.П.Чайковский: «... зала желтая, пред нею биллиардная лиловая, гостиная голубая, ниш в гостиной круглый с диваном наподобие палатки полосами желтой с голубым, спальня тоже лиловая, девичья осталась без перекрашивания - розовая, столовая по-старому желтая, кабинет по-старому зеленый...».

Благодаря опыту и интуиции Л.С.Сахаровой, которая при минимуме графических материалов смогла разработать приемлемый для своего времени проект, осуществление которого не только спасало обветшавшее здание от разрушения, но и приблизило его облик к первоначальному. Проведенная реставрация стала значительным рубежом в истории музея.

В 70-80 гг. существенным вкладом в науку о П.И.Чайковском стали подготовленные музеем сборники: «И.П.Чайковский. Жизнь и деятельность», Ижевск, 1979 г.; «П.И.Чайковский и русская литература», Ижевск, 1980 г.; «П.И.Чайковский и Урал», Ижевск, 1983 г.; «Театр в жизни и творчестве П.И.Чайковского», Ижевск, 1983 г.

В практику музея вошли научные конференции всесоюзного масштаба. В 1976 г. искусствоведом, доктором исторических наук, профессором Е.Ф.Шумиловым были введены в научный оборот уникальные документы - «Планы и фасады» домов под номерами 1,2,3,4,5 и 6, состоящих при Камско-

Воткинском заводе, подписанные архитектором В.Н.Петенкиным и датированные 1843-1844 гг., т.е. временем проживания семьи Чайковских в Воткинске (1837-1848 гг.).

Найденные документы позволили восстановить внешний облик дома №1 в ансамбле с другими зданиями и строениями, показать тот мир, который окружал будущего композитора, формируя его характер и вкусы.

В связи с подготовкой к 150-летию со дня рождения П.И.Чайковского, в 1982 г. Министерством культуры РСФСР было принято решение о восстановлении усадьбы Чайковских и связанной с ней мемориальной зоны. В период с 1986 по 1990 гг. была проведена вторая научная реставрация, проект которой разработан в Средневолжском филиале института «Спецпроектреставрация» (проектировщики В.А.Сидоров и Ю.В.Козлов), автор художественного проекта - В.И.Ваганов, г. Москва.

После окончания реставрации (в 1990 г.) и по сей день музей-усадьба П.И.Чайковского представляет собой мемориально-архитектурный комплекс, общая площадь которого составляет 3,2 гектара и включает 16 экспозиционных объектов. Главный из них – мемориальный дом композитора, который является памятником федерального значения.

Экспозиции музея посвящены теме детства П.И.Чайковского, что в союзе с архитектурной средой передает удивительно гармоничную атмосферу первых лет жизни композитора. Предметы обстановки в комнатах – подлинные изделия мастеров XIX в. Бытовую экспозицию дополняют документы, копии писем, книги. Экспозиция Людской избы рассказывает о культуре и быте горнозаводского населения первой половины XIX в. Напротив дома установлен памятник композитору, автор – известный скульптор О.К.Комов.

Сегодня Музей-усадьба П.И.Чайковского является центром изучения творческого наследия великого композитора. Установлены тесные связи с домом-музеем П.И.Чайковского в Клину, ведущими российскими и зарубежными учеными, изучающими жизнь и творчество композитора.

За годы существования музей накопил богатый опыт научной, пропагандистской и экскурсионной работы. Основная задача – увековечение жизни и творчества П.И.Чайковского, возрождение народных традиций 1-й половины XIX в.

Сотрудники музея находятся в постоянном поиске и осваивают новые формы работы с различными возрастными и социальными группами посетителей. В мемориальном доме проводятся театрализованные экскурсии, «музыкальные четверги», праздники Рождества, Пасхи, Троицы.

Ежегодно, начиная с 1958 г., на родине П.И.Чайковского проводятся музыкальные фестивали, посвященные дню рождения композитора. Фестивальные концерты знакомят меломанов с исполнительским мастерством ведущих музыкальных коллективов нашей страны. Гостями

фестиваля в разное время были Московский симфонический оркестр под управлением В.Дударовой, Академический симфонический оркестр Ленинградской филармонии под руководством Ю.Темирканова, Государственный академический симфонический оркестр СССР и его руководитель Е.Светланов и многие другие.

Яркий след оставили в памяти слушателей выступления известных пианистов Я.Флиера, Е.Малинина, Э.Вирсаладзе, А.Наседкина, Н.Петрова, М.Плетнева, скрипачей В.Климова, В.Пикайзена, В.Спивакова, В.Третьякова.

Музей - усадьба П.И.Чайковского является визитной карточкой Удмуртской Республики. Ежегодно мемориально-архитектурный комплекс посещают более 140 тысяч российских и иностранных туристов. Двери музея гостеприимно открыты для всех почитателей гения мировой музыкальной культуры П.И.Чайковского.

Дом-музей П.И.Чайковского в Алапаевске

Основу музейного собрания представляют мемориальные предметы, связанные с пребыванием Чайковских в Алапаевске (механический орган I половины XIX в. и рояль фирмы «Вирт»), образцы подлинной мебели и бытовой утвари I половины XIX века, уникальная коллекция миниатюрных музыкальных инструментов, созданная основателем музея В.Б.Городиловой, а также ее коллекция музыкальных инструментов народов мира.

Музыка, семья, любовь. Так коротко можно сказать об экспозиции Дома-музея П.И.Чайковского в Алапаевске. Она расположена в старинном особняке – доме управляющего алапаевскими заводами. Сама атмосфера здания как бы навсегда впитала дух тех, кто здесь жил, работал и любил этот дом – семьи Чайковских, Грум-Гржимайло, В.Б.Городиловой. И всегда в Доме звучала музыка. Тема музыки, семьи, детства стала сквозной нитью экспозиции Дома-музея П.И.Чайковского в Алапаевске.

Большая семья Чайковских часто переезжала – отец будущего великого композитора, Илья Петрович, служил по горному ведомству. В столице Алапаевского горного округа, где генерал-майор Илья Чайковский был главным управляющим заводами, Петя провел последние полтора года своего детства, с мая 1849 по август 1850 года. Именно здесь шло активное формирование Петра Ильича как личности и как будущего композитора. Здесь рождались его первые музыкальные импровизации, сюда после отъезда в Петербург в течение двух лет писал письма родителям юный Чайковский, вспоминая «счастливое время», проведенное в «Алапаеве». С алапаевским домом и впечатлениями алапаевского детства связаны истоки многих известнейших произведений великого композитора.

Чайковский в Алапаевске

Ближайшим окружением Петра Чайковского в Алапаевске были члены большой и дружной семьи Чайковских во главе с отцом, Ильей Петровичем, и

матерью, Александрой Андреевной; старшая и младшая сестры – Зинаида и Александра, младший брат Ипполит; через год, в 1850-м, родились братья-близнецы Модест и Анатолий. Вместе с Чайковскими жили племянницы Ильи Петровича – Лидия Чайковская и Настасья Васильевна Попова, младшая сестра Александры Андреевны – Е.А.Шоберт – со своими дочерьми: Амалией, Вильгельминой и Екатериной. В семье проживали гувернантка младших детей Чайковских Анастасия Петрова и бонна семьи Шоберт М.Е.Фосс. Кроме того, при детях находились две няни и две кормилицы.

Присутствие юного Чайковского незримо ощущается в каждом зале музейной экспозиции.

Обеденный стол, за которым собиралась вся большая семья Чайковских (20 человек), его игрушки, образ кормилицы, склонившейся над колыбелью двух «ангелочков» – только что родившихся братьев-близнецов Толи и Моды, рояль, за которым звучали первые музыкальные опусы композитора, отрывки из его петербургских писем в Алапаевск. Уже на пороге экспозиции посетитель видит цветок плюща, который, как живая нить Ариадны, перетекает из одного музейного зала в другой. Это еще одно воспоминание о юном Чайковском. Навсегда уезжая из детства, мальчик посадил плющ, о судьбе которого не раз спрашивал в письмах. Теперь этот плющ в музейных залах олицетворяет живую нить нашей памяти о прошлом, его людях. Важной особенностью существующей экспозиции является возможность не только увидеть дом, но и «услышать» его. От зала к залу посетителя сопровождают звуки музыки, которая создает определенное настроение и служит своеобразным рассказчиком, повествующим о тех, кто жил в этом доме.

Музыкальная коллекция В.Б.Городилиной

Уникальным человеком, влюбленным в музыку, была В.Б.Городилина (1911 –2003). Она стала инициатором создания музея Чайковского в Алапаевске. В одном из залов музея посетители могут увидеть уникальную коллекцию музыкальных инструментов и их миниатюрных воспроизведений, собранную В.Б.Городилиной (виолончель, скрипку, рояль, флейту, цитру, пианохорд, окарину, фисгармонию, музыкальные шкатулки и даже музыкальный графин).

В ходе знакомства с музеем, посвященным детству, предусмотрено включение элементов, способствующих активному общению с посетителями. Музей предлагает проведение игровых и учебных занятий как в ходе экскурсии, так и в отдельных музейных программах.

О создателях экспозиции

Новая экспозиция Дома-музея Чайковского в Алапаевске открыта в 2006 году. По словам ее создателей, ведущего специалиста Министерства культуры Свердловской области Л.И.Зориной, главного художника Свердловского областного краеведческого музея В.И.Пташник, старшего

научного сотрудника Свердловского областного краеведческого музея С.К.Швецовой, их невидимым соавтором во время работы над концепцией и воплощением творческой задумки была В.Б.Городилина.

ГЛАВА 16. ЛИТЕРАТУРА УРАЛА

Литература Урала представляет собой совокупность национальных литератур на языке коренных и укорененных народов Урала.

16.1 РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Русская литература проникает на Урал в связи с деятельностью христианских проповедников, монастырей, колонизацией и усилением с XVII в. миграции русского населения в регион. В 1621 г. учреждается в Тобольске Сибирская архиепископия, в которой создается ряд оригинальных произведений. В летописи, написанной С. Есиповым (1636 г.), освоение сибирских земель трактуется как распространение христианства на «дикие» народности. Строгановская и Кунгурская летописи XVII в., «История о Сибири» Ю. Крижанича, житийные сочинения, посвященные Симеону Верхотурскому, положили начало русской литературе Урала. В конце XVIII в. в Тобольске появляются периодические издания («Иртыш, превращающийся в Иппокрену», «Библиотека ученая, экономическая, нравоучительная, историческая и увеселительная в пользу и удовольствие всякого звания читателей», «Исторический журнал, или Собрание из разных книг любопытных известий, увеселительных повестей и анекдотов»), в которых сотрудничают и дворяне (И.И. Бахтин, В.Я. Корнильев, П.П. Сумароков), и разночинцы, преподаватели и учащиеся Тобольского главного народного училища (И. Лофанов, И. Набережин, И. Трунин, М. Мамин), и даже ссыльные крестьяне (Н. Смирнов). Они отражали идеи дворянского просвещения, настроения демократических слоев. Большое место в их творчестве занимала сатира, литературная сказка, притчи, песни, переводы. В первой трети XIX в. на Урале возникает ряд литературных гнезд. Одно из них – в Перми. Острые сатирические стихотворения создает учитель Пермской гимназии В.П. Феонов. Сочинения И.И. Свизева, П.Е. Размахнина и др. печатались в казанском журнале «Заволжский муравей». Другое литературное гнездо образовалось в Оренбурге. Южно-уральские писатели обратились к жизни коренных народностей края. В повести П. Кудряшова «Абдрахман», сказании «Киргизский пленник», ряде стихотворений и цикле башкирских песен романтические мотивы соседствуют с точностью социально-этнографических описаний.

Стимулирующим фактором развития русской литературы на Урале в первой половине XIX в. было пребывание в крае писателей-декабристов: В.К. Кюхельбекера, И.И. Пущина, А. И.Одоевского. Уральские впечатления имели огромное значение для творчества А.С. Пушкина, В.И. Даля, С.Т. Аксакова.

В середине XIX в. наблюдается подъем литературной жизни на Урале, углубление демократической ориентации местных писателей. В 1859-60 гг. в Перми вышли два краеведческих «Пермских сборника» (изд. Д.Д. Смышляев), публиковавшие материалы пугачевского восстания, истории региона, культуры, записи уральского фольклора. Авторы разделяли взгляды революционеров-демократов на культуру (исследование «реальной пользы» просвещения), что отметил в рецензии на 1-й сборник Н.А. Добролюбов. «Пермские сборники» заложили основы изучения этнографии, фольклора, культуры края, продолженную Н.К. Чупиным, Г.П. Белорецким, тремя членами Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ). Русская литература Урала 60-х годов XIX в. развивалась в русле программных установок журнала «Современник», в котором печатались многие уральские авторы. «Подлиповцы» Ф.М. Решетникова, «Порченая» и «Как жили в Куморе» А.А. Кирпищиковой изображали народную жизнь с редким знанием быта и психологии. Заметным явлением демократической прозы были повести Е.А. Словцовой (Камской) «Любовь или дружба?» и «Моя судьба». Общенациональное значение имели романы Решетникова из городского быта: «Горнорабочие», «Где лучше», «Глумовы». Ведущая фигура на Урале последних десятилетий XIX в. Д.Н. Мамин-Сибиряк, получивший всероссийскую известность. Он явился обновителем жанра социального романа, обогатил его новыми принципами изображения психологии разных групп уральского населения.

На рубеже XIX-XX вв. русские писатели Урала отразили революционные процессы, происходившие в недрах народной жизни. Писатель-народник А.С. Погорелов-Сигов в романе «Перед грозой» (1899 г.), повесть «Мрак» (1895 г.), «Аликеев камень» (1905 г.) и др. вывел разные типы городской интеллигенции, определявшей свое отношение к социальной борьбе. А.Т. Туркин, И.Ф. Колотовкин, Б.А. Тимофеев и др. в своих произведениях отразили типичные социальные конфликты, трудовую жизнь низов, психологию народа и интеллигенции. Географ, путешественник и журналист К.Д. Носилов в ряде сборных рассказов и очерков обратился к жизни коренных народов северного Урала – хантов, манси, ненцев. Жизнь башкирского народа, его быт и культура привлекли внимание В.В. Брусянина, Н.А. Крашенинникова, А.М. Федорова и др. Заметно оживает и поэтическая жизнь. В период 1893-1917 гг. в разных городах Урала вышло более 20 книг стихов, среди авторов – Е.С. Голова (Е. Гадмер), Н.Ф. Новиков, Г.И. Попов, П.И. Заякин-Уральский, К.К. Худяков, Ф.Ф. Филимонов и др. В

послеоктябрьские десятилетия XX в. Урал становится заметным центром литературной жизни страны.

Развитию русской литературы Урала в начале 20-х гг. способствовали периодические издания «Красные зори», «Красный труд», «Юный пролетарий» и др. Центром собрания писательских сил региона стал журнал «Товарищ Терентий». Здесь дебютировали А.П. Бондин и П.П. Бажов. Значительную роль в развитии русской литературы Урала сыграли приезды в регион Д. Бедного, А.В. Луначарского, В.В. Маяковского и др. С Уралом связано начало литературной деятельности А.П. Гайдара, работавшего в 1925-27 гг. в газете «Звезда» (Пермь) и «Уральский рабочий» (Свердловск). На Урале начинали творческую деятельность Ю. Лебединский, В. Правдухин, Л. Сейфуллина и др., впоследствии выехавшие в Москву. В конце 20-х годов идет процесс консолидации местных литературных сил. Оживает деятельность Уральской ассоциации пролетарских писателей (УралАПП). Создаются литературно-художественные жанры («Штурм», «Буксир» и др.). Первый Всеуральский съезд литераторов (июнь 1934 г.) оформил создание Уральского отделения Союза писателей СССР.

Ведущей темой в творчестве писателей Урала в 1930-е годы стал процесс социальных преобразований, индустриализации и коллективизации в крае. Жизнь деревни нашла отражение в романах О. Марковой «Варвара Потехина» и Б. Гранина «Стручок». Становление личности в ходе революционных изменений мира стало темой романов А. Авдеенко («Я люблю»), А. Бондина («Моя жизнь»), А. Савчука («Так начиналась жизнь») и др. Выдающимся произведением русской литературы стала «Малахитовая шкатулка» П.П. Бажова. Сказовые традиции Бажова были продолжены в творчестве С. Власовой, Н. Гребенщикова, С. Черепанова и др. Достижения поэзии связаны с именем В. Губарева, В. Занадворова, Н. Куштума, В. Макарова, Б. Ручьева и др.

Своеобразие литературной жизни Урала в годы Великой Отечественной войны обусловлено пребыванием в крае большой группы известных писателей, главной темой творчества которых стал подвиг тыла (Ф. Гладков, А. Караваяева, Ф. Панферов, М. Слонимский и др.). Новаторский характер носил цикл очерков М. Шагинян «Урал в обороне». Коллективные сборники «Уральцы в боях за Родину», «Мы с Урала», «Непобедимый народ», «Говорит Урал» раскрывали трудовые свершения уральцев, напряженную жизнь края, его роль и место в борьбе с фашистским нашествием. Единство фронта и тыла как источник победы, пристальный интерес к жизни рабочего класса характеризовали новые сказы П. Бажова, творчество И. Ликстанова, К. Мурзиди, О. Марковой, Б. Михайлова, Н. Поповой и др. Веру в неминуемую победу над врагом выражали поэма «Невидимка» и стихи Б. Ручьева.

Тема Урала, уральский материал и характеры уральцев привлекали множество известных писателей. Годы эвакуации, проведенные В. Пановой в Перми, нашли отражение в ее повести «Спутники» и «Кружилиха». А.А. Фадеев избирался департаментом Верхнего Совета СССР от Оренбургской области, в начале 50-х годов жил на Южном Урале и работал над романом «Черная металлургия». Поездку на Урал совершил А.Т. Твардовский (1949 г.).

В послевоенные годы современная действительность активно осваивалась в жанре очерка (И. Акулов, А. Исетский, Н. Солдаткина, Б. Рябинин и др.). Привлекли внимание повести Н. Поповой «Мир на стану» и И. Коробейникова «Голубая Елань» Лиризмом были отмечены стихи М. Пилипенко. В целом для русской литературы 40-начале 50-х годов характерны публицистичность, прямота оценок, недостаток психологического анализа, что было обусловлено давлением догматических принципов социалистического реализма. Активизация русской литературы Урала на рубеже 50-60-х гг. выразилась в организации региональных журналов «Урал» (1957 г.) и «Уральский следопыт» (1958 г.), проведением ряда межобластных писательских семинаров, создании новых отд. Союза писателей в Кургане и Тюмени (1963 г.). Интерес к истокам народного характера, традициям, истории лег в основу романов А. Крашенинников «Горяч камень» и «Мотовилиха», творчества А. Домнина, О. Марковой, Я. Резника и др. К роману Е. Федорова «Каменный пояс» проявляется устойчивый интерес читателей. Исторической достоверностью и панорамностью изображения привлёк внимание роман Б. Бурлака «Седая юность».

В 60—80-е годы в русской литературе Урала разрабатывалась тема труда как наиболее, характерная для специфики регионального материала (К. Лагунов, В. Очеретин, А. Яковлев, Б. Путилов и др.). Но заметно усиливается и звучание нравственных проблем (О. Коряков, В. Стариков, В. Николаев и др.). С Уралом связано начало творческой деятельности выдающегося русского писателя второй половины XX в. В.П. Астафьева, написанные им в период жизни на Урале повести «Стародуб», «Перевал», «Звездопад», «Кража» отличает острота нравственно-психологических коллизий, глубина изображения народного характера. Русская литература Урала в эти годы обретает полноту аналитического начала. Повести и рассказы Г. Скобликова, И. Уханова, В. Юровского, И. Ягана и др. раскрывают процесс формирования личности, определения ею отношения к миру, испытания героев на добро и справедливость. Нравственные аспекты исследовал Н. Никонов. Победа идеалов добра, обостренность нравственных оценок отличает творчество лауреата премии Ленинского комсомола В. Потанина. Успехи литературы для детей и юношества были определены творчеством В. Крапивина.

В русской поэзии Урала ведущим свойством выступает гражданственность (М. Гроссман, Б. Марьев, Л. Сорокин и др.). Активную литературную деятельность вела Л. Татьяничева. Проникновенным лиризмом, обостренным вниманием к внутреннему миру лирического героя, точностью психологического портрета отмечено творчество А. Еранцева, М. Никулиной, А. Решетова и др. В начале 90-х активно заявили о себе молодые поэты Ю. Казарин, В. Кальпиди и др.

Для критики и литературоведения характерны исследования как творчества писателей края в трудах М. Батина, И. Дергачева, Л. Гальцевой и др., так и общенациональной классики (Р. Комина, Н. Лейдерман, А. Субботин и др.), текущего литературного процесса (Л. Быков, Н. Кузин, В. Лукьянин и др.), собрания и изучения уральского фольклора (В. Блажес, А. Лазарев, В. Кругляшева и др.).

Значительные художественные достижения писателей края обеспечили успех ряда интересных и серьезных изданий. С 1967 г. Уральское книжное издательство выпускает серию «Уральская библиотека», в которой представлены лучшие произведения, созданные на Урале. Были подготовлены и изданы антология «Поэты Урала» в двух томах (1977 г.), «Современная уральская повесть» в трех томах (1981-1982 гг.) и «Современный уральский рассказ» (1984 г.). Эти и другие издания открывают читателю художественную содержательную и разнообразную в жанрах и стилях русскую литературу Урала.

16.2. БАШКИРСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Наиболее древняя из литератур Урала. Ранние образцы Башкирской литературы восходят к поволжским древнебулгарским поэтическим наместникам. В XII-XIII вв. зародился книжный язык родственных тюркоязычных племен – тюрки. На его основе получила развитие так называемая кипчакская литература: Дастаны «Хосров и Ширин» Котби, «Мухаббатнаме» Хорезми, «Джумджума султан» Катиби, «Китаби бит-тюрки Гюлистан» Сарай и др. стали общим классическим наследием тюркоязычных народов Урала и Средней Азии. В Башкирской Литературе в средние века преобладали традиционные восточные жанры: газель, касида, дастан, хикаят, кысса, наме. Религиозно-героические дастаны из серии «Алп-батыр», «□жение-баш», «Кысса-и-Сакам», «Кысса-и-Фаттахетдин» составили репертуар агиографической литературы Башкирии.

Присоединение Башкирии к России в середине XVI в. Явилось переломным этапом в культуре, развитии Башкирии. В башкирской литературе укрепились национальная тематика и связь с фольклором, появились оригинальные светские жанры шежере, таварих и др. Заметным становится творчество народа; поэтов-импровизаторов (сэсэн). В их

кубайсях и айтышах звучат социальные мотивы. В XVI-XVII вв. особое место занимают башкирские родословные (шежере), в которых генеалогия рода тесно переплетается с исторической летописью. Активизируется народная публицистика. «Письмо Батырши», послание предводителя восстания в 1755г. – Батырши Алиева, императрице Елизавете Петровне, соединило в себе историко-литературную запись событий и социально-философские размышления. Яркой страницей Башкирской литературы XVIII в. Стала поэзия С. Юлаева. В начале XIX в. Получает известность творчество сэсна Буран-баи-Яркея, участника Отечественной войны 1812, сосланного за выступления против феодалов в Сибирь. В 1812 в Казани в переводе Т.Беляева на русский язык было издано сказание «Куз-Курпяч. Башкирская повесть, писанная на башкирском языке одним курайчи и переведенная на российский в долинах гор Рифейских». В русском переводе дошел и другой эпический памятник – сказание «Алдар и Зухра».

На рубеже XVIII-XIX вв. распространяется поэзия суфийского толка. Религиозно-этические духовные стихи представлены в творчестве Ш. Заки, А. Каргалы, Х. Салихова, Г. Сокрыя, Т. Ялыгула и др. Формируется и светская Башкирская литература, ориентированная на русскую просветительскую традицию. М. Уметбаев создает книгу энциклопедического профиля «Ядкаръ» (Памятка, 1897 г.). В развитии башкирской просветительской литературы значителен вклад М. Акмуллы, М. Биксурина, С. Кукляшева и др. Становление реалистической башкирской литературы связано с именем М. Гафури. Новые темы и жанрово-стилевые формы принесли в башкирскую литературу с начала XX в. Ш. Бабич, Д. Юлтый, С. Якшигулов и др. Зарождается национальная драматургия.

Обновление содержания, форм и жанров башкирской литературы в послеоктябрьский период начинался со сборника С. Кудаша «Песни свободы», «Красное знамя», М. Гафури, «Молодой Башкортостан» Ш. Бабича, «Мелодии Урала» и др. Создание профессионального театра оживило драматургию. Значительную роль в развитии башкирской литературы сыграли литературно-художественные жанры «Яны юл» («Новый путь»), «Белем» («Знание»), «Янылык» («Новости») и др. Возникают творческие организации: Объединение поэтов Башкирии (1923 г.), Башкирская ассоциация пролетарских писателей (БашАПП, 1927 г.), Союз писателей Башкирии (1932 г.). Башкирская литература 1930-х гг. характеризуется развитием больших эпических форм (трилогия А. Тагирова, романы Д. Юлтыя и др.). Повести С. Агиша, Х. Давлетшиной, А. Карная, И. Насырова и др. были посвящены актуальным темам современности. Поэмы, стихи и песни Г. Амантая, Б. Бикбая, Х. Карима, Р. Нигмати и др. демонстрировали жанрово-стилевое богатство башкирской поэзии. На сценах театров с успехом шли спектакли по пьесам С. Мифтахова, Б. Бикбая и др.

Обвинение группы писателей в националистическом уклоне и репрессии 1937-38 гг. нанесли большой урон Башкирской литературе.

В период Великой Отечественной войны в башкирской литературе преобладала поэзия, малые жанры прозы (рассказ, очерк), развивалась публицистика. На фронтах войны погибли А. Карнай, Х. Кунакбай, С. Мифтахов, Х. Мухамедьяров и др. Ратные и трудовые подвиги народа нашли отражение в творчестве А.Вали, Б.Дима, С. Кулибая, К. Мэргена и др.

В послевоенные годы в башкирской литературе интенсивно развивали эпические жанры З. Биешева, А. Бикчентаев, Г. Ибрагимов, Я. Хамматов и др. Получают известные поэмы и стихи Т. Арслана, М. Карима, Н. Наджми, Г. Рамазанова и др. В репертуар театров приходят психологические драмы, комедии и трагедии И. Абдуллина, А. Анатбаева, Н. Асанбаева, А. Мирзагитова и др. Современная башкирская литература представлена плеядой романистов (Г. Ибрагимов, Ф. Исангулов, Н. Мусин, Р. Султангареев, А.Хакимов, Ш. Янбаев и др.), поэтов (Р. Бикбаев, К. Аралбаев, Т. Ганеева, Т. Юсупов и др.), драматургов (Ф. Богданов, Ф. Буляков, Г. Шафиков и др.), имена которых известны за пределами республики. Значительны успехи литературоведения и критики: изданы 6-томная «История башкирской литературы», монографии о творчестве ведущих мастеров, книги по теории литературы, сборник критических статей. Видными литературоведами и критиками являются Р. Баимов, А. Вахитов, К. Мэргэн, С. Сафуанов, А. Харисов и др. С 1923 г. Выходит журнал «Агидель».

16.3 УДМУРТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Удмуртская литература зародилась во второй половине XIX в. После возникновения письменности на основе славянской графики.

В 1899 г. Г.Е. Верещагин публикует первое оригинальное произведение на удмуртском языке «Чагыр, чагыр, дадыке...». В 1904-09 гг. в Казани выходил ежегодный календарь на удмуртском языке. В рукописных журналах, выпускавшихся в Казанской инородческой учительской семинарии, появились рассказы Кедры Митрея и стихи Кузебая Герда.

После Октябрьской революции 1917 г. В соответствии с планами развития национальной культуры литературная жизнь Удмуртии обогащается. 31 октября 1918 г. Вышел первый номер газеты «Гудыри». Тогда же в Сарапуле организован удмуртский комиссариат, в состав которого вошли издательский отдел и переводческая комиссия, в Елабуге открылась первая учительская семинария, позже преобразованная в Можгинское педагогическое училище, сыгравшее важную роль в формировании писательских кадров. 21 декабря 1921 г. Состоялся 1-й съезд удмуртских писателей. В феврале 1926 г. Вышел первый номер литературно-художественного журнала «Кенеш» (с декабря 1931 г. – «Пролетар кылбурет удасын», с 1935 г. По

настоящее время – «Молот»). Организованы издательства для детей: «Муш» (1920 г.), «Кузили» (1927-29 гг.) и др. В 1926 г. Создана Всеудмуртская ассоциация революционных писателей (ВУАРП), с 1931 г. – Удмуртская ассоциация пролетарских писателей (УдАПП), в 1933 г. Организован Союз писателей Удмуртии. С 1967 г. Присуждается ежегодная Госпремия Удмуртии за лучшие произведения литературы и искусства.

В первые послеоктябрьские годы в удмуртской литературе преобладала поэзия. Печатались стихи, прославлявшие революцию, разоблачающие кулаков, духовенство, знахарей, призывающие к просвещению как залого национального возрождения. Романтизация действительности соединялась с интересом к конкретным социальным проблемам («Политическая партия» и «Удмуртский совет» М. Петрова, «Я – бедный» Д. Майорова и др.). Ашальчи Оки обратилась к судьбе удмуртки, ее стремлению обрести равноправие. Параллельно развивалась драматургия. Первые оригинальные пьесы были преимущественно одноактными и носили либо агитационный характер (К. Герд, П. Батуев-Марксистский и др.), либо являлись театрализацией народных обрядов («Удмуртская свадьба» Д. Майорова). Удмуртская проза развивалась в жанре небольших сатирических зарисовок, диалогов, которые печатались на страницах газет. Первые прозаические опыты решали главным образом агитационные и просветительские задачи. Произведения крупных форм появляются во второй половине 20-х годов: первая повесть на удмуртском языке «Старая деревня» (1926 г.) Кедр Митрея, повесть «Черный вихрь» (1927 г.) Д. Пиня и др.

В 1930-е годы в удмуртской литературе на первый план выходит проза. Для произведений этого времени характерен интерес к современной проблематике, заостренному социально-классовому анализу. Широкое внимание привлекли рассказы и очерки Т. Архипова, М. Бехтерева, С. Загребина и др., повести А. Миронова, романы М. Коновалова и Г. Медведева. Прозаики осваивают приемы психологического анализа, изображение внутреннего мира героев. В поэзии 30-х годов преобладают стихи о социалистическом строе. Противопоставление драматического прошлого удмуртского народа и современного легло в основу поэм М. Петрова, А. Лужанина и др. В развитии драматургии особую роль сыграли М. Петров, И. Гаврилов, пьесы которых составили основу репертуара удмуртского национального театра, созданного в 1931 г.. Детская литература представлена произведениями Ф. Александрова, А. Клабукова и др. В конце 30-х – начале 50-х годов ряд удмуртских писателей (К. Герд, Кедр Митрей, Г. Медведев, М. Коновалов, М. Тимашев и др.) были незаконно репрессированы, что нанесло развитию удмуртской литературы ощутимый урон.

В годы Великой Отечественной войны удмуртские писатели воспевали фронтовой и трудовой героизм (стихи М. Петрова, И. Гаврилова, Ф. Кедрова,

С. Широбокова и др., очерки и рассказы М. Лямина). На фронте погибли П. Блинов и Ф. Кедров. В послевоенное десятилетие продолжают работать М. Петров, С. Широбоков, А. Лужанин, появляются новые имена: Н. Баитерянов, М. Покчи-Петров, И. Зорин и др. Видное место в драматургии этих лет заняли пьесы В. Садовникова («Свадьба», «Волшебная борода» и др.).

Новый этап развития удмуртской литературы начинается с конца 50-х годов. Переиздаются в оригиналах и переводах на русский язык книги писателей 20-30-х годов. Ведущая тема прозы – исследование духовного мира современника, углубляются методы психологического анализа. Заметно стремление к монументальности изображения, жанрам дилогии, трилогии и даже тетралогии (И. Гаврилов, Г. Красильников, Т. Архипов и др.). Поэмы на историческую тему пишут Н. Баитержов. А. Буторин и др. В удмуртской поэзии свежо зазвучал голос Ф. Васильева. Произведения удмуртских писателей переводятся на другие языки. Накопленный опыт и традиции служат основой развития удмуртской литературы на современном этапе.

16.4. ХАНТЫ-МАНСИЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Ханты-менсийская литература – это литература близкородственных народностей Северного Урала ханты и манси. Письменность они получают в 1930 г. на основе латинской, с 1937 г. – русские графики. Зачинатели – хант Г. Лазарев и манси П. Еврин. Становлению Ханты-мансийской литературы способствовал семинар писателей Севера и Дальнего Востока (1961 г.). Получают известность М. Вахрушев, А. Тарханов, Гр. Лазарев, П. Салтыков, Р. Ругин, М. Шульгин. Большой успех имеют произведения Ю. Шесталова. В древний национальный фольклор уходят истоки сказов А. Коньковой. Е. Айпин создал первый в ханты-мансийский литературный роман – «Ханты, или Звезда Утренней Зари» (1990 г.). Развитию литературы способствует появление в сентябре 1991 г. историко-культурного журнала «Юрга».

Литература

1. «История башкирской литературы». В 6 т. Уфа, 1990—1994гг.
2. Харисов А. «Литературное наследие башкирского народа». Уфа, 1973
3. Хусаинов Г. «Башкирская современная советская поэзия». Москва, 1983
4. Вахитов А. «Башкирский советский роман». Москва, 1979
5. Гайнуллин М., Хусаинов Г. «Писатели Советской Башкирии: Библиографический указатель». Уфа, 1977
6. Шмаков А.А. «Наше литературное вчера». Челябинск, 1962
7. Батин М.А. «Жанр и мастерство». Свердловск, 1970
8. Шмаков А., Шмакова Л. «Урал литературный». Челябинск, 1988

9. Гальцева Л. «В Урале Русь отражена». Челябинск, 1991.
10. «История удмуртской литературы». В 2 т. Ижевск, 1987
11. Литературная жизнь Удмуртии: Библиографический указатель. Устинов (Ижевск), 1986.
12. Комановский Б.Л. «Самые молодые литературы». М., 1973
13. Писатели Тюменской области: Библиографический указатель / Свердловск, 1988.

16.5. ПАВЕЛ ПЕТРОВИЧ БАЖОВ

Биография

Павел Петрович Бажов (1879-1950), русский писатель. Родился 15 (27) января 1879 на Сысертском заводе вблизи Екатеринбурга в семье потомственных горнозаводских мастеров. Его детство прошло в Полевском. Семья часто переезжала с завода на завод, что позволило будущему писателю хорошо узнать жизнь обширного горного округа и отразилось в творчестве – в частности, в очерках «Уральские были» (1924). Бажов учился в Екатеринбургском духовном училище (1889-1893), затем в Пермской духовной семинарии (1893-1899), где обучение было гораздо дешевле, чем в светских учебных заведениях.

До 1917 работал школьным учителем в Екатеринбурге и Камышлове. Каждый год во время летних каникул путешествовал по Уралу, собирал фольклор на уральских заводах. О том, как сложилась его жизнь после Февральской и Октябрьской революций, Бажов писал в автобиографии: С начала Февральской революции ушел в работу общественных организаций. С начала открытых военных действий вступил добровольцем в Красную Армию и принимал участие в боевых операциях на Уральском фронте. В сентябре 1918 года был принят в ряды ВКП(б). Работал журналистом в дивизионной газете «Окопная правда», в камышловской газете «Красный путь», а с 1923 – в свердловской «Крестьянской газете».

Работа с письмами читателей-крестьян окончательно определила увлечение Бажова фольклором. По его позднему признанию, многие из выражений, найденных им в письмах читателей «Крестьянской газеты» (1923-1929 гг.), были использованы в его знаменитых уральских сказах. В Свердловске вышла его первая книга «Уральские были», где Бажов детально изобразил как заводовладельцев и «барских подлокотников» – приказчиков, так и простых мастеровых; автобиографическая повесть о детстве «Зеленая кобылка».

Бажов стремился выработать собственный литературный стиль, искал оригинальные формы воплощения своего писательского дарования. Это удалось ему в середине 1930-х годов, когда он начал публиковать свои первые сказы. В 1939 году Бажов объединил их в книгу «Малахитовая

шкатулка» (удостоена Государственной, Сталинской, премии СССР, 1943 г.), которую впоследствии дополнял новыми произведениями. Малахит дал название книге потому, что в этом камне, по Бажову, «радость земли собрана».

В дальнейшем Бажов пополнял «Малахитовую шкатулку» новыми сказами: «Ключ-камень» (1942), «Сказы о немцах» (1943), «Сказы об оружейниках» и др. Произведения зрелого Бажова можно определить как «сказы» не только в силу их формальных жанровых признаков и наличия вымышленного рассказчика с индивидуальной речевой характеристикой, но и потому, что они восходят к уральским «тайным сказам» – устным преданиям горнорабочих и старателей, отличающимся сочетанием реально-бытовых и сказочных элементов. Сказы Бажова впитали сюжетные мотивы, фантастические образы, колорит, язык народных преданий и народную мудрость. Однако Бажов – не фольклорист-обработчик, а самостоятельный художник, использовавший знание уральского горняцкого быта и устного творчества для воплощения философских и этических идей. Рассказывая об искусстве уральских умельцев, отражая красочность и своеобразие старого горнозаводского быта, Бажов вместе с тем ставит в сказах общие вопросы — об истинной нравственности, о духовной красоте и достоинстве трудового человека.

Создание сказов стало главным делом жизни Бажова. Кроме того, он редактировал книги и альманахи, в том числе по уральскому краеведению, возглавлял Свердловскую писательскую организацию, был главным редактором и директором Уральского книжного издательства.

В русской литературе традиция сказовой литературной формы восходит к Гоголю и Лескову. Однако, называя свои произведения сказами, Бажов учитывал не только литературную традицию жанра, подразумевающую наличие рассказчика, но и существование старинных устных преданий уральских горнорабочих, которые в фольклоре назывались «тайными сказами». От этих фольклорных произведений Бажов перенял одну из главных примет своих сказов: смешение сказочных образов (Полоз и его дочери Змеевки, Огневушка-Поскакушка, Хозяйка Медной горы и др.) и героев, написанных в реалистическом ключе (Данила-мастер, Степан, Танюшка и др.).

Главная тема бажовских сказов – простой человек и его труд, талант и мастерство. Связь с природой, с тайными основами жизни осуществляется через могущественных представителей волшебного горного мира. Один из самых ярких образов такого рода – Хозяйка Медной горы, с которой встречается мастер Степан из сказа «Малахитовая шкатулка». Хозяйка Медной горы помогает герою сказа «Каменный цветок» Даниле раскрыть свой талант – и разочаровывается в мастере после того, как он отказывается от попыток самостоятельно сделать Каменный цветок. Сбывается

пророчество, высказанное о Хозяйке в сказе «Приказчиковы подошвы»: «Худому с ней встретиться – горе, и доброму – радости мало».

Фантастические персонажи сказов олицетворяют стихийные силы природы, которая доверяет свои тайны только отважным, трудолюбивым и чистым душою. Бажов сумел придать фантастическим персонажам (Хозяйка Медной Горы, Великий Полоз, Огневушка-Поскакушка) необыкновенную поэтичность и наделил их тонкой сложной психологией. Сказы Бажова – пример мастерского использования народного языка. Бережно и в то же время творчески относясь к выразительным возможностям народного языка, Бажов избегал злоупотребления местными речениями, псевдонародного «обыгрывания фонетической неграмотности» (выражение Бажова). По мотивам сказов Бажова созданы кинофильм «Каменный цветок» (1946), балет С. С. Прокофьева «Сказ о каменном цветке» (пост. 1954), опера К. В. Молчанова «Сказ о каменном цветке» (пост. 1950), симфоническая поэма А. А. Муравлева «Азов-гора» (1949) и др.

Бажову принадлежит выражение «живинка в деле», ставшее названием одноименного сказа, написанного в 1943. Один из его героев, дед Нефед, объясняет, почему овладел мастерством углежога его ученик Тимофей: «А потому, – говорит, – что ты книзу глядел, – на то, значит, что сделано; а как сверху поглядел – как лучше делать надо, тут живинка тебя и подцепила. Она, понимаешь, во всяком деле есть, впереди мастерства бежит и человека за собой тянет».

В годы Отечественной войны Бажов принимает на себя заботы не только о свердловских писателях, но и о писателях, эвакуированных из разных городов Союза. После войны зрение писателя стало резко слабеть, но он продолжал и редакторскую работу, и собирание, и творческое использование фольклора.

В 1946 был избран депутатом Верховного Совета: «...занимаюсь теперь другим - приходится много писать по заявлениям своих избирателей».

Бажов отдал дань правилам «социалистического реализма», в условиях которого развивалось его дарование. Героем нескольких его произведений стал Ленин. Образ вождя революции приобрел фольклорные черты в написанных во время Отечественной войны сказах «Солнечный камень», «Богатырева рукавица» и «Орлиное перо».

Незадолго до смерти, выступая перед писателями-земляками, Бажов говорил: «Нам, уральцам, живущим в таком краю, который представляет собой какой-то русский концентрат, представляет собой сокровищницу накопленного опыта, больших традиций, нам надо с этим считаться, это усилит наши позиции в показе современного человека».

Умер Бажов в Москве 3 декабря 1950, похоронен в Екатеринбурге.

Интересные факты

- Бажов – дед политического деятеля Егора Гайдара и, соответственно, прадед политика Марии Гайдар.
- К 120-летию писателя, в 1999 учреждена Премия имени П. П. Бажова, ежегодно вручаемая в Екатеринбурге.
- Говорят, советский писатель Демьян Бедный, прочитав сказы Бажова, не воспринял их как оригинальное произведение. Решив, что Бажов просто записал фольклор, Бедный решил переложить эти сказы стихами. Узнав, что он ошибся и он перекладывает чужой труд, поэт расстроился, и уничтожил свою трёхмесячную работу.
- Образы из сказов П. П. Бажова – Каменный цветок и Хозяйка медной горы (в виде коронованной ящерицы) – изображены на гербе города Полевской, с окрестностями которого связаны многие сказы.
- Американская писательница-фантаст Мерседес Лэки включила Хозяйку (Королеву) Медной Горы в свою книгу *Fortune's Fool* (2007). Там Хозяйка – могучий дух/колдунья подземного царства, но с несколько безрассудным характером.
- Прототип главного героя бажовских сказов, Данила-мастер, согласно книге Режевские сокровища, родился и вырос на уральской реке Реж, в небольшой деревне Колташи, это знаменитый горщик Данила Зверев.

Сказы

Сказы, записанные и обработанные Бажовым – изначально фольклорные. Многие из них (т. н. «тайные сказы» – старинные устные предания уральских горнорабочих) он слышал мальчиком от В. А. Хмелинина с Полевского завода (Хмелинин-Слышко, дед Слышко, «Стаканчик» из «Уральских былей»). Дед Слышко – рассказчик в «Малахитовой шкатулке». Позже Бажову пришлось официально заявлять, что это приём, и он не просто записал чужие рассказы, а действительно является их сочинителем.

Позже термин «сказ» вошёл в советскую фольклористику с лёгкой руки Бажова для определения рабочей прозы (прозы рабочих)¹. Через некоторое время всё же было установлено, что он не обозначает никакого нового фольклорного явления – «сказы» оказались преданиями, легендами, сказками, воспоминаниями, то есть жанрами, которые существуют уже многие сотни лет.

Архетипичность образов

Глубинные пласты образов Бажова ещё ждут своего исследователя — в советский период литературоведы больше обращали внимание на «героический подвиг» рабочих и т. п.

Мифологические персонажи сказов делятся на антропоморфных и зооморфных. Весьма образны персонификации природных сил:

- *Хозяйка Медной горы* – хранительница драгоценных пород и камней, иногда предстает перед людьми в виде прекрасной женщины, а порой – в виде ящерицы в короне. Происхождение своё ведёт, скорее всего, от «духа местности». Существует также гипотеза, что это преломленный народным сознанием образ богини Венеры, знаком которой на протяжении нескольких десятков лет в XVIII веке клеймилась полевская медь.

- *Великий Полоз* – ответственен за золото. Его фигура создавалась Бажовым на основе суеверий древних хантов и манси, уральских легендах и приметах горщиков и рудознатцев. Ср. мифологический змей.

- *Бабка Синюшка* – персонаж, родственник Бабе-Яге.

- *Огневушка-Поскакушка*, танцующая над месторождением золота (связь между огнём и золотом).

Основные произведения

- «Уральские были» (1924) – книга очерков

- «Формирование на ходу» (1937) – книга, за которую Бажов был исключен из партии

- «Зелёная кобылка» (1939) – автобиографическая повесть

- «Малахитовая шкатулка» (1939) – сборник сказов; Сталинская премия второй степени (1943)

- «Ключ-камень» (1942) – сборник сказов

- «Сказы о немцах» (1943) – сборник

- «Дальнее – близкое» (1949) – мемуары

- «За советскую правду»

- «Через межу»

- «Отслоения дней» – дневниковые записи, письма

Сказы

Алмазная спичка; Аметистовое дело; Богатырева рукавица – фольклорный сказ о Ленине; Веселухин ложок; Васина гора; Голубая змейка; Горный мастер; Далевое глядельце; Две ящерицы; Демидовские кафтаны; Дорогое имячко; Дорогой земли виток; Ермаковы лебеди; Жабреев ходок; Железковы покрышки; Живинка в деле; Живой огонек; Змеиный след; Золотой волос; Золотоцветень горы; Золотые дайки; Иванко Крылатко; Каменный цветок; Ключ земли; Коренная тайность; Кошачьи уши; Круговой фонарь; Малахитовая шкатулка; Марков камень; Медная доля; Медной горы Хозяйка; Надпись на камне; На том же месте; Не та цапля; Огневушка-Поскакушка; Орлиное перо — фольклорный сказ о Ленине; Приказчиковы подошвы; Про Великого Полоза; Про «водолазов», Про главного вора; Рудяной перевал; Серебряное копытце; Синюшкин колодец; Солнечный камень — фольклорный сказ о Ленине; Сочневы камешки; Старых гор подаренье; Тараканье Мыло; Таюткино зеркальце; Травяная западенка; Тяжелая витушка; У старого рудника; Хрупкая веточка; Хрустальный лак; Чугунная бабушка; Шелковая горка; Широкое плечо

Главные персонажи: **Хозяйка медной горы; Данила-мастер**

Постановки

- кинофильмы: «Каменный цветок» (1946); «Золотой полоз» (2007), режиссёр Владимир Макеранец
- мультфильмы: «Синюшкин колодец», перекладки, 1973 г.; «Медной горы хозяйка», кукольный, 1975 г.; «Малахитовая шкатулка», кукольный, 1976 г.; «Каменный цветок», кукольный, 1977 г.; «Серебряное копытце», рисованный, 1977 г.; «Подаренка», кукольный, 1978 г.; «Горный мастер», рисованный, 1978 г.; «Огневушка-поскакушка», рисованный, 1979 г.; «Травяная западенка», рисованный, 1982 г.;
- спектакли: балет С. С. Прокофьева «Сказ о каменном цветке» (постановка 1954); балет «Каменный цветок» А. Г. Фридендера (поставлен в 1944 г.);
- опера К. В. Молчанова (постановка 1950 г.)
- симфоническая поэма А. Муравлева «Азов-гора»
- оркестровая сюита Г. Фрида

Литература

1. Казак В. Лексикон русской литературы XX века = Lexikon der russischen Literatur ab 1917. — М.: РИК «Культура», 1996. — 492 с.
2. Кинофильм: Степанова Памятка

16.6. БОРИС АЛЕКСАНДРОВИЧ РУЧЬЁВ

Борис Александрович Ручьёв (настоящая фамилия Кривощёков; 1913—1973) — русский советский поэт, первостроитель Магнитки, член Союза писателей СССР (с 1934), лауреат Государственной премии РСФСР имени М. Горького (1967), автор трёх десятков поэтических книг. Посвятил значительную часть творчества Магнитогорску — городу металлургов, в строительстве которого ему довелось участвовать

Биография

Детство и ранняя юность

Борис Ручьёв родился 2 (15) июня 1913 г. в Троицке Оренбургской губернии (ныне Челябинская область). Он был третьим ребёнком в семье учителя и священника Александра Ивановича и учительницы Евгении Лаврентьевны Кривощёковых. Согласно копии метрической выписки, местом рождения поэта является станица Еткульская (ныне село Еткуль) Челябинской области. Эта неточность вызвана тем, что отца новорожденного перевели инспектором Высшего начального училища в станицу Еткульскую, где и был окрещён его сын.

Отец будущего поэта являлся одним из грамотнейших людей на Южном Урале. Учителем он стал в 1905 году в Кокчетаве, куда был сослан за агитацию среди казаков Оренбургского казачьего округа. Можно с уверенностью сказать, что литературный дар Ручьёв получил по наследству: его отец занимался и литературной деятельностью. Так, в 1913 в Троицке были изданы его рассказы о Русско-японской войне, а в 20-е годы на страницах местной печати часто появлялись стихи, очерки, рассказы и фельетоны Александра Кривощёкова. В советское время он жил в Киргизии, где за заслуги в области просвещения был удостоен звания «Заслуженный учитель школы Киргизской ССР». Мать Ручьёва, до замужества также учительствовавшая, прекрасно знала русскую литературу и прививала вкус к ней своим детям.

Детство будущего поэта прошло в станице Еткульской. Выучившись читать ещё до поступления в школу, в 1922 Борис поступил учиться сразу в третий класс Высшего начального городского училища г. Троицка. В 1924 вместе с семьёй он переехал в станицу Звериноголовскую Курганской области, где познакомился с будущим поэтом Михаилом Люгариним (Заболотным), дружбу с которым пронёс через всю жизнь. Окончив среднюю школу, в 1928—1929 он учился в школе-девятилетке г. Кургана. К тому же периоду относится его первая литературная публикация: в газете «Красный Курган» были напечатаны первые стихи за подписью «Борис Кривощёков» — «О субботнике», «На озере», «Граммозон», «В школе», «Зима».

Начало литературной судьбы

Вернувшись в станицу Звериноголовскую в 1930 году, Борис сразу включается в комсомольскую работу, сочиняя стихи и юморески для сельской агитбригады. Осенью того же года с другом Михаилом Люгариним он едет в Москву в надежде опубликовать стихи в столичном журнале «Октябрь». Попытка окончилась неудачей, и, не желая возвращаться в родную деревню, друзья принимают решение поехать на Магнитострой. Так 19 октября 1930 в жизни Бориса начался новый отсчёт. На новом месте ему довелось поработать плотником и бетонщиком. Здесь юный поэт вступил в литературное объединение «Буксир» и начал активно публиковаться в многочисленных газетах и журналах, издававшихся на Магнитострое. В 1930 на страницах магнитогорской прессы впервые появились строки за подписью «Борис Ручьёв». В 1931 поэт вступил в комсомол и в том же году начал работать литсотрудником в газете «Магнитогорский комсомолец». В 1932 стихи Ручьёва впервые вошли в книгу — они были напечатаны в сборнике молодых магнитогорских поэтов «Рождение чугуна», опубликованном Уральским книжным издательством. За первые три «магнитостроевских» года из-под пера Ручьёва вышел цикл стихов «Вторая родина», а также поэмы «Песня о страданиях подруги» и «Зависть». О последней, в силу её

незрелости, автор впоследствии отзывался резко отрицательно, так что первая публикация поэмы состоялась лишь после его смерти.

Творчество молодого первостроителя Магнитки заметили столичные литераторы: в 1932 году Ручьёв был приглашён на II Всероссийское совещание молодых поэтов, на котором маститый писатель В. Луговской заметил: «Ему только восемнадцать. Но я и в двадцать один так не писал». Уже в 1933 в Свердловске вышла первая книга стихов Ручьёва «Вторая родина», а в 1934 она была переиздана в Москве под редакцией Э. Багрицкого и А. Суркова. Отметим поэта и руководство комбината: 31 января 1934 на ММК был издан приказ директора А. Завенягина, согласно которому в числе талантливейших молодых поэтов суммой в 1200 рублей и творческой командировкой по Уралу был премирован и Борис Ручьёв[1].

Летом 1934 Ручьёв стал делегатом сразу двух съездов писателей — в июне Всеуральского, а в августе — Первого съезда Союза писателей СССР, где он был торжественно принят в ряды Союза писателей СССР. В 1935 поэт поступил на заочное отделение Литературного института им. Горького. Творческими вехами этого периода стали поэтические циклы «Открытие мира», «Соловьиная пора» и «Девушки-подружки». В марте 1936 поэт женился на учительнице Серафиме Каменских и переехал в Златоуст. В 1936—1937 Ручьёв сотрудничал со златоустовской газетой «Пролетарская мысль» и с челябинской молодёжной газетой «Комсомолец», где в соавторстве с В. Губаревым печатал серию очерков о людях села «Владимирские рассказы». Тем временем он готовил к изданию очередную книгу стихотворений.

Годы репрессий

26 декабря 1937 Ручьёв был арестован в Златоусте по клеветническому обвинению в контрреволюционном преступлении и репрессирован. 28 июля 1938 он был осуждён выездной сессией Военной коллегии Верховного суда СССР на 10 лет лишения свободы по 58-й статье.

Свой срок заключения с 1938 по 1947 Ручьёв отбывал в лагерях Севвостоклага НКВД на Крайнем Севере — на «полюсе холода» в Оймяконе. Несмотря на каторжный труд, неважное здоровье и гнетущее моральное состояние, в эти годы поэт не отложил перо: в ссылке им были созданы поэмы «Невидимка», «Прощание с молодостью» и цикл стихов «Красное солнышко». В лагерях поэт создал и незаконченную поэму «Полюс», повествующую о тяготах ссылки и опубликованную лишь после его смерти, в перестроечные годы.

Существует версия (в числе её приверженцев — писатель Виктор Астафьев и знаток блатного фольклора Фима Жиганец), что в местах заключения Борис Ручьёв создал текст знаменитого «гимна колымских зэка» — песни «Ванинский порт». Некоторые исследователи не исключают, что

именно магнитогорский поэт присутствовал при последних мгновениях жизни Осипа Мандельштама. По понятным причинам, при жизни Ручьёва эти факты не были опубликованы.

По окончании срока заключения Ручьёв был лишён возможности проживать в крупных городах, а также в местах своего прежнего поселения. По истечении ссылки он ещё на два года остался в Севвостоклаге НКВД на правах вольнонаёмного. В 1949 Ручьёв переехал в г. Кусу к своей бывшей супруге С. Каменских, где работал бригадиром погрузочно-разгрузочной бригады завода «Строймаш», кладовщиком гаража и товароведом техснабжения. В 1951 он переехал в Киргизию, где во Фрунзе учителем работал его отец. Устроившись бухгалтером МТС в киргизском селе Мирза-аки, Ручьёв проработал там целых пять лет, где и встретил хрущёвскую оттепель.

Последние годы жизни

В 1956 году Ручьёв был реабилитирован. 30 января 1957 он направил на имя председателя Союза писателей СССР А. Суркова заявление на восстановление своего писательского билета, и в том же году его просьба была удовлетворена. Полный надежд и творческих замыслов, поэт вернулся в город своей юности — Магнитогорск.

В 1958 году (спустя 24 года после первой!) вышла его вторая книга стихов «Лирика». Этот год стал важной вехой для Ручьёва: в это время он начал работу над поэмой «Любава», посвящённой Магнитострою, которой он посвятил 4 года жизни. Первоначально поэт замыслил поэтическую дилогию под названием «Индустриальная история», в которую, помимо «Любавы», должна была войти поэма «Канун» (также известная под рабочими названиями «Рождество» и «Мировой день»), рассказывающая о пуске Магнитогорского металлургического комбината. Здоровье, подорванное в ссылке, давало о себе знать: начав свою последнюю поэму в 1965 году, Ручьёв так и не смог её завершить.

Последние годы жизни принесли поэту всесоюзную славу и любовь читателей — новые его поэтические сборники выходили из печати чуть ли не ежегодно, а стихи переводились на многие языки. Помимо поэтической деятельности, Ручьёв активно публиковал и критические заметки, отслеживая и комментируя книжные новинки земляков-уральцев — его статьи часто публиковались в «Литературной газете» (ряд своих критических материалов Ручьёв подписал псевдонимом «К. Васильев»). В 1967 за цикл стихов «Красное солнышко» и поэму «Любава» поэт был удостоен Государственной премии РСФСР им. М. Горького. В 1969 Ручьёв стал шестым по счёту обладателем звания «Почётный гражданин Магнитогорска». Незадолго до смерти, в 1970, он вступил в ряды КПСС.

Ещё в 1958, беседуя со своим другом, уральским поэтом Я. Вохменцевым, Ручьёв обмолвился: «Мне нужно еще лет пятнадцать, чтобы оформить свои замыслы, завершить вещи, начатые на Колыме, — вот тогда и помирать можно». Эти слова оказались пророческими: поэт скончался в Магнитогорске ровно через 15 лет, 24 октября 1973.

Борис Ручьёв похоронен на Правобережном кладбище г. Магнитогорска.

Своеобразным завещанием поэта стали следующие строки из его «Песен о Магнит-горе»

Если я умру без слова,
люди, будьте так добры,
отвезите гроб тесовый
до высот Магнит-горы.
Под утесом положите
и поставьте столб с доской:
«Похоронен старый житель
и строитель заводской...»

Литературная деятельность

Основной темой творчества Бориса Ручьёва была рабочая Магнитка — мужество и человечность её строителей. «Вся моя жизнь связана с Уралом, с Магнитогорском. Родной город давал и даёт живительную силу моим стихотворениям, без него я не мыслю себе творчества...» — признавался поэт в свои поздние годы.

Несмотря на суровые испытания, выпавшие на его долю в годы репрессий, Ручьёв через всю свою жизнь сумел пронести юношеский романтизм и любовь к родному краю. При этом он являлся истинно русским поэтом, неразрывно связанным со своей родиной и несущим с ней все тяготы и беды. Так, на годину Великой Отечественной войны поэт откликнулся пронзительной поэмой «Невидимка», выразившей боль и ненависть к врагу. Своё поэтическое кредо Ручьёв выразил в заключительных строчках стихотворного цикла «Красное солнышко», написанного в сталинских лагерях:

Пусть, хрипя, задыхаясь в метели,
через вечный полярный мороз
ты в своем обмороженном теле
красным солнышком душу пронес.

В ручьёвском творчестве тесно переплелись традиции Маяковского и Есенина — неслучайно именно этих двоих он называл своими любимыми поэтами. Воспевая героизм и размах комсомольских строев в своих поэмах

(«Индустриальная история»), Ручьёв создавал и проникновенные циклы стихов о любви («Соловьиная пора»). От плакатности своих первых стихов, получивших горячее одобрение Советской власти (цикл стихов «Вторая родина»), в своих поздних произведениях он филигранно выписывает глубины подлинных чувств (поэма «Любава»). Во многом этому способствовало бережное, трепетное отношение поэта к слову. «Пишу я в среднем не более строфы в сутки. Замучило собственное ОТК...» — признавался Ручьёв в письме к другу в разгар работы над поэмой «Любава».

Немало сил поэт отдавал воспитанию литературной смены — на протяжении более чем десяти лет он возглавлял магнитогорское литобъединение, взрастившее в те годы немало известных поэтов и писателей. Именно Ручьёв дал рекомендацию на поступление в Литературный институт имени Горького таким ведущим магнитогорским поэтам, как Римма Дышаленкова и Борис Попов.

Поэмы

Зависть (1933)

Песня о страданиях подруги (1933)

Невидимка (1942)

Полюс (1942—1945, написана одна глава)

Баня (40-е годы, одна глава в записных книжках)

Сталин (до 1947, утеряна)

Прощанье с юностью (1943—1959)

Индустриальная история (диалогия)

Любава (1958—1962, рабочее название «Весна Магнитостроя»)

Канун (1965—1972, рабочие названия «Рождество», «Мировая зима» — написана первая глава)

Циклы стихов

Вторая родина (1931—1933)

Открытие мира (1934—1935, не завершён)

Соловьиная пора (1932—1937, не завершён)

Девушки-подружки (1936)

Красное солнышко (1943—1956)

Замыслы

В силу непростой судьбы Бориса Ручьёва, а также его высокой требовательности к себе, многие из его замыслов так и не нашли воплощения.

В 30-е годы бурно прогрессирующий поэт часто оставлял свои вчерашние наброски, понимая, что они перестают его удовлетворять в литературном отношении. Такая судьба постигла написанную до середины и утерянную поэму «Жан-Иван» (между 1931 и 1935), поэму «Калина Баев —

крестьянский сын» (1933, сохранился отрывок «Песнь о незакатной заре») и поэму Алёнушка (1936, сохранился отрывок «Лесник»). Безвозвратно потеряны другие ранние поэмы Ручьёва — «Виктория», «Громобой», «Страдания моего ровесника», «Плантация».

Не была написана ни одна из поэм, задуманных им во время ссылки на Севере — «Господин Медведко», «Песня о солдатском счастье» («Россия»), «Орлёнок», «Левша», «Юноша» и «Северная сказка» («Дорога в Русь»). По одной главе сохранилось в черновиках от задуманных в это время поэм «Горожанка» (ставшей по стилистике предтечей «Любавы») и «Баня». Некоторые свои замыслы Ручьёв оставлял и в более поздние годы — так, в последнее десятилетие жизни он отказался от решения закончить свою поэму «Полнос» (были задуманы 2-я и 3-я глава под названиями «Как разводить костёр в мороз» и «Комсомолец рассказывает вора сказку»).

Книги

1933 — Вторая родина. — Свердловск, Уралогиз.

1934 — Вторая родина. — Москва, «Советская литература», под редакцией Э. А. Багрицкого и А. А. Суркова

1958 — Лирика. — Челябинск, Челябинское книжное издательство, 168 с. Тираж: 10000 экз.

1960 — Красное солнышко (стихи и поэмы). — Москва, «Советский писатель», 240 с.

1960 — Проводы Валентины (стихи). — Москва, «Правда», библиотека журнала «Огонёк», 1960, № 13.

1961 — Прощание с юностью (стихи и поэмы). — Свердловск, Средне-Уральское книжное издательство.

1963 — Любава (поэма). — Москва, «Молодая гвардия», 96 с. Редактор: Д. Ковалёв. Художник: В. Авдеев. Тираж: 10000 экз.

1963 — Избранное (стихи и поэмы). — Челябинск, Челябинское книжное издательство, 290 с. Предисловие В. Друзина. Тираж: 20000 экз.

1964 — Магнит-гора (избранные стихи и поэмы). — Москва, «Молодая гвардия», 221 с. Предисловие К. Кулиева. Тираж: 20000 экз.

1965 — Избранная лирика. — Москва, «Молодая гвардия», 31 с. Тираж: 160000 экз. Серия «Библиотека избранной лирики».

1965 — Невидимка (поэма). — Челябинск, Южно-Уральское книжное издательство, 17 с. Художник: Г. Перебатов. Тираж: 20000 экз.

1966 — Любава (стихотворения и поэмы). — Москва, «Художественная литература», 183 с. Предисловие К. Ваншенкина. Тираж: 50000 экз.

1967 — Поэмы. — Москва, «Советский писатель», 139 с. Художник: А. Сапожников. Тираж: 25000 экз.

1967 — Стихотворения. — Москва, «Художественная литература», 39 с. Тираж: 10000 экз. Серия: «Россия — Родина моя» (библиотечка русской советской поэзии в 50 книжках).

1968 — Красное солнышко (стихи и поэмы). — Москва, «Советская Россия», 160 с. Тираж: 50000 экз.

1969 — Избранное. — Челябинск, Южно-Уральское книжное издательство, 161 с. Художник: Ю. Бунов. Тираж: 20000 экз. Серия «Уральская библиотека. Поэзия»

1971 — Юность. — Москва, «Молодая гвардия», 128 с. Редактор: Б. Лозовой. Художник: Ю. Семёнов. Тираж: 50000 экз.

1972 — Магнит-гора (избранное). — Москва, «Современник», 159 с. Художники: В. Дианов, Э. Шагаев. Тираж: 25000 экз. Серия: Библиотека поэзии «Россия»

1973 — Стихи. Поэмы. — Челябинск, Южно-Уральское книжное издательство.

1975 — Любава (поэма). — Москва, «Современник», 79 с. Художник: Э. Шагаев. Тираж: 50000 экз.

1976 — Соловьиная пора. — Челябинск, Южно-Уральское книжное издательство, 72 с. Тираж: 5000 экз.

1976 — Стихотворения и поэмы. — Москва, «Советская Россия», 238 с. Составитель и автор послесловия: Д. Старикова. Тираж: 50000 экз.

1978—1979 — Избранные произведения в 2-х томах. — Челябинск, Южно-Уральское книжное издательство, 295 и 231 с. Составители Л. Гальцева и Л. Ручьёва. Тираж: 100000 экз.

1981 — Стихи. — Москва, «Художественная литература», 174 с. Предисловие Л. П. Гальцевой. Тираж: 25000 экз. Серия «Библиотека современной поэзии».

1987 — Красное солнышко (стихотворения и поэмы). — Свердловск, Средне-Уральское книжное издательство, 235 с. Предисловие Л. П. Гальцевой. Тираж: 25000 экз.

1989 — Любава (поэма). — Челябинск, Южно-Уральское книжное издательство, 133 с.

1999 — Песня о брезентовой палатке (стихи). — Оренбург, «Димур», 167 с.

2007 — Соловьиная пора (избранная лирика). — Магнитогорск, «Алкион», 64 с. Редактор: Н. Якшин. Тираж: 1000 экз. ISBN 978-5-88311-019-0. Серия «Литература Магнитки. Избранное» (выпуск 21, книга 1).

Публикации (стихотворения, поэмы)

Стихотворения. — «Красный Курган» (Курган), 11 октября 1928.

В школе (стихотворение). — «Красный Курган» (Курган), 25 октября 1928.

Зима (стихотворение). — «Красный Курган» (Курган), 1 декабря 1928.

Стихи. — Рождение чугуна (стихи магнитогорских поэтов). — Уралогиз (Свердловск), 1932.

- Атака (стихотворение). — «За Магнитострой литературы» (Магнитогорск), 1932, № 1.
- Песня (стихотворение). — «За Магнитострой литературы» (Магнитогорск), 1932, № 2—3.
- Стихотворения. — «Штурм» (Свердловск), 1932, № 4.
- Стихи первому другу — Михаилу Люгарину (стихотворение). — «За Магнитострой литературы» (Магнитогорск), 1932, № 4—5.
- Слово мастеру Джемсу (стихотворение). — «„Огонёк“ на Магнитострое» (Магнитогорск), май 1932.
- Дополнение к анкете (стихотворение). — «За Магнитострой литературы» (Магнитогорск), 1932, № 7—8.
- Артель-бригада (стихотворение). — «За Магнитострой литературы» (Магнитогорск), 1932, № 9—10.
- Слово второй годовщины (стихотворение). — «Магнитогорский комсомолец», 26 октября 1932.
- Стихи о первой родине (стихотворение). — «За Магнитострой литературы» (Магнитогорск), 1933, № 1.
- Ровесники получают премии (стихотворение). — «Магнитогорский комсомолец», 15 февраля 1933.
- Разговор бригадира бетонщиков Козлова с другом Василием Щукиным (стихотворение). — «За Магнитострой литературы» (Магнитогорск), 1933, № 2.
- Зависть (поэма). — «За Магнитострой литературы» (Магнитогорск), 1933, № 3.
- Песня о брезентовой палатке (стихотворение). — «Магнитогорский рабочий», 29 апреля 1933.
- Песня о брезентовой палатке (стихотворение). — «Штурм» (Свердловск), 1933, № 7—8.
- Свидание (стихотворение). — «Штурм» (Свердловск), 1933, № 9—10.
- Песня о брезентовой палатке (стихотворение). — Урал. — Свердловск, Уралогиз, 1934.
- Песня о страданиях подруги (поэма). — «За Магнитострой литературы» (Магнитогорск), 1934, № 1.
- Песня о вечной заре (отрывок из поэмы «Калина Баев — крестьянский сын»). — «Уральский рабочий» (Свердловск), 10 января 1934.
- Песня о страданиях подруги (поэма). — «Штурм» (Свердловск), 1934, № 2.
- Биография песни (стихотворение). — «Магнитогорский комсомолец» (Магнитогорск), 6 марта 1934.
- Любовь (стихотворение). — «За Магнитострой литературы» (Магнитогорск), 1934, № 3—4.
- Звёзды падают дождём (стихотворение). — «Штурм» (Свердловск), 1934, № 4.

Любовь (стихотворение). — «Магнитогорский комсомолец» (Магнитогорск), 6 мая 1934.

Стихотворения. — «За Магнитострой литературы» (Магнитогорск), 1934, № 5.

Песня о страданиях подруги (поэма). — «Красная новь» (Москва), 1934, № 6.

Стихотворения. — «Штурм» (Свердловск), 1935, № 4—5.

Проводы Валентины (стихотворение). — «Челябинский рабочий», 24 мая 1936.

Снова песня про сыву зозулю (стихотворение). — «Сталинская смена» (Челябинск), 18 июня 1936.

Стихи. — Стихи и проза (альманах). — Челябинск, 1937.

По земле бредёт зверь (стихотворение). — «Челябинский рабочий», 1 января 1937.

По земле бредёт зверь (стихотворение). — «Тагильский рабочий» (Нижний Тагил), 30 января 1937.

Тополь (стихотворение). — «Пролетарская мысль» (Златоуст), 16 января 1937.

Обоянка (стихотворение). — «Челябинский рабочий», 1 марта 1937.

Девушки-подружки (стихотворения). — «Пролетарская мысль» (Златоуст), 12 марта 1937.

Лесник (отрывок из поэмы «Алёнушка»). — «Пролетарская мысль» (Златоуст), 30 июля 1937.

Стихотворения. — «Южный Урал» (Челябинск), 1957, № 2—3.

Невидимка (поэма). — «Урал» (Свердловск), 1958, № 5.

Наш комсомольский горком (стихотворение). — «Магнитогорский рабочий», 29 октября 1958.

Весна Магнитостроя (отрывок из поэмы «Любава»). — «Уральская новь» (Свердловск), 1959, № 2.

Четвёртый век (отрывок из поэмы «Любава»). — «Уральский следопыт» (Свердловск), 1959, № 5.

Прощание с юностью (поэма). — «Магнитогорский рабочий», 14 июня 1959.

Прощание с юностью (поэма). — «Москва» (Москва), 1959, № 9.

Стихотворения. — «Москва» (Москва), 1960, № 5.

Парень из тайги (стихотворение). — «Уральский следопыт» (Свердловск), 1961, № 1.

Весна Магнитостроя (отрывок из поэмы «Любава»). — «Урал» (Свердловск), 1961, № 10.

Любава (отрывок из поэмы). — «Урал» (Свердловск), 1962, № 8.

Любава (поэма). — «Москва» (Москва), 1962, № 8.

Стихи о далёких битвах (стихотворения). — «Литература и жизнь» (Москва), 25 ноября 1962.

Красное солнышко (на арабском яз., переводчик Джилли Абдель Рахман). — «Ал-Маса» (Каир), 11 марта 1964.

Вечный пламень (стихотворение). — «Правда» (Москва), 1967, 7 февраля.

Канун (отрывок из поэмы). — «Октябрь» (Москва), 1967, № 11.

Стихи. — Поэты литбригады. — Челябинск, Южно-Уральское книжное издательство, 1969, с. 38—63.

Стихи. — Строфы века. Антология русской поэзии. — Москва, 1999. Составитель Е. Евтушенко.

Стихи. — Область вдохновения. — Челябинск, 2004.

Переводы на другие языки

арабский язык

Джилли Абдель Рахман (Судан)

«Красное солнышко», 1964

болгарский язык

Ижо Соколов (Болгария)

«Красное солнышко», 1968

Публикации (статьи)

Открытое товарищеское письмо М. Люгарину. — «За Магнитострой литературы» (Магнитогорск), 1932, № 1.

Из выступления на II поэтическом совещании РАПП 17 апреля 1932 года. — «Урал» (Екатеринбург), 1974, № 4, с. 143—145.

Наш любимый писатель (о М. Горьком). — «Сталинская смена», 22 июня 1936.

По велению сердца. — «Магнитогорский рабочий», 15 сентября 1957.

Строже, зорче, беспокойнее (о стихах А. Головина). — «Челябинский рабочий», 30 ноября 1958.

Награды и звания

Государственная премия РСФСР имени М. Горького (26 декабря 1967)

Орден Октябрьской революции (июнь 1973)

Орден Трудового Красного Знамени (июнь 1963, октябрь 1967)

Почётный гражданин Магнитогорска (1969)

Имя Бориса Ручьёва носят улицы в Магнитогорске (появилась в 1974) и в Златоусте (бывшая улица Жданова). 25 июня 1975 в Магнитогорске по адресу, где жил Борис Ручьёв (проспект Ленина, дом 69, квартира 1), открылась его музей-квартира, ставшая первым в Челябинской области мемориальным музеем. В стенах квартиры поэта и поныне проводятся многочисленные выставки и мероприятия, посвящённые творчеству как самого Ручьёва, так и других магнитогорских литераторов. С 1979 в

Магнитогорском государственном педагогическом институте (ныне университет) регулярно проводятся Ручьёвские чтения. На протяжении многих лет магнитогорское литературное объединение носило название «Красное солнышко» в честь самого известного цикла стихов поэта. С 1980 имя Бориса Ручьёва носит Магнитогорская центральная городская библиотека.

В 1966 году в Магнитогорске был торжественно открыт памятник, посвящённый первостроителям Магнитки — знаменитая «Первая палатка», ставшая символом города. У подножия исполинской каменной палатки высечены два первых четверостишия из написанной в 1933 году 20-летним Ручьёвым «Песни о брезентовой палатке»:

Мы жили в палатке с зелёным оконцем,
Промытой дождями, просушенной солнцем,
Да жгли у дверей золотые костры
На рыжих камнях Магнитной горы.

Не позабыто имя Ручьёва и в наши дни. С новой силой интерес к его творчеству вспыхнул в годы перестройки, когда широкой общественности стали известны ранее обойдённые официальной прессой обстоятельства биографии поэта, связанные с его гулаговской ссылкой, а также опубликованы ранее неизвестные произведения тех лет. В 1998 губернатором Челябинской области учреждена Литературная премия Б. А. Ручьёва, первым лауреатом которой стал писатель Валентин Сорокин. Ряд стихов поэта включен в вышедшее в 2000 в Челябинске учебное пособие по курсу «Литература России. Южный Урал» для школьников 10—11 классов. В том же году имя Бориса Ручьёва было присвоено 64-й школе Магнитогорска.

Пожалуй, самое значительное признание значения творчества Ручьёва в последние годы — включение подборки его стихов в вышедший из печати в 1999 сборник «Строфы века. Антология русской поэзии», составленный Евгением Евтушенко. В 2007 в книжной серии «Литература Магнитки. Избранное» вышел сборник избранных стихотворений поэта.

Интересные факты

С юношеских лет любимой песней Бориса Ручьёва была «Там вдали, за рекой». Именно она была исполнена Магнитогорской хоровой капеллой над гробом поэта во время прощания с его телом в драматическом театре.

Литература

1. Белозерцев А. Священного призвания стихия (о жизни и творчестве поэтов Южного Урала). — Челябинск, Челябинский дом печати, 2005.
2. Березанская А. Поэзия борьбы и труда: раннее творчество Бориса Ручьёва. — VI Ручьёвские чтения: Сборник материалов межвузовской научной конференции. Магнитогорск, 2001, т. I, с. 74—75.

3. Боярова М. Борис Ручьёв в Оймяконье. — «Полярная звезда» (Якутия), 1985, № 8, с. 110—113.
4. Вилинский О. Он знал завод с котлована. — «Магнитогорский металл», 15 июня 2002, с. 3.
5. Вилинский О. Ручьёв (Кривощёков) Борис Александрович. — Магнитогорск (краткая энциклопедия). — Магнитогорск, Магнитогорский дом печати, 2002, с. 473—474.
6. Вилинский О. «Чёрный чай от чёрной грусти пьём...» — «Магнитогорский металл», 11 июня 2010. — Веб-ссылка
7. Власенко А. Поэзия верности. — Москва, 1963.
8. Встреча с другом (книга о Борисе Ручьёве). — Челябинск, 1976.
9. Гальцева Л. Высокое откровение. — Челябинск, Южно-Уральское книжное издательство, 1973.
10. Гальцева Л. Высокое откровение. — Челябинск, Южно-Уральское книжное издательство, 1983. 190 с.
11. Гальцева Л. «Жизнь идёт как на архипелаге» (каторга и ссылка в творчестве Бориса Ручьёва). — Сайт Челябинского государственного университета. — Веб-ссылка
12. Горюхина Э. Дадут ли Шаламову новый срок? (о школьном музее в Тамторе, посвящённом прошедшим через Колыму) — «Новая газета» (Москва), 16 июля 2007. — Веб-ссылка
13. Давыдов И. Незабываемые встречи. — «Магнитогорский металл», 15 июня 2000, с. 5.
14. Дьяченко В. «Боюсь я, что поздно свобода придёт». — «Подъём» (Воронеж), 2007, № 6. — Веб-ссылка
15. Дышаленкова Р. «Благослови на радости и муки...». — «Магнитогорский металл», 6 июня 1998, с. 14.
16. Дышаленкова Р. Ожог поэзией (о поэтическом цикле «Красное солнышко»). — VIII Ручьёвские чтения. Изменяющаяся Россия в литературном дискурсе: исторический, теоретический и методологический аспекты (сборник трудов международной научной конференции). — Магнитогорск, 2007, с. 253—255.
17. Дышаленкова Р. За великое дело любви (о поэтическом цикле «Красное солнышко»). — «Магнитогорский металл», 20 октября 2007, с. 12.
18. Жиганец Ф. Ванинский порт. — Сайт «В нашу гавань заходили корабли». — Веб-ссылка
19. Заманская В. Творчество Б. Ручьёва и уральская поэзия военных лет. — Поэзия Магнитогорска: опыт исследования региональной литературы (сборник научных статей). — Магнитогорск, Издательство МаГУ, 2008, с. 10—14.
20. Заманский Л., Заманская В. Страстное слово поэта. — «Урал» (Свердловск), 1974, № 6.

21. Заманский Л. Он вошёл в нашу жизнь как учитель: слово о Борисе Ручьёве. — Поэзия Магнитогорска: опыт исследования региональной литературы (сборник научных статей). — Магнитогорск, Издательство МаГУ, 2008, с. 14—20.
22. Кирсанова М. «Он жил — и рядом слаще пелось...». — «Магнитогорский рабочий», 18 июня 1998, с. 1.
23. Клиноква И. Человек на границе двух родин (диалектизмы в поэзии Б. А. Ручьёва). — VI Ручьёвские чтения: Сборник материалов межвузовской научной конференции. Магнитогорск, 2001, т. II, с. 189—191.
24. Комарова Е. «Трудовая романтика» в поэзии Бориса Ручьёва. — VI Ручьёвские чтения: Сборник материалов межвузовской научной конференции. Магнитогорск, 2001, т. I, с. 76—77.
25. Кондратковская Н. Слово о старом друге (к 50-летию Б. Ручьёва). — «Магнитогорский рабочий», 15 июня 1963.
26. Кондратковская Н. Безответственность (письмо в редакцию по поводу статьи Л. Шкавро «Верноподданный её величества» о Б. Ручьёве). — «Челябинский рабочий», 13 мая 1973.
27. Кондратковская Н. Горные высоты поэзии (к 60-летию Б. Ручьёва). — «Комсомолец» (Челябинск), 14 июня 1973.
28. Кондратковская Н. Высокий талант (к 60-летию Б. Ручьёва). — «Магнитогорский рабочий», 15 июня 1973.
29. Кондратковская Н. Поэт рабочей высоты. — «Магнитогорский металл», 29 мая 1976.
30. Кондратковская Н. Достоверность жизненного испытания (рецензия на двухтомник Б. Ручьёва). — «Магнитогорский рабочий», 25 августа 1979.
31. Кондратковская Н. Грани его таланта (обзор литературы о Б. Ручьёве). — «Магнитогорский рабочий», 16 июля 1983.
32. Кондратковская Н. Тайна колымских тетрадей. — «Магнитогорский рабочий», 15 июня 1988.
33. Кондратковская Н. «Я его любил...» (предисловие к публикации отрывка из поэмы М. Дудина «Зёрна», посвящённого Б. Ручьёву). — «Магнитогорский рабочий», 22 октября 1988.
34. Конецкий Ю. Многое открылось душе. — «Магнитогорский металл», 10 декабря 2005. — Веб-ссылка
35. Кормильцев Ю. «Я список кораблей прочёл лишь до середины...» (старейший краевед Магнитки Ю. Г. Функ о встрече на Колыме Бориса Ручьёва с Осипом Мандельштамом). — «Челябинский рабочий», 10 марта 1998. — Веб-ссылка
36. Котлухужин М. Где вставало «Красное солнышко». — Магнитогорск, «Алкион», 2003.
37. Ладейщиков А. Поэт «второй Родины». — «Штурм», 1933, № 9—10.

38. Магнитогорск (краткая энциклопедия). — Магнитогорск, Магнитогорский дом печати, 2002, с. 473—474.
39. Машковцева Р. Пришёл провожать, а сам уехал. — «Магнитогорский металл», 11 июня 2010. — Веб-ссылка
40. Наровчатов С. Истоки мужества. — «Новый мир» (Москва), 1964, № 3.
41. Непеин И. Тайна Бориса Ручьёва. Из архива ФСБ (КГБ). — «Челябинский рабочий», 15 октября 1997. — Веб-ссылка
42. Непеин И. Хранить вечно. — Магнитогорск, «Алкион», 2006. — Серия «Литература Магнитки. Избранное» (выпуск 10, книга 1).
43. Неустроев Д. Рукописи Б. А. Ручьёва в фондах Российского государственного архива литературы и искусства. — Литературный процесс в зеркале рубежного сознания (сборник материалов международной научной конференции «VII Ручьёвские чтения»). — Москва—Магнитогорск, 2004, с. 63—67.
44. Писатели Южного Урала. — Челябинск, 1966.
45. Поздняев К. На стальной земле Магнитостроя (книга о Б. Ручьёве). — Москва, «Современник», 1982, 269 с.
46. Попов Б. «Положите гроб тесовый...». — «Магнитогорский рабочий», 16 июня 1995.
47. Рахимкулов М. Певец Магнитки. — «Вечерняя Уфа», 2 декабря 1976.
48. Русская советская поэзия Урала. — Свердловск, 1983.
49. Ручьёв Борис Александрович (библиографический указатель литературы). — Магнитогорск, 1973.
50. Ручьёв Борис Александрович (библиографический указатель литературы). — Магнитогорск, 1983. Составители И. Н. Викторова, А. Р. Рахматуллин.
51. Ручьёва Р. Поэзия Бориса Ручьёва в аспекте истории. — VI Ручьёвские чтения: Сборник материалов межвузовской научной конференции. Магнитогорск, 2001, т. II, с. 186—189.
52. Ручьёва Р. О принципах создания «Словаря поэзии Бориса Ручьёва». — Литературный процесс в зеркале рубежного сознания (сборник материалов международной научной конференции «VII Ручьёвские чтения»). — Москва—Магнитогорск, 2004, с. 67—72.
53. Селивановский А. Борис Ручьёв (в книге «Поэзия и поэты»). — Москва, 1933.
54. Сорокин В. Высокое страдание. — Сайт «Хронос». — Веб-ссылка
55. Сорокин В. Крест поэта (о высоком страдании Бориса Ручьёва). — VI Ручьёвские чтения: Сборник материалов межвузовской научной конференции. Магнитогорск, 2001, т. I, с. 6—9.
56. Стариков Д. Борис Ручьев. — Москва, 1969.
57. Стариков Д. Так сбываются сказки. — Челябинск, 1963.

58. Троицкая Н. Берегиня поэта. — «Магнитогорский металл», 29 октября 2005, с. 12.
59. Троицкая Н., Якшин Н. Борис Ручьёв: известный и неизвестный. — Ручьёв Б. Соловьиная пора (избранная лирика). — Магнитогорск, «Алкион», 2007, с. 5—10.
60. Троицкая Н. Мужество вопреки трагедии. — «Магнитогорский металл», 18 мая 2010, с. 5. — Веб-ссылка
61. Уметбаев З. «Любава» Б. А. Ручьёва и человек труда в поэме XX века. — VI Ручьёвские чтения: Сборник материалов межвузовской научной конференции. Магнитогорск, 2001, т. I, с. 80—83.
62. Урал литературный (краткий биобиблиографический словарь). — Челябинск, Южно-Уральское книжное издательство, 1988, с. 231.
63. Чернышов Л. Встречи с Борисом Ручьёвым (воспоминания). — «Магнитогорский металл», вкладка «Магнитогорск литературный», 6 сентября 2001, с. 1
64. Чуриков А. Новая жизнь в поэме Б. А. Ручьёва «Любава». — VI Ручьёвские чтения: Сборник материалов межвузовской научной конференции. Магнитогорск, 2001, т. I, с. 78—80.
65. Шкавро Л. Верноподданный её величества. — «Урал» (Свердловск), 1973, № 2.
66. Эфендиев Ф. Борис Ручьёв и Кайсын Кулиев (к вопросу о диалектике поэтических взаимовлияний). — VI Ручьёвские чтения: Сборник материалов межвузовской научной конференции. Магнитогорск, 2001, т. I, с. 83—86.
67. Якшин Н. Неизвестный Борис Ручьёв. — «Магнитогорский металл», 27 июля 2006. — Веб-ссылка

16.7. ЛЮДМИЛА КОНСТАНТИНОВНА ТАТЬЯНИЧЕВА

В русской и мировой поэзии женские имена только в последнее время стали явлением более или менее привычным, хотя история русской женской поэзии насчитывает, по некоторым утверждениям, более 400 лет. XX век в самом своем начале дал два ярких поэтических имени, и, собственно, поэтических типа - это Марина Цветаева и Анна Ахматова. Лирика их, как пространство событий внутренних, по-разному отразила резкий социальный слом и оказала огромное влияние на женскую поэзию в целом. Еще в 1990-х гг. критика пыталась делить поэтесс на "цветаевок" и "ахматовок".

Советский период литературы сформировал еще один лирический тип, который во многом обусловлен своим временем и глубоко ясен только тогда, когда мы соотносим его с этой эпохой. Большой поэт всегда рождается в ответ на глубокую потребность своего века, и всем своим творчеством, всей своей судьбой стремится оправдать эту свою необходимость. Судьба и

творчество Людмилы Татьяничевой - одно из ярких подтверждений этой мысли.

Родилась Татьяничева в декабре 1915 г. в Мордовии, в тихом городке Ардатове, что расположен на высоком берегу реки Алатырь. Отец умер, когда ей было три года, и мать, Агриппина Степановна Татьяничева, уехала с крохотной дочуркой учительствовать в далекое село Хлыстовка Чамзинского района. Низкие, крытые соломой подслеповатые избы, овраги и чахлые рощицы - таким запомнилось село будущей поэтессе. Мать была одаренной и необычайно доброй женщиной, вела дневник, писала стихи - к сожалению, они не сохранились.

В Хлыстовке Людмила жила с матерью при школе, в боковой комнате. Через тонкую перегородку девочка слышала спокойный голос матери, обучавшей малышей грамоте. По вечерам Агриппина Степановна учила взрослых в Народном доме, полутемном и холодном, Людмилу она часто брала с собой. Поэтесса вспоминает: "Острой болью врезался в память день смерти Ленина. Лютый мороз. Скорбные лица. Немая тишина... Мамины тонкие руки обвивают траурной сатиновой лентой портрет улыбающегося Ильича. В глазах у мамы - непролитые слезы...".

Два года спустя мать умерла в Казани после неудачной операции. "Мне очень хотелось запомнить ее могилку, тот бедный холмик, в изголовье которого не было ни креста, ни памятника, ни красной звезды. Я сняла со своей шеи шерстяной шарфик и обвязала им теплый ствол березки, росшей поблизости, искренне веря, что по этой примете смогу безошибочно отыскать дорогу для меня могилу...".

Девочку приютили дальние родственники Кожевниковы, жившие в Свердловске. Константин Рафаилович был преподавателем физики на рабфаке. Он брал Людмилу с собой в летние путешествия по Уралу, учил понимать природу. Мария Александровна преподавала русский язык и литературу. Она как могла заботилась о девочке, поощряла ее увлечение поэзией, но та жила своим мирком, стремилась к самостоятельности и, закончив школу, поступила учеником токаря на вагоностроительный завод. Позднее Татьяничева вспоминала: "Юность моя ничем не отличалась от юности многих моих сверстников - городских комсомольцев тридцатых годов: школа - завод - рабфак". Как поэт она родилась именно на Урале. В одном из очерков поэтесса объясняет происхождение названия "Урал" как сплав двух понятий: "Ур" и "Ал", что в переводе с тюркского означает "земля золотая".

После окончания рабфака и двух курсов Свердловского института цветных металлов в 1934 г. девятнадцатилетняя Татьяничева приехала в Магнитку, которая давно уже манила ее к себе, будоражила воображение: великая стройка, город молодых... Поэзия и романтика заставили ее уйти из института - выбор был сознательным. Людмилу приютила семья

магнитогорского поэта Михаила Люгарина, в знаменитом 112-м - "писательском" - бараке. Люгарин вспоминал: "...Длинный сквозной коридор посередине, комнатухи с железными койками или топчанами и общий титан-самовар в угловой каморке. Одним лишь выделялось наше жилище: тут дольше, чем в других, не гасли огни... Люди здесь писали стихи, рассказы, очерки о том, что происходило вокруг, что творили сами". Позже Татьяничева написала:

Там чуть не каждый мой сосед
Был журналист или поэт...
В рассветный час,
В полночный час
В бараке том огонь не гас...

Горком комсомола направил девушку на работу в редакцию газеты "Магнитогорский рабочий". Была сотрудником отдела писем, затем - заведующей отделом культуры газеты.

Зимой 1934 г. в редакции газеты Людмила Константиновна познакомилась со своим будущим мужем, разделившим с ней судьбу на долгие годы. Николай Смелянский работал тогда заведующим промышленным отделом газеты и заочно учился в педагогическом институте. На то судьбоносное заседание литгруппы "Буксир", состоявшей из 24 авторов, преимущественно ударников комбината, она опоздала, но когда вышла читать стихи, ее приняли "на ура". Работала она в газете в отделе культуры и быта. Это давало ей богатый материал для стихов.

Организованная в 1930 г. литгруппа "Буксир" вырастила целую плеяду ярких писателей: А. Авдеенко, Б. Ручьева, В. Макарова, М. Люгарина, А. Ворошилова, Я. Вохменцева и др. Успех литгруппы был ярким подтверждением роста пролетарской культуры. Приказом директора комбината им выделили 20 тысяч рублей на издание журнала "За Магнитострой литературы". Создали Дом писателя, где можно было работать и учиться... Татьяничева на собраниях держалась особняком, эмоции предпочитала не высказывать, а переплавлять в стихи. Многие стихи ее магнитогорского десятилетия были репортажами со строительной площадки уникального комбината - но тогда же было и подспудное, глубокое преобразование души поэтессы. Лирический дневник ее отличался точностью деталей и интонаций, но мастерства пока не хватало - декларативность, подражательность только позднее переплавились в особую, татьяничевскую интонацию.

Вот ее воспоминания о той поре: "В молодости сил хватает на многое. Оперативная работа в редакции. Общественные поручения. Депутатские обязанности в горсовете. Воспитание сына. Все это не мешало учиться заочно

в Литературном институте имени Горького, писать стихи, много читать, широко общаться с интересными людьми...".

В ее судьбе и стихах нет отражения той трагической коллизии времени, которая на долгие годы выбила из литературы ее товарищей, таких как Борис Ручьев и Михаил Люгарин. Счастливая любовь, семья, особая романтика Магнитостроя, работа в газете, где идеология была на первом месте... Обстановка в литгруппе в разгул репрессий была очень непростой - об этом рассказывает челябинский историк И. Непеин в книге "Палачи и жертвы". Примечательно, что сама Татьянаичева не оставила воспоминаний о тех годах - только собиралась... Судьба была благосклонна к ней: во время отдыха в Крыму она познакомилась с Мариэттой Шагинян, которая приняла участие в судьбе поэтессы. Ее литературное наставничество значительно повлияло на Татьянаичеву. Последние государственные экзамены в Литинституте она сдавала уже во время войны, а в июле 1941 г. стала членом КПСС. По ее словам, получая партбилет, она "чувствовала себя воином, принимающим присягу...".

Все тяжелые военные годы редакция и типография газеты "Магнитогорский рабочий" помещались в жилом доме на улице Пионерской. Все работали, не считаясь со временем. Татьянаичева устраивала редакционные "среды", на которые приглашала рабочих, строителей, учителей, врачей эвакогоспиталя, местных поэтов и эвакуированных артистов. Счастливая жена и мать, молодая поэтесса именно в годы тяжелого испытания своего народа осознала могучую силу слова, почувствовала свою необходимость, востребованность. Этот период выковал особую - татьяничевскую - интонацию, которая отличает ее от двух названных выше поэтесс - Цветаевой и Ахматовой.

В чем особенности поэзии Л. К. Татьянаичевой? Лирические события ее стихов глубоко ровно настолько, чтобы быть понятыми и востребованными широким читателем. Образный строй достаточно прост и прозрачен, намеренно почти лишен глубоких индивидуальных акцентов. Именно это было подспудным требованием времени к поэзии женской: терпеливая, стойкая, бережная (материнская!) музыкальная интонация, образный строй практически без подтекста, без стиливых и мелодических изысков. Важным был контекст времени, состояние сопереживания общенародной беде. Впрочем, таково было и идеологическое требование к советской поэзии: никаких подтекстов, никакой глубокой рефлексии. В совпадении запроса времени и таланта поэтессы сыграли большую роль и ее романтичность, цельность, жизнестойкость и трудолюбие. Поэтические циклы "Ярославна", "Тебе, товарищ!" широко публиковались в газетах и журналах, вырезки со стихами Татьянаичевой бойцы хранили в нагрудных карманах гимнастеров рядом с письмами родных.

В Свердловск эвакуировались из Ленинграда и Москвы многие писатели, в том числе и М. Шагинян. Она поддержала молодую поэтессу, рекомендовала ее стихи в московские издания. В 1944 г. в Челябинске вышел первый поэтический сборник "Верность". А спустя несколько месяцев в том же году Татьянаичева переезжает в Челябинск, получив назначение на должность директора областного книжного издательства. Следующий сборник с безыскусным названием "Стихи" вышел в 1945 г., в том же году она стала членом Союза писателей России. Время было тревожное: сначала в Челябинске, а потом и в Москве в адрес Татьянаичевой прозвучали обвинения в "безыдейности и аполитичности". Готовилась новая волна политических репрессий. Однако поэт А. Яшин отметил, что "вторая книжка разительно отличается от первой", а в 1946 г. в журнале "Октябрь" вышла большая обзорная статья, где о творчестве Татьянаичевой говорилось как о "воспевании конкретного трудового процесса", и стихи сопоставлялись с произведениями Г. Николаевой, М. Алигер, О. Берггольц.

В том же 1946 г. в областном государственном издательстве (ОГИЗ) вышла книга стихов с названием "Лирика". Из пятидесяти тысяч тиража уцелело всего несколько экземпляров - остальные поэтесса собственноручно уничтожила. Это было время знаменитого постановления ЦК КПСС "О журналах "Звезда" и "Ленинград", начало новой волны репрессий против писателей, и за искренние, глубоко лирические стихи можно было поплатиться жизнью.

Впрочем, Татьянаичеву все равно обвинили в "ахматовщине", в том, что она слишком много внимания уделяет личным чувствам, пусть даже материнским, и в ее стихах мало "главного чувства советского человека" - любви к Родине. Татьянаичева не стала рисковать своей семьей, мужем и двумя сыновьями - она поступила истинно по-женски, но глубоко лирические интонации в ее творчестве закрылись навсегда.

Рабочая тема, тема родной земли, материнства приобретали в ее творчестве мощное гражданское звучание. Тот самый настрой на общенародное мировосприятие, на общие ценности, который дал мощный стимул ее военным стихам, получил дальнейшее развитие в послевоенном творчестве. Цельность поэтической природы сказалась еще и в том, что Татьянаичева становится общественным деятелем. Более 10 лет, до 1965 г. она руководила Челябинским отделением Союза писателей СССР, дала путевку в литературу многим челябинским поэтам. О ней тепло вспоминают Константин Скворцов, Борис Маршалов, Валентин Сорокин, Вячеслав Богданов, Анатолий Белозерцев, Атилла Садыков и многие другие челябинские и московские поэты.

В 1965 г. ее пригласили работать в Москву, избрали секретарем Союза писателей РСФСР. Штатная работа в аппарате СП требовала огромного напряжения: вопросы национальных литератур, работа с молодыми авторами,

организационная текучка... Однако это была и пора творческого расцвета: за 15 лет поэтесса выпустила 25 сборников стихов и прозы. В 1971 г. за книгу стихотворений "Зорянка" она удостоена Государственной премии РСФСР имени М. Горького. Двенадцать книг написано Татьяничевой для детей.

Лирическая глубина стихов так и оставалась призакрытой, стихи о любви - камертон истинной поэзии - были словно бы отстраненными, вплоть до творческого перелома, до книги "Калитка в лес осенний" (1979). В период работы над этим сборником поэтесса была уже тяжело больна. Но именно тогда она вернулась к теме любви как самой верной, постоянной созидательной силе, основе жизни. Уже в больнице была подписана к печати книга стихов "Десять ступеней", надписаны друзьям вышедшие в конце января 1980 г. "Магнитогорские пальмы"...

Кто знает, какой гранью мог сверкнуть этот мощный, созвучный своему народу во всех его испытаниях, радостях и бедах талант, если бы не жесткий диктат времени, страх за близких людей...

Л. К. Татьяничева награждена орденом Октябрьской революции (1975), двумя орденами Трудового Красного Знамени (1965, 1971), двумя орденами "Знак Почета" (1952, 1960).

В Челябинске есть улица им. Л. К. Татьяничевой, мемориальная доска на доме по улице Сони Кривой, где она жила, есть библиотека, которая носит ее имя. А где-то в космосе летит по своей вечной орбите малая планета 3512, названная именем уральской поэтессы.

Биография

Родилась 19 декабря 1915 года в Ардатове (Мордовия) в семье сельской учительницы, Агриппины Степановны Татьяничевой и студента-медика. Мать была литературно одаренной женщиной: вела дневник, писала стихи.

В 1919 году умирает отец. Мать с дочерью уехала учительствовать в село Хлыстовка Чамзинского района. В 1926 году осталась сиротой; жила на Урале у родственников отца.

В 1931 году окончила школу-семилетку, пошла работать токарем на вагоностроительный завод. В 1932 году поступила в Свердловский институт цветных металлов

В 1934 году прервав учёбу, приехала на строительство Магнитогорска, где её в 112-м «писательском» бараке приютила семья поэта Михаила Люгарина. Впоследствии об этом периоде своей жизни поэтесса напишет:

Работала в газетах «На рельсах гиганта», «Магнитогорский рабочий» и была участницей литературного объединения «Буксир». В том же году в журнале «Штурм» появились первые стихи Татьяничевой. Познакомилась со своим будущим мужем — тогдашним заведующим промышленным отделом газеты «Магнитогорский рабочий» Николаем Смелянским

В 1934—1944 годах работала сотрудником редакции газеты «Магнитогорский рабочий»

В 1941 году окончила Литературный институт имени А. М. Горького, вступила в КПСС.

В 1943—1953 годах работала ответственным секретарём Челябинской писательской организации.

В 1944 года в Челябинском книжном издательстве вышла первая книга стихов, «Верность». В 1945 году в том же издательстве вышла вторая книга, «Стихи». Вступила в Союз писателей СССР.

В 1956—1958 годах работала собкором «Литературной газеты» по Уралу.

В 1965 году переехала в Москву.

В 1965—1975 годах работала секретарём правления Союза писателей РСФСР.

В 1971 году за книгу стихов «Зарянка» удостоена Государственной премии РСФСР имени А. М. Горького

Скончалась 8 апреля 1980 в Москве после тяжёлой болезни. Похоронена на Кунцевском кладбище в Москве[2].

Литературная деятельность

Книги

- 1944 — Верность (стихи). — Челябинск, Челябингиз.
1945 — Стихи. — Челябинск, Челябингиз.
1946 — Лирика. — ОГИЗ Москва.
1948 — Отчий дом (стихи). — Челябинск, Челябингиз, 79 с.
1950 — Родной Урал. — Москва, «Советский писатель», 114 с.
1958 — Синегорье. — Свердловск.
1960 — Малахит. — Москва.
1961 — Бор звенит (стихи). — Москва, «Правда», 29 с.
1961 — Самое заветное.
1963 — Время тёплых дождей.
1963 — День погожий.
1964 — Лирические стихи. — Москва, «Художественная литература», 215 с.
1965 — Избранная лирика. 1940—1965. — Челябинск, Южно-Уральское книжное издательство, 339 с.
1968 — Царевны (избранная лирика). — Москва, Воениздат, 141 с.
1969 — Мой оленёнок (стихи). — Москва, «Советская Россия», 142 с.
1969 — Стихотворения. — Москва, «Художественная литература», 253 с.
1970 — Зорянка. — Москва, «Советский писатель», 143 с.
1971 — Высокий мой берег.
1971 — Моя любовь, моя забота. — Москва, Профиздат, 127 с.
1973 — Зорянка. — Москва, «Советская Россия», 142 с.
1974 — Корабельный бор. — Москва, «Советская Россия», 400 с.
1974 — Пора медосбора. — Москва, «Современник», 143 с.

- 1975 — Междузорье (стихи). — Москва, «Советский писатель», 142 с.
- 1976 — Избранные произведения (в 2 томах). — Москва, «Художественная литература», 327 и 350 с.
- 1977 — У рассвета сосны розовы (стихи). — Москва, «Молодая гвардия», 160 с.
- 1978 — Улица сталевара Грязнова (Магнитогорские встречи). — Москва, «Советская Россия», 96 с.
- 1978 — Хвойный мёд (книга избранной лирики). — Москва, «Современник», 366 с.
- 1979 — Магнитогорские пальмы (стихи). — Москва, «Советская Россия», 127 с.
- 1980 — Десять ступеней (стихи 1970—1979). — Челябинск, Южно-Уральское книжное издательство, 190 с.
- 1981 — Ветвь молнии (стихи). — Баку, «Гянджлик», 26 с.
- 1981 — Корабельный бор (стихи, пер. с рус.). — Киев, «Радянський письменник», 135 с. Перевод на украинский язык.
- 1981 — Стихи о любви. — Свердловск, Средне-Уральское книжное издательство, 156 с.
- 1982 — Материнская гордость. — Москва, «Правда», 32 с.
- 1982 — Мне бы только успеть. — Москва, Воениздат, 239 с.
- 1983 — Про Олю (стихи, для дошкольного возраста). — Москва, «Малыш», 18 с.
- 1985 — Зелёное лукошко (стихи, для младшего школьного возраста). — Москва, «Детская литература», 47 с.
- 1985—1986 — Собрание сочинений (в 3 томах). — Москва, «Художественная литература». Составление и подготовка текста Н. Смелянского.
- 1989 — Область Личного Счастья. — Свердловск, Средне-Уральское книжное издательство, 295 с.
- 1997 — Я другой не искала судьбы (избранные стихи). — Оренбург, Печатный дом «Димур», 267 с. Составители: Э. Смелянская, Ю. Смелянский.
- 2002 — Мне бы только успеть (письма и дневники). — Москва, «Русская книга».

Публикации

Стихи. — Поэты литбригады. — Челябинск, Южно-Уральское книжное издательство, 1969, с. 86—93.

Стихи. — VI Ручьёвские чтения (сборник материалов межвузовской научной конференции). — Магнитогорск, 2001, т. I, с. 19, 23, 26, 28—29, 32—33.

Награды и звания

Орден Октябрьской революции (1975)
Орден Трудового Красного Знамени (1965, 1971)
Орден «Знак Почёта» (1952, 1960)

Именем Татьяничевой названы улицы в Челябинске и в Магнитогорске (посёлок Западный), а также челябинская библиотека № 26. На домах в Магнитогорске, Челябинске и Екатеринбурге, где жила поэтесса, установлены мемориальные таблички в её честь. Учреждена литературная премия имени Л. К. Татьяничевой. В 1995 именем поэтессы названа малая планета № 3517.

Литература

1. Татьяничева, Л. К. Собрание сочинений. В 3 т. / Л. К. Татьяничева. - М., 1985 - 1986.
2. Татьяничева, Л. К. Избранные произведения. В 2 т. / Л. К. Татьяничева - М.: Худож. лит., 1976.
3. Татьяничева, Л. К. Верность: стихи / Л. К. Татьяничева. - Челябинск: Челябингиз, 1944. - 44 с.: ил.
4. Татьяничева, Л. К. Родной Урал: стихи / Л. К. Татьяничева. - Свердловск: Свердловгиз, 1950. - 114 с.
5. Татьяничева, Л. К. Малахит: избр. стихи / Л. К. Татьяничева. - М.: Совет. писатель, 1960. - 167 с.
6. Татьяничева, Л. К. Избранная лирика, 1940 - 1965 / Л. К. Татьяничева. - Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1965. - 339 с.
7. Татьяничева, Л. К. Высокий мой берег: стихи / Л. К. Татьяничева. - М.: Молодая гвардия, 1971. - 175 с.: ил.
8. Татьяничева, Л. К. Снегопад: стихи / Л. К. Татьяничева. - Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1972. - 139 с.: ил.
9. Татьяничева, Л. К. Магнитогорские пальмы: стихи / Л. К. Татьяничева. - М.: Совет. Россия, 1979. - 127 с.: ил.
10. Татьяничева, Л. К. Область Личного Счастья: стихи / Л. К. Татьяничева. - Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1989. - 302 с.
11. Татьяничева, Л. К. Мне бы только успеть...: письма, дневники / Л. К. Татьяничева. - М.: Рус. книга, 2002. - 460 с.
12. Смелянский, Ю. Н. Татьяничева Людмила Константиновна / Ю. Н. Смелянский // Челябинск: энциклопедия. - Изд. испр. и доп. - Челябинск, 2001. - С. 844.
13. Ханбеков, Л. В. Судьба - это мы: очерк творчества поэтессы Л. К. Татьяничевой / Л. Ханбеков. - Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1984. - 144 с.: ил.

14. Богданов, В. По ступеням времени: К 60-летию Л. К. Татьяничевой / В. Богданов // Каменный пояс: лит.-худож. и обществ.-полит. сб. - Челябинск, 1975. - С. 341 - 346.
15. Гальцева, Л. "Свой край полюбив навсегда" / Л. Гальцева // Каменный пояс: лит.-худож. и обществ.-полит. сб. - Челябинск, 1987. - С. 226 - 233.

О жизни и творчестве Л. К. Татьяничевой.

1. Федоров, В. Дочь Урала: Судьба и творчество Людмилы Татьяничевой / В. Федоров // Наш современник. - 1982. - N 10. - С. 164 - 172.
2. Судья, С. Судьбой с Уралом связана / С. Судья // Город. дилижанс (Челябинск). - 1999. - 12 - 18 апр.
3. Козлова, Т. "Дочь Урала" / Т. Козлова // Степные зори (Чесма). - 2000. - 18 нояб.
4. Иващенко, Ю. Цветы сквозь камень: о стихах Л. Татьяничевой / Ю. Иващенко // Лит. газ. - 1970. - 4 марта.
5. Васильева, Л. Утверждение добра: заметки о поэзии Людмилы Татьяничевой / Л. Васильева // Правда. - 1979. - 29 окт.
6. Фонотов, М. Людмила Татьяничева / М. Фонотов // Челяб. рабочий. - 1996. - 20 марта. О творчестве поэтессы.
7. Инбер, В. О Людмиле Татьяничевой / В. Инбер // Лит. газ. - 1969. - 8 окт. Воспоминания русской поэтессы.
8. Смелянский, В. Ю. Архив любви / В. Ю. Смелянский // Челябинск. - 1999. - N 2. - С. 40. Воспоминания внука Л. Татьяничевой.
9. Скворцов, К. Была когда-то тайна... / К. Скворцов // Деловой Урал (Челябинск). - 2000. - 28 дек. Воспоминания уральского поэта о Л. Татьяничевой.
10. Ховив, Е. Она не была человеком трибуны: Вспоминая Л. Татьяничеву / Е. Ховив // Челяб. рабочий. - 2000. - 19 дек. Автор - челябинский писатель.
11. Писатели Челябинской области: биобиблиогр. справ. / сост. В. В. Ильина. - Челябинск, 1992. - 255 с. С. 196 - 202: Татьяничева Людмила Константиновна.
12. Жислина С. Поэзия высокого накала. — Челябинск, 1965.
13. Кондратовская Н. Поэзия верности (к 50-летию Л. Татьяничевой). — «Магнитогорский рабочий», 19 декабря 1965.
14. Магнитогорск (краткая энциклопедия). — Магнитогорск, Магнитогорский дом печати, 2002, с. 501—502.
15. Она не была человеком трибуны (вспоминая Людмилу Татьяничеву). — «Челябинский рабочий», 19 декабря 2000. — Веб-ссылка
16. Писатели Южного Урала. — Челябинск, 1966.
17. Поэты Урала. — Свердловск, 1948.
18. Русская советская поэзия Урала. — Свердловск, 1983.

19. Струков И. «О счастье я не знала ничего». — «Челябинский рабочий», 20 декабря 2005. — Веб-ссылка
20. Урал литературный (краткий библиографический словарь). — Челябинск, Южно-Уральское книжное издательство, 1988, с. 265.
21. Фёдоров В. Дочь Урала. — «Наш современник» (Москва), 1982, № 10.
22. Ханбеков Л. Судьба — это мы (очерк творчества поэтессы Л. Татьяничевой). — Челябинск, 1984.
23. Шмакова Т. Новая книга поэта. — «Уральская новь» (Челябинск), май 1980.
24. Ягодинцева Н. Третий путь (судьба и творчество Людмилы Татьяничевой). — «Урал» (Екатеринбург), 2005, № 12. — Веб-ссылка
25. Информация о книгах Людмилы Татьяничевой на сайте «Библус»
26. Биография Людмилы Татьяничевой на сайте «Поэзосфера»
27. http://unilib.chel.su:81/el_izdan/kalendar2005/tatyinic.htm

16.8. ДМИТРИЙ НАРКИСОВИЧ МАМИН-СИБИРЯК

Дмитрий Наркисович Мамин – известный беллетрист-этнограф. Родился 25 октября 1852 г. в Висимо-Шайтанском заводе, в семье священника. Окончил курс в Пермской духовной семинарии. К пребыванию здесь относятся его первые творческие попытки. Весной 1871 г. Мамин перебирается в Петербург и поступает в медико-хирургическую академию на ветеринарное отделение, а затем переходит на медицинское. В 1874 г. Мамин выдержал экзамен в университет и, пробыв около двух лет на естественном факультете, в 1876 г. перешел на юридический, но и здесь курса не кончил. Ведя жизнь литературной богемы, Мамин занимался репортажем и писал мелкие рассказы. Первое беллетристическое произведение Мамина «Тайны зеленого леса» напечатано без подписи имени в журнале «Кругозор» в 1877 г. и посвящено Уралу. Зачатки таланта, хорошее знакомство с природой и жизнью края замечаются и в этом произведении. Первые шаги Мамина в литературе вместе с приступами острой нужды, моменты глухого отчаяния, – все это описано Маминым в романе «Черты из жизни Пепко», одном из характерных и ярких его произведений, имеющем большое автобиографическое значение, ярко обозначающем мирозерцание писателя, догмы его веры, взгляды, идеи, которые легли потом в основу лучших его произведений: глубокий альтруизм, отвращение к людскому взаимопоеданию, к грубой силе, пессимизм, любовь к жизни и, вместе с тем, тоска о ее несовершенствах, о «мере печали и слез», где столько ужасов, жестокостей, неправды. «Неужели можно удовлетвориться одной своей жизнью. Нет, жить тысячью жизней, страдать и радоваться тысячью сердец – вот где жизнь и настоящее счастье!» – говорит Мамин в «Чертах из жизни Пепко». Ему хочется жить за всех, чтобы все испытать и все почувствовать.

Думы и вопросы, волновавшие писателя тогда и отраженные в «Чертах из жизни Пепко», проходят почти целиком в дальнейших, уже совершенно зрелых произведениях Мамина. В малоизвестном журнале Мамин напечатал большой роман «В водовороте страстей» под псевдонимом Е. Томский, роман претенциозный и очень слабый во всех отношениях. Весной 1877 г. Мамин уехал на Урал.

Летом 1877 вернулся на Урал, к родителям. В следующем году умер отец, и вся тяжесть забот о семье легла на Мамина-Сибиряка. Чтобы дать образование братьям и сестре и суметь заработать, решено было переехать в крупный культурный центр. Был выбран Екатеринбург, где начинается его новая жизнь. Здесь он женился на Марии Алексеевой, которая стала не только женой, но и другом и прекрасным советчиком по литературным вопросам. В эти годы он совершает много поездок по Уралу, изучает литературу по истории, экономике, этнографии Урала, погружается в народную жизнь, общается с «простецами», имеющими огромный жизненный опыт. Первым плодом этого изучения стала серия путевых очерков «От Урала до Москвы» позже многие русские писатели будут черпать вдохновение именно здесь (1881-1882), опубликованных в московской газете «Русские ведомости».

Пробыв в родных местах 14 лет и деятельно изучая их в бытовом и экономическом отношении. С 1882 г. начинается второй период литературной деятельности Мамина. С появления в "Русской Мысли" очерков из приисковой жизни «Старатели», Мамин, ставший подписываться псевдонимом Сибиряк, обращает на себя внимание публики и критики и довольно быстро приобретает известность. В «Устоях», «Деле», «Вестнике Европы», «Русской Мысли», «Отечественных Записках» появляются его уральские рассказы и очерки: «На рубеже Азии», «В камнях», «Все мы хлеб едим», «В худых душах», «Золотуха», «Бойцы», «Переводчица на приисках», «Дикое счастье», «Авва», «На Шихане», «Башка», «Гроза», «Блаженные» и прочее. Здесь уже намечаются характерные признаки таланта Мамина, его любимые мотивы, стремление к изображению природы и воздействия ее на жизнь, ее влияния, в большинстве случаев, неотразимого на человека, чуткость к совершающемуся вокруг, уловление новых веяний, действующих благотворно или трагически – отрицательно на старые дряблые устои. В этих рассказах уже чувствуется самобытный изобразитель жизни и нравов Урала, вольный художник, чуждый предвзятых тенденций, умеющий дать понятие о гигантском человеческом труде, изобразить всякие контрасты. С одной стороны, дивная природа, величественная, полная гармонии, с другой – неурядица людская, тяжкая борьба за существование. Присоединив к своему имени псевдоним, писатель быстро приобрел популярность, и подпись Мамин-Сибиряк осталась за ним навсегда. В 1883 г. появился первый роман его из заводской жизни на Урале: «Приваловские миллионы». С любовью

останавливается здесь Мамин-Сибиряк на богатырях по внешнему и духовному облику, на жертвах стихийной власти - капиталистического роста, на типах, фигурах, совершенно новых в нашей литературе; здесь им захвачен едва ли не весь Урал, с его горнозаводским делом, с его представителями, вращающимися около золота и железа. Второй роман – «Горное гнездо», появившийся в «Отечественных Записках» 1884 г., рисует также со всех сторон горнозаводский Урал. Это – великолепная страница, необыкновенно своеобразная из истории накопления капитализма, его поступательного хода. В романе талантливо изображен горный царек, своего рода набоб Лаптев, форменный вырожденец, "замечательный тип из всех, какие только встречались в нашей литературе" по мнению Скабичевского, высоко ставившего роман «Горное гнездо» и находящего, что «Лаптева смело можно поставить в одном ряду с такими вековыми типами, как Гартюф Гарпагон, Иудушка, Головлев, Обломов». Свою излюбленную идею о стихийных силах, слепо действующих в жизни, господствующих в колоритном рассказе «Жилка» («Дикое счастье»), типично изображающем золотые промыслы, жажду золота. Естественным продолжением «Горного гнезда» является роман «На улице» (в отдельном издании «Бурный поток»), где действие происходит в Петербурге. Захлестывающие волны бурного потока улицы уносят много жертв, поглощают совесть неустойчивых людей, доводят до позора и женщину. В романе показано, как надвигалась со всем ее ужасом капиталистическая пора, сопровождавшая свое стремительное движение отчаянной ломкой старого уклада жизни, старых идеалов, ничего не создав для трудящихся масс и произведя брожение, растерянность, шатание мысли, разруху в жизни интеллигентных классов.

Два продолжительных выезда в столицу (1881-1882, 1885-1886) упрочили литературные связи писателя: он знакомится с Короленко, Златовратским, Гольцевым. В эти годы пишет и печатает много небольших рассказов, очерков. Сложным процессам на Урале после Крестьянской реформы 1861 посвящен роман «Три конца. Уральская летопись» (1890); в жестких натуралистических подробностях описаны сезон золотодобычи в романе «Золото» (1892), голод в уральской деревне 1891-1892 в романе «Хлеб» (1895), передающем и трепетно-любовное отношение автора к исчезающим деталям стародавнего уклада (характерное и для цикла рассказов «Около господ» (1900)). Сумрачный драматизм, обилие самоубийств и катастроф в произведениях Мамин-Сибиряка, «русского Золя», признаваемого одним из создателей отечественного социологического романа, явили одну из важных граней общественного устроения России конца века: ощущение полной зависимости человека от социально-экономических обстоятельств, выполняющих в современных условиях функцию непредсказуемого и неумолимого античного рока. В 1890 разводится с первой женой и женится на талантливой артистке

Екатеринбургского драматического театра М. Абрамовой и переезжает в Петербург, где проходит последний этап его жизни (1891-1912). Через год Абрамова умирает, оставив больную дочь Аленушку на руках отца, потрясенного этой смертью.

В романе «Три конца» Мамин-Сибиряк удачно касается жизни раскольников на Урале. И здесь царит обычное мировоззрение писателя, выражена ярко тайна жизни – взаимное поедание одной твари другой, и повторяется неизбежная разруха, характерное явление русской жизни. В 1891 г. Мамин-Сибиряк окончательно перебрался в Петербург. К этому времени относятся его большой роман «Хлеб» и повесть «Братья Гордеевы». Этим романом Мамин закончил серию произведений, рисующих всесторонне Урал и Приуралье, их нравы, обычаи, общественную жизнь, дореформенный и пореформенный быт. Множество мелких рассказов посвящено все тому же краю. В произведениях Мамина чувствуются сила, ее широкий размах и какой-то стихийный талант, подчинявшийся словно неведомой стихии. Мамин-Сибиряк выдвигается еще как прекрасный писатель о детях и для детей. Его сборники «Детские тени», «Аленушкины сказки» (1894-1896 гг.), имеют очень большой успех. Некоторые критики сравнивают сказки Мамина с андерсеновскими. Мамин-Сибиряк отличался необыкновенной плодовитостью.

Подъем общественного движения в начале 1890-х способствовал появлению таких произведений, как романы «Золото» (1892), повесть «Охонины брови» (1892). Широкую известность приобрели произведения Мамина-Сибиряка для детей: «Аленушкины сказки» (1894-1896), «Серая шейка» (1893), «Зарницы» (1897), «По Уралу» (1899) и др. Последние крупные произведения писателя – романы «Черты из жизни Пепко» (1894), «Падающие звезды» (1899) и рассказ «Мумма» (1907).

Кроме перечисленных его произведений, следует отметить еще роман «Золото» и рассказы и очерки: «Родительская кровь», «Лётные», «Лес», «Отрава», «Последняя треба», «Зимовье на Студеной», «Емеля-охотник», «Лебедка» и сборник «Около господ». Многие вещи свои, в особенности статьи этнографические, Мамин подписывал псевдонимами Баш-Курт и Оник.

Мамин-Сибиряк скончался 2 (15) ноября 1912 г. в Петербурге в возрасте 60 лет.

Интересные факты

К 150-летию со дня рождения писателя, в 2002 Союз писателей России и Ассоциация писателей Урала учредили Премию имени Д. Н. Мамина-Сибиряка, ежегодно вручаемую авторам, чьи работы так или иначе связанные с Уралом. Первое вручение премии прошло в ноябре 2002 на родине писателя, в посёлке Висим (Свердловская область).

Адреса в Санкт-Петербурге

- 1891—1893 гг. — Сапёрный переулок, 8;
- 1908—1912 (2 ноября) гг. — Верейская улица, д. 3, кв. 16.

Творчество

В литературу вошёл серией путевых очерков «От Урала до Москвы» (1881–1882), опубликованных в московской газете «Русские ведомости». Затем в журнале «Дело» вышли его очерки «В камнях», рассказы («На рубеже Азии», «В худых душах» и другие). Многие были подписаны псевдонимом «Д. Сибиряк».

Первым крупным произведением писателя был роман «Приваловские миллионы» (1883), который на протяжении года печатался в журнале «Дело» и имел большой успех. В 1884 в журнале «Отечественные записки» появился роман «Горное гнездо», закрепивший за Маминым-Сибиряком репутацию выдающегося писателя-реалиста.

Продолжительные выезды в столицу (1881–1882, 1885–1886) упрочили литературные связи Мамина-Сибиряка. Он познакомился с В. Г. Короленко, Н. Н. Златовратским, В. А. Гольцевым и другими. В эти годы писал и печатал много небольших рассказов и очерков.

Последние крупные произведения писателя — романы «Черты из жизни Пепко» (1894), «Падающие звезды» (1899) и рассказ «Мумма» (1907).

В своих романах и рассказах писатель изображал жизнь Урала и Сибири в пореформенные годы, капитализацию России и связанную с этим процессом ломку общественного сознания, норм права и морали.

Произведения

Романы: «Приваловские миллионы» (1883); «Горное гнездо» (1884); «Золото» (1892); «Хлеб» (1895); «Черты из жизни Пепко» (1894); «Падающие звезды» (1899)

Рассказы, повести, очерки: «От Урала до Москвы», серия очерков (1881–1882); «Охонины брови», повесть (1892); «Уральские рассказы», сборник рассказов (1895); «Сибирские рассказы», сборник рассказов (1889); «Алёнушкины сказки» (1894–1896); «Серая шейка» (1893); «Зарницы» (1897); «По Уралу» (1899); «Бойцы. (Очерки весеннего сплава по реке Чусовой)»; «Три конца. (Уральская летопись)»; «Последние клейма».

Сочинения:

- Собр. соч. в 10-ти т. М.: «Правда», 1958.
- Собр. соч. в 6 т. – М.: «Худ. лит», 1980—81.

Литература

1. Дышаленкова Р. Знаток уральского края / № 11. – Магнитогорск: «Западно-Восточный Альянс», 2007. – С. 56–57.
2. Русские писатели и поэты. Краткий биографический словарь. – М.: 2000.

Учреждена именная премия – Премия имени Д. Н. Мамина-Сибиряка

Литература

1. Скабичевский А.М. («Сочинения», том II);
2. Скабичевский А.М. «История новейшей русской литературы» («Беллетристы 80-х годов»);
3. История русской литературы XIX в.,
4. Издание товарищества «Мир» (выпуск 24);
5. «Урал. Сборник «Зауральского края», посвященный памяти писателя Д.Н. Мамина-Сибиряка» (Екатеринбург, 1913); «Капиталистический процесс в изображении Мамина-Сибиряка» («Мир Божий», № 1 и 2); В. Альбова «Мамин-Сибиряк»; очерк В.И. Дмитриевой (Литературные прибавления «Нивы», 1914, ноябрь); очерк П.В. Быкова ("Полное собрание сочинений Мамина-Сибиряка, приложение к «Ниве» 1915 – 1916 годов, том I)

ГЛАВА 17. АРХИВНОЕ ДЕЛО НА УРАЛЕ

17.1. ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ АРХИВНОГО ДЕЛА В РЕГИОНЕ

Начало формирования архива на Урале относится к концу XVII в. Первые собрания документов появились в монастырях, местных органах государственного и самоуправления. Создание архивных фондов осуществлялось стихийно. Определенный порядок формирования и хранения архива соблюдался лишь в госучреждениях.

В течение XVIII—XX вв. массивы документов отложились в Уральском Горном Управлении, канцеляриях Пермских и Оренбургских губернаторов, главной конторе Нижне-Тагильских заводов, органах суда и прокуратуры, крупных горнозаводских округов, епархиальных учреждениях. Формировались личные и семейные архивы: заводовладельцев Демидовых, помещиков Голубцовых, писателя Д.Н. Мамина-Сибиряка, историков-краеведов Н.К.Чупина, В.Н.Шшонко, Оренбургского гражданского губернатора Е.И.Барановского и др.

С 1880-х в России осуществлялись попытки проведения архивной реформы, целью которой были централизация, сохранение и научное описание архивных собраний. Эти задачи были возложены на губернские

ученые архивные комиссии (ГУАК), которые сумели провести большую работу по собранию, научному описанию и публикации архивов губернских правлений, окружных судов, монастырей и др.

События 1917 года и гражданская война значительно ухудшили состояние архивов, которые в значительной мере оказались бесхозными. На основании Декрета Совнаркома РСФСР «О реорганизации архивного дела» (01.06.1918 г.) и Положения «О губернских архивных фондах» (31.03.1919 г.) образованы управления архивными фондами губархивов в Екатеринбурге, Перми, Оренбурге, Уфе (1919 г.), Челябинске (1922 г.), областное архивное бюро в Воткинске (Удмуртия, 1923 г.) и окружной архив в Кургане (1924 г.). Архивное строительство стало государственным делом. Новые архивные учреждения находились в ведении губернских отделов народного образования, а с 1922 г. — исполнительных комитетов.

Под руководством Б.М.Липина, А.В.Сомова, В.П.Федорова, А.П.Симонова — первых начальников губернских архивов, проделана огромная подвижническая работа по спасению уральских исторических архивов, обеспечению их сохранности, классификации и описанию, началось формирование документальных собраний советской эпохи.

В середине 1920-х годов к этой работе активно подключались вновь созданные уездные архивы.

В 20-30-х годах в результате деятельности комиссий по созданию истории партии (комиссии истпарта) при областных комитетах ВКП(б) были образованы областные партийные архивы, выросшие к началу 90-х годов в хранилища документации местных организаций компартии, комсомола.

В 30-40-е годы наиболее крупные районные, окружные архивы были преобразованы в филиалы областных государственных архивов. В 1938 г. архивные органы и учреждения были переданы в ведение НКВД СССР, что негативно сказалось на исследовательской работе, ибо доступ к документам был ограничен, а порой и вообще закрыт.

В годы Великой Отечественной войны в городах областного подчинения и районах были созданы архивы с переменным составом документов.

Реальность советской эпохи, госуправление архивным делом привели к тому, что работа архивистов была сориентирована на отбор и публикации по таким приоритетным темам, как классовая борьба, история рабочего класса, диктатура пролетариата и т.д. К тому же периодические «чистки» архивных фондов, осуществлявшиеся на основании защиты «классовых» интересов, приводили к утрате ценнейших исторических документов.

Позитивные изменения в архивном деле наметились в послевоенные годы. В 1960 было создано Главное управление архивов при СМ СССР.

Укреплялась материальная база архивов: новые, специальные здания получили Пермский и Свердловский, Челябинский облгосархивы; открылись лаборатории по реставрации и микрофильмированию документов в

областных госархивах; организованы отделы комплектования и экспертизы ценности документов. Проводилась большая работа по учету, упорядочению и обеспечению сохранности документов. Были изданы справочники-путеводители по фондам архивов. Кадры сотрудников и специалистов пополнились выпускниками историко-архивных отделений исторических факультетов государственных университетов.

В 1991-92 годах в состав Государственной архивной службы включены упраздненные архивы областных комитетов КПСС и организованы государственные архивы административных органов Свердловской области и государственный архив по делам политических репрессий Пермской области, которым переданы фильтрационно-трофейные и архивно-следственные дела Управлений Комитетов госбезопасности СССР соответствующих областей.

Экономическая, политическая и социокультурная жизнь уральского региона с XVII в. по 1920-е годы отражена в документах 18 облгосархивов, где хранятся около 12 млн. дел и свыше 320 тысяч единиц хранения фотодокументов. Солидными фондами располагают филиалы облгосархивов в Тобольске, Нижнем Тагиле, Кунгуре, Ирбите, Соликамске, Златоусте, Магнитогорске, Сарапуле. Муниципальные архивы с переменным составом документов действуют в каждом районе и городе республиканского и областного подчинения.

Госархивы региона постоянно пополняются документами действующих учреждений, организаций и предприятий, как государственных, так и иных форм собственности. Ежегодно архивные учреждения дают ответы на многие десятки тысяч тематических и социально-правовых запросов, обслуживают тысячи исследований, публикуют документы, статьи в научных и популярных изданиях по архивной тематике, устраивают документальные выставки.

17.2. РАЗВИТИЕ АРХИВНОГО ДЕЛА В XX ВЕКЕ

В 1970 году был образован Зональный научно-методический совет (ЗНМС) архивных учреждений Урала. Он был образован при Архивном отделе исполнительного комитета Оренбургского областного Совета депутатов трудящихся на основании Приказа Начальника Главного архивного управления при Совете Министров СССР за № 37 от 13 марта 1970 г.

В соответствии с утвержденным заместителем начальника Главного архивного управления при Совете Министров СССР Л. Яковлевым 12 ноября того же года «Положением о ЗНМС», основной задачей вновь образованного органа являлась координация научно-методической деятельности архивных учреждений Курганской, Оренбургской, Пермской, Свердловской, Тюменской, Челябинской областей и Удмуртской АССР, а также совместной

разработки ими актуальных проблем в областях архивоведения и документоведения.

Этот документ гласил:

1. Зональный научно-методический Совет архивных учреждений Урала создается при Архивном отделе Оренбургского облисполкома на правах совещательного органа для координации научно-методической деятельности архивных учреждений Удмуртской АССР, Курганской, Оренбургской, Пермской, Свердловской, Тюменской, Челябинской областей и совместной разработки ими актуальных проблем архивоведения и документоведения.

2. В своей деятельности ЗНМС руководствуется постановлениями Правительства СССР и РСФСР по вопросам архивного дела, Положением о Государственном архивном фонде СССР, приказами, инструкциями и рекомендациями Главного архивного управления при Совете Министров СССР, методическими разработками ВНИИДАД, а также настоящим Положением.

3. В состав ЗНМС входят по два представителя из числа руководящих и научных сотрудников архивных учреждений Урала и по должности представитель Главного архивного управления при Совете Министров СССР, курирующий работу Архивного отдела Оренбургского облисполкома. Положение о ЗНМС архивных учреждений Урала и его состав утверждаются Главным архивным управлением при Совете Министров СССР. В случае необходимости к участию в работе ЗНМС могут привлекаться научные сотрудники других архивных учреждений.

4. Председателем ЗНМС является заведующий Архивным отделом Оренбургского облисполкома. Совет утверждает из числа работников архивных учреждений Оренбургской области секретаря, на которого возлагается организация текущей деятельности совета. ЗНМС проводит работу в тесном контакте с научными учреждениями, учебными заведениями и общественными организациями.

5. Деятельность ЗНМС осуществляется по годовому плану, разработанному советом и утвержденному Главным архивным управлением при Совете Министров СССР.

6. Зональный научно-методический совет:

- разрабатывает координационный план научно-исследовательской и методической деятельности архивных учреждений, входящих в его зону, на основе перспективных и годовых планов научно-исследовательской и методической работы указанных архивных учреждений;
- организует совместную разработку архивными учреждениями научных проблем в области архивоведения и документоведения, подготовку методических пособий и разработок, представляющих взаимный интерес;
- организует рецензирование подготовленных архивными учреждениями в

соответствии с координационным планом методических пособий и разработок к внедрению, а также обсуждение научных работ, выполненных другими — организует и проводит зональные научные конференции, методические семинары, совещания и мероприятия по повышению деловой квалификации сотрудников учреждений;

– подготавливает и публикует обзоры научно-исследовательской и методической работы, издает сборники научных статей, материалы зональных научных конференций и методических семинаров;

– осуществляет другие мероприятия, направленные на улучшение организации научно-исследовательской и методической работы архивных учреждений, не предусмотренные настоящим Положением, если их проведение будет признано советом целесообразным;

7. ЗНМС предоставляется право запрашивать от архивных учреждений, входящих в зону деятельности совета, материалы и сведения, необходимые для его работы;

8. Материалы, подлежащие рассмотрению на ЗНМС, готовятся соответствующими архивными отделами и государственными архивами, а также членами ЗНМС и рассылаются членам ЗНМС для ознакомления в сроки, определенные решением совета. Проекты методических пособий дорабатываются в соответствии с замечаниями ЗНМС учреждением-разработчиком. Один экземпляр каждого одобренного и рекомендованного советом к внедрению методического пособия направляется в СИФ ОНТИ ВНИИДАД.

9. Заседания ЗНМС проводятся по мере необходимости, но не реже одного раза в год. Протоколы, решения и рекомендации ЗНМС направляются в Главное архивное управление при Совете Министров СССР, а также заинтересованным архивным отделам.

10. Работа в ЗНМС сотрудников архивных учреждений и государственных архивов дополнительной оплате не подлежит и должна предусматриваться в планах основных мероприятий архивных учреждений.

11. Расходы, связанные с деятельностью ЗНМС, производятся за счет ассигнований на научно-исследовательскую работу и предусматриваются в смете базового архивного учреждения.

Первым председателем Зонального научно-методического совета архивных учреждений Урала стал заведующий Архивным отделом Оренбургского облисполкома Василий Михайлович Агарков, секретарем – начальник организационно-методического сектора Архивного отдела Оренбургского облисполкома Александра Ефимовна Полянская. Всего же в состав ЗНМС, утвержденного заместителем начальника Главного архивного управления при Совете Министров СССР Л. Яковлевым, вошли 15 человек – представители различных архивных учреждений зоны Урала:

В состав Совета входили руководители органов управления архивным делом, наиболее опытные и квалифицированные специалисты архивного дела, обладающие высоким уровнем знаний и имеющие высшее историко-архивное образование.

С первых же дней своей работы ЗНМС значительное внимание уделял научно-исследовательской и методической работе, основываясь на «Координационном плане научно-исследовательских работ в Российской Федерации на 1971 – 1975 гг.», который определял темы, сроки и конкретных исполнителей той или иной разработки.

Архивистами зоны Урала были подготовлены методические пособия, содержащие рекомендации по составлению исторических справок на фонды, каталогизации фондов, по использованию технических средств в организации работы технических архивов проектных организаций, по созданию и усовершенствованию научно-справочного аппарата, по проблемам комплектования Государственного архивного фонда, обеспечению сохранности документальных материалов и т.д. Помимо этого, сотрудники архивных учреждений принимали активное участие в работе курсов повышения квалификации для персонала предприятий и организаций, работа которого непосредственно связана с ведением делопроизводства.

В марте 1974 г. в Ижевске на очередном совещании ЗНМС, посвященном выполнению плана научно-исследовательских работ архивными учреждениями Урала, отмечалось, что государственными архивами региона с 1971 г. проведение НИР стало осуществляться в соответствии с плановыми заданиями, и в этом направлении были достигнуты определенные успехи.

Существенным вкладом в дело дальнейшего совершенствования деятельности государственных архивов зоны Урала явилось создание в 1971 г. «Схемы единой классификации документальных материалов». Разработка этого весьма ценного методического пособия, как говорилось в решении ЗНМС от 20 мая 1971 г., «помогла архивистам изучить весь цикл работы по каталогизации, позволила классифицировать разностороннюю документальную информацию и создать систематический каталог, всесторонне характеризующий историю Урала». Особо был отмечен вклад сотрудников государственных архивов Челябинской, Свердловской, Курганской и Тюменской областей.

В 1973 г. в целях совершенствования проведения комплексной экспертизы ценности документальных материалов в государственных архивах зоны Урала было проведено соответствующее исследование в Оренбургском и Пермском областных государственных архивах, результатом которого явился выход в свет методического пособия.

Государственный архив Свердловской области подготовил сообщение для научно-исследовательского семинара зоны Урала на тему: «Источники

комплектования и методика отбора на государственное хранение научно-технической документации», а Государственный архив Оренбургской области разработал методическое пособие по созданию справочников к группе фондов межевых учреждений.

Сотрудники Государственного архива Пермской области, подготовили «Основные направления комплексной экспертизы ценности документальных материалов государственных архивов по группе фондов сельского хозяйства» и «Инструкцию по методике создания и усовершенствования описей, по каталогизации документов по созданию путеводителей и других справочников данного типа к группе фондов межевых учреждений».

При создании этой Инструкции была проведена значительная работа по изучению истории межевания в России и истории межевых учреждений Пермской губернии, дан скрупулезный анализ научно-справочного аппарата к фондам этих учреждений и использования материалов данных фондов, а также источниковедческий анализ документов. Большой интерес представляют схемы построения каталогов, особенно предметно-тематического, которые выглядят вполне логично и весьма удобны для практического применения. Разработанная «Инструкция» послужила солидной основой для создания полноценного научно-справочного аппарата к указанным фондам.

Таким образом, в период с 1971 г. по 1974 г. был проведен ряд серьезных научных исследований по вопросам комплектования архивов, проведения экспертизы ценности документальных материалов, создания и усовершенствования научно-справочного аппарата, обеспечения сохранности документов, причем в большинстве случаев представленные разработки характеризовались полнотой и достаточно высоким качеством.

Архивными учреждениями зоны Урала был повышен уровень ответственности за выполнение научно-исследовательских разработок, к их выполнению наряду с опытными сотрудниками привлекались молодые специалисты, практиковался обмен опытом в области ведения НИР и методической работы, улучшилась координация и учет указанных работ, было введено в практику ЗНМС заслушивание на заседаниях Совета информации руководителей архивных учреждений по этим вопросам.

Архивисты работали в тесном сотрудничестве с преподавателями и научными сотрудниками высших учебных заведений, работниками музеев, общественных организаций, которые вносили существенный вклад в деятельность архивных учреждений.

В 30 июля 1974 г. Приказом Начальника Главного архивного управления при Совете Министров РСФСР за № 64 было утверждено новое «Типовое положение о Зональном научно-методическом совете архивных учреждений РСФСР (ЗНМС)», в котором содержались некоторые изменения и дополнения. В частности, каждый ЗНМС получал своеобразную

специализацию, т.е. основные направления деятельности, по которым он должен был работать. Для ЗНМС архивных учреждений зоны Урала такими направлениями стали научно-методические и организационные проблемы комплектования государственных архивов документальными материалами и экспертиза их ценности.

Наиболее интересной и востребованной из методических разработок были «Рекомендации по фондированию и описанию документов учреждений, организаций и предприятий-источников комплектования объединенных междуведомственных архивов при Министерствах (АССР) и областных управлениях сельского хозяйства», вышедшие в свет в 1979 г.

В августе 1978 г. Главным архивным управлением при Совете Министров РСФСР был высказан ряд соображений по работе ЗНМС архивных учреждений Урала. Начальник ГАУ Н.И. Иванов отметил эффективную деятельность и работу председателя ЗНМС Урала Ф.Р. Хохлова, в то же время рекомендовал практиковать обсуждение методических разработок, выполненных архивными учреждениями зоны Урала, организовывать обмен докладами и сообщениями по актуальным темам, рассматривать на заседаниях ЗНМС результаты внедренных научных работ и методических рекомендаций. Кроме этого, было указано на необходимость регулярного проведения научных и научно-практических конференций, семинаров по проблемам архивоведения, документоведения и археографии, которые в значительной степени могли бы способствовать повышению профессиональной подготовки работников архивных учреждений.

Новые формы работы стали активно внедряться в систему деятельности ЗНМС Урала, что способствовало повышению уровня ведения научно-исследовательской работы и функционирования совета.

В 1980 г. было принято Решение Коллегии Главного архивного управления при Совете Министров РСФСР «О плане подготовки документальных публикаций и научно-справочных пособий архивных учреждений РСФСР на 1981 год и плане выпуска изданий на 1982 год», в соответствии с которым всем ЗНМС (за исключением ЗНМС архивных учреждений Северного Кавказа) необходимо было рассмотреть предложения архивных органов по выпуску в свет через межобластные книжные издательства подготовленных рукописей сборников документов. Развитие сотрудничества в этом направлении привело к установлению достаточно продуктивных долгосрочных связей между архивными учреждениями и издательствами.

В 1981 – 1982 гг. архивными учреждениями зоны Урала проводилась серьезная работа по проблемам документоведения и архивоведения. Изучались и разрабатывались вопросы, связанные с научно-методическими основами организации документов в учреждениях на основе принципов

ЕГСД, оптимизации состава и содержания Государственного архивного фонда СССР и обеспечения сохранности его документальных материалов. Результатами этих исследований стал выпуск соответствующих рекомендаций, рабочих инструкций, памяток, обзоров и методических пособий – по рациональной группировке в дела распорядительных документов в учреждениях, по определению источников комплектования, по организации экспертизы ценности и фондирования документов, по их научно-технической обработке и т.п. Значительное внимание в этот период уделялось подготовке документальных публикаций. Государственными архивами Челябинской и Тюменской областей были разработаны основы теории и практики выявления и отбора документов для сборника по истории промышленности и рабочего класса «Ленинская поступь пятилеток» и по составлению сборника «История рабочего класса Тюменской области. 1917 – 1980 гг.»

С 1981 г. базовым органом Зонального научно-методического совета архивных учреждений Урала становится Архивный отдел Свердловского облисполкома. В указанный период основная деятельность ЗНМС была направлена на выполнение планов научно-исследовательских работ, обсуждение актуальных проблем в области архивоведения и ведения делопроизводства, повышение качества и эффективности научных и методических разработок, а также на совершенствование профессионального уровня работников архивных учреждений. Вместе с тем, одной из основных задач являлась реализация Постановлений ЦК КПСС и Советского Правительства, касающихся архивного дела и выполнение плановых заданий пятилеток.

14 октября 1982 г. в г. Ижевске состоялся научно-методический семинар, посвященный перспективному и текущему планированию и организации контроля за выполнением плана научно-исследовательской и методической работы. С сообщениями выступили представители Государственных архивов Тюменской, Челябинской, Пермской, Свердловской, Оренбургской и Курганской областей.

На семинаре было отмечено, что впервые в деятельности архивных учреждений удалось достичь координации научно-исследовательской работы государственных архивов в пределах всей страны вообще и в пределах Российской Федерации в частности. Научно-исследовательская работа была направлена на решение практических задач архивных учреждений, а организующим началом этих направлений являлось планирование – перспективное, пятилетнее, годовое и текущее.

Ведение научно-исследовательских работ предусматривалось осуществлять в несколько этапов:

Первый из них – решение организационных вопросов, т.е. определение темы НИР с учетом практических нужд, а также определение состава исполнителей и распределение между ними обязанностей.

Второй – координация работ, предусматривающая составление проекта методического пособия или нормативного документа.

Третий – планирование НИР, осуществляемое в ходе сотрудничества с различными архивными учреждениями.

Четвертый – методика разработки темы, предусматривающая ознакомление с состоянием изучаемой проблемы, составление библиографии, изучение и аннотирование литературы, сбор и обработка исходных материалов, формулировка выводов и подготовка на их основе конкретных предложений.

Пятый, и заключительный, – практическое внедрение результатов проделанной работы, которое осуществляется при участии всех архивных учреждений, имевших к ней непосредственное отношение.

Вопрос методического обеспечения также являлся одним из важнейших в достижении позитивных результатов в деятельности любого архивного учреждения, а основная же задача методической работы – это полное соответствие основным и наиболее важным направлениям деятельности архивных учреждений зоны Урала, создание методической базы для обеспечения проведения планируемых работ, передачи и внедрения передового опыта, повышения квалификации сотрудников архивных учреждений.

Одной из главных ее форм является подготовка пособий прикладного характера – методических рекомендаций, рабочих инструкций, памяток и т.д. Для повышения эффективности внедрения методических разработок используются различные формы:

- составление обзоров методической литературы по всем направлениям;
- составление рекомендательных списков литературы;
- разработка схем и организация методических уголков в городских, районных и ведомственных архивах;
- обобщение и распространение передового опыта;
- издание информационных бюллетеней;
- пополнение справочно-информационного фонда;
- индивидуальное ознакомление с вышедшей литературой и изданиями, поступившими в справочно-информационный фонд;
- проведение дней информатора;
- изучение методических пособий на занятиях по повышению квалификации;
- проведение экономических анализов

В 1983 – 1984 гг. архивными учреждениями зоны Урала проводились исследования научной и практической ценности распорядительных документов и выработки рациональных методов их группировки в дела, состава документов, создаваемых в республиканских, областных и районных агропромышленных комплексах, а также разработка рекомендаций по основным принципам ценности и фондирования документов организаций и предприятий, вошедших в состав производственных объединений отдельных отраслей промышленности, развития критериев определения источников комплектования Государственного архивного фонда СССР.

Кроме этого, были разработаны памятки и методические пособия о проведении комплексной экспертизы ценности документов в системе учреждений народного образования, по экспертизе ценности и составлению описей научно-технической документации в учреждениях, организациях и предприятиях, составлению паспорта архива и сведений об изменениях в составе и объеме фондов.

Значительное внимание уделялось также совершенствованию организационно-методического руководства работой ведомственных архивов и организацией документов в делопроизводстве организаций, учреждений и предприятий. Было проведено несколько десятков совещаний, в которых принимали участие руководители и сотрудники, непосредственно ответственные за делопроизводство и архивы, таких структур, как областные финансовые отделы, отделы юстиции, управления культуры, спорткомитеты, управления сельского хозяйства и т.д.

Регулярно проводились проверки состояния делопроизводства и архивов указанных учреждений, формы их были различны – от смотров до соревнований. Итоги проверок анализировались на аппаратных совещаниях руководителей, что способствовало улучшению архивного дела и делопроизводства в ведомственных архивах.

Деятельность специалистов архивных учреждений зоны Урала в 1985 – 1990 гг. была посвящена решению проблем, вставших перед архивами в период перестройки. Помимо традиционных задач, приходилось решать вопросы, связанные с экспертизой ценности и приемом на государственное хранение документальных материалов учреждений и организаций, возникших в ходе проведения реформ в промышленности и сельском хозяйстве, а также с созданием межведомственных архивов. Важную роль в этом сыграли изучение и распространение передового опыта работы архивных учреждений, входивших в зону Урала, чему в значительной степени способствовала практика проведения ежегодных заседаний и совещаний-семинаров ЗНМС в различных городах Уральского региона.

В 1988 г. архивными учреждениями Урала было подготовлено 37 методических пособий. Среди них – «Памятка по научно-технической обработке писем участников Великой Отечественной войны», «Памятка по

переработке фондов личного происхождения», «Методические указания по составлению справочника по истории государственных учреждений», «Памятка по организации учета, хранения и использования документов на бумажной основе в школьных и народных музеях», «Памятка по сбору документов личного происхождения в ведомственных архивах учреждений, организаций и предприятий», «Методическое пособие по подготовке нормативно-методических и организационно-распорядительных документов. В помощь работникам ведомственных архивов», «Справочное пособие по использованию архивных документов в историко-краеведческой работе», «Памятка по методике анализа тематических запросов и эффективности информационных документов», «Методические рекомендации и схема классификации систематического каталога фотодокументов архива», «Памятка по организации розыска дел, не обнаруженных при проверке наличия, и оформление ее результатов» и многие другие. В 1988 г. решением ЗНМС для участия в республиканском конкурсе были выдвинуты «Рекомендации для ЦЭК отраслевых органов управления и ЭПК архивных органов РСФСР по определению отраслевого состава учреждений, организаций и предприятий, являющихся и не являющихся источниками комплектования государственных архивов РСФСР», а также ряд изданий архивных учреждений Тюменской области.

17.3. ХРОНИКА ЗАСЕДАНИЙ ЗНМС УРАЛА

1985 год, Челябинск. Основные вопросы совещания: обсуждение информации о ходе общественного смотра состояния документов ГАФ СССР, анализ результатов внедрения Системы стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу (СИБИД) и Унифицированной системы организационно-распорядительной документации (УСОРД), обсуждение различных аспектов использования документов в научно-хозяйственных, идеологических, массово-политических и культурно-просветительских целях. Тема семинара: обсуждение задач финансовой и бухгалтерской работы в архивных учреждениях.

1986 год, Курган. Основной вопрос совещания: внедрение в зональных архивных учреждениях «Основных правил работы государственных архивов СССР» как важнейшего нормативно-методического документа отрасли. Тема семинара: дальнейшее совершенствование деятельности подразделений госархивов, содержащихся за счет специальных (внебюджетных) средств.

1987 год, Пермь. Основные вопросы совещания: подготовка и празднование 70-летия Октябрьской революции, перестройка и улучшение работы архивных учреждений зоны Урала, комплексные проверки архивных учреждений Главархивом СССР, внедрение в архивных Учреждениях зоны Урала ОСТ 55.6-85 «Документы на бумажных носителях».

Правила государственного хранения». Тема семинара: работа с научно-технической документацией.

1988 год, Свердловск. Научно-практическая конференция архивных учреждений Урала была посвящена 70-летию ленинского декрета об архивном деле. В рамках Зонального научно-методического совета состоялся семинар заведующих районными и городскими госархивами Свердловской, Курганской, Тюменской и Челябинской областей.

1989 год, Уфа. Основные вопросы совещания: ход выполнения основных направлений оптимизации состава ГАФ СССР, выполнение программы интенсификации использования архивных документов, комплексной программы развития и совершенствования научно-справочного аппарата госархивов, перевод документов с ограниченного допуска на общий режим хранения, создание страхового фонда на особо ценные документы. Тема семинара: руководство перестройкой деятельности государственных архивов.

1990 год, Ижевск. Основные вопросы совещания; ход внедрения «Правил работы государственных районных и городских архивов», подготовка облгосархивов к переводу на новые условия хозяйствования. Тема семинара: обмен опытом работы с особо ценными документами.

В 1991 – 1995 гг. архивными учреждениями зоны Урала продолжалась работа, связанная с формированием документов в делопроизводстве учреждений, организаций и предприятий государственной власти и государственного управления, здравоохранения, финансов, планирования, а также с путями и методами руководства государственными архивами автономных республик и областей в современных условиях.

Органам управления архивным делом и государственным архивам было рекомендовано предпринять конкретные меры по выявлению новых видов организаций, изучению создаваемой ими документации с целью отнесения этих организаций к числу источников комплектования Государственного архивного фонда. В этот период архивные учреждения зоны Урала сосредоточили свою работу на отборе на государственное хранение документов, образующихся в деятельности организаций и предприятий нового типа, в частности, это касалось документальных материалов общественных и общественно-политических организаций.

В 1993 г. архивными учреждениями зоны Урала была подготовлена 71 методическая разработка по основным направлениям их деятельности; в 1994 г. – 85, в 1995 г. – 52.

Результатом координации Научно-методическим советом научно-исследовательской и методической работы архивных учреждений Уральского региона явились: «Рекомендации по организации методического обеспечения работ и контролю за внедрением методических пособий в Центральном государственном историческом архиве Республики

Башкортостан», «Памятку по организации информационного обслуживания на базе справочно-информационного фонда Центрального государственного исторического архива Республики Башкортостан» и «Методические указания по научному описанию материалов справочно-информационного фонда Государственного архива Свердловской области» и «Методические рекомендации по применению нормативных документов в практике работы государственных архивов», выполненные Государственным архивом Оренбургской области.

В процессе практической работы уточнялись и корректировались теоретические разработки Главархива РСФСР, ВНИИДАД, обобщался накопленный собственный положительный опыт, необходимо было методически обеспечить определенные виды работ, не получившие полного освещения в методической литературе, разрабатывались собственные методические пособия. За прошедшее 10-летие (т.е. в период с 1999 по 2000 гг.) архивными учреждениями Урала было разработано более 400 нормативно-методических документов. Методики готовились по вопросам отбора документов на государственное хранение, экспертизы ценности, обеспечения сохранности документов, развития НСА. Пособия были представлены различными видами: методическими указаниями, рабочими инструкциями, методическими письмами, памятками и т.д.

Произошедшие в стране изменения внесли коррективы в научно-исследовательскую и методическую работу в области архивного дела. Появилось новое законодательство, возникли учреждения, организации и предприятия с различной формой собственности, новые партии и движения, а вместе с ними и новые виды документов.

Началось внедрение компьютерной техники, но не было соответствующего программного обеспечения. Таким образом, целые направления деятельности оказались без соответствующего методического обеспечения. В первую очередь это коснулось работ по формированию Архивного фонда РФ области, использования документов, программного обеспечения и т.д.

Одним из важных направлений стала подготовка в 1998 – 1999 гг. «Основных правил работы государственных архивов» и «Основных правил работы архивов государственных организаций», в рецензировании проектов которых приняли участие все архивные учреждения зоны Урала.

Приведем краткую характеристику основных результатов исследований по следующим направлениям.

Обеспечение сохранности и государственный учет документов Архивного фонда Российской Федерации:

– в 1994 – 1997 гг. – тема «Порядок (Регламент) организации централизованного учета документов государственной и негосударственной частей Архивного фонда РФ». Участие в данной теме

планировалось с целью совершенствования системы централизованного учета документов в ЦГА УР. К сожалению, принять участие в её разработке не удалось, т.к. не были высланы методические документы из Росархива, но на совещании специалистов архивных учреждений Урала по проблемам государственного учета архивных документов, проходившем в марте 1995 г. в г. Ижевске, состоялось обсуждение проекта «Регламента...», разработанного Росархивом;

– в 1996 – 1999 гг. – тема «Разработка нормативно-методических основ создания и ведения Национального реестра уникальных и особо ценных документов и дел Архивного фонда РФ». Были рассмотрены и обсуждены «Основные концептуальные подходы к созданию Государственного реестра культурного наследия России», «Положение о Государственном реестре уникальных документов АФ РФ», «Методические указания по определению документов, подлежащих включению в Государственный реестр уникальных документов АФ РФ», проведено экспериментальное внедрение критериев отбора уникальных документов в ЦГА УР и ЦДНИ УР и заполнение карточек на них. Составлен отчет по теме. Соисполнителями по этой теме так же являлись ЦГА РБ и Государственный архив Тюменской области.

Формирование Архивного фонда Российской Федерации, ведомственное хранение архивных документов:

1994-1995 гг. – тема «Порядок (Регламент) организации государственного и централизованного учета документов государственной и негосударственной частей Архивного фонда РФ» и подготовка методических рекомендаций «Отбор на госхранение документов, образующихся в деятельности негосударственных организаций». В ней приняли участие в качестве соисполнителей все архивные учреждения зоны Урала, составлены ответы на вопросы анкеты, разработанной ВНИИДАД;

1999 г. – тема «Межотраслевой перечень проектов (объектов) особой историко-технической значимости. Перечень, БД «Росприоритетпроект»»; (ЦГА УР); тема «Перечень технических документов XIX – начала XX вв., подлежащих хранению в государственных архивах России». По просьбе сотрудников ВНИИДАД архивисты ЦГА УР ответили на вопросы анкет, по обеим темам НИР, дав анализ научно-технической документации, хранящейся в ЦГА УР;

1998 г. – архивисты зоны Урала приняли участия в теме НИР «Разработка Перечня типовых документов, образующихся в деятельности госкомитетов, министерств, ведомств и др. учреждений с указанием сроков хранения».

Научно-информационная деятельность архивов и использование документов, развитие системы научно-справочного аппарата:

1996 – 1999 гг. – тема «История русской православной церкви в Удмуртии. Межфондовый предметно-тематический указатель по фондам ЦГА УР». Включение этой темы в планы НИР ЦГА УР было обусловлено дальнейшим совершенствованием системы НСА к большой группе фондов религиозных организаций, прошедших в начале 1990-х годов научно-техническую обработку, а также расширением использования их в научных, культурно-просветительских и др. целях. Итогом работы явился Справочник-указатель по фондам ЦГА УР «Православные храмы Удмуртии», изданный в издательстве «Удмуртия» в январе 2000 г. тиражом 1100 экземпляров и объемом 58 п.л.

Новые направления исследований возникли и в области научной информации и использования документов. В связи с возросшим социальным заказом на генеалогическую информацию с 1991 г. по 1993 гг. ЦГИА РБ являлся соисполнителем ВНИИДАД по теме «Источники и поиски генеалогической информации». Генеалогическими исследованиями занимались самостоятельно и другие архивные учреждения Урала.

Госархив Пермской области для аналитического обзора по теме «Документоведческие и архивоведческие проблемы электронных документов» подготовил ответы на вопросник ВНИИДАД.

Планирование научно-исследовательской и методической работы осуществляется ежегодно на основе изучения потребности, направлений работы архивов, с 1998 г. учитываются также федеральные, республиканские и региональные подпрограммы и программы развития архивного дела.

При планировании разработки методических пособий учитываются рекомендации совещательных органов, «круглых столов», тематических проверок и т.д.

В первоочередном порядке разрабатываются методики, которые являются наиболее актуальными или необходимыми. Учитываются возможности архивов подготовить то или иное пособие.

Таким образом, можно сделать вывод, что архивные учреждения Урала за прошедшее десятилетие проделали определённую работу в области научно-методического обеспечения. Исходя из своих возможностей, удалось обеспечить методикой новые виды работ, продолжили разработку традиционных направлений.

Эффективная практика взаимодействия и сотрудничества с ВНИИДАД, Росархивом как руководителями НИР, которая приобрела разные формы: ответы на вопросы анкет, подготовка отдельных разделов НИР, рецензирование, доказала целесообразность и необходимость использования данных форм в организации научно-исследовательской работы. Значительное место в организации и проведении НИР и методической работы занимает ЗНМС архивных учреждений Урала. На его обсуждение выносятся актуальные проблемы развития архивного дела, намечаются конкретные

меры по их реализации, вырабатываются эффективные подходы по обеспечению сохранности архивных документов, комплектованию и использованию их в интересах общества.

Положительным моментом являются зональные конкурсы в рамках российских. Так, в период с 1991 – 2000 гг. архивы Удмуртской республики приняли участие в зональном и двух Российских конкурсах. «Справочник по административно-территориальному делению Удмуртии 1917 – 1991 гг.» и «Методические рекомендации по научно-технической обработке документов фондов церквей в ЦГА УР» получили первое и второе места на зональном конкурсе и дипломы на российском конкурсе 1997 г. На российском конкурсе 1999 г. были представлены четыре работы: «Справочник о документах по личному составу, хранящихся в республиканских, городских и районных архивах Удмуртской Республики» занял 2-е место, «Создание коллекции копий документов по истории Удмуртии, выявленных за её пределами» было отмечено почетным дипломом. ЦДНИ УР представил программное обеспечение «Предметно-тематический указатель к протоколам конференций, пленумов, заседаний актива республиканской партийной организации, заседаний бюро и секретариата Удмуртского рескома КП РСФСР, 1921 – 1991.»; пакет примерных номенклатур дел общественных объединений; обе работы были отмечены дипломами конкурса.

Дипломов удостоены сборники документов «Башкирия в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.», «Урал ковал Победу» и работа Ф.Х. Гумерова «Хрестоматия по истории Башкортостана. Т.1».

В 1997 г. в выдвижении работ на Всероссийский конкурс наряду с ГАПО принял участие и ГАНИОПДПО. По итогам конкурса авторы программного комплекса «Госархив» и фотоальбома «Пермь. XIX – XX вв.» (ГАПО) были удостоены дипломов.

В 1995 г. сборник фронтовых писем «Ни в какой книге не прочтешь», выпущенный курганскими архивистами, был удостоен 2-й премии на региональном конкурсе и первой премии на областном молодёжном.

В 1995 – 1996 гг. – Дипломом и второй премией за подготовку Сборника документов «Организация самоуправления в Тобольской губернии» в российском конкурсе награждены тюменские архивисты;

В 2000 г. – дипломом награждён ГАТО за подготовку телеочерка «Память сердца».

В 2002 г. – дипломом награжден ЦДНИ Удмуртской Республики за создание автоматизированного комплекса «Фотокаталог», ЦГА Удмуртской Республики за подготовку методических рекомендаций «Фондирование, классификация и описание документов избирательных комиссий на территории Удмуртской Республики»; Дипломом и первой премией награжден ЦГА Удмуртской Республики за подготовку справочника «Православные храмы Удмуртии: Справочник – указатель по документам

Центрального государственного архива Удмуртской Республики»; дипломом и первой премией награждены ГА Пермской области, ГА по делам политических репрессий Пермской области, ГА новейшей истории и общественно-политических движений Пермской области за подготовку справочника «Из истории религии в Прикамье» (в 2-х томах, 6 частях); дипломом награжден ЦГА общественных объединений Республики Башкортостан за подготовку справочника «Подвиги их бессмертны»; дипломом награжден Центр документации новейшей истории Тюменской области за подготовку тематического пречня фондов государственных архивов Тюменской области «Крестьянское восстание 1921 года в Тюменской губернии»; Га Тюменской области за подготовку «Тематического пречня документов о составе и содержании документов фондов государственного архива Тюменской области «К вопросу о раскулачивании в крае»; дипломом и третьей премией награжден ЦГА Удмуртской Республики за подготовку сборника документов «Воткинск. 1758-1998. Документы и материалы»; дипломом награжден Объединенный государственный архив Челябинской области за создание цикла программ «Челябинск. Век XX»; дипломом награжден ЦДНИ Тюменской области за подготовку сборника документов «Молодежь и время» в 3-х частях.

В 2004г. – дипломами награждены ЦГА Удмуртской Республики за подготовку комплекса нормативно-методических документов по созданию Государственного реестра уникальных документов Архивного фонда Удмуртской Республики; Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики за разработку автоматизированного программного комплекса "Учет запросов социально-правового характера"; Управление по делам архивов Администрации Тюменской области за подготовку "Краткого справочника по фондам архивных районных отделов Тюменской области"; ЦГА Удмуртской Республики, Центр документации новейшей истории за подготовку сборника документов "П.И.Чайковский и Удмуртия. К родословной"; Госархив Тюменской области за подготовку фотоальбома "Купола Тюмени".

Хроника заседаний НМС (ЗНМС) Урала

1991г. – Тюмень. Заседание совета по теме «Комплектование и экспертиза ценности документов ГАФ СССР», обсуждение примерных номенклатур дел организаций. Совещание-семинар по теме «Использование и публикация документов ГАФ СССР»

1992г. – Оренбург. Заседание совета по вопросам: организационно-методическое обеспечение деятельности бывших партийных архивов и архивов органов государственной безопасности в системе ГАС, по проблемам совершенствования организации управления и структуры государственных архивов. Совещание – семинар по теме: «Организационно-методическое

руководство ведомственными и райгосархивами в современных условиях»

Екатеринбург. Совещание – семинар архивных работников зоны Урала по вопросам деятельности областных центров документации.

1993г. – Курган. Заседание совета с обсуждением вопросов: современное состояние и проблемы формирования Архивного фонда РФ, методы работы архивных учреждений Урала с организациями и предприятиями с коллективной и частной формой собственности, изучение состава и содержания документов общественных объединений и общественно-политических организаций зоны Урала. Совещание – семинар по теме: «О перспективах и опыте работы по компьютеризации деятельности государственной архивной службы (ГАС)»

Екатеринбург. Совещание специалистов ГАС Урала по вопросам комплектования госархивов документами в современных условиях.

1994г. – Челябинск. Заседание совета с обсуждением вопросов: о подготовке проектов законодательных и нормативных актов по архивному делу республик и областей в составе РФ, о работе по комплектованию госархивов документами по выборам в представительные органы власти и по проведению референдумов. Совещание-семинар специалистов архивных учреждений Урала по проблеме рассекречивания архивных документов.

Екатеринбург. Совещание – семинар специалистов ГАС Урала по вопросам обеспечения сохранности документов Архивного фонда РФ.

Оренбург. Совещание специалистов ГАС Урала по вопросам использования документов Архивного фонда РФ и развития хозрасчетных отношений госархивами.

1995г. – Пермь. Заседание совета по вопросам: проблемы комплектования архивов документами и пути их решения, обсуждение хода работы архивных учреждений по подготовке к празднованию 50-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.

Кунгур. Совещание-семинар руководителей филиалов республиканских, областных госархивов, архивных органов и учреждений, созданных на их базе.

Ижевск. Совещание специалистов архивных учреждений Урала по проблемам государственного учета архивных документов.

1996г. – Уфа. Заседание совета с обсуждением вопросов: по проблемам и перспективам деятельности ЗНМС, о проблемах разграничения прав собственности на архивные фонды научно-технической документации. Совещание-семинар «Проблемы совершенствования НСА к документам Архивного фонда РФ»

Пермь. Региональная межотраслевая научно-практическая конференция «Роль и значение автоматизированных технологий в деятельности архивных учреждений и перспективы их развития».

Екатеринбург. Совещание заведующих отделами использования государственных архивов Урала по вопросам издания журнала «Архивы Урала» и использования архивных документов.

1997 г. – Ижевск. Заседание совета по вопросам: реализации архивного законодательства в республиках и областях Урала, организации депозитарного хранения документов Архивного фонда РФ, о работе по рассекречиванию документов в госархивах, о создании компьютерных баз данных. Совещание – семинар работников архивных учреждений Уральского региона «Проблемы обеспечения сохранности документов по личному составу в современных условиях».

Тюмень. Совещание-семинар председателей ЭПК, ЭПК органов управления архивным делом на Урале.

1998 г. – Екатеринбург. Заседание совета по вопросам: взаимодействия органов управления архивным делом с органами местного самоуправления в сфере развития архивного дела, о внедрении Регламента государственного учета документов Архивного фонда РФ и программного комплекса «Архивный Фонд». Совещание – семинар руководителей и специалистов архивных учреждений Урала по вопросам отнесения документов административных органов к Архивному фонду РФ и организации их хранения.

Челябинск. Совещание – семинар директоров областных, республиканских государственных архивов и центров документации Уральского региона.

1999 г. – Тюмень. Заседание совета по вопросам: проблемы создания страхового фонда архивных документов и обеспечения их сохранности, проблемы страховой и денежной оценки архивных документов, комплектование архивов документами общественных организаций. Совещание – семинар архивных учреждений Урала «Проблемы и перспективы развития архивных учреждений городов, районов в свете реализации Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» и итогов международного семинара «Муниципальные архивы: правовые, организационные и научно-методические вопросы деятельности».

2000 г. – Оренбург. Заседание совета по вопросам: законодательство об архивных фондах и архивах субъектов РФ Урала, научно-методические проблемы комплектования муниципальных архивов, организация лицензирования деятельности по описанию, консервации и реставрации архивных документов. Совещание – семинар руководителей и специалистов архивных учреждений Урала «Организация работы архивных учреждений Урала по подготовке, переподготовке и повышению квалификации кадров.

Ижевск. Семинар по повышению квалификации «Проблемы обеспечения сохранности и комплектования государственных архивов научно-технической документацией в современных условиях».

2001 г. – Курган. Заседание совета по вопросам: безопасность архивных фондов, проблемы и перспективы создания страхового фонда особо ценных документов в современных условиях, комплектование архивных учреждений документами личного происхождения. Совещание – семинар руководителей и специалистов архивных учреждений Урала «Состояние и пути оптимизации сети и структуры архивных учреждений Уральского региона»

Челябинск. Совещание – семинар специалистов архивных органов и учреждений Урала по вопросам использования документов Архивного фонда РФ.

2002 г. – Пермь. Заседание совета по вопросам: использование программно-целевого метода в организации архивного дела, об организации научно-методической работы в архивных органах и учреждениях Урала, о создании архивных справочников генеалогической информации. Совещание – семинар руководителей и специалистов архивных учреждений Урала по вопросам экспериментального внедрения «Основных правил работы государственных архивов РФ» и организации, методике планирования, отчетности и нормирования труда в государственных и муниципальных архивных учреждениях Урала.

Ижевск. Совещание руководителей и председателей ЭПК органов управления архивным делом Уральского региона «Комплектование Архивного фонда РФ и деятельность ЭПК архивных органов».

2003 г. – Челябинск. Заседание совета по вопросам: о практике внедрения Кодекса об административных правонарушениях архивными учреждениями РФ, проблемы и перспективы совершенствования НСА к документам государственных и муниципальных архивных учреждений Урала, о ходе внедрения в практику работы архивов «Основных правил работы госархивов РФ» (М., 2002) и «Основных правил работы архивов организаций» (М., 2002). Совещание – семинар руководителей и специалистов архивных учреждений Урала «Автоматизированные архивные технологии: состояние и перспективы развития».

Екатеринбург. Совещание руководителей и специалистов архивных учреждений Урала по вопросам организации межрегиональной выставки документов «Урал в судьбе России».

Екатеринбург. Открытие и проведение выставки «Урал в судьбе России».

2004 г. – Ханты-Мансийск. Заседание совета посвящено проблемам обеспечения сохранности Архивного фонда РФ в УрФО в современных условиях, безопасности архивных фондов, антитеррористической защищенности архивов.

Тобольск. Межрегиональный семинар специалистов государственных архивных органов и учреждений Урала по использованию и публикации документов Архивного фонда РФ.

Курган. Межрегиональный семинар руководителей и специалистов государственных архивов, хранящих общественно-политическую документацию.

Екатеринбург. Организация и проведение выставки документов архивных учреждений Уральского региона «Урал в судьбе России – XX век».

Екатеринбург. Межрегиональная научно-практическая конференция «Архивам среднего Урала – 85 лет»

2005 г. – Екатеринбург. Заседание совета архивных учреждений УрФО, посвященного 35-летию образования совета, по теме: «Проблемы формирования Архивного фонда РФ в субъектах Уральского региона». Круглый стол по теме: «Изменения архивного регионального законодательства в связи с вступлением в действие Федерального закона от 22.10.2004 г. № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации».

Екатеринбург. Кинофестиваль архивных фильмов «Уральский хронограф»

Оренбург. Совещание – семинар руководителей и специалистов архивных учреждений Урала по теме: «Научно-исследовательская и методическая работа в государственных архивных органах и учреждениях Уральского региона».

Реформы в сфере властных структур и создание системы федеральных округов с институтом полномочных представителей Президента РФ повлекли за собой изменения в составах зональных научно-методических советов регионов. В соответствии с приказом Росархива от 13.11.2001 г. «Об изменениях в составе ЗНМС архивных учреждений субъектов Российской Федерации» из состава ЗНМС Урала в состав совета ЗНМС Поволжья были включены архивные учреждения Удмуртской Республики, Республики Башкортостан, Пермской и Оренбургской областей.

В настоящее время (с 2003 г.) состав научно-методического совета архивных учреждений приведен в соответствии с границами федерального округа. В состав НМС архивных учреждений Уральского федерального округа вошли: Свердловская (базовый орган), Курганская, Тюменская, Челябинская области, Ханты-Мансийский автономный округ, Ямало-Ненецкий автономный округ.

С 2003 года ЗНМС архивных учреждений Урала был переименован в научно-методический совет архивных учреждений Уральского федерального округа.

Научно-методический совет архивных учреждений УрФО (НМС) – постоянно действующий совещательный орган архивных учреждений УрФО, создан в целях совершенствования их работы в области архивоведения,

документоведения, археографии, обобщения и распространения передового опыта, использования его для улучшения практической деятельности архивных учреждений. В состав НМС входят руководители и специалисты органов управления архивным делом и архивных учреждений субъектов УрФО. Управление архивами Свердловской области является базовым органом и организует текущую работу НМС архивных учреждений УрФО. Основными задачами НМС в настоящее время являются:

На всем протяжении своего существования НМС играл значительную роль как орган взаимодействия архивных учреждений регионов по обмену опытом в области законодательной, нормативно-методической базы обеспечения архивов, неформального общения специалистов по самым актуальным проблемам архивного дела. Возможность свободного обсуждения вопросов на заседаниях совета, волнующих всех архивистов Уральского региона, и принятие эффективных, рациональных решений в целях проведения общей политики в сфере архивного дела, дают на практике ощутимые результаты.

НМС архивных учреждений Уральского федерального округа взаимодействует с научными учреждениями – Уральским государственным университетом, Уральским государственным педагогическим университетом, Уральским государственным техническим университетом, Институтом истории и археологии Уральского отделения РАН и другими. Совместно с учеными Института истории и археологии УрО РАН научно-методический совет издает межрегиональный исторический научно-популярный журнал «Архивы Урала». Плодотворное сотрудничество совета с представителями академической науки находит свое отражение в участии ученых в совещаниях, семинарах, конференциях, проводимых в рамках деятельности НМС УрФО. Взаимодействие специалистов архивного дела и науки в конечном итоге являет собой прогрессивную интеграцию архивной практики и теоретических основ историко – архивоведения.

В настоящее время базовым органом НМС архивных учреждений УрФО – Управлением архивами Свердловской области, ежемесячно издается газета «Архивные ведомости», которая с декабря 2004 года приобрела статус всероссийской. Авторами газеты являются архивисты регионов Урала, Сибири, Поволжья и других. Периодическое издание оперативно знакомит с информацией и ценным опытом специалистов государственной и муниципальной архивных служб регионов в сфере архивного дела, новаций в организации и деятельности архивных учреждений, исторических источников.

Современные реалии доказывают, что эффективное развитие архивного дела в каждом отдельно взятом регионе невозможно без участия и поддержки органов государственной власти и местного самоуправления. Практически в каждую Повестку заседания совета включаются вопросы по обсуждению и

обмену опытом в области регулирования нормативно-правовой базы деятельности архивных учреждений субъектов Уральского федерального округа.

За 35-летний период существования научно-методический совет в рамках Уральского региона доказал свою необходимость, значимость, устойчивость подобного формата работы совещательного органа архивных учреждений. За эти годы накоплен ценный практический опыт совместной работы профессионалов-архивистов Урала в сфере научных исследований и методологических основ архивного дела.

Перспективы работы совета связаны с поиском новых форм, активным внедрением современных технических средств и автоматизированных технологий в организацию деятельности НМС.

17.4. ИСТОРИЯ АРХИВНОГО ДЕЛА ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ

Начало архивному делу в нашей стране положил Декрет «О реорганизации и централизации архивного дела», подписанный В.И. Лениным 1 июня 1918 года. Этот Декрет юридически оформил передачу в руки народа всех документальных богатств и определил дальнейшие пути развития архивного строительства. Все архивы правительственных учреждений; существовавшие до этого (времени как собственность ведомств, были упразднены и был создан Единый государственный архивный фонд. Ему передавались документальные материалы дореволюционного периода, а также вновь созданных советских учреждений, организаций и предприятий. Важное значение для организации архивного дела на местах имел и Декрет Совнаркома «О губернских архивных фондах», подписанный В. И. Лениным 31 марта 1919 года. Согласно Декрету, в каждой губернии создавался единый губернский архивный фонд. Вся работу по архивному строительству на местах проводили губисполкомы.

Первые мероприятия, касавшиеся упорядочения архивного дела в пределах нынешней Челябинской области, относятся к началу 1920 года.

Постановлением коллегии Губоно (22 сентября 1921 года) был создан Челябинский губернский архив. Этот день и является днем рождения Государственного архива в Челябинске. Первым заведующим им был историк-краевед Николай Михайлович Чернявский. Челябинским архивистам предстояло решить очень трудную задачу: в условиях послевоенной разрухи собрать и сохранить для пролетарского государства документальные материалы дореволюционных учреждений и частных архивен. Комплектование архивов затруднялось тем, что в период гражданской войны полностью или частично погибли многие ценнейшие документы первых ревкомов, Советов. Архивисты кропотливо и настойчиво искали уцелевшие документы и брали их на учет. Благодаря усилиям Н.М. Чернявского удалось

собрать и сохранить фонды Челябинской городской думы, Челябинской городской управы, магистрата в том виде, в каком они находятся сейчас.

Большую ценность для историков и краеведов представляют материалы Челябинского облгосархива и его филиалов в г. Златоусте, Магнитогорске и Троицке. Они охватывают более чем двухсотлетний период истории нашего края, начиная с 1730 года до наших дней. Материалы дают возможность проследить, как из маленькой крепости Исетской провинции Челябы, а затем торгово-купеческого центра Приуралья вырос новый социалистический Челябинск. Самыми ранними документами, относящимися к 1730-1761 гг., являются материалы Миасской крепости Исетской провинции.

Немалый интерес представляют документы о крестьянской войне под руководством Пугачева. Это же можно сказать и о документальных материалах Челябинской городской управы, охватывающих период со второй половины XVIII века до 1917 года, и о документах, характеризующих революционное движение на Южном Урале. Особо следует сказать о Златоустовском филиале, где сосредоточены материалы о развитии горнометаллургической промышленности Южного Урала, начиная со второй половины XVIII века. Без изучения этих материалов полное освещение истории развития горнозаводского Урала невозможно.

Среди материалов государственного архива особого внимания заслуживают ценнейшие документы о деятельности ревкомов, исполкомов и их отделов в первые годы Советской власти.

В Челябинском облгосархиве и его филиале можно встретить материалы, содержащие сведения о сельском хозяйстве нашей области, о том, как проходила здесь коллективизация, а также о строительстве в годы пятилеток ЧТЗ, абразивного, ферросплавного, цинкового и других заводов. По сути дела, это материалы о втором рождении Челябинска, ставшего одним из крупнейших индустриальных центров страны.

В государственных архивах нашей области сосредоточено около миллиона дел и каждое из них учтено, подробно описано и доступно для всестороннего использования.

Особое место в составе ГАФ СССР занимают

- документальные материалы личного характера: архивы государственных, политических и общественных деятелей, ученых, работников народного хозяйства,
- деятелей литературы и искусства.

В тезисах ЦК «ПСС «О подготовке к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции» сказано: «Никогда не будут забыты мужественные строители первых пятилеток, создавшие новые заводы, колхозы, совхозы – все те, кто своим трудом строил социализм, укреплял

могущество первого в мире социалистического государства. Их подвиг неизменно служит великому делу революционного преобразования мира».

Сохранить память о людях советской эпохи, об участниках Великой Октябрьской социалистической революции, создателях материально-технической базы социализма и коммунизма – одна из важнейших задач государственных и ведомственных архивов. Личные фонды видных деятелей явятся ценным пополнением документальных богатств Государственного архива. В наш архив поступили материалы писателей И. П. Малютина, И.Д. Якимова, заслуженного деятеля искусств РСФСР Э. С. Блажевича, краеведа В. П. Бирюкова и других.

Сеть государственных архивов области представлена Челябинским облгосархивом и его филиалами в г. Златоусте, Магнитогорске и Троицке, а также 16 городскими и 15 районными госархивами.

Современный Государственный архив – это научно организованное учреждение, располагающее квалифицированными кадрами. Они выполняют многогранную работу, цель которой – научное использование документальных материалов, их сохранность, а в случае необходимости реставрация. Для этого архивы располагают соответствующими техническими средствами.

Архивные работники Челябинской области решают ряд научных проблем:

1. Разработка методических рекомендаций относительно отбора на государственное хранение документальных материалов с повторяющимся содержанием, а также перечни категорий документов, подлежащих приему в госархивы от учреждений, предприятий металлургической промышленности.

2. Изучение интенсивности образования в учреждениях и организациях документальных материалов постоянного хранения. Цель – определить научно обоснованный объем ежегодного приема документов в госархив в разрезе области.

3. Составление методического пособия по отбору на государственное хранение научно-технической документации конструкторских и технологических организаций.

Развитие архивного дела в последние годы, накопление практического опыта работы создали условия для теоретических обобщений, для углубленного исследования актуальных проблем архивоведения и документоведения. Исследования по этим проблемам приобретают особое значение, поскольку архивоведение и документоведение включены в номенклатуру научных специальностей по разделу исторических и технических наук.

Деятельность архивов, поставленных на службу народу, подчинена важнейшей задаче – всестороннему использованию документальных богатств. Большое внимание при этом уделяется использованию тех

исторических документов, которые позволяют рассказать молодому поколению о боевых и трудовых подвигах советских людей, воспитывать его в духе уважения к славным традициям старших поколений.

Отмечая значение документов в деле воспитания молодежи, В.И. Ленин говорил, что внуки наши, как диковинку, будут рассматривать документы и памятники эпохи капиталистического строя. С трудом смогут они представить себе, каким образом могла находиться в частных руках торговля предметами первой необходимости, как могли существовать люди, не занимавшиеся трудом. В сравнении с прошлым познается величие нашего времени, всемирное значение завоеваний Октября.

За годы Советской власти челябинские архивисты многое сделали по использованию документальных материалов. В периодической печати опубликованы различные статьи и заметки, издан ряд монографий и брошюр. Средства массовой информации стали шире привлекать документальные источники. Сотрудники архива совместно с научной общественностью и партийным архивом подготовили и издали такие документальные сборники, представляющие научную и документальную ценность: «Борьба за установление Советской власти на Южном Урале», «Гражданская война на Южном Урале», «Из истории Магнитогорского металлургического комбината и города Магнитогорска», сборник «Письма трудящихся Южного Урала В. И. Ленину». Документы, опубликованные в нем, убедительное свидетельство безграничной любви уральцев к Владимиру Ильичу.

Работники областного архива принимали активное участие в подготовке общесоюзных сборников «История индустриализации Урала», «История коллективизации сельского хозяйства Урала», «История культурного строительства», «История театра» и др.

Областной архив активно сотрудничает с местной студией телевидения. При участии Госархива созданы документальные фильмы (например, многосерийный фильм «По ленинскому пути», в котором использованы архивные документы; краеведческая хрестоматия «Наш край в документах» (редактор Т.Четин, зав. кафедрой, кандидат исторических наук).

Материалы архива используются в радиопередачах «Люди, события, факты». В содружестве с областной публичной библиотекой работники Госархива ежегодно участвуют в подготовке «Календаря знаменательных и памятных дат Челябинской области».

На основе архивных документальных материалов историки и краеведы нашей области опубликовали немало интересных книг и брошюр. Это «М.И. Калинин в Челябинской области», «Наш тракторный», «Краткий очерк истории Челябинской области» и другие.

Особенно широко использовались материалы Госархива в период подготовки к празднованию юбилейных дат Победы в Великой Отечественной войне и т.п. Архивные работники дают ответы на

тематические запросы, касавшиеся истории революционных событий, о гражданской и Отечественной войнах, истории городов и населенных пунктов, улиц, учреждений и предприятий, а также истории развития отдельных отраслей народного хозяйства.

Многое делают работники Госархива и по организации выставок. За последние годы совместно с музеями они приняли участие в подготовке выставок, посвященных знаменательным датам истории нашего государства, истории края: «Челябинск за годы Советской власти», юбилейные даты города Челябинска, «История печати Челябинской области», «Прошлое и настоящее нашего города», «Наш край в документах», «Ленин и Южный Урал», «По заветам Ильича», «Имени Ленина, ордена Ленина» и др.

Одна из распространенных и постоянно развивающихся форм использования архивных материалов – предоставление их для проведения исследовательских работ. В читальном зале облгосархива и его филиалах занималось более 20000 человек. Им было выдано для изучения свыше 75 000 дел.

Значительное внимание уделяется созданию и усовершенствованию научно-справочного аппарата. Это дает возможность поставить на должный уровень источник получения информации, всесторонне использовать документальные материалы в интересах развития науки и культуры, в интересах политико-воспитательных целей.

Усилению пропаганды архивных материалов способствуют тематические уроки и факультативные занятия по истории, проводимые Госархивом. Сотрудники архива поддерживают постоянную связь с историческими кружками школ, помогают учителям теснее увязывать преподавание истории с изучением истории родного края. Ежегодно проводятся экскурсии учащихся школ города в архивы,

Для популяризации и пропаганды документов областной архив и его филиалы проводят «Дни открытых дверей».

Важное место в работе архивных учреждений области занимает наведение и выдача справок. Ежегодно в наши архивы поступает до 10 тысяч справок, запросов из различных городов Союза и из-за рубежа с просьбой подтвердить революционную деятельность, трудовой стаж, службу в рядах Советской Армии, сумму заработной платы для установления пенсии и т. д.

Челябинский облгосархив на основании имеющихся здесь документов представил немало ценных сведений для народного хозяйства. Документы и чертежи забытых месторождений полезных ископаемых, сведения о старых шахтах, рудниках, об урожайности сельскохозяйственных культур, которыми располагает архив, позволили сэкономить огромные финансовые средства. Например, по просьбе геологического управления были извлечены материалы о гидрогеологическом обследовании р. Миасс, проведенном в 1922-1923 гг., по запросу Облместпрома найдены проекты об устройстве маслодельных

заводов, Облпищепром получил сведения о произрастании солодового корня можжевельника. Для Челябинского отдела географического общества СССР были выявлены документы о природных условиях области. Облстатуправлению переданы материалы, характеризующие земельный фонд области в современных границах и эксплуатацию земель в порайонном разрезе.

Для сохранности архивных документов в архиве создана специальная лаборатория, оснащенная современным оборудованием. Организована хозрасчетная группа. Сотрудники ее за последнее пятилетие обработали в учреждениях Челябинска и области около 400 000 дел. Непосредственное участие специалистов-архивистов в упорядочении документальных материалов, подлежащих государственному хранению, их научно-техническая обработка создают необходимые предпосылки для планомерного комплектования государственного архива материалами учреждений, предприятий. Создан также отдел, который занимается организацией отбора документальных материалов непосредственно в делопроизводстве учреждений. Сейчас, когда научная организация управления народным хозяйством приобрела большое значение, вопросам рациональной работы управленческих учреждений с документами принадлежит важная роль.

Крайне важно наиболее полно сохранить документы нынешних предприятий. Будущие поколения советских людей будут изучать наше время с таким же волнением, с каким мы сейчас прикасаемся к документальным памятникам Великого Октября, гражданской войны, первых пятилеток.

Многое сделали для становления архивного дела в Челябинской области работники Госархива: начальник лаборатории Е.Н. Чуданова,, проработавшая в Госархиве более 30 лет, старший научный сотрудник Е.И. Олиферовская, отдавшая архивному делу около 20 лет, З.Я. Суркова, И.В. Истомина, В.М. Крючкова, Р.Е. Баданина, М.Ф. Родионова, А.И. Потерпеева, С.И. Чертогонова.

ГЛАВА 18. СТАТИСТИКА УРАЛА

18.1. СТАТИСТИКА В ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ

4 ноября 1919 года в Челябинской губернии было создано губернское статистическое бюро (губстатбюро).

Главной задачей губстатбюро являлась правильная постановка статистического учета, ведение «политической математики» – так называлась в те времена статистика. В соответствии с указаниями Центрального статистического управления (ЦСУ) губстатбюро было разбито на общий отдел и ряд секций: основной демографической статистики; текущей

демографической статистики; земельного хозяйства и земельной статистики; текущей сельскохозяйственной статистики; – основной промышленной статистики; текущей промышленной статистики; народного образования; народного здравоохранения; профессионального движения; экономической статистики; труда.

Первым заведующим этого заведения являлся В.С. Немчинов (1894 – 1964гг.). За заслуги в развитии экономической науки и статистики академик В.С. Немчинов награжден тремя орденами Ленина, удостоен Ленинской премии.

В 20-х годах XX века в губстатбюро работало 140 человек. Руководящий состав секций, в основном, состоял из работников бывшего местного земства, которые имели достаточный опыт массовых статистических обследований. Деятельность губстатбюро слагалась из работ по основной и текущей государственной статистике. В план работ по основной статистике входило накопление, разработка, систематизация материалов, полученных в результате периодических сплошных обследований и публикация их итогов; в составе текущей статистики выполнялся повседневный или сезонный учет, наблюдение отдельных сторон народнохозяйственной жизни.

В эти годы была создана сеть первичных органов статистики. В шести уездах губернии - Челябинском, Курганском, Троицком, Верхнеуральском, Миасском и Куртамышском работало 59 статистиков.

Особое место в истории статистики занимает период с 1930 по 1941 год, когда ЦСУ было объединено с Госпланом СССР и преобразовано в Центральное управление народно-хозяйственного учета (ЦУНХУ). Реорганизация прошла и на местах. Было создано Уральское областное управление народнохозяйственного учета (УНХУ) в г. Свердловске, а в Челябинском округе образовано окружное бюро народно-хозяйственного учета при Уполномоченном Госплана.

В 1941 году ЦУНХУ снова было преобразовано в Центральное статистическое управление при Госплане СССР. Одновременно были восстановлены и местные статистические органы – областные статистические управления.

В годы Великой Отечественной войны областная статистика решала огромные задачи по оперативному учету трудовых и материальных ресурсов, возникшие в результате перемещения производительных сил в восточные районы страны. Всего за годы войны в области было проведено 100 срочных переписей по различным вопросам.

Знаменательным в деятельности органов государственной статистики стал август 1948 года, когда ЦСУ было выделено из состава Госплана СССР и стало самостоятельным органом – Центральным статистическим управлением при Совете Министров СССР (ЦСУ СССР).

Роль статистики резко возросла в результате централизации учета и отчетности, которая была закреплена новым положением о ЦСУ СССР и об органах статистики на местах, принятым Правительством СССР 17 апреля 1960 года. Ранее обрабатываемая отраслевыми министерствами и ведомствами отчетность была передана в органы статистики.

Сосредоточение сбора и обработки отчетности в органах статистики потребовало дальнейшего укрепления всей системы государственной статистики – от районного звена до центра и усиления механизации статистических работ. В 1968 году организуется Вычислительный центр Статистического управления Челябинской области. В 1971-1976 годах создаются городские и районные информационно-вычислительные станции (ГИВС и РИВС).

Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 17 июля 1987 года «О мерах по коренному улучшению дела статистики в стране» определило деятельность статистики на последующие годы перестройки. 1 октября 1987 года произошла коренная реорганизация статистики на областном уровне. Ранее преобразованное, в 1986 году, ВЦ Статуправления в объединение «Челябоблмашинформ» соединилось со Статистическим управлением Челябинской области в одну организацию. В это время Статистическое управление представляло собой крупную организацию, в состав которой входило 38 районных и городских отделов статистики. В органах статистики области работало 2032 специалиста. Основными направлениями их деятельности являлись совершенствование статистического анализа, широкое использование качественных показателей, повышение оперативности и достоверности статистической информации, усиление борьбы с очковтирательством и приписками в отчетности.

Начало 90-х годов – качественно новый период в развитии национальной статистики, заключающийся в переходе на принятую в международной практике систему учета и статистики.

В 1996 году завершился первый этап реформирования государственной статистики. К этому времени была существенно изменена система статистических показателей, создана система национальных счетов, положено начало международным сопоставлениям валового внутреннего продукта, приведены в соответствие с международной практикой показатели статистики цен, финансов, населения, труда, внешней торговли, включая таможенную, заложены основы Единого государственного регистра предприятий и организаций (ЕГРПО).

В этот период времени в соответствии с постановлением Госкомстата России от 5 января 1995 года Статистическое управление Челябинской области было преобразовано в Челябинский областной комитет государственной статистики.

Основными документами, координирующими дальнейшие преобразования в органах статистики, стали федеральная целевая программа "Развитие государственной статистики России в 2007-2011 годах".

Развитие экономических реформ, расширение спроса на информацию сделали необходимым системное реформирование организации статистического наблюдения. Практическая реализация задач по развитию системы показателей статистики, внедрению единой статистической методологии и прогрессивных технологий формирования информационных ресурсов позволит завершить реформирование статистики.

Челябинскстат является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим руководство статистикой на территории Челябинской области.

18.2. ИЗ ИСТОРИИ КУРГАНСКОЙ СТАТИСТИКИ

Статистика как система на Урале появилась в 1822 году, когда было организовано Тобольское губернское управление по «учреждению для управления сибирских губерний». Оно подчинялось Западно-Сибирскому губернатору, резиденция которого располагалась сначала в Тобольске, а позже была перенесена в Омск.

А в 1835 году по предписанию генерал-губернатора Западной Сибири на основании правительственного Указа от 1834 года был учрежден Тобольский губернский статистический комитет под председательством чиновника по особым поручениям при Главном Управлении Западной Сибири Советника фон Шиллинга. Помимо него в состав комитета входили глава города Тобольска и полицмейстер. Перед ними ставилась задача провести подробную инвентаризацию в городах губернии недвижимого имущества, «как приносящего доход, так и не приносящего оного». Надлежало собрать информацию обо всех объектах городской социальной инфраструктуры: перевозах и паромах, общественных весах и мерах, жилых домах, лавках, амбарах, банях, мостах, набережных, пристанях, спусках, мостовых, заводах, выгонных и других землях и о пустующих площадях.

Таким образом, в XIX веке в уездных городах Тобольской губернии статистических комитетов не было. Всю работу по сбору статистической информации возглавляли главы городов и полицейского ведомства, как это было и раньше.

Представление о том, кто помогал в сборе и систематизации статистической информации, дают архивные материалы по проведению в Курганском уезде Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года. В губернию для координации действий организаторов переписи из столицы по высочайшему повелению императора был командирован статский

советник Андрей Васильевич Дубровский. В Тобольской губернской переписной комиссии председательствовал губернатор Князев.

Курганская окружная переписная комиссия Тобольской губернской переписной комиссии была создана 13 октября 1896 года на основе императорского Указа от 5 июля 1895 года и в соответствии с представлением Тобольской губернской переписной комиссии от 28 сентября 1895 года. В обязанности комиссии входило разделение округа на переписные участки, подбор заведующих участками, ознакомление населения с задачами проводимой переписи, определение числа счетных участков, руководство всей кампанией и обобщение результатов переписи.

В Курганском округе был образован 21 переписной участок (из них 1 – в Кургане).

28 января 1897 года Курганская окружная переписная комиссия начала работу по переписи населения. Председателем ее был предводитель дворянства Сергей Валерьянович Карнович. В руководящие органы комиссии вошли окружной исправник Иван Яковлевич Трофимов, уездный воинский начальник Мечислав Адамович Пересвет-Салтан, податной инспектор Никита Иванович Куркин и городской голова Михаил Ефремович Серов. В состав комиссии вошли видные люди – владельцы предприятий, купцы, священнослужители, представители интеллигенции. Их было 20 человек. Среди них люди, оставившие заметный след в истории нашего края – предприниматели А. Н. Балакшин и А. Д. Смолин, священнослужитель отец У. У. Сургутоков.

Первый регулярный статистический орган – Курганское уездное статбюро при Курганском уездном исполкоме Советов – декретом СНК РСФСР «О государственной статистике» от 25. 07. 1918 года был создан в январе 1920 года и подчинялся Челябинскому губернскому статбюро. Все территориальные статбюро входили в состав Центрального статистического управления РСФСР (ЦСУ РСФСР).

В дальнейшем в 1923 году было организовано Курганское окружное статбюро, которое и стало предшественником статистического управления.

В феврале 1943 года в связи с образованием Курганской области были организованы облстатуправление и Курганская городская инспектура ЦСУ Госплана СССР. Первым начальником статистического управления был Николай Евгеньевич Старков, направленный в Курган из Свердловского статуправления. Начальниками секторов стали статистики из Челябинска.

Облстатуправление было своеобразным штабом, куда стекалась самая необходимая для принятия управленческих решений информация. Ее получали из первичных бухгалтерских отчетов и в ходе многочисленных срочных и выборочных переписей материальных ресурсов, обследований и расчета данных о численности населения, трудовых ресурсах, оперативных данных о работе важнейших предприятий и отраслей народного хозяйства.

Вся эта работа велась в условиях острой нехватки кадров. Основным инструментом статистиков были счеты и арифмометры. А в качестве транспорта использовалась лошадь. На ней, помимо поездок в глубинку, еще и заготавливали дрова, поскольку в здании облстатуправления было печное отопление. Позже появился мотоцикл, на котором развозили сводки МРО, а также письма предприятиям и организациям. А потом статистики получили полуторку, которая много лет служила им верой и правдой: не только развозила сводки и письма, но использовалась при заготовке дров и на вывозке овощей с огородов сотрудников облстатуправления.

В 1947 году начальником статуправления была назначена Варвара Никифоровна Сабельникова, проработавшая в этой должности двенадцать лет.

В августе 1948 года в соответствии с постановлением Совмина СССР из названия статистических органов исчезла привязка к Госплану СССР.

С 1958 по 1966 год облстатуправление возглавлял Владимир Ефимович Владимиров. В этот период в связи с расширением объема и потока информации статорганы стали оснащаться оргтехникой. Начали поступать первые вычислительные машины. В июне 1957 года по приказу ЦСУ РСФСР при статуправлении была создана новая служба – машиносчетная станция, оснащенная перфорационным оборудованием. Теперь уже сводки выпускались большим тиражом, издавались многостраничные сборники. Их тиражировали не на ротаторе, а на новом печатном и множительном оборудовании.

Первое здание облстатуправления находилось на углу улиц Кирова и Береговой (Климова). Потом статистики получили помещение по улице Куйбышева.

После войны в коллектив статистиков пришла молодежь, окончившая техникумы и институты. Трое из них доработали здесь до пенсии – Валентина Петровна Кожухова, Таисья Семеновна Никонова и Мария Владимировна Опарина, которая с 1969 по 1983 год возглавляла управление статистики.

С 1948 года начало пополняться специалистами и районное звено статистиков. Сюда пришли специалисты из Оренбурга, окончившие курсы районных инспектур и разбавившие коллективы, в которых основная масса работников имела четырехлетнее, в лучшем случае – семилетнее образование.

Для того, чтобы обеспечить коллективу статистиков нормальные условия работы, началось строительство нового здания по улице Красина.

Механизированная обработка материалов началась с путевых листов автохозяйств, банковских документов, документов для начисления пенсий, страхования, ведомостей централизованных бухгалтерий.

Настоящим смотром сил и возможностей для статистиков области стало проведение Всесоюзных переписей населения 1970, 1979, 1989 годов.

В июле 1989 года статуправление переехало в новое здание по улице Горького,40. Оно было построено с учетом всех потребностей статистиков.

С девяностых годов XX века страна вступила в эпоху рыночных реформ, что потребовало перестройки работы статистиков. В экономике России начались процессы, не свойственные советскому периоду развития государства, необходимо было их отслеживать, анализировать, делать прогнозы, как они скажутся на развитии области в ближайшем и отдаленном будущем.

О том, что статистики Курганстата справились с задачами нового периода развития страны, свидетельствует проведение двух переписей новой России – Всероссийской переписи населения 2002 года и Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года. Курганские статистики закончили работу одними из первых, и материалы, представленные курганскими переписчиками, работавшими под руководством статистиков, прошли обработку в ускоренном темпе, потому что в документации отсутствовали ошибки.

С момента организации области территориальный орган статистики был и областным управлением, и комитетом, и федеральным агентством. А сейчас он – территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Курганской области.

История Курганстата тесно связана с именами В. Н. Сабельниковой, В. Е. Владимирова, Н. Е. Маркеловой, М. В. Опариной, Н. Г. Симонова, работавшими в разные годы здесь руководителями. Они вырастили поколения профессионалов – Ф. Н. Заверняеву, Г. М. Мозговую, М. Г. Нагибину, Г. Я. Рожкову, В. А. Курбановскую, А. П. Калганову, Г. И. Шумкову, Т. С. Никонову, В. У. Зуеву, В. А. Липатову, В. П. Кожухову, Н. Г. Селиванову, Е. Н. Мячкову, которые в свою очередь воспитали новую смену профессионалов, работающих в коллективе в настоящее время.

Хорошее профессиональное образование, богатый опыт работ и современная вычислительная и множительная техника сделали Курганстат необходимым звеном в планировании социально-экономического развития страны и региона.

18.3. СТАТИСТИКА ПЕРМСКОГО КРАЯ

В настоящее время проблемы российской истории привлекают все более пристальное внимание общества. Пересмотр многих догматических канонов в истории, постепенное исчезновение белых пятен и запретных тем, получение доступа к ранее закрытым источникам в значительной степени стимулирует интерес к исследованию прошлого Российского государства.

Повышенное внимание к общим проблемам истории России, развитию отдельных регионов, выделению самостоятельных субъектов Российской

Федерации подогревает интерес к региональной истории, особенностям становления регионов, территорий и областей, выявлению их специфики и роли в истории страны в целом.

Изучение деятельности различных учреждений Пермской губернии является актуальной задачей современной исторической науки. Реконструкция социальной и экономической жизни России невозможна без исследования подобных организаций.

До настоящего времени не было создано значимого комплексного исследования по деятельности статистического комитета Пермской губернии, что свидетельствует о неполноте представления об истории губернии.

Основными темами исследований в советский период явились: социально-экономическая история, история промышленности, рабочего класса в городах.

В краеведческих изданиях 1920-1950-х гг. появляются публикации, посвященные истории отдельных городов. Основное содержание этих работ сводилось к их географическому описанию, характеристике населения и промышленности, исследованию классово-борьбы.

В 1960-70-х гг. появляется ряд работ, посвященных социально-экономическому развитию отдельных городов Пермской области, истории Урала в целом. В эти годы исследователи обращались к различным сюжетам истории городов.

В краеведческой литературе 1990-2000-х гг. внимание авторов концентрируется на исследовании самых разнообразных проблем – религиозных; сословных и профессиональных корпорациях; различных общественных (например, благотворительных и культурных) организаций.

Анализ историографии проблемы позволяет сделать следующие выводы: 1) историография недостаточно обширна; 2) круг проблем, связанных с историей статистики в Пермской губернии до последнего времени не был самостоятельным предметом исследования историков. Историографической базой для изучения проблемы стали как имеющиеся специальные труды по смежным сюжетам, так и обобщающие сочинения по истории Пермской губернии.

Объектом исследования выступает система государственной статистики России в I половине XIX в.

Предметом исследования стали губернские статистические комитеты в уральском регионе в I половине XIX в. (на примере Пермского ГСК).

Цель исследования – показать процесс функционирования Пермского губернского статистического комитета как составной части системы государственной статистики России.

В соответствии с целью сформулированы следующие исследовательские задачи: изучить процесс возникновения и развития статистики в России в XVIII-первой половине XIX в.; показать

организационную структуру Пермского губернского статистического комитета и рассмотреть основные сферы его деятельности.

Территориальные рамки исследования включают в себя пределы дореволюционной Пермской губернии. Применительно к современности – это территория Пермской, Свердловской, отчасти Курганской и Челябинской областей.

Методологической основой являются традиционные научные принципы исторических исследований: историзма и научной объективности. Важнейшие из частнонаучных методов – историко-генетический, историко-сравнительный, историко-системный методы.

В исследовании использованы материалы Государственного архива Пермской области (ГАПО). В ГАПО были исследованы несколько фондов: Ф. 36 – Пермское губернское правление МВД; Ф. 65 – Канцелярия Пермского губернатора; Ф. 208 – Пермский губернский статистический комитет.

В зависимости от происхождения, способа использования и формы отражения исторических реалий можно выделить следующие типы опубликованных источников: законодательные акты, делопроизводственная документация, акты учета населения и статистические материалы, справочные издания, материалы периодической печати.

Важной группой документов являются статистические источники. Состав их довольно разнообразен. Ценными источниками являются опубликованные материалы Центрального статистического комитета. К числу статистических материалов относятся и опубликованные материалы однодневных городских переписей, различные ведомости государственных учреждений, статистические отчеты. Эти источники отложились в фондах губернских статистических комитетов, городских дум и управ, полицейских управлений.

Справочно-статистическая литература: «Адрес-календари и памятные книжки» Пермской губернии содержат информацию о численности, сословном и конфессиональном составе горожан, а также предоставляют сведения о служащих органов городского и сословного самоуправления. Периодическая печать фиксирует информацию, предназначавшуюся для осведомления современников о наиболее важных событиях и явлениях действительности. В Пермской губернии издавалось большое количество газет, содержащих информацию о разных сторонах жизни горожан. Можно отметить следующие использованные издания: «Екатеринбургская неделя», «Пермские губернские ведомости», «Уральская жизнь», «Уральский край».

Научная новизна исследования заключается в том, что оно является первым систематическим исследованием по истории Пермского губернского статистического комитета. Кроме того, исследование проведено по Пермской губернии, крупнейшему культурному и экономическому району Урала, что является важным в процессе изучения российской истории в целом.

Практическая ценность работы заключается в возможности использования содержащегося в ней материала при создании трудов по истории Урала в рамках отечественной истории и истории Урала I половины XIX, преподавании региональной истории в учебных заведениях.

Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованных источников и литературы, приложений.

18.4. СТАТИСТИКА ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ

Одной из страниц истории статистики можно назвать историю переписей.

17 декабря 1981 года учреждена премия ООН в области народонаселения – высшая степень международной почетной награды и материального поощрения за успешную деятельность и выдающиеся достижения по решению масштабных демографических проблем. Награжденным присваивается звание лауреата, вручается Золотая медаль и выплачивается денежная сумма (не менее 25 тысяч долларов) из добровольного Фонда премии ООН в области народонаселения.

Выдающийся русский ученый, почетный член Петербургской Академии наук и Русского энтомологического общества Петр Петрович Семенов Тянь-Шанский не был удостоен Нобелевской премии, но мог бы, за одну только организацию первой всеобщей переписи населения 1897 года в Российской империи.

Учет населения в России ведет свое начало еще со времен татаро-монгольского нашествия. Учет в то время был похозяйственным: учитывались для обложения данью дома или «дымы». Позднее, в XIV-XVI вв., результаты учетов записывались в так называемых «писцовых книгах». В XVII веке единицей налогообложения становится хозяйство («двор»), а учеты населения именуются подворными переписями.

В 1718 году царь Петр издал указ, которым предписывалось «взять сказки у всех (дать на год сроку), чтобы правдивые принесли сколько у кого в которой деревне душ мужеского пола...». Составленные подобным образом списки («сказки») были собраны лишь через три года, а затем в течение следующих трех лет были подвергнуты проверке – «ревизии».

С тех пор учеты населения в России стали называться «ревизиями». Такие ревизии проводились на протяжении почти полутора веков, вплоть до отмены крепостного права. Всего в России прошло десять ревизий, последняя – в 1857-1860 гг. Эти ревизии длились по несколько лет и, соответственно, были не точными, поскольку учитывали не фактическое число жителей, а только тех людей, которые числились в списках для уплаты налога. Помещики не торопились подать очередную ревизскую «сказку», поэтому

многие умершие числились живыми. Это кстати явилось основой сюжета великого произведения Н.В. Гоголя «Мертвые души».

В 20 – годы XVII века переписной комиссии полагалось, например, выдавать «по туше бараньей, по куренку, да луку, чесноку, яиц и масла в скоромный день, а в постный ... где какая рыба получится».

После отмены крепостного права в России начали проводиться переписи населения в отдельных городах и даже целых губерниях, позднее переходят к научно-организованным переписям, которые регулярно проводились в столицах - Москве, Петербурге. Таких «местных» переписей было проведено не менее 200, но материалы многих из них не были опубликованы, и о них неизвестно ничего, кроме года переписи.

В научно - организованной переписи 1882 года, которая проходила в г. Москве, активно участвовал великий русский писатель Лев Николаевич Толстой. В те времена , все, что исходило от царского правительства, заставляло население с подозрением относиться и к переписи населения тоже.

Толстой выбрал себе один из самых сложных и трудных участков, Проточный переулок, где находилась ночлежка. Среди московской голытьбы это мрачное двухэтажное здание носило название «Ржанова крепость». Это действительно была грязная ночлежка, заполненная нищими, отчаявшимися людьми. Под впечатлением от увиденного, Л.Н. Толстой написал свою знаменитую статью «Так что же нам делать?».

Вновь обратимся к переписи населения 1897 года. Единицей наблюдения было хозяйство, на которое и составлялся переписной лист, содержащий 14 пунктов. Программа переписи включала в себя социально-демографические характеристики опрашиваемых, брачное состояние, место рождения, вероисповедание, родной язык, грамотность и занятие. Было повсеместно объявлено, что она «не будет служить поводом ни для каких новых налогов или повинностей», а ее цель «познакомиться с населением и изучать его», а также «составить точные понятия о самых различных условиях народной жизни».

Ответы в переписной лист заносили счетчики, их было примерно 150 тысяч человек. Многие представители творческой интеллигенции согласились тогда работать бесплатными счетчиками. Среди них был и Антон Павлович Чехов. Он решил переписать ссыльных на Сахалине. А.П. Чехов был не только переписчиком, но и инициатором и организатором в одном лице. Для острова это была первая перепись. Обходя дома и заполняя переписные карточки, Чехов общался с людьми, узнавал истории их жизней, причины ссылки, набирал богатый материал для своих заметок. История этой переписи запечатлена в его книге «Остров Сахалин». Путевые записки из этой серии наглядно отображают жизнь обитателей острова и труд переписчика, которым стал на время А.П. Чехов.

В роли переписчика Чехов был не только на Сахалине. Писатель принимал участие и в первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года в Серпуховском уезде Московской губернии – в Мелихово.

Участие в переписи 1897 года представителей русской интеллигенции было обусловлено тем, что основная масса народа была малообразованной, безграмотной, а переписчик должен был уметь и читать, и писать.

Проведенная перепись 1897 года впервые дала возможность получить относительно полные данные обо всем населении тогдашней России, что позволяет считать ее важной вехой в накоплении знаний о населении страны и рассматривать как начало нового современного периода истории российской статистики населения.

При заполнении переписных листов в 1897 году, на вопрос об имени и отчестве жены, мужики из деревень, отвечали так: «Буду я величать ее! Баба так и есть, и нет ей больше названия».

Николай II в графе «род занятий» скромно указал : «хозяин земли русской, а его супруга – «хозяйка земли русской».

1882 год, в Москве проходит перепись населения. Толстой Лев Николаевич работает переписчиком. Он писал: «Я предлагал воспользоваться переписью для того, чтобы узнать нищету в Москве и помочь ей делом и деньгами, и сделать так, чтобы бедных не было в Москве». Толстой считал, что для общества интерес и значение переписи в том, что она даст ему зеркало, в которое хочешь, не хочешь, посмотрится все общество и каждый из нас.

А.П. Чехов, после окончания переписи 1897 года, в письмах друзьям писал: «Это дело изрядно надоело мне, так как приходилось и считать, и писать до боли в пальцах, и читать лекции 15 счетчикам. Счетчики работали превосходно...Зато земские начальники, которым вверена была перепись в уездах, вели себя отвратительно. Они ничего не делали, мало понимали и в самые тяжелые минуты оказывались больными».

За активное участие в переписи 1897 года была учреждена медаль «За труды по первой всеобщей переписи населения». Спрос на эту медаль был велик, а Санкт – Петербургский Монетный двор отчеканил всего 95 тысяч, поэтому довольно часто встречались медали частной чеканки из разных металлов.

В 2002 году, впервые в истории современной России проходила Всероссийская перепись населения. Работа по организации, проведению и подведению итогов переписи населения 2002 года была высоко оценена государством. Наиболее отличившиеся ее участники были награждены медалями и знаками:

Медаль «За заслуги в проведении Всероссийской переписи населения», Знак «За активное участие во Всероссийской переписи населения 2002 года».

По данным переписи 1897 года, в городе Владивостоке проживало 28 тысяч 896 человек, из них мужчины составляли 27 тысяч 361 человек и женщины 4 тысячи 535 человек. Эти цифры говорят о бешеной популярности во Владивостоке невест, большинство из которых сделали себе отличные партии, если конечно, не были слишком щепетильны.

В 1802 год, 20 сентября по новому стилю, Александр I – весьма либеральный правитель России, поручил всем министерствам России проводить сбор письменных отчетов. Статистики России считают 20 сентября своим профессиональным праздником.

Хотя раньше, в 1727 году, обер-секретарь Сената Иван Кирилов подготовил уникальный объемный статистический отчет, назвав его «Цветущее состояние Всероссийского государства, в которое начал, привел и оставил неизреченными трудами Петр Великий, отец отечества, император и самодержец всероссийской и прочая, и прочая, и прочая».

А управляющий казенными заводами на Урале, основатель Екатеринбурга Василий Никитич Татищев, в 1747 году написал книгу, в которой изложил свои соображения о том, как лучше организовать учет населения. Именовался сей труд менее замысловато «Рассуждения по ревизии поголовной и касающиеся по оной».

Позднее, в 1760 году, известный русский ученый Михаил Ломоносов разработал «Академическую анкету», куда включил тридцать вопросов для сбора статистических данных, необходимых для того, чтобы охарактеризовать ситуацию в России.

Развитие отечественной статистики привлекло внимание писателя Александра Радищева: он, применяя косвенные расчеты, подсчитывал народный доход России, величину его товарно-денежной части; наметил программу сельскохозяйственной, экономической, внешнеторговой, демографической и судебной статистики.

По – настоящему государство заинтересовалось статистическими данными во время царствования Екатерины II, которая провела реформу государственного управления, поделила Россию на губернии. В это время возникла так называемая познавательная статистика, цель которой – не узкий оперативный запрос, а всестороннее исследование процессов общественной жизни, выявление закономерностей их развития.

Начиная с 1802 года каждый министр был обязан «подавать Его Императорскому Величеству через Правительствующий Сенат письменный отчет в управлении всех вверенных ему частей». О чем отчитывались министры? О численности населения, податях, произрастании хлебов, о сельских магазинах и народном продовольствии, о фабриках и заводах, о городских доходах и публичных зданиях. Как водится в России: хотя отчетность поступала регулярно, ее достоверность вызывала большие

сомнения у всех, даже у ее организаторов. Поначалу статистические управления подчинялись Министерству внутренних дел.

После реформ 1861 года появились учреждения выборных органов власти в масштабах губернии и уезда – земские учреждения. К концу девятнадцатого века в 25–ти земских губерниях существовали свои статистические органы. А в 1866 году вышел первый сборник Центрального статистического комитета «Статистический временник Российской Империи», который стал ежегодным.

В целом, пореформенный и дореволюционный период вошел в историю под знаком «земской статистики». Огромный материал, собранный и разработанный земскими статистиками, стал надежной основой глубоких исследований экономики, в первую очередь – русской деревни.

Из газет 1926 года: «По данным переписчиков, в Ленинграде перепись идет хорошо, люди хорошо осведомлены, однако многие жены, в отсутствие мужей, не могут сказать, где они работают. Оказалось много семей с двумя женами: зарегистрированными и фактическими, но те и другие энергично доказывали счетчикам, что именно они и есть настоящие. Некоторые даже приходили в переписные бюро жаловаться на счетчиков, что они не вносили их в карточки как жен. Больными вопросами оказались вопросы о брачном состоянии, о жилой площади, и о возрасте у женщин».

1920 год. Идет гражданская война, голод, разруха. Молодое советское государство проводит перепись населения. Перепись охватила только 72% населения страны, так как в некоторых районах велись военные действия. Нередко с опасностью для жизни переписчики делали свое дело. Собранные ими материалы часто уничтожались бандитами, а в некоторых губерниях приходилось переписывать население повторно, несмотря на побои и убийства со стороны бандитов.

Лишь в 1926 году оказалось возможным охватить переписью всю территорию страны. Именно тогда выдающиеся статистики В.Г. Михайловский и О.А. Квиткин выработали научные принципы, которые легли в основу как этой, так и следующих переписей населения. Результаты переписи 1926 года были опубликованы в 56 томах. Были получены очень ценные данные о демографической ситуации, занятости, источниках дохода граждан, грамотности и даже о состоянии здоровья людей. Она до сих пор остается образцовой в истории отечественной статистики.

В 1937 году состоялась очередная Всесоюзная перепись населения, результаты которой показали, что потери в численности населения из-за голода и репрессий слишком велики, а число верующих людей для официально атеистического государства необычайно высоко. Перепись была объявлена «вредительской», а ее результаты засекречены. Репрессиям были подвергнуты не только руководители, но и многие статистики по всей стране. Многие из них были расстреляны, в их числе классик российской статистики

О.А. Квиткин. Большая часть материалов была уничтожена и то, что дошло до нас, уместилось в одном небольшом томе.

17 января 1939 года была проведена новая внеплановая перепись, которая имела четкую цель: любой ценой показать рост численности населения СССР. Перепись дала «правильные» результаты. Ее краткие итоги публиковались в 1939-1940 гг., однако начавшаяся война не позволила завершить обработку всех собранных материалов.

Первая послевоенная перепись была проведена 15 января 1959 года. Далее переписи проходили в 1970, 1979 и 1989 годах, причем всегда в январе месяце.

1959 г.- был установлен единый срок проведения переписи - 8 дней. Разработка итогов переписи была полностью механизирована и проводилась централизованно.

1970 г. – применялись два вида переписных листов. Контрольным обходом были охвачены 50% жилых помещений.

1979 г. – была применена новая форма переписного листа, который одновременно являлся носителем информации для ввода ее в ЭВМ.

1989 г. – были включены новые вопросы в переписные листы о жилищных условиях, о месте рождения, изменена формулировка некоторых вопросов.

«Первая перепись Сахалина Чеховым»: «...случается, что православный русский мужичок на вопрос, как его зовут, отвечает не шутя: «Карл». Это бродяга, который по дороге сменился именем с каким-то немцем. Таких помнится, записано мною двое: Карл Лангер и Карл Карлов. Есть каторжный, которого зовут Наполеоном. Есть женщина-бродяга Прасковья, она же Марья. Что касается фамилий, то по какой-то странной случайности на Сахалине много Богдановых и Беспаловых. Много курьезных фамилий: Шкандыба, Желудок, Безбожный, Зевака».

Организация Объединенных Наций направила во все страны мира «Предложения о проведении переписи населения на пороге третьего тысячелетия, рекомендовав составление подобных «фотопортретов населения» раз в десять лет.

Из опыта стран Европы. Великобритания. Последняя перепись населения в Великобритании прошла в 2001 году. Это была 20-я перепись, и она проходила под лозунгом «Посчитайте меня!». Примерно за год до каждой переписи королева Соединенного Королевства Великобритании принимает отдельный Акт, где уточняется методика проведения переписи, устанавливается дата проведения, выделяются средства финансирования кампании. Переписи населения в Великобритании проходят как правило, в апреле, каждые 10 лет. Предыдущая программа переписи 2001 года была ориентирована на максимальный охват населения, и одновременно нацелена на то, чтобы свести до минимума усилия граждан, то есть анкеты были

доставлены на дом. Заполненные анкеты граждане сами бесплатно отправляли по почте. Правительство Великобритании приняло решение об исключении из анкеты вопроса о доходах, который, как показала практика, является основной причиной отказа многих граждан от участия в переписи. Для поддержания государственных программ по социальной помощи неимущим и предотвращения безработицы были включены вопросы о физическом и социальном здоровье населения, условиях работы, вплоть до упоминания вида транспорта, которым пользуются граждане для того, чтобы доехать до места работы. Следующая перепись населения Великобритании запланирована на 2011 год, ожидается, что эта кампания станет самой крупной и дорогой за всю историю страны. Чиновники планируют с ее помощью определить подлинное количество эмигрантов в стране. Также в анкете появятся новые вопросы – о «национальной принадлежности», а также какой у них паспорт, религия, этническое окружение. В графе о семейном положении будут предложены варианты ответов характеризующих «различную степень развода». Анкету можно заполнить и в Интернете. При этом передаваемая информация будет надежно защищена. Ожидается, что стоимость данной переписи составит 400 млн. фунтов стерлингов – по сравнению с 220 млн. в 2001 году.

Накануне переписи в Москве – 20 января 1882 года Лев Толстой поместил в газете «Современные известия» статью «О переписи в Москве»: «Будем записывать, считать, но не будем забывать, что если нам встретится человек раздетый и голодный. То помочь ему важнее всех возможных исследований, открытий всех возможных наук; что если был бы вопрос о том, заняться ли старухой, которая второй день не ела, или погубить всю работу переписи, то пропадай вся перепись, только бы накормить старуху!» - писал Л.Н. Толстой.

В этом году исполняется 102 года первой Всеобщей переписи населения Российской империи. А сегодня полным ходом идет подготовка к новой Всероссийской переписи, которая пройдет в 2010 году.

Издавна материалы переписи имели важное экономическое и политическое значение. Еще в глубокой древности возникла потребность в учете населения. Она была связана с хозяйственными и военными нуждами древних государств. История хранит сведения о учетах населения в Древнем Египте, Вавилоне, Греции, Риме и других государствах. Правда, учет был примитивен и охватывал не все население. В Древнем Риме, Японии, например, учету не подлежали женщины, дети и рабы.

В России учеты населения также имеют свою историю. Сведения о них на Руси относятся к XI - XII вв. В 1245, 1257, 1278 г. население отдельных русских княжеств учитывалось татарскими ханами с целью определения размеров дани. С XVI в. учет населения приобрел более важное значение,

связанное с централизацией русского государства. Книги, в которых записывались результаты учета, сначала назывались писцовыми, а затем переписными. В 1646 и 1678 г. в России проводились подворные переписи, которые учитывали только мужчин, облагаемых налогом. Лишь в 1710 году впервые наряду с мужчинами были переписаны и женщины. Это была первая попытка учесть население России. В 1718 г. указом Петра I было положено начало подушной переписи (вместо подворной) в целях сбора подушной подати и рекрутского набора. В 1720-1721 гг. были собраны "сказки" (списки населения), которые потом были подвергнуты ревизии (проверке). Все последующие подушные учеты населения стали называть ревизиями, а списки - "ревизскими сказками". Таких ревизий за 140 лет было проведено десять. Последняя ревизия была проведена в 1857-1860 гг.

А первая Всеобщая перепись населения Российской империи была проведена 28 января (по старому стилю) 1897 г. Руководство ее проведением было поручено министерству внутренних дел и губернаторским канцеляриям. А.П. Чехов, непосредственно принимающий участие в переписи 1897 г. (он руководил группой счетчиков-регистраторов в серпуховском уезде Московской губернии), писал в письме к издателю Суворину от 8 февраля 1897 г.: "Перепись кончилась. Счетчики работали превосходно, педантично до смешного. Зато земские начальники, которым была вверена перепись в уездах, вели себя отвратительно. Они ничего не делали, мало понимали и в самые тяжелые минуты сказывались больными".

В советский период, исключая годы войны, переписи, начиная с 20-х годов, проводились регулярно.

В наиболее известном и наиболее широко используемом исследователями истории Урала конца XVII в. источнике – «Переписной книге Верхотурского уезда Льва Поскочина 1680 г.» [1] – отсутствует описание самого города Верхотурья, и, соответственно, не представлены те категории населения, которые там проживали. Одной из таких "обделенных" категорий являются верхотурские посадские люди. Перепись Поскочина отметила лишь тех из посадских, которые "живут дворами в городе, а владеют покосы в розных местах" [2] и тех, "которые живут в околородных деревнях своими дворами" [3].

Первых перечислено десять человек без указания происхождения и состава семьи, так как эти сведения, очевидно, должны были быть в переписи дворов города Верхотурья. Своими дворами за пределами города проживали семь посадских семей в шести деревнях. Информация в этом перечне соответствует всей переписи Поскочина – указано место рождения главы семьи, перечислены все дети, вплоть до новорожденных; у холостых членов семьи указан возраст. Для заполнения информационной лакуны необходимо привлечение других источников.

Переписная книга верхотурских посадских, близкая по времени переписи Поскочина, сохранилась в объемной книге, хранящейся в РГАДА в фонде Сибирского приказа, в которой собраны различные по содержанию и назначению документы [4].

Перед книгой идет запись: "188 (1680) году генваря в 20 день подал книги верхотурской пятидесятник стрелецкой Ганка Прянишников..." [5]

В начале книги идет список посадских с указанием членов семей и количества податей с каждой семьи [6]. Следом идет список тех же людей с указанием количества дней, отработанных на туринской и верхней неронской мельницах. Здесь названы (кроме одного случая) только главы семей [7]. Потом – перечень ремонтных работ на мельничных плотинах и "посылок" [8].

И последнее – помесечная сводка помола хлебных запасов на вышеуказанных мельницах [9]. Месяца перечислены с сентября по август - 1679 г., так как в январе 1680 г. книгу уже доставили по инстанции. То есть, книга написана между 31 августа 1679 г. и 20 января 1680 г., ближе к первой дате - в сентябре-ноябре 1679 г.

Авторами подробно рассмотрены только две первые части книги, содержащие родословную информацию. В описании дворов сначала указано имя и фамилия (отчество, прозвище) главы семьи. Затем величина годового оброка. Затем перечислены члены семьи или сказано об отсутствии таковых. В конце - список и величина дополнительных податей. Иногда, при отсутствии в семье младших членов, указание на это стоит после информации о дополнительных податях. Система записи отличная от той, что применял Поскочин, но близкая к переписи 1666 года Г.Черткова и А. Бернацкого [10]. То есть, не указано место рождения хозяина двора, в составе семей не показаны дети младше пяти лет, но зато указан возраст всех, а не только холостых, членов семьи (кроме дворохозяина). Во главе списка стоит староста посадских людей. Далее дворы описаны по величине оброка - по убывающей. Несколько раз порядок нарушен, но смещения по списку незначительны.

В конце списка итоги [11]. "Посадских людей", то есть дворохозяев указано 75 чел. Дворов же описано 74. Но в одном из дворов показано два хозяина (Ворошиловы - дядя и племянник) [12]. Младших членов посадских семей ("детей и братья и племянников") указано 100 чел., подсчет же по списку дает на одного больше. В 29 дворах нет ни одного младшего родственника. Список поденной отработки составлен в том же порядке, что подворный. Два человека пропущены. Книга имеет многочисленные дефекты - пострадал текст почти на всех листах. Но благодаря наличию двух списков одних и тех же лиц с сохранением последовательности, а также определенной стандартности текста, большую часть лакун удалось восстановить.

В отдельных случаях для восстановления информации использованы другие источники [13]. В этом плане интересна "Крестоприводная книга

Верхотурского уезда 1682 года", в которой порядок записи посадских во многом повторяет рассматриваемый источник, что позволяет взаимно восстанавливать обрывы в тексте.

Из 17 посадских, показанных у Поскочина, 15 надежно идентифицируются в рассматриваемом источнике. Из 74 посадских семей 1679 г. 30 известны в 1666 г. А из 35 посадских, показанных переписью 1666 г., в 1679 г. находятся 26. Обнаружено восемь лиц, у которых показан возраст и в переписи посадских 1679 г. и в переписи Поскочина 1680 г. Сравнительный анализ показывает, что у пятерых из них возраст уменьшился от одного до шести лет, у двоих не изменился, а один повзрослел на три года. Это наглядно свидетельствует, что в XVII веке сведения о возрасте населения носили весьма условный характер.

Источник публикуется в соответствии с "Правилами издания исторических документов в СССР" (М., 1990). Если дефектное место в тексте восстановлено в результате внутреннего анализа источника, ссылки на это нет. Если лакуна устранена с привлечением другого источника, обоснование приведено в сноске. В сноски вынесены также разночтения с другими источниками.

Литература

1. РГАДА. Ф.214. Оп.1. Д.697 (Предоставлено В. А. Переваловым).
2. РГАДА. Ф.214. Оп.1. Д.697. Л.28-29об.
3. РГАДА. Ф.214. Оп.1. Д.697. Л.29об.-31об.
4. РГАДА. Ф.214. Сибирский приказ. Д.487.
5. РГАДА. Ф.214. Сибирский приказ. Д.487. Л.280.
6. РГАДА. Ф.214. Сибирский приказ. Д.487. Л.281-293об.
7. РГАДА. Ф.214. Сибирский приказ. Д.487. Л.293об.-296об.
8. РГАДА. Ф.214. Сибирский приказ. Д.487. Л.296об.-298об.
9. РГАДА. Ф.214. Сибирский приказ. Д.487. Л.298об.-301.
10. ТГИАМЗ. КП 12692.
11. РГАДА. Ф.214. Сибирский приказ. Д.487. Л.292об.-293об.
12. РГАДА. Ф.214. Сибирский приказ. Д.487. Л.284.
13. Переписная книга Верхотурского уезда 1666 г. - ТГИАМЗ. КП 12692. Л.70об.-77
14. Переписная книга Верхотурского уезда 1680 г. - РГАДА. Ф.214. Оп.1. Д.697. Л.28-31об.
15. Крестоприводная книга Верхотурского уезда 1682 г. - РГАДА. Ф.214. Оп.1. Д.746. Л.16об.-22.

СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ И ПОНЯТИЙ

Абориген — издавна живущий, коренной обитатель в данной местности.

Аккультурация — явление неполной ассимиляции, когда одна группа, более или менее стойко сохраняя собственную культурную традицию, в то же время овладевает нормами другой, как правило, шире распространенной или более развитой культурой.

Ассимиляция — вид объединительных этнических процессов, в которых уже достаточно сформировавшиеся этносы или отделившиеся от них части, вступив в тесных контакт с другими этносами — более многочисленными или развитыми в социально-экономическом и культурном отношении, воспринимают их язык и культуру и постепенно, обычно в последующих поколениях, сливаются с ними, утрачивают прежнее самосознание и причисляют себя к этим народам. Ассимиляция бывает естественная и насильственная.

Быт — нормы поведения людей в жизни и их взаимоотношения в производстве, обществе, семье.

Верования — представления, отражающие веру человека в существование сверхъестественных сил и существ, и их влияние на судьбы его и связанных с ним людей.

Знания народные — комплекс накопленных эмпирическим путем наблюдений за природными и социальными процессами и явлениями и сделанных на этой основе выводов, используемые в повседневной практической деятельности и закреплённый в традиции.

Идентичность этническая (идентификация, идентитет) — потребность людей отождествлять себя со всем этносом или его внутренними подразделениями — этнографическими группами.

Инновации культурные — элементы культуры, которые не были ранее и которые появились недавно, найдя себе место в общей совокупности культуры этноса.

Интеграция межэтническая — вид объединительных этнических процессов, заключавшийся во взаимодействии уже сложившихся этносов. Обычно идет в рамках полиэтнических государств. Ведет к выработке общих элементов культуры, самосознания.

Историко-этнографическая область — территория, у населения которой в силу общности исторических судеб, социально-экономического развития и взаимного влияния складываются сходные культурно-бытовые особенности. Иногда называются историко-культурной областью.

Контакты этнические — основная форма взаимодействия этносов. Приводят к усвоению иноэтнического языка, культуры, смешанным бракам.

Коренной этнос — этнос, сложившийся и продолжающий жить на определенной территории. Составляющие его люди называются аборигенами (в прошлом назвались туземцами).

Культ предков — ранняя форма религии, поклонение душам умерших предков, которым приписывалась возможность влиять на жизнь потомков и приносилась жертва.

Культура — то, что создано в результате целенаправленной деятельности людей в материальной и духовной форме и сам процесс деятельности.

Культура этническая — часть культуры, специфичная для данного этноса.

Ландшафт культурный — природный ландшафт, измененный в результате воздействия людей. Может нести на себе отпечаток некоторых особенностей этносов, которые его заселяют.

Народ — термин, служащий в широком смысле слова для обозначения большой группы людей, связанных местом своего рождения или пребывания. Из-за своей многозначности термин народ совпадает с термином этнос и все чаще заменяется им.

Народность — термин применяется для обозначения видов этноса, находящихся между племенами или союзом племен и нацией.

Население — совокупность людей, обитающих на земном шаре или на любой его территории